
3 1761 08106721 7

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Іюнь № 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 мая 1895 года

Контора «Сѣвернаго Вѣстника» покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за третью четверть (Іюль—Сентябрь.)

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Законныя жены.

(ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ).

Записки мужа.

(*Окончаніе*).

. . . .

Изорвалъ три длиннѣйшихъ письма. Глупо! Вопросъ исчерпанъ—смѣшно тянуть съ начала про бѣлаго бычка, послѣ вполнѣ категорическаго «нѣтъ».

Однако философія «въ глубь вещей» не даетъ мнѣ покоя... О, я съ наслажденіемъ разобью барыню въ пухъ и прахъ на этомъ пунктѣ! Но прежде самому необходимо успокоиться. Для философскаго диспута безъ всякаго практическаго примѣненія требуются хладнокровіе и безпечный тонъ—а во мнѣ клокочетъ и обида, и злость, и жалость, и чортъ знаетъ что еще! . . . .

У насъ только и разговоровъ, что объ новой опереткѣ съ заграничной звѣздой. Но я былъ все время до того разсѣянъ, что сегодня только наконецъ я сообразилъ: вѣдь оперетка эта имѣетъ прямое отношеніе къ собственному моему послѣднему протоколу по внутренней политикѣ!..

...Далеконько отнесло меня отъ этого протокола и отъ всего вообще!..

Однако, свѣтъ не перевернулся, и все остается попрежнему на старыхъ мѣстахъ. Протоколъ составленъ не въ шутку. Онъ резюмируетъ собою единственную цѣлесообразную политику—а тѣ два денька, когда онъ появился на свѣтъ Божій... нѣтъ, тѣ деньки не изъ такихъ, которые забываются!..

. . . .

Когда я привезъ ложу, Варя даже вскрикнула отъ пріятной неожиданности:

— Каково!? какъ вы милы, Владиміръ Ивановичъ!.. Не знаю ужъ, чему и приписать такую любезность!..

Что за стыдъ!—неужели я превратился въ такого бирюка, что отъ меня нельзя уже ожидать самаго обыкновеннаго вниманія?

Мнѣ, улыбаясь, подставили щечку, какъ это всегда дѣлалось прежде... Вотъ какъ это просто: сколько угаданныхъ желаній—столько улыбокъ и поцѣлуевъ! Самая незамысловатая ариѳметика, доступная каждому лавочнику.

Въ Маломъ театрѣ, конечно, нельзя встрѣтить ни Елену Федоровну, ни ея жилицу. Сомнѣваюсь, чтобы ее можно было встрѣтить и въ какомъ-нибудь другомъ театрѣ... Откуда у нея могутъ быть деньги на театры?..

...Собственно говоря, она ничего еще не видала на своемъ вѣку—увы, ея прошлое извѣстно мнѣ такъ-же хорошо, какъ и мое собственное! Въ Москвѣ только въ первую поѣздку мы, какъ говорится, выѣзжали: побывали разъ десятокъ въ театрахъ да одинъ разъ на какомъ-то балу...

Сколько перебывало съ тѣхъ поръ всевозможныхъ театровъ, баловъ, троекъ, пикниковъ, заграничныхъ вояжей и пр. и пр.!.. Сколько блеска, нарядовъ, красоты, веселья и смѣха... какъ различны человѣческія судьбы! . . . .

Просидѣлъ весь спектакль точно во снѣ... Я грезилъ Москвою.

...Во второй пріѣздъ насъ тоже послали въ Москву «веселиться»—услали меня изъ Соколокъ развлечься, не подозрѣвая конечно, что сажаютъ ошпареннаго въ кипятокъ...

Вспоминаетъ-ли она когда-нибудь?.. эту вторую поѣздку?..

Я былъ невмѣняемъ—мои впечатлѣнія исключительны—мои воспоминанія смутны. Но ту комнату я и сейчасъ вижу, до ея малѣйшихъ подробностей: номеръ гостиницы, гдѣ Саша ждала моего возвращенія, гдѣ происходили всѣ наши объясненія... Какія короткія объясненія!.. Ни она, ни я, мы не умѣли говорить... конечно она тогда еще не умѣла философствовать!..

...Какъ могла она не возненавидѣть меня—какъ могла!? Вѣдь это ея послѣднія впечатлѣнія отъ меня! Вся душа, цѣликомъ, занялась, точно подожженный сухой костеръ... Для нея не осталось ничего, ничего—ни самыхъ естественныхъ, простыхъ чувствъ . . . .

Не она меня ненавидѣла—а я ее!..

Дико! Чѣмъ могла глупая оперетка вызвать страшныя привидѣнія? Актеры ломались, актрисы скабрезничали, мои дамы хохотали. Кло-

чевъ отказывался повиноваться и просидѣлъ весь спектакль въ нашей ложѣ. Дамы дѣлали видъ, что ихъ стѣсняетъ его присутствіе, но при этомъ всѣмъ было ужасно весело.

. . . .

Самъ не зналъ, что напишу именно такое письмо... Все равно! Обо всемъ одинаково я *не имѣю права* говорить — ея дѣло, какъ отнестись. Тонъ данъ ею: простой, человѣческій тонъ, безъ ложнаго стыда, самолюбія и щепетильностей.

Неужели она не понимаетъ сама, какъ это должно мучить меня!

Безъ сомнѣнія, она можетъ вернуть мое письмо безъ всякихъ комментаріевъ.

Все равно, я не могъ не высказать всего! . . . .

«Нѣтъ, Владиміръ Ивановичъ, съ какой стати это будетъ непріятно мнѣ? Вѣдь не для препровожденія-же времени завязалась наша переписка!

«Напротивъ, я рада, что мы договорились до главнаго, если вы такъ на это смотрите. Будущаго никто не угадаетъ, а я ничего такъ не боюсь, какъ какихъ-бы то ни было обѣщаній и обѣтовъ... Ахъ, мы такъ мало знаемъ жизнь, и не сущее-ли ребячество наше это вѣчное стремленіе закрѣпить за собою будущее, когда довольно одного мгновенія, чтобы все разрушить?!..

...Но все-же, одно я могу сказать съ полной увѣренностью: если бъ мы разошлись иначе, и за мною остались всѣ права—я все равно ни въ какомъ случаѣ, никогда не вышла-бы вторично замужъ. Вамъ трудно повѣрить мнѣ, я знаю! Но можетъ быть вамъ будетъ яснѣе, если я прибавлю къ этому, что я вовсе не собираюсь тенденціозно бѣгать отъ счастія... Только мнѣ очень ужъ мудрено повѣрить въ него!—и нѣтъ такой силы, которая могла-бы заставить меня отказаться отъ свободы. Вы мнѣ возразите, что я говорю такъ пока не полюбила?.. Я отвѣчу вамъ, что никого я не могу полюбить больше свободы. Нѣтъ, я ни во что не поставлю любовь, которая несовмѣстима со свободой! Въ моихъ устахъ это не слова, не теоретическія рѣшенія, и именно вы должны это понять.

«Все это я высказываю только для того, чтобы вы знали, какъ я смотрю на этотъ вопросъ. Практически-же я просто напередъ совершенно увѣрена, что мнѣ не угрожаетъ никакая драма романическаго свойства. Не о томъ сама я думаю, и не такова среда, гдѣ придется жить—вѣдь я буду только земской фельдшерицей!—Ну, а вы сами не хуже меня знаете нашъ Т—скій уѣздъ и всѣхъ его обитателей.

«Однако, чтобы исчерпать до конца вопросъ, допустимъ на мигъ, что вы правы... Допустимъ, что «молодость возьметъ свое», какъ вы

говорите,—предположимъ, что счастливая случайность и въ глуши можетъ свести съ подходящимъ человѣкомъ. Какъ видите, я дѣлаю вамъ всѣ уступки и соглашаюсь считать невѣроятное—вѣроятнымъ.

«Но вотъ именно въ подобномъ-то случаѣ, Владиміръ Ивановичъ, я и считала-бы свои условія не только не несчастіемъ, а, напротивъ, величайшимъ *преимуществомъ*! Я вамъ объясню, и вы увидите, что я не больше какъ послѣдовательна. Я признаю только любовь свободную, я не могу на это смотрѣть иначе—для того вся моя жизнь должна-бы быть другая. Но полюбить и добровольно удержать за собой свободу для женщины черезчуръ трудно!.. Полюбить для насъ всегда значитъ отдать все, чего отъ насъ требуютъ... Иначе,—любовь связанная съ борьбою—это уже не есть полное счастіе... да и какой-же мужчина согласится признать, что женщина, умѣющая отстоять свою независимость, все-таки любитъ его достаточно! Итакъ, мое исключительное положеніе обезпечиваетъ за мною свободу безъ борьбы—вотъ почему, повторяю вамъ, я считаю его преимуществомъ въ этомъ спеціальномъ вопросѣ. Только, безъ сомнѣнія, до этого дѣло никогда не дойдетъ! Одиночество не веселая вещь, зачѣмъ пытаться отрицать это... Но оно всячески неизмѣримо лучше неудачнаго брака—а страшно вѣдь только одиночество праздное.

«Вы видите теперь, что я не ставлю будущему никакихъ требованій, а потому оно и не можетъ обмануть меня. Владиміръ Ивановичъ! я счастлива, что наша неожиданная встрѣча разсѣяла ваши сомнѣнія на мой счетъ, и теперь мы можемъ разойтись дружески, просто какъ люди, которыхъ развела жизнь... Одинаково тяжко жить и съ злопамятствомъ и съ угрызеніемъ на сердцѣ. Я, напротивъ, думаю, что гораздо естественнѣе вернуться къ прежней симпатіи людямъ, какъ мы, связаннымъ общимъ дружнымъ дѣтствомъ,—связаннымъ еще неизмѣримо больше дорогой памятью о той, которая до конца осталась также и моей матерью. Забудемъ ошибки и страданія—право это вовсе не такъ ужъ трудно! Но забыть также и все, что было когда-то въ жизни свѣтлаго,—не значитъ-ли безжалостно обобрать самого себя?..

«Отъ искренняго сердца желаю, чтобы никакая тѣнь не омрачала вашего счастія».

. . . .

... Но я то, чего-же я могу пожелать тебѣ, маленькій философъ, добросовѣстно разрѣшившій напередъ всѣ проблемы своей жизни?!.

Пожелать-ли тебѣ безотраднаго *свободнаго* одиночества, въ монотонной сутолокѣ сѣрой рабочей жизни? или пожелать мукъ и искушеній новой любви, заранѣе отравленной и подорванной роковымъ разочарованіемъ?..

Хорошо и то и это!

Странное ощущеніе... Точно впервые теперь я имѣю дѣло не съ ребенкомъ, не съ кумиромъ. а только съ женщиной!

Ребенка хочется приласкать, сначала шутя... потомъ серьезно... Весело позволять обожать себя на высотѣ воображаемаго превосходства, даже не задумываясь надъ вопросомъ, что̀ въ сущности представляетъ ребенокъ изъ себя?.. отраженіе нашей собственной особы и только! Но, увы, какъ скоро это становится скучно!

Передъ кумиромъ самъ уничтожаешься — пресмыкаешься съ восторгомъ—наслаждаешься тѣмъ ярче, чѣмъ безпощаднѣе тебя топчутъ въ прахъ. . . . .

Нѣтъ, нѣтъ, просто женщина—только женщина! Существо намъ равное и вмѣстѣ до такой степени непохожее на насъ ни въ чемъ — но существо, въ которомъ равенство все-таки перевѣшиваетъ различіе... Да, несомнѣнно это совершенно новое чувство равенства и интереса!

...Можно-ли выдумать для двухъ людей положеніе болѣе исключительное, болѣе щекотливое?—и почему-же я не ощущаю ни малѣйшей неловкости, отчего я чувствую себя такъ легко и свободно, какъ никогда и ни съ кѣмъ больше? Не дико-ли испытывать это впервые въ тридцать пять лѣтъ — и послѣ всего, что было!..

...Неужели и всѣ выходятъ на дорогу роковыми окольными путями? Разъѣзжалъ весь день по дѣламъ и на всѣхъ людей смотрѣлъ съ новымъ, жаднымъ любопытствомъ... Нѣтъ! почему-же всѣ? Вѣдь не всѣ-же женаты съ дѣтства! Не всѣ узнали женъ, прежде чѣмъ могли узнать женщинъ... Не всѣ начинаютъ изучать жизнь прямо съ мудренѣйшаго философскаго трактата, не научившись даже складамъ—не всѣ обязуются цѣлой жизнью, едва успѣвъ вступить въ періодъ слѣпой влюбленности въ каждое юное личико...

Я-бы хотѣлъ знать интимную исторію всѣхъ своихъ знакомыхъ— жизнь чужихъ людей, тѣснящихся на тротуарахъ—тайны всѣхъ этихъ безчисленныхъ домовъ съ ихъ безчисленными квартирами, биткомъ набитыми человѣческой жизнью... Заглянуть въ это море людскихъ сердецъ!..

...Убѣдился-ли бы я, что и другіе не менѣе виновны, чѣмъ я?—что всѣ такъ-же безумны—всѣ какъ-нибудь да несчастны!.. Или возможны счастливцы, которые прожили не ошибаясь?—или хотя-бы такіе, чье безуміе падаетъ на нихъ однихъ, чьи ошибки не воплощаются въ чужія судьбы. . . . .
. . . .

Не могу себѣ представить ничего выше дружбы съ хорошей женщиной. Но для этого она не должна быть ни кумиромъ, ни принципіальнымъ антагонистомъ: она не должна быть скрытна и нетерпима, какъ Варя, или себѣ на умѣ, какъ Лида. Но она не можетъ быть также и

безличнымъ вторымъ изданіемъ нашей собственной персоны, какъ нѣкогда маленькая Саша...

Только умѣетъ-ли женщина быть другомъ? Можетъ быть для нихъ совершенно неизбѣжно осуществлять надъ нами какіе-нибудь собственные замыслы, пріемы и очарованія,— неизбѣжно стремиться подчинить насъ своему вліянію или-же невольно подпадать подъ наше?.. Правда, я не видалъ ничего другого на своемъ вѣку, но самъ сознаю, что именно это еще не Богъ вѣсть какой вѣскій аргументъ. Моя жизнь шла навыворотъ...

Дамы нашего кружка для меня тоже не женщины: это только родственницы или пріятельницы Вари, нѣчто удивительно похожее на заговоръ всѣхъ противъ одного... Даже самыя искреннія мои усилія сблизиться съ Лидой разбились о непобѣдимую предвзятость ея отношенія ко мнѣ. Мнѣ часто случается подмѣчать, какъ обрываютъ разговоръ, какъ не договариваютъ, бросаютъ намеки вмѣсто мыслей... Видишь краснорѣчивыя усмѣшки или недоумѣвающіе взгляды, которыхъ *нельзя* желать разъяснить...

Теперь вижу, наконецъ, какъ можетъ быть иначе!..

Едва не побранился съ достойнѣйшимъ Павломъ Константиновичемъ... А все изъ-за этого покупателя, нелегкая его нанесла! Чѣмъ-же я-то виноватъ, что онъ «всячески старался и подыскивалъ цѣлый годъ», то-есть, что называется, полѣзъ въ воду, не спросясь броду? Я и не думаю вовсе продавать Соколокъ! Кажется это коротко и ясно, а однакожъ понадобилось два дня для того, чтобы заставить почтеннаго дѣльца повѣрить наконецъ, что это дѣйствительно мое твердое намѣреніе, а не случайный капризъ легкомысленнаго барина, не желающаго дать себѣ труда разобраться серьезно въ собственныхъ дѣлахъ.

Ошибаетесь, почтеннѣйшій Павелъ Константиновичъ!.. Каково-бы ни было ваше проницательное заключеніе, а насчетъ собственныхъ балансовъ у вашего кліента давнымъ-давно не существуетъ больше никакихъ иллюзій... Однако, для публики, въ иныхъ случаяхъ, гораздо удобнѣе сойти за вѣтренаго юношу, не вѣдающаго, что творитъ. Не разъ и не два я намѣренно допускалъ считать себя гораздо глупѣе, чѣмъ того заслуживаю!

Для постороннихъ вполнѣ достаточно вѣдаться съ нашими поступками, каковы-бы они ни были,—совершенно праздная страстишка стремиться проникать въ пучину чужихъ сокровеннѣйшихъ побужденій. Но, однако, если вашъ собесѣдникъ убѣленъ сѣдинами и если онъ оказалъ вамъ множество разнородныхъ услугъ, въ такомъ случаѣ дѣло вовсе нелегкое оспаривать именно эту прерогативу его позиціи...

Нѣтъ, нѣтъ, я не продаю Соколокъ, и теперь меньше, чѣмъ когда-нибудь! Готовъ на все, что угодно, кромѣ этого: поставлю вверхъ дномъ всѣ свои дѣла, пойду на всѣ жертвы... Очень возможно, что въ послѣдней крайности я и буду вынужденъ, напримѣръ, продать лѣсъ на срубъ, отрѣзать дальніе участки и т. п. (нечего обольщать себя несбыточными надеждами!)—но цѣликомъ мои Соколки сегодня я не отдамъ ни за какую цѣну!

Совершенно напрасно старичокъ рѣшился даже погрѣшить противъ профессіональной тайны, чтобы выяснить мнѣ побудительныя причины, вынуждающія его покупателя дать такую цѣну, на которую никто другой не могъ-бы согласиться. Не надо мнѣ его цѣны, если-бъ даже она и была еще вдвое выше!

Этого дѣльный нотаріусъ никакъ не можетъ взять въ толкъ, kann nicht capiren, какъ говорятъ нѣмцы. Онъ считалъ меня то упрямымъ мальчишкой, то сумасшедшимъ. Онъ дружески просилъ наконецъ открыть ему истинную причину для того, чтобы онъ могъ помириться съ такимъ безразсудствомъ. Если-бъ можно было продать Соколки безъ моего согласія и вѣдома, онъ непремѣнно сдѣлалъ-бы это.

Любопытно было-бы взглянуть на его лицо, если-бы я сказалъ ему эту мою «истинную причину»...

...Конечно, я зналъ, что, по разнымъ шаблоннымъ соображеніямъ, мнѣ этого дѣлать не слѣдовало... Но вѣдь весь и смыслъ въ томъ заключается, что здѣсь отброшены разъ навсегда всякіе трафареты — здѣсь можно попросту говорить отъ сердца къ сердцу!..

И какъ разъ именно это-то и оказалось неожиданно всего труднѣе... А-а!.. *простота* далеко не такая легкая вещь, какою она намъ кажется въ другихъ!.. Но развѣ могъ я знать, какъ это выйдетъ?..— развѣ предчувствовалъ, что самъ я все испорчу!? . . . .

Я рѣшилъ повидаться съ Александрой Васильевной, вмѣсто того, чтобы безъ толку биться надъ *послѣднимъ* письмомъ, никакимъ образомъ не укладывающимся въ необходимыя рамки...

...Почему нѣтъ? Вѣдь если-бы она жила не въ пансіонѣ Желтковыхъ, то это было-бы какъ нельзя болѣе просто! Только благодаря примѣрной четѣ, мнѣ пришлось уподобиться студенту или даже гимназисту старшихъ классовъ и продежурить цѣлый часъ около скромнаго зданія въ малолюдной улицѣ Песковъ.

Я плохо разглядѣлъ ее въ первый разъ. Въ комнатѣ темно было, и самъ я былъ тогда черезчуръ взволнованъ. На улицѣ, въ простой барашковой шапочкѣ и поношенной шерстяной шубкѣ, она выглядитъ молоденькой дѣвушкой, моложе многихъ другихъ слушательницъ. Въ правдивомъ свѣтѣ зимняго дня нельзя разыскать рѣшительно никакихъ

трагическихъ слѣдовъ на ея простомъ лицѣ, съ довѣрчивымъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ и съ какой-то нерѣшительной серьезной улыбкой...

Увидѣвъ меня, она широко раскрыла глаза и покраснѣла. Но такъ какъ мнѣ достаточно знакомо это ея свойство вспыхивать заревомъ отъ каждой неожиданности, то я и избѣжалъ искушенія подыскивать какіе-либо иные комментаріи.

Я извинился, что позволяю себѣ искать встрѣчи съ нею.

— Не хотѣлось писать опять черезчуръ длиннаго письма... Мнѣ надо поблагодарить васъ такъ, какъ я это чувствую... Вы́ не сердитесь?

Она перестала улыбаться.

— Нисколько. Только мнѣ непріятно, что вы такъ много благодарите меня! Это доказываетъ, что и вы тоже въ моемъ поведеніи находите... (Она затруднилась)... что вы, однимъ словомъ, ожидали чего-то другого – да?.. Скажите правду, я васъ прошу!.. Стало быть, это не такъ просто, какъ мнѣ представляется?.. вотъ что меня огорчаетъ!..

Какая неподражаемая наивность! Ей хочется, чтобы великодушіе считалось совсѣмъ обыденной вещью и принималось какъ должное.

— Я увѣренъ,—сказалъ я горячо,—что самая поразительная вещь покажется простой, если ее сдѣлаете вы!

Она разсмѣялась.

— О-о-о!!.. Къ сожалѣнію, я рѣшительно неспособна ни на какія поразительныя вещи! Впрочемъ, это правда: у однихъ людей все, что они дѣлаютъ, выходитъ красиво и значительно,—а у другихъ... у другихъ, напротивъ, все кажется блѣднымъ и зауряднымъ... Да, это такъ!.. Это зависитъ отъ человѣка... Люди дѣлятся на будничныхъ и на парадныхъ!

Она опять засмѣялась, и на этотъ разъ въ смѣхѣ проскользнула ироническая нотка. Мнѣ стало больно отъ этой нотки.

— Для людей можно придумать очень много остроумныхъ подраздѣленій, Александра Васильевна... но сколько-бы ихъ ни придумывать, я и вы, вѣроятно, никогда не окажемся подъ одной рубрикой!

Она подняла на меня глаза и долго какъ будто вдумывалась въ горечь моего отвѣта.

— Отчего? Вы не знаете меня, чтобы рѣшать такъ увѣренно, — сказала она, наконецъ, очень серьезно. — А я знаю еще меньше! Вы вѣдь до сихъ поръ такъ ничего и не сказали мнѣ о себѣ.

— Какъ!? Я вамъ писалъ такія безконечныя письма!

— О, это я, пожалуй, и безъ вашихъ писемъ угадывала! Да, обо мнѣ вы писали черезчуръ много, съ этимъ я согласна!—прибавила она шутливо.—Вотъ вы теперь знаете, что я фельдшерица, и что̀ со мною будетъ дальше, а я понятія не имѣю, что-же вы здѣсь дѣлаете въ Петербургѣ?

Коварный вопросъ... Я разомъ ощутилъ всю невозможность отвѣтить на него сколько-нибудь вразумительно. Но долгъ платежемъ красенъ! Въ отвѣтъ на ея трогательную заботу не оставить ничего для меня темнымъ въ ея судьбѣ, стыдно было-бы мнѣ уклоняться малодушно даже и отъ внѣшнихъ данныхъ, въ концѣ-концовъ затрогивающихъ не больше, какъ самолюбіе... Но, увы, для моихъ отвѣтовъ не могло существовать серьезнаго тона.

— Къ стыду моему, Александра Васильевна, на этотъ вопросъ мнѣ просто нечего вамъ отвѣтить... Что я дѣлаю въ Петербургѣ? Гм!.. *живу!* Притомъ-же довольно безразсудно живу, я долженъ прибавить по совѣсти.

Она шла, не поворачивая ко мнѣ головы.

— Да, но вы, вѣроятно, чѣмъ-нибудь да занимаетесь-же... Развѣ вы не служите?—спросила она довольно нерѣшительно.

Это ее чрезвычайно удивляетъ—почему?.. въ такомъ случаѣ, что-же я дѣлаю со своимъ временемъ!? Въ деревнѣ я привыкъ много хозяйничать... Развѣ это не скучно совсѣмъ не имѣть никакихъ опредѣленныхъ занятій?

Чтобы быть чистосердечнымъ, я долженъ-бы сказать ей, что все мое время уходило на культъ супружескаго обожанія и родственной предупредительности, при чемъ мнѣ тѣмъ не менѣе никогда не удавалось приблизиться къ искомому идеалу...

А пока я придумывалъ, чтó я могу сказать вмѣсто всего этого, моя спутница точно спохватилась и проговорила поспѣшно:

— Ахъ, какъ это глупо—вѣдь у васъ-же большая семья!! Я вообразила почему-то, что мужчины никогда не занимаются дѣтьми... Но, безъ сомнѣнія, это гораздо интереснѣе, чѣмъ безъ надобности тянуть какую-нибудь служебную лямку!..

Такъ или иначе, а я долженъ разрушить и это лестное заблужденіе! Но чѣмъ вопросъ важнѣе, тѣмъ невозможнѣе для меня трактовать его серьезно... мимоходомъ. Мнѣ это раньше не приходило въ голову! Я беззаботно шелъ на свиданіе, я вовсе не думалъ о томъ, что и мнѣ, въ свою очередь, могутъ быть поставлены какіе-нибудь неудобные вопросы...

— Я также убѣжденъ, что это должно быть несравненно интереснѣе!—подхватилъ я съ непостижимой развязностью.— Но, къ сожалѣнію, это не такъ-то просто! На свѣтѣ не даромъ-же заведены няньки, бонны и гувернантки всѣхъ національностей... Въ благоустроенномъ обществѣ никому не дозволяется сталкивать сосѣда съ его законнаго мѣста!

Очевидно, ей очень хотѣлось понять сокровенный смыслъ нелѣпаго отвѣта. Она откровенно смотрѣла мнѣ въ лицо, съ выраженіемъ напря-

женнаго раздумья въ серьезныхъ глазахъ. Мое шутовство не вызывало ни тѣни улыбки. Напротивъ, она становилась печальной.

— Я съ вами совершенно согласенъ (летѣлъ я дальше), что для каждаго мужчины гораздо внушительнѣе служить Царю и отечеству, нежели коптить небо приватнымъ обывателемъ... Но тутъ бѣда въ томъ, что я давно пропустилъ всѣ сроки! Согласитесь сами, отцу многочисленнаго семейства какъ-то даже ужъ и неприлично становиться на одну доску съ безбородыми юнцами... Это значитъ перебивать чужую очередь!

...Тонъ дѣлаетъ музыку! Ничто не чувствуется нами такъ тонко и такъ безошибочно, какъ уклончивые, недосказанные отвѣты — то, что говорится по изреченію: языкъ намъ данъ для того, чтобы скрывать наши истинныя мысли.

Она перестала спрашивать.

...Я не хотѣлъ, чтобы она меня разспрашивала—но когда она замолчала, меня вдругъ охватила тоскливая тревога... Что можетъ быть легче, какъ оттолкнуть участіе?—первое участіе, какое я встрѣчаю въ моей жизни...

Да, я могу такъ сказать—это именно *участіе*, въ самомъ чистомъ, въ самомъ рѣдкомъ своемъ видѣ; то, къ чему не только не примѣшивается никакихъ личныхъ интересовъ, но гдѣ немыслимо даже подозрѣніе подобнаго рода! Чистопробное безкорыстіе, наступающее за *концомъ*, за смертію всякихъ интересовъ...

...Ты пришла ко мнѣ со словами утѣшенія, потому что сердцемъ угадала мою муку... Ты пошла мнѣ навстрѣчу со своимъ прощеніемъ, ты раскрыла всю свою душу, для того, чтобы твой обидчикъ могъ повѣрить прощенію, для того, чтобы увѣрить меня, что твоя жертва—вовсе и не жертва, а твоя-же прямая выгода!.. И вотъ, на твой первый-же скромный вопросъ я отмалчиваюсь, пошло виляю и лгу!!. . .

Впрочемъ, я вовсе не думалъ обмануть глупо-безпечнымъ тономъ—нѣтъ, я просто самъ выбивался изъ тисковъ, какъ могъ!

Она вдругъ сказала, что ей надо спѣшить и взяла извозчика. Торопливо пожала мнѣ руку... какъ-то неуловимо скользнула глазами по моему лицу...

Кончено—я оттолкнулъ ее!! Я это сдѣлалъ, потому что не сумѣлъ быть простымъ и искреннимъ, какъ она... Развѣ я не хотѣлъ?.. О, конечно, конечно хотѣлъ...

Я, какъ дуракъ, не проронилъ ни одного слова. Я остановился на тротуарѣ, ошеломленный, и смотрѣлъ ей вслѣдъ...

Могло-ли быть что-нибудь банальнѣе моего поведенія!?. Съ какой-же стати я такъ восхищался прямотой и искренностью ея отношенія ко мнѣ, если самъ я не придумалъ ничего кромѣ избитыхъ изворотовъ,

кромѣ пошлѣйшихъ отшучиваній въ отвѣтъ на серьезныя и простыя слова??.. . . . .

Для чего я пошелъ къ ней?!.

Какъ она должна презирать меня!..

. . . .

Я утонулъ. Лежу на днѣ и чувствую на себѣ подавляющій столпъ ледяной, мутной воды.

Не шевелюсь... Я знаю, что выплыть невозможно.

Пышная, многолюдная и скучнѣйшая свадьба... Впрочемъ, свадьбы всегда многолюдны и скучны.

... Всегда-ли?

Тѣ двѣ свадьбы были и не многолюдны и не скучны... О, нѣтъ! на нихъ вѣдь не было толпы, роль которой скучать. Но какъ онѣ не похожи одна на другую!..

... Свѣтлая, безмятежная идиллія... Щедро лилось на нее жаркое и ласковое лѣтнее деревенское солнце . . . .

...А тамъ, въ полутемной, старинной московской церкви — тамъ атмосфера борьбы и насилія. Какъ зарево пожара—отблескъ отчаянія... Страстное, туманящее умъ желаніе — и безотчетная, унизительная тревога... страхъ чего-то невѣдомаго, что въ послѣдній мигъ можетъ вырвать изъ рукъ... Конечно, я зналъ, что ничего случиться не можетъ! Но каменныя плиты жгли ноги, звонъ въ головѣ заглушалъ слова молитвъ, мгновенія свинцовыми гирями прокатывались надъ судорожно трепетавшимъ сердцемъ.

Чего я боялся?..

Бѣглецъ, чующій за плечами погоню, долженъ такъ чувствовать. Развѣ я не былъ бѣглецъ?.. Ни одного близкаго лица не было около меня. За мной не было погони... Я самъ заблудился, самъ попалъ не туда, куда рвалась душа . . . .

Варю очень забавляетъ ея роль посаженой матери, выставляющая въ совершенно новомъ блескѣ ея удивительную красоту. Это въ порядкѣ вещей—хорошенькой женщинѣ всегда пріятно быть лучше всѣхъ, а если этого можно достигнуть въ бабушкиномъ чепцѣ, то тѣмъ оно лестнѣе и пикантнѣе.

Придумываніе туалета, соотвѣтствующаго какъ ея собственной молодости, такъ и солидности ея роли, взяло по меньшей мѣрѣ столько-же времени и тревогъ, какъ сформированіе новаго кабинета послѣ нещаднаго парламентскаго побоища. И она и Лида обѣ распростудились, разъѣзжая цѣлыми днями по портнихамъ и магазинамъ, и обѣ доходили до настоящаго отчаянія передъ невозможностью изобрѣсти нѣчто

совершенно еще невиданное, неслыханное и небывалое до сихъ поръ. Имъ не хватало ни русскихъ, ни французскихъ словъ, чтобы выразить все презрѣніе ихъ къ бездарности петербургскихъ портнихъ, не умѣющихъ схватить «идею» экстраординарнаго туалета.

Право не знаю ужъ, удалось-ли имъ это въ концѣ концовъ или нѣтъ. Знаю только, что я никогда еще не уплачивалъ такого чудовищнаго счета, и никогда не видалъ на одной женщинѣ такого пышнаго соединенія всѣхъ возможныхъ великолѣпій по туалетной части.

Для Катишъ купленъ небольшой крестикъ, стоившій однако несообразно большихъ денегъ. Что подѣлаешь, женщины умѣютъ входить въ роль!.. А можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ въ царскомъ нарядѣ нельзя не почувствовать себя царицей?

Прикинувъ ко всему этому памятный реверсъ штабсъ-капитана Магнатова, я начинаю чувствовать нѣчто въ родѣ ненависти къ хорошенькой Катишъ, съ ея умильными глазками и наивными улыбками. Мнѣ кажется, что брильянтовые кресты и тысячныя подачки должны-бы по крайней мѣрѣ излѣчивать людей отъ наивности...

Впрочемъ, я съ нѣкоторыхъ поръ сталъ такъ раздражителенъ, что мнѣ вовсе не трудно доходить до ненависти. Я даже позволилъ себѣ грубость: я спросилъ разряженную и сіяющую Лиду, когда наконецъ она покончитъ со своимъ Клочевымъ? Свадьба такая дорогая затѣя, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это необходимо знать заранѣе.

Я однако удержался и только мысленно добавилъ, что мнѣ надоѣдаетъ наконецъ встрѣчать этого красавца на каждомъ шагу и на всѣхъ перекресткахъ. Если рѣшено, что онѣ жить безъ него не могутъ, то пусть Лида беретъ его себѣ скорѣе и освободитъ насъ отъ этой повинности.

Лиду не столько разсердила самая выходка, какъ должно быть поразило выраженіе моего лица. (Я и безъ нея знаю, что я сильно похудѣлъ и пожелтѣлъ). Она прищурилась и подозрительно всмотрѣлась въ меня.

— Что такое опять съ вами?! За вами положительно нѣтъ никакого присмотра послѣднее время! — рѣшила она съ уморительнымъ негодованіемъ.—Что-же касается monsieur Клочева—я съ нимъ «покончу» тогда, когда вы увидите, какъ онъ ухаживаетъ за мною.

Жаль, что для меня пропало даромъ значеніе загадочной усмѣшки. Можетъ быть у барышни на примѣтѣ уже кто-нибудь другой, поинтереснѣе г-на Клочева?

Да вѣдь у меня-то нѣтъ никакой охоты проникать въ ихъ тайны! Я не питаю больше прежняго братскаго интереса къ миленькой свояченицѣ, ибо я убѣдился, что та или другая разновидность ожидающей ее судьбы не имѣетъ значенія для сущности ея жизни. Боже мой! да интересуюсь-

ли я кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь во всей этой толпѣ, на три четверти состоящей изъ ближайшихъ родственниковъ!? Въ этой толпѣ есть-ли *одинъ* хотя-бы человѣкъ, котораго я-бы могъ назвать своимъ? . .

Въ каретѣ Варя съ одушевленіемъ расхваливала, какъ все было прилично и бонтонно.

Разумѣется, она не спрашивала «что со мной»?.. Надо отдать справедливость Лидѣ—одна она задаетъ иногда этотъ праздный вопросъ. Варя занята гораздо болѣе интересными соображеніями. Между прочимъ она находитъ, что ея платье черезчуръ великолѣпно для того, чтобы быть надѣтымъ всего одинъ разъ: она тутъ-же рѣшила, что спеціально для этого она поѣдетъ на предстоящій балъ французской колоніи.

А въ ближайшемъ будущемъ предстоятъ родственные обѣды молодымъ, пріемы и визиты.

Какая право жалость, что у штабсъ-капитана Магнатова не хватаетъ денегъ для моднаго voyage de noce! Поистинѣ благотворительная мода!. . . . .

...Изъ старинной московской церкви *бѣглецы* перенеслись прямо на синія воды тихаго итальянскаго озера.

Кстати, куда это могли дѣваться мои фотографическіе виды? Многіе сдѣланы были по моему заказу. Да, я былъ совершенно увѣренъ, что всю мою жизнь каждый день я буду смотрѣть на эти фотографіи—на голубое озеро, въ которомъ отразилось мое небо . . . .

Шурка боленъ!—боленъ милый, обожаемый мой мальчикъ!..

Миссъ Гартонъ подыскиваетъ всевозможныя объясненія, но, очевидно, что это простуда, то-есть—ея оплошность, ея небрежность!..

Я никогда не понималъ проклятой англійской «системы» таскать дѣтей по всевозможной погодѣ дышать воздухомъ, отъ котораго взрослые не знаютъ, какъ укрыться въ своихъ мѣхахъ... И при томъ еще ихъ модные, куцые костюмчики, вмѣсто теплыхъ русскихъ тулупчиковъ!..

Бѣдный крошка горитъ, кашляетъ и безъ умолку лепечетъ охрипшимъ, жалкимъ голоскомъ. . . . .

Что будетъ!?..

...Ну, и провались они совсѣмъ! И пусть «обижается», сколько его душѣ угодно, ихъ возлюбленный Гаспаръ Гаспаровичъ!.. Если-бы я сталъ спрашивать мнѣнія, онѣ, конечно, расплылись-бы въ дурацкой щепетильности, а теперь дѣло сдѣлано—все остальное чепуха.

Профессоръ не нашелъ ничего угрожающаго. Похоже на то, что это его искреннее мнѣніе... да, наконецъ, я-же вѣдь не слабонервная женщина! Меня не обязательно щадить, когда я только и умоляю сказать мнѣ всю правду. . . . .

Этотъ профессоръ внушаетъ довѣріе своимъ спокойствіемъ... И во весь визитъ онъ ни разу не улыбнулся. Доктора не подозрѣваютъ, какъ бываютъ ужасны ихъ шуточки и улыбки! Гаспаръ Гаспаровичъ эчитаетъ улыбку такой-же необходимой принадлежностью, какъ чистую сорочку.

...Вотъ это любопытно!! Варя находитъ, что я «до того теряю голову», что это даже вредитъ больному! Сама она поплакала въ первый день, а теперь можно подумать, что ее развлекаетъ досада на меня. На визитахъ профессора она никогда не присутствуетъ; для нея это слишкомъ рано, она еще почиваетъ. Гаспаръ Гаспаровичъ не является иначе, какъ по особому приглашенію. . . . .

...Если-бы мнѣ его отдали!! Если-бы я могъ ходить за нимъ самъ, одинъ, со старой Домной. Онъ ее такъ любитъ! Въ забытьи всегда зоветъ свою «нянюсю»—забылъ бѣдняжка, что ее давно уже выжили, давно замѣнили противной чужой толстухой съ фальшивымъ голосомъ.

Мнѣ объявлено, что я «волную» ребенка. Шурка не можетъ спать, потому что каждую минуту спрашиваетъ, пришелъ-ли папа. Около больного не должно быть лишнихъ лицъ.

Это должно быть справедливо. Справедливо, вѣроятно, и то, что лишнимъ оказываюсь именно я—мое непривычное присутствіе нарушаетъ порядокъ... Присутствіе въ дѣтской матери въ такой-же мѣрѣ нарушаетъ привычный режимъ, а потому Шура долженъ находиться въ нераздѣльной власти миссъ Гартонъ.

Въ этомъ какая-то цѣпкая, сокрушительная логика, о которую разбиваются всѣ порывы!

Дѣвочки отвезены къ бабушкѣ.

Если въ ужасномъ можетъ быть что-нибудь хорошее, то надо радоваться за нихъ этой маленькой, освѣжающей перемѣнѣ. Лида очень мило пообѣщала мнѣ побаловать и повеселить дѣтокъ, пока они будутъ жить у нихъ.

— Surtout pas de sentences, n'est ce pas? Пусть хоть на головахъ ходятъ, не правда-ли?.. поддразнивала она меня.

Не понимаю, откуда у Вари такая увѣренность, что болѣзнь не опасна, что Шурка непремѣнно выздоровѣетъ?—развѣ можетъ существовать увѣренность въ какой-нибудь серьезной болѣзни?..

Прежде дѣтскія болѣзни гораздо сильнѣе ее волновали. . . .

...Не могу хладнокровно слышать, когда господа доктора, улыбаясь, принимаются увѣрять, что «дѣти выносятъ очень легко подобный тификъ»!!.. *Тификъ*—а?.. Нѣжность даже какая-то слышится!

Имъ кажется, что у этого несчастнаго комочка человѣческаго тѣла еще имѣется цѣлый запасъ силъ — они чѣмъ-то очень довольны—они оставляютъ его даже безъ всякихъ лѣкарствъ!..

Какъ можетъ человѣкъ набраться такого хладнокровія!—Какъ онъ можетъ твердо *знать* что-то, когда жизнь виситъ на волоскѣ?!.. Несчастные, какъ я ихъ жалѣю! Я-бы согласился быть кѣмъ угодно, только не докторомъ...

...Они не знаютъ, что такое для меня этотъ мальчикъ! Если онъ умретъ—мнѣ незачѣмъ больше жить...

Дѣвочки?.. Изъ нихъ выростутъ барышни-Лиды . . . . . .

Дѣтей надо воспитать—научить... О, мнѣ есть чему научить моего сына! Я знаю, какъ напутствовать его на жизненный путь! Его я могу предостеречь, уберечь, спасти быть можетъ...

...Если онъ умретъ?..

Они не понимаютъ... Они подсмѣиваются надъ моей трусостью. Съ какимъ восторгомъ я буду смѣяться самъ надъ собой, когда не останется ни одного лишняго градуса!

. . . .

...Ночь не спалъ, не выходилъ вовсе изъ кабинета. Необходимо обдумать теперь-же—сейчасъ—и нечего, *нечего!!*—Не дико-ли?—Случилось что-то ужасное, и въ то-же время какъ будто ничего и не случилось.

Случилось только то, что я и безъ того зналъ...

Да, да! Никогда не говорилъ себѣ до конца, и все-таки *зналъ*. И она знала, что я знаю... И раздражалась, что я не показываю... Раздражалась давно, все сильнѣе... пока, наконецъ, столько скопилось, что не могла дольше выдержать: бросила въ лицо, какъ сумѣла больнѣе, грубѣе!!..

Теперь ей, навѣрное, легче. Я увѣренъ, что она не раскаивается— все равно, вѣдь я зналъ! Только оттого и сказала, что *все равно*... О, разумѣется, иначе превосходно сумѣла-бы молчать. . . . .
. . . .

Какъ мы жить будемъ?..

Какъ могли мы жить до сихъ поръ?..

Зачѣмъ сорвали маски, если это давало какую-нибудь возможность жить!.. . . . .
. . . .

Случилось внезапно, совершенно безпричинно—вотъ, какъ идешь по ровному мѣсту и неожиданно свалишься въ яму...

Наткнулся въ залѣ на Клочева. Онъ уѣзжалъ. Я поймалъ такую фразу, сказанную горячимъ тономъ:

— Нѣтъ, это немыслимо, когда ребенокъ боленъ! И прошу васъ не подыскивать никакихъ особенныхъ объясненій... Я, разумѣется, не затруднилась-бы поѣхать и одна... Но въ подобномъ настроеніи не ѣздятъ на балы!..

Что́ сказалъ на это Клочевъ—я не разслышалъ. Ему отвѣтили:

— Это ни на что не похоже, наконецъ, что вы себѣ позволяете!.. Adieu.

Она не пошла его провожать и столкнулась со мною у двери.

Очевидно, рѣчь шла о французскомъ балѣ. Я подумалъ: не относится-ли частица досады Варвары Николаевны къ тому обстоятельству, что ей не придется надѣть еще разъ свадебнаго платья?.. Но за чѣмъ-же дѣло стало? Вѣдь болѣзнь не опасна, а балъ французской колоніи единственный въ сезонѣ.

Я шелъ въ дѣтскую, чтобы взглянуть, какъ спитъ Шурка. Оттуда я прошелъ въ будуаръ.

Варя стояла у зеркала и держала въ рукахъ что-то свѣтлое и блестящее, вѣроятно какой-нибудь головной уборъ. Увидѣвъ меня, она поспѣшно бросила его въ раскрытую картонку. Мнѣ показалось, что она покраснѣла.

Я очень спокойно напомнилъ ей, что завтра французскій балъ. Такъ какъ Шурѣ, слава Богу, не хуже и доктора ручаются, что нѣтъ опасности, то почему-бы ей и не поѣхать на балъ съ Лидой?

Можетъ быть, она вовсе не нуждалась въ моей санкціи, и я поднялъ вопросъ, уже рѣшеный?

Во всякомъ случаѣ, что-то ужасно разсердило ее. При этомъ ея лицо всегда остается совершенно неподвижнымъ, и въ то-же время это не ея лицо... оно неузнаваемо! Ни одной морщинки на мраморномъ лбу... никакая гримаса не искажаетъ прекраснаго рта—но это лицо, въ которое жутко смотрѣть... Оно точно вытягивается и каменѣетъ.

Я продолжалъ убѣждать. Она можетъ быть совершенно покойна—конечно, я не выйду изъ дому, а въ случаѣ чего-нибудь экстреннаго, сію-же минуту пришлю за нею. Все равно, Шура вовсе не нуждается въ томъ, чтобы всѣ безвыходно сидѣли дома. Я говорилъ совершенно спокойно и рѣшительно не допускаю, чтобы у меня могъ быть при этомъ какой-нибудь фальшивый тонъ. Я знаю, что ей очень хотѣлось быть на этомъ балу.

Но Варя вдругъ сдѣлала нѣсколько неровныхъ шаговъ по ковру и подняла руки къ ушамъ.

— Довольно, довольно, Бога ради! Нельзя-ли безъ такого лицемѣрія по крайней мѣрѣ?!.

Она язвительно разсмѣялась.

— Какъ будто я не знаю, что вы ничего подобнаго не думаете! Да-съ, совершенно вѣрно, если вамъ угодно знать!—мнѣ именно нѣтъ надобности торчать безъ толку дома двѣ недѣли, когда не я за нимъ и ухаживаю—когда всѣ знаютъ навѣрное, что за нѣсколько часовъ ничего особеннаго не можетъ случиться... Это разумѣется такъ и есть!—но вы, вы-то именно и считаете, что я *должна!*.. Еще-бы, я обязана вздыхать, плакать, выражать всячески родительскую тревогу, если даже я и вѣрю доктору, если понимаю, что никакой опасности нѣтъ... Какъ можно! Это непозволительно!—это безсердечно! чѣмъ больше женщины плачутъ, тѣмъ лучше... я пустая женщина!—я дурная мать!..

Конечно, я не могъ ждать такого натиска—но въ одинъ мигъ я принялъ вызовъ. Не знаю, это было почти похоже на радость... не все-ли равно по какому поводу вырвется наконецъ наружу правда? все, что такъ долго скоплялось подъ спудомъ... Пора, пора намъ когда-нибудь заговорить! . . . .

Это былъ именно взрывъ, и она уже не могла остановиться:

...Она ничуть не претендуетъ на то, чтобы ее считали идеальной семьянинкой—она вѣдь никогда и не обѣщала ничего подобнаго! Могу я сказать, что она обѣщала? Если я создалъ въ своей фантазіи какую-то слащавую идиллію—тѣмъ хуже для меня! Никто не виноватъ, кромѣ меня! Она никогда не скрывала, что любитъ жизнь—свѣтъ—удовольствія. Она не извергъ, она любитъ своихъ дѣтей—но никогда она не собиралась похоронить себя въ пеленкахъ, погрузиться всецѣло въ супружеское воркованіе... О-о-о!.. съ нея достаточно! довольно четверыхъ дѣтей въ двадцать восемь лѣтъ отъ роду!.. Она не мадамъ Савельева, громогласно объявляющая, что съ радостью готова народить хоть цѣлую дюжину!.. Если таковъ мой идеалъ, то очень жаль, что я не счелъ нужнымъ выяснить его во время. Конечно она-бы призадумалась надъ тѣмъ, что ее ждетъ, если-бъ могла знать заранѣе... Есть нѣкоторое вѣроятіе думать, что я не оказался-бы единственной партіей, какая могла ей представиться въ жизни. Но когда мы влюблены—мы знаемъ только свою страсть... О, тогда мы не предъявляемъ рѣшительно никакихъ требованій! Тогда мы только покорные рабы!.. Мы безумствуемъ, восхищаемся всѣмъ—мы дѣлаемъ изъ жены божество, до тѣхъ поръ, пока намъ такъ нравится... А потомъ кто же мѣшаетъ превратить божество въ няньку, въ гувернантку, въ сидѣлку нашихъ дѣтей—приняться за избитую старозавѣтную мораль семейныхъ добродѣтелей? . . . .

Все это она сказала.

Я даже шевельнуться боялся, чтобы не спугнуть безумной откровенности. Я не спускалъ глазъ—весь дрожалъ отъ жгучаго любопытства...

...Но, не странно-ли!.. Ея рѣчь не сразила меня своей неслыханностью, своей невѣроятностью... Нѣтъ и нѣтъ—не сразила.

Я пораженъ былъ самымъ фактомъ—пораженъ тѣмъ, что Варя можетъ такъ высказываться—но то, *что* она говоритъ, не удивляло меня вовсе; я какъ будто зналъ уже давно, какъ будто долженъ былъ услышать не сегодня такъ завтра. . . . .

Въ такія минуты ощущенія безошибочны—о, они далеко опережаютъ мысль! Цѣлый потокъ свѣта упадаетъ разомъ на настоящее и на прошлое... Не существуетъ ни времени, ни границъ.

Я всталъ и сказалъ: то, что сейчасъ высказано, ничѣмъ не вызвано съ моей стороны. Я именно и пришелъ для того, чтобы поговорить о балѣ. Вообще, сколько помню, я никогда еще не позволялъ себѣ читать мораль... Но, все равно. Такъ случилось—и тѣмъ лучше. Давно пора узнать ея истинныя мысли.

Меня поразилъ при этомъ звукъ собственнаго голоса — совершенно безжизненный звукъ... Мы даже не знаемъ, какіе звуки найдутся въ нашей груди! И этотъ чужой голосъ точно пронзилъ меня жалостью... Жалостью къ себѣ, къ дѣтямъ... передо мной вдругъ мелькнуло больное личико Шуры . . . .

Варя стояла у туалета и нюхала одеколонъ; она наливала его прямо въ руку, онъ просачивался сквозь пальцы, капалъ на платье... Грудь и плечи ходуномъ ходили.

— Да, да... довольно лицемѣрія! я жить не могу подъ вашими инквизиторскими взглядами!.. Знаете-ли вы, что вы неузнаваемы? Вы другой человѣкъ! Но что-же случилось? Надѣюсь, вы не посмѣете сказать, что это я перемѣнилась, что я когда-нибудь разыгрывала передъ вами не то, что я есть на самомъ дѣлѣ? Я слишкомъ горда, чтобы прикидываться, господинъ Громилинъ! Никто не виноватъ, если вы были слѣпы.

И я могъ только повторить за нею:

— Вы правы, Варвара Николаевна. Я былъ слѣпъ — въ этомъ никто не виноватъ.

. . . .

Объясненіе длилось минутъ двадцать, едва-ли. Первое объясненіе... Но при этомъ оказалось, что мы рѣшительно все уже знаемъ другъ про друга,—спорить намъ не объ чемъ,—мы можемъ избавить себя отъ обстоятельной постановки обвинительныхъ пунктовъ . . . .

...Что-то до нельзя упрощенное, грубое, оголенное отъ всякаго подобія иллюзій! Все тутъ было: ея разочарованіе... обманутыя ожиданія... невѣрные разсчеты... мои несообразныя требованія... мое обман-

чивое обожаніе... моя измѣна... Не было только и быть не могло *ея* любви и *моего* счастія.

Самый звукъ ея голоса былъ грубъ — какая-то внезапная распущенность... Человѣкъ отводилъ душу—крѣпился долго и наконецъ далъ себѣ полную волю . . . .

Въ концѣ концовъ начала кружиться голова, точно я со страшной быстротой пролетѣлъ громадное пространство. Голова и теперь все кружится, кружится . . . .

Я не знаю, что дальше...

. . . .

«Владиміръ Ивановичъ! Не разсердитесь, что я хочу просить васъ: не ищите встрѣчъ со мною... Не знаю, какъ вы, но у меня осталось очень тяжелое впечатлѣніе отъ нашего разговора. Вы какъ-то не просто относитесь ко мнѣ... О себѣ вамъ непріятно со мной говорить — не правда-ли? Право намъ не для чего встрѣчаться, если не можетъ быть никогда такъ, какъ если-бъ въ прошломъ ничего не было! Одну минуту я вообразила, что это возможно... Я ошиблась. Повѣрьте, что я вовсе не виню васъ ни въ чемъ. Ваше положеніе совсѣмъ другое, для васъ оно можетъ быть гораздо труднѣе... Не мнѣ судить объ этомъ.

«Во всякомъ случаѣ я счастлива, что представился случай откровенно высказать все, что у меня было на сердцѣ. А теперь гораздо покойнѣе идти каждому своей дорогой... Все равно, я про васъ ровно ничего не узнала, кромѣ того, что васъ тяготила забота обо мнѣ. Я это предчувствовала, но надѣюсь, что теперь и это совершенно разсѣется.

«Я считала это своей обязанностью, и если-бъ мы не встрѣтились случайно, то все равно я непремѣнно написала-бы вамъ по окончаніи курса».

. . . .

...Сжатое, обдуманное письмецо—какъ оно не похоже на прежнія!

Ничего другого я не заслужилъ. Увидѣвъ знакомый конвертъ, я напередъ уже зналъ, что это *конецъ* въ той или иной формѣ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, она прямо сказала то, что есть на самомъ дѣлѣ, и не подумала прибѣгать ни къ какимъ уловкамъ или благовиднымъ предлогамъ. Да и зачѣмъ? Легко тому, кто можетъ говорить только одну правду...

Въ другое время ея письмо сдѣлало-бы на меня гораздо болѣе сильное впечатлѣніе. Нельзя быть равнодушнымъ, когда чистая душа отворачивается отъ насъ.

Я не равнодушенъ, нѣтъ... Но во мнѣ нѣтъ цѣлаго мѣста—я весь разбитъ, какъ человѣкъ, который вторично свалился съ высокой крыши... Въ первый разъ онъ счастливо отдѣлался: его вылѣчили, по-

ломанные члены быстро срослись и онъ забылъ, какъ падаютъ съ крышъ...

...Разумѣется, ему кажется, что на этотъ разъ не собрать костей... Во всякомъ случаѣ, не часто-же падаютъ съ крышъ по два раза!...

Это прямо непозволительно.

. . . .

Потомъ, потомъ!! Еще придетъ пора заняться своими поломанными членами, а теперь надъ головой виситъ еще одна угроза: Ему хуже! Я не понимаю, какъ они не видятъ этого! Гдѣ видятъ они какія-то силы, когда жизнь еле теплится?..

На меня-же раздражаются! У милаго профессора какъ-то нетерпѣливо сжимается физіономія. Молча, съ гримасой выслушиваетъ всѣ мои тревоги и настойчиво произноситъ ненавистныя три слова:

— Продолжайте то же самое.

Его «то же самое»—ровно ничего въ сущности! Это недурно—медицина отрицающая лѣкарства!

А если черезъ два дня скажутъ, что болѣзнь приняла дурной оборотъ?? . . . .

...Хуже ему, хуже—и они не видятъ этого!..

Страхъ превратился наконецъ въ какой-то кошмаръ. Я не спалъ, но тяжело, мучительно забывался—и разомъ приходилъ въ сознаніе, точно отъ толчка...

Въ этотъ мигъ я былъ увѣренъ, что онъ *умираетъ*... Это не была мысль, а увѣренность... Точно кто-то произносилъ слова въ ту минуту, когда мысли мѣшаются и вѣки падаютъ противъ воли. Нѣсколько разъ даже мнѣ казалось, что кто-то былъ въ комнатѣ и выскальзываетъ въ ту минуту, когда я открываю глаза (у меня всю ночь горятъ лампы, съ вечера приготовляются двѣ).

Въ первый разъ я подумалъ, что это англичанка прислала за мной: меня позвали и спѣшили уйти, а я съ просонья не разобралъ, кто приходилъ...

Я бросился въ дѣтскую.

Шура спалъ. Миссъ Гартонъ дремала въ креслѣ. Она испугалась. Въ своемъ переполохѣ я ступалъ безъ всякихъ предосторожностей, задыхаясь отъ испуга, я нѣсколько минутъ увѣрялъ ее, что меня *позвали*.

И такъ повторялось каждый разъ, какъ только меня одолѣвала дремота. Я не могъ оставаться въ кабинетѣ—я, какъ безумный, бѣжалъ въ дѣтскую... Можетъ быть это то, что называется предчувствіемъ??.

...Но какъ-же раньше мнѣ не приходило на умъ!? Пока мы, родители, переживаемъ его болѣзнь такъ или иначе по своимъ комнатамъ—

эта чужая женщина не оставляетъ его ни на минуту, ночь за ночью. Подъ утро ее смѣняетъ часа на два нянька, вотъ и весь ея отдыхъ. Третья недѣля, какъ она ни разу не вышла изъ комнаты.

Чужая, наемная женщина... Ненавистная мнѣ, систематичная, жесткая англичанка. . . . .

...Разумѣется, я это зналъ. Но прежде я не входилъ по нѣскольку разъ за ночь въ дѣтскую, я не видалъ этого зрѣлища собственными глазами... Я умолялъ ее пойти отдохнуть, но она отказывалась съ негодованіемъ. Няня смѣнитъ ее въ шесть часовъ—она твердила это такимъ тономъ, какъ будто это непреложный законъ природы.

Доктора не нахвалятся ея толковымъ, спокойнымъ уходомъ. Они настаиваютъ на томъ, чтобы не было «лишнихъ лицъ» и предпочитаютъ миссъ всѣмъ другимъ «лицамъ», какія могли-бы быть.

Быть сидѣлкой вовсе не входитъ въ ея обязанности! Она имѣетъ полное право находить это для себя черезчуръ тяжелымъ. Но когда шла рѣчь о томъ, чтобы взять сидѣлку—миссъ первая воспротивилась и выразила желаніе остаться при больномъ. Развѣ не веселѣе ей было-бы жить съ дѣвочками у maman?..

Она похудѣла. У нея измученные глаза. Сухая, жесткая англичанка Чужая, наемная женщина! . . . .

Когда она ушла, я отослалъ няньку и просидѣлъ съ Шурой остатокъ ночи. Мнѣ кажется, что на всю остальную жизнь я могъ-бы довольствоваться этимъ—жить всецѣло для моего дорогого мальчика. .

Какъ только утромъ миссъ Гартонъ появилась изъ своей комнаты, я самымъ рѣшительнымъ тономъ объявилъ, что я желаю, чтобы она съѣздила навѣстить дѣвочекъ; но предварительно надо купить для нихъ фруктовъ въ самомъ дальнемъ магазинѣ, какой только я могъ припомнить.

Сначала она сопротивлялась, но потомъ не выдержала и созналась, что ей очень хочется повидать дѣтей. Она соскучилась.

И какое у нея было при этомъ хорошее, сконфуженное лицо...

Я обѣими руками схватилъ ея руку и началъ горячо увѣрять, что никогда, никогда я не забуду ея доброты. Но я увѣренъ, что миссъ приписала этотъ пассажъ моимъ разстроеннымъ нервамъ и ночному кошмару. По крайней мѣрѣ это не произвело на нее впечатлѣнія и она поспѣшила отъ меня отдѣлаться.

Въ одиннадцать часовъ Варвара Николаевна проснулась и прислала горничную узнать, какъ спалъ Шура. Это означаетъ, что черезъ часъ она сама пожалуетъ въ дѣтскую.

. . . .

...Нѣтъ, нѣтъ, онъ мнѣ останется! Онъ выцарапался благополучно, мой несчастный, исхудалый, точно обглоданный Шурка! Быстрыя ножонки разучились ходить—но скоро, скоро они опять затопаютъ также весело!..

И какой смѣшной! какіе у него жадные и злые глазки, какъ онъ ужасно капризничаетъ, какъ сердится! Но чѣмъ онъ больше капризничаетъ—тѣмъ веселѣе всѣ мы улыбаемся, и я, и докторъ, и миссъ Гартонъ... Это выздоровленіе, выздоровленіе—урра! . . . . . .
. . . .

Живу въ дѣтской, или-же летаю по городу, разыскивая что-нибудь для моего ненагляднаго сокровища.

Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы силы вливались въ него съ каждой каплей драгоцѣннаго вина, съ каждой крошкой, которую ему разрѣшается проглотить. Да, его кормятъ именно каплями и крошками, его буквально морятъ голодомъ—и находятъ, что онъ долженъ при этомъ поправиться!!

Съ голоду плохое утѣшеніе игрушки, сколько-бы ихъ не накупали для него. Дѣтская буквально завалена игрушками, отъ нихъ нѣтъ прохода, онѣ всѣмъ мѣшаютъ, каждую минуту лѣзутъ подъ руки и подъ ноги.

«Мама» никогда не приходитъ съ пустыми руками. Но ладить съ маленькимъ тираномъ мама ужъ окончательно не умѣетъ, и ни съ кѣмъ онъ столько не капризничаетъ, какъ съ нею. Она просто его *боится*... Я вижу, какъ ее кидаетъ въ жаръ... Она не знаетъ, что дѣлать—почему все выходитъ невпопадъ—она не дождется, когда можно прилично ускользнуть изъ дѣтской. . . . .

Но вѣдь она всегда была разсудительна!.. Она не переживала моего ужаса, она не боялась потерять его. Она всегда знала, что опасности нѣтъ, она вѣрила Гаспару Гаспаровичу.
. . . .

Профессоръ торгуется со мною изъ-за каждаго визита и, очевидно, теряетъ послѣднее терпѣніе. Онъ доказываетъ, что я не имѣю права нарушать его правила и заставлять его брать деньги даромъ—у него нѣтъ времени для здоровыхъ.

Да, конечно, я трушу совершенно напрасно. Но неужели мнѣ нельзя позволить этого маленькаго облегченія? Вѣдь это Шура—мой единственный Шура!.. . . . .

Разрѣшено вернуть домой дѣтей.

...Жизнь входитъ въ обыденную колею. Теперь выступитъ полностью все то, что до сихъ поръ заслонялось болѣзнью—опасностью—самой безпорядочностью жизни... Варвара Николаевна не обѣдаетъ дома. Она

каждый день уѣзжаетъ къ maman обѣдать съ дѣтьми. У меня дни сливаются съ ночами въ одномъ общемъ напряженіи и усталости. Я не знаю, какъ проходятъ дни.

Все это кончено. Настаетъ минута, когда все должно придти въ норму... но вѣдь эту норму еще создать надо! До сихъ поръ жизни не было—была только болѣзнь Шуры . . . .

...Какая можетъ быть жизнь?!.

. . . .

Передъ обѣдомъ пріѣхала Лида. Одна. Варя осталась съ дѣтьми.

... «Взглянуть на меня и поздравить...» Гм... Это конечно очень мило, очень!.. Но все дурное тѣмъ скверно, что оно неизбѣжно разливаетъ вокругъ себя собственную окраску и отравляетъ окружающее.

Теперь я знаю уже, зачѣмъ пріѣзжала Лида—но и въ первую минуту я сразу угадалъ это силой подозрѣнія, хоть мы съ нею всегда были въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ, что она могла бы придти и безъ всякой задней мысли. Однако я угадалъ—и я не ошибся.

Сначала барышня дружески подтрунивала надъ моей трусостью. Имѣя четверыхъ дѣтей. необходимо запастись нѣкоторымъ хладнокровіемъ... невозможно такъ безразсудно терять голову! Во-первыхъ, рискуешь разориться, швыряя деньги безъ всякой надобности;—а во-вторыхъ, можно просто изъ силъ выбиться преждевременно. Вѣдь это только одна болѣзнь—а что если ихъ будетъ нѣсколько?.. Дѣти всегда болѣютъ.

— Я всегда говорю, что вы не умѣете жить!—поучала она шутливо.—Ни вы, ни Варя. У Вари всякая тревога выражается сильнѣйшимъ раздраженіемъ... Теперь къ ней лучше и не подступайся!.. Мы всѣ, у насъ, передъ нею по стрункѣ ходимъ—и maman, и всѣ.

«Ага!—пробный ходъ!»—сказалъ я себѣ. Я отвѣтилъ спокойно, что это весьма естественно.

— Скажите пожалуйста, что же тутъ естественнаго?—загорячилась необыкновенно Лида.—Когда и безъ того скверно, то какой же смыслъ дѣлать жизнь добровольно еще мучительнѣе?.. Мнѣ напротивъ кажется, что гораздо естественнѣе всѣ невзгоды выносить дружно, общими силами, вмѣсто того, чтобы тутъ же еще ссориться изъ пустяковъ.

Ловкая барышня соображаетъ по крайней мѣрѣ, что именно мнѣ надо говорить. Интересно бы только знать—порученіе-ли это или только мѣропріятіе на собственный страхъ и рискъ?..

— Ваша рѣчь есть истина святая!—отвѣтилъ я ей насмѣшливо.

Она недовольно смотрѣла на меня и покусала губки, но заговорила какъ человѣкъ, рѣшившій вести свою линію до конца.

— Это совершенно понятно, что у васъ обоихъ должны быть раз-

строены нервы... Говорятъ, вы считаете своей обязанностью вовсе не спать??

Во мнѣ вдругъ поднялось жгучее, нехорошее чувство.

— Послушайте, Лида!.. Теперь, пока вы еще дѣвушка... неужели вамъ такъ-таки никогда не приходитъ въ голову, что можно любить не по обязанности??. Доводилось-ли вамъ слышать, что когда *любовь* наша въ опасности—тогда не спятъ просто потому, что спать не могутъ—оттого что нестерпимо болитъ душа!.. «Теряютъ голову» (вы всегда вѣжливы и не хотите сказать «дѣлаютъ глупости»)—потому что мучатся своимъ безсиліемъ! Можно-ли отъ этого разориться, и сколько на это затратится непроизводительно собственныхъ силъ — такая мудрость просто-напросто даже и въ голову прійти не можетъ!..

...Глупо, глупо!—Дрожали губы, срывался голосъ, слезы стояли въ горлѣ... хоть я всѣмъ существомъ своимъ чувствовалъ, что не стоитъ она этого—не стоитъ! . . . .

Лида поднялась съ отоманки красная, съ выразительнымъ широкимъ жестомъ.

— Ну, вотъ—вотъ въ какой видъ вы себя привели, Вольдемаръ! Ну, теперь я вполнѣ представляю себѣ, что̀ вы могли наговорить другъ другу! Я думала, что Варя увлекается...

— Варвара Николаевна дѣйствительно нѣсколько увлеклась! — вставилъ я злорадно.

Мочи не было выдержать. Ничто не представляется женщинѣ такимъ легкимъ, какъ дурачить насъ! Молоденькая дѣвочка, миленькая хрупкая барышня, съ величайшей отвагой готова пуститься въ любое предпріятіе подобнаго сорта.

Я съ удовольствіемъ поймалъ въ глазахъ Лиды лучъ тревоги.

— Но Вольдемаръ! только подумать, что все это изъ такого пустяка, какъ французскій балъ! И лучше всего, что Варя все равно рѣшила уже не ѣхать на этотъ балъ! Она вѣдь такъ и сказала этому баламуту Клочеву...

— Ахъ, оставьте пожалуйста вашего Клочева и французскій балъ, Лида! — перебилъ я ее съ откровенной досадой. — Не знаю ужъ, какъ вы, а сестра ваша прекрасно понимаетъ о чемъ шла рѣчь въ тотъ день... вообще, какъ обстоитъ наша жизнь! Интересно только, знаетъ-ли Варвара Николаевна, что будетъ дальше?.. Это было бы весьма полезно...

Лида крѣпко сжимала двумя руками спинку моего кресла и не поднимала глазъ. Я смотрѣлъ на нее сбоку. Она видимо силилась сообразить что-то такое.

— Во всякомъ случаѣ, я не думаю, чтобы Варвара Николаевна поручала вамъ увѣрить меня, что все должно быть отнесено къ разстроеннымъ нервамъ по случаю Шуриной болѣзни? Вѣроятно это ужъ ваше

собственное побужденіе... О, самое милое, дружеское, я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ! Цѣлую ваши ручки за ваше желаніе помирить супруговъ, но—увы, мы вовсе даже не ссорились!

Лида бросила кресло, повернулась къ двери и начала поспѣшно натягивать перчатку.

— Вижу, что я черезчуръ понадѣялась на вашу дружбу ко мнѣ!— заговорила она оскорбленнымъ тономъ.—Недоставало только, чтобы вы вообразили, что меня прислали парламентеромъ къ вамъ... Славную услугу оказала я моей сестрицѣ! Но меня это до такой степени тревожило, что хотѣлось самой убѣдиться, какъ вы настроены... Не утѣшительнѣе-ли хоть съ этой стороны! На вашу доброту понадѣялась. Конечно, я ужасно жалѣю, раскаиваюсь и хорошо закаюсь на будущее время!

Кто ихъ разберетъ!

Рекогносцировка конечно вполнѣ удалась, если это не болѣе какъ рекогносцировка по собственному почину... Что можно понять съ этими прирожденными дипломатами!

. . . .

Привезли дѣтей...

... Мои бѣдныя, бѣдныя дѣвочки! Я вовсе не радовался вашему возвращенію—я не ждалъ васъ! Я бы хотѣлъ, чтобы протянулся какъ можно дольше этотъ необычайный порядокъ, когда мы съ Шурой овладѣли цѣлымъ домомъ . . . .

Но какъ только онѣ ворвались въ прихожую со своей звонкой болтовней, возбужденныя, прелестныя, разрумяненныя морозомъ—я съ восторгомъ бросился цѣловать ихъ. Нѣтъ, нѣтъ! Это только дѣтки мои! Маленькія, глупыя дѣтки, и не скоро еще онѣ будутъ мудрыми барышнями и дамами!

Онѣ прыгали вокругъ меня, душили своими цѣпкими ручками, цѣловали—и тутъ же, прямо въ ротъ, начались разсказы и восклицанія. Все, что было, случилось, кого онѣ видѣли, куда ѣздили, что имъ подарили—все надо разсказать сразу, сейчасъ же и непремѣнно обѣимъ вмѣстѣ. А Аня, какъ старшая, непремѣнно увѣряетъ, что Варичка «не умѣетъ» разсказывать, непремѣнно поправляетъ и пересказываетъ снова сама . . . .

О, какъ я люблю ихъ радостный гвалтъ! какъ я наслаждаюсь, когда вокругъ меня кипитъ эта жизнь, бьющая ключомъ, непосредственная, и правдивая, и радостная въ каждомъ пустякѣ, въ каждой мелочи!!

...Право, жизнь была-бы часто невыносима, если-бъ на свѣтѣ не было дѣтей.

. . . .

Въ правѣ-ли я удивляться? . . . .

Все послѣдовательно—во всемъ неумолимая логика.

Я боюсь собственнаго чутья... Зачѣмъ проникать въ чужія побужденія, если это не дастъ ничего, кромѣ страданій?.. Не надо мѣшать людямъ прятать то, что они хотятъ скрыть отъ насъ. Вѣдь для того, чтобы этого не было, надо чтобы жили вмѣстѣ только тѣ, кому нечего скрывать.

Она назвала мои взоры «инквизиторскими»... Я не зналъ. Я не способенъ выслѣживать уже потому, что я не способенъ подозрѣвать.

Къ такимъ приходитъ на помощь судьба и вкладываетъ въ руку чужое письмо...

. . . .

Я вышелъ прогуляться. Голова разболѣлась послѣ разговора съ Лидой, да и отъ дѣтскаго крика я отвыкъ немножко.

Когда я вернулся, швейцаръ подалъ мнѣ конвертъ и сказалъ.

— Отъ Лидіи Николаевны. Сейчасъ только принесли.

Если-бъ Лида не была у меня сегодня, я вѣроятно взглянулъ-бы сначала на конвертъ—но послѣ нашего разговора меня не могло удивить письмо отъ нея. Я съ интересомъ тутъ-же на лѣстницѣ распечаталъ и началъ читать.

...Возможно-ли, чтобы кто-нибудь, начавъ читать и понявъ съ двухъ словъ, что именно въ этомъ листкѣ заключается все, что ему необходимо надо знать—возможно-ли, чтобы онъ поспѣшилъ остановиться и вложилъ-бы интересный листочекъ непрочитаннымъ обратно въ конвертъ? . . . .

Было время, когда именно я способенъ былъ на это. Но съ тѣхъ поръ слишкомъ много воды утекло, для того чтобы я захотѣлъ такъ поступить сегодня.

. . . .

«Спѣшу тебя успокоить, милая Варя! Конечно я была права когда говорила, что ты приписываешь В. то, на что онъ совершенно не способенъ... Я вынесла такое впечатлѣніе, что онъ даже и не слыхалъ вовсе твоего разговора съ К.—это всего вѣроятнѣе! Но если и слышалъ, то какую-нибудь незначащую фразу и, по обыкновенію, не обратилъ ровно никакого вниманія... Ты должно быть просто ошибаешься и не совсѣмъ вѣрно припоминаешь, какія были послѣднія слова К....

«Но зато все остальное обстоитъ *очень скверно*, по моему мнѣнію, и напрасно ты смотришь такъ легко на свой разговоръ съ В. Онъ уклоняется отъ объясненій, но я хорошо знаю его тонъ... Надо было слышать какимъ голосомъ онъ сказалъ: «Вар. Ник. дѣйствительно нѣсколько увлеклась!» Изъ твоихъ небрежныхъ словъ я не много могла понять, но теперь я совершенно убѣдилась, что это очень и очень

серьезно. По моему, это будетъ гораздо похуже ревности — твоего вѣчнаго кошмара!..

«Ты знаешь, что я въ отчаяніи отъ всѣхъ твоихъ мечтаній! Я не жду ничего хорошаго и не понимаю, какъ ты можешь въ такой степени довѣряться К... Мнѣ онъ кажется такимъ легкомысленнымъ!..

«Ради Бога, не сердись на меня, но я право не могу думать безъ ужаса, чѣмъ все это можетъ кончиться... Варя, Бога ради, образумься! или по крайней мѣрѣ еще подумай—подумай серьезно!»

«Не сердись на меня. До завтра. Твоя Лида» . . . .
. . . .
. . . .

Соколки. Іюнь 188.. г.

. . . .

Полтора года... Какой ничтожный срокъ, если жизнь течетъ нормально, когда событія сливаются въ привычныя, спокойныя картины. Но въ тѣ же двадцать мѣсяцевъ сколько можетъ совершиться переворотовъ—потерь—какъ далеко отшвырнетъ расходившійся шквалъ жалкое человѣческое существо! . . . .

...По крайней мѣрѣ—*конецъ-ли* это?

Точно-ли это та пристань тихая, гдѣ нѣтъ больше мѣста личнымъ надеждамъ и желаніямъ? . . . .

...Надежды цвѣтутъ и растутъ въ другихъ. Въ тѣхъ, чья судьба еще не исковеркана, кому еще далеко до роковой страницы, на которой нашему *свободному выбору* предоставляется начертать нашъ собственный идеалъ счастія. . . . .
. . . .

Передъ глазами все свое, родное... Изъ каждаго угла точно вѣетъ чистотой юности,—какъ-будто осталось на всемъ прикосновеніе любви большой, нѣжной и безкорыстной...

...А за рѣкой, за этими густыми зелеными купами—ея могила, гдѣ она слушаетъ тотъ-же строгій, задумчивый благовѣстъ, который доносится и сюда, на ея балконъ...

Да, да, это мои милыя Соколки!.. Но, увы—не больше какъ одна треть ея богатыхъ Соколокъ, да и это сберечь стоило и еще будетъ стоить впереди многихъ ухищреній и жертвъ... Эхъ, если-бъ да наши безумства отплачивались только этимъ! Какъ-бы легко я себя чувствовалъ владѣльцемъ маленькаго имѣньица, скромнымъ мировымъ судьей, честно зарабатывающимъ свое скромное жалованіе . . . .

Александра Васильевна права: стоитъ перемѣнить масштабъ, и суть жизни остается нетронутой, а только отпадаетъ все лишнее, безъ чего

люди живутъ честнѣе и ближе къ Божьей правдѣ. Она всегда права, этотъ маленькій философъ, заглянувшій «въ глубь вещей»!.. И какъ незлобиво она принимаетъ мои шутки надъ злополучнымъ терминомъ одного изъ ея петербургскихъ писемъ...

Но если что-нибудь поистинѣ удивительно, такъ это то, что и миссъ Гартонъ ничего не имѣетъ противъ новаго масштаба, упразднившаго добрую половину ея высокоцѣнныхъ атрибутовъ и преимуществъ. А вѣдь какъ твердо я былъ убѣжденъ, что наша миссъ немыслима безъ спеціальныхъ англійскихъ фасоновъ и безъ раздѣленія дня на «часы»!.. Оказывается, что она умѣетъ шить дѣтямъ русскіе сарафанчики, соглашается ѣсть простоквашу и даже научилась очень хорошо браниться по русски съ неряшливыми бабами, которыхъ она не теряетъ надежды пріучить къ англійской чистоплотности.

Часа черезъ полтора шумная компанія явится изъ лѣса, гдѣ теперь происходитъ сборъ растеній для гербаріума и грибовъ для ужина. А вечеромъ придетъ и Александра Васильевна, чтобы перемѣнить перевязку несчастной ошпаренной дѣвочкѣ въ людской. А потомъ я пойду провожать ее до села, если она сегодня не слишкомъ устала и не предпочтетъ взять лошадь. . . . .

...Буду смотрѣть, какъ она, гостьей, пьетъ чай за тѣмъ самымъ балконнымъ столомъ, за которымъ она когда-то хозяйничала, ловя взорами малѣйшее желаніе мамы...

И мнѣ это не кажется дикимъ!..

...Буду слушать тотъ-же голосъ — но не буду узнавать въ немъ прежнихъ звуковъ...

...Буду слѣдить за ея свободными и увѣренными движеніями, когда она расхаживаетъ съ дѣтьми по старымъ аллеямъ... и—развѣ это тѣ же движенія—тотъ-же голосъ—та-же женщина?

Нѣтъ въ ней ни прежней граціи, ни прежней застѣнчивости, ни прежней вялости. А у меня... у меня нѣтъ никакой власти надъ нею.

...Когда я не выдерживаю и погружаюсь въ воспоминанія—она меня слушаетъ съ тихимъ, задумчивымъ лицомъ... вздыхаетъ безотрадно—и начинаетъ говорить о другомъ. Черезъ минуту ея глаза уже блестятъ оживленно, голосъ опять звучитъ точно задержанной, радостной энергіей...

Нѣтъ! Перешибленными руками не удержать этой вольной птицы, съ только что отросшими, крѣпкими молодыми крыльями. . . . .

. . . .

Записки оборваны на письмѣ Лиды.

Собирался сжечь тетрадь вмѣстѣ со всѣмъ, что сожжено въ точномъ и въ фигуральномъ смыслѣ этого слова—но меня остановила мысль, что документъ — какъ знать! — можетъ, пожалуй, пригодиться въ будущемъ. Въ томъ страшномъ будущемъ, когда счастливое дѣтство не-

чувствительно докатится до рокового перекрестка: пойдешь направо — коня лишишься; пойдешь налѣво — себя погубишь и т. д. и т. д.

...Всегда, всегда эта мысль будетъ отравлять мое существованіе! Можетъ быть, даже лучше будетъ для нихъ, если я не доживу до той минуты. Вѣдь я способенъ омрачить всякое счастье и конечно не смогу предотвратить никакой бѣды!

Рано или поздно настанетъ и минута суда надъ родителями, разрушившими семью. Въ чье-бы осужденіе ни говорили достовѣрные документы — пусть прозвучитъ изъ прошлаго голосъ ничѣмъ не прикрашенной правды.

. . . .

Правда — такъ правда до конца, какова-бы она ни была.

У меня спала тяжесть съ души, когда Лидія Николаевна написала мнѣ, что дѣвочка умерла въ Италіи отъ дифтерита. Уже цѣлая недѣля, какъ письмо получено, но этого еще никто не знаетъ, я не сказалъ никому.

Да, — тяжесть спала съ души... Въ жизни многое неизмѣримо хуже смерти, а, проживъ съ мое, не нуждаешься въ лицемѣріи. Утѣшительно знать, что бѣдная крошка покоится въ землѣ, навѣки защищенная отъ людской жестокости и безразсудства . . . .

...Одну изъ всѣхъ, ее я могъ отдать... я еще не успѣлъ привязаться къ ней. Но для чего пожелали ее взять — я никогда не пойму. Развѣ только для того, чтобы нельзя было сказать, что мадамъ Громилина бросила всѣхъ своихъ дѣтей . . . .

Варвара Николаевна уѣхала за-границу лѣчиться. Къ ея болѣзни всѣ были давно приготовлены, и необыкновенно дальновидно, какъ легко было сообразить потомъ (Заднимъ числомъ ясна стала и роль Гаспара Гаспаровича и достопамятная лѣтняя поѣздка, испортившая мнѣ столько крови). Всѣ планы осуществились-бы самымъ благополучнымъ образомъ, если-бы не тянули такъ долго съ отъѣздомъ, выжидая отпуска гвардейца.

Самыя серьезныя вещи всего чаще срываются на пустякѣ!

...Совершенно лишнее было столько терзаться — бываютъ катастрофы, лишенныя всякаго драматизма, хоть и проходятъ онѣ повидимому тотъ самый путь, на которомъ разбиваются сердца и борются всѣ человѣческія чувства . . . .

Совершенно напрасно, напримѣръ, прочитавъ письмо Лиды, я чувствовалъ себя такъ, какъ будто ходилъ съ зажатой въ кулакѣ отравой... И называлъ себя подлецомъ, пока не разлетѣлся со своимъ наивнымъ: «иду на вы» . . . .

Оказалось, что со мною давно уже церемонились несравненно меньше.

. . . .

Но всего лучше, что виновникъ катастрофы—никто другой, какъ я самъ. Это я поставилъ вопросъ ребромъ, я, изъ вполнѣ благовидной заграничной поѣздки для поправленія здоровья—пожелалъ сдѣлать формальный разрывъ . . . .

Этотъ поэтическій романъ обсуждался семейно и трактовался на всѣ лады, совершенно какъ какое-нибудь дѣловое предпріятіе. Maman пустила въ ходъ всю свою житейскую премудрость и она выходила изъ себя отъ того, что я «хочу во что-бы то ни стало скандала»...

Я понимаю: мамашѣ хотѣлось обезпечить за дочерью путь отступленія, на случай если-бы еще разъ дѣйствительность обманула мечты...

Чисто старушечья осторожность! Варварѣ Николаевнѣ ни въ какомъ случаѣ не будетъ крайности въ отступленіи: передъ такими львицами слишкомъ широкая дорога, чтобы онѣ могли вспомнить первыя, скромныя тропинки...

Но несмотря на все—мнѣ жаль Лиду. Во мнѣ уцѣлѣло безкорыстное желаніе вырвать эту дѣвочку изъ среды фонъ-Трелей. Лида до конца сохранила со мною вѣрный тонъ. Съ заплаканными глазками, она грустно говорила объ «увлеченіи», о невозможности безвозвратно покинуть своихъ дѣтей и т. п.

...Вообще, всѣ безъ исключенія, намекали о какомъ-то очень туманномъ и очень отдаленномъ будущемъ, съ которымъ мнѣ и рекомендуется теперь-же сообразовать мое поведеніе... Отъ меня никто не слыхалъ жалобъ, но зато я не зналъ куда дѣваться отъ необыкновенно усердныхъ, загадочныхъ и многозначительныхъ утѣшеній. . . . .

Въ одну изъ такихъ минутъ мнѣ невольно вспомнилось замѣчаніе дядюшки Похлестова: «Видать, что семейка нѣмецкаго корня!»...

. . . .

Нѣтъ, я русакъ!—я понимаю только русскіе разрывы: подъ самый корень. Для меня возможно одно страстное желаніе—уйти безъ оглядки...

И конечно, конечно я ушелъ въ Соколки.

...Родной, мирный ландшафтъ ласкаетъ душу. Только никогда не развѣяться лежащей на немъ глубокой меланхоліи... Не поблѣднѣютъ несмываемыя тѣни, какія накладываетъ на все горечь собственныхъ ошибокъ и невозвратныхъ утратъ.

Тѣни всегда сгущаются сильнѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда юный взоръ видѣлъ все такъ иначе!.. Всегда присущіе, безсознательные контрасты придаютъ странную полноту жизни . . . .

...Къ настоящему примѣшивается частица прошлаго... И бередитъ, не даетъ забыть, и точно дразнитъ и манитъ туда, куда нѣтъ пути...

. . . .

Ольга Шапиръ.

Характеръ Ибсенскихъ драмъ.

(По поводу «**Маленькаго Эіольфа**»).

Самая привлекательная сторона драмъ Ибсена, какъ и вообще сочиненій всѣхъ художниковъ-мыслителей, состоитъ въ томъ, что въ этихъ произведеніяхъ проявляется все прямѣе и непосредственнѣе могучая личность самого поэта. Въ «Маленькомъ Эіольфѣ» авторъ точно приближается къ намъ, говоритъ убѣдительнымъ и сосредоточеннымъ голосомъ. Въ этихъ быстрыхъ, неожиданныхъ, хотя и всегда логично вытекающихъ изъ основной темы репликахъ и явленіяхъ, и даже въ отрывочности самаго слога. не вредящей однако-же его гармоніи, обнаруживается какое-то страстное желаніе сдѣлать себя понятнымъ не посредствомъ логики и риторики. о посредствомъ симпатіи мысли и чувства. созданной волшебною силою искусства. Отчего же и намъ не сдѣлать шага впередъ. чтобы заглянуть въ глубокую и бурную душу скандинавскаго поэта.

I.

Я помню. какъ Ибсенъ съ свойственною ему улыбкою, появляющеюся всякій разъ, когда рѣчь идетъ о чемъ нибудь особенно для него интересномъ, говорилъ мнѣ о своемъ происхожденіи.

Отецъ его датскаго происхожденія, мать нѣмецкаго, бабушка шотландскаго и, въ этой сложности. онъ какъ-бы усматриваетъ тайну своего нравственнаго развитія. Другой постоянно занимающій его вопросъ относится къ вліяніямъ, производимымъ на насъ тою средою, въ которой мы живемъ. Такъ какъ ему часто приходилось перемѣнять мѣсто жительства, то онъ имѣлъ много случаевъ и самъ испытать эти вліянія и изучать ихъ на другихъ. Говоря объ этомъ, онъ напоминалъ мнѣ стараго химика, объясняющаго опыты, дѣлаемые имъ въ своей лабораторіи. А черезъ лабораторію Ибсена проходили разнородныя души. Моделями

его норвежцевъ служили ему весьма часто, какъ онъ мнѣ самъ это объяснилъ, шведы или датчане, англичане и нѣмцы, даже итальянцы. Ему не трудно было сводить ихъ къ общечеловѣческому типу, одѣваемому затѣмъ въ то или другое платье, такъ какъ всѣ эти личности, къ какой-бы странѣ или народности онѣ ни принадлежали, ничто другое для него, какъ выраженіе одной и той-же самой идеи, дѣйствующія лица одной и той-же первообразной драмы, занимающей съ юныхъ лѣтъ его умъ и воображеніе. Идея эта высказывается въ тѣ часто внезапныя минуты волненія, встрѣчающіяся въ его пьесахъ, какъ и въ дѣйствительности, когда никто изъ насъ не владѣетъ больше ни своими словами, ни своими дѣйствіями, когда всѣ силы и слабости нашей природы выражаются какъ бы инстинктивно, невольно. Все творчество Ибсена направлено къ изображенію такихъ мгновеній. Для него нѣтъ въ жизни ничего интереснѣе внезапныхъ и невольныхъ рѣшеній или признаній, доставляющихъ ему доказательства давно предчувствованной истины. И вотъ какимъ образомъ реализмъ Ибсена служитъ лучшимъ орудіемъ его идеализму. Крайняя впечатлительность и сильное врожденное убѣжденіе—счастливое соединеніе этихъ двухъ качествъ придаетъ великую внушительную силу его художественному изображенію дѣйствительности.

Я попробую теперь опредѣлить въ нѣсколькихъ чертахъ ту общую идею, воплощеніе которой Ибсенъ видитъ и чувствуетъ во всѣхъ жизненныхъ явленіяхъ.

Высшее блаженство въ жизни—это забвеніе нашего уединенія, того состоянія разбросанности и раздробленія, въ которомъ мы живемъ. Всякое соединеніе нашего естества съ другимъ естествомъ доставляетъ намъ это отрадное чувство. Но наше счастье улетучивается, коль скоро мы пробуемъ укрѣпить его, такъ какъ мы сейчасъ возвращаемся къ времени, къ пространству, ко всѣмъ условіямъ внѣшней жизни, отъ которой ничто не ускользаетъ *). Оттуда тщетность всѣхъ попытокъ формальнаго, внѣшняго объединенія двухъ или всѣхъ человѣческихъ существъ. Такое объединеніе является въ насъ лишь, какъ чувство, какъ внутреннее душевное стремленіе, которое выше и священнѣе всѣхъ другихъ, и Ибсенъ объявляетъ войну всему тому, что ослабляетъ это стремленіе. Бѣда говоритъ онъ, тому, кто позволяетъ обезсилить себя ложнымъ увѣреніемъ, что цѣль уже достигнута**). Его иллюзія скоро исчезнетъ, вызывая лишь улыбку у всѣхъ тѣхъ, которые, находясь по своей природѣ выше или внѣ установленнаго порядка, видятъ ясно или инстинктивно чувствуютъ противоположность между призрачною и настоящею дѣйствительностью. Таковые ясновидящіе окружались когда-то странною

*) Комедія Любви.
**) Брандъ.

почестью или, по крайней мѣрѣ, пользовались особенными преимуществами среди обществъ, находящихся еще до нѣкоторой степени въ состояніи дѣтства, т. е. такихъ, у которыхъ инстинктивное начало еще не совершенно исчезло изъ народнаго ума. Это замѣчается и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ странахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ отношеніе русскаго простого народа къ своимъ юродивымъ, мусульманскаго востока къ своимъ марабу и т. д. Но народы, преклоняющіеся исключительно передъ равенствомъ и общественнымъ порядкомъ, чувствуютъ лишь отвращеніе ко всѣмъ исключеніямъ и преслѣдуютъ ихъ какъ враговъ этого порядка. Въ наше время нѣтъ никакихъ шутовъ, говорящихъ правду монархамъ, а чудаки, говорящіе правду обществу, провозглашаются сумасшедшими, какъ грибоѣдовскій Чацкій, или врагами народа, какъ ибсенскій д-ръ Стокманъ *). И они совершенно справедливо могутъ считаться сумасшедшими тамъ, гдѣ общественный умъ занялъ мѣсто индивидуальнаго, и врагами народа, если подъ словомъ народъ понимается царствующее большинство, составленное изъ слабыхъ или ослабленныхъ личностей, не могущихъ жить безъ того призрака, который Ибсенъ называетъ жизненною ложью **). Общество со своей стороны право, гоня и преслѣдуя ихъ, такъ какъ они, сознательно или безсознательно, способны разрушить его основныя начала. Но, къ сожалѣнію, чѣмъ болѣе распространяется искусственная нивелировка общества, тѣмъ чаще рождаются такіе строптивые умы, или, вѣрнѣе сказать, такіе безумцы, составляющіе какъ-бы живой протестъ человѣческой природы противъ насильственнаго равенства. Наименѣе опасны тѣ, которые явно возстаютъ противъ общества, такъ какъ оно имѣетъ противъ нихъ разныя средства и можетъ сдѣлать ихъ безвредными. Есть и другіе, шумно примѣняющіе къ частной жизни принципы, несогласные съ основаніями этой жизни. Они обыкновенно держатся той или другой предвзятой системы, провозглашаютъ ее направо и налѣво, неразборчиво, и дѣлаются либо невыносимыми, либо просто смѣшными. Но остается третья категорія несравненно опаснѣе двухъ другихъ, такъ какъ она не возбуждаетъ вокругъ себя никакого сопротивленія, а скорѣе сожалѣніе, состоя изъ страдающихъ, психически разстроенныхъ личностей, вредящихъ повидимому только самимъ себѣ. А между тѣмъ онѣ имѣютъ медленное, пагубное дѣйствіе на многихъ изъ тѣхъ лицъ, которыя слишкомъ часто и слишкомъ близко къ нимъ подходятъ. Но зато есть люди, одаренные силою и независимостью, которымъ встрѣчи съ подобными существами служатъ лишь стимуломъ къ мышленію и къ дѣятельности. Я могу привести извѣстный мнѣ примѣръ одного нѣмецкаго вельможи, который весьма пагубно повліялъ на

*) Ибсенъ, Врагъ Народа.

**) Дикая Утка.

свою среду, такъ какъ двѣ очень почтенныя личности, принужденныя жить съ нимъ, отъ этого просто погибли. Но я знаю одного художника, посѣщавшаго его очень часто. «Странно», говорилъ онъ мнѣ, «на насъ, художниковъ, человѣкъ этотъ имѣетъ отличное вліяніе. Мы находимъ извѣстную прелесть въ этой дикой, расшатанной натурѣ. У меня останется навсегда прекрасное воспоминаніе объ одномъ длинномъ путешествіи, предпринятомъ вмѣстѣ съ нимъ». Художникъ этотъ вовсе не былъ зараженъ расшатанностью своего страннаго друга, но зато разнузданная фантазія этого послѣдняго пришпоривала его собственную фантазію.

Ибсенъ, встрѣчавшій неоднократно въ жизни подобныхъ личностей, не особенно рѣдкихъ въ его родной странѣ, задалъ себѣ вопросъ, насколько ихъ, можно сказать, бѣсноватость олицетворяетъ абсолютное зло. Вопросъ этотъ онъ, какъ художникъ, рѣшилъ отрицательно, уже по той простой причинѣ, что онъ чувствуетъ себя въ нѣкоторомъ родствѣ съ этими строптивыми, своеобразными, исключительными характерами. Однако же онъ не могъ не признать эти явленія болѣзненными. Но въ болѣзни этой онѣ не сами виноваты. Первое подобное существо, представленное имъ въ его современныхъ драмахъ, это преслѣдуемая всѣми цыганка Гердъ, въ Брандѣ, второе—сынъ больного кутилы д-ръ Ранкъ, въ Кукольномъ домѣ, третье—осрамленный, прогнанный за слишкомъ вольнодумныя ученія изъ барскаго дома Росмеровъ и сдѣлавшійся затѣмъ пьяницей и бродягой учитель Ульрихъ Брендель, въ Росмерсгольмѣ. Это три психопата, окруженные какою-то тревожною атмосферою, внушающіе уже однимъ своимъ явленіемъ безпокойныя мысли, предвѣщающія роковыя происшествія, однимъ словомъ, это разрушительныя силы, выросшія изъ чужихъ, или, лучше сказать, изъ общихъ грѣховъ. За ними слѣдуютъ двѣ другія, Гедда Габлеръ и Гильде Вангель, дѣйствующія уже прямѣе, положительнѣе, непосредственнѣе. Однакоже, въ этомъ дѣйствіи нельзя усмотрѣть ничего преднамѣреннаго, никакой мести. Это опять-таки двѣ силы, получившія извѣстный толчокъ, непреодолимо подчиняющіяся ему и обращающіяся наконецъ противъ того, кто разнуздалъ ихъ, т. е. противъ Эйлерта Левборга, противъ Гальварда Сольнесса. Первая, Гедда, сама при этомъ погибаетъ, вторая, Гильде Вангель, остается въ живыхъ. Въ этомъ лежитъ у Ибсена скрытая мысль, нѣкоторыми отгаданная. Когда, я, встрѣтившись съ нимъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, сообщилъ ему замѣчаніе, сдѣланное по этому поводу однимъ русскимъ поэтомъ, онъ отвѣтилъ мнѣ: «Это совершенно вѣрно. Да погибнутъ всѣ Сольнессы, если только Гильде остается. Она встрѣтитъ же наконецъ человѣка сильнаго и свободнаго, у котораго голова не будетъ кружиться».

Ибсенъ оканчивалъ тогда свою новую пьесу «Маленькаго Эіольфа», въ которой онъ рѣшился представить мнимо злорадную силу, похожую

на библейскаго Искусителя, или скорѣе на скандинавское изображеніе того-же самаго начала, бога Локки, уже не воплощенную въ тотъ или другой типъ, взятый изъ дѣйствительности, а въ видѣ существа настолько символическаго, насколько это допускаетъ реалистическая форма драмы и настоящій реализмъ всѣхъ другихъ, представленныхъ въ немъ, дѣйствующихъ лицъ. При помощи этого символизма, авторъ обобщилъ вопросъ. Онъ на этотъ разъ не представляетъ даже своей Бабы Крысоловки жертвою общества, невольно обращающеюся противъ него. Это прямо таинственная сила, выступающая повсюду, гдѣ находится что нибудь «грызущее, царапающее, людямъ спать не дающее». Она сначала привлекаетъ все то, что олицетворяетъ это безпокойное, болѣзненное начало, затѣмъ ведетъ свои жертвы къ безсознательному самоуничтоженію. Такимъ образомъ, погибаютъ многіе тонкіе и благородные зародыши. Но они неспособны жить, а все дѣло въ жизни. Дѣйствіе же этой разрушительной силы обращается окончательно въ пользу жизни, задѣвая за живое всѣ живучія души, волнуя ихъ до самой ихъ глубины. Правда, такой процессъ дорого стоитъ, но всѣ потери возмѣщаются съ славою, если только мы его выдержимъ. Ибсенъ вѣритъ въ этотъ конечный результатъ и въ этой вѣрѣ, а не въ какихъ нибудь разсужденіяхъ состоитъ его убѣдительная сила. Онъ, слѣдовательно, представляетъ разрушительное начало, не какъ Мефистофеля «всегда желающаго зло и дѣлающаго добро», а какъ существо, вовсе не желающее зла. Онъ не знаетъ никакой абсолютной силы или воли зла и потому смѣло обращается къ нашей природѣ, стараясь возвратить ей первоначальную ея энергію, ослабленную развитіемъ въ человѣческой совѣсти чувства боязни, опасенія передъ самимъ собою *). Онъ самъ играетъ роль Искусителя, внушающаго намъ желаніе знать добро и зло, въ увѣренности, что это послѣднее исчезнетъ какъ только исчезнетъ темнота и ложь, какъ только мы откроемъ глаза и устремимъ ихъ къ истинѣ, къ природѣ, въ которой нѣтъ никакого зла.

«Вотъ вамъ новая чертовщина», писалъ Ибсенъ одному шведскому пріятелю, посылая ему Сольнесса. «Вотъ вамъ еще одна чертовщина», повторилъ онъ, посылая ему недавно «Маленькаго Эіольфа». Въ этой шуткѣ есть нѣчто серьезное. Страсть къ искусству побудила когда-то Ибсена къ индивидуальному творчеству, послѣ чего онъ сталъ увлекать людей на путь индивидуализма, проповѣдывать имъ то, что онъ самъ назвалъ «бунтомъ человѣческаго духа» **), требовать отъ нихъ, чтобы они жили такъ, какъ онъ творитъ, т. е. крѣпко, полно, независимо, «помня», какъ говоритъ Брандъ, «что жизнь тоже искусство», искусство, не могущее обойтись безъ идеала, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могущее обойтись

*) Строитель Сольнессъ.

**) Письмо Ибсена къ Георгу Брандесу.

и безъ осуществляющей его силы. Сила эта называется въ художникѣ геніемъ, а въ каждомъ дѣйствующемъ человѣкѣ волею. «Le génie c'est la patience». сказалъ Паскаль, называя волю христіанскимъ именемъ *терпѣнія*. Терпѣніе, о которомъ онъ говоритъ, это терпѣніе мысли, постоянно направленной къ истинѣ, терпѣніе вѣры, остающейся побѣдительницей послѣ всѣхъ душевныхъ переломовъ, неутомимое терпѣніе настоящаго милосердія и, наконецъ, основаніе всѣхъ другихъ, животворящее терпѣніе любви, любви къ правдѣ, любви къ человѣчеству, но тоже и любви къ жизни, наполняющей всю терпѣливую природу и тождественной съ мировою волею. Вотъ почему проповѣдникъ воли, Ибсенъ, сдѣлался нынѣ, въ Маленькомъ Эіольфѣ, защитникомъ нераздѣльной съ ней любви, не пугаясь никакихъ ея проявленій.

II.

Очертивъ вкратцѣ основную идею послѣдней драмы Ибсена, идею, которая, впрочемъ, лежитъ въ основѣ всѣхъ его произведеній, я обращусь теперь къ драматическому сюжету «Маленькаго Эіольфа».

Богатая красавица, полная жизни и огня, Рита, влюбилась страстно въ молодого мечтателя Альфреда Альмерса, человѣка безъ состоянія, но съ врожденнымъ аристократическимъ направленіемъ ума. Она выходитъ за него замужъ и они поселяются въ ея имѣніи. До сихъ поръ Альфредъ жилъ въ городѣ вмѣстѣ съ родной по отцу сестрой Астой, давалъ уроки и писалъ беллетристическія и философскія статьи. Аста, милая, кроткая и практичная дѣвочка, сдѣлалась для него истиннымъ провидѣніемъ. Онъ, шутя, называлъ ее своимъ маленькимъ Эіольфомъ, представляя себѣ, что это не сестра, а братъ, до такой степени его слабая природа инстинктивно нуждалась въ поддерживающей ее силѣ. Въ Ритѣ онъ нашелъ, напротивъ, силу разрушительную. Ими овладѣла та сладострастная любовь, мрачную картину которой Левъ Толстой представилъ намъ въ Крейцеровой Сонатѣ. Они позабыли обо всемъ, даже о своемъ ребенкѣ, Эіольфѣ (имя, напоминающее Альмерсу дни, прожитые съ Астою), который однажды, оставленный безъ надзора, упавъ со стола, сломалъ себѣ ногу и остался навсегда калѣкою.

Прошло десять лѣтъ. Здоровье Альмерса слабѣетъ. Умъ его дѣлается неспособнымъ къ работѣ (онъ съ молодыхъ лѣтъ занятъ большимъ сочиненіемъ «О человѣческой отвѣтственности»). Наконецъ, слѣдуя совѣтамъ врача, Альфредъ, въ первый разъ послѣ брака, предпринимаетъ одинъ путешествіе по норвежскимъ горамъ. Онъ скоро приходитъ въ себя и видитъ очень ясно, что, сочиняя книгу о человѣческой отвѣтственности, онъ забылъ объ этой отвѣтственности, насколько она касается его лично. Онъ понимаетъ, наконецъ, свою первую обязанность. Прежде всего онъ долженъ быть отцомъ для Эіольфа и воспитывать его

такъ, чтобы изъ этого мальчика выросъ настоящій человѣкъ, такъ сказать, цвѣтъ рода Альмерсовъ.

Это, какъ видно, узкій и эгоистическій идеалъ, за который Альмерсъ будетъ тотчасъ-же трагически наказанъ.

Драма начинается на другое утро послѣ возвращенія Альфреда домой. Она двигается впередъ не какъ всѣ другія пьесы Ибсена, а съ какою-то торопливою быстротою. Мы едва познакомились съ главными дѣйствующими лицами, между прочимъ съ Эіольфомъ, мальчикомъ гордымъ, тщеславнымъ, отвѣчающимъ презрѣніемъ на всѣ насмѣшки деревенскихъ дѣтей, какъ вдругъ къ Альмерсамъ является странное существо, которое скоро окажется орудіемъ вѣчной правды, вѣчнаго порядка вещей. Это старая женщина, занимающаяся истребленіемъ крысъ и употребляющая для этого средство, о которомъ говоритъ иллюстрированная, если не ошибаюсь, Герардомъ Довомъ фламандская сказка о Гаммельнскомъ Крысоловѣ. Старуха эта обходитъ вокругъ домовъ, играя на губной гармоникѣ, и «все что грызетъ, царапаетъ, людямъ спать не даетъ», слѣдуетъ за нею вплоть до самаго фіорда. Тогда она садится въ лодку, удаляется отъ берега, и всѣ эти маленькія существа, ненавидимыя и преслѣдуемыя людьми, пускаются за нею вплавь и тонутъ всѣ до послѣдняго. Она разсказываетъ это безъ всякой злобы, напротивъ того, съ жалостью и умиленіемъ, такъ что Эіольфъ, который сначала испугался, очарованъ этимъ фантастическимъ явленіемъ, и, когда она уходитъ, мальчикъ, на подобіе дѣтей, о которыхъ разсказываетъ упомянутая фламандская легенда, невольно, никѣмъ не замѣченный, потихоньку слѣдуетъ за ней.

Между тѣмъ родители, хотя они и объявили старухѣ, что въ ихъ домѣ нѣтъ ничего грызущаго, царапающаго, спать не дающаго, очень скоро убѣждаются, что у нихъ, напротивъ, есть много причинъ для безпокойства.

Начинается тѣмъ, что Рита замѣчаетъ, до какой степени Альмерсъ освободился отъ ея власти. Онъ опять приближается къ близкой ему по душѣ Астѣ, къ которой молодая женщина весьма понятно ревнуетъ его. Но ревность ея принимаетъ другое направленіе, какъ только Альфредъ объявляетъ ей, что онъ впредь намѣренъ посвятить себя всецѣло Эіольфу. Она очень хорошо понимаетъ, что подъ этой внезапно проявляющейся отцовскою любовью скрывается въ душѣ Альфреда утомленіе прежнею жизнью и желаніе замѣнить ее чѣмъ нибудь новымъ. Задѣтая за живое Рита выходитъ изъ себя. Она въ глубинѣ души желала-бы уничтоженія Эіольфа, этой живой преграды, отдѣляющей ее отъ мужа, и вдругъ, отдавъ себѣ отчетъ въ своей затаенной мысли, приходитъ въ ужасъ передъ самой собою. Но уже слишкомъ поздно. Въ ту-же самую минуту, когда злополучная мысль родилась, маленькій Эіольфъ, дошедшій по слѣдамъ отплывающей нынѣ старухи до самаго берега фіорда, дѣлаетъ не-

вольно шагъ впередъ, падаетъ и погибаетъ на глазахъ деревенскихъ дѣтей, изъ которыхъ ни одинъ не бросается въ воду, чтобы спасти этого гордаго барченка. Отчаяніе Риты, когда она узнаетъ о смерти ребенка, безгранично и доходитъ почти до умопомѣшательства. Но только одного чувства у нея недостаетъ, а именно—угрызенія совѣсти. Она для этого слишкомъ полна жизни. Въ ней нѣтъ мѣста для этого мертваго, празднаго, безполезнаго чувства, которому зато Альфредъ предается всецѣло. Оно не дѣлаетъ его лучшимъ. Напротивъ того, онъ, самъ страдая, находитъ какое-то свирѣпое наслажденіе въ напоминаніи Ритѣ всего того, что можетъ отягчить ея совѣсть, доказывая ей, что они сами виноваты въ томъ, что случилось, что они убійцы Эіольфа, что онъ, благодаря ихъ страстямъ, сдѣлался калѣкой, неспособнымъ спастись. Жестокость Альмерса увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ, какъ впрочемъ и все современное общество, сохранилъ одно только изъ всѣхъ началъ, среди которыхъ онъ воспитывался, а именно идею первороднаго зла, грѣха и наказанія, однимъ словомъ все то, что ослабляетъ нашу нравственную природу, приводя человѣческую совѣсть въ состояніе болѣзненной впечатлительности и постояннаго страха. Настоящую же силу христіанства, вѣру въ небеснаго Отца-Утѣшителя, онъ и самъ потерялъ, и искоренилъ даже изъ сердца Риты. Къ счастью, онъ не могъ потушить въ ней другого пламени, пламени любви и жизни, которымъ она не перестаетъ пылать, даже послѣ того, какъ Альфредъ, съ ледяною твердостью, удаляется не только отъ нея, но и отъ всего человѣческаго и мечтаетъ только объ одномъ: какъ-бы поскорѣе вернуться къ уединенію среди снѣжныхъ горъ и мертвой природы. Кстати, онъ потерялъ и Асту, которая, узнавъ случайно, что она незаконнорожденная дочь ихъ общаго отца, слѣдовательно, не сестра Альфреду, бѣжитъ «и отъ него, и отъ самой себя», какъ она выражается. Аста принимаетъ предложеніе инженера Борггейма, человѣка, напоминающаго намъ что есть въ мірѣ другія существа, кромѣ праздныхъ идеалистовъ, и другія дѣла, кромѣ трагедій совѣсти.

Что-же будетъ съ Ритой и Альфредомъ? А вотъ что: ледъ растаетъ отъ огня, жизнь одержитъ побѣду надъ смертью. Но въ сердцѣ Риты пламя жизни преобразовалось. Оно, правда, не подымается къ небесамъ, къ этимъ пустымъ небесамъ, къ которымъ врожденный идеализмъ атеиста Альмерса влечетъ его поневолѣ. Но оно распространяется вокругъ себя по землѣ, къ которой Альмерсъ самъ когда-то обратилъ взоры своей жены, и къ которой она страстно привязалась. Въ то же самое мгновеніе, когда Альмерсъ говоритъ ей о предстоящей разлукѣ, доносится до нихъ крикъ съ того же самаго мѣста на берегу фіорда, гдѣ утонулъ Эіольфъ,—вопли дѣтей и женъ, недовольныхъ и пьяныхъ работниковъ, возвращающихся домой, обыкно-

венная драка, повторяющаяся каждый вечеръ. Но на этотъ разъ Рита понимаетъ, что это значитъ, она понимаетъ, что въ состояніи, вызывающемъ такія сцены, виноваты они, они, которые никогда ничего для этихъ несчастныхъ не сдѣлали, которые заняты были лишь самими собою. Ихъ ребенокъ погибъ потому, что ничто не внушало другимъ мальчикамъ даже мысли броситься въ воду для спасенія его. Они чувствовали себя слишкомъ отъ него отдаленными. Нынѣ же Рита вмѣсто того, чтобы выгнать изъ своихъ владѣній всю эту толпу, какъ этого желалъ-бы уѣзжающій Альфредъ, рѣшается, напротивъ, приблизиться къ этимъ людямъ, протянуть имъ руку, предложить имъ мѣсто, остающееся пустымъ въ ея сердцѣ послѣ смерти сына и отъѣзда мужа. И у Альфреда вдругъ открываются глаза: вѣдь это его собственная идея, идея о человѣческой отвѣтственности, являющаяся передъ нимъ уже не какъ мертвая буква, неоконченная книга, а какъ живая дѣйствительность, какъ правда, какъ любовь. Любовь же родилась въ душѣ Риты изъ всемогущаго чувства жизни, породившаго у ней сначала разнузданную страсть, жертвою которой сдѣлался Эіольфъ. Теперь его мѣсто въ сердцѣ матери заняло человѣчество. Да, Эіольфъ не погибъ напрасно. Альфредъ это понимаетъ. Онъ остается съ женою и, подходя къ перевязанному въ знакъ траура флагу, подымаетъ его въ знакъ радости.

III.

Многіе изъ поклонниковъ Ибсена упрекнутъ меня, вѣроятно, въ томъ, что я, говоря о Маленькомъ Эіольфѣ, не обратилъ вниманія на драматическое достоинство этой пьесы, а именно на столь художественно выдающійся въ разныхъ ея сценахъ душевный переломъ, вслѣдствіе котораго Альмерсъ невольно отдаляется отъ Риты и приближается къ Астѣ. Этимъ психическимъ положеніемъ обусловливается весь трагизмъ разоблаченія, принуждающаго Асту покинуть Альфреда и даже бѣжать отъ него. Я знаю, что для многихъ въ этомъ именно состоитъ весь интересъ драмы и знаю даже, что играющіе ее актеры должны понимать ее такъ, а не иначе, подъ страхомъ полнѣйшей неудачи.

Но настоящая задача каждаго изъ насъ говорить о томъ, что его лично больше всего занимаетъ. Это тоже своего рода индивидуализмъ. И потому я имѣлъ въ виду не театральныя впечатлѣнія, производимыя Маленькимъ Эіольфомъ, а то чувство, которое мы уносимъ съ собою послѣ представленія и которое слѣдуетъ за нами домой, какъ пудель за Фаустомъ. Изъ него рождается въ насъ понятіе, о которомъ можно сказать: «Das ist des Pudels Kern».

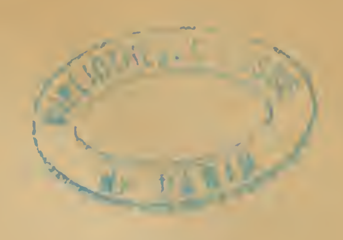
Въ окончательномъ соединеніи Альфреда съ Ритой я вижу прежде всего плодотворное соединеніе идеи съ жизнью, подчиненіе идеи жизненнымъ условіямъ. Такъ какъ условія эти извѣстны намъ посредствомъ

инстинкта, то существо, у котораго вообще преобладаетъ инстинктъ, т. е. женщина, предназначено для приданія формы и жизни понятіямъ, рождающимся въ духѣ мужчины. Какъ всѣ умы, склонные къ мистицизму, Ибсенъ—объ этомъ свидѣтельствуютъ многія изъ его драмъ и стихотвореній—видитъ въ супружествѣ символъ соединенія духа съ матеріею, безъ котораго и то и другое дѣйствуютъ лишь уничтожающе.

Въ Маленькомъ Эіольфѣ соединеніе это вызвано окончательнымъ преобразованіемъ въ сердцѣ Риты начала любви, которое, въ этомъ глубокомъ произведеніи, проходитъ черезъ всю свою естественную скалу, начиная отъ сластолюбія и кончая альтруизмомъ. Благодаря послѣдней сценѣ, Маленькій Эіольфъ является такимъ образомъ прекраснымъ символомъ вѣры во всемогущество любви и жизни, геніальнымъ отвѣтомъ на геніальное сочиненіе Льва Толстого, на Крейцерову сонату. По очевидному мнѣнію Ибсена, на котораго, какъ онъ мнѣ самъ сказалъ, Крейцерова соната произвела чрезвычайно сильное впечатлѣніе, Толстой упустилъ изъ вида внутреннюю связь, существующую между всѣми формами любви. Онъ не замѣтилъ, что все выставленное имъ зло происходитъ не отъ свирѣпости этого чувства въ душѣ тѣхъ, которые дѣлаются его жертвами, а отъ природнаго безсилія этихъ жертвъ. Если же найдется существо, полное страсти, но съ достаточной силой, чтобы выдержать всѣ испытанія любви, то Ибсенъ не сомнѣвается въ томъ, что она окончательно дойдетъ у него до полнаго своего развитія, до самоотверженія и милосердія. И потому въ самыхъ низшихъ ея проявленіяхъ есть что-то священное. Моралистъ долженъ обращаться съ ними осторожно, ибо, отрывая наше сердце отъ земли, которой оно принадлежитъ, мы его не возвысимъ, а только изсушимъ.

Развязка Маленькаго Эіольфа, неожиданная для всѣхъ тѣхъ, которые стараются понять Ибсена умомъ и разсужденіемъ, предчувствована была съ самаго начала нѣкоторыми читателями, понимающими его скорѣе инстинктомъ и сердцемъ. Этотъ фактъ, въ которомъ я имѣлъ случай убѣдиться, служитъ новымъ доказательствомъ безсилія всякой критики передъ искусствомъ, сквозь которое просвѣчиваетъ личность, не находящаяся съ этой критикой ни въ какомъ родствѣ. А критика сама по себѣ не способна вызвать къ жизни родственнаго съ собою творчества, ибо критикъ, одаренный такою силою, былъ-бы самъ не критикомъ, а творцомъ. Напротивъ, могучее оригинальное творчество способно преобразовать критику, вызывая въ умственномъ мірѣ новыя теченія. И вотъ еще почему я оставилъ въ сторонѣ все, что въ Ибсенѣ принадлежитъ театральной критикѣ, которой онъ подчиненъ какъ драматургъ, и занялся исключительно мыслителемъ, имѣющимъ дѣло со «всѣмъ тѣмъ, что грызетъ, царапаетъ, людямъ спать не даетъ».

М. Прозоръ.

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

(Послѣдняя борьба христіанъ съ язычниками въ IV в.).

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе).

XIV.

Юліанъ провелъ зиму въ поспѣшныхъ приготовленіяхъ къ персидскому походу. Въ началѣ весны, 5 марта, выступилъ онъ изъ Антіохіи съ войскомъ въ 65 тысячъ человѣкъ.

Снѣгъ на горахъ таялъ. Во фруктовыхъ садахъ молоденькія персиковыя деревья, голыя, лишенныя листьевъ, уже покрылись розовымъ цвѣтомъ. Солдаты шли на войну весело, какъ на праздникъ.

На Самозатскихъ верфяхъ изъ громадныхъ кедровъ, сосенъ и дубовъ, срубленныхъ въ ущельяхъ Тавра, былъ построенъ флотъ въ 1200 кораблей и спущенъ по Ефрату до города Каллинике.

Юліанъ быстрыми переходами направился черезъ Гіераполь въ Карры, и дальше на югъ, по самому берегу Ефрата, къ Персидской границѣ. На сѣверъ было отправлено другое, тридцатитысячное войско, подъ начальствомъ комесовъ Прокопія и Себастіана. Соединившись съ армянскимъ царемъ Арзакіемъ, они должны были опустошить Анадіабэну, Хиліокомъ, и пройдя Кордуэну, встрѣтиться съ главнымъ войскомъ на берегахъ Тигра, подъ стѣнами Ктезифона.

Все, до послѣдней мелочи, было предусмотрѣно императоромъ, все было взвѣшено и обдумано съ любовью. Тѣ, кто понимали этотъ планъ, недаромъ удивлялись его мудрости, величію и простотѣ.

Въ самомъ началѣ апрѣля, пришли въ Цирцезіумъ, послѣднюю римскую твердыню, сильно укрѣпленную Діоклитіаномъ на границѣ Месопотаміи, при сліяніи рѣки Абора съ Ефратомъ. Построили плавучій мостъ изъ барокъ. Юліанъ отдалъ повелѣніе переступить границу на слѣдующее утро.

Поздно вечеромъ, когда все уже было готово, онъ вернулся въ палатку, усталый и веселый, зажегъ лампаду и хотѣлъ приняться за любимую работу, которой ежедневно удѣлялъ часть ночного отдыха. Это было обширное философское сочиненіе «Противъ Христіанъ». Писалъ онъ его урывками, подъ звуки военныхъ трубъ, лагерныхъ пѣсенъ и сторожевыхъ перекличекъ. Его радовала мысль, что онъ борется съ Галилеяниномъ всѣмъ, чѣмъ только можно бороться,—на полѣ битвы, и въ книгѣ, римскимъ мечомъ и эллинской мудростью. Никогда не разлучался императоръ съ твореніями Святыхъ Отцовъ, съ церковными канонами и символами соборовъ. На поляхъ очень старыхъ истрепанныхъ свитковъ Новаго Завѣта, который онъ изучалъ съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ Платона и Гомера, его собственной рукой были начертаны язвительныя замѣчанія.

Юліанъ снялъ пыльное вооруженіе, умылся, сѣлъ за походный столикъ и обмакнулъ остроконечный тростникъ въ чернильницу, приготовляясь писать. Но его уединеніе было нарушено. Два вѣстника прибыли въ лагерь—одинъ изъ Италіи, другой изъ Іерусалима. Юліанъ выслушалъ обоихъ.

Вѣсти были не радостныя. Землетрясеніе только-что разрушило великолѣпный городъ Малой Азіи,—Никомедію. Подземные удары привели въ ужасъ населеніе Константинополя. Книги сибиллы запрещали переступать римскую границу въ теченіе года.

Вѣстникъ изъ Іерусалима привезъ письмо отъ сановника Алипія Антіохійскаго, которому Юліанъ поручилъ возстановленіе Соломонова храма. По странному противорѣчію, поклонникъ многобожнаго Олимпа рѣшилъ возобновить уничтоженный римлянами храмъ единому Богу Израиля, чтобы предъ лицомъ всѣхъ народовъ и всѣхъ вѣковъ опровергнуть истину евангельскаго пророчества: «не останется здѣсь камня на камнѣ; все будетъ разрушено» (Матѳ. XXIV, 2). Евреи съ восторгомъ откликнулись на призывъ Юліана. Отовсюду стекались пожертвованія. Планъ постройки былъ грандіозный. За работы принялись съ поспѣшностью. Общій надзоръ Юліанъ поручилъ своему другу, образованному и благородному человѣку, комесу Алипію Антіохійскому, бывшему намѣстнику Британіи.

— Что такое случилось?—спросилъ Юліанъ съ тревогой, изъ подлобья взглянувъ на мрачное лицо вѣстника и не распечатывая письма.

— Великое несчастіе, блаженный августъ!..

— Говори! Не бойся.

— Пока строители расчищали мусоръ,—началъ вѣстникъ,—и сносили древнія развалины стѣнъ, все шло хорошо. Но только-что приступили къ закладкѣ новаго зданія, пламя, въ видѣ летающихъ огненныхъ шаровъ, вырвалось изъ подваловъ, разбросало камни и опалило рабочихъ. На слѣдующій день, по повелѣнію благороднаго Алипія, опять приступили къ работамъ. Чудо повторилось. И потомъ въ третій разъ. Теперь христіане торжествуютъ, эллины въ ужасѣ, и ни одинъ рабочій не соглашается сойти въ подземеліе. Отъ постройки не осталось камня на камнѣ,—все разрушено.

— Молчи, негодяй! Ты самъ, должно быть, галилеянинъ,—воскликнулъ императоръ въ ярости, занося руку, чтобы ударить колѣнопреклоненнаго вѣстника,—ложь, ложь!.. Бабьи сплетни!.. Неужели комесъ Алипій не могъ выбрать болѣе разумнаго вѣстника?..

Онъ поспѣшно сорвалъ печать, развернулъ и прочелъ письмо. Вѣстникъ былъ правъ. Алипій подтверждалъ его слова. Юліанъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, внимательно перечелъ, приблизилъ письмо къ лампадѣ: румянецъ гнѣва и стыда покрылъ все лицо его, наконецъ закусивъ губы до крови, онъ скомкалъ и бросилъ папирусъ стоявшему рядомъ врачу Орибазію:

— Прочти,—ты вѣдь не вѣришь въ чудеса. Или комесъ Алипій сошелъ съ ума, или... нѣтъ, нѣтъ... этого быть не можетъ!..

Молодой александрійскій ученый поднялъ и прочелъ письмо съ тою спокойною, какъ будто безучастною неторопливостью, съ которою онъ дѣлалъ все. Потомъ обратилъ на Юліана ясный, умный взглядъ.

— Не вижу здѣсь никакого чуда,—молвилъ врачъ,—давно уже ученые описали это явленіе. Въ подвалахъ древнихъ зданій, запертыхъ и лишенныхъ притока воздуха въ продолженіе многихъ столѣтій, собираются иногда густыя, легко воспламеняющіяся испаренія. Довольно спуститься въ такое подземеліе съ зажженнымъ факеломъ, чтобы произошелъ взрывъ. Внезапно вырвавшійся огонь убиваетъ неосторожныхъ. Людямъ невѣжественнымъ это кажется чудомъ. Но и здѣсь, какъ вездѣ, свѣтъ знанія разсѣиваетъ тьму суевѣрія и даетъ разуму человѣческому свободу. Все прекрасно, потому что все естественно и согласно съ волей природы.

Онъ спокойно положилъ письмо на столъ, и на тонкихъ, упрямыхъ губахъ его промелькнула самодовольная педантическая улыбка.

— Да, да, конечно,—произнесъ Юліанъ съ горькой усмѣшкой,—надо-же чѣмъ-нибудь утѣшаться! Все можно объяснить, все естественно: и землетрясеніе въ Никомедіи, и землетрясеніе въ Константинополѣ, и пророчества книгъ сибилловыхъ, и засуха въ Антіохіи, и пожары въ Римѣ, и наводненія въ Египтѣ. Все—естественно, только странно, что все противъ меня,—и земля, и небо, и вода, и огонь, и, кажется, сами боги!

Въ палатку вошелъ Саллюстій Секундъ.

— Великій августъ! Этрусскіе гадатели, которыхъ ты велѣлъ вопросить о волѣ боговъ, умоляютъ тебя помедлить, завтра не переступать границы. Вѣщія куры аруспиціевъ, несмотря ни на какія молитвы, отворачиваются отъ пищи, сидятъ нахохлившись и не клюютъ ячменныхъ зеренъ,—зловѣщая примѣта!

Сперва Юліанъ гнѣвно сдвинулъ брови, но вдругъ глаза его сверкнули веселостью, и онъ засмѣялся такимъ неожиданнымъ смѣхомъ, что всѣ молча, съ удивленіемъ, обратили на него взоры:

— Такъ вотъ какъ, Саллюстій! Не клюютъ? А? Что-же намъ дѣлать съ этими упрямыми птицами? Ужъ не послушать-ли ихъ, не вернуться-ли назадъ въ Антіохію, на радость и потѣху галилеянамъ? Знаешь-ли что, другъ мой любезный? Пойди-ка ты сейчасъ къ этрусскимъ гадателямъ и объяви имъ нашу кесарскую волю. Пускай возьмутъ жрецы всѣхъ своихъ дурацкихъ куръ и выбросятъ ихъ въ рѣку. Туда имъ дорога! Слышишь? Жирнымъ капризницамъ неохота ѣсть, посмотримъ, не придетъ-ли имъ охота напиться рѣчной воды. Иди,—исполни мою волю.

— Ты шутишь, милостивый августъ! Скажи, такъ-ли я понялъ тебя. Неужели ты все-таки желаешь завтра утромъ переступить границу?

— Да, да,—и клянусь будущими побѣдами, клянусь величіемъ римской имперіи, никакія священныя куры не испугаютъ меня,—ни вода, ни огонь, ни земля, ни небо, ни сами боги. Поздно! Жребій брошенъ. Друзья мои, во всей природѣ есть-ли что-нибудь божественнѣе воли человѣческой?.. Во всѣхъ книгахъ сибилловыхъ есть-ли что-нибудь сильнѣе этихъ словъ: *я такъ хочу!* Больше, чѣмъ когда-либо, чувствую тайну жизни моей. Прежде знаменія опутывали меня, какъ сѣти, и порабощали. Нынѣ вѣрю въ нихъ и смѣюсь надъ ними. Можетъ быть, это—кощунство,—пусть! Мнѣ больше нечего терять. Если боги покинутъ меня, я отрекусь отъ боговъ.

Когда приближенные удалились, Юліанъ подошелъ къ маленькому серебряному изваянію Меркурія съ походнымъ алтаремъ, намѣреваясь, по своему обыкновенію, сотворить вечернюю молитву и бросить нѣсколько зеренъ ѳиміама, но вдругъ отвернулся и отошелъ съ улыбкой, легъ на львиную шкуру, которая служила ему постелью, и погасивъ лампаду, заснулъ беззаботнымъ, крѣпкимъ сномъ, какимъ люди спятъ иногда передъ большими несчастіями.

Заря чуть брезжила, когда онъ проснулся, еще болѣе радостный. Въ лагерѣ слышался шумъ пробужденія. Загремѣли трубы.

Юліанъ вскочилъ на коня и помчался къ берегу Абора.

Раннее апрѣльское утро было свѣжо и почти бездыханно. Сонный вѣтерокъ приносилъ ночную прохладу съ великой азіатской рѣки. По всему широкому весеннему разливу Ефрата, отъ башенъ Цирцезіума до

римскаго лагеря, на десять стадій, тянулся флотъ. Со временъ Ксеркса не видано было такого грознаго великолѣпія.

Солнце брызнуло первыми лучами изъ-за пирамидальнаго мавзолея, памятника Гордіана, побѣдителя персовъ, нѣкогда умерщвленнаго на этомъ берегу Филиппомъ Аравитяниномъ. Край багроваго диска зардѣлся надъ тихимъ горизонтомъ пустыни, какъ раскаленный уголь, и сразу всѣ верхушки парусовъ и мачтъ порозовѣли сквозь утреннюю мглу.

Императоръ подалъ знакъ, и восемь пятитысячныхъ человѣческихъ громадъ мѣрнымъ шагомъ, отъ котораго земля содрогнулась и загудѣла, сдвинулись. Римское войско стало переходить черезъ мостъ, черезъ границу Персіи.

Конь вынесъ Юліана на противоположный берегъ, на высокій песчаный холмъ, землю враговъ.

Во главѣ одной палатинской когорты ѣхалъ центуріонъ щитоносцевъ, Анатолій, поклонникъ Арсинои.

Анатолій взглянулъ на императора. Въ наружности Юліана произошла большая перемѣна. Мѣсяцъ, проведенный на свѣжемъ воздухѣ, въ лагерныхъ трудахъ, былъ ему полезенъ. Въ мужественномъ воинѣ, съ обвѣтренными и загорѣлыми щеками, съ молодымъ взоромъ, блиставшимъ веселостью, трудно было узнать школьнаго философа съ осунувшимся, желтымъ и нездоровымъ лицомъ, съ педантическою угрюмостью въ глазахъ, съ растрепанными волосами и бородой, съ растерянной торопливостью въ движеніяхъ, съ чернильными пятнами на пальцахъ и на цинической тогѣ,—ритора Юліана, надъ которымъ издѣвались уличные мальчишки Антіохіи.

— Слушайте, слушайте,—Кесарь будетъ говорить.

Все притихло. Раздавалось только слабое бряцаніе оружія, шелестъ воды подъ кораблями и шуршаніе шелковыхъ знаменъ.

— Храбрѣйшіе воины!—началъ Юліанъ громкимъ, сильнымъ голосомъ,—я вижу на лицахъ вашихъ такую отвагу и веселіе, что не могу удержаться отъ радостнаго привѣтствія. Помните, товарищи, судьбы вселенной—въ нашихъ рукахъ, мы идемъ возстановлять древнее величіе Римской имперіи. Закалите-же сердца ваши, будьте готовы на все. Намъ больше нѣтъ возврата. Я буду во главѣ или въ рядахъ вашихъ, конный и пѣшій, участвуя во всѣхъ трудахъ и опасностяхъ, наравнѣ съ послѣднимъ воиномъ, потому что съ этого дня вы уже—не рабы, а друзья мои, дѣти мои! Если же измѣнчивый рокъ судилъ мнѣ пасть въ борьбѣ, я буду счастливъ тѣмъ, что умру за Вѣчный Римъ, подобно древнимъ великимъ мужамъ — Сцеволамъ, Курціямъ и свѣтлѣйшимъ отпрыскамъ Децієвъ. Мужайтесь-же, товарищи, и помните,—сильные побѣждаютъ!

Онъ вынулъ мечъ и простеръ его, съ улыбкой указывая войску на далекій горизонтъ пустыни.

Солдаты дружно подняли и сдвинули щиты, съ крикомъ восторга:

— Слава Кесарю Побѣдителю!

Боевыя галеры разсѣкли волны Ефрата, римскіе орлы полетѣли надъ когортами, бѣлый конь понесъ молодого императора навстрѣчу восходящему солнцу.

Но холодная голубая тѣнь отъ пирамиды Гордіана падала на бѣлый, гладкій песокъ. Скоро Юліанъ долженъ былъ выѣхать изъ утренняго солнца въ эту длинную, зловѣщую тѣнь одинокой гробницы.

XV.

Войско шло по лѣвому берегу Ефрата.

Равнина, широкая, гладкая какъ море, была покрыта серебристой полынью. Деревьевъ не было видно. Кусты и травы имѣли ароматическій запахъ. Изрѣдка стадо дикихъословъ, вздымая пыль копытами, появлялось на горизонтѣ. Пробѣгали страусы. Жирное, лакомое мясо степной драхвы дымилось за ужиномъ на солдатскихъ кострахъ. Шутки и пѣсни не умолкали до поздней ночи. Походъ казался прогулкой. Съ воздушною легкостью, почти не касаясь земли, проносились граціозныя тонконогія газели: у нихъ были лукавые, нѣжные глаза, какъ у красивыхъ женщинъ. Воиновъ, искавшихъ славы, добычи и крови пустыня встрѣчала безмолвною ласкою, звѣздными ночами, тихими закатами и восходами, благовонною вечернею мглою, пропитанной запахомъ горькой полыни.

Они шли все дальше и дальше, не находя враговъ.

Но только-что проходили, тишина опять смыкалась надъ равниной, какъ вода надъ утонувшимъ кораблемъ, и стебли травъ, притоптанные ногами легіонеровъ, тихо подымались.

Вдругъ пустыня сдѣлалась грозной. Тучи покрыли небо. Хлынулъ дождь. Молнія убила солдата, водившаго коней на водопой.

Въ концѣ апрѣля начались жаркіе дни. Товарищи завидовали тому изъ воиновъ, кто шелъ въ тѣни, падавшей отъ верблюда или отъ нагруженной телѣги съ полотнянымъ навѣсомъ. Люди далекаго сѣвера, галлы и скиѳы умирали отъ солнечныхъ ударовъ. Равнина становилась печальной, лысой, кое-гдѣ покрытой только бѣдными пучками выжженной травы. Ноги утопали въ пескѣ.

Налетали внезапные вихри съ такою силою, что срывали знамена, цѣлыя палатки. Люди и кони валились съ ногъ. Потомъ опять наступала странная, внезапная тишина, которая напуганному солдату казалась страшнѣе всякой бури. Шутки и пѣсни умолкли. Но воины шли все дальше и дальше, не находя враговъ.

Въ началѣ мая вступили въ пальмовыя рощи Ассиріи.

У Мацепракта, гдѣ сохранились развалины огромной стѣны, построенной древнеассирійскими царями, въ первый разъ увидѣли врага. Персы отступили съ неожиданною легкостью.

Подъ тучей ядовитыхъ стрѣлъ римляне перешли черезъ глубокій каналъ, соединявшій Ефратъ съ Тигромъ. Это величественное сооруженіе, выложенное вавилонскими кирпичами и прорѣзывавшее съ геометрическою правильностью всю Месопотамію поперекъ, называлось Нагаръ-Малка—Рѣка Царей.

Вдругъ персы исчезли. Уровень Нагаръ-Малки повысился. Потомъ, выступивъ изъ береговъ, вода хлынула на окрестныя поля. Персы устроили наводненіе, отперевъ шлюзы и плотины каналовъ, орошавшихъ сложною сѣтью рыхлую землю ассирійскихъ полей.

Пѣхотинцы шли по колѣно въ водѣ, ноги вязли въ липкой, тяжелой глинѣ. Цѣлыя манипулы проваливались въ невидимыя канавы, въ неожиданныя ямы, исчезали даже всадники съ конями и нагруженные верблюды. Надо было ощупывать дорогу шестами.

Поля превратились въ озера, пальмовыя рощи въ острова.

— Куда идемъ?—роптали малодушные,—на что глядя?.. Какого еще рожна?.. Отчего сейчасъ-же не вернуться къ рѣкѣ и не сѣсть на корабли. Мы воины, а не лягушки, чтобы плавать по грязнымъ лужамъ.

Юліанъ шелъ пѣшкомъ, вмѣстѣ съ рядовыми, даже въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ. Собственными руками помогалъ онъ вытаскивать за колеса тяжелыя навьюченныя телѣги, увязшія въ тинѣ, и шутилъ, показывая солдатамъ свою царскую багряницу, мокрую, запачканную темнозеленымъ иломъ.

Изъ пальмовыхъ стволовъ устроили гати, перекинули плавучіе мосты на громадныхъ пузыряхъ.

Съ наступленіемъ ночи, войску удалось выбраться на сухое мѣсто.

Измученные солдаты уснули тревожнымъ сномъ.

Утромъ увидѣли они крѣпость Перизаборъ.

Персы издѣвались надъ врагами съ высоты неприступныхъ башенъ и стѣнъ, увѣшанныхъ толстыми, шершавыми покровами изъ козьяго мѣха, для защиты отъ ударовъ осадныхъ машинъ. Цѣлый день обмѣнивались метальными снарядами и ругательствами.

Въ темнотѣ безлунной ночи римляне, сохраняя глубокую тишину, сняли съ кораблей и придвинули къ самымъ стѣнамъ Перизабора катапульты и таранъ.

Рвы наполнили землею.

Посредствомъ одной «маллеолы», т. е. огненной стрѣлы, громадной, веретенообразной, наполненной горючимъ составомъ изъ дегтя, сѣры, масла и горной смолы, римлянамъ удалось поджечь на стѣнѣ волосяной щитъ изъ козьяго мѣха. Персы кинулись гасить пожаръ. Пользуясь

этой минутой смятенія, императоръ велѣлъ подкатить осадную машину, таранъ.

Это былъ стволъ сосны, подвѣшенный на цѣпяхъ къ бревенчатой пирамидальной башнѣ: стволъ кончался мѣдной бараньей головой. Сотни сильныхъ легіонеровъ, съ дружнымъ, пѣвучимъ крикомъ—«разъ, два, три!» напрягая мускулы на голыхъ, смуглыхъ плечахъ, тянули за толстыя веревки изъ туго скрученныхъ воловьихъ жилъ и медленно раскачивали громадную сосну.

Раздался первый ударъ, подобный удару грома. Земля загудѣла, стѣны содрогнулись. Потомъ еще и еще, бревно раскачалось, удары сыпались все чаще, баранъ какъ будто свирѣпѣлъ и съ упрямою злостью колотилъ мѣднымъ лбомъ въ стѣну. Вдругъ послышался трескъ, грохотъ, цѣлый уголъ стѣны обвалился.

Персы бѣжали съ крикомъ отчаянія.

Юліанъ, сверкая шлемомъ въ облакѣ пыли, веселый и страшный, какъ богъ войны, устремился въ завоеванный городъ.

Войско пошло дальше. Два дня отдохнуло оно въ тѣнистыхъ свѣжихъ рощахъ, наслаждаясь кислымъ прохладительнымъ напиткомъ, въ родѣ вина,—изъ пальмоваго сока, и ароматными вавилонскими финиками, прозрачными и золотисто-желтыми, какъ янтарь.

Потомъ вышли на безотрадную каменистую равнину. Зной былъ тягостный. Животныя и люди умирали. Воздухъ въ полдень трепеталъ и струился надъ скалами волнообразными раскаленными слоями. По сѣрой пепельной пустынѣ рѣка Тигръ извивалась, сверкая чешуйчатымъ серебромъ, какъ лѣнивая змѣя, которая грѣетъ гибкія кольца на солнечномъ припекѣ.

Римляне увидѣли громадную скалу надъ Тигромъ, отвѣсную, розовую, голую, съ изломанными колючими остріями. Это была вторая крѣпость, охранявшая Ктезифонъ, южную столицу Персіи, еще болѣе неприступная, чѣмъ Перизаборъ, настоящее орлиное гнѣздо подъ облаками. Шестнадцать башенъ и двойная стѣна Маогамалки сложены были изъ знаменитыхъ вавилонскихъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, скрѣпленныхъ горною смолой,—какъ всѣ древнія ассирійскія постройки, которыя не боятся тысячелѣтій.

Началась осада. Опять утомительно заскрипѣли деревянные неуклюжіе члены баллистъ, завизжали колеса, рычаги и блоки скорпіоновъ, засвистѣли огненныя маллеолы.

Былъ часъ, когда ящерицы спятъ въ расщелинахъ скалъ. Лучи солнца падали на спины, на головы солдатъ, какъ подавляющая тяжесть. Ихъ блескъ былъ страшенъ. Легіонеры въ отчаяніи, не слушая начальниковъ, несмотря на опасность, срывали съ себя накалившіеся латы и шлемы, предпочитая раны зною. Надъ темно-бурыми кирпич-

ными башнями и бойницами Маогамалки, откуда сыпались ядовитыя стрѣлы, копья, камни, свинцовыя и глиняныя ядра, пылающія персидскія фаларики, отравлявшія воздухъ зловоніемъ сѣры и нефти, повисло пыльное пустое небо съ едва уловимымъ оттѣнкомъ лазури, ужасающее, ослѣпительное, неумолимое, какъ смерть.

Небо побѣдило вражду людей. Осаждающіе и осажденные, изнемогая отъ усталости, прекратили битву.

Наступила тишина, странная въ этотъ яркій полдень, болѣе мертвая, чѣмъ въ самую глухую ночь.

Римляне не пали духомъ.

Послѣ взятія Перизабора, они повѣрили въ непобѣдимость императора, сравнивая его съ Александромъ Великимъ, и ждали чудесъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, съ восточной стороны Маогамалки, гдѣ скалы спускались болѣе отлого къ равнинѣ, солдаты копали траншею. Проходя подъ стѣнами крѣпости, траншея оканчивалась внутри города. Ширина подземелья въ три локтя позволяла двумъ воинамъ идти рядомъ. Толстыя деревянныя подпорки, разставленныя на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, поддерживали потолокъ. Землекопы работали весело: послѣ солнца пріятна была подземная сырость и темнота.

— Недавно были мы лягушками, — смѣялись солдаты, — теперь стали кротами.

Три когорты—Маттіаріи, Лакцинаріи, Викторы, — тысяча пятьсотъ храбрѣйшихъ воиновъ, соблюдая глубокую тишину, вступили въ подземную галлерею и нетерпѣливо ожидали приказанія полководцевъ, чтобы ворваться въ городъ.

На разсвѣтѣ приступъ нарочно былъ направленъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ, чтобы разсѣять вниманіе персовъ.

Юліанъ велъ солдатъ по узкой тропинкѣ надъ крутизною, подъ градомъ стрѣлъ и камней. «Посмотримъ,—думалъ онъ, наслаждаясь опасностью,—охранятъ-ли меня боги, будетъ-ли чудо, спасусь-ли я и теперь отъ смерти».

И неудержимое любопытство, жажда сверхъестественнаго заставляла его подвергать жизнь опасности, съ вызывающей улыбкой искушать судьбу. Боялся онъ не смерти, а только проигрыша въ этой безцѣльной, упоительной игрѣ съ Верховными Силами.

И солдаты шли за нимъ, какъ очарованные, зараженные его безуміемъ.

Персы, смѣясь надъ усиліями осаждающихъ, громогласно пѣли хвалу Сыну Солнца, царю Сапору, и кричали римлянамъ съ подоблачныхъ твердынь Маогамалки:

— Скорѣе Юліанъ проникнетъ въ чертоги Ормузда, чѣмъ въ нашу крѣпость!

Въ разгарѣ приступа, императоръ шопотомъ передалъ приказаніе полководцамъ.

Солдаты, притаившіеся въ траншеѣ, вышли внутри города, въ подвалѣ одного дома, гдѣ старая персіянка булочница мѣсила тѣсто. Она закричала пронзительно, увидѣвъ римскихъ легіонеровъ. Ее убили.

Подкравшись незамѣтно, они кинулись на осаждаемыхъ съ тылу. Персы побросали оружіе и разсыпались по улицамъ Маогамалки. Тогда римляне изнутри отперли ворота Юліану, и городъ былъ захваченъ съ двухъ сторонъ.

Теперь уже никто изъ воиновъ не сомнѣвался, что императоръ, подобно Александру Македонскому, завоюетъ всю Персидскую Монархію до Инда.

Войско приближалось къ южной столицѣ Персіи, Ктезифону. Корабли оставались на Ефратѣ.

Юліанъ все съ тою-же лихорадочной, почти волшебною быстротою, которая врагамъ не давала опомниться, возобновилъ древнее римское сооруженіе,—соединительный каналъ, прорытый Траяномъ и Септиміемъ Северомъ, изъ предосторожности заваленный персами.

Черезъ этотъ каналъ флотъ переведенъ былъ въ Тигръ, немного выше стѣнъ Ктезифона. Побѣдитель проникъ въ самое сердце Азіатской монархіи.

На слѣдующій день, вечеромъ, Юліанъ, собравъ военный совѣтъ, объявилъ, что ночью переправитъ войска на тотъ берегъ, къ стѣнамъ Ктезифона. Дагалаифъ, Гормизда, Секундинъ, Викторъ, Саллюстій,— все люди испытанные въ бояхъ, пришли въ ужасъ и долго возражали императору, умоляя отказаться отъ слишкомъ смѣлаго предпріятія. Указывали на усталость войска, на широту рѣки, на быстроту теченія, на крутизну противоположнаго берега, на близость Ктезифона и несмѣтнаго войска царя Сапора, на неизбѣжность вылазки персовъ во время переправы. Юліанъ ничего не слушалъ:

— Сколько-бы мы ни ждали,—воскликнулъ онъ наконецъ съ нетерпѣніемъ,—рѣка не сдѣлается менѣе широкой, берега менѣе крутыми, а войско персовъ съ каждымъ днемъ увеличивается новыми подкрѣпленіями. Если бы я слушался вашихъ совѣтовъ, до сихъ поръ мы сидѣли-бы въ Антіохіи!

Полководцы вышли отъ него въ смятеніи.

— Не выдержитъ!—со вздохомъ проговорилъ опытный и хитрый Дагалаифъ, варваръ, посѣдѣвшій на римской службѣ,—вотъ помяните мое слово,—не выдержитъ. Веселъ-то веселъ, даже посмѣивается, а все-таки въ лицѣ у него что-то неладное. Такое выраженіе я видывалъ у людей, близкихъ къ отчаянію, уставшихъ до смерти. Веселье это недоброе.

Знойныя туманныя сумерки быстро слетали на гладь величественной рѣки. Поданъ былъ сигналъ. Пять военныхъ галеръ съ четырьмя стами воиновъ отчалили. Долго слышались взмахи веселъ. Потомъ все утихло. Мгла сдѣлалась непроницаемой. Юліанъ съ берега смотрѣлъ пристально. Онъ скрывалъ свое волненіе улыбкой. Полководцы перешептывались. Вдругъ въ темнотѣ блеснулъ огонь. Всѣ притаили дыханіе и обратили взоры на императора. Онъ понялъ, что значитъ этотъ огонь. Персамъ удалось поджечь римскіе корабли огненными снарядами, ловко пущенными съ крутого берега.

Онъ поблѣднѣлъ, но тотчасъ-же оправился, и не давая солдатамъ времени опомниться, кинулся на первый попавшійся корабль, стоявшій у самаго берега и громко закричалъ, съ торжествующей улыбкой обращаясь къ войску:

— Побѣда, побѣда! Видите—огонь. Они причалили и овладѣли берегомъ. Я самъ приказалъ посланной когортѣ зажечь костры въ знакъ побѣды. За мной, товарищи!

— Что ты дѣлаешь? — шепнулъ ему на ухо осторожный Саллюстій—мы погибли, вѣдь это—пожаръ...

— Кесарь съ ума сошелъ!—въ ужасѣ молвилъ на ухо Дагалаифу Гормизда.

Хитрый варваръ пожималъ плечами въ недоумѣніи.

Войско неудержимо устремилось къ рѣкѣ. Съ восторженнымъ крикомъ: «побѣда! побѣда!» толкая другъ друга, обгоняя, падая въ воду и съ веселою руганью вылѣзая, всѣ кинулись на корабли. Нѣсколько мелкихъ барокъ едва не утопили. Недоставало мѣста на галерахъ.

Многіе всадники кинулись вплавь, разрѣзая грудью коней быстрое теченіе. Кельты и батавы, на своихъ огромныхъ кожаныхъ щитахъ, вогнутыхъ на подобіе маленькихъ челноковъ, устремились въ темную рѣку. Безстрашные, плыли они въ туманѣ, и щиты ихъ быстро крутились на водоворотахъ, но не замѣчая опасности солдаты радостно кричали: «побѣда! побѣда!»

Сила теченія была на время укрощена кораблями, запрудившими рѣку. Пожаръ на пяти передовыхъ галерахъ потушили безъ труда.

Тогда только всѣ ясно поняли дерзкую хитрость императора. Но солдатамъ сдѣлалось еще веселѣе. Теперь, когда такую опасность преодолѣли шутя,—все казалось возможнымъ.

Незадолго передъ разсвѣтомъ овладѣли они высотами противоположнаго берега. Едва успѣли римляне освѣжиться краткимъ сномъ, не снимая оружія, какъ на зарѣ увидѣли огромное войско, выступившее изъ стѣнъ Ктезифона на равнину, передъ городомъ.

Двѣнадцать часовъ длилось сраженіе. Персы дрались съ яростью отчаянія. Войско Юліана впервые увидѣло здѣсь громадныхъ боевыхъ слоновъ, которые могли растоптать цѣлую когорту, какъ поле съ колосьями.

Побѣда была такая, какой римляне не одерживали со временъ великихъ императоровъ Траяна, Веспасіана и Тита.

Юліанъ приносилъ на солнечномъ восходѣ благодарственную жертву богу войны Арею, состоявшую изъ десяти бѣлыхъ быковъ необыкновенной красоты, напоминавшихъ изображенія священныхъ тельцовъ на древнихъ греческихъ барельефахъ. Всѣ были въ праздничномъ настроеніи. Только этрусскіе авгуры, какъ всегда, сохраняли упрямую и зловѣщую угрюмость. Съ каждой побѣдой Юліана становились они все мрачнѣе, все безмолвнѣе и загадочнѣе. Подвели перваго быка къ пылавшему жертвеннику, обвитому лаврами. Быкъ шелъ лѣниво и покорно,—вдругъ оступился, упалъ на колѣни, съ жалобнымъ страннымъ мычаніемъ, похожимъ на человѣческій голосъ, отъ котораго у всѣхъ морозъ пробѣжалъ по тѣлу, уткнулъ морду въ пыль и прежде, чѣмъ двуострая сѣкира виктимарія коснулась его широкаго лба,—затрепеталъ, издыхая. Подвели другого. Онъ также палъ мертвымъ. Потомъ третій, четвертый. Всѣ подходили къ жертвеннику вялые, слабые, едва державшіеся на ногахъ, какъ будто пораженные смертельною болѣзнью,—и съ унылымъ мычаніемъ издыхали. Ропотъ ужаса послышался въ войскѣ. Это было страшное предзнаменованіе.

Нѣкоторые увѣряли, что этрусскіе жрецы нарочно отравили жертвенныхъ быковъ, чтобы отомстить императору за его презрѣніе къ ихъ вѣщему искусству.

Девять быковъ пало. Десятый вырвался, разорвалъ путы и съ ревомъ помчался, распространяя смятеніе въ лагерѣ. Онъ выбѣжалъ изъ воротъ. Его не могли поймать.

Жертвоприношеніе разстроилось. Авгуры злорадствовали.

Когда-же попробовали разсѣчь мертвыхъ быковъ, Юліанъ опытнымъ глазомъ гадателя увидѣлъ во внутренностяхъ несомнѣнныя и ужасающія предзнаменованія. Онъ отвернулся. Лицо покрылось блѣдностью. Хотѣлъ улыбнуться и не могъ. Вдругъ онъ подошелъ къ пылавшему алтарю и изо всей силы толкнулъ его ногой. Жертвенникъ покачнулся, но не упалъ. Толпа тяжело вздохнула, какъ одинъ человѣкъ. Префектъ Саллюстій кинулся къ императору и шепнулъ ему на ухо:

— Солдаты смотрятъ... Лучше прекратить богослуженіе...

Юліанъ отстранилъ его и сильнѣе ударилъ ногою алтарь. Жертвенникъ опрокинулся. Угли разсыпались. Огонь потухъ, но благовонный дымъ еще обильнѣе заклубился.

— Горе, горе!.. Жертвенникъ оскверняютъ!.. — возопилъ чей-то голосъ въ толпѣ.

— Говорю тебѣ, онъ съ ума сошелъ, — въ ужасѣ пролепеталъ Гормизда, хватая за руку Дагалаифа,—взгляни на лицо его. Удивляюсь, какъ другіе не видятъ...

Этрусскіе авгуры стояли, попрежнему спокойные, невозмутимые, съ равнодушными строгими лицами.

Юліанъ воздѣлъ руки къ небу. Глаза его горѣли. Онъ воскликнулъ громкимъ голосомъ:

— Клянусь вѣчною радостью, заключенною здѣсь, въ моемъ сердцѣ, отрекаюсь отъ васъ, какъ вы отъ меня отреклись, покидаю васъ,—какъ вы меня покинули, блаженные и безсильные. Я одинъ противъ васъ, олимпійскіе призраки! Я подобенъ вамъ, но не равенъ, потому что я—человѣкъ, а вы только боги. Давно уже сердце мое жаждало послѣдняго освобожденія, и вотъ теперь я порываю нашъ договоръ. Я смѣюсь надъ моимъ суевѣрнымъ ужасомъ, надъ дѣтскимъ лепетомъ вашихъ пророчествъ. Я жилъ какъ рабъ и могъ-бы умереть какъ рабъ, но я проснулся, я понялъ, что я—сильнѣе боговъ, потому что, обреченный смерти, я побѣдилъ смерть. Не надо унынья, не надо страха, не надо жертвъ, не надо молитвъ. Кончено! Отнынѣ въ жизни моей не будетъ ни одной тѣни, ни одного трепета,—ничего,—кромѣ олимпійскаго вѣчнаго смѣха, который я похищаю у васъ, умершіе, ничего,—кромѣ небеснаго огня, который я похищаю у васъ, безсмертные! Жизнь моя будетъ, какъ неподвижная лазурь, въ которой вы нѣкогда жили, а теперь—умираете, чтобъ уступить мѣсто намъ, богоподобнымъ!.. Максимъ, Максимъ, ты правъ: духъ твой на мнѣ!

Сгорбленный, девяностолѣтній авгуръ, съ длинной бѣлой бородой, съ жреческимъ загнутымъ посохомъ, подошелъ къ императору и положилъ еще твердую сильную руку на плечо его.

— Тише, дитя мое, тише. Если ты постигъ тайну, радуйся молча. Не соблазняй толпы. Тебя слушаютъ тѣ, кто не могутъ понять.

Ропотъ негодованія все усиливался.

— Бредитъ, попросту бредитъ,—шепталъ Гормизда Дагалаифу,— надо-бы увести его въ палатку. А то можетъ кончиться преглупо и прескверно.

Къ Юліану подошелъ Орибазій, съ обычнымъ заботливымъ видомъ самоотверженнаго врача. Онъ осторожно взялъ императора за руку и началъ его уговаривать снисходительно, какъ больного:

— Тебѣ нуженъ отдыхъ, милостивый августъ. Ты двѣ ночи не спалъ. Вотъ и руки горячія. Въ этихъ краяхъ водятся опасныя лихорадки: пойдемъ въ палатку. Солнце вредно. Болѣзнь можетъ усилиться.

Императоръ взглянулъ на него съ разсѣянной усмѣшкой:

— Подожди, Орибазій. Я что-то забылъ... Да... да... Вѣдь это самое главное!.. Слушай,—не говори никогда: боговъ *уже* нѣтъ, а лучше такъ: боговъ *еще* нѣтъ. Ихъ нѣтъ, но они будутъ, не въ небесахъ, а здѣсь, на землѣ. Мы всѣ будемъ, какъ боги,—только надо имѣть великое дерзновеніе, какого никто не имѣлъ на землѣ, даже самъ герой Македонскій.

Смятеніе въ войскѣ становилось опаснымъ. Ропотъ и возгласы сливались въ негодующій смутный гулъ. Никто ничего ясно не понималъ, но всѣ чуяли, что происходитъ недоброе. Одни кричали въ суевѣрномъ страхѣ:

— Кощунство!.. Кощунство!.. Подымите жертвенникъ!.. Чего смотрятъ жрецы?..

Другіе отвѣчали:

— Жрецы отравили кесаря за то, что онъ не слушалъ ихъ совѣтовъ... Бейте жрецовъ!.. Они погубятъ насъ!..

Галилеяне, пользуясь удобнымъ случаемъ, шныряли, суетились со смиреннѣйшимъ видомъ, пересмѣивались и перешептывались, выдумывая сплетни, и какъ змѣи, проснувшіяся отъ зимней спячки, только что отогрѣтыя солнцемъ,—шипѣли:

— Развѣ вы не видите? Это Богъ его караетъ... Страшно впасть въ руки Бога Живого!.. Бѣсы имъ овладѣли, бѣсы помутили ему разумъ,—вотъ онъ и возстаетъ на тѣхъ самыхъ боговъ, ради коихъ отрекся отъ Единаго.

Императоръ, какъ будто пробуждаясь отъ глубокаго сна, обвелъ всѣхъ медленнымъ взоромъ и наконецъ спросилъ Орибазія съ равнодушнымъ видомъ:

— Что такое?.. О чемъ кричатъ?.. Что случилось?.. Да, да... Опрокинутый жертвенникъ.

Онъ съ грустной усмѣшкой взглянулъ на угли ѳиміама, потухавшіе въ пыли:

— Знаешь-ли, ученый другъ мой, ничѣмъ нельзя такъ оскорбить людей, какъ истиною. Бѣдныя, глупыя дѣти!.. Ну что-жъ, пусть покричатъ и поплачутъ, — утѣшатся... Пойдемъ, Орибазій, пойдемъ скорѣе въ тѣнь... Ты — правъ, должно быть, солнце мнѣ вредно... Глазамъ больно... Я усталъ...

Юліанъ пошелъ медленно, опираясь на руку врача. Войдя въ шатеръ, лѣнивымъ движеніемъ руки онъ велѣлъ всѣмъ удалиться. Закрыли дверь, въ палаткѣ стало темно.

Императоръ подошелъ къ своей бѣдной и жесткой походной постели,— львиной шкурѣ, и упалъ на нее въ изнеможеніи. Долго лежалъ онъ такъ, ничкомъ, стиснувъ голову ладонями, какъ бывало въ дѣтствѣ, послѣ тяжкой обиды или горя.

— Тише, тише,—кесарь боленъ,—старались полководцы успокоить взволнованныхъ солдатъ.

И солдаты умолкли и замерли.

Въ римскомъ лагерѣ, какъ въ комнатѣ больного, наступила тишина, полная зловѣщаго и томительнаго ожиданія.

Только галилеяне не ждали и не мѣшкали, а суетились, скользили неслышно, всюду проникали, распространяя мрачные слухи и шипѣли, какъ шипятъ змѣи проснувшіяся отъ зимней спячки, только что отогрѣтыя солнцемъ:

— Развѣ вы не видите? Это Богъ его караетъ... Страшно впасть въ руки Бога живого!..

XVI.

Нѣсколько разъ въ шатеръ осторожно заглядывалъ Орибазій предлагая больному освѣжающій напитокъ. Юліанъ отказывался и просилъ оставить его въ покоѣ. Онъ боялся человѣческихъ лицъ, звуковъ и свѣта.

Попрежнему сжимая голову руками, закрывъ глаза, старался онъ ни о чемъ не думать, забыть, гдѣ онъ и что съ нимъ.

Неестественное напряженіе воли, въ которомъ провелъ онъ послѣдніе три мѣсяца, измѣнило, оставило его слабымъ и разбитымъ, какъ послѣ долгой болѣзни.

Онъ не зналъ, спитъ онъ или бодрствуетъ.

Картины, повторяясь, цѣпляясь одна за другую, плыли передъ его глазами съ неудержимой быстротой и мучительной яркостью.

То ему казалось, что онъ лежитъ въ холодной огромной спальнѣ замка Мацеллума. Дряхлая няня Лабда перекрестила его на ночь, и фырканіе боевыхъ коней, привязанныхъ вблизи палатки, дѣлалось смѣшнымъ отрывистымъ храпомъ стараго педагога Мардонія. Онъ съ радостью чувствовалъ себя очень маленькимъ мальчикомъ, никому неизвѣстнымъ, далекимъ отъ людей, покинутымъ въ горахъ Каппадокіи.

То ему чудился знакомый, тонкій и свѣжій запахъ гіацинтовъ, нѣжно пригрѣтыхъ мартовскимъ солнцемъ, въ уютномъ дворикѣ жреца Олимпіодора, серебристый милый смѣхъ Амариллисъ подъ журчаніе фонтана, звуки мѣдныхъ чашечекъ игры коттабы и предобѣденный крикъ Діофаны изъ кухни: «дѣти мои, инбирное печеніе готово».

Но все исчезало...

И онъ только слышалъ, какъ первыя январскія мухи, уже радуясь полуденному припеку, жужжатъ по весеннему, въ углу, защищенномъ отъ вѣтра, на бѣлой солнечной стѣнѣ у моря. У ногъ его умираютъ свѣтло-зеленыя волны безъ пѣны. Онъ смотритъ съ улыбкою на паруса,

утопающіе въ безконечной нѣжности моря и зимняго солнца, знаетъ, что въ этой блаженной пустынѣ онъ одинъ, никто не придетъ, и какъ эти черныя веселыя мухи — на бѣлой стѣнѣ, чувствуетъ только невинную радость жизни, солнце и тишину.

Вдругъ Юліанъ, очнувшись, вспоминалъ, что онъ — въ глубинѣ Персіи, что онъ—римскій императоръ, что на рукахъ его—шестьдесятъ тысячъ солдатъ, что боговъ нѣтъ, что онъ опрокинулъ жертвенникъ съ кощунствомъ. Онъ вздрагивалъ. Ознобъ пробѣгалъ по тѣлу. Ему казалось, что онъ сорвался, падаетъ въ бездну, и не за что ухватиться.

Онъ не могъ-бы сказать, пролежалъ-ли онъ въ этой полудремотѣ часъ или цѣлыя сутки.

Но ясно, уже не во снѣ, а наяву, раздался голосъ стараго вѣрнаго слуги, осторожно просунувшаго голову въ дверь:

— Кесарь! боюсь потревожить, но ослушаться не смѣю. Ты велѣлъ доложить, не медля... Въ лагерь только что пріѣхалъ полководецъ Аринѳей...

— Аринѳей! — воскликнулъ Юліанъ и вскочилъ на ноги, пробужденный какъ ударомъ грома,—Аринѳей!.. Зови, зови сюда!..

Это былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ полководцевъ, съ небольшимъ отрядомъ посланный развѣдчикомъ на сѣверъ, чтобы узнать, не приближается-ли тридцатитысячное вспомогательное войско комесовъ Прокопія и Себастіана, которымъ было приказано, съ войсками римскаго союзника Арзакія, царя Армянскаго присоединиться къ императору подъ стѣнами Ктезифона. Юліанъ давно ожидалъ этой помощи. Отъ нея зависѣла участь главнаго войска.

— Приведи!—воскликнулъ императоръ,—приведи его... Скорѣй!.. Или нѣтъ... Я самъ...

Но слабость еще не совсѣмъ прошла, несмотря на мгновенное возбужденіе. Голова закружилась. Онъ закрылъ глаза, и долженъ былъ опереться о полотняную стѣнку шатра.

— Дай вина... крѣпкаго—съ холодной водой...

Старый слуга засуетился, проворно нацѣдилъ кубокъ и подалъ императору.

Тотъ выпилъ медленными глотками все, до послѣдней капли, и вздохнулъ съ облегченіемъ. Потомъ вышелъ изъ палатки.

Былъ поздній вечеръ. Далеко, за Ефратомъ, прошла гроза. Бурный вѣтеръ приносилъ свѣжую сырость, запахъ дождя.

Среди черныхъ тучъ рѣдкія, крупныя звѣзды сильно дрожали, какъ лампадные огни, задуваемые вѣтромъ. Изъ пустыни слышался лай шакаловъ. Юліанъ обнажилъ грудь, подставилъ лицо вѣтру и съ наслажденіемъ чувствовалъ въ своихъ волосахъ мужественную ласку уходящей бури.

Онъ улыбнулся, вспомнивъ свое малодушіе. Слабость исчезала. Возвращалось пріятное напряженіе силъ душевныхъ, подобное опьяненію. Нервы были натянуты, какъ чуткія струны. Хотѣлось приказывать, дѣйствовать, не спать всю ночь, идти въ сраженіе, играть жизнью и смертью, побѣждая опасность. Только иногда легкій ознобъ пробѣгалъ по тѣлу.

Пришелъ Аринѳей.

Вѣсти были плачевныя. Исчезала всякая надежда на помощь Прокопія и Себастіана. Императоръ былъ покинутъ союзниками въ невѣдомой глубинѣ Азіи.

Носились тревожные слухи объ измѣнѣ, о предательствѣ хитраго Арзакія.

Въ это время императору доложили, что съ нимъ желаетъ говорить персидскій перебѣжчикъ изъ лагеря Сапора.

Его привели.

Персъ распростерся передъ Юліаномъ и поцѣловалъ землю. Это былъ уродъ. Бритая голова, искалѣченная азіатскою пыткою, съ отрѣзанными ушами, съ вырванными ноздрями, напоминала мертвый черепъ. Но глаза сверкали умомъ и рѣшимостью. Онъ былъ въ драгоцѣнной одеждѣ изъ огненнаго согдіанскаго шелка и говорилъ на ломанномъ греческомъ языкѣ. Его сопровождали двое рабовъ.

Персъ, назвавъ себя Артабаномъ, разсказалъ, что онъ сатрапъ, оклеветанный передъ Сапоромъ, изуродованный пыткою и бѣжавшій къ римлянамъ, чтобы отомстить царю.

— О, владыка вселенной!—говорилъ Артабанъ напыщенно и льстиво. — я отдамъ тебѣ Сапора, связаннаго по рукамъ и ногамъ, какъ жертвенную овцу. Я приведу тебя ночью къ лагерю и ты тихонько, тихонько накроешь царя рукою, возьмешь его, какъ маленькія дѣти берутъ птенцовъ въ ладонь. Только слушай Артабана. Артабанъ можетъ все, Артабанъ знаетъ тайны царя...

— Чего ты хочешь отъ меня?—спросилъ Юліанъ.

— Великаго мщенія!.. Пойдемъ со мною.

— Куда?

— На сѣверъ, черезъ пустыню, — триста-двадцать-пять паразанговъ,—потомъ черезъ горы, на востокъ, прямо къ Сузамъ и Экбатанѣ...

Персъ указывалъ на горизонтъ.

— Туда, туда,—повторилъ онъ, не сводя глазъ съ Юліана.

— Кесарь, — шепнулъ Гормизда на ухо императору, — берегись!.. У этого человѣка дурной глазъ. Онъ—колдунъ, мошенникъ, или—не на ночь будь сказано—что-нибудь того похуже... Иногда въ здѣшнихъ краяхъ по ночамъ творится недоброе. Прогони его, не слушай...

Императоръ не обратилъ вниманія на слова Гормизды. Онъ испытывалъ странное обаяніе молящихъ, пристальныхъ глазъ Перса.

— Ты точно знаешь путь къ Экбатанѣ?

— О да, да, да!—залепеталъ персъ, смѣясь восторженно,—знаю, еще-бы не знать! Каждую былинку въ степи, каждый колодецъ... Артабанъ знаетъ, о чемъ поютъ птицы, слышитъ, какъ растетъ ковыль, какъ подземные родники текутъ. Древняя Заратустрова мудрость въ сердцѣ Артабана. Онъ побѣжитъ, побѣжитъ передъ твоимъ войскомъ, нюхая слѣдъ, указывая путь... Вѣрь мнѣ, черезъ двадцать дней вся Персія въ рукахъ твоихъ—до самой Индіи, до знойнаго Океана!

Сердце императора сильно билось.

«Неужели,—думалъ онъ,—это и есть чудо, котораго я ждалъ? Черезъ двадцать дней Персія въ моихъ рукахъ!..»

У него захватывало духъ отъ радости.

— Не гони меня,—шепталъ уродъ,—я буду лежать, какъ собака, у ногъ твоихъ. Только-что увидѣлъ лицо твое, я полюбилъ, полюбилъ тебя, владыка вселенной, больше, чѣмъ душу свою, потому-что ты—прекрасенъ! Я хочу, чтобы ты прошелъ по тѣлу моему и растопталъ ногами меня, и я буду лизать пыль съ ногъ твоихъ и пѣть: слава, слава, слава Сыну Солнца, царю Востока и Запада—Юліану!

Онъ цѣловалъ его ноги. Оба раба также упали лицомъ на землю, повторяя:

— Слава, слава, слава!

— Что-же дѣлать съ кораблями?—промолвилъ Юліанъ задумчиво, какъ-будто про-себя, — покинуть безъ войска въ добычу врагамъ, или остаться при нихъ?..

— Сожги!—шепнулъ Артабанъ.

Юліанъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ ему въ лицо пытливо.

— Сжечь? Что ты говоришь?..

Артабанъ поднялъ голову и впился глазами въ глаза императора:

— Ты боишься,—ты?.. Нѣтъ, нѣтъ, люди боятся, а не боги!.. Сожги, и ты будешь свободенъ, какъ вѣтеръ: корабли не достанутся въ руки врагамъ, а войско твое увеличится солдатами, приставленными къ флоту. Будь великъ и безстрашенъ до конца! Сожги,—и черезъ десять дней ты у стѣнъ Экбатаны, черезъ двадцать—Персія въ рукахъ твоихъ! Ты будешь больше, чѣмъ сынъ Филиппа, побѣдитель Дарія. Только сожги корабли и слѣдуй за мной! Или не смѣешь?..

— А если это ложь?.. Если я читаю въ сердцѣ твоемъ, что все это ложь?—воскликнулъ императоръ, одной рукой схвативъ перса за горло, другой занося надъ нимъ короткій мечъ.

Гормизда вздохнулъ съ облегченіемъ.

Нѣсколько мгновеній они молча смотрѣли другъ другу въ глаза.

Артабанъ выдержалъ взглядъ императора. Юліанъ почувствовалъ себя еще разъ побѣжденнымъ обаяніемъ этихъ глазъ умныхъ, дерзкихъ и подобострастныхъ.

— Дай мнѣ умереть, дай мнѣ умереть отъ руки твоей, если ты не вѣришь!—повторялъ персъ.

Юліанъ отпустилъ его и вложилъ мечъ въ ножны.

— Страшно и сладко смотрѣть въ очи твои,—продолжалъ Артабанъ,—вотъ лицо твое, какъ лицо Бога!.. Никто еще этого не знаетъ... Я, я одинъ знаю, кто ты... Не отвергай раба твоего, господи!..

— Посмотримъ,—проговорилъ Юліанъ задумчиво,—я вѣдь и самъ давно уже хотѣлъ идти въ глубину пустыни, искать битвы съ Царемъ. Но корабли...

— О да,— корабли!—встрепенулся Артабанъ,—надо скорѣе выступить, въ эту-же ночь, до разсвѣта, пока темно, чтобы враги изъ Ктезифона не увидѣли... Сожжешь?..

Юліанъ ничего не отвѣтилъ.

— Уведите, — приказалъ императоръ, указывая воинамъ на перебѣжчика,—и не спускайте глазъ съ него.

Возвращаясь въ палатку, Юліанъ на мгновеніе остановился у двери и поднялъ глаза:

— Неужели? Такъ просто, такъ скоро! Я чувствую, что воля моя, какъ воля боговъ! Не успѣю подумать,—и уже исполняется!

Веселье въ душѣ его росло и подымалось, какъ буря. Онъ съ улыбкой приложилъ руку къ сердцу, такъ сильно оно билось. Ознобъ все еще пробѣгалъ по спинѣ, и голова немного болѣла, какъ-будто онъ весь день провелъ на слишкомъ яркомъ солнцѣ.

Кесарь, призвавъ къ себѣ въ шатеръ полководца Виктора, старика, слѣпо и безгранично преданнаго, вручилъ ему золотой перстень съ императорской печатью.

— Къ начальникамъ флота, комесамъ Константиніану и Люциліану,—приказалъ Юліанъ.— До разсвѣта сжечь корабли, кромѣ пяти большихъ съ хлѣбомъ и двѣнадцати малыхъ для переправочныхъ мостовъ. Ихъ взять на подводы. Остальные сжечь. Кто будетъ противиться, отвѣтитъ головой. Сохранить все въ тайнѣ. Иди!

Онъ далъ ему клочокъ папируса, быстро начертавъ нѣсколько словъ, лаконическій приказъ начальникамъ флота.

Викторъ, по своему обыкновенію, ничему не удивляясь и не возражая, молча, съ видомъ безстрастнаго послушанія, поцѣловалъ край императорской багряницы и пошелъ исполнять велѣніе.

Юліанъ созвалъ военный совѣтъ, несмотря на поздній часъ.

Полководцы собрались въ шатеръ, мрачные, втайнѣ раздраженные и подозрительные.

Въ краткихъ словахъ онъ сообщилъ свой планъ идти на сѣверъ, въ глубину Персіи, по направленію къ Экбатанѣ и Сузамъ, чтобы захватить Царя врасплохъ.

Всѣ возстали, заговорили сразу, почти не скрывая, что замыселъ Юліана кажется безумнымъ. На суровыхъ лицахъ старыхъ умныхъ людей, закаленныхъ въ опасностяхъ, выражалось утомленіе, досада, недовѣріе. Многіе возражали съ рѣзкостью:

— Куда идемъ? Чего нужно?—говорилъ Саллюстій Секундъ,—подумай, милостивый кесарь. Мы завоевали половину Персіи. Сапоръ предлагаетъ тебѣ такія условія мира, какихъ цари Азіи не предлагали еще ни одному изъ римскихъ побѣдителей,—ни великому Помпею, ни Септимію Северу, ни Траяну. Заключимъ-же славный миръ, пока не поздно, и вернемся въ отечество.

— Солдаты ропщутъ,—замѣтилъ Дагалаифъ,—не доводи ихъ до отчаянія. Они устали. Много раненыхъ, много больныхъ. Если ты поведешь ихъ дальше въ невѣдомую пустыню, ни за что нельзя отвѣчать. Сжалься!.. Да и тебѣ самому пора отдохнуть. Ты, можетъ быть, усталъ больше всѣхъ насъ...

— Вернемся,—заключили всѣ,—далѣе идти—безумье!

Въ это мгновеніе послышался глухой, грозный гулъ за стѣною палатки, подобный рокоту далекаго прибоя. Юліанъ прислушался и тотчасъ-же понялъ, что это—возмущеніе.

— Вы знаете волю мою,—молвилъ онъ съ холоднымъ высокомѣріемъ, указывая полководцамъ на выходъ,—она неизмѣнна. Больше мнѣ ничего не нужно. Черезъ два часа мы выступаемъ. Смотрите, чтобы все было готово.

— Блаженный Августъ,—произнесъ Саллюстій спокойно и почтительно, но слегка дрогнувшимъ голосомъ,—я не уйду, не сказавъ тебѣ того, что долженъ сказать. Ты говорилъ съ нами, равными тебѣ не по власти, но по отвагѣ, не какъ римлянинъ, не какъ ученикъ Сократа и Платона. Мы можемъ оправдать слова твои только минутнымъ раздраженіемъ, которое омрачаетъ твой божественный умъ...

— Ну что-жъ,—воскликнулъ Юліанъ, усмѣхаясь и блѣднѣя отъ сдержанной злобы,—тѣмъ хуже для васъ, друзья мои!.. Значитъ, вы—въ рукахъ безумца. Я только-что приказалъ сжечь корабли,—повелѣніе мое исполняется. Я предвидѣлъ ваше благоразуміе и отрѣзалъ послѣдній путь къ отступленію. Да, теперь жизнь ваша—въ рукахъ моихъ, и я заставлю васъ повѣрить въ чудо!..

Всѣ онѣмѣли; только Саллюстій бросился къ Юліану и схватилъ его за руку:

— Этого не будетъ, кесарь, ты не могъ!.. Или въ самомъ дѣлѣ?..

Онъ не докончилъ и выпустилъ руку императора. Всѣ вскочили, прислушиваясь.

Крики воиновъ за полотняною стѣною палатки становились громче, мятежный гулъ ихъ приближался, какъ-будто летѣла буря по верхушкамъ огромнаго лѣса.

— Пусть покричатъ,— произнесъ Юліанъ спокойно,—бѣдныя, глупыя дѣти!.. Куда они хотятъ уйти отъ меня?.. Слышите?.. Вотъ зачѣмъ я сжегъ корабли,— надежду трусовъ, успокоеніе лѣнивыхъ. Больше нѣтъ возврата. Свершилось! Нечего ждать, кромѣ чуда. Теперь вы связаны со мной на жизнь и смерть. Черезъ двадцать дней Азія—въ нашихъ рукахъ... Я окружилъ васъ ужасомъ и гибелью для того, чтобы вы побѣдили все и сдѣлались подобными мнѣ... Радуйтесь!.. Я поведу васъ, какъ Діонисъ, черезъ весь міръ, и вы побѣдите людей и боговъ, и сами будете, какъ боги!..

Едва онъ произнесъ послѣднія слова, какъ по всему войску раздался крикъ безпредѣльнаго отчаянія:

— Горятъ!.. Горятъ!..

Полководцы бросились вонъ изъ шатра. За ними Юліанъ. Они увидѣли зарево. Викторъ въ точности исполнилъ приказаніе владыки. Флотъ охваченъ былъ пламенемъ. Императоръ любовался имъ съ безмолвной и странной улыбкой.

— Кесарь! да помилуютъ насъ боги,—онъ убѣжалъ!..

Съ этими словами одинъ изъ центуріоновъ бросился къ ногамъ Юліана, блѣдный и дрожащій.

— Убѣжалъ?.. Кто?.. Что ты говоришь?..

— Артабанъ, Артабанъ!.. Горе намъ... Онъ обманулъ тебя, кесарь!..

— Не можетъ быть!.. А слуги его?.. — пролепеталъ императоръ чуть слышно.

— Только что въ пыткахъ признались,—продолжалъ центуріонъ,— что Артабанъ — не сатрапъ, а сборщикъ податей въ Ктезифонѣ; онъ выдумалъ эту хитрость, чтобы спасти городъ и предать тебя въ руки персовъ, заманивъ въ пустыню. Онъ зналъ, что ты сожжешь корабли. И еще они сказали, что Сапоръ идетъ съ несмѣтнымъ войскомъ.

Императоръ бросился къ берегу рѣки навстрѣчу полководцу Виктору:

— Гасите, гасите!.. Скорѣе!..

Но голосъ его замеръ, и взглянувъ на пылающій флотъ, Юліанъ понялъ, что повелѣніе его безумно, что уже никакія человѣческія силы не могутъ остановить пламени, раздуваемаго сильнымъ, порывистымъ вѣтромъ.

Онъ въ ужасѣ схватился за голову и хотя ни вѣры, ни молитвы уже не было въ сердцѣ, поднялъ глаза къ небу, какъ будто все еще искалъ въ немъ чего-то.

Тамъ блѣдныя звѣзды едва мерцали сквозь зарево.

Войско все грознѣе волновалось и гудѣло.

— Персы подожгли!—вопили одни, простирая руки къ пылавшимъ кораблямъ,— своей послѣдней надеждѣ.

— Не персы, а сами полководцы, чтобы заманить насъ въ пустыню и покинуть!—безумствовали другіе.

— Бейте, бейте жрецовъ!—повторяли третьи,—жрецы опоили кесаря и лишили его разума.

— Слава Августу Юліану Побѣдителю!—восклицали вѣрные галлы и кельты,—молчите, измѣнники!.. Пока онъ живъ, нечего намъ бояться...

Малодушные плакали:

— На родину, на родину! Мы не хотимъ идти дальше, не хотимъ въ пустыню. Мы не сдѣлаемъ больше ни шагу, упадемъ на дорогѣ... Лучше убейте насъ!..

— Не видать вамъ родины, какъ ушей своихъ. Погибли мы, братцы! Попали къ персамъ въ ловушку.

— Да развѣ вы не видите?—торжествовали галилеяне,—бѣсы имъ овладѣли!.. Нечестивый Юліанъ продалъ имъ душу свою, и они влекутъ его на погибель... Куда можетъ насъ привести безумецъ, одержимый бѣсами?..

А въ это время кесарь, ничего не видя и не слыша, какъ въ бреду, шепталъ про себя съ безсильной, блуждающей и разсѣянной улыбкой:

— Все равно, все равно... Чудо совершится!.. Не теперь, такъ потомъ... Я вѣрю въ чудо!

XVII.

Это былъ первый ночлегъ отступленія, на шестнадцатыя календы мѣсяца іюня. Войско отказалось идти дальше.

Ни мольбы, ни увѣщанія, ни угрозы императора не помогали. Кельты, скиѳы, римляне, христіане и язычники, трусливые и храбрые,—всѣ отвѣчали ему однимъ крикомъ: «назадъ, назадъ! На родину!»

Военачальники тайно злорадствовали. Этрусскіе авгуры явно торжествовали.

Послѣ сожженія кораблей возстали всѣ.

Теперь не только галилеяне, но и поклонники олимпійцевъ были увѣрены, что надъ головой императора тяготѣетъ проклятіе, что Евмениды преслѣдуютъ его.

Когда онъ проходилъ по лагерю, разговоры умолкали, всѣ боязливо сторонились.

И книги сибиллъ и апокалипсисъ, этрусскіе авгуры и христіанскіе прозорливцы, боги и ангелы соединились, чтобы погубить общаго врага.

Тогда императоръ объявилъ, что онъ поведетъ ихъ на родину черезъ провинцію Кордуэну, по направленію къ плодородному Хиліокому.

При такомъ отступленіи сохранялась, по крайней мѣрѣ, надежда соединиться съ войсками Прокопія и Себастіана.

Юліанъ утѣшалъ себя мыслью, что онъ еще не выходитъ изъ предѣловъ Персіи и слѣдовательно можетъ встрѣтиться съ главными силами царя Сапора и одержать такую побѣду, которая все поправитъ.

Персы болѣе не появлялись. Желая передъ рѣшительнымъ нападеніемъ истощить римское войско, они подожгли богатыя нивы съ уже золотистымъ, спѣлымъ ячменемъ и пшеницей, всѣ житницы и сѣновалы въ деревняхъ.

Солдаты Юліана шли по мертвой пустынѣ, дымившейся отъ недавняго пожара.—Начался голодъ.

Чтобы увеличить бѣдствіе, персы разрушили плотины каналовъ и затопили выжженныя поля. Имъ помогали потоки и ручьи, выходившіе изъ береговъ вслѣдствіе краткаго, но сильнаго лѣтняго таянія снѣговъ на горныхъ вершинахъ Арменіи.

Вода быстро высыхала подъ знойнымъ іюньскимъ солнцемъ. На землѣ, не простывшей отъ пожара, оставались лужи съ теплою и липкою черною грязью. По вечерамъ отъ мокраго угля отдѣлялись удушливыя испаренія, слащавый отвратительный запахъ гнилой гари, который пропиталъ все,—воздухъ, воду, даже платье и пищу солдатъ.

Изъ тлѣющихъ болотъ подымались миріады насѣкомыхъ,—москитовъ, ядовитыхъ шершней, оводовъ и мухъ.

Надъ вьючными животными носились они цѣлыми тучами. Прилипали къ пыльной потной кожѣ легіонеровъ. Днемъ и ночью раздавалось ихъ усыпительное жужжаніе. Лошади бѣсились, быки вырывались изъ подъ ярма и опрокидывали повозки.

Послѣ труднаго перехода солдаты не могли разсчитывать на отдыхъ. Отъ насѣкомыхъ не было спасенія даже въ палаткахъ. Они проникали сквозь щели. Надо было закутаться въ душное одѣяло съ головой, чтобы уснуть.

Отъ укуса крошечныхъ прозрачныхъ мухъ навознаго грязно-желтаго цвѣта дѣлались опухоли, волдыри, которые сперва чесались, потомъ болѣли и наконецъ превращались въ страшныя гнойныя язвы.

Въ послѣдніе дни солнце не выглядывало. Небо покрыто было ровной пеленой бѣлыхъ знойныхъ облаковъ. Но для глазъ ихъ неподвижный свѣтъ былъ еще томительнѣе солнца. Небо казалось низкимъ, плотнымъ и удушливымъ, какъ въ жаркой банѣ нависшій потолокъ.

Такъ шли они, исхудалые, слабые, вялымъ шагомъ, понуря головы, между небомъ, безпощадно-низкимъ, бѣлымъ, какъ известь,—и обугленной, черной землею.

Имъ казалось, что самъ Антихристъ, человѣкъ отверженный Богомъ, завелъ ихъ нарочно въ это проклятое мѣсто, чтобы погубить.

Иные роптали, поносили вождей, но неясно, точно въ бреду

Другіе тихонько молились и плакали, какъ больныя дѣти, прося товарищей о кусочкѣ хлѣба, о глоткѣ вина.

Нѣкоторые падали на дорогѣ отъ слабости.

Императоръ повелѣлъ раздать голоднымъ солдатамъ послѣдніе съѣстные припасы, которые сберегали для него и для его приближенныхъ.

Самъ онъ довольствовался жидкой мучной похлебкой съ маленькимъ кусочкомъ сала,—такой пищей, отъ которой отвернулся-бы неприхотливый солдатъ.

Благодаря крайнему воздержанію, онъ чувствовалъ все время безпокойное возбужденіе и вмѣстѣ съ тѣмъ странную легкость въ тѣлѣ, какъ бы окрыленность. Она поддерживала и удесятеряла его силы.

Онъ старался не думать о томъ, что будетъ. Возвратиться въ Антіохію или въ Тарсъ побѣжденнымъ, на позоръ и насмѣшки галилеянъ,— онъ твердо зналъ, что не вынесъ бы, если бы на одно мгновеніе только повѣрилъ этой мысли.

Въ ту ночь солдаты отдыхали. Сѣверный вѣтеръ разогналъ насѣкомыхъ. Масло, мука и вино, выданныя изъ послѣднихъ запасовъ императора, немного утолили голодъ. Пробуждалась надежда на возвращеніе. Лагерь уснулъ глубокимъ сномъ.

Юліанъ удалился въ палатку.

Въ послѣднее время онъ спалъ, какъ можно меньше, забываясь только передъ утромъ легкой дремотой. Если-же засыпалъ глубоко, то пробуждался съ ужасомъ въ душѣ, съ каплями холоднаго пота по всему тѣлу. Ему нужна была власть сознанія, чтобы подавлять тоску, которая грызла его душу.

Войдя въ шатеръ, онъ снялъ желѣзными щипцами нагаръ со свѣтильни небольшой мѣдной лампады, подвѣшенной по серединѣ палатки. Кругомъ были разбросаны пергаментные свитки изъ походной библіотеки, въ томъ числѣ Евангеліе. Онъ приготовился писать. Это была его любимая ночная работа, философское сочиненіе «Противъ галилеянъ», начатое два съ половиною мѣсяца назадъ, при выступленіи въ походъ.

Юліанъ перечитывалъ рукопись, лежа спиною къ двери палатки, какъ вдругъ услышалъ шелестъ.

Онъ обернулся, вскрикнулъ и вскочилъ на ноги. Ему показалось, что онъ увидѣлъ призракъ. Въ дверяхъ стоялъ отрокъ въ темно-коричневой бѣдной туникѣ изъ верблюжьяго волоса, съ пыльнымъ овечьимъ мѣхомъ, перекинутымъ черезъ плечо, такъ называемымъ «мелотэ» египетскихъ отшельниковъ, съ босыми нѣжными ногами въ пальмовыхъ сандаліяхъ.

Императоръ смотрѣлъ и ждалъ, не въ силахъ произнести ни одного слова. Царствовала тишина, какая бываетъ только въ самый глухой часъ послѣ полуночи.

— Помнишь,—произнесъ знакомый голосъ,—помнишь, Юліанъ, какъ ты приходилъ ко мнѣ въ монастырь. Тогда я тебя оттолкнула, но не могла забыть, потому что мы съ тобой единственно близки...

Отрокъ откинулъ темный монашескій покровъ съ головы. Юліанъ увидѣлъ золотыя кудри и узналъ Арсиною.

— Откуда? Какъ сюда пришла? Почему ты такъ одѣта?

Онъ все еще боялся, не призракъ ли это, не исчезнетъ ли онъ неожиданно, какъ явился.

Арсиноя повѣдала ему въ немногихъ словахъ, что съ нею происходило во время ихъ разлуки.

Покинувъ опекуна Гортензія и раздавъ почти все имѣніе бѣднымъ, жила она долгое время среди галилейскихъ отшельниковъ, къ югу отъ озера Марэотида, между безплодныхъ горъ Ливійскихъ, въ страшныхъ пустыняхъ Нитріи и Скетіи. Ее сопровождалъ отрокъ Ювентинъ, ученикъ слѣпого старца Дидима. Они посѣтили подвижниковъ.

— И что-же?—спросилъ Юліанъ, не безъ тайной боязни,—что-же, дѣвушка,—нашла ты у нихъ, чего искала?

Она покачала головой и молвила съ грустью:

— Нѣтъ. Только—проблески, только намеки и предзнаменованія, какъ вездѣ.

— Говори, говори все,—торопилъ ее императоръ, и глаза его загорѣлись надеждою и благодарностью.

— Сумѣю-ли сказать?—начала она медленно.—Видишь-ли, другъ мой: я искала духовной свободы, но тамъ ея нѣтъ...

— Да, да! Не правда-ли!—все больше торжествовалъ Юліанъ.—Вѣдь я-же тебѣ говорилъ, Арсиноя! Помнишь?

Она опустилась на походный стулъ, покрытый леопардовой кожей, и продолжала спокойно, съ прежней грустной улыбкой. Онъ ловилъ каждое ея слово съ восторгомъ и жадностью. . . . .

. . . .

— Скажи, какъ ты ушла отъ этихъ несчастныхъ?—спросилъ Юліанъ.

— У меня тоже было искушеніе,—отвѣтила Арсиноя,—однажды въ пустынѣ, среди камней я нашла осколокъ бѣлаго, чистаго мрамора. Подняла его, долго любовалась, какъ онъ искрится на солнцѣ и вдругъ вспомнила Аѳины, свою молодость, искусство, тебя, какъ-будто проснулась,—и тогда-же рѣшила вернуться въ міръ, чтобы жить и умереть тѣмъ, чѣмъ Богъ меня создалъ,—художникомъ. Въ это время старцу Дидиму приснился вѣщій сонъ,—что я примирила тебя съ Галилеяниномъ.

— Съ Галилеяниномъ!..—вскрикнулъ императоръ, и лицо его сразу омрачилось, глаза потухли, торжествующій смѣхъ замеръ на губахъ.

— Любопытство влекло меня къ тебѣ,—продолжала Арсиноя,—я хотѣла знать, достигъ-ли ты истины на пути своемъ, и куда пришелъ. Я облеклась въ мужскую одежду иноковъ. Мы спустились съ братомъ Ювентиномъ до Александріи по Нилу, на кораблѣ въ Селевкію Антіохійскую, съ большимъ сирійскимъ караваномъ, черезъ Апамею, Эпифанію, Эдессу,—до границы. Среди многихъ трудовъ и опасностей прошли черезъ пустыни Месопотаміи, покинутые персами. Недалеко отъ селенія Абузата, послѣ побѣды при Ктезифонѣ, увидѣли мы твой лагерь. И вотъ я здѣсь... Ну, а какъ-же ты, Юліанъ?..

Онъ вздохнулъ, опустилъ голову на грудь и ничего не отвѣтилъ. Потомъ, взглянувъ на нее исподлобья быстрымъ, умоляющимъ и подозрительнымъ взглядомъ, спросилъ:

— Теперь и ты ненавидишь Его, Арсиноя?

— Нѣтъ. За что?—отвѣтила она тихо и просто.—За что ненавидѣть Его? Развѣ мудрецы Эллады не приближались къ тому, о чемъ говоритъ Галилеянинъ? Тѣ, кто въ пустынѣ терзаютъ плоть и душу свою,—тѣ далеки отъ кроткаго сына Маріи. Онъ любилъ дѣтей, и свободу, и веселіе пиршествъ, и пышныя бѣлыя лиліи. Онъ любилъ красоту, Юліанъ! Только мы ушли отъ Него, запутались и омрачились духомъ. Всѣ они называютъ тебя Отступникомъ... Но сами они—отступники...

Императоръ стоялъ передъ нѣй на колѣняхъ, поднявъ глаза, полные мольбою. Слезы блестѣли въ нихъ и медленно текли по его исхудалымъ щекамъ:

— Не надо, не надо,—шепталъ онъ,—не говори! Зачѣмъ?... Оставь мнѣ то, что было! Не будь-же врагомъ моимъ снова!..

— Нѣтъ, нѣтъ, — воскликнула она съ неудержимою силою, — я должна сказать тебѣ все! Слушай! Я знаю,—ты любишь Его! Молчи,—это такъ, въ этомъ—проклятье твое! На кого ты возсталъ? Какой ты врагъ Ему? Когда уста твои проклинаютъ Распятаго, сердце твое жаждетъ Его. Когда ты борешься противъ Его имени,—ты ближе къ духу Его, чѣмъ тѣ, кто мертвыми устами повторяетъ: Господи, Господи! Вотъ, кто враги твои, а не Онъ! Зачѣмъ-же ты терзаешь себя больше, чѣмъ монахи галилейскіе?..

Императоръ вырвался изъ ея объятій и вскочилъ, блѣдный какъ смерть. Лицо его исказилось, глаза вспыхнули старинною ненавистью. Онъ шепталъ дрожащими губами, съ усмѣшкой боли, гордыни и злости:

— Поди прочь, поди прочь отъ меня!.. Знаю эти хитрости галилейскія!

Арсиноя посмотрѣла на него съ ужасомъ и отчаяніемъ, какъ на безумнаго:

— Юліанъ, Юліанъ! Что съ тобой? Неужели изъ-за одного имени?..

Но онъ уже овладѣлъ собою.

Глаза померкли, лицо сдѣлалось равнодушнымъ, почти презрительнымъ. Римскій императоръ говорилъ съ галилеянкой:

— Уйди, Арсиноя! Забудь все, что я сказалъ. Это была минута слабости. Она прошла. Я спокоенъ. Ты видишь—мы все-таки чужіе. Тѣнь Распятаго—между нами. Ты не отреклась отъ Него. Кто не врагъ Ему, не можетъ быть другомъ моимъ...

Она упала передъ нимъ на колѣни:

— Зачѣмъ? Зачѣмъ? Что ты дѣлаешь? Сжалься надъ собой, пока не поздно!.. Вѣдь это—безуміе! Вернись,—или ты...

Она не докончила, — но онъ договорилъ за нее съ высокомѣрной улыбкой:

— Ты хочешь сказать, Арсиноя, что я погибну? Пусть! По пути моему я дойду до конца,—куда-бы онъ ни привелъ меня. Если-же—какъ ты говоришь—я былъ неправъ къ мудрости галилеянъ, вспомни, что я вынесъ отъ нихъ, какъ безчисленны, какъ презрѣнны были враги мои!.. Слушай, однажды воины римскіе нашли при мнѣ въ болотахъ Месопотаміи льва, котораго преслѣдовали ядовитыя мухи. Онѣ лѣзли ему въ пасть, въ уши, въ ноздри, не давали дышать, облѣпили свѣтлыя очи, и львиную мощь медленно побѣдили уколами жалъ своихъ. Такова моя смерть! Такова побѣда галилеянъ надъ римскимъ кесаремъ!

... Дѣвушка все еще протягивала къ нему изъ мрака свои блѣдныя руки, безъ словъ, безъ надежды, какъ другъ—къ умершему другу. Но между ними была бездна, которую живые не переступаютъ. . . . .

. . . .

Въ двадцатыхъ числахъ іюля римсое войско, послѣ долгаго перехода по выжженной степи, нашло въ глубокой долинѣ рѣчки Дуруса немного травы, уцѣлѣвшей отъ пожара. Легіонеры несказанно обрадовались ей, ложились, вдыхали пахучую сырость земли и къ пыльнымъ лицамъ, къ воспаленнымъ вѣкамъ прижимали влажные, холодные стебли высокихъ травъ.

Рядомъ было поле спѣлой пшеницы. Воины собрали хлѣбъ. Три дня продолжался отдыхъ въ уютной долинѣ Дуруса.

На утро четвертаго, съ окрестныхъ холмовъ, римскія стражи замѣтили облако не то дыма, не то пыли. Одни предполагали, что это—дикіе ослы, имѣющіе обыкновеніе собираться въ стада, чтобы предохранить себя отъ нападенія львовъ, другіе, что это—сарацины, привлеченные слухами объ осадѣ Ктезифона, третьи выражали опасеніе, не есть-ли это главное войско самого царя Сапора.

Императоръ велѣлъ трубить сборъ.

Когорты въ строгомъ, оборонительномъ порядкѣ, на подобіе большого правильнаго круга (orbiculata figura), подъ охраной щитовъ, сдвинутыхъ и образовавшихъ какъ-бы рядъ мѣдныхъ стѣнъ, расположились лагеремъ на берегу ручья.

Завѣса дыма или пыли оставалась на горизонтѣ до вечера, и никто не догадывался, что она за собою скрываетъ.

Ночь была темная и тихая. Ни одна звѣзда не сіяла на небѣ.

Римляне не спали. Они стояли вокругъ пылающихъ костровъ и съ молчаливой тревогой ждали утра.

XVIII.

На восходѣ солнца увидѣли персовъ. Враги надвигались медленно. По словамъ опытныхъ воиновъ, было ихъ не менѣе двухсотъ тысячъ. Изъ-за холмовъ появлялись непрерывно новые и новые отряды.

Сверканіе латъ такъ ослѣпляло, что даже сквозь густую пыль глаза съ трудомъ выдерживали.

Римляне, молча, выходили изъ долины ночлега и строились въ боевой порядокъ.

Лица были суровы, но не печальны.

Опасность заглушила вражду. Взоры обратились опять на императора. Галилеяне и язычники, одинаково, по выраженію лица его, угадывали, можно ли надѣяться.

Лицо кесаря сіяло радостью. Онъ ждалъ встрѣчи съ персами, какъ чуда, зная, что побѣда поправитъ все, дастъ ему такую славу и силу, что галилеяне не устоятъ.

Опасность окрыляла его. Въ глазахъ загорался страшный, веселый огонь.

Онъ былъ прекрасенъ, похожъ на древняго героя Эллады.

Душное, пыльное утро 22 іюня предвѣщало знойный день.

Императоръ не хотѣлъ облечься въ мѣдную броню. Онъ остался въ легкой, шелковой туникѣ.

Полководецъ Викторъ подошелъ къ нему, держа въ рукахъ панцырь:

— Кесарь, я видѣлъ дурной сонъ. Не искушай судьбы, одѣнь латы!

Юліанъ, молча, отстранилъ ихъ рукою.

Старикъ опустился на колѣни, подымая легкую броню:

— Одѣнь! Сжалься надъ рабомъ твоимъ! Битва будетъ опасной...

Юліанъ взялъ круглый щитъ, перекинулъ вьющійся пурпуръ хламиды черезъ плечо и вскочилъ на коня:

— Оставь меня, старикъ! Не надо.

И онъ помчался, сверкая на солнцѣ бэотійскимъ шлемомъ, съ высокимъ золоченымъ гребнемъ.

Викторъ, тревожно качая головою, посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

Персы приближались. Надо было спѣшить.

Юліанъ расположилъ войско въ особомъ порядкѣ, называвшемся— «lunare acie,—sinuatis lateribus», въ видѣ изогнутаго луннаго серпа. Громадный полукругъ долженъ былъ врѣзаться двумя остріями въ персидское полчище и захватить его съ обѣихъ сторонъ. На правомъ крылѣ начальствовалъ Дагалаифъ, на лѣвомъ—Гормизда, въ серединѣ былъ— Юліанъ и Викторъ.

Трубы грянули.

Земля заколебалась, загудѣла подъ мягкими, тяжкими ступнями бѣгущихъ персидскихъ слоновъ. Страусовыя перья колебались у нихъ на широкихъ лбахъ. Ременными подпругами были привязаны къ спинамъ кожаныя башни. Изъ каждой четыре стрѣлка метали фаларики,—снаряды съ горящею смолой и паклей.

Римская конница не выдержала перваго натиска. Съ оглушительнымъ ревомъ, вздернувъ хоботы, слоны разѣвали мясистыя мокрыя пасти, такъ-что воины чувствовали на лицахъ дыханіе чудовищъ, разсвирѣпѣвшихъ отъ смѣси чистаго вина, перца и ладана,—особаго напитка, которымъ варвары опьяняли ихъ передъ битвами. Клыки, выкрашенные киноварью, удлиненные стальными наконечниками, распарывали брюхо конямъ. Хоботы, обвивъ всадниковъ, подымали на воздухъ и ударяли о землю.

Въ полдневномъ зноѣ отъ этихъ сѣрыхъ колеблющихся тушъ, съ шлепающими складками кожи, отдѣлялся пронзительно-ѣдкій запахъ пота. Лошади трепетали, бились и храпѣли, почуявъ запахъ слоновъ.

Уже одна когорта обратилась въ бѣгство.

То были христіане.

Юліанъ кинулся остановить бѣгущихъ, и ударивъ главнаго декуріона рукою по лицу, закричалъ въ ярости:

— Трусы! Умѣете только молиться!

Ѳракійскіе легковооруженные стрѣлки и пафлагонскіе пращники выступили противъ слоновъ.

За ними шли искусные иллирійскіе метатели дротиковъ, налитыхъ свинцомъ, «мартіобарбулы».

Юліанъ приказалъ направить въ ноги чудовищъ стрѣлы, камни изъ пращей, свинцовые дротики. Одна стрѣла попала въ глазъ огромному индійскому слону. Онъ завылъ и поднялся на дыбы. Подпруги лопнули. Сѣдло съ кожаной башней сползло, опрокинулось, персидскіе стрѣлки выпали, какъ птенцы изъ гнѣзда.

Во всемъ отрядѣ слоновъ произошло смятеніе. Раненые въ ноги валились, и скоро вокругъ нихъ образовалась цѣлая подвижная гора изъ нагроможденныхъ тушъ. Поднятыя вверхъ ступни, окровавленные хоботы,

сломанные клыки, опрокинутыя башни, полураздавленные кони, раненные, мертвые, персы, римляне, — все смѣшалось.

Наконецъ слоны обратились въ бѣгство, ринулись на персовъ и начали ихъ топтать.

Эта опасность предусмотрѣна была тактикой варваровъ. Примѣръ сраженія при Низибѣ показалъ, что войско можетъ быть истреблено отрядомъ собственныхъ слоновъ.

Тогда вожатаи длинными серповидными ножами, привязанными къ правой рукѣ, изо всей силы стали ударять чудовищъ между двумя позвонками спинного хребта, ближайшими къ черепу. Довольно было одного такого удара, чтобы самое большое и сильное изъ нихъ пало мертвымъ.

Когорты мартіобарбуловъ кинулись впередъ, перелѣзая черезъ туши раненыхъ, преслѣдуя бѣгущихъ.

Въ это время императоръ уже летѣлъ на помощь къ лѣвому крылу.

Здѣсь наступали персидскіе *«клибанаріи»* — знаменитый отрядъ всадниковъ, связанныхъ, спаянныхъ другъ съ другомъ звеньями громадной цѣпи, покрытыхъ съ головы до ногъ гибкой стальной чешуей, неуязвимыхъ, почти безсмертныхъ въ бою, подобныхъ статуямъ, вылитымъ изъ металла. Ранить ихъ можно было только сквозь узкія щели въ забралахъ, оставленныя для рта и глазъ.

Противъ клибанаріевъ онъ направилъ когорты старыхъ вѣрныхъ друзей своихъ, батавовъ и кельтовъ. Они умирали за улыбку кесаря, смотря на него дѣтскими восторженными глазами.

На правомъ крылѣ въ римскія когорты врѣзались колесницы персовъ, запряженныя полосатыми тонконогими зебрами. Остроотточенныя косы, прикрѣпленныя къ осямъ, къ спицамъ колесъ, вращались съ ужасающей быстротой, однимъ взмахомъ отсѣкая ноги лошадямъ, головы солдатамъ, разрѣзая тѣла съ такою-же легкостью, какъ серпъ жнеца подкашиваетъ тонкіе стебли колосьевъ.

Послѣ полудня клибанаріи ослабѣли: латы накалились и жгли.

Юліанъ направилъ на нихъ всѣ силы.

Они дрогнули, пришли въ смятеніе, и у императора вырвался крикъ торжества.

Онъ кинулся впередъ, преслѣдуя бѣгущихъ и не замѣтилъ, какъ войско отстало. Кесаря сопровождали немногіе тѣлохранители, въ томъ числѣ полководецъ Викторъ. Старикъ, раненый въ руку, не чувствовалъ боли. Ни на мгновеніе не покидалъ онъ императора и спасалъ отъ смертельной опасности, заслоняя длиннымъ, книзу заостреннымъ щитомъ своимъ.

Опытный полководецъ зналъ, что приближаться къ бѣгущему войску такъ же неблагоразумно, какъ подходить къ падающему зданію.

— Что ты дѣлаешь, кесарь, — кричалъ онъ Юліану — берегись! Возьми, возьми мои латы!

Юліанъ, не слушая, летѣлъ впередъ, съ поднятыми руками, съ открытою грудью, какъ будто одинъ, безъ войска, ужасомъ лица своего и мановеніемъ рукъ, гналъ несмѣтныхъ враговъ.

На губахъ его играла улыбка веселія, сквозь тучу пыли, поднятую вихремъ, сверкалъ бэотійскій шлемъ, и складки хламиды, развѣвавшейся по вѣтру, походили на два исполинскихъ пурпурныхъ крыла, которыя уносили императора все дальше и дальше.

Впереди мчался отрядъ сарацинъ. Одинъ изъ наѣздниковъ обернулся, узналъ Юліана по одеждѣ и указалъ товарищамъ съ отрывистымъ гортаннымъ крикомъ, подобнымъ клекоту орлиному.

— Малэкъ! Малэкъ!—что по-арабски значитъ—Царь! Царь!

Всѣ обернулись. Не останавливая коней, вскочили они на ноги, въ своихъ бѣлыхъ, длинныхъ одеждахъ, съ поднятыми надъ головами копьями.

Императоръ увидѣлъ разбойничье смуглое лицо. Это былъ почти мальчикъ. Онъ скакалъ во весь опоръ, на горбу громаднаго бактріанскаго верблюда съ комками сухой прилипшей грязи, болтавшимися на косматой шерсти подъ брюхомъ.

Викторъ щитомъ отразилъ два сарацинскихъ копья, направленныхъ въ императора.

Тогда мальчикъ на верблюдѣ прицѣлился, и сверкая хищнымъ взоромъ, отъ рѣзвости оскалилъ бѣлые зубы, съ радостнымъ крикомъ:

— Малэкъ! Малэкъ!

— Какъ весело ему!—подумалъ Юліанъ,—а мнѣ еще....

Онъ не успѣлъ кончить мысли.

Копье свиснуло, задѣло ему правую руку, слегка оцарапало кожу, скользнуло по ребрамъ и вонзилось ниже печени.

Онъ подумалъ, что рана не тяжелая, ухватился за двуострый наконечникъ, чтобы вырвать его, но порѣзалъ пальцы. Хлынула кровь.

Юліанъ громко вскрикнулъ,—закинувъ голову, взглянулъ широкооткрытыми глазами въ блѣдное, пылающее небо, и упалъ съ коня на руки тѣлохранителей.

Викторъ поддерживалъ его съ благоговѣніемъ и нѣжностью. Губы старика дрожали, и помутившимися отъ скорби глазами смотрѣлъ онъ на закрытыя очи повелителя.

Отставшія когорты собирались.

XIX.

Кесаря перенесли въ палатку и положили на походную постель. Онъ не приходилъ въ себя, только изрѣдка стоналъ.

Врачъ Орибазій извлекъ остріе копья изъ глубокой раны, осмотрѣлъ, обмылъ ее и сдѣлалъ перевязку. Викторъ взглядомъ спросилъ есть-ли надежда. Орибазій грустно покачалъ головой.

Послѣ перевязки Юліанъ глубоко вздохнулъ и открылъ глаза.

— Гдѣ я?—съ удивленіемъ посмотрѣлъ онъ кругомъ, какъ будто пробуждаясь отъ крѣпкаго сна.

Издалека доносился шумъ битвы. Онъ вспомнилъ все и съ усиліемъ привсталъ на постели.

— Зачѣмъ увели меня? Гдѣ конь? Скорѣе, Викторъ!..

Вдругъ лицо его исказилось отъ боли. Всѣ кинулись, чтобы поддержать кесаря. Онъ оттолкнулъ Виктора и Орибазія.

— Оставьте! Я долженъ быть тамъ, съ ними, до конца!

И онъ медленно всталъ на ноги. На блѣдныхъ губахъ была улыбка, глаза горѣли:

— Видите —я еще могу... Скорѣе щитъ, мечъ! Коня!

Душа его боролась съ кончиной. Викторъ подалъ ему щитъ и мечъ.

Юліанъ принялъ ихъ и шатаясь, какъ дѣти, не научившіяся ходить, сдѣлалъ два шага.

Рана открылась. Онъ уронилъ оружіе, упалъ на руки Орибазія и Виктора и, поднявъ глаза, воскликнулъ съ улыбкой спокойнаго презрѣнія:

— Кончено! Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!—Νενίκηκας, Γαλιλαῖε!

И, больше не сопротивляясь, отдался въ руки приближеннымъ. Его уложили въ постель.

— Да, кончено, друзья мои,—повторилъ онъ тихо, — я умираю...

Орибазій наклонился, пробуя утѣшить его, увѣряя, что такія раны вылѣчиваютъ.

— Не обманывай, — возразилъ Юліанъ кротко, — зачѣмъ? Я не боюсь...

Потомъ прибавилъ торжественно:

— Я умру смертью мудрыхъ.

Къ вечеру онъ впалъ въ забытье.

Часы проходили за часами.

Солнце зашло. Сраженіе утихло. Въ палаткѣ зажгли лампаду. Наступала ночь.

Онъ не приходилъ въ себя. Дыханіе ослабѣло. Думали, что онъ умираетъ. Наконецъ глаза медленно открылись. Пристальный, неподвижный взоръ былъ устремленъ въ уголъ палатки. Изъ губъ вырывался быстрый, слабый шопотъ. Онъ бредилъ:

— Ты? Здѣсь? Зачѣмъ?... Все равно—кончено. Развѣ не видишь? Поди прочь!... Ты ненавидѣлъ смѣхъ. Вотъ чего мы не простимъ...

Потомъ онъ пришелъ въ себя ненадолго и спросилъ Орибазія:

— Который часъ? Увижу-ли солнце?

И подумавъ, прибавилъ, съ грустной улыбкой:

— Орибазій, ужели разумъ такъ безсиленъ? Знаю,—это слабость тѣла... Кровь, переполняющая мозгъ, порождаетъ видѣнія... Надо побѣдить... Надо, чтобы разумъ...

Мысли снова путались, взоръ становился неподвижнымъ.

— Я не хочу... Слышишь? Уйди, Соблазнитель! Не вѣрю... Сократъ умеръ, какъ богъ... Надо, чтобы разумъ... Викторъ! О, Викторъ!.. Что тебѣ до меня. безпощадный?.. Любовь твоя—страшнѣе смерти... Бремя твое—тягчайшее бремя... Зачѣмъ Ты такъ смотришь?... Какъ я любилъ Тебя, Пастырь Добрый, Тебя одного... Нѣтъ, нѣтъ!.. Пронзенныя ноги?... Кровь?.. Смерть Эллады?... Тьма... Я хочу солнца, золотистаго солнца—на мраморѣ Парѳенона!.. Зачѣмъ Ты застишь солнце?..

Наступилъ самый тихій и темный часъ послѣ полуночи.

Легіоны вернулись въ лагерь. Побѣда не радовала ихъ. Несмотря на усталость, почти никто не спалъ. Ждали извѣстій изъ императорской палатки. Многіе, стоя у потухающихъ костровъ и опираясь одной рукой на длинныя копья, дремали въ изнеможеніи.

Слышно было, какъ стреноженныя лошади, тяжело вздыхая, жевали овесъ.

Между темными шатрами выступили на горизонтѣ бѣловатыя полосы. Звѣзды сдѣлались дальше и холоднѣе. Повѣяло сыростью. Сталь копій и мѣдь щитовъ потускнѣли отъ сѣраго, какъ паутина, налета росы. Пропѣли пѣтухи этрусскихъ гадателей, вѣщія птицы, которыхъ жрецы не утопили, несмотря на повелѣніе августа. Тихая грусть была на землѣ и на небѣ. Все казалось призрачнымъ, близкое—далекимъ, далекое—близкимъ.

У входа въ палатку кесаря толпились друзья, военачальники, приближенные. Въ сумеркахъ казались они другъ другу блѣдными тѣнями.

Въ шатрѣ царствовало еще болѣе торжественное безмолвіе. Съ однообразнымъ звономъ, врачъ Орибазій толокъ въ мѣдной ступѣ лѣкарственныя травы для освѣжающаго напитка.

Больной успокоился. Бредъ затихъ.

На разсвѣтѣ, въ послѣдній разъ онъ пришелъ въ сознаніе и спросилъ съ нетерпѣніемъ:

— Когда-же, наконецъ, солнце?

— Черезъ часъ,—отвѣтилъ Орибазій, взглянувъ на уровень воды въ стеклянныхъ стѣнкахъ «клепсидры»—водяныхъ часовъ.

— Позовите военачальниковъ, — приказалъ Юліанъ,—я долженъ говорить...

— Милостивый кесарь,—замѣтилъ врачъ,—не будетъ-ли вредно?..

— Все равно. До восхода не умру. Викторъ, выше положи голову. Такъ. Хорошо.

Ему разсказали о побѣдѣ надъ персами, о бѣгствѣ предводителя вражеской конницы Мерана съ двумя сыновьями Царя, о гибели пятидесяти сатраповъ. Юліанъ не удивился, не обрадовался. Лицо его осталось безучастнымъ.

Вошли приближенные: Дагалаифъ, Гормизда, Невитта, Ариноей, Люциллiанъ, префектъ Востока—Саллюстій. Впереди шелъ комесъ Іовіанъ. Многіе, дѣлая предположенія о будущемъ, уже высказывали желаніе видѣть на престолѣ этого слабаго, боязливаго человѣка, никому не опаснаго. При немъ надѣялись отдохнуть отъ тревогъ слишкомъ бурнаго царствованія. Іовіанъ обладалъ искусствомъ угождать всѣмъ. Онъ былъ высокъ и благообразенъ, съ лицомъ незначительнымъ, исчезающимъ въ толпѣ. Онъ имѣлъ сердце добродѣтельное и ничтожное.

Здѣсь-же, среди приближенныхъ, находился и молодой центуріонъ придворныхъ щитоносцевъ, будущій знаменитый историкъ, Амміанъ Марцеллинъ. Всѣ знали, что онъ ведетъ дневникъ похода, собираетъ матеріалы для обширнаго историческаго труда. Войдя въ палатку, Амміанъ вынулъ навощенныя таблички и мѣдный стилосъ. Онъ приготовился записывать предсмертную рѣчь императора. На мужественномъ лицѣ его было глубокое, безстрастное любопытство, какъ у художника или ученаго.

— Подымите завѣсу,—приказалъ Юліанъ.

Покровъ на дверяхъ откинули. Всѣ разступились. Утренній холодъ повѣялъ въ лицо умирающему. Дверь выходила на востокъ. Недалеко былъ обрывъ. Ничто не заслоняло горизонта.

Юліанъ увидѣлъ на краю неба свѣтлыя облака, еще холодныя, прозрачныя, какъ ледъ. Онъ вздохнулъ и промолвилъ:

— Такъ. Хорошо. Погасите лампаду.

Огонь потушили. Палатку наполнилъ сумракъ.

Всѣ ждали молча.

— Слушайте, друзья мои! — началъ кесарь предсмертную рѣчь. Онъ говорилъ тихо, но ясно, лицо было спокойно. На немъ выражалось торжество разума. Въ глазахъ сіяла непобѣдимая воля.

Амміанъ Марцеллинъ записывалъ. Рука его дрожала. Онъ сознавалъ, что пишетъ на скрижаляхъ исторіи, передавая послѣднія слова великаго императора грядущимъ поколѣніямъ:

— Слушайте, друзья, мой часъ пришелъ, быть можетъ, слишкомъ ранній, но видите,—я радуюсь, какъ вѣрный должникъ, возвращая природѣ жизнь, и нѣтъ въ душѣ моей ни скорби, ни ужаса,—въ ней только тихое веселіе мудрыхъ, предчувствіе вѣчнаго отдыха. Я исполнилъ долгъ, и вспоминая прошлое, не раскаиваюсь ни въ чемъ. Въ тѣ дни, когда, всѣми гонимый, ожидалъ я смерти въ пустынѣ Каппадокіи, въ замкѣ Мацеллумѣ, и потомъ, на вершинѣ величія, подъ пурпуромъ

римскаго кесаря,—сохранилъ я душу мою незапятнанной, стремясь къ высокимъ цѣлямъ. Если-же не исполнилъ всего, что хотѣлъ, не забывайте, что дѣлами земными управляютъ Силы Рока. Нынѣ благословляю Вѣчнаго за то, что далъ Онъ мнѣ умереть не отъ медленной болѣзни, не отъ руки палача или злодѣя, а на полѣ битвы, въ цвѣтѣ юности, среди недоконченныхъ подвиговъ . . . . Разскажите, возлюбленные, врагамъ и друзьямъ моимъ, какъ умираютъ эллины, укрѣпляемые божественной мудростью..

Онъ умолкъ. Всѣ опустились на колѣни.

Многіе плакали.

— О чемъ вы, бѣдные?—спросилъ Юліанъ съ улыбкой. — Непристойно плакать о томъ, кто возвращается на родину. Викторъ, утѣшься.

Старикъ хотѣлъ отвѣтить, но не могъ, закрылъ лицо руками и зарыдалъ еще сильнѣе.

— Тише, тише,—произнесъ Юліанъ, обращая взоръ на далекое небо,—вотъ оно!

Облака загорѣлись. Сумракъ въ палаткѣ сдѣлался желтымъ и теплымъ. Блеснулъ первый лучъ солнца. Умирающій обратилъ къ нему лицо свое.

Тогда префектъ Востока, Саллюстій Секундъ, приблизившись, поцѣловалъ руку Юліана:

— Блаженный Августъ! Кого назначаешь наслѣдникомъ?

— Все равно, — отвѣчалъ императоръ, — судьба рѣшитъ. Не должно противиться. Пусть галилеяне торжествуютъ. Мы побѣдимъ—потомъ. Будетъ на землѣ царство богоподобныхъ, вѣчно смѣющихся, какъ солнце!.. Смотрите, вотъ оно, вотъ оно!..

Слабый трепетъ пробѣжалъ по всему его тѣлу, и съ послѣднимъ усиліемъ, поднялъ онъ руки, какъ-будто хотѣлъ устремиться навстрѣчу восходящему солнцу. Черная кровь хлынула изъ раны. Жилы, напрягаясь, выступили на вискахъ и на шеѣ.

— Пить... пить...—прошепталъ онъ задыхаясь.

Викторъ поднесъ къ его губамъ глубокую чашу, золотую, сіявшую, наполненную до краевъ родниковой водой. Юліанъ смотрѣлъ на солнце и медленно, жадными глотками пилъ воду, прозрачную и холодную, какъ ледъ.

Потомъ голова его откинулась, изъ полуоткрытыхъ губъ вырвался послѣдній вздохъ, послѣдній шопотъ:

— Радуйтесь, люди!.. Смерть—солнце... О, Геліосъ!.. возьми меня... я—какъ ты...

Взоръ потухъ. Викторъ закрылъ ему глаза.

Лицо императора, въ сіяніи солнца, было, какъ лицо уснувшаго олимпійскаго бога.

XX.

Прошло три мѣсяца послѣ заключенія императоромъ Іовіаномъ постыднаго договора съ персами.

Въ началѣ октября, римское войско, истощенное голодомъ и безконечными переходами по знойной Месопотаміи, вернулось въ Антіохію.

Во время пути, трибунъ щитоносцевъ Анатолій подружился съ молодымъ историкомъ Амміаномъ Марцеллиномъ. Друзья рѣшили ѣхать въ Италію въ уединенную виллу около Бай, куда приглашала ихъ Арсиноя, чтобы отдохнуть отъ труднаго похода и полѣчиться отъ ранъ въ сѣрныхъ источникахъ.

Проѣздомъ остановились они на нѣсколько дней въ Антіохіи.

Ожидались великолѣпныя празднества въ честь вступленія на престолъ Іовіана и возвращенія войска. Миръ, заключенный съ царемъ Сапоромъ, былъ позорнымъ для имперіи: пять богатыхъ римскихъ провинцій по ту сторону Тигра, въ томъ числѣ Кордуэна и Регимэна, пятнадцать пограничныхъ крѣпостей, городъ Сингара, Кастра-Маурорумъ и неприступная древняя твердыня Низибъ, выдержавшая три осады персовъ, все это переходило въ руки Сапора.

Но галилеяне мало думали о пораженіи Рима.

Когда въ Антіохію пришло извѣстіе о смерти императора Богоотступника, запуганные граждане сперва не повѣрили, боясь, что это сатанинская хитрость, новая сѣть для уловленія праведныхъ, но повѣривъ, обезумѣли отъ радости.

Раннимъ утромъ, шумъ праздника, крики народа ворвались сквозь плотно запертыя ставни въ полутемную спальню Анатолія. Проснувшись, онъ рѣшилъ цѣлый день просидѣть дома. Ликованіе черни было ему противно.

Попробовалъ опять уснуть, но не могъ. Странное любопытство овладѣло имъ. Онъ быстро одѣлся, ничего не сказалъ Амміану и вышелъ на улицу.

Былъ свѣжій, но не холодный солнечный день южной осени. Большія круглыя облака на темно-голубомъ небѣ сливались съ бѣлымъ мраморомъ безконечныхъ антіохійскихъ колоннадъ и портиковъ. На углахъ, рынкахъ и форумахъ шумѣли фонтаны. Въ солнечно-пыльной перспективѣ улицъ видно было, какъ широкія струи городскихъ водопроводовъ скрещиваются подвижными хрустальными нитями. Голуби, воркуя, клевали разсыпанный ячмень. Пахло цвѣтами, ладаномъ изъ открытыхъ настежь церквей, мокрою пылью. Смуглыя дѣвушки, пересмѣиваясь, окропляли изъ прозрачныхъ бассейновъ корзины блѣдныхъ октябрьскихъ розъ и потомъ, съ радостнымъ пѣніемъ псалмовъ, обвивали гирляндами колонны христіанскихъ базиликъ.

Толпа съ немолчнымъ говоромъ и гуломъ наполняла улицы. Медленнымъ рядомъ двигались по великолѣпной антіохійской мостовой, гордости городского совѣта декуріоновъ,—колесницы и носилки.

Слышались восторженные крики:

— Да здравствуетъ Іовіанъ августъ, блаженный и великій!

Иные прибавляли: «побѣдитель!» но неувѣренно, потому что слово «побѣдитель» слишкомъ походило на иронію.

Тотъ самый уличный мальчишка, который нѣкогда маралъ углемъ на стѣнахъ карикатуры Юліана, хлопалъ теперь въ ладоши, свистѣлъ, подпрыгивалъ, валялся въ пыли, какъ воробей, и выкрикивалъ пронзительно:

— Погибъ, погибъ сей дикій вепрь, опустошитель вертограда Божья!

Онъ повторялъ эти слова за старшими. Они казались ему тѣмъ болѣе обидными, что онъ не понималъ ихъ значенія.

Сгорбленная старуха въ отрепьяхъ, ютившаяся въ грязномъ предмѣстіи въ сырой щели, какъ мокрица, тоже выползла на солнце, радуясь празднику. Она махала палкой и вопила дребезжащимъ голосомъ:

— Погибъ Юліанъ, погибъ злодѣй!

Веселіе праздника отражалось и въ широко-открытыхъ удивленныхъ глазахъ грудного ребенка, котораго держала на рукахъ смуглая исхудалая поденщица съ фабрики пурпура. Мать дала ему медовый пирожокъ. Видя пестрыя одежды на солнцѣ, онъ съ восторгомъ махалъ ручками и вдругъ быстро отвертывалъ свое пухлое грязное лицо, обмазанное медомъ, и плутовато посмѣивался, какъ будто все отлично понималъ, только не хотѣлъ сказать. А мать съ гордостью думала, что умный мальчикъ раздѣляетъ веселіе праведныхъ о смерти Отверженнаго.

Безконечная грусть была въ сердцѣ Анатолія.

Но онъ шелъ дальше, увлекаемый все тѣмъ-же страннымъ любопытствомъ.

По улицѣ Сингонъ приблизился онъ къ соборной базиликѣ. На паперти, залитой яркимъ солнцемъ, была еще большая давка. Онъ увидѣлъ знакомое лицо чиновника квестуры, Марка Авзонія, выходившаго изъ базилики въ сопровожденіи двухъ рабовъ, которые локтями прочищали путь въ толпѣ.

«Что это,—удивился Анатолій,—какъ попалъ въ церковь этотъ ненавистникъ галилеянъ»?

Кресты, шитые золотомъ, виднѣлись на фіолетовой хламидѣ Авзонія и даже на передкахъ кожаныхъ пунцовыхъ туфель.

Юлій Маврикъ, другой знакомый Анатолія, подошелъ къ Авзонію:

— Какъ поживаешь, достопочтенный?—спросилъ Маврикъ, съ притворнымъ насмѣшливымъ удивленіемъ, осматривая новый христіанскій нарядъ чиновника.

Юній былъ человѣкъ свободный, обладалъ независимымъ состояніемъ и переходъ въ христіанство не представлялъ для него особенной выгоды. Онъ нисколько не удивлялся внезапному обращенію своихъ друзей-чиновниковъ, но ему нравилось при каждой встрѣчѣ дразнить ихъ разспросами, разыгрывая роль человѣка оскорбленнаго, скрывающаго свое негодованіе подъ маской вынужденной ироніи.

Толпа поспѣшно входила въ двери церкви. Паперть опустѣла. Друзья могли бесѣдовать свободно. Анатолій сталъ за колонной, слушая діалогъ.

— Зачѣмъ-же ты не достоялъ до конца службы?—спросилъ Маврикъ.

— Сердцебіеніе. Душно. Что-же дѣлать,—не привыкъ.

И онъ добавилъ задумчиво:

— Необыкновенный однако стиль у этого новаго проповѣдника. Его гиперболы слишкомъ дѣйствуютъ на мои нервы. Точно желѣзомъ проводятъ по стеклу. Странный стиль...

— Право, это трогательно,—обрадовался Маврикъ.—Всему измѣнилъ человѣкъ, но хорошій стиль...

— Нѣтъ, нѣтъ я, можетъ быть, просто еще во вкусъ не вошелъ,—перебилъ его, спохватившись, Авзоній,—ты не думай, пожалуйста, Маврикъ, вѣдь я искренно...

Изъ глубокихъ мягкихъ носилокъ медленно вылѣзла, кряхтя и охая, жирная туша самого квестора Гаргиліана:

— Кажется опоздалъ... Ничего,—въ притворѣ постою... Богъ есть Духъ, обитающій...

— Чудеса!—смѣялся Маврикъ,—тексты изъ Св. Писанія въ устахъ Гаргиліана!..

— Христосъ да помилуетъ тебя, сынъ мой,—обратился къ нему Гаргиліанъ невозмутимо,—чего это ты все суетишься, все ехидничаешь?

— Да вотъ, никакъ опомниться не могу... Столько обращеній, столько превращеній!.. Я, напримѣръ, всегда полагалъ, что ужъ твои убѣжденія...

— Какой вздоръ, милый мой! У меня одно убѣжденіе, что галилейскіе повара нисколько не хуже эллинскихъ. А постныя блюда—объѣденіе. Приходи ужинать, философъ. Я тебя скоро обращу въ свою вѣру. Пальчики оближешь. Не все-ли равно, наконецъ, друзья мои, съѣсть хорошій обѣдъ въ честь бога Меркурія или въ честь святого Меркурія. Предразсудки! Чѣмъ, спрашивается, мѣшаетъ вотъ эта хорошенькая вещица?

И онъ указалъ на скромный янтарный крестикъ, болтавшійся среди надушенныхъ складокъ драгоцѣннаго аметистоваго пурпура на его величественномъ брюхѣ.

— Смотрите, смотрите,—Гекеболій, великій жрецъ богини Астарты Диндимены,—кающійся іерофантъ въ темныхъ галилейскихъ одеждахъ. О, зачѣмъ тебя здѣсь нѣтъ, пѣвецъ метаморфозъ!—торжествовалъ Маврикъ, указывая на благообразнаго старика, умащеннаго сѣдинами, съ тихою важностью въ пріятномъ розовомъ лицѣ, сидѣвшаго въ полузакрытыхъ носилкахъ.

— Что читаетъ?

— Ужъ конечно не правила Пессинунтской Богини.

— Смиреніе-то, святость!.. Похудѣлъ отъ поста. Смотрите, возводитъ очи, вздыхаетъ!

— А слышали, какъ обратился? — спросилъ квесторъ, съ веселой улыбкой.

— Должно быть, пошелъ къ императору Іовіану, какъ нѣкогда къ Юліану, и упалъ въ ноги.

— О нѣтъ, все было сдѣлано по новому. Неожиданно! Покаяніе всенародное. Легъ на землю въ дверяхъ одной базилики, изъ которой выходилъ Іовіанъ, среди толпы народа, и возопилъ громкимъ голосомъ: «топчите меня, глупаго, топчите соль непотребную». И со слезами цѣловалъ ноги проходящимъ.

— Да, это—по новому. Ну, и что-же, понравилось?

— Еще-бы! Говорятъ, было свиданіе съ императоромъ наединѣ. О, такіе люди не горятъ, не тонутъ. Все имъ въ пользу. Скинетъ старую шкурку,—помолодѣетъ. Учитесь, дѣти мои...

— Ну, а что бы такое онъ однако могъ сказать императору?..

— Мало-ли что,—вздохнулъ Гаргиліанъ, не безъ тайной зависти,— могъ шепнуть ему напримѣръ: крѣпче держись христіанства, да не останется въ мірѣ ни одного язычника, — правая вѣра есть утвержденіе твоего престола. Теперь передъ нимъ дорога прямая. Куда лучше, чѣмъ при Юліанѣ. Не угонишься... Премудрость!..

— Ой, ой, ой, благодѣтели, заступитесь, помилуйте! Исторгните смиреннѣйшаго раба Цикумбрика изъ когтей львиныхъ!..

— Что съ тобой?—спросилъ Гаргиліанъ кривоногаго чахоточнаго сапожника съ добрымъ, растеряннымъ лицомъ, съ неуклюже торчавшими клоками сѣдыхъ волосъ. Его вели два тюремныхъ римскихъ копьеносца.

— Въ темницу влекутъ!..

— За что?

— За разграбленіе церкви...

— Какъ? Неужели ты...?

— Нѣтъ, нѣтъ, я только въ толпѣ, можетъ быть, раза два крикнулъ: «бей»! Это было еще при Августѣ Юліанѣ. Тогда говорили: Кесарю угодно, чтобы мы разрушали галилейскія церкви. Мы и разрушали. А теперь злые люди донесли, будто я серебряную рипиду изъ алтаря подъ полою стащилъ. Я и въ церкви-то не былъ, только на улицѣ два раза крикнулъ: бей! Я человѣкъ смирный. Лавчонка у меня дрянная, да на людномъ мѣстѣ, если драка — непремѣнно затащутъ. Развѣ я для себя? Мнѣ что? Я думалъ, приказано. Ой, защитите, отцы, помилуйте!

— Да кто ты, христіанинъ или язычникъ?—спросилъ Юній.

— Не знаю, благодѣтели, самъ не знаю. До императора Константина приносилъ я жертвы богамъ. Потомъ крестили. Тутъ при Констанціи пошла смута аріанская. Сдѣлался я аріаниномъ. Потомъ эллины вошли въ силу. Я—къ эллинамъ. А теперь опять видно по старому. Хочу покаяться, въ церковь аріанскую вернуться. Да боюсь, какъ-бы не промахнуться. Разрушалъ я капища идольскія, потомъ возстановлялъ и вновь разрушалъ. Все перепуталось!.. Самъ не разберу, что я и что со мною... Покоренъ начальству, а вѣдь вотъ никакъ въ истинную вѣру попасть не могу. Все мимо. Либо рано, либо поздно. Только вижу, нѣтъ мнѣ покоя,—или такъ ужъ на роду написано? Бьютъ за Христа, бьютъ за боговъ... Дѣтокъ жаль. Ой, защитите, благодѣтели, освободите Цикумбрика, раба смиреннѣйшаго!..

— Не бойся, любезный,—произнесъ Гаргиліанъ съ улыбкой—мы тебя освободимъ. Похлопочемъ. Ты еще мнѣ такія славные полусапожки сшилъ со скрипомъ...

Цикумбрикъ упалъ на колѣни, простирая съ надеждою свои руки, отягченныя цѣпями.

Немного успокоившись, онъ взглянулъ на покровителей робко, исподлобья, и спросилъ:

— Ну, а какъ-же теперь на счетъ вѣры, благодѣтели? Покаяться и ужъ твердо стоять до конца. Значитъ перемѣны не будетъ? А то все боюсь, что ежели снова...

— Нѣтъ, нѣтъ, успокойся,—засмѣялся Гаргиліанъ,—теперь кончено. Перемѣны не будетъ.

Анатолій, незамѣченный друзьями, вошелъ въ церковь. Ему хотѣлось послушать знаменитаго, молодого проповѣдника Ѳеодорита.

На колеблющихся волнахъ ѳиміама голубоватыми снопами дрожали косые лучи солнца, проникая сквозь узкія верхнія окна огромнаго купола, подобнаго золотому небу, символу міродержавной Вселенской Церкви.

Одинъ лучъ упалъ на огненно-рыжую бороду проповѣдника, стоявшаго на высокомъ амвонѣ. Онъ поднялъ исхудалыя блѣдныя руки, почти сквозившія, какъ воскъ,—на солнцѣ. Глаза горѣли торжествомъ.

Голосъ гремѣлъ, потрясая толпу, наполняя всю церковь и возносился къ небу крикомъ мщенія:

«Я хочу, какъ на позорномъ столбѣ, начертать для потомства повѣсть о злодѣѣ, о богоотступникѣ Юліанѣ. Да прочтутъ мою надпись всѣ вѣка и всѣ народы, да ужаснутся справедливости гнѣва Господня. Поди сюда, поди, мучитель, змій велемудрый! Нынѣ надругаемся мы надъ тобою, соединимся духомъ, братья, и возликуемъ, и ударимъ въ тимпаны и воспоемъ побѣдную пѣснь Маріамъ во Израилѣ о потопленіи Египтянъ въ Чермномъ морѣ. Да веселится пустыня и да цвѣтетъ, яко кринъ, да веселится Церковь, которая вчера и за день повидимому вдовствовала и сиротствовала!.. Видите: отъ удовольствія дѣлаюсь, какъ опьяненный, какъ безумный. Но какой голосъ, какой даръ слова будетъ соразмѣренъ чуду сему? Гдѣ твои жертвы, обряды и таинства, императоръ? Гдѣ заклинанія и знаменія чревовѣщателей? Гдѣ искусство гадать по разсѣченнымъ внутренностямъ живыхъ людей? Гдѣ слава Вавилона? Гдѣ персы и мидяне? Гдѣ боги, тебя сопровождающіе, тобой сопровождаемые, твои защитники, Юліанъ? Все исчезло, обмануло, разсѣялось!»

— Ахъ, душечка, какая борода!—замѣтила шопотомъ на ухо подругѣ престарѣлая нарумяненная дама, стоявшая рядомъ съ Анатоліемъ,—смотри, смотри, золотомъ отливаетъ.

— Да, но зубы...—усомнилась подруга.

— Ну такъ что-же, зубы?.. Какое намъ дѣло?.. При такой красотѣ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, Вероника, какъ можно, не говори этого. Зубы тоже что-нибудь да значатъ. Вообще, можно-ли сравнить брата Ѳеофанія...

Ѳеодоритъ гремѣлъ:

— Сокрушилъ Господь мышцы беззаконнаго! Вотще Юліанъ возрастилъ въ себѣ нечестіе, подобно тому, какъ самые злые изъ пресмыкающихся и звѣрей собираютъ ядъ. Богъ ожидалъ, пока выйдетъ наружу вся злоба Юліанова, подобно нѣкоему злокачественному вереду...

— Какъ-бы въ циркъ не опоздать,—шепталъ другой сосѣдъ Анатолія, ремесленникъ, на ухо товарищу,—говорятъ—медвѣдицы... Изъ Британіи...

— Ну, что ты?.. Неужели—медвѣдицы!..

— Какъ-же! Одну зовутъ «Золотая крошечка» — «Mica Aurea», другую—«Невинность»—«Innocentia». Человѣчьимъ мясомъ кормятъ... И еще вѣдь гладіаторы!

— Господи Іисусе! Еще гладіаторы!.. Только-бы не прозѣвать!.. Все равно, не дождемся конца... Улизнемъ, братъ, поскорѣе, а то мѣста займутъ.

Теперь Θеодоритъ прославлялъ Юліанова предшественника Констанція за христіанскія добродѣтели, за чистоту жизни, за любовь къ своимъ родственникамъ.

Анатолію сдѣлалось душно въ толпѣ. Онъ вышелъ изъ церкви и съ удовольствіемъ вдохнулъ свѣжій воздухъ, не пахнувшій ладаномъ и гарью лампадъ, взглянулъ на чистое небо, не заслоненное золоченымъ куполомъ.

Въ притворахъ разговаривали громко, не стѣсняясь. Въ толпѣ распространилась важная вѣсть. Сейчасъ повезутъ по улицамъ въ желѣзной клѣткѣ двухъ медвѣдицъ въ амфитеатръ. Услышавшіе новость выбѣгали изъ церкви стремительно, не дождавшись конца проповѣди, съ озабоченными дѣловыми лицами:

— Что? Какъ? Не опоздали? Неужели правда, Золотая Крошечка нездорова?

— Вздоръ. Это у Невинности было ночью разстройство желудка. Объѣлась. Теперь прошло. Здоровехоньки обѣ.

— Слава Богу, слава Богу!

Какъ ни сладостно было краснорѣчіе Θеодорита, оно не могло побѣдить соблазна гладіаторскихъ игръ и британскихъ медвѣдицъ.

Церковь начинала пустѣть. Анатолій увидѣлъ, какъ со всѣхъ концовъ города, изъ всѣхъ покинутыхъ базиликъ, по улицамъ, переулкамъ и площадямъ, бѣжали запыхавшіеся люди по направленію къ цирку. Они другъ друга сшибали съ ногъ, ругались, вопили, давили дѣтей, перескакивали черезъ упавшихъ женщинъ, роняли сандаліи и неслись дальше. На потныхъ, красныхъ лицахъ былъ такой страхъ опоздать, какъ будто дѣло шло о спасеніи жизни.

И два нѣжныхъ имени порхали изъ устъ въ уста, какъ сладкія обѣщанія невѣдомыхъ радостей:

— Золотая Крошечка!.. Невинность!.. Mica Aurea!.. Innocentia!..

Анатолій вошелъ за толпою въ амфитеатръ.

По римскому обычаю веларіумъ, окропленный духами, защищалъ народъ отъ солнца, распространяя свѣжія алыя сумерки. Многоголовая толпа уже волновалась по нисходящимъ кругообразнымъ ступенямъ.

Передъ началомъ игръ въ императорскую ложу высшіе антіохійскіе сановники внесли бронзовую статую Іовіана, чтобы народъ могъ насладиться лицезрѣніемъ новаго повелителя. Въ правой рукѣ Августъ держалъ глобусъ, увѣнчанный крестомъ. Ослѣпительный лучъ солнца проникъ между пурпурными полотнищами веларіума и упалъ на чело императора. Оно засверкало, и толпа увидѣла на бронзовомъ, плоскомъ лицѣ самодовольную улыбку. Чиновники цѣловали ноги кумира. Чернь ревѣла отъ восторга:

— Слава, слава спасителю отечества, Августу Іовіану! Погибъ Юліанъ, наказанъ дикій вепрь, опустошитель Божьяго вертограда!

Безчисленныя руки махали въ воздухѣ разноцвѣтными платками и поясами.

Чернь привѣтствовала въ Іовіанѣ свое отраженіе, свой духъ, свой образъ, воцарившійся въ мірѣ. У многихъ на глазахъ сіяли слезы восторга.

Издѣваясь надъ усопшимъ императоромъ, толпа обращалась къ нему, какъ будто онъ присутствовалъ въ амфитеатрѣ и могъ слышать:

— Ну, что, философъ?.. Не помогла мудрость Платона и Хризиппа, не защитили ни Громовержецъ, ни Фебъ Дальномечущій!.. Попалъ дьяволамъ въ когти, да растерзаютъ они богохульника!.. Гдѣ твои предсказанія, глупый Максимъ? Побѣдилъ Христосъ и Богъ Его, побѣдили мы, смиренные!

Всѣ были увѣрены, что Юліанъ палъ отъ руки галилеянина и благодарили Бога за этотъ «спасительный ударъ» и прославляли цареубійцу.

Когда-же увидѣли они смуглое тѣло гладіаторовъ подъ когтями Золотой Крошечки и Невинности, толпой овладѣла ярость. Глаза расширялись и не могли насытиться видомъ крови. На ревъ звѣриный народъ отвѣтилъ еще болѣе дикимъ человѣческимъ ревомъ. Они пѣли хвалу Богу, какъ будто теперь только увидѣли полное торжество своей вѣры:

— Слава императору, благочестивому Іовіану! Христосъ побѣдилъ, Христосъ побѣдилъ!..

Анатолій съ отвращеніемъ чувствовалъ зловонное дыханіе черни— запахъ людского стада. Зажмуривъ глаза, стараясь не дышать, выбѣжалъ онъ на улицу, вернулся домой, заперъ двери, плотно закрылъ ставни, бросился на постель и такъ пролежалъ, не двигаясь, до поздняго вечера.

Но отъ черни и здѣсь не было спасенія.

Только что стемнѣло, вся Антіохія озарилась огнями. На углахъ базиликъ и высокихъ фронтонахъ государственныхъ зданій, дымились громадные свѣточи, раздуваемые вѣтромъ, на улицахъ коптили плошки. И въ комнату Анатолія сквозь щели ставенъ проникали зарево огней, зловоніе горящаго дегтя и сала. Изъ сосѣднихъ кабаковъ слышались пьяныя пѣсни легіонеровъ и матросовъ, хохотъ, визгъ, брань уличныхъ блудницъ, и надъ всѣмъ, подобно шуму водъ, носилось немолчное славословіе Іовіану Спасителю, анаѳема Юліану Отступнику.

Анатолій, съ горькой усмѣшкой, подымая руки къ небу, воскликнулъ:

— Воистину ты побѣдилъ, Галилеянинъ!

XXI.

Это была большая торговая трирема съ пушистыми азіатскими коврами и амфорами оливковаго масла, совершавшая плаваніе отъ Селевкіи Антіохійской къ берегамъ Италіи. Между островами Эгейскаго Архипелага направлялась она къ острову Криту, гдѣ должна была взять грузъ шерсти и высадить нѣсколькихъ монаховъ въ уединенную обитель на морскомъ берегу. Старцы, находившіеся на передней части палубы, проводили дни въ благочестивыхъ бесѣдахъ, молитвахъ и обычной монастырской работѣ, плетеніи корзинъ изъ пальмовыхъ вѣтвей.

На противоположной сторонѣ, у кормы, увѣнчанной дубовымъ изваяніемъ Аѳины Тритониды, подъ легкимъ навѣсомъ изъ фіолетовой ткани для защиты отъ солнца, пріютились другіе путешественники, съ которыми монахи не имѣли общенія, какъ съ язычниками. То были Анатолій, Амміанъ Марцеллинъ и Арсиноя.

Былъ тихій вечеръ. Гребцы, александрійскіе невольники, съ бритыми головами, мѣрно опускали и подымали длинныя гнущіяся весла, распѣвая унылую пѣсню.

Солнце заходило за тучи.

Анатолій смотрѣлъ на волны и припоминалъ слово поэта—«многосмѣющееся море». Послѣ суеты, пыли и зноя антіохійскихъ улицъ, послѣ зловоннаго дыханія черни и копоти праздничныхъ плошекъ, онъ отдыхалъ, повторяя:

— Πολυγελᾶς, Многосмѣющееся, прими меня и очисти душу мою!

Калимносъ, Аморгосъ, Астифалея, Ѳера, какъ видѣнія, одинъ за другимъ выплывали передъ ними острова, то подымаясь надъ моремъ, то вновь исчезая, какъ будто вокругъ горизонта сестры-океаниды плясали свою вѣчную пляску. Анатолію казалось, что здѣсь еще не прошли времена Одиссеи.

Спутники не нарушали молчаливыхъ грезъ его. Каждый былъ погруженъ въ свое дѣло. Амміанъ Марцеллинъ приводилъ въ порядокъ записки о персидскомъ походѣ, о жизни императора Юліана, а по вечерамъ, для отдыха, читалъ знаменитое сочиненіе христіанскаго учителя, Климента Александрійскаго, подъ заглавіемъ «Στρώνατα» («Пестрый Коверъ»).

Арсиноя лѣпила изъ воску модели для большой мраморной статуи. Это было обнаженное цвѣтущее тѣло олимпійскаго бога, съ головою, полною выраженія неземной печали. Анатолій хотѣлъ и все не рѣшался спросить ее, кто это,—Діонисъ или Христосъ.

Ваятельница давно покинула монашескія одежды. Благочестивые люди отворачивались отъ нея съ ужасомъ, называли Отступницей. Но отъ

явныхъ преслѣдованій избавляло ее славное имя предковъ и память о щедрыхъ вкладахъ, которыми нѣкогда почтила она многія христіанскія обители.

Изъ прежняго богатства ея осталась небольшая часть, но и этого было довольно, чтобы жить независимо.

На берегу Неаполитанскаго залива, недалеко отъ Бай, сохранилось у нея маленькое помѣстіе съ тою самою виллою, въ которой Мирра провела послѣдніе дни свои. Здѣсь Арсиноя, Анатолій и Марцеллинъ согласились отдохнуть отъ послѣднихъ тревожныхъ годовъ своей жизни, въ глубокой тишинѣ, въ служеніи музамъ.

Бывшая монахиня носила теперь почти такую-же одежду, какъ и до постриженія. Простыя, благородныя складки пеплума снова дѣлали ее похожей на древнюю аѳинскую дѣвушку. Но цвѣтъ ткани былъ темный, и блѣдное золото кудрей только слабо мерцало сквозь такую-же темную дымку, накинутую на голову. Въ тускло-черныхъ, никогда не смѣявшихся глазахъ была строгая, почти суровая мудрость. Только руки художницы, обнаженныя до самыхъ плечъ, изъ-подъ складокъ пеплума, сверкали бѣлизной, когда она работала, нетерпѣливо, точно со злобою, мяла и комкала размягченный воскъ. Анатолій чувствовалъ дерзновенную силу въ этихъ бѣлыхъ, какъ будто злыхъ рукахъ.

Въ тотъ тихій вечеръ корабль проходилъ мимо маленькаго острова.

Никто не зналъ его имени. Издали онъ казался безплодною скалою. Но чтобы избѣгнуть подводныхъ камней, корабль долженъ былъ пройти близко отъ берега: здѣсь, вокругъ обрывистаго мыса, была такая прозрачная глубина, что можно было видѣть на днѣ серебристо-бѣлыя пятна песку, чередовавшіяся съ черными пятнами мховъ.

Изъ-за темныхъ скалъ выступили зеленыя лужайки. Тамъ паслись овцы. По серединѣ мыса росъ платанъ.

Анатолій замѣтилъ на мшистыхъ корняхъ его отрока и дѣвушку. Должно быть, то были дѣти бѣдныхъ пастуховъ. За ними, въ кипарисовой рощѣ, бѣлѣлъ мраморный козлоногій Панъ съ девятиствольною свирѣлью.

Анатолій обернулся къ Арсиноѣ, чтобы указать на этотъ мирный уголокъ Эллады. Но слова замерли на губахъ его.

Пристально, съ улыбкой страннаго веселья, смотрѣла художница на свое созданіе, на восковую статую, двусмысленный и соблазнительный образъ съ цвѣтущимъ олимпійскимъ тѣломъ, съ неземною грустью въ лицѣ.

Сердце Анатолія сжалось. Онъ спросилъ Арсиною отрывисто, почти злобно, указывая на статую:

— Зачѣмъ это?.. Кого ты изображаешь?..

Медленно, какъ будто съ усиліемъ, подняла она глаза свои—«такіе глаза должны быть у Сибиллы»—подумалъ онъ.

— Арсиноя, ты думаешь, что люди поймутъ тебя? — произнесъ Анатолій.

— Не все-ли равно, другъ мой?—сказала она тихо, съ печальной улыбкой.

И помолчавъ, прибавила еще тише, какъ будто говорила сама съ собой:

— Онъ будетъ простирать руки свои къ міру. Онъ долженъ быть неумолимъ и страшенъ, какъ Митра-Діонисъ въ красотѣ и силѣ своей, милосердъ и кротокъ...

— Что ты говоришь? Какое противорѣчіе! Развѣ возможно?..

— Кто знаетъ? Для насъ—невозможно. А въ будущемъ...

Солнце опускалось все ниже.

Подъ нимъ на горизонтѣ лежала туча и ждала. Послѣдніе лучи, съ грустью и нѣжностью, озаряли островъ. Теперь пастухъ съ подругой подошли къ жертвеннику Пана, чтобы совершить вечернее возліяніе.

— Ты думаешь, Арсиноя,—продолжалъ Анатолій—ты думаешь,—невѣдомые братья снова подымутъ упавшую нить нашей жизни и пойдутъ по ней дальше? Ты думаешь, что не все погибнетъ въ этой варварской тьмѣ, сходящей на Римъ и Элладу? О, если-бы такъ, если-бы знать, что будущее...

— Да, да—воскликнула Арсиноя, и суровые темные глаза ея загорѣлись пророческимъ огнемъ,—будущее въ насъ, въ нашей безумной тоскѣ. Юліанъ былъ правъ. Въ безславіи, въ безмолвіи, чуждые всѣмъ и одинокіе, должны мы работать до конца. Должны спрятать въ пепелъ потухающихъ алтарей послѣднюю искру огня, чтобы грядущимъ племенамъ и народамъ было чѣмъ зажечь новые свѣтильники. Съ того, чѣмъ мы кончаемъ, начнутъ они. Пусть умретъ Эллада,—когда нибудь люди откапаютъ святыя кости ея, обломки божественнаго мрамора и снова будутъ молиться и плакать надъ ними. Отыщутъ въ безмолвныхъ могилахъ истлѣвшія страницы нашихъ книгъ, и снова будутъ, какъ дѣти, разбирать по складамъ древнія сказанія Гомера, мудрость Платона! Тогда воскреснетъ Эллада—и съ нею мы!..

— И вмѣстѣ съ нами—наше проклятіе!..—воскликнулъ Анатолій.—Опять начнется борьба Олимпа и Голгоѳы!.. Зачѣмъ? Кто побѣдитъ? Когда это кончится? Отвѣчай, сибилла, если можешь!

Арсиноя безмолвствовала, потупивъ взоръ. Наконецъ, она взглянула на Амміана и указала на него Анатолію:

— Вотъ кто лучше меня отвѣтитъ тебѣ. Сердце его такъ же раздѣлено между Христомъ и Олимпомъ, какъ мое и твое. А между тѣмъ онъ не утратилъ ясности духа. Видишь, какъ онъ спокойно и разумно внимаетъ спору.

Амміанъ Марцеллинъ, отложивъ сочиненія Климента, прислушивался къ разговору молча.

— Въ самомъ дѣлѣ, — обратился къ нему эпикуреецъ со своей обычной легкомысленной улыбкой,—вотъ уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ, какъ мы съ тобой—друзья, а между тѣмъ я до сихъ поръ не знаю, кто ты,—христіанинъ или эллинъ.

— Я и самъ не знаю,—произнесъ Аммiанъ, немного покраснѣвъ, съ откровенною улыбкою.

— Какъ? И тебя никогда не тревожили сомнѣнія, ты не страдалъ отъ противорѣчій эллинской и галилейской мудрости?

— Нѣтъ, другъ мой, я думаю, эти ученія во многомъ сходятся...

— Но какъ-же ты намѣренъ писать свою Лѣтопись Римской Имперіи,—допрашивалъ Анатолій, — должна же какая-нибудь чаша вѣсовъ перевѣсить. Неужели захочешь ты оставить потомковъ нашихъ въ такомъ странномъ недоумѣніи о твоихъ вѣрованіяхъ.

— Имъ этого не должно знать,—отвѣтилъ историкъ.—Быть справедливымъ къ тѣмъ и другимъ, вотъ моя цѣль. Я любилъ императора Юліана, но не опустится и для него въ рукахъ моихъ ни одна чаша вѣсовъ. Пусть въ грядущемъ никто не рѣшитъ, кѣмъ я былъ,—какъ я самъ не рѣшаю...

Анатолій имѣлъ уже случай видѣть изящную вѣжливость Аммiана, его не тщеславную и неподдѣльную храбрость на войнѣ, спокойную вѣрность въ дружбѣ,—теперь онъ невольно любовался новой чертой въ своемъ товарищѣ,—этой глубокой ясностью ума.

— Да, ты рожденъ историкомъ, Аммiанъ!—воскликнула Арсиноя,—безстрастнымъ судіею нашего страстнаго вѣка. Ты примиришь двѣ враждующихъ мудрости.

— Это не я, не я первый!..—торопливо возразилъ Аммiанъ.

Онъ такъ воодушевился, что всталъ и указывалъ рукою на пергаментные свитки сочиненій великаго христіанскаго учителя:

— Вотъ здѣсь все это уже есть, и еще многое, гораздо лучшее,—чего я не сумѣю выразить. Это «Стромата» Климента Александрійскаго. Онъ доказываетъ, что все величіе Рима, вся мудрость Эллады—путь къ ученію Христа. Предзнаменованія, предчувствія, намеки. Широкія ступени, ведущія въ Царствіе Божіе, какъ Пропилеи. Платонъ—предтеча Іисуса Назареянина.

Эти послѣднія слова объ ученіи патріарха Климента, сказанныя Аммiаномъ съ такою сердечною простотою, поразили Анатолія до глубины души. Онъ какъ будто вспомнилъ, что все это уже когда-то было, все до послѣдней мелочи,—и островъ, озаренный вечернимъ солнцемъ, и крѣпкій, пріятный запахъ корабельной смолы, и неожиданныя простыя слова Аммiана о Платонѣ — предтечѣ Іисуса. Ему чудилась широкая лѣстница, мраморная, залитая солнцемъ, многоколонная, какъ Пропилеи въ Аѳинахъ, ведущая прямо въ голубое небо.

Между тѣмъ, трирема медленно огибала мысъ.

Кипарисовая роща почти скрылась за утесами. Анатолій кинулъ послѣдній взглядъ на отрока, стоявшаго рядомъ съ дѣвушкой передъ изваяніемъ Пана. Она склонила надъ жертвенникомъ простую деревянную чашу, принося вечерній даръ богу—козье молоко, смѣшанное съ медомъ. Мальчикъ приготовлялся играть на флейтѣ. Трирема въѣзжала въ открытое море. Все исчезло за выступомъ берега. Только нѣжно-голубая струйка жертвеннаго дыма подымалась прямо надъ рощей.

Тогда на небѣ, на землѣ и на морѣ наступила великая тишина.

Послышались медленные звуки церковнаго пѣнія. Старцы-отшельники, на передней части корабля, пѣли хоромъ вечернюю молитву...

Въ это-же мгновеніе по недвижимой поверхности моря пронеслись иные звуки. Мальчикъ-пастухъ игралъ на флейтѣ вечерній гимнъ Пану, древнему богу веселья, любви и свободы. Сердце Анатолія дрогнуло отъ изумленія.

— Да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ—возглашали монахи, и высоко подъ самое небо возносились чистые звуки пастушьей свирѣли, смѣшиваясь со словами молитвы Господней.

Послѣдній изнемогающій отблескъ потухъ на камняхъ блаженнаго острова. Теперь снова казался онъ мертвой скалой среди моря. Оба гимна умолкли.

Вѣтеръ зашумѣлъ въ снастяхъ. Подымались волны. Гальціона жалобно стонала. Побѣжали тѣни отъ Запада, и море потемнѣло. Туча росла. Изъ-за горизонта донеслись первые глухіе раскаты грома. Надвигалась ночь и буря.

Но въ сердцѣ Анатолія, Амміана и Арсинои, какъ незаходящее солнце, уже было великое веселіе Возрожденія.

Д. Мережковскій.

КОНЕЦЪ.

Густавъ Фрейтагъ.

(1816—1895).

Онъ никогда не былъ поэтомъ. Ни въ молодые годы, во время революціи 48-го года, когда чуть ли не всякій студентъ чувствовалъ въ груди своей искорку поэзіи; ни во времена объединенія Германіи и начала владычества Гогенцолерновъ, когда осуществились его завѣтные идеалы: единство Германіи съ однимъ изъ Гогенцолерновъ во главѣ была постоянно завѣтной мечтой Фрейтага. И не только въ этой мечтѣ, но и во всѣхъ его сочиненіяхъ виденъ филистеръ, честный гражданинъ и патріотъ, порядочный, иногда благородный человѣкъ, умный и образованный писатель, не способный къ поэтическому вдохновенію. Ни въ жизни, ни въ своихъ многочисленныхъ романахъ и драмахъ онъ не выходилъ изъ колеи, изъ границъ приличія; ни разу вы не встрѣтите у него желанія жить иначе, чѣмъ другіе, порядочные люди.

* * *

Густавъ Фрейтагъ родился 13 іюля 1816 г. въ городкѣ Kreuzburg, въ прусской Силезіи; онъ получилъ прекрасное образованіе и кончилъ въ Берлинѣ университетъ; съ 1838 года онъ былъ приватъ-доцентомъ въ бреславльскомъ университетѣ, гдѣ читалъ о нѣмецкомъ языкѣ и литературѣ.

Въ 1847 году онъ бросилъ доцентуру, такъ какъ ему не позволили читать объ исторіи цивилизаціи; ректоратъ нашелъ, что исторія цивилизаціи не достаточно важный предметъ и нечего читать о ней отдѣльнаго курса. Въ 48 году онъ началъ вмѣстѣ съ Юліаномъ Шмидтомъ издавать основанный писателемъ Kuranda журналъ «der Grenzbote», гдѣ публиковалъ свои политическія статьи и писалъ о литературѣ. Въ 1870 году онъ оставилъ журналъ и занимался только литературой, но уже для собственнаго удовольствія, рѣдко выступая предъ публикой. Герцогъ

Эрнстъ Кобургскій назначилъ его своимъ чтецомъ, сдѣлалъ его Hofrat'омъ, затѣмъ тайнымъ совѣтникомъ и наконецъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ съ титуломъ «Exellenz»—такъ что онъ, кромѣ Гете, единственный нѣмецкій писатель въ генеральскомъ чинѣ. 30 апрѣля сего года онъ умеръ, 79 лѣтъ отъ роду, въ своемъ помѣстьѣ Siebleben, возлѣ Готы, оставивъ около милліона состоянія. Хоронили его съ громадными почестями, германскій императоръ—Jung-Wilhelm, какъ Фрейтагъ его называлъ—возложилъ на его гробъ лавровый вѣнокъ. Всѣ газеты и журналы посвятили ему статьи—и всѣ были почти того же мнѣнія: «умеръ великій нѣмецкій поэтъ, національный писатель; слава о немъ не умретъ пока нѣмцы живутъ, его сочиненія будутъ постоянно настольными книгами нѣмецкаго народа»...

Посмотримъ, однако, въ чемъ выразился національный геній Фрейтага и каковы его безсмертныя сочиненія.

* * *

Популярнѣйшія изъ его книгъ это романъ «Soll und Haben» (появившійся въ 1855 году) и комедія «die Journalisten» (1854 г.). Извѣстны, хотя и не такъ популярны его драмы «die Valentine» (1846) и «Graf Waldemar» (1847), затѣмъ романъ «die verlorene Handschrift» (1864) и серія историческихъ разсказовъ «die Ahnen» (1872—1881). Драмы какъ «der Gelehrte» (1844), «die Brautfahrt oder Kunz von der Rosen» (1841) и «die Fabier» (1859) почти не извѣстны, а его историческо-литературное произведеніе «Bilder aus der deutschen Vergangenheit», и «die Technik des Dramas» цѣнятся только знатоками. Томъ его стиховъ «In Breslau» кажется никогда не читался, его автобіографія «Erinnerungen aus meinem Leben» (1886) очень скучная книга и наконецъ его послѣднее произведеніе «der Kronprinz und die deutsche Kaiserkrone» (1889) читалось только присяжными критиками и прусскими патріотами.

Такова въ общемъ работа его долгой жизни.

Первая драма Фрейтага «die Brautfahrt» ничѣмъ не отличается отъ другихъ историческихъ, національныхъ комедій: она такъ же длинна, такъ же скучна и такъ же «романтична», но написана, какъ почти все что Фрейтагъ писалъ, прекраснымъ нѣмецкимъ языкомъ и сравнительно драматична. Очень драматичны также его пьесы: «die Valentine» и «Graf Waldemar». Фрейтагъ находился тогда подъ вліяніемъ Скриба. Но что легко давалось французу, на то тяжеловѣсный нѣмецъ долженъ былъ затратить не мало глубокомыслія—и драмы Фрейтага вышли солиднѣе, тенденціознѣе и, на нѣмецкій ладъ, эффектнѣе. Характеры героевъ съ перваго же акта ясно видны: это очень благородные люди, которые немножко заблуждаются, но подъ конецъ все-таки благополучно причаливаютъ къ пристани законнаго брака (безъ женитьбы вообще невозможна «солидная» нѣмецкая комедія, написанная для бюргеровъ). Уже въ пер-

выхъ работахъ ясно видна тенденція Фрейтага: ему постоянно хочется смѣшать синюю, немного водянистую кровь аристократовъ съ здоровой, густой кровью бюргера. Такъ взялся онъ за разрѣшеніе соціальнаго вопроса.

* *
*

Комедіей «die Journalisten» Фрейтагъ завоевалъ себѣ симпатіи нѣмецкой публики—до сихъ поръ еще драма эта ставится на всѣхъ сценахъ нѣмецкихъ театровъ, и даже очень часто. Это очень понятно: нація «мыслителей и поэтовъ» не обладаетъ ни однимъ юмористомъ, которому бы удалась хорошая комедія. Всѣ писатели комедій, отъ Бенедикса до Ларонжа, Блюменталя, Кадельбурга и К°, не что иное, какъ фабриканты каламбуровъ, вицовъ и карикатуръ, не имѣющихъ почти ничего общаго съ жизнью—при чемъ еще старикъ Бенедиксъ—настоящій Аристофанъ въ сравненіи съ своими плагіаторами-ремесленниками, какъ Блюменталь и др. И хотя публика охотно смотритъ комедіи такого рода авторовъ, но все-таки немножко стыдится этого, такъ-же какъ мы стыдимся своего собственнаго смѣха, невольно вызываемаго глупыми выходками клоуновъ. Оттого такъ свѣжо дѣйствуетъ комедія «die Journalisten»: намъ по крайней мѣрѣ нечего стыдится ея. Это далеко не классическая комедія, но все-таки серьезное произведеніе.

Нельзя даже сказать, чтобъ Фрейтагъ не выполнилъ того, что хотѣлъ: онъ нарисовалъ картину выборовъ въ провинціальномъ городѣ и вліяніе журналистики на эти выборы—все въ границахъ приличія. Напрасно было бы думать, что драма эта есть сатира на журналистовъ; Фрейтагъ просто шутитъ надъ журналистами—иногда остроумно, всегда умно добродушно, безъ сарказма, безъ горечи. Его герой, редакторъ Больцъ, славный малый, средняго типа журналистъ: не черезчуръ уменъ, не черезчуръ образованъ, безъ глубокихъ убѣжденій, работающій для ежедневной публики, которая уже вечеромъ забыла то, что онъ писалъ утромъ. Онъ честенъ, т. е. врагъ его партіи не подкупитъ его: своимъ же онъ постоянно окажетъ одолженіе, если даже пути для этого не особенно чисты: въ этихъ случаяхъ онъ беретъ себѣ въ помощь мнѣніе, полагающее, что порядочная цѣль облагораживаетъ непорядочныя средства. Больцъ веселый парень, постоянно веселый, беззаботный. Однако въ немъ нѣтъ ничего типичнаго, особенно характернаго, индивидуальнаго, это только театральная фигура, хорошая роль для актера. Всѣ другія фигуры драмы очень водянисты и безцвѣтны—за однимъ, однако, исключеніемъ. Это исключеніе составляетъ репортеръ Шмокъ, лучшая фигура всѣхъ нѣмецкихъ комедій: въ этой траги-комической фигурѣ есть что то вѣчное, типичное, почти глубокое: это несчастный труженикъ, бьющійся какъ рыба объ ледъ, чтобы заработать копѣйку; онъ долженъ рыскать по городу и открывать различныя приключенія—по-

жары, убійства—за это ему платятъ со строки, какъ можно меньше. Пока будетъ существовать наша ежедневная журналистика, будетъ живъ типъ Шмока и комедія Фрейтага не утратитъ своего значенія. Но мы должны напомнить обидную для Фрейтага правду: эту фигуру,—основную идею этой фигуры Фрейтагъ откупилъ у Alfred Meissner'a, за нѣсколько бутылокъ вина.

Черезъ годъ послѣ появленія «Журналистовъ», въ 1855 г., вышелъ въ свѣтъ романъ «Soll und Haben» («Дебетъ и Кредитъ»), романъ, выдержавшій за 40 лѣтъ 40 изданій: нѣчто невѣроятное у нѣмцевъ, мало и неохотно покупающихъ книги. Это чуть-ли не самый популярный романъ Германіи, хотя у нѣмцевъ есть несравненно лучшіе, болѣе глубокіе и значительные романы. Чѣмъ объяснить себѣ это?

«Soll und Haben» это идеализація нѣмецкаго купечества или купечества вообще. Романъ этотъ появился какъ разъ въ эпоху развитія нѣмецкой торговли и задался цѣлью выразить собою это развитіе, дать вѣрную картину честной работы, труда, который никогда не остается безплоднымъ для трудящихся. При созданіи «Soll und Haben» писатель руководился выраженіемъ извѣстнаго Юліана Шмидта; «der Roman soll das deutsche Volk da suchen, wo es in seiner Tüchtigkeit zu finden ist, nämlich bei seiner Arbeit».

Это выраженіе само по себѣ вѣрно, но Фрейтагъ невѣрно примѣнилъ его, такъ какъ торговля въ той формѣ, въ которой Фрейтагъ рисуетъ ее, не есть даже истинно честный трудъ. Всѣмъ извѣстно, что честнымъ трудомъ ни въ настоящее, ни въ прошедшія времена нельзя было стать Ротшильдомъ. Всѣ богачи, начиная съ Кита Китыча и кончая Вандербильтомъ, ѣдятъ хлѣбъ свой въ потѣ лица другихъ, своихъ покупателей и служащихъ. Вѣрить въ честность подобныхъ обогащеній по меньшей мѣрѣ наивно, и не удивительно, что исходя изъ подобной точки зрѣнія, Фрейтагъ исказилъ правду жизни тенденціозно-піетическимъ образомъ. Онъ наградилъ добродѣтель: герой Антонъ Вольфартъ женится на сестрѣ своего хозяина, богатаго купца Шретера; онъ наказалъ зло: плутъ и мошенникъ Файтель Итцигъ умираетъ постыдной смертью. Каждый награждается по заслугамъ. Честная работа торжествуетъ, т. е. тотъ, кто былъ богатъ, становится еще богаче!

Но, несмотря на всѣ эти основные недостатки, романъ очень хорошо написанъ и читается съ громаднымъ удовольствіемъ: у Фрейтага есть даръ занимать читателя, пошутить съ нимъ, растрогать его до умиленія и даже до слезъ—а это нравится нѣмцамъ, въ особенности солиднымъ бюргерамъ, которые и составляютъ главный контингентъ его читателей. Молодежи, дѣтямъ нашей эпохи Фрейтагъ ничего почти не далъ, такъ какъ онъ былъ лишь отраженіемъ своего близорукаго времени, проповѣдникомъ неглубокой буржуазной морали.

* *
*

Изъ другихъ сочиненій Фрейтага интересенъ еще романъ «die verlorene Handschrift» и серія историческихъ разсказовъ «die Ahnen».

«Verlorene Handschrift» называется въ шутку романомъ профессорскихъ женъ (такъ-же какъ «Soll und Haben»—романомъ купцовъ): Фрейтагъ рисуетъ въ немъ профессора, отыскивающаго потерянную лѣтопись Тацита. Въ то время, когда мужъ занимается этимъ сравнительно безплоднымъ дѣломъ, за женой начинаетъ ухаживать владѣтельный князекъ. Но не безпокойтесь: все кончается благополучно, т. е. жена не измѣняетъ мужу, Фрейтагъ никогда не допустилъ-бы этого!

И этотъ романъ хорошо написанъ, хотя во многомъ уступаетъ «Soll und Haben». Нѣкоторые изъ очень смѣлыхъ филистеровъ видятъ даже въ этомъ романѣ сатиру на князьковъ, конечно *маленькихъ*.... Серіей своихъ историческихъ разсказовъ «die Ahnen» («Предки») Фрейтагъ выполнилъ свою старую мечту: онъ хотѣлъ этимъ произведеніемъ показать постепенное развитіе древняго германца въ нѣмца нашего времени. Но и въ этой своей роли историческаго романиста Фрейтагъ остался вѣренъ себѣ. И всѣ его герои, начиная съ варвара и кончая цивилизованнымъ нѣмцемъ, самые порядочные люди, люди непоколебимой морали.

Всю свою любовь къ своему отечеству Фрейтагъ вложилъ въ это произведеніе; оттого, несмотря на всѣ недостатки, на всѣ несимпатичные взгляды автора, всякій съ удовольствіемъ прочтетъ «die Ahnen»: все время мелькаетъ предъ вами фигура писателя, правда съ странными, чуждыми намъ понятіями о жизни и людяхъ, но всегда честнаго и искренно любящаго свое отечество.

* * *

Несмотря на всѣ увѣренія нѣмецкихъ патріотовъ, Фрейтагъ не будетъ вѣчно жить въ памяти нѣмецкаго народа, потому что въ его сочиненіяхъ, за очень малыми исключеніями, нѣтъ ничего вѣчнаго, потому что онъ самъ имѣетъ очень мало общаго съ народомъ. Онъ былъ представителемъ довольныхъ, сытыхъ, людей безъ душевныхъ сомнѣній. А такъ какъ это обыкновенно меньшинство, то и любить его будетъ только меньшинство, отнюдь не лучшее меньшинство. Онъ обладалъ рѣдкими знаніями по исторіи и германистикѣ — оттого онъ дѣйствуетъ на читателя какъ учитель, никогда какъ другъ. Нигдѣ вы не найдете у него разрѣшенія какого нибудь сомнѣнія—все у него нормально. Нигдѣ вы не найдете у него выраженія сильной страсти — все у него въ границахъ закона и приличія. Онъ выразитель нѣмецкой посредственности, представитель своего, уже отходящаго въ исторію времени. Наши отцы имъ еще до сихъ поръ восхищаются—но это только показываетъ, какъ мало общаго имѣютъ дѣти современной Германіи со своими отцами.

А. Браунеръ.

Вѣна, май 1895 г.

---

* *
*

Летитъ мой духъ на крыльяхъ вождѣленья
Быстрѣе птицъ;
Вокругъ него воздушныя теченья—
Ночь безъ границъ.

Неясныхъ волнъ, чуть зримыхъ очертаній
Волшебный хоръ,
За нимъ плыветъ безъ цѣли, безъ названій
Туда, въ просторъ!

И тамъ, во мглѣ, гдѣ гаснетъ міростанья
Послѣдній свѣтъ,
Онъ ищетъ жизнь, гдѣ кончено страданье
Тамъ жизни нѣтъ!

Гдѣ нѣтъ лучей, тамъ умеръ звукъ для слуха,—
Безгласна тьма,—
И сѣтуетъ скорбящій голосъ духа
На вопль ума...

К. Фофановъ.

УСТАЛЫЕ ЛЮДИ.

Романъ Арне Гарборга.

Переводъ съ датскаго О. М. Петерсонъ.

VII.

Сегодня я серьезно побесѣдовалъ съ докторомъ Кволе. Онъ далъ мнѣ бромистаго кали и хининъ и потребовалъ обратно свои спиритическія книги.

Весьма возможно; пожалуй, что я въ эту минуту дѣйствительно слишкомъ нервенъ для такого чтенія: оно черезчуръ сильно напрягаетъ нервы. Человѣку довольно и бромистаго кали въ соединеніи съ разочарованіемъ въ жизни. Нѣтъ нужды прибѣгать еще къ другимъ разрушительнымъ силамъ.

Это постоянное нервное ощущеніе давленія на мозгъ начинаетъ пугать меня. Мой сумасшедшій дядя, какъ привидѣніе, стоитъ передо мною во всякое время дня и ночи. Не въ состояніи болѣе сидѣть дома и читать; усиленно гуляю, чтобы разогнать эти тревожныя мысли... и всѣ привидѣнія...

* * *

Въ настоящее время самое лучшее для меня общество—пасторъ. Его широкое, кротко-серьезное лицо дѣйствуетъ на меня успокоительно. У меня является своего рода суевѣрное чувство, будто въ его присутствіи таинственнымъ силамъ не такъ легко застать меня врасплохъ.

Онъ вызвался сопутствовать мнѣ въ моихъ вечернихъ прогулкахъ, и я съ искренней радостью отвѣчалъ: «Благодарю!»—«Я буду оставлять пастора дома», прибавилъ онъ улыбаясь.

Итакъ, пасторъ и невѣрующій дружелюбно прогуливаются вмѣстѣ и болтаютъ ѳ всякой всячинѣ. Мнѣ по душѣ его спокойная, примиренная

точка зрѣнія на людей и міръ. Мечта эта всегда возвращается ко мнѣ, когда я чувствую себя нѣсколько хуже.

— Больной ощущаетъ потребность во врачѣ,—говоритъ пасторъ.

Къ намъ присоединяется обыкновенно и фрекенъ Бернеръ, и я чувствую себя словно въ надежномъ, хорошемъ семейномъ кругу. Мы говоримъ о музыкѣ и литературѣ. У пастора своеобразные литературные вкусы, которые въ настоящее время не раздражаютъ меня: онъ утверждаетъ, что въ норвежской «свѣтской» литературѣ теперь существуетъ одинъ только заслуживающій чтенія писатель, а именно—П. Хр. Асбьернсенъ. «Т. е. я лично въ сущности гораздо болѣе увлекаюсь Вельгавеномъ и Мое» прибавляетъ онъ, «но въ нихъ можетъ быть мнѣ особенно симпатична именно ихъ религіозная струнка».

Мнѣ не удается вовлечь его въ разговоръ о гипнотизмѣ, спиритизмѣ и тому подобныхъ вещахъ; онъ постоянно уклоняется въ сторону старинныхъ разсказовъ о привидѣніяхъ и другихъ исторій, преемственно живущихъ въ пасторскихъ семьяхъ; онѣ собственно говоря, тоже очень интересны и, кромѣ того, сохранили еще весь этотъ поэтическій ореолъ, котораго до такой степени недостаетъ всѣмъ современнымъ «*измамъ*». Я говорю самому себѣ: «Люди старины опередили насъ даже въ суевѣріи».

Тутъ все время недостаетъ только одного, а именно: чувствуется, что кружокъ нашъ не полонъ... Четвертый членъ нашего общества, конечно, сопутствуетъ намъ, но черезчуръ ужъ духовнымъ образомъ.

* * *

— Намъ не слѣдуетъ порицать періоды господства разума,—говорилъ сегодня пасторъ Лёхенъ своимъ примиряющимъ тономъ,—они необходимы; они занимаютъ свое опредѣленное и неизбѣжное мѣсто въ развитіи человѣчества. Они все выясняютъ, очищаютъ и подвергаютъ критикѣ, а это имѣетъ значеніе для каждой области, не исключая и религіозной. Но ты, можетъ быть, правъ въ томъ, что они гораздо менѣе интересны; они вѣдь отличаются значительной сухостью; потому-то и получаютъ они отпоръ,—отпоръ со стороны чувства, сердца, или-же въ видѣ новаго порыва въ сторону великихъ вѣковъ Возрожденія, если только мнѣ позволено будетъ употребить здѣсь это выраженіе,—въ сторону вѣковъ, когда люди начинаютъ жить полнѣе, и не только разсудкомъ, но всѣмъ своимъ существомъ. Очевидно натурально, что въ такія времена возрастаетъ и уваженіе къ религіи, такъ какъ человѣкъ есть существо, обладающее сознаніемъ безконечнаго. Можно было-бы подумать, слѣдя за проницательной, ученой, часто остроумной критикой, которой во времена господства разума подвергается, напр., христіанство, что оно разбито окончательно и уже не можетъ возродиться къ жизни; но вѣдь въ концѣ концовъ мы, главнымъ образомъ, имѣемъ дѣло вовсе

не съ интеллектомъ, и то, что отвергается однимъ только разсудкомъ, тѣмъ не менѣе можетъ являться жизненной потребностью для человѣка, разсматриваемаго какъ цѣлое.

— Да... если-бы только это хоть что-нибудь доказывало!

— Вѣдь, въ концѣ концовъ, у насъ есть только одинъ критерій истины,—отвѣчалъ онъ.—По какому праву стали-бы мы пытаться подавлять въ себѣ этотъ элементъ чувства? — Да мы этого даже и не можемъ; *naturam furca pellas ex...* Не одинъ великій скептикъ подъ конецъ долженъ былъ признаться, что онъ забылъ сторону религіи и чувства,— *la partie religieuse et sentimentale.*

— Огюстъ Контъ, признавшій это, къ то время былъ уже человѣкъ разбитый.

— Это можетъ быть обозначаетъ только то, что онъ обладалъ болѣе глубокимъ жизненнымъ опытомъ. Больной человѣкъ знаетъ много такого, о чемъ здоровый не имѣетъ и понятія.

— И чего здоровый даже не въ состояніи и понять.

— Рано или поздно всѣ мы превращаемся въ больныхъ,—замѣтилъ пасторъ.

Пожатіе плечами. Продолжительное молчаніе.

* *
*

О, да, превратиться въ больного можно даже благодаря какой-нибудь незначительной жалкой любовной исторіи.

Такъ долго и такъ горько чувствуешь утрату той женщины, которая должна была наполнить твое существованіе, что наконецъ начинаетъ казаться, что ничего не остается, кромѣ смерти. Тогда умѣряешь требованія и начинаешь искать выхода. Если нельзя получить наилучшую, довольствуешься слѣдующею за нею, просто лучшею. Не находя счастья, съ благодарностью хватаешься за неземное блаженство. Это все тотъ же старый миѳъ: разъ не удается обнять Юноны —преклоняешься передъ облакомъ. .

* *
*

Неужели я дѣйствительно когда-нибудь дойду до того, что предложу фрёкенъ Бернеръ подобный «благоразумный бракъ»?

Это положительно самое лучшее, что я только могъ-бы сдѣлать. Она умѣетъ замѣчательно хорошо обращаться съ такимъ усталымъ человѣкомъ, какъ я: разговоромъ прогоняетъ мою тревогу, когда я бываю особенно нервенъ, и искусна въ томъ, что называется «разговаривать въ одиночку», такъ что я могу сидѣть и молчать, нисколько не заботясь о томъ, что она говоритъ, и въ то-же время сохранять иллюзію, будто я слушаю ее и, благодаря своего рода самообману, воображать даже, будто я интересуюсь.

Просто геніально!

Надо будетъ подумать объ этомъ, когда я справлюсь наконецъ съ этимъ періодомъ вялости и равнодушія... и когда мнѣ удастся заставить ту, другую, отступить нѣсколько подальше... еще нѣсколько дальше...

* * *

— Это зависитъ только отъ собственной воли,—говоритъ пасторъ:— захочешь вѣрить, и будешь вѣрить.

Да, да; это правда. Тутъ все дѣло лишь въ одномъ «самоподсказываніи». Стоитъ лишь съ достаточной энергіей подсказать самому себѣ извѣстную идею, ту-ли, что тебѣ остается лишь отправиться къ чорту, или-же, что такимъ-то и такимъ-то способомъ ты можешь быть спасенъ...

Но, зато-же вѣдь на это и нужна гораздо большая энергія, чѣмъ та, которою обладаетъ вашъ нижеподписавшійся слуга.

VIII.

Бѣдный милый Брунъ, со времени нашего послѣдняго свиданія онъ порядочно-таки косился на меня; онъ догадывался, что думалъ я о его супружеской жизни, и колебался между двумя вещами: порвать-ли со мной окончательно, или-же взять меня въ свои повѣренные.

Ужъ эти бѣдные мужья! Всѣ они начинаютъ съ того, что принимаютъ высокомѣрный тонъ; имъ «не нужны больше старые друзья», они удаляются отъ нихъ или-же разомъ порываютъ всѣ сношенія. Но, кто знаетъ? года черезъ два они, можетъ быть, вернутся назадъ; въ концѣ концовъ нужно-же имъ имѣть кого-нибудь «съ кѣмъ-бы можно было поговорить».

И Брунъ пришелъ. Черезчуръ ужъ велика была у него потребность отвести душу. А въ такомъ случаѣ, почему-бы не со мной?—Я же вѣдь ужъ и раньше зналъ... нѣсколько больше, чѣмъ слѣдовало.

И я сжалился надъ честнымъ музыкантомъ, чья жизнь превратилась въ одинъ сплошной диссонансъ, и принялъ его приглашеніе на «настоящій холостой вечеръ» у Ингбрета.

Едва успѣли мы покончить съ необходимымъ вступленіемъ и неизбѣжной неловкостью, какъ уже началось. Она была чудеснѣйшій человѣкъ въ мірѣ и т. д. и т. д. Вообще говоря, они прекрасно ладили между собою и т. д. Разумѣется, дѣло не обходилось безъ кое-какихъ шероховатостей; это случается въ самыхъ счастливыхъ супружествахъ и т. под.

— Да, это, конечно, правда; а скажи-ка, какъ поживаетъ Бьельсвикъ?

— Да надо надѣяться, что прекрасно!—продолжалъ онъ.—Но ужъ съ нами, художниками, всегда такъ бываетъ; мы никакъ не можемъ приноровиться къ этой вѣчно будничной жизни, и потому-то и повторяется такъ часто эта старая исторія о каплѣ, подтачивающей камень.

Ледъ былъ разбитъ. Онъ съ облегченіемъ вздохнулъ.

— Да, да,—отвѣчалъ я,—чѣмъ нервнѣе становятся люди, тѣмъ тяжелѣе для нихъ семейная жизнь.

— Именно, именно! Блестяще сказано!—Господи, съ какою трогательною благодарностью принимаютъ эти мужья малѣйшее сочувственное слово, если въ немъ не скрывается булавочнаго укола!

Мы покончили уже съ кафе-шартрезомъ и благодушно сидѣли за второй бутылкой пива. Онъ долженъ былъ ночевать въ отелѣ, могъ вернуться домой, когда заблагоразсудится, и былъ счастливъ.

Мы болтали о всякихъ пустякахъ. Начинавшее уже сказываться дѣйствіе алкоголя раскрывало сердца и развязывало языкъ: онъ рѣшился уже... разумѣется въ шутку... поздравить меня съ счастливымъ избавленіемъ отъ всѣхъ «опасностей»... «ты вѣдь нѣсколько подвергался риску за послѣднее время, какъ я слышалъ?.. Какъ, неужели нѣтъ? Значитъ, только такъ себѣ... Вотъ какъ; даже и риску не было? Ну, во всякомъ случаѣ...»

За третьей бутылкой онъ разсказалъ мнѣ траги-комическую исторію о томъ, какимъ образомъ любви его былъ нанесенъ «первый ударъ».

— Я былъ до такой степени наивно-влюбленъ, видишь-ли; она была для меня безусловно идеалъ и все такое: она была божественна. Не такъ-ли? Да ты, конечно, это помнишь; я ходилъ кругомъ, пожималъ всѣмъ руки и увѣрялъ всѣхъ въ своей къ нимъ любви; ну, да, въ тотъ вечеръ я дѣйствительно любилъ всѣхъ людей. Это, знаешь-ли, всегда такъ бываетъ, когда человѣкъ очень доволенъ своей судьбой. Ну, такъ вотъ; она тоже была въ духѣ; была непринужденна и весела,—замужняя женщина, жена художника, ну, и все такое; великолѣпно. Она развеселилась, разошлась, пила тосты съ друзьями и пріятельницами, наконецъ, попробовала даже пуншу, и все шло прекрасно. Наконецъ, мы остались одни въ нашей свадебной комнатѣ, и я продѣлывалъ всевозможныя глупости, бросался на колѣни, декламировалъ и ужъ не знаю, что еще. Вдругъ она поблѣднѣла и сѣла. Я испугался и спросилъ, что съ нею; она попросила меня выйти изъ комнаты. «Не сходить-ли мнѣ... за докторомъ?» спросилъ я въ испугѣ.—«Милый, выйди на минуту, поскорѣе! скорѣе!»—упрашивала она. Я не зналъ, что дѣлать; я принужденъ былъ выйти, но не рѣшался отойти отъ двери... вдругъ слышу я какой-то необыкновенный стонущій звукъ... Волосы встаютъ дыбомъ на моей головѣ, въ безумномъ отчаяніи врываюсь я въ комнату... Она стояла въ полномъ нарядѣ невѣсты и... бѣдная не могла переварить двухъ капель пуншу... въ присутствіи счастливаго жениха возвращала весь свадебный обѣдъ. Да, тебѣ-то хорошо смѣяться! Ну я... ну, разумѣется я не подалъ и виду, будто это могло имѣть для меня какое-нибудь значеніе, я говорилъ, что пуншъ дѣйствительно былъ слиш-

комъ крѣпокъ, что тутъ было много дамъ, которыя выпили не меньше ея; но... Да, но я вдругъ какъ будто внутренне остылъ. Идеалъ, котораго рветъ, видишь-ли... она какъ будто вдругъ сразу стала совсѣмъ не тою, какою была прежде.

— Я легко могу себѣ это представить.

— Разумѣется, я обо всемъ этомъ забылъ; но... какъ-бы то ни было, разъ скрипка получила трещину... Вѣдь въ сущности глупо-же обращать вниманіе на подобныя мелкія случайности. Теперь мнѣ это представляется не болѣе, какъ какимъ-то смѣшнымъ, комичнымъ эпизодомъ. Но она, конечно, замѣтила, что я какъ-то вдругъ охладѣлъ, и, конечно, была обижена... о, да. Трудное это дѣло. Это похоже на то, какъ иногда нужно бываетъ что-нибудь написать; тутъ самая незначительная мелочь можетъ нарушить все настроеніе, и изъ письма ничего не выходитъ, кромѣ маранья бумаги.

Онъ сдѣлалъ еще глотокъ, наслаждаясь тройнымъ благополучіемъ,— присутствіемъ пива, свободой и сочувствіемъ собрата мужчины, и потомъ продолжалъ нѣсколько откровеннѣе, чѣмъ, вѣроятно, сначала располагалъ:

— Да, да. Commune naufragium. Мы конечно не единственные. А потомъ люди окончательно заѣдаютъ другъ-друга; становишься такъ нервенъ и такъ... Всего хуже то, что она рѣшительно не можетъ понять, не имѣетъ никакого представленія о томъ, каково мнѣ это и даже вовсе и не старается войти въ мое положеніе... И въ концѣ-концовъ такъ это надоѣдаетъ. Не разъ въ недоумѣніи спрашивалъ я самого себя, что осталось намъ отъ всей нашей исторіи? Думая о ней, я не ощущаю въ груди ни малѣйшей вспышки радости, никакого влеченія къ ней, ничего, кромѣ вялаго тупого чувства... своего рода обязанности...

— Кредитора, вставилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня нѣсколько тупо; повидимому, не понялъ меня, но сказалъ: «Именно. Прекрасно сказано». Затѣмъ онъ опорожнилъ стаканъ и продолжалъ:

— Я хочу сказать, что она ужъ не въ состояніи привести меня въ веселое настроеніе. И такимъ образомъ я часто бываю не въ духѣ. Тогда я самъ привожу ее въ дурное расположеніе духа. Но когда я вижу, что она не въ духѣ, я начинаю сердиться. Тутъ у нея разстраиваются нервы, и она начинаетъ плакать. Это раздражаетъ меня. Она сердится. Конечно, это только смѣшно; не имѣетъ серьезнаго значенія; но... я въ состояніи дойти до бѣшенства, стоитъ ей только забыть пришить пуговицу къ моей жилеткѣ...

Одна только мысль объ этомъ привела его въ ярость: «чортъ возьми! Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій у женщинъ только и было дѣла, что пришивать пуговицы, но онѣ и до сихъ поръ не годятся даже на это!»

Тутъ мнѣ стало ясно, что сегодня онъ опять долженъ былъ выдержать сцену и, вѣроятно, одну изъ самыхъ худшихъ.

— Но вѣдь вообще она безукоризненна,—продолжалъ онъ болѣе прочувствованнымъ тономъ,—не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы жить безъ нея; съ подобными невзгодами приходится мириться, она во всякомъ случаѣ лучшій мой другъ; не думай, пожалуйста, что я раскаиваюсь въ томъ, что женился!

Мнѣ было ясно, что онъ раскаивался въ своей откровенности. Я успокоилъ его на этотъ счетъ, но въ душѣ думалъ: «А *все-же* хорошо, что я былъ благоразуменъ».

...Да, Богъ знаетъ.

* *
*

Насъ хотятъ заставить вѣрить, будто между землей и небомъ нѣтъ ничего посредствующаго. Но разъ я этими, своими собственными, до сихъ поръ безукоризненными ушами ясно слышу, какъ стучится она по ночамъ въ мое окно... хотя я живу въ третьемъ этажѣ...

Или, когда я просыпаюсь отъ сна и руки мои сохраняютъ отчетливое ощущеніе прикосновенія къ ея тѣлу, которое только что въ эту минуту покоилось тутъ,—ощущеніе прикосновенія, теплоты, все, съ такою несомнѣнною, ясною отчетливостью, точно послѣ дѣйствительнаго прикосновенія къ мягкому женскому тѣлу...

Тогда я поневолѣ спрашиваю себя, что-же долженъ я думать. Кажется, я могъ-бы жизнью своей поручиться въ томъ, что она была здѣсь сегодня ночью сама, своей особой, въ своемъ тѣлесномъ образѣ. Проснувшись, я еще лежалъ нѣсколько времени съ закрытыми глазами, безконечно счастливый, все еще крѣпко, крѣпко держа ее въ своихъ объятіяхъ... Я вѣдь не спалъ! Только потомъ замѣтилъ я, какъ руки мои опустѣли, какъ прекратилось прикосновеніе, какъ она исчезала медленно и безмолвно... Я протянулъ руку, чтобы удержать ее; ея уже не было. Но простыни рядомъ со мною были еще теплы, именно тамъ, гдѣ она только-что лежала.

Допустимо-ли тутъ какое-нибудь иное объясненіе, кромѣ того, что она спала и видѣла сонъ, во снѣ видѣла себя въ моихъ объятіяхъ и такъ живо, съ такою магнетическою интенсивностью, что ея тѣло—ея духовное «астральное» тѣло въ теченіе нѣкотораго времени дѣйствительно покоилось въ моихъ объятіяхъ?

Отъ этого можно просто одурѣть.

IX.

Сегодня былъ день раздачи жалованья, а въ такіе дни я охотно позволяю себѣ скромный завтракъ въ обществѣ Марка Оливія.

— Ну, промычалъ онъ вдругъ и взъерошилъ свою гриву,—былъ ты на свадьбѣ?

— На какой свадьбѣ?

— *Не былъ* ты развѣ? Замѣчательно!

Я вдругъ понялъ, что хотѣлъ онъ сказать, и острый электрическій токъ раза два пронесся въ области сердца. Потомъ я вдругъ сталъ хладнокровенъ.

— Гм, гм, это производитъ-таки впечатлѣніе!—кивнувъ головой, проговорилъ Маркъ Оливій: — неужели ты и теперь еще вздумаешь отрицать это?

— Что мнѣ отрицать?—Ну, это-то пустяки. Господи Боже! Во всякомъ случаѣ, вѣдь никто-же не любитъ долѣе полугода... Но, впрочемъ, не произошло-ли чего-нибудь особеннаго на свадьбѣ?

— Ничего, кромѣ того, что это оказалась какая-то потайная свадьба: а! ха! ха! ха! онъ разразился хохотомъ; лакей отъ испугу выронилъ изъ рукъ подносъ съ тарелками.

— Уфъ, да не хохочи-же такъ, братецъ!.. «Потайная», говоришь ты? Что это за выраженіе?

— Никакихъ свадебныхъ приглашеній или карточекъ, ни единому человѣку, во всякомъ случаѣ, ни къ кому изъ ея знакомыхъ. Моя жена, напримѣръ, которая дѣйствительно была одною изъ самыхъ искреннихъ ея пріятельницъ (ну-ну! подумалъ я), даже она совсѣмъ и не подозрѣвала объ этомъ. Такъ значитъ и ты былъ тоже одинъ изъ забытыхъ. Да, да; вотъ, какая награда ждетъ насъ въ этомъ мірѣ! Но я радъ, что ты принялъ это такъ спокойно.

— Мнѣ кажется, всегда хорошо, если подобная особа пристраивается. Какъ разъ пора. А эта умѣла-таки устраивать свои дѣла,— такой богатый старикъ... Вдовья пенсія и все прочее; ну! Поистинѣ она-таки знала откуда дуетъ вѣтеръ, какъ говоримъ мы въ Бергенѣ.

— Теперь ей живется не дурно. Своя вилла въ Нордстрандѣ, шесть комнатъ, кухня, ванна, прислуга, лошади, экипажи и цѣлый штатъ ухаживателей... а! ха! ха! и мужъ подъ башмакомъ!

— Вотъ какъ!

— Когда онъ сидитъ въ своей комнатѣ и вдругъ почувствуетъ охоту чихнуть, онъ долженъ сперва послать слугу къ госпожѣ, попросить позволенія ея милости... а ха! ха! ха!

Еще полдюжины тарелокъ на полу. Въ залѣ всѣ посѣтители хохочутъ.

Я перевожу разговоръ на другой предметъ; вдругъ вспоминаю, что мнѣ надо еще до часу отдать на почту письмо, и мы выходимъ. Маркъ Оливій искренно счастливъ, видя, что я—принимаю это такъ спокойно.

— Прежде я серьезно боялся, что ты порядкомъ таки затронутъ! говоритъ онъ съ удивленіемъ.

— Въ такомъ случаѣ, я разумѣется женился-бы на ней, — отвѣчаю я,—ну, а пока—до свиданья!

Ни слова. Ни звука. Ни малѣйшаго намека, который далъ-бы мнѣ возможность... просто-напросто выходитъ себѣ замужъ; даже и не оглядывается на того, другого, съ которымъ она проводила время, осторожно стараясь уловить его:

Чисто по-женски.

Ха ха! А я-то еще думалъ одно время, что она влюбилась! Даже упрекалъ еще себя въ этомъ! Какъ ужасно было-бы сдѣлать несчастной такую молодую беззащитную дѣвушку... ха-ха! Теленокъ! Оселъ!

И всю эту зиму только и дѣлалъ, что... эхъ! Слава Богу! Давно пора мнѣ выздоровѣть.

* * *

Она стояла передъ моей дверью и рыдала; съ такою энергіей переносилась сюда мыслью, что я слышалъ ее и физически ощущалъ ея присутствіе,—ха, ха, ха, ха! О, холостякъ! Существуетъ одно только средство противъ этого романтическаго отношенія къ женщинамъ: это жениться. Господа мужья хорошо знаютъ женщинъ, и они далеко не отличаются сентиментальностью.

Итакъ, весь ходъ событій состоялъ въ сущности въ слѣдующемъ: материнскій инстинктъ возмущался въ ней противъ брака съ этимъ старымъ бариномъ, а потому она въ послѣдній разъ забрасываетъ сѣть, надѣясь поймать человѣка помоложе. Во всякомъ случаѣ, стоило попытаться! Конечно, я не болѣе, какъ канцелярскій чиновникъ, но канцелярскій чиновникъ можетъ подвигаться впередъ, особенно, если... ну, молодая, красивая жена конечно тоже можетъ много помочь ему въ этомъ особымъ способомъ!—Кто знаетъ?.. А къ тому-же я былъ лѣтъ на двадцать моложе.

Но наконецъ она поняла, что я былъ не настолько простъ. Въ такомъ случаѣ, *que faire*? Просто-напросто предоставляютъ малому идти своей дорогой. Старый баринъ тоже годится. Только живѣе за дѣло! Вѣдь необходимая молодость можетъ быть пріобрѣтена... такъ сказать, со стороны. Вотъ бѣдная беззащитная и честная молодая дѣвушка!

И она выходитъ замужъ за своего старика; въ теченіе какой-нибудь недѣли такъ забираетъ его подъ башмакъ, что онъ не смѣетъ и пикнуть... а потомъ пальчикомъ подзываетъ къ себѣ ухаживателей.

Можетъ быть хоть это научитъ меня? Наконецъ-то?

* * *

Я счастливъ; я такъ свободенъ, свѣжъ, энергиченъ. Это подѣйствовало на меня, какъ ведро холодной воды на голову, и это-то и было мнѣ нужно.

А если какъ-нибудь въ полночь опять кто-то станетъ подкрадываться и рыдать въ прихожей... мнѣ стоитъ только представить ее себѣ въ объятіяхъ старика, запятнанную поцѣлуями его противнаго беззубаго рта...

...Очень вамъ благодаренъ, сударыня! Я не буду имѣть чести дѣлить блаженство вашихъ юныхъ поклонниковъ.

* * *

Вѣроятно-ли, чтобы она могла поддерживать со мною какія-либо «дружескія отношенія» послѣ всего того, что между нами произошло? Неужели это было-бы прилично?

Нѣтъ. Ни допустимо, ни прилично. Но именно потому-то она и сдѣлала-бы это, если-бы только любовь ея оказалась чѣмъ-нибудь инымъ, а не простою комедіей.

Но она *казалась* влюбленной. Чѣмъ больше думаю я объ этомъ, тѣмъ несомнѣннѣе кажется оно мнѣ. Ужъ одинъ тотъ фактъ, что она превратилась въ товарища незнакомаго мужчины,—никогда и никоимъ образомъ не выдавая и не намекая даже на возможность какихъ-либо иныхъ цѣлей,—могъ имѣть одно лишь только объясненіе. А потомъ цѣлыя тысячи этихъ мелочей, всѣ эти мимолетные проблески, которые невозможно уловить и еще того менѣе возможно выразить словами: оттѣнки голоса и взгляда; ласковое, теплое, влекущее пожатіе руки, свойственное лишь влюбленной женщинѣ; невольные проблески чувства, противъ желанія вырвавшіяся слова; эта магнетическая потребность въ тѣлесной близости... не говоря уже обо всѣхъ цвѣтахъ, которые рвала она для меня въ лѣсу и въ полѣ, всѣ эти столь выразительные васильки и незабудки... А потомъ тотъ послѣдній разъ... Когда она покорно отдаваясь, замирая въ блаженствѣ, повисла на моей рукѣ, съ закрытыми глазами, содрагаясь всѣмъ своимъ горячимъ тѣломъ... и дала мнѣ поцѣловать себя! Въ этой комедіи была во всякомъ случаѣ значительная примѣсь правды. Но она во время вспомнила объ обезпеченномъ положеніи г-жи Рюенъ... и вырвалась на свободу. Черезъ день она успѣла уже отдѣлаться отъ послѣднихъ слѣдовъ чувства, посмѣялась надо всей этой исторіей, отбросила меня въ сторону, обняла своего старика и сказала:—Да, да, намъ все-таки надо соединиться, тебѣ и мнѣ, мой милый.

И съ той поры она дѣйствовала хладнокровно, опредѣленно и согласно съ приличіями. Никакой внезапный порывъ подавленнаго чувства не вырвалъ у нея какой-нибудь записки, поклона, или какого-либо иного проявленія женской необдуманности... потому что тутъ и не было никакого чувства. Можетъ быть она поступала, какъ я: писала письма и жгла ихъ? Но такъ поступаетъ только влюбленный мужчина; влюбленная женщина напишетъ, запечатаетъ, опуститъ письмо въ почтовый ящикъ.... и одумается только послѣ. Но ни одной такой необдуманности.

ни малѣйшаго слѣда ея!—А заключеніе всего: не дать мнѣ даже случая исправить то, что было мною сдѣлано, оправдаться, объясниться, понять другъ друга: влюбленная женщина не такъ-то легко отказывается отъ надежды! О. нѣтъ. Она поняла, что это «ни къ чему не вело»; ни къ чему «существенному».... въ ближайшемъ времени; она нашла, что въ этомъ направленіи она приложила уже достаточно стараній, бросила все дѣло и согласилась признать пять за пару.

Комедія, комедія! Хладнокровный, ясный, вѣрный разсчетъ. Я затрачиваю на этого человѣка столько-то и столько-то времени и такое-то и такое-то количество чувства; удастся, — тѣмъ лучше; не удастся, — я возвращаюсь назадъ къ своему старику.

Чисто по-женски! Прощайте, сударыня! Какъ-же былъ я наивенъ; смѣшно, непростительно наивенъ! Но къ счастью все-же не такъ глупъ, какъ ты предполагала.

* *
*

Если-бы только могъ я спать ночами! Бромъ больше ужъ не помогаетъ....

Я становлюсь такъ вялъ. Цѣлые дни хожу я какъ во снѣ. Фрекенъ Бернеръ посылаетъ меня въ какой-нибудь приморскій курортъ для купанья. Это слишкомъ дорого, да къ тому-же и слишкомъ скучно. Я пробовалъ какъ-то купаться въ Грефсенѣ, но *«кто разъ въ странѣ той побывалъ, того туда ужъ не заманишь»*.

Надо поговорить съ Кволе.

* *
*

Теперь можетъ быть мы могли-бы какъ-нибудь поладить,—она и я: теперь оба мы стали менѣе сентиментальны. Ужъ я то во всякомъ случаѣ.

Не понимаю, что это за своего рода щепетильность заставляетъ насъ останавливаться передъ тѣмъ, чтобы сдѣлать любимую женщину своею... «любовницей».

* *
*

Однакоже это была одна изъ самыхъ печальныхъ моихъ исторій.

Уже раньше два раза переходилъ я меридіанъ—(не считая тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, когда болѣе или менѣе приближался къ нему). Каждый разъ болѣзнь эта по прошествіи года съ небольшимъ вырождалась въ тихое сентиментальное настроеніе, которое хотя можетъ быть и не обозначало еще полнаго выздоровленія, но во всякомъ случаѣ уже было не опасно.

На этотъ-же разъ болѣзнь принимаетъ плохой оборотъ. Можетъ быть, теперь у меня оказалось меньше силъ для борьбы съ нею. Можетъ быть поздніе увлеченія и вообще противоестественны. Это грустное, осеннее предчувствіе того, что это ужъ въ послѣдній разъ, и великій Панъ никогда ужъ больше не шевельнется во мнѣ,—тоже дѣйствуетъ и съ своей стороны. Сознаніе это повергаетъ въ какое-то жестокое отчаяніе.

Ну, просто-напросто исторія эта оказывается худшей изъ всѣхъ. потому что она самая глупая.

* * *

Докторъ Кволе требуетъ. чтобы я ѣхалъ въ горы... разумѣется— «Вы нѣсколько широко живете», бурчитъ онъ. «и слишкомъ много сидите въ комнатахъ, безъ воздуху и предаетесь своимъ фантазіямъ; это не годится. Ступайте-ка вонъ изъ города, батюшка, и освѣжитесь. Горный воздухъ, — вотъ, какъ разъ то, что вамъ нужно... бодрящій. какъ шампанское, вмѣсто этого безжизненнаго, спертаго воздуха равнины, не говоря уже объ этой вони, которую зовутъ «воздухомъ» здѣсь. въ Христіаніи!»

Да, да; надо мнѣ призанять немножко денегъ и отправиться туда. Это вѣрно, что я сталъ какъ-то вялъ и вѣрно также, что я какъ-то черезчуръ ужъ приросъ къ мостовой.... и къ моему уголку у Гранда между прочимъ... превратился въ какую-то блѣдно-жирную, полуплѣшивую, полусостарѣвшуюся фигуру съ Карлъ-Іоганновой улицы... Но... можетъ быть и недурно на время оторваться отъ этого, набраться новыхъ впечатлѣній, прожить подъ вліяніемъ совершенно иной обстановки.

Романтическія воспоминанія о юношескихъ путешествіяхъ пѣшкомъ и о посѣщеніяхъ горныхъ пастушьихъ домиковъ все болѣе и болѣе увлекаютъ меня: звуки длинныхъ пастушьихъ рожковъ, звонъ колокольчиковъ, русалки и пастушки. Къ тому времени, когда я вернусь домой. я успѣю забыть.... *все*.

X.

На пароходѣ, 2 іюля.

Какъ восхитительно очутиться на пароходѣ! Вырваться на всѣ четыре стороны, сказать «прощай» всему міру. Знакомый морской вѣтеръ обвѣваетъ усталый лобъ... а потомъ открытое море, и Христіанія исчезла.

Ахъ, если-бы я могъ унестись такимъ образомъ на конецъ свѣта! Это небольшое береговое плаваніе не болѣе какъ пародія.

Но въ Гитердалѣ я найду свѣжій воздухъ. И кромѣ того у меня не выходитъ изъ головы. что я вновь услышу эти слабые, разбитые. наивные, чистосердечные клингелингклингъ колоколовъ старой церкви.

* * *

Миновали фіордъ Лангезундъ.

Я стоялъ у борта, страдая морской болѣзнью и думалъ о безсмертіи.

Безсмертіе?—Эти волны, несущіяся одна за другою по водной пучинѣ.... вѣроятно, онѣ находятъ, что существованіе ихъ очень безсмысленно. Но если-бы каждая отдѣльная волна заключила изъ этого, что она будетъ продолжать также катиться по водной поверхности даже и

тогда, когда, въ одинъ прекрасный день поверхность эта будетъ разбита и сдавлена прибрежными скалами....

* * *

Гитердаль. Отель.

Человѣкъ, пускающійся въ путешествіе, похожъ на того. кто садится на камень. Онъ вкушаетъ «двойное удовольствіе»: сначала,—когда онъ садится; потомъ,—когда онъ встаетъ.

По какому признаку узнаютъ несчастнаго? По тому, съ какою радостью принимается онъ всегда за укладываніе своего чемодана.

* * *

Норвегія — точно Эллада древнихъ, — это не страна, а часть свѣта. Каждое селенье—отдѣльное царство. То преобладаетъ море, то горы, то лѣсъ, то зеленѣющія обработанныя поля; а то вдругъ нѣсколько изъ этихъ основныхъ мотивовъ соединяются вмѣстѣ въ болѣе или менѣе роскошныхъ сочетаніяхъ.

Природа здѣсь и природа къ западу отъ горъ столь-же непохожи одна на другую, какъ въ музыкѣ ключи Dur и Moll. Въ теченіе лишь нѣсколькихъ дней можно пройти черезъ цѣлую скалу ландшафтныхъ тоновъ. Отъ самой мрачной суровости до самой пустынной пустыни и отъ самой ласкающей мягкости до самаго свѣтлаго свѣта.

Столь-же разнообразно и само населеніе.

Старинное дѣленіе страны на мелкія самостоятельныя владѣнія было вполнѣ естественно. Скажите на милость, что за дѣло Нумедалю до Телемарка? Они столь-же далеки другъ отъ друга, какъ какія-нибудь сказочныя страны. Или-же, что общаго между Телемаркомъ и Сетерсдалемъ или Гардангеромъ? Все царства и царства; разстоянія, на которыхъ принцы и принцессы могли-бы странствовать «далеко и дальше далекого», встрѣчать троллей и вѣдьмъ, селенья русалокъ, очарованные замки и наконецъ попасть въ такое мѣсто, гдѣ все сплошь одни лишь чудеса. Въ сущности это было прямо преступленіе, все это великое дѣло, начало которому положено еще въ Гафрсфіордѣ въ 872 году.

Прежде всего Kopf-ab всѣмъ отдѣльнымъ царствамъ; потомъ Kopf-ab всѣмъ крупнымъ родамъ; наконецъ, какъ заключительное слѣдствіе: Kopf-ab и послѣднему древнему роду, а вмѣстѣ съ нимъ и Норвегіи. И теперь эта когда-то такая аристократическая и богатая преданіями страна ползетъ себѣ по теченію, какъ какой-нибудь жалкій демократическій паромъ, нагруженный грошевой политикой, ставангерской богобоязненностью, нравственностью синяго чулка и искусствомъ въ извозчичьемъ промыслѣ.

* * *

Тутъ долженъ былъ-бы сидѣть свой король на каждомъ мысу. Не какой-нибудь такой «конституціонный монархъ», являющій собою обра-

зецъ отца семейства, подобно тому, какъ и королева его являетъ собою образецъ матери семейства; морскими королями должны-бы они быть, морскими разбойниками,—воины, благородные землевладѣльцы, grands seigneurs, которые знали-бы цѣну блеску и могуществу, умѣли-бы пользоваться всѣми радостями и ужасами жизни: вино, кровь, обнаженныя тѣла. Къ нимъ должны были-бы стекаться герои и у нихъ—процвѣтать скальды, и прекрасныя, гордыя, неблагонравныя женщины должны были бы воспламенять ихъ на подвиги и любовь, вдохновлять ихъ на пѣсни и внушать имъ преступленія.

Мечты! Мечты! Морскіе разбои теперь запрещены. Запрещено также и вести войну,—безъ разрѣшенія стортинга. А слѣдовательно, нѣтъ и героевъ. А что-же касается до скальдовъ и женщинъ, то они теперь благодушно сидятъ себѣ вмѣстѣ за тканьемъ байки, или-же устраиваютъ воскресныя школы.

А вмѣсто короля на каждомъ мысу сидитъ по проповѣднику-аскету изъ народа.

* * *

Ежедневно совершаю я прогулку къ старой церкви.

Тамъ сижу я и мечтаю и снова вдаюсь въ романтизмъ. Такая это маленькая, старая, нѣсколько смѣшная съ виду церковь, во всѣхъ формахъ которой такъ и сказывается младенческая вѣра и варварская фантазія вмѣстѣ съ простымъ и сильнымъ чувствомъ; и гдѣ каждый колоколъ говоритъ о преданіяхъ, объ исторіяхъ съ привидѣніями и обо всей похоронной, свадебной и старородовой и семейной романтикѣ. Даже такой старый, закоренѣлый раціоналистъ, какъ я, чувствуетъ себя растроганнымъ. «Придите ко мнѣ, и я успокою васъ», говоритъ старая, выкрашенная дегтемъ деревенская церковь, и я прихожу, и нахожу покой.

Сюда-бы только еще какого-нибудь очень стараго и весьма бородатаго, первобытнаго вида пастора,—изъ временъ Христіана V или около того, какого-нибудь бывшаго морского разбойника или бойца... или хоть какого-нибудь маленькаго, кругленькаго, добродушнаго, пьяненькаго человѣчка изъ Цетлицевскаго періода.

Впрочемъ, въ церковь я не вхожу. Вѣдь внутри она уже реставрирована. Въ дѣло пошла касса для бѣдныхъ; тщательно удалено все, что было въ ней стариннаго, рѣдкаго, комичнаго. Церковь приняла заново христіанскій видъ. Я видѣлъ фотографію современнаго ея внутренняго вида; она вычищена, какъ бюргерскій фракъ, обнажена и пуста, какъ любая изъ церквей въ Христіаніи.

А потомъ тамъ есть еще альбомъ. Книга, въ которой чернь туристовъ всего міра вписываетъ свои дурацкіе Персенъ или Паульсенъ, какъ-будто такъ это и надо. Это отвратительно. Не довольно еще того, что всѣ эти кощунственные сѣрые штаны преслѣдуютъ насъ по отелямъ,—

даже сама церковь пропахла туристами. Туристами и современностью. Скажите ради Бога. если-бы какой-нибудь такой Паульсенъ или Персенъ вознамѣрился видѣть внутренность гитердальской церкви, неужели не могъ-бы онъ войти въ нее въ одно изъ воскресеній во время службы и, скромно усѣвшись въ заднихъ рядахъ у дверей, приносить покаяніе въ томъ, что онъ рѣшился проникнуть въ это старинное святилище Бога.

* *
*

Старики правы. Въ дѣйствительной жизни нѣтъ ничего, на что-бы можно было вполнѣ разсчитывать: могущество, почести, богатство, блескъ, все это не болѣе, какъ макулатура, а женщина, любовь—ну ихъ къ чорту!

А потому создай себѣ царство грезъ, въ которомъ ты могъ-бы постичь вѣчность и душевный міръ. Создай себѣ церковь.

Молись за насъ, пресвятая дѣва Марія!

* *
*

Подъ вечеръ, на горѣ въ лѣсу. Воскресенье.

Тишина. Ни звука. Лишь время отъ времени откуда-то издалека доносится съ дуновеніемъ вѣтерка замирающій звукъ колокольчика.

Свѣтлая, мирная, святая тишина. Тишина воскресная. Бѣлка беззаботно взбѣгаетъ наверхъ по стволу дерева; садится на нижнюю вѣтку и принимается щелкать.

Солнце садится. Красный теплый свѣтъ заливаетъ сочные зеленые откосы горъ; длинные блѣдно-золотые лучи солнца пробиваются между желтоватыми сучьями сосенъ. Длинныя синеватыя тѣни ложатся на водѣ и въ глубинѣ долины.

На меня нисходитъ какая-то такая блаженная тишина, только и слышу по временамъ, что біеніе своего собственнаго сердца. И потомъ эти далекіе звуки, время отъ времени долетающіе сюда съ вѣтромъ,—какой-то отзвукъ — можетъ быть, пастушьяго рога. Какъ знать, можетъ быть это какая-нибудь свѣжая, краснощекая дѣвушка тамъ на горѣ въ своемъ лѣтнемъ пастушьемъ домѣ сзываетъ своихъ коровъ. А можетъ быть, и какая-нибудь русалка... хотя теперь, на лѣто, по всей вѣроятности, она переселилась куда-нибудь подальше въ горы.

Солнце опускается все ниже и ниже; золотистый свѣтъ его все блѣднѣй и блѣднѣй разливается надъ міромъ. Тѣни темнѣютъ и густѣютъ: кругомъ такая безмолвная тишина, что поневолѣ задерживаешь дыханіе.

«Въ лѣсу, среди чащи душистой
Живутъ легкокрылые эльфы.
Молчи-жъ на тропинкѣ тѣнистой:
Безмолвствуютъ тамъ сами эльфы,
Ихъ арфы чуть слышно звенятъ».

* *
*

Какое счастье на время освободиться отъ жизненной страды!

Изо дня въ день одни и тѣ-же впечатлѣнія, — вотъ, что можетъ свести съ ума. Это капля, которая постоянно, непрерывно падаетъ человѣку на темя, съ мѣрными до жестокости промежутками, пока не разбередитъ въ немъ души. Постоянно одни и тѣ-же площади, улицы, люди, ландшафты... они до ранъ мозолили мнѣ глаза и отражались въ мозгу моемъ цѣлымъ непрерывно возобновляющимся рядомъ булавочныхъ уколовъ.

Эта чистая, свободная, спокойная природа дѣйствуетъ на меня успокоительно, какъ холодный компрессъ. Все здѣсь мнѣ нравится; я люблю даже этихъ фантастично одѣтыхъ поселянъ; они представляютъ собою такой благотворный контрастъ нашимъ навагамъ въ Христіаніи. А ихъ языкъ: онъ звучитъ для меня безконечно изящнѣе, чище и аристократичнѣе этого ломаннаго восточнаго жаргона. Во мнѣ настолько еще сохранился уроженецъ запада Норвегіи, чтобы не утратить чуткости къ грубости звуковъ языка «викинговъ».

Сухіе, напоминающіе овечье блеяніе голоса бюрократовъ, ведущихъ интеллигентныя бесѣды въ салонахъ Христіаніи, въ концѣ-концовъ тоже истощаютъ всякое терпѣніе уха, способнаго предъявлять хоть какіе-либо музыкальныя требованія.

Горный-ли воздухъ, или же всѣ эти новыя впечатлѣнія, или вынужденное ограниченіе употребленія спиртныхъ напитковъ,—какъ-бы то ни было: я чувствую себя спокойнѣе. Меня уже не преслѣдуютъ такъ все однѣ и тѣ-же мучительныя мысли. И у меня являются силы для борьбы.

Я, дѣйствительно, въ состояніи теперь бродить и думать о постороннихъ вещахъ. И безъ особеннаго напряженія. А когда она опять является ко мнѣ, я прогоняю ее во-свояси помеломъ въ образѣ ея «супруга».

Ну, naturam furca... Всего хуже приходится мнѣ ночами. Мнѣ грезится, будто она вышла замужъ отъ отчаянія; что она ведетъ разгульную жизнь, чтобы забыться; что вдругъ, въ одинъ прекрасный день, она приходитъ къ убѣжденію, что такъ продолжать нельзя, бросаетъ все и убѣгаетъ; возвращается назадъ къ единственному человѣку, котораго она любитъ; по желѣзной дорогѣ ѣдетъ вслѣдъ за мною до Конгсберга, а тамъ съ ямщикомъ до Гитердаля; разспрашиваетъ и находитъ отель, комнату—стучится, врывается; слезы, объятія... «вотъ я: возьми меня!»

Но выпивъ значительное количество пива, я все-же засыпаю.

* * *

Есть тутъ и великіе бичи деревни: туристы и газеты. Послѣднія еще хуже въ томъ отношеніи, что положительно невозможно не имѣть съ ними дѣла. А между тѣмъ въ нихъ ежедневно повторяются все однѣ и тѣ-же пошлости.

Политика да политика. То въ одномъ мѣстѣ представитель правой показалъ себя продажнымъ человѣкомъ. то въ другомъ мѣстѣ потерпѣлъ фіаско представитель лѣвой. А когда это выходитъ черезчуръ громко.— фельетонъ по поводу женскаго вопроса.

Здѣсь у насъ ни съ чѣмъ не умѣютъ разстаться во время! Стоитъ ухватиться за какой-нибудь оборвышъ идеи и его затаскаютъ до того. что онъ наконецъ провоняетъ.

Впрочемъ, странныя существа эти эмансипированныя женщины. Онѣ по существу ненавидятъ мужчинъ, а между тѣмъ изо всѣхъ силъ стараются уподобиться этимъ же самымъ отвратительнымъ мужчинамъ. «Женщины всегда дѣйствуютъ вопреки логикѣ».

Только въ одномъ отношеніи требуютъ онѣ, чтобы мужчина уподобился имъ. и именно въ добродѣтели. Ихъ сердитъ то, что онѣ постоянно должны думать о своемъ благонравіи, между тѣмъ, какъ этотъ болванъ смотритъ на это такъ легко и вовсе не задумывается надъ возможностью имѣть потомство; онъ долженъ исправиться и уподобиться намъ!—говорятъ синіе чулки.

Я придумалъ слѣдующую мистификацію, которую и напечатаю при удобномъ случаѣ:

«Одинъ подвижникъ аскетизма говоритъ. что женщина ни въ какомъ случаѣ не должна имѣть болѣе одного мужа; напротивъ того вполнѣ естественно, что мужчина имѣетъ сношенія со многими женщинами. Доказываетъ онъ это слѣдующимъ образомъ:

Мужчина является для женщины божествомъ; но поклоняться нѣсколькимъ божествамъ непозволительно. Для другой стороны дѣло иное: для мужчины женщина по большей мѣрѣ существо высшее. неземное: но вѣдь божество можетъ обладать множествомъ такихъ высшихъ неземныхъ существъ. цѣлыми тысячами ихъ. и это рѣшительно не противорѣчитъ никакимъ свидѣтельствамъ учителей...

Но вѣдь и то правда, что синіе чулки утратили почтеніе даже къ великимъ учителямъ.

* * *

Здѣсь. на горахъ. человѣкъ становится до того нищъ духомъ, что у него хватаетъ времени даже на обсужденіе женскаго вопроса. А пробудь я здѣсь еще мѣсяца два, и я пожалуй началъ бы даже интересоваться политикой.

Что такое «женственность?»—Причастный газетному дѣлу синій чулокъ ограничивается заявленіемъ, что онъ не имѣетъ яснаго представленія объ этомъ предметѣ. Этому я охотно вѣрю.

— Если бы вы. милостивые государи, соблаговолили опредѣлить намъ наконецъ это понятіе «женственности»!—вздыхаетъ чулокъ и тутъ же

не безъ колкости прибавляетъ:—Но, можетъ быть вы не въ состояніи это сдѣлать»?

— Совершенно вѣрно: мы не въ состояніи сдѣлать это. Дѣло вотъ въ чемъ: женственность въ женщинѣ есть именно то, что заставляетъ мужчину влюбляться въ нее. Но что же это такое? Почему влюбился я въ женщину, которая даже не вполнѣ мнѣ нравилась и къ которой я не чувствовалъ и большого уваженія?—Молчаніе.

Женственность есть сумма всѣхъ свойствъ и особенностей, достоинствъ и недостатковъ, дѣлающихъ женщину привлекательной для мужчины. Но *что же* это за свойства?—Молчаніе.

Подобнымъ же образомъ мужественность въ мужчинѣ есть то, что заставляетъ женщину влюбляться въ него. Пусть это будетъ свойство или особенности, достоинства или недостатки, но вся совокупность ихъ есть «мужественность», если только они привлекательны для женщины.

Это значитъ: какъ «женственность», такъ и «мужественность» есть нѣчто—неопредѣлимое. Нѣчто таинственное. Понятія, постигаемыя только чувствомъ; понятія, созданныя расовымъ инстинктомъ. Материнскій инстинктъ говоритъ въ женщинѣ: тотъ-то или тотъ-то долженъ быть отцомъ твоего ребенка, и она называетъ обликъ этого мужчины «мужественнымъ». Инстинктъ отца говоритъ: эта женщина должна быть матерью моего сына; спросятъ этого человѣка,—почему?—и онъ отвѣтитъ: потому что женщина эта является въ моихъ глазахъ такою женственною. Точка!

Ужасно характерно то, что синіе чулки требуютъ «опредѣленія» этихъ понятій.

* *
*

Исторія каждаго чувства распадается на двѣ части: 1) исторія того, какимъ образомъ она уловила его; 2) исторія о томъ, какимъ образомъ онъ, попавшись въ ея сѣти, сдѣлалъ то самое, чего она отъ него хотѣла, въ полной увѣренности, что онъ былъ до чертиковъ неотразимымъ побѣдителемъ женскихъ сердецъ.

* *
*

Все зло не въ «эгоизмѣ», а въ *женскомъ* эгоизмѣ.

Мужчина желаетъ лишь, чтобы самъ онъ былъ счастливъ; женщина же можетъ быть счастлива лишь черезъ несчастье другихъ. Жизнь только тогда получаетъ для нея цѣну, когда въ ея тріумфальную колесницу впряжено съ десятокъ несчастно-влюбленныхъ, и если желаешь доставить женщинѣ *поистинѣ* пріятную неожиданность, то, какъ извѣстно, слѣдуетъ повѣситься и пустить въ публику слухъ, что все это было совершено ради нея.

* *
*

Всего лучше сѣсть въ лодку и, отойдя подальше отъ берега, остановиться посреди озера. Тамъ я въ безопасности.

Одно только озеро блеститъ со всѣхъ сторонъ вокругъ меня подъ лучами палящаго солнца. Окрестности вырисовываются мягкой волнообразной чертой, округляясь подъ своимъ зеленымъ покровомъ, застилаясь голубоватой дымкой лѣтняго воздуха. Густой, сладкій запахъ свѣжаго сѣна, хвойнаго лѣсу, душистыхъ полевыхъ цвѣтовъ, возбуждающій, крѣпкій, сладостно опьяняющій, какъ дыханіе самой жизни. Съ сигарою въ зубахъ лежу я въ лодкѣ, погруженный въ покой и мечту; я—Будда, скользящій по серебристому лону Нирваны,—освобожденный, свободный.

Удивительную старую книгу нашелъ я здѣсь въ одномъ крестьянскомъ домѣ, куда зашелъ я, чтобы раскурить свою сигару: книгу Ѳомы Кемпійскаго. Съ тѣхъ поръ иногда лежу я и читаю эту книгу и способенъ углубляться въ нее до самозабвенія. Все становится божествомъ; и божество это во мнѣ, и я самъ въ немъ. Солнечный свѣтъ есть его вѣчная любовь, проницающая весь міръ, сообщая ему тепло и жизнь; какъ отдаленный, тихій шелестъ, слышится во всемъ міровомъ существѣ дыханіе и трепетъ его творческаго присутствія. Я весь проникаюсь пантеистическимъ восторгомъ.

Одно только по временамъ вдругъ пробуждаетъ меня: мысль, что она... *она*... могла бы выплыть сюда изъ за тѣхъ кустовъ въ видѣ бѣлой дѣвы озера... съ волнами блестящихъ волосъ, разсыпающихся по бѣлоснѣжной спинѣ...

* * *

Отель. Дождливая погода.

Я совсѣмъ не раціоналистъ. Раціоналистъ лишь мой разсудокъ; но что такое разсудокъ... какъ не маленькая, жалкая кухонная лампочка посреди огромнаго, высокаго и совершенно темнаго чердака?

То, что во мнѣ ощущаетъ и воспринимаетъ, и есть собственно я.

Это—заключенная во мнѣ пучина, море, безконечность. Тутъ волнами вздымаются силы, отъ которыхъ я завишу, но на днѣ этого моря существуетъ какое-то соединеніе съ міровымъ океаномъ.

Георгъ Іонатанъ представляется мнѣ какимъ-то англійскимъ туристомъ, который, одѣтый весь въ сѣрое, съ лорнетомъ на носу, проѣзжаетъ мрачными долинами и говоритъ: вотъ здѣсь есть водопадъ, тутъ можно бы устроить фабрику. И затѣмъ ужъ онъ больше ничего не видитъ. Когда яркое солнце сильно печетъ, онъ говоритъ: всю эту солнечную теплоту можно было бы сосредоточить и примѣнить къ дѣлу. Это единственная мысль, которая является у него по отношенію къ солнцу.

Но вѣдь этотъ водопадъ есть нѣчто большее, чѣмъ заключенныя въ немъ лошадиныя силы, и это солнце есть нѣчто большее, чѣмъ паровикъ.

Эта разсудочность, которая стремится въ ширь и желаетъ все заполнить собою, убиваетъ и отрицаетъ нѣчто, живущее въ моей душѣ.

И это все, что есть во мнѣ лучшаго, наиболѣе глубокаго.

— Но во всякомъ случаѣ и наиболѣе безполезнаго!

Полезное... для кого и для чего? Ничего нѣтъ столь безполезнаго, какъ любовь! А между тѣмъ стоитъ мнѣ только завидѣть шляпу извѣстнаго фасона, и все существо мое оживаетъ, какъ мимоза подъ лучами солнца. «Польза» есть своего рода догматъ въ родѣ «счастья» и «блаженства»; дѣло лишь въ томъ, чтобы понимался онъ правильно и не слишкомъ узко.

Полезно то, что даетъ намъ возможность жить, ощущать жизнь. Греза полезна, если она прекрасна. Что же касается до истины, то она вообще недоступна; доступная же истина для насъ безразлична.

Фантазія, яркій колоритъ жизни, богатство впечатлѣній, глубина существованія... и зачѣмъ пугаться намъ слова «иллюзія»? Почти все, что даетъ намъ возможность жить, ощущать жизнь, или само есть иллюзія, или же держится на иллюзіи.

Затянутые туманною дымкою откосы горъ, пустынное озеро съ его мечтами о дѣвѣ водъ и тишиною нирваны... но вотъ является со своимъ свѣточемъ наука и говоритъ: этотъ туманъ есть водяной паръ; этотъ лѣсъ не что иное, какъ десятокъ тысячъ сосенъ; озеро состоитъ изъ столькихъ то и столькихъ то килограммовъ водорода plus столько-то и столько-то килограммовъ кислорода; существованіе же водяныхъ дѣвъ и тишины нирваны осталось недоказаннымъ... Что мнѣ до этого за дѣло?

Тѣмъ не менѣе «правда» для меня именно въ этихъ затянутыхъ туманною дымкою откосахъ горъ, въ этомъ пустынномъ озерѣ съ грезами о водяной дѣвѣ и безмолвіемъ нирваны. Къ водороду же и кислороду я совершенно равнодушенъ.

Я *хочу* мечтать: я *хочу* жить иллюзіями.

* * *

Тамъ наверху проносятся бѣлыя облака.

Тамъ есть умиротвореніе. Тамъ когда-нибудь будетъ носиться и моя душа подобнымъ же образомъ, какъ теперь скольжу я здѣсь по водной поверхности въ этой тяжелой лодкѣ. Она будетъ упиваться солнечнымъ свѣтомъ и дышать эфиромъ, и царствомъ ея будетъ все это безконечное море жизни, по которому разливаются потоки солнечнаго свѣта и въ свѣтлыхъ волнахъ котораго носятся освобожденныя души, какъ какія-нибудь нереиды и дельфины.

Существуетъ-ли душа?—«Мы не знаемъ».—Предстоитъ-ли намъ жизнь или смерть?—«Мы не знаемъ».—Имѣетъ-ли жизнь какой-нибудь смыслъ?—«Мы не знаемъ».—Почему существую я?—«Мы не знаемъ».—Существую-ли я, вообще говоря?—«Мы не знаемъ».—Что-же мы въ сущно-

сти знаемъ? — «Мы не знаемъ». — Можемъ-ли мы, вообще говоря, что-либо знать? — «Мы не знаемъ».

Это систематическое «мы не знаемъ» называется наукой. И люди въ изумленіи всплескиваютъ руками и въ восторгѣ восклицаютъ: «Успѣхи человѣческаго ума необъятны и непостижимы! Послѣ этого не нужны намъ никакіе боги».

И это потому, что наука открыла, что когда вода въ котлѣ сильно кипитъ, крышка его подымается отъ горячаго пара; и открыла еще, что соломинка притягивается кускомъ янтаря, натертаго шерстью... впрочемъ, не сумѣвъ объяснить эти явленія иначе, какъ фразами, смѣняющими одна другую приблизительно черезъ каждое десятилѣтіе...

Я-же скорѣе былъ-бы способенъ удивляться тому, какая намъ нужда въ подобной «наукѣ»! Господи Боже, всѣ эти телеграфныя проволоки, конечно, очень остроумная вещь; и желѣзнодорожное сообщеніе необыкновенно быстро; биржевики совершаютъ свои милліонныя кражи гораздо легче, чѣмъ въ былое время и банковому кассиру скрыться съ моими сбереженіями гораздо легче теперь, чѣмъ когда-либо прежде; но... избави Боже! при всемъ моемъ почтеніи...

Что мнѣ до того, что земля шарообразна (хотя, впрочемъ, она и не шарообразна)? Или до того, что міръ когда-то былъ туманомъ (что, впрочемъ, еще сомнительно); или до того, что человѣческій зародышъ въ извѣстномъ періодѣ своего развитія похожъ на зародышъ собаки... разъ мы «не знаемъ», что вызвало къ жизни этотъ зародышъ, и «не знаемъ», что внушило туманной массѣ идею развиться въ цѣлый міръ?

О, пустота, пустота! О, это мучительное чувство безсилія! Старый Dr. Фаустъ былъ правъ.

«Wie nur dem Kopf nicht alle Hoffnung schwindet,
Der immerfort an schalem Zeuge klebt,
Mit gier'ger Hand nach Schätzen gräbt
Und freut sich wenn er Regenwürmer findet!»

Лучше-ли поступилъ-бы этотъ самый Dr. Фаустъ, если-бы онъ выпилъ ядъ, котораго такъ жаждалъ, вмѣсто того, чтобы прислушиваться къ утренней пасхальной пѣснѣ?..

* *
*

«Христосъ, небесный женихъ».

Удивительно безыскусственное, удивительно глубокое представленіе.

Религіозное, мистическое единеніе съ божествомъ, — эта unio mystica въ дѣйствительности представляетъ собою именно то, чего мы требуемъ отъ любви. Это безконечная преданность и безмятежное счастье. Блаженное слитіе и претвореніе въ то другое существо, въ которомъ наше собственное существо находитъ себѣ дополненіе и завершеніе.

* *
*

Путь вѣры: отъ просвѣтлѣнія къ просвѣтлѣнію, отъ свѣта къ свѣту, отъ блаженства къ блаженству.

Путь знанія: отъ просвѣтлѣнія къ просвѣтлѣнію, отъ свѣта къ свѣту, отъ отчаянія къ отчаянію.

Карабкаешься наверхъ по длинной веревочной лѣстницѣ, постепенно выбиваешься изъ тьмы невѣжества, освобождаешься отъ различныхъ суевѣрій, утрачиваешь вѣрованіе за вѣрованіемъ, разстаешься то съ одной, то съ другой теоріей... пока не взберешься на самую вершину, и тутъ видишь, что кругомъ—одна пустота и ошеломляющая бездна. Тогда только начинаешь понимать, что то, что прежде называлъ человѣкъ мракомъ невѣжества и суевѣріемъ, было не болѣе, какъ благодѣтельный туманъ, скрывавшій отъ глазъ нашихъ бездну для того, чтобы спасти насъ отъ головокруженія; еще разъ пытаешься ухватиться руками за эти туманные покровы, но они бѣгутъ отъ тебя; назадъ, внизъ,—нѣтъ уже возврата; впереди одна пустота; все пристальнѣе и пристальнѣе вперяешь въ нее расширенные отъ ужаса глаза... пока не полетишь въ нее внизъ головою.

XI.

Много крику и мало воли,—вотъ прозвище женщины.

Стоять и смотрѣть на тотъ спектакль, который способна разыграть дама прежде, чѣмъ она усядется въ телѣжку и окончательно будетъ готова къ отъѣзду... да и тутъ еще ямщику придется бѣгать назадъ за шалью! За красною шалью!.. отъ этого можно просто получить чахотку..

Да и вообще говоря: двѣ дамы на лѣстницѣ, какъ разъ на дорогѣ у всѣхъ людей... имъ рѣшительно не о чемъ говорить; онѣ ненавидятъ другъ друга и не выносятъ другъ друга; но... минутъ пятнадцать по меньшей мѣрѣ!

Ужасно интересный разговоръ; маленькая дѣвочка г-жи Даль больна: она *такъ* больна! Это *такъ* грустно! и представьте себѣ, докторъ думаетъ, что это дифтеритъ! Въ теченіе послѣдняго получаса двѣ такихъ представительницы женскаго пола стояли у самой моей двери; и онѣ еще простоятъ такъ, по крайней мѣрѣ, минутъ двадцать, я собирался было прилечь заснуть, но ужъ въ такомъ случаѣ отъ этого придется отказаться.

«Wenn Männer auseinander gehn,
Dann sagen sie: auf Wiedersehn.
Wenn Weiber auseinander gehn,
Dann bleiben sie noch lange stehn».

И такъ во всемъ. Когда онѣ, напримѣръ, любятъ, онѣ такъ громко кричатъ, вопятъ и плачутъ, что мы, которые судимъ по себѣ, воображаемъ, что тутъ дѣло идетъ о жизни и смерти! По меньшей мѣрѣ! *Не*

получу тебя я, мое счастье,—я сразу *брошусь* въ Каттегатъ... по меньшей мѣрѣ!

Ну, и вотъ, не получаетъ она вышепоименованнаго счастья, и что-же оказывается? Она выходитъ замужъ за Мадса Мадсена, родитъ кучу дѣтей, доживаетъ до внуковъ и правнуковъ, и когда Мадсъ Мадсенъ спрашиваетъ ее: не правда-ли, вѣдь ты въ тотъ разъ порядкомъ-таки была влюблена въ Іоганна фонъ-Эренпрейса? Грета отвѣчаетъ ему съ ясной улыбкой:

— О, пустяки! Просто бальное увлеченіе.

* *
*

Отъ любви женщина не лишаетъ себя жизни.

А если она и дѣйствительно бросается-таки въ Каттегатъ, то или въ истерической надеждѣ сдѣлать «его» такимъ образомъ ужасно несчастнымъ, или-же изъ страха... «позора».

Всѣ молодыя самоубійцы, при вскрытіи, оказываются беременными.

* *
*

Августъ.

Я живу теперь въ самыхъ высокихъ горахъ: въ воздухѣ дождливое настроеніе; туманъ застилаетъ возвышенности и вершины горъ; осенне-романтичный видъ.

Пѣсня горной русалки.

«Лѣтомъ въ дикихъ горахъ я гоняю коровъ:
Тамъ въ ущельяхъ сырыхъ влажный вѣтеръ ревётъ;
Тамъ лишь чахлый кустарникъ по склонамъ ползетъ;
Тамъ таится олень среди грудъ валуновъ;
Тамъ въ дождливую ночь выкликаетъ куликъ.
Тамъ рожокъ пастуха никогда не звучитъ.

* *
*

«Запоздавши, разъ ночью гнала я коровъ
Черной Балкой, въ ущельи, у Лысой горы.
Чуть круглилась вершина средь призрачной мглы;
Надъ горою клубился туманный покровъ.
Колокольчики глухо звенѣли во тьмѣ,
Когда шли мы по узкой тропѣ.

* *
*

«Увидала я милаго тамъ, и всю ночь
Проводила его я среди валуновъ.
Утромъ вѣтеръ подулъ,—горы сняли покровъ,
И его удержать имъ ужъ стало не въ мочь:

Его мирной души приковать не могла
Неприступная скалъ красота.

* *
*

«Не замѣтилъ онъ той, что, скрываясь во тьмѣ,
Жаркимъ взоромъ впивалася въ очи ему
И, приникши лицомъ, къ его блѣдной щекѣ,
Шевелила дыханіемъ кудри на лбу.
Сняли горы покровъ,—солнце въ небѣ блеститъ,
И никто на землѣ обо мнѣ не груститъ.

* *
*

«Чу! вотъ, пѣсня звучитъ: въ нѣдра каменныхъ горъ
Мы по осени прячемъ коровъ
Не проникнетъ ничей любопытный къ намъ взоръ.
Путь къ намъ скроетъ туманный покровъ.
Но съ той встрѣчи ночной я тоскую, грущу,
И напрасно за лѣтомъ вновь лѣта я жду.

(Пастушій рожокъ сзываетъ стадо).

«Ху-у-у! Хурулиху!
Домой! Домой!
Заснулъ уже цвѣтъ полевой,
Стемнѣло ужъ въ чащѣ лѣсной!
Домой! Домой!
«Вѣтеръ зимній, холодный, ночами завылъ...»

* *
*

Замѣчательная вещь: мнѣ принесли съ почты письмо. Я съ жадностью схватился за него и разорвалъ конвертъ... (отъ нея?!)

Вовсе нѣтъ. Пара обручальныхъ карточекъ. Кто же бы это такой? Какимъ образомъ? Мой старый собутыльникъ Блютъ, Донъ-Жуанъ, художникъ?

Великій Боже, онъ самый!

«Ихъ теряешь, какъ волосы съ головы», или какъ испорченные зубы. Одиночество тѣснится ко мнѣ все ближе и ближе; все плотнѣе и плотнѣе охватываетъ меня. Скоро я буду заключенъ въ немъ, какъ въ тюремной камерѣ.

Странное ощущеніе. Одинъ. Совершенно одинъ. Какъ какая-нибудь горная вершина; лицомъ къ лицу съ Богомъ.

Я не вынесу этого. Я сойду съ ума. Во всякомъ случаѣ, мнѣ надо рѣшиться на этотъ разумный бракъ, хотя бы для того только, чтобы имѣть кого-нибудь около себя. Чтобы не оставаться одному въ своей мрачной квартирѣ во время этихъ безконечныхъ, ненастныхъ ночей, когда вздыхаютъ привидѣнія и стучатся духи; во всякомъ случаѣ, бракъ

есть самое лучшее средство на свѣтѣ, для того, чтобы заслониться отъ вѣчности, которая, темная и холодная, какъ октябрьская ночь, опустится когда-нибудь надъ смущенной душой, настигнутой въ безлюдной пустынѣ.

* * *

Почти *черезчуръ* порядочна. Почти *черезчуръ* безупречна.

Ничего загадочнаго; ничего такого, что затрогивало бы фантазію... прекрасная, образованная, почтенная, благовоспитанная особа;—и больше ничего.

«Русалка», вынырнувшая изъ глубины «народной пучины», представлялась мнѣ не довольно семейственной и домовитой; эта-же, напротивъ, можетъ быть, черезъ-чуръ ужъ семейственна и домовита. Я ни разу не могъ бы заикнуться о своей головной боли, не получивъ совѣта прибѣгнуть къ какому-либо домашнему средству; не могъ бы упомянуть о своихъ нервахъ, не навлекши на себя предписанія холодныхъ ваннъ и правильнаго образа жизни. Я представилъ себя въ образѣ мужа съ холодными и теплыми компрессами на разныхъ частяхъ тѣла, и серьезно задумался.

А ея идеалы семейнаго счастья... миръ и тишина, чай и буттерброды, вечерняя почта и молочная каша на ужинъ: «и *необходимо* пріучиться рано ложиться спать». О, да!

А къ тому же, нѣтъ ужъ молодости. Неопредѣленный цвѣтъ лица, просѣдь.

Никакой миловидности, округленности, мягкости; уже никакого развитія въ будущемъ. Все такъ зрѣло, такъ законченно. Нечего ждать, кромѣ перезрѣлости, угловатости. Продолжительный, грустный процессъ разложенія.

Никакого свѣжаго вѣянія. Никакой весны. Ничего обѣщающаго.

Такъ это безотрадно-грустно!

Я чувствую величайшее уваженіе ко всевозможнымъ хорошимъ и отличнымъ супружествамъ... Но та сила, которая свела вмѣстѣ перваго мужчину съ первою женщиною и сказала: люби ее!—сила эта и въ помыслѣ не имѣла никакихъ прекрасныхъ супружествъ. Одно только безусловное требованіе вложила она въ сердце мужчины: молода, молода должна быть мать твоихъ дѣтей.

* * *

Мнѣ захотѣлось было зайти въ церковь и взглянуть на старинную Библію. Но тутъ вспоминаю я, что вся чернь всевозможныхъ туристовъ, разумѣется, рылась въ ней и профанировала ее, и сейчасъ же теряю всякую охоту.

Нерѣдко является у меня какое-то болѣзненное стремленіе къ старинѣ. Я зашелъ къ книгопродавцу и потребовалъ «Библію». Такая книга должна храниться, какъ святыня. Должна быть родовымъ на-

слѣдьемъ. Двухсотлѣтнія семейныя традиціи должны быть связаны съ нею, среди ея листовъ должны храниться старые очки бабушки и продолговатые лоскуточки бумаги съ записками и замѣтками, относящимися къ сѣдобородымъ дѣдамъ. На лучшихъ мѣстахъ уцѣлѣли еще слѣды слезъ матери, пролитыхъ ею въ дни тяжкихъ испытаній, и подъ глубокомысленными или загадочными словами пророковъ или Христа— толстыя черты синяго карандаша, проведенныя серьезными, пытливыми людьми.

* * *

Я уѣзжаю. Меня тянетъ въ городъ. Тутъ ничто не занимаетъ меня. Церковное затишье и безмолвіе лѣса надоѣдаютъ мнѣ; мнѣ необходима трактирная сутолочь и уличныя сцены.

Я пытался убаюкать себя и найти покой въ грезахъ мистицизма и романтизма. Но какъ то, такъ и другое навсегда утрачено мною,—пожрано сѣрой, суетливой мышью—мыслью и чисто-начисто выметено липкой, влажной метлою сомнѣнія. Мнѣ надо назадъ въ свою обычную среду. Романтикъ живетъ въ лѣсахъ, современный человѣкъ въ городѣ.

Фрекенъ Бернеръ будетъ мнѣ утѣшеніемъ. Она по крайней мѣрѣ— женщина. Она обладаетъ материнскимъ инстинктомъ. Она стремится помочь, смягчить, облегчить, успокоить; можетъ статься, въ концѣ-концовъ ей удастся-таки обратить въ бѣгство привидѣнія и создать мнѣ домашній очагъ, при которомъ я могъ бы жить спокойно.

XII.

Христіанія, августъ.

Первый вечеръ, проведенный дома, оказался довольно-таки неблагопріятенъ, и къ полуночи я убѣдился, что мнѣ слѣдовало нанести визитъ Матильдѣ.

Она переѣхала съ этой квартиры.

Непривѣтливый, весьма нравственный по внѣшности мужчина вышелъ ко мнѣ въ подштанникахъ и прорычалъ неподражаемымъ тономъ истиннаго норвежца, что здѣсь не какой-нибудь притонъ, и что «упомянутая женщина», надо надѣяться, находится теперь въ исправительномъ домѣ. Хлопсъ,—и дверь заперта! Не сказавъ даже: прощай.

Я ушелъ; дорогою мною овладѣла грусть.

Я и самъ не знаю, почему; вслѣдствіе-ли непостоянства всего существующаго въ этомъ мірѣ, или же...

Теперь сижу я здѣсь, и все представляется мнѣ въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Пожалуй недалеко ужъ отъ того, что я услышу, какъ кто-то зашевелится на лѣстницѣ, въ сѣняхъ.

На улицѣ осенняя темень. Поднялся вѣтеръ, настоящій ненастный вѣтеръ съ завываніемъ въ трубѣ и сѣняхъ. Если бы теперь вдругъ вы-

вынырнула ты передо мною изъ непроглядной ночной тьмы, ты, русалка изъ «народной пучины...»

* * *

Прошло, прошло... все прошло. Прошла, напримѣръ, пора благодушныхъ «вечеровъ съ бургундскимъ» у Георга Іонатана.

У него ужъ больше нѣтъ времени. Онъ все болѣе и болѣе занятъ. Отчасти общественными дѣлами, отчасти своимъ заведеніемъ. Онъ работаетъ, какъ лошадь, спекулируетъ на землѣ, лѣсахъ и т. д., между тѣмъ, какъ компаніонъ его «жирѣетъ на наслѣдствахъ и противозаконныхъ процессахъ».

Георгъ Іонатанъ именно «мѣтитъ разбогатѣть»; онъ «все болѣе и болѣе приходитъ къ выводу, что жизнь невыносима, если человѣкъ не можетъ спать на шелку».

— Но вѣдь вы же, батюшка, демократъ?

— Да, истинный демократъ.

— Ага!

— Плохой это демократизмъ, если онъ желаетъ, чтобы всѣ были слугами; также плохой это аристократизмъ, если онъ желаетъ, чтобы большинство были слугами; мы, истые демократы, мы желаемъ, чтобы возможно большее число людей было господами.

— И для начала вы сами желаете стать господами?

— Да.

— Хотя бы это совершилось на чужой счетъ?

— На счетъ глупости, да; дуракамъ все равно придется же когда-нибудь дорого поплатиться за науку. Но, поплатившись въ извѣстной мѣрѣ, они скажутъ: и зачѣмъ только держимъ мы этихъ адвокатовъ и юристовъ? И въ одинъ прекрасный день они убѣдятся, что наука стоила своихъ денегъ.

— Очень тонко. Да.

— Отнынѣ,—сказалъ онъ сегодня вечеромъ доктору Кволе и мнѣ (самымъ постояннымъ участникамъ въ его «холостыхъ попойкахъ»): отнынѣ я могу разрѣшить себѣ не болѣе одного часу въ сутки на разумное препровожденіе времени; все остальное посвящается дуракамъ. Но для того, чтобы и самому не превратиться въ дурака, мнѣ необходимо разрѣшить себѣ хотя бы одинъ этотъ часъ въ сутки, чтобы воспользоваться случаемъ послушать рѣчей Георга Іонатана. Случай этотъ должны доставлять мнѣ вы, mylords. Итакъ, по возможности, часовъ въ 5, здѣсь, въ моей палаткѣ, въ Университетской улицѣ; кофе поставляетъ фрю Іонатанъ, спиртные напитки—я.

Мы смѣялись и благодарили. Докторъ Кволе вырвалъ изъ себя остроту. «Я тоже придаю большую цѣну возможности слушать Георга Іонатана».—проговорилъ онъ съ своей добродушной, хотя и не красивой

улыбкой, «и слѣдовательно буду приходить, если только не предъявитъ на меня своихъ требованій какой-нибудь другой кандидатъ на помѣщеніе въ желтомъ домѣ». (Докторъ Кволе имѣетъ обыкновеніе утверждать, будто Георгъ Іонатанъ одержимъ маніей величія).

Георгъ Іонатанъ поклонился.

— И вы также, Грамъ?—спросилъ онъ потомъ.

— Да, пока вы держите такія хорошія вина.

— All right.

— И эти удивительныя сигары...

— If you please. Итакъ, рѣшено.

— Покойной ночи, преобразователь общественнаго строя, обутый въ шелковые чулки.

— Покойной ночи, дорого стоящій учитель дураковъ!

— Good-bye, mylords.

Впрочемъ, онъ не очень-то идетъ въ гору. Имъ-таки пользуются до извѣстной степени, и онъ имѣетъ-таки нѣкоторое значеніе; но играть политическую роль ему не дадутъ: о немъ забудутъ, когда наступитъ время дѣлежа добычи.

Онъ прекрасно играетъ комедію. Но онъ играетъ ее—не достаточно хорошо. Онъ есть и остается для нихъ черезчуръ своеобразнымъ, черезчуръ Іонатаномъ.

Ужъ однѣ его многочисленныя картины и изысканный комфортъ испугаютъ лавочниковъ Христіаніи, лишь только вздумаютъ они переступить его порогъ. «Уфъ, тутъ пахнетъ крещенымъ людомъ... тутъ пахнетъ совсѣмъ Европой».

Его идіоты вовсе не такъ глупы, какъ онъ предполагаетъ. Во всякомъ случаѣ—они одарены инстинктомъ. Они это ясно чувствуютъ: адвокатъ Іонатанъ съ его неспособною гнуть спину и бѣлыми руками—не ихъ поля ягода. Въ его присутствіи на нихъ вѣетъ какимъ-то холодкомъ; они чувствуютъ, что въ душѣ онъ смѣется надъ ними. На одномъ изъ полуполитическихъ общественныхъ собраній я слышалъ, какъ одинъ сапожный мастеръ изъ вожаковъ сказалъ: «Іонатанъ одинъ изъ очень дѣльныхъ людей; но, я не знаю... я никакъ не могу вполнѣ довѣрять ему!» Одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ стортинга, крестьянинъ и народный проповѣдникъ, утвердительно кивнулъ головой и сказалъ: «Онъ умственный аристократъ». У нихъ есть инстинктъ.

XIII.

Мною овладѣваетъ сильное волненіе, положительно, всякій разъ, когда я окончательно прощаюсь съ парою старыхъ сапогъ. Эти близнецы, начиная съ самаго своего рожденія и до настоящаго времени, такъ без-

молвно и неизмѣнно всюду слѣдовавшіе за мною, на всѣхъ путяхъ носившіе и подпиравшіе мою особу, и которые теперь просто-напросто получаютъ отставку на сѣрой бумагѣ, безо всякой пенсіи, даже безъ ордена—они представляются мнѣ до такой степени достойными сожалѣнія.

Weltschmerz отражается въ ихъ убитой минѣ, укоризна и горечь—въ ихъ повѣшенныхъ ушахъ. «Итакъ, *вотъ* ужъ и конецъ нашей пѣсенкѣ; *вотъ* благодарность! Просто-напросто отшвырнуть насъ въ сторону, какъ бросаютъ какую-нибудь старую любовницу? А потомъ промѣнять насъ на эти неинтересные, свѣжіе, бездушные фабрикаты сапожныхъ мастерскихъ, носящіе такой явный отпечатокъ колодки...»

— Правда это, правда, друзья мои, — вздыхаю я.—Но такова ужъ жизнь. Вѣдь мы мѣняемъ даже нашу оболочку,—нашу собственную тѣлесную оболочку, представлявшую собою мускульную ткань, нервы, кровь, просто-напросто сбрасываемъ ее съ себя, когда она обветшаетъ.

И съ заботливой осторожностью беру я старые стоптанные сапоги, успѣвшіе стать частью меня самого, и ставлю ихъ на чердакъ или въ какое-нибудь другое мѣсто, гдѣ-бы ихъ никто не трогалъ. Я не въ состояніи окончательно разстаться съ ними,—отдать ихъ кому-нибудь; съ моей стороны было-бы такъ отвратительно допустить, чтобы эти старые, преданные друзья перемѣнили душу, промѣняли меня на перваго встрѣчнаго оборванца или бродягу. Но мнѣ не хотѣлось-бы также, чтобы они попадались мнѣ на глаза. Это было-бы похоже на появленіе привидѣній,—скелетовъ съ выдавшимися черепными костями и большими провалившимися глазами.

Если-бы не эта безобразная современная городская жизнь съ ея вѣчною бездомностью, — кочевая жизнь, но безъ свободы пустынь и безъ свѣжаго воздуха горъ,—я думаю, я кончилъ-бы тѣмъ, что устроилъ-бы сапожное кладбище,—сапожную усыпальницу. Тамъ собралъ-бы я и уставилъ бы пару къ парѣ правильными рядами и разрядами всѣ сапоги, которые износилъ я, и каждое воскресенье ходилъ-бы туда къ нимъ на поклоненіе. А когда-бы я умеръ, и гробъ съ моимъ тѣломъ слѣдовало-бы поставить туда-же, потому что, въ концѣ-концовъ, что-же онъ такое, какъ не наша самая послѣдняя пара сапогъ?

* *
*

— Вы не питаете большого уваженія къ литературѣ, Іонатанъ?

— Еще того менѣе къ литераторамъ. Эти писаки напоминаютъ мнѣ молодого школьника, съ бьющимся сердцемъ и блѣднымъ лицомъ отправляющагося въ одинъ прекрасный вечеръ искать побѣдъ на Карлъ-Іогановой улицѣ. Ну, прекрасно; вотъ какая-то дѣвушка благосклонно улыбается ему, и онъ вдругъ открываетъ, что это не какая-нибудь простая дѣвица легкаго поведенія, но приличная дама, женщина, настоящая женщина, влюбившаяся въ него съ перваго взгляда; онъ любимый избран-

никъ боговъ и они сразу-же посылаютъ ему настоящую любовную исторію. И онъ счастливъ и полонъ энтузіазма; и выволакиваетъ на свѣтъ Божій всю свою жалкую семнадцатилѣтнюю мудрость и блистаетъ небольшимъ запасомъ своихъ возвышенныхъ чувствъ: она должна воспитаться. Онъ вслухъ строитъ планы. Какъ онъ «подыметъ» ее, разовьетъ, создастъ изъ нея высшее существо, которое было-бы достойно его; а она-то все улыбается, улыбается и, кажется, необыкновенно воспріимчива; тѣмъ временемъ онъ въ ея комнатѣ, и побѣда одержана. Ха!.. все это хорошо и прекрасно; но на другое утро онъ тайкомъ пробирается отъ нея, какъ собака, повѣся хвостъ, потому что теперь онъ знаетъ, что она не что иное, какъ распутная дѣвчонка, и сегодня-же вечеромъ будетъ совершенно столь-же блаженно улыбаться первому попавшемуся идіоту.

— Итакъ. женщина эта—публика.

— Да. Сегодня приходитъ она въ восторгъ по поводу вашей книги: завтра проливаетъ слезы надъ приторно развратнымъ романомъ швейки. а послѣзавтра въ театрѣ аплодируетъ пьесѣ, проповѣдующей нѣчто совершенно противоположное тому, что вы только-что высказывали передъ нею... Подобная женщина не можетъ-же привлекать *человѣка*!

Я нашелъ. что, въ сущности, онъ былъ правъ.—Между тѣмъ, сказалъ я,—при недостаткѣ непорочныхъ дѣвушекъ...

— Да, это говорятъ литераторы. и за это-то я и презираю ихъ.

— Ахъ, да. Въ сущности и я также.

— Но, чортъ возьми, вѣдь изъ этого-же не выйдетъ никакого романа. Все это не болѣе, какъ пошлая ерунда.

* *
*

Сегодня Іонатанъ остался недоволенъ мною. Я разсказывалъ о природѣ тамъ, въ горахъ, объ уединеніи. о старой церкви, о крестьянахъ съ ихъ своеобразными костюмами и старинnымъ красивымъ языкомъ, такъ что онъ, наконецъ, сказалъ, что я какой-то жалкій романтикъ.

— У насъ ничего подобнаго не будетъ,—сказалъ онъ.—Церковь будетъ преобразована въ театръ; на уединенномъ мѣстѣ выростетъ промышленный городъ съ полумилліоннымъ населеніемъ, а вмѣсто крестьянъ съ ихъ старинными штанами и деревенской рѣчью явятся интеллигентные люди, умѣющіе говорить по-англійски.

Я бранилъ это практическое скучное время господства разума, лишенное воображенія и души; онъ бранилъ «времена реакціи».

— Это малодушное время, когда народъ гнется въ три погибели!—говорилъ онъ.—Жить внѣ себя,—во внѣшнихъ интересахъ, вотъ это-то и значитъ жить здоровой жизнью!

— Здоровой жизнью, да; но люди до тѣхъ поръ живутъ внѣ себя. пока, наконецъ, все, сколько ни было въ нихъ души и крови, не сгустится и не окрѣпнетъ настолько, что превратится только въ кожу и кости...

— Между тѣмъ, именно эти-то здоровыя времена и двигаютъ народъ впередъ,—продолжалъ онъ.—и мы можемъ только радоваться, что и мы сами живемъ въ такое время. Теперь люди занимаются вопросами, доступными разрѣшенію, и разрѣшая одинъ вопросъ за другимъ мы сдѣлаемъ наконецъ существованіе наше изящнымъ и приличнымъ. А только это одно и можетъ интересовать людей. Человѣкъ находитъ наслажденіе въ практической дѣятельности.

— А между тѣмъ англійская аристократія переходитъ въ католицизмъ! А въ Парижѣ подымаются голоса даже противъ самого Эмиля Зола; находятъ, что существуетъ еще цѣлая сторона душевной жизни, которая оставалась совершенно подавленной въ теченіе всего этого періода здоровья...

— All right, — сказалъ Георгъ Іонатанъ. — Это истеричные. Люди, проработавъ разумно въ теченіе извѣстнаго времени, дошли, наконецъ, до того, что, пожалуй, можно было-бы ужъ начать настоящее дѣло, а тутъ являются истеричные и прежде всего требуютъ рѣшить вопросъ о безсмертіи души. Это мы знаемъ. Но съ нами, вѣроятно, ничего подобнаго не случится. Такъ бываетъ въ деревнѣ, когда явится какой-нибудь малый и увѣритъ крестьянъ, что въ слѣдующій-же четвергъ всѣ они переселятся на небо; тогда принимаются они думать о своей душѣ и перестаютъ заботиться о своихъ поляхъ. Мы-же отложимъ это до окончанія посѣва, понимаете. Не правда-ли?

— Да. Пожалуй, что намъ придется еще долго ждать! (Пожатіе плечами).

Онъ бросилъ на меня пытливый взглядъ. Я поневолѣ улыбнулся. «Свободные мыслители, конечно, не потерпятъ свободомыслія въ своей собственной средѣ», подумалъ я самъ съ собою.

* *
*

Фрекенъ Бернеръ провела лѣто въ Ханке; у ней хорошій видъ. Загорѣлый, здоровый цвѣтъ лица, живые глаза, молодыя движенія: когда я, сидя тамъ въ горахъ, воображалъ ее себѣ въ видѣ старой дѣвы, это означало только, что я былъ боленъ. Стара! Въ Парижѣ женщины молоды до сорока и пятидесяти лѣтъ (и это тамъ, гдѣ кипитъ такая напряженная жизнь!); тутъ все дѣло лишь въ умѣньи не дать себѣ опуститься. Изъ фрекенъ Бернеръ все-таки могла-бы еще выйти изящная молодая женщина.

Всѣ увѣряютъ меня, что и у меня тоже очень хорошій видъ.

«Ну, горный воздухъ принесъ-таки вамъ пользу!» Мнѣ вдругъ и самому стало казаться, что я дѣйствительно поправился. И здѣсь, гдѣ есть люди и развлеченія (я собираюсь, напримѣръ, принимать нѣсколько большее участіе въ общественной жизни), я, вѣроятно, скоро рѣшительно покончу съ этой моей послѣдней глупостью. Я не ощущаю больше

никакой потребности видѣть ее. Скорѣе страхъ. Это была-бы тяжелая встрѣча.

*
* *

— Итакъ, эта дѣвочка дѣйствительно оказалась настолько умна, чтобы искать утѣшенія въ замужествѣ. Вѣдь это ты, кажется, разсказывалъ мнѣ объ этомъ? О множествѣ поклонниковъ...

— Ну, ну,—пробуркалъ нѣсколько испуганно Маркъ Оливій,—не нужно было понимать этого въ такомъ смыслѣ: разумѣется, до этого еще дѣло не дошло.

— Нѣтъ, разумѣется, дѣло не заходило дальше дозволеннаго приличіями. Впрочемъ, нашимъ молодымъ женщинамъ не лишнее было-бы усвоить себѣ нѣкоторую долю французской морали: это принесло-бы имъ облегченіе въ ихъ мученической жизни. А кромѣ того, у насъ оказалось-бы меньше эмансипированныхъ женщинъ.

— Эмансипированныхъ?! Гм... гм...—Маркусъ разгорячился и прочелъ мнѣ цѣлую лекцію. Подъ конецъ онъ выразилъ глубочайшее уваженіе, которое питалъ онъ къ фрекенъ Гольмсенъ,—прошу прощенія, къ фрю Рюенъ, за то, что она такъ горячо взялась за это важное дѣло и за все, что имѣло къ нему какое-либо отношеніе; она занята съ утра до вечера; участвуетъ во всемъ; ни капли не жалѣетъ своихъ силъ; состоитъ членомъ всевозможныхъ комитетовъ и является предсѣдателемъ... гм... предсѣдательницей, ахъ-хо-хо! всюду, гдѣ только затѣвается что-нибудь полезное; она до того работаетъ, что совершенно истощаетъ себя, и чтобы заснуть, принуждена постоянно принимать на ночь бромистый кали,—такъ говоритъ моя жена.

— Да, но... поклонники-то?

— Поклонники!—онъ лукаво усмѣхнулся себѣ въ бороду, какъ человѣкъ, съ успѣхомъ проведшій забавную мистификацію,—до чего-же ты легковѣренъ, Грамъ,—сказалъ онъ.—Очень легковѣренъ. Нѣтъ, какъ я сказалъ уже, фрю Рюенъ очень благоразумная особа; теперь она будетъ приходить ко мнѣ, чтобы учиться распознавать и приготовлять съѣдобные грибы; такимъ образомъ ей, можетъ быть, удастся принести значительную пользу странѣ. Намъ, видишь-ли, необходимо имѣть союзниковъ и между женщинами...

Это вышло у него такъ простодушно и наивно, что я не могъ удержаться отъ улыбки. Онъ закончилъ свою лекцію разсужденіемъ о пользѣ и значеніи грибовъ.

Мы стояли на углу неизмѣнной Карлъ-Іоганновой улицы и только что собирались разойтись каждый въ свою сторону, торопясь къ обѣду, какъ вдругъ, словно по мановенію судьбы, появилась коляска и въ ней трое сѣдоковъ,—двѣ дамы и господинъ... Я такъ и подскочилъ, спря-

тался за широкими плечами и густой гривой Марка Оливія и надѣлъ pince-nez...

Пожилой элегантный господинъ нѣсколько поистасканной наружности, пожилая, весьма дамообразная дама, до глупости польщенная тѣмъ, что ѣдетъ въ такомъ экипажѣ и въ такой обстановкѣ... и потомъ—она.

Я ни за что не повѣрилъ-бы этому: желтая, съ красными глазами. вялая, съ раздражительной, истерической складкой около рта; ужасно похожая на пожилую даму, сидѣвшую съ нею рядомъ, пожалуй даже старше ея съ виду; больная, скучающая, раздражительная и нервная. истощенная,—я замеръ на мѣстѣ отъ ужаса и отъ прилива внезапнаго, отчаяннаго горя.

Прошло. Все прошло. Кануло въ вѣчность. Такъ это-то грустное, непривлекательное, болѣзненное существо превратилъ я воображеніемъ въ какую-то русалку, львицу? Вотъ, кого ради терпѣлъ я всѣ эти невыносимыя муки и не спалъ ночей, преслѣдуемый безсонницей и галлюцинаціями!

Я молча пожалъ руку Марка Оливія и ушелъ, съ похолодѣвшей душой, лишенный послѣдней своей мечты, обобранный, ограбленный. Ничего больше не оставалось мнѣ. Гораздо хуже утратить хотя-бы и мучительную мечту, чѣмъ покойную дѣйствительность.

Я согласился-бы отдать свою жизнь за то, чтобы видѣть ее вакханкой, полуобнаженной, съ вызывающимъ видомъ стоящей на своей высокой тріумфальной колесницѣ, съ розами въ волосахъ и насмѣшливо сладострастной улыбкой, провожаемой цѣлою сворою прочно привязанныхъ поклонниковъ, бѣгущихъ за нею съ высунутыми языками...

* * *

Это было всего хуже.

У меня не осталось даже моего горя.

Одинъ только вѣчный, грызущій вопросъ совѣсти: не я-ли виноватъ въ этомъ?

Но къ этому грызущему укору совѣсти примѣшивается капелька польщеннаго тщеславія...

А къ тщеславію одинъ атомъ презрѣнія къ самому себѣ.

XIV.

Ноябрь.

Что за безнадежная погода! Дождь и ревъ бури; стукъ черепицъ на кровлѣ и хлопанье дверей; вой вѣтра въ трубахъ и стукъ дождя въ оконныя стекла. Погода, способная довести человѣка до отчаянія, заставить его убиться, утопиться, въ какой-нибудь безпросвѣтно темный вечеръ броситься въ рѣку Аккеръ,—никто не услыхалъ-бы предсмертнаго крику.

Черезъ міръ омраченный печальный кортежъ
Вереницею длинной ползетъ.
Мефистофель за пѣвчихъ идетъ впереди
И отходную громко поетъ.
Если въ мірѣ ужъ нѣтъ ничего, въ чемъ-бы могъ
Ты тревожной душой отдохнуть,
Такъ утѣшься, мой другъ, часъ покоя насталъ,
Смерть не можетъ тебя обмануть.

XV.

2-го января 1887 года.

Въ теченіе нѣкотораго времени я довольствовался приличными развлеченіями: вечерніе чаи въ семейныхъ домахъ и рождественскіе балы. Надо умѣть мириться и съ этимъ.

Къ тому-же есть на выручку фрекенъ Бернеръ. Когда скука станетъ очень ужъ донимать меня, я всегда могу подсѣсть къ ней и завести разговоръ. Слава Богу, она не глупа!

Но сегодня даже она ничего не могла подѣлать со мною. Я былъ невозможенъ. Скука одолѣвала меня; отсутствіе интереса превращалось въ тоску, муку, физическое страданіе.

Я «остылъ».

Уфъ, это всего хуже. Это сама смерть и бездна. Это аминь, и конецъ. Я больше ужъ не молодъ. Я—пожилой господинъ.

Ужъ не меня ищутъ онѣ, эти неоперившіяся еще любительницы танцевъ и поцѣлуевъ. Онѣ прежде всего оглядываются, не найдется-ли какого-нибудь краснощекаго неоперившагося еще пѣтушка, съ которымъ онѣ могли-бы соединиться, и только когда таковаго не находится, или онъ оказывается настолько вѣроломенъ, что пускается ухаживать за этою скучною Мари—онѣ, скрѣпя сердце, обращаются ко мнѣ. А если онѣ со мною и любезны, то въ каждомъ ихъ словѣ, въ каждомъ ихъ взглядѣ сказывается, что онѣ дѣлаютъ это исключительно лишь ради вышеупомянутаго пѣтушка: для того только, чтобы заставить его ревновать. Мое время прошло.

Знаю я ихъ. И мнѣ самому когда-то было двадцать лѣтъ; интересная блѣдность, хорошенькіе, изсиня-черные, шелковистые усики; физіономія, напрашивающаяся на поцѣлуй. Были и свои маленькія побѣды. Но... разумѣется, глупъ. Не понималъ значенія того, когда онѣ сами наполняли мой бокалъ для тостовъ; щепетильныя сомнѣнія, принципы, совѣсть,—малодушіе. Именно малодушіе. Вся «мораль» создается малодушными, трусливыми людьми, не имѣющими духу приподнять покрывало... а затѣмъ господами моего возраста.

О мы, ослы и порожденія ословъ. Въ жизни бываетъ одно только время, когда человѣкъ могъ-бы быть счастливъ; человѣкъ богатъ иллюзіями, кровь его горяча, мозгъ и нервы здоровы,—всѣ условія для того, чтобы наслаждаться жизнью вполнѣ; вполнѣ отдаться минутѣ опьяненія, познать блаженство, гораздо болѣе цѣнное, чѣмъ вся почтенность Маѳусаила. Но тутъ являются моралисты. Берегись! Не забудь о своемъ здоровьѣ! Думай о старости! Живи старикомъ для того, чтобы умереть молодымъ! И молодой неопытный игрокъ, уже по природѣ своей достаточно робкій, теряетъ послѣднее мужество. Онъ запирается въ своей норѣ и предается фантазіямъ. И вздыхаетъ. И прислушивается къ голосу своей совѣсти.

Теперь-же ужъ поздно. Теперь мнѣ остается только оплакивать упущенное время. Подобныя вещи всегда сознаются лишь потомъ.

Я до такой степени успѣлъ «постарѣть», что глупость молодежи начинаетъ уже сердить меня. Я раздражаюсь, чувствую себя оскорбленнымъ въ своемъ чувствѣ стыдливости, нравственно обнаженнымъ. Это желчность стараго холостяка, ворчливость старика! Мнѣ противно видѣть всѣ эти мелкія ухищренія, всю ложь, всѣ мошенническія уловки, всѣ униженія, на которыя способна эта влюбленная молодежь для того только, чтобы доставить себѣ возможность проскользнуть за дверь или забиться въ какой-нибудь уголъ и прижаться тамъ другъ къ другу... Они были-бы способны головой выдать лучшаго своего друга, своего отца, свою мать, продать ихъ честь и жизнь, чтобы имѣть возможность прильнуть другъ къ другу влажными губами или шепнуть на ухо нѣсколько до приторности нѣжныхъ словъ. Знаю я всѣ эти уловки, а когда случится мнѣ заглянуть имъ въ глаза въ то время, какъ они замышляютъ втайнѣ какую-нибудь неприличную хитрость, глаза ихъ напоминаютъ мнѣ глаза вора... желтые, напряженные—точь-въ-точь глаза клептомана, когда передъ нимъ блеснуло серебро.

Чортъ, состарѣвшись, уходитъ въ монастырь.

Очень понятно, что еще остается въ жизни такому игроку, не сумѣвшему разыграть своей игры?

XVI.

Этотъ благородный Брунъ такъ и ходитъ вокругъ меня, желая выпытать, какъ далеко зашелъ онъ въ своей откровенности со мною въ тотъ злосчастный «холостой вечеръ». Меня забавляетъ дразнить его.

— Ты сказалъ, что жена твоя—Ксантиппа,—говорю я.

Онъ краснѣетъ.

— Этого я *не могъ* сказать,—говоритъ онъ торжественно.—Съ твоей стороны очень дурно говорить такія вещи. Она безусловно самый лучшій человѣкъ на свѣтѣ,—и т. д.

— Ты сказалъ, что она не умѣетъ даже пришить пуговицу къ жилеткѣ?

— Ну, это все такія мелочи; ужъ не воображаешь-ли ты, что на свѣтѣ могутъ существовать супружества, въ которыхъ-бы мужъ и жена никогда не ссорились между собою?

— О, нѣтъ. Сказать по правдѣ, Брунъ, ты не сказалъ мнѣ ничего, чего не разсказалъ-бы каждый счастливый мужъ послѣ третьяго стакана пива.

— Господи Іисусе! Надо тебѣ сказать... человѣкъ все-таки остается человѣкомъ, хотя-бы онъ былъ женатъ; онъ бываетъ не въ духѣ, обнаруживаетъ кое-какія шероховатости; когда двумъ людямъ предстоитъ жить вмѣстѣ, имъ необходимъ извѣстный запасъ терпимости; но пожалуйста не воображай, что я хотѣлъ-бы помѣняться съ тобою судьбой,— и т. д.

— О, нѣтъ. Ужъ скорѣе-же мнѣ можетъ придти въ голову помѣняться съ тобой,—тоже въ свою очередь обзавестись семьей. Ты, батюшка, не такъ еще напугалъ меня!

Бѣдный малый весь превратился въ одинъ вздохъ облегченія и продолжалъ съ безграничной довѣрчивостью:

— Да, тебѣ слѣдовало-бы сдѣлать это. Эта холостая жизнь надоѣдаетъ до отвращенія. Ты же понимаешь, что и въ семейной жизни выпадаютъ иногда тяжелыя минуты: вдругъ люди начинаютъ коситься другъ на друга, ссорятся изъ-за каждаго пустяка, пожалуй даже способны вообразить, что они порядкомъ понадоѣли другъ другу; на это ты долженъ быть готовъ; я скажу тебѣ, что тутъ главное зло въ этихъ безсмысленныхъ, глупѣйшихъ иллюзіяхъ: семейная жизнь должна быть безусловно раемъ и все такое. Правда, семейная жизнь по временамъ, пожалуй, можетъ казаться и отвратительна, и невыносима; иногда можетъ быть и дѣйствительно приходится очень ужъ круто. Но потомъ вѣдь видишь, какъ неизмѣнно бодро переноситъ жена все это, терпитъ непріятности, не показывая и виду, что замѣчаетъ ихъ; какъ всегда спокойно и ровно справляется со всѣми этими надоѣдливыми будничными мелочами; вдругъ натыкаешься на то или другое трогательное доказательство того, что она въ сущности очень желала бы опять примириться со своимъ ворчуномъ... Да, и вотъ, неожиданно, въ одинъ прекрасный день примиреніе совершилось, и опять сидишь, обнявшись и съ недоумѣніемъ чувствуешь, что вотъ опять какъ будто все по-старому, точь-въ-точь, какъ въ первый день обрученія!—Да!

Онъ казался трогательно счастливъ. Въ глазахъ его не погасъ еще блескъ послѣ послѣдней сцены примиренія.

— И потомъ,—продолжалъ онъ,—чувствуешь себя такъ спокойно, увѣренно, такъ у пристани. Теперь вѣдь ужъ хорошо знаешь ее, знаешь, какая у нея безусловно хорошая, честная натура, какъ безгранично

можно положиться на нее; знаешь также, что и она хорошо знаетъ своего мужа, знаетъ всѣ его слабости и недостатки, но тѣмъ не менѣе любитъ его... Да, все это такія вещи, которыхъ холостяку никогда не придется испытать.

Это, конечно, такъ. Тутъ все дѣло въ увѣренности, въ возможности безусловно и вполнѣ положиться на человѣка. Великое, полное безмятежнаго покоя довѣріе.

* *
*

Пасторъ Лехенъ интересуетъ меня. Все дѣло, дѣйствительно, лишь въ томъ, чтобы повѣрить, и въ вѣрѣ этой найти покой.

Кто же способенъ, «опять стать младенцемъ?» «Христіанинъ никогда не скучаетъ», читалъ я гдѣ-то; великій Боже,—жить. не скучая!—Я этого не могу даже понять.

Но я живу и только то и дѣлаю, что мучаюсь чувствомъ утраты, потерявъ свои мечты и иллюзіи, и мерзну въ увѣренности «знанія», что «знать ничего нельзя». Эта aeterna nox sine luce можетъ быть выносима еще съ извѣстною бодростью въ молодости, пока человѣкъ еще полонъ надеждъ, но когда онъ старъ и одинокъ, имъ овладѣваетъ страхъ и его начинаютъ осаждать привидѣнія. Самое худшее то, что ко всему становишься до такой степени равнодушенъ; когда же дойдешь до того, что даже женщины перестанутъ интересовать тебя, то отъ жизни ужъ почти ничего не остается. И ничто не въ силахъ помочь этому. Все становится безразлично, перестаешь даже сознавать разницу между добромъ и зломъ. Для меня въ настоящее время существуетъ только одинъ хоть сколько-нибудь интересующій меня вопросъ, а именно: какимъ образомъ можетъ человѣкъ всего лучше умереть?

«Истина»? Существуетъ ли на землѣ что-нибудь болѣе безразличное, чѣмъ «истина», разъ мы знаемъ, что знать ничего нельзя? А когда человѣкъ не можетъ достичь наилучшаго, онъ мирится и съ просто хорошимъ. Разъ не могу я достичь истины, я буду благодаренъ и за... *миръ*.

* *
*

Удивительно, какъ эта любовь словно сразу была вычеркнута изъ моей души. Я сталъ такъ хладнокровенъ, такъ холоденъ. Только сверлитъ еще немножко тамъ, въ самой глубинѣ души, гдѣ пустила свои корни мечта.

Впрочемъ, была ли еще тутъ какая-нибудь любовь? Все это вѣроятно было не болѣе, какъ «Панъ»—великая сила чувственности.

Бѣдная дѣвушка! Теперь она убивается надъ женскимъ вопросомъ и всякаго вида благотворительностью. И для нея все это вѣроятно то же, что для меня чарка,—путь къ самозабвенію. «И такъ живемъ мы, такъ живемъ мы,—живемъ изо-дня въ день»...

* *
*

Я частенько-таки захожу къ пастору Лехену и ужъ всѣ начинаютъ поговаривать о женитьбѣ моей на фрекенъ Бернеръ. Это ей извѣстно,—настолько то знаетъ она и свѣтъ, и улицу. И разъ она тѣмъ не менѣе выказываетъ ко мнѣ все то же неизмѣнное благорасположеніе, то, значитъ, она вѣроятно ничего не имѣла бы противъ этого. Она была бы въ состояніи сказать «да», если бы я предложилъ ей свою руку и «бракъ по разсудку».

А почему бы и нѣтъ?

Я ничего не имѣю противъ нея и вполнѣ довѣряю ей. Хоть на этотъ разъ соберись-ка съ силами, Габріэль, и поспѣши укрыться въ гавани. Она будетъ представительной хозяйкой дома, разумнымъ другомъ и снисходительной женой; это именно то, что тебѣ нужно. Спокойствіе, увѣренность; благоустроенный домъ, порядочное общество; о, теперь можетъ быть именно пора.

Замѣчательное у нея умѣнье обращаться со мной. А вѣдь, собственно говоря, только къ тому и стремимся мы, когда женимся, чтобы заполучить кого нибудь, кто умѣлъ бы обращаться съ нами. Умѣлъ бы настраивать нашу нервную арфу. Тутъ дѣйствуетъ, сообщается гармоничное настроеніе всего ея существа. Такъ ясный аккордъ вызываетъ себѣ созвучный отвѣтъ во всѣхъ окружающихъ предметахъ, обладающихъ хоть малѣйшею звукоспособностью.

Привлекаетъ меня въ ней также и ея религіозность. Тутъ чувствуется что-то такое старинное,—чистосердечное и надежное:

Когда отхожу я ко сну, близъ меня
Мой ангелъ-хранитель сидитъ...

Это нѣчто иное, чѣмъ привидѣнія и *духи*. Подобная, изстари передаваемая по наслѣдству семейная вѣра то же, что якорь для носящагося по волнамъ корабля. Господь вѣдаетъ, можетъ быть, когда-нибудь, когда настигнетъ меня предсмертный ужасъ, она въ состояніи будетъ молитвою вернуть мнѣ покой.

* * *

Это умиротворяющая, успокоительная мысль о своемъ собственномъ домашнемъ очагѣ! Какъ освѣщенное окно среди полуночнаго мрака зимней ночи, заманиваетъ она, влечетъ къ себѣ и очаровываетъ одинокаго, почти выбившагося изъ силъ путника.

Я съ искренней готовностью навсегда прощаюсь со всякими мечтаньями и погоней за молодостью. Я хочу наслаждаться покоемъ и дремать у домашняго очага.

Вкусъ, уютность, комфортъ; старинные стѣнные часы и старинная Библія... а въ уголку гостиной маленькое фортепіано, въ которомъ дремлютъ тысячи этихъ нѣжныхъ мелодій и всѣ эти аккорды, способные навѣять на душу покой.

Я *непремѣнно* женюсь.

А. Л. В.

Заблудшей музы покровитель,
Смягчишь-ли судъ суровый твой?
Взгляни: она въ твою обитель
Пришла съ повинной головой.

Она скиталась въ вихрѣ свѣта,
Въ пустынѣ будничныхъ заботъ.—
Но музу скорбнаго поэта
Высокій умъ не оттолкнетъ.

Ея невольныя ошибки
Ты развѣнчаешь—и простишь,
И лаской дружеской улыбки
На подвигъ духа вдохновишь.

Такъ оглашенный—Божій плѣнникъ—
Приноситъ въ храмъ святую дань,
Когда простретъ къ нему священникъ
Свою прощающую длань.

Люциферъ.

Серебрится мѣсяцъ ясный.
Въ дымкѣ блѣдно-голубой
Демонъ скорбный и прекрасный
Пролетаетъ надъ землей.

Подъ воздушными волнами,
Въ тихомъ сумракѣ ночномъ,
Дольній міръ томится снами
О земномъ и неземномъ.

И глядитъ мятежный геній
Съ лучезарной высоты
Въ міръ грѣховныхъ вожделѣній
И грѣховной красоты.

Свѣтлый ликъ его пылаетъ,
Гнѣвно блещетъ властный взоръ;
Онъ глядитъ, и проклинаетъ
Безпощадный приговоръ:

«Тотъ, Котораго названья
«Для меня—запретный звукъ,
«Смертнымъ людямъ далъ страданья
«Искупительный недугъ.

«Имъ, толпою дерзновенной
«Низвергавшимъ алтари,
«Онъ блеснулъ лучомъ священной,
«Обновляющей зари.

«Обагряющимъ преступно
«Руки алчныя въ крови—
«Все возможно, все доступно
«Въ мірѣ злобы и любви!

«А меня—отцомъ соблазна
«Сила неба нарекла,
«И томитъ однообразно
«Обязательностью зла.»

Узникъ.

Въ темницѣ мрачной и сырой
Томился узникъ молодой.
Живымъ схороненный въ гробу,
Онъ проклиналъ свою судьбу,
Рыдалъ и бился о гранитъ
Безмолвныхъ и холодныхъ плитъ.

Вдали отъ міра и людей,
Онъ жаждалъ пламенныхъ страстей,
Онъ вѣрилъ въ нихъ, стремился къ нимъ
Воображеніемъ своимъ,
Какъ птица рвется въ западнѣ
Къ своей родимой сторонѣ.

Сквозь перекладины окна
Полоска неба чуть видна.
Въ ней жизнь трепещетъ: на зарѣ,
Встрѣчаясь въ радостной игрѣ,
Какъ обнаженные мечи,
Сверкаютъ жаркіе лучи.

Туда, на волю, на просто́ръ!...
Но безпощаденъ приговоръ,
Тюрьма крѣпка, спасенья нѣтъ...
О немъ забылъ бездушный свѣтъ.
И съ каждымъ часомъ, съ каждымъ днемъ
Слабѣе кровь играла въ немъ.

И вотъ—исполнилась мечта:
Дверь подземелья отперта,
Онъ на свободѣ... Но она
Ему постыла и страшна...
Сѣдой, безпомощный старикъ,
Вернись въ тюрьму: ты къ ней привыкъ!...

Такъ, въ годы лучшіе мои
Я жаждалъ пламенной любви
И расточалъ огонь святой,
Плѣненъ лукавою мечтой.
Теперь—мнѣ скорбь моя милѣй,
Чѣмъ поздній даръ любви твоей.

Гроза.

Темнокудрая дѣва
Съ огневыми глазами
Въ вихрѣ мести и гнѣва
Пронеслася надъ нами.

Полны жгучей печали
И земного страданья,
Точно громъ, прозвучали
Въ небесахъ заклинанья.

Прокатились угрозы
Въ блескѣ молніи жаркой,
И осыпались слезы
Семицвѣтною аркой.

И въ дали, освѣженной,
По ликующимъ нивамъ,
Жаль грозы, окрыленной
Благодатнымъ порывомъ.

Жаль несбыточныхъ сказокъ,
Молодого задора
И восторженныхъ глазокъ,
Промелькнувшихъ такъ скоро!

---

* * *

Какъ я люблю въ твоихъ глазахъ
Порывовъ дѣвственныхъ зарницы,
И дымку грусти,—и въ слезахъ,
Дрожа, поникшія рѣсницы!

Томясь въ темницѣ бытія,
Въ предѣлахъ низменныхъ и тѣсныхъ,
Душа небесная твоя
Во взорахъ свѣтится небесныхъ.

Въ сомнѣньяхъ дни мои влача,
Забывъ для временнаго вѣчность,
Я въ нихъ увидѣлъ—два луча,
Блеснувшихъ въ безконечность.

К. Льдовъ.

Наказуемость женщинъ-преступницъ.

За послѣднее время какъ въ европейской литературѣ, такъ и въ законодательныхъ собраніяхъ европейскихъ государствъ не разъ поднимался вопросъ о пересмотрѣ законоположеній, касающихся женскаго права, и уничтоженіи существующей до сихъ поръ разницы въ наказаніяхъ, которымъ подвергаются мужчины и женщины за однородные проступки. Особенно важнымъ является, по нашему мнѣнію, такого рода пересмотръ законоположеній брачнаго права, предоставляющаго мужу весьма значительныя преимущества передъ женой и оставляющаго безнаказанными такія дѣянія мужа по отношенію къ женѣ, за которыя жена подвергается строгой карѣ. Печатаемая нами замѣтка проф. Ц. Ломброзо, присланная имъ для «Сѣвернаго Вѣстника», является отголоскомъ на этотъ, занимающій европейское общество вопросъ, и уже поэтому представляетъ значительный интересъ, несмотря на неполноту и нѣкоторую односторонность воззрѣній автора.

Редакція.

I.

Изучая карательныя постановленія, дѣйствовавшія у народовъ древности, во многихъ отношеніяхъ стоявшихъ, несомнѣнно, выше насъ, нельзя не замѣтить, что наказанія, которымъ подвергались женщины, очень часто отличались отъ каръ, предназначавшихся для мужчинъ. Такъ, наприм., по законамъ Ману, женщина, нарушившая супружескую вѣрность, лишалась всѣхъ своихъ драгоцѣнностей и, кромѣ того, на три мѣсяца разлучалась съ мужемъ. Женщинѣ, развращавшей молодыхъ дѣвушекъ, сперва отрѣзали пальцы и волосы; затѣмъ, по совершеніи этой операціи, ее сажали на осла для публичнаго осмѣянія. Sainavalka приговариваетъ женщину, смертельно ранившую своего мужа, къ казни черезъ потопленіе (II, 278). Онъ требуетъ, чтобы за простое убійство или отравленіе, какъ и за убійство родного или духовнаго отца, или сына, виновная, послѣ того какъ предварительно ей отрѣжутъ носъ, уши и руки, была брошена на растерзаніе звѣрямъ.

Въ древней Элладѣ женщинѣ, вступившей въ прелюбодѣйную связь, какъ извѣстно, отрѣзали носъ, между тѣмъ какъ по отношенію къ ея соучастнику все наказаніе ограничивалось лишь двадцатью палочными ударами. И только одинъ законъ обезпечивалъ женщинѣ нѣкоторое послабленіе въ области наказанія: это былъ законъ, освобождавшій беременную женщину отъ смертной казни. Но и онъ, конечно, былъ продиктованъ вниманіемъ къ интересамъ не столько матери, сколько ребенка.

У евреевъ, молодая дѣвушка, уличенная на брачномъ ложѣ въ потерѣ дѣвственности, побивалась камнями передъ домомъ своего отца (Второзаконіе, XXII). Женщина, происходившая изъ жреческаго рода и отдавшаяся проституціи, подвергалась сожженію на кострѣ; за прелюбодѣяніе женщину присуждали къ задушенію (Мишна-Сангедринъ, IX, XI).

По Моисееву законодательству женщина, симулировавшая дѣвственность, невѣста, не сдержавшая своихъ обѣщаній, жена, утратившая непорочность до брачной ночи—побивались камнями; женщина, виновная въ кровосмѣсительствѣ, сжигалась на кострѣ.

Corrado Celtes въ своемъ сочиненіи «De origine situ, moribus et institutionibus Germaniae» говоритъ: «Mulieres vel quae fascinatione aut superstitione infamatae sunt, vel quae partum necaverent, aut immaturum excussirent, diversis suppliciis offeciunt aut caleo insutas submergunt aut igne etiam adimunt, aut vivas defoudiunt, nec his tormentis et crucidibus arceri potest quin senger scelus sceleri accumulent *).

У Ditmares было въ обычаѣ замораживать подъ льдинами женщинъ, забеременѣвшихъ отъ проституціи (Du Boys, hist. du droit pénal).

Wilde, въ свою очередь, разсказываетъ о томъ, что женщинѣ, виновной въ умерщвленіи своего плода, вводили въ внутренности желѣзный прутъ. Во Франціи женщины подвергались наказаніямъ, которыя были и ужасны и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшны (Григорій Турскій 3).

Такъ, напр., женщина, ударившая своего мужа, должна была проѣхаться на ослѣ, держась за его хвостъ. Женщины, пойманныя въ ссорѣ другъ съ другомъ, должны были пробѣжать по главной улицѣ города или мѣстечка, волоча за собой какую-нибудь значительную тяжесть, къ которой онѣ приковывались цѣпями. За наклонность къ болтовнѣ и къ брани, кажется, имъ надѣвали на три или на четыре дня намордники **).

---

*) Женщины, виновныя въ прелюбодѣяніи или вообще въ утратѣ женской чести, а равно и уличенныя въ изгнаніи или умерщвленіи плода, подвергаются различнымъ наказаніямъ: ихъ бросаютъ въ воду зашитыми въ кожаный мѣшокъ, сжигаютъ или закапываютъ живыми въ землю. Но всѣ эти муки и пытки не властны удержать женщинъ отъ постояннаго нагроможденія одного преступленія на другое.

**) См. Arch. di Psich. e Antropol. Crimin. 1895. IV.

Въ Иллинойсѣ женщинъ столь-же патріархально наказывали за брань погруженіемъ въ воду отъ двухъ до трехъ разъ.

По одному старому англо-саксонскому закону женщинѣ или молодой дѣвушкѣ, застигнутой en flagrant délit, обрѣзали юбку до самой таліи и затѣмъ, въ такомъ видѣ гнали эту преступницу по улицамъ, для публичнаго осмѣянія.

II.

Въ наше время задались цѣлью окончательно уничтожить всякую разницу въ наказаніяхъ, которымъ подвергаются женщина и мужчина. Но, какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда насилуютъ природу, судьи и присяжные засѣдатели начали дополнять то, о чемъ искусственно умалчиваетъ законъ.

Достойно вниманія, между прочимъ, что та чрезвычайная снисходительность, которую они практикуютъ, съуживаетъ и безъ того уже очень маленькое число женщинъ-преступницъ. Дѣйствительно, на 100 преступниковъ обоего пола, судившихся въ Италіи съ 1887 по 1889 годъ, было оправдано 34,4 женщинъ и 31,16 мужчинъ. Во Франціи, за время съ 1871 по 1880 годъ, присяжными были оправданы 31 женщина на 100 и 19% мужчинъ, коронными-же судами — 8% женщинъ и 6% мужчинъ.

Доктрина новаго ученія о наказаніи, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ прежними обычаями.

Эта доктрина приложила всѣ свои старанія къ тому, чтобы индивидуализировать наказаніе въ интересахъ того и другого пола, иначе говоря, чтобы наказанія видоизмѣнялись сообразно личнымъ особенностямъ, мотивамъ, національности, возрасту и прочимъ свойствамъ преступнаго субъекта. Въ отношеніи половыхъ особенностей эта точка зрѣнія представляется особенно необходимой, если принять во вниманіе, что женщина крайне рѣзко отличается отъ мужчины и строеніемъ корпуса, и вѣсомъ, и черепомъ, и своими интеллектуальными способностями, и силой, и психическими условіями и, наконецъ, главнымъ образомъ, меньшей наклонностью къ преступленію. Уголовная статистика, на самомъ дѣлѣ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что во всѣхъ странахъ міра преступность женщинъ стоитъ ниже преступности, обнаруживаемой мужчинами. Такъ, на 100 осужденныхъ обоего пола въ Италіи приходится 19 женщинъ, во Франціи — 16, въ Австріи — 14,8, въ Венгріи — 11,6 и въ Англіи—20. По тяжести наказаній разница между женщинами и мужчинами обрисовывается еще рѣзче. Мы опредѣляемъ тяжесть наказанія въ этомъ случаѣ по подсудности совершенныхъ преступленій.

И мы видимъ, что въ Италіи

21,8%	женщинъ	были	осуждены	мировыми судьями,
6,2%	»	»	»	общими судами,
6%	»	»	»	присяжными.

По преступленіямъ разница между мужчинами и женщинами тоже бросается въ глаза, если имѣть въ виду, что на сто мужчинъ приходилось—

за убійство	3,4	женщинъ,
» грабежъ на дорогахъ	1,2	»
» поджогъ	8,6	»
» мошенничество . . .	6,6	»
» нанес. ранъ и увѣчій	3,6	»
» воровство	6,6	»

Напротивъ, по обвиненію въ укрывательствѣ судилось 20,2% и за отравленіе 122,7% женщинъ. Что касается числа женщинъ, привлекавшихся къ уголовной отвѣтственности за изгнаніе плода и за дѣтоубійство, то оно доходитъ до 476,8%.

Такимъ образомъ, исключая отравленіе, крупнѣйшія преступныя дѣянія совершаются всего менѣе женщинами.

Слѣдуетъ замѣтить, кромѣ того, что число представительницъ женскаго пола, приговоренныхъ къ тюремному заключенію, относительно всегда ниже числа мужчинъ.

Это объясняется тѣмъ, что женскій полъ, въ области преступленій, отличается болѣе медленнымъ развитіемъ, чѣмъ мужской. Кромѣ того, женщины впадаютъ въ преступленіе, по большей части, въ зрѣломъ возрастѣ, когда увеличивается самая смертность.

Въ Италіи, напр., на сто осужденныхъ лицъ женскаго пола были осуждены:

въ возрастѣ 50 л. и свыше.	въ возрастѣ 14 л. и свыше.	
25	22	мир. судьями.
10	10	общ. судами.
11,1	0	присяжными.

Преступныя женщины, слѣдовательно, менѣе страшны общественной безопасности. Въ пенитенціарныхъ учрежденіяхъ, поэтому, наше вниманіе неизбѣжно останавливается не только на томъ обстоятельствѣ, что представительницамъ женскаго пола здѣсь предназначено чрезвычайно мало мѣстъ, но и на ограниченномъ количествѣ женщинъ, содержащихся въ заключеніи.

По произведеннымъ исчисленіямъ, въ Италіи, въ среднемъ за годъ (см. Roncorni-Influenza del sessosulla criminalità 1893) было осуждено

мировыми судьями	228,134	мужчинъ	и 49,553	женщины.
общими судами	54,028	»	» 4,997	»
присяжными	4,663	»	» 285	»

При этомъ необходимо принять во вниманіе, что обвинительные приговоры, произнесенные мировыми судьями, относятся исключительно къ полицейскимъ нарушеніямъ и маловажнымъ проступкамъ (contraventions), какъ и значительное количество дѣлъ, производящихся въ общихъ судахъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Кромѣ того, изъ всѣхъ этихъ нарушеній и проступковъ, совершенныхъ женщинами, очень мало такихъ, которые свидѣтельствовали-бы о серьезной угрозѣ общественной безопасности.

Мало того, даже женщины, привлекающіяся (3,05%) къ суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ дѣтоубійствѣ, никогда не принадлежатъ къ разряду прирожденныхъ преступницъ.

Что касается женщинъ, осужденныхъ за непотребство (1,1%) и посягательство на общественную нравственность (1,06%), то онѣ должны быть отнесены къ категоріи проститутокъ, а тѣ, которыя были осуждены за подлогъ (1,44%) и за посягательства на тѣлесную неприкосновенность (2,052%), почти безъ исключенія, являются случайными преступницами, какъ и всѣ осужденныя за оскорбленія и клевету. Всѣ онѣ впали въ преступленіе подъ вліяніемъ тяжелаго вызова, брошеннаго какой-нибудь соперницей.

Вдумываясь въ эти данныя, нельзя не придти къ той мысли, что заключенію въ центральныхъ тюрьмахъ должны были-бы подлежать только убійцы, отравительницы, мошенницы, поджигательницы, воровки-рецидивистки, грабительницы на большихъ дорогахъ, т. е. 6,062 почти изъ милліона женщинъ. Такая мѣра представляется вполнѣ справедливой, если принять во вниманіе, что, при меньшей преступности и меньшей наклонности женскаго пола къ серьезнымъ преступленіямъ, слѣдуетъ дополнить тюрьму другими учрежденіями.

Необходимо создать воспитательные и рабочіе пріюты для малолѣтнихъ, потому-что послѣднія легче, чѣмъ мужчины, впадаютъ въ преступленіе и въ проституцію, въ особенности, если онѣ происходятъ отъ преступныхъ родителей или остались сиротами.

Къ нимъ слѣдуетъ присоединить преступницъ случайныхъ, виновныхъ въ нанесеніи ранъ и увѣчій, въ дѣтоубійствѣ.

Но эти пріюты должны заключать въ себѣ лишь небольшое число пансіонерокъ, потому-что скопленіе въ одномъ мѣстѣ большого числа субъектовъ, какъ извѣстно, всегда вредно, въ особенности, если дѣло

идетъ о преступникахъ. Пансіонерокъ этихъ пріютовъ слѣдуетъ назначать на сельскія работы, отвѣчающія болѣе всего природнымъ особенностямъ заключенныхъ, для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ хорошихъ работницъ, которыхъ можно было-бы затѣмъ помѣстить вдали отъ городовъ. въ деревнѣ, гдѣ притягательная сила порока менѣе интенсивна.

Тамъ, гдѣ имѣются женскіе монастыри, хорошо гарантированные отъ побѣговъ, можно было-бы приспособить ихъ къ цѣлямъ исправительныхъ пріютовъ для этой категоріи преступницъ. Монастырское воспитаніе и дисциплина, вредныя или опасныя для мужчинъ, оказываютъ крайне благотворное вліяніе на женщинъ, какъ я лично могъ убѣдиться въ Италіи, гдѣ пенитенціарныя учрежденія находятся, если не подъ номинальнымъ, то, во всякомъ случаѣ, подъ фактическимъ руководствомъ монахинь.

Такое вліяніе объясняется большей религіозностью женщинъ и свойственной имъ наклонностью къ экстазу. Религіозный экстазъ, поддерживаемый условіями монастырской жизни, сочетается въ такихъ случаяхъ съ любовнымъ экстазомъ, вытѣсняя его затѣмъ окончательно; добро, такимъ образомъ, замѣщаетъ зло. По выходѣ изъ монастыря, эти пансіонерки должны быть подвергаемы условному наказанію за первый рецидивъ; за вторичный-же рецидивъ имъ должны грозить тюремное заключеніе и тѣлесное наказаніе, о которомъ мы скажемъ впослѣдствіи. При этомъ, само собой разумѣется, онѣ должны быть снабжены всѣми необходимыми средствами, которыя давали-бы имъ возможность честно заработывать себѣ кусокъ хлѣба.

III.

Въ случаѣ второго или третьяго рецидива, по крайней мѣрѣ въ отношеніи дѣтоубійцъ, обществу было-бы совершенно безполезно приносить еще новыя жертвы для реабилитаціи этихъ преступницъ. Самый рецидивъ уже убѣждаетъ въ томъ, что онѣ—прирожденныя преступницы, съ неотразимой наклонностью къ проституціи, и что, слѣдовательно, онѣ должны быть зарегистрированы въ офиціальные списки проститутокъ: это будетъ мѣрой предупрежденія преступленія и явится серьезной услугой, оказанной обществу. Такимъ путемъ можно будетъ пресѣчь развитіе тайной проституціи, гораздо худшей, какъ и воровство и бродяжничество.

IV.

Женщинъ извѣстнаго возраста, осужденныхъ за дѣянія, не относящіяся къ тѣмъ, о которыхъ упоминается выше, какъ и совершившихъ преступленія, занимаясь проституціей, можно было бы поручать монастырямъ, внутренній складъ которыхъ уже представляетъ собою достаточную гарантію для общества.

V.

Въ случаяхъ рецидива, можно было бы, съ цѣлью устрашенія, прибѣгать и къ совершенно спеціальнымъ наказаніямъ, заимствованнымъ у нашихъ предковъ, но безъ присущей имъ жестокости.

Такъ напр., можно было бы обрѣзать этимъ женщинамъ волосы или заставлять ихъ носить какое-нибудь клеймящее ихъ одѣяніе, лишивъ ихъ въ то-же время драгоцѣнностей и разныхъ предметовъ роскоши, которыми, какъ извѣстно, женщины такъ дорожатъ.

Этимъ путемъ мы примѣнили бы наказаніе, разсчитанное на особенности женскаго пола и, слѣдовательно, болѣе чувствительное, устрашающее и репрессивное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не отличающееся жестокостью.

Ц. Ломброзо.

Не по правдѣ.

Повѣсть.

I.

Въ степи холодно и пустынно. Пронзительный осенній вѣтеръ съ жалобнымъ воемъ разгуливаетъ по ней изъ конца въ конецъ, раскачивая тощіе кусты полыни и чернобыльника и шурша почернѣвшею соломой, застрявшей на жнивьѣ. Сырая тяжелая мгла стоитъ въ воздухѣ, и въ ея холодныхъ волнахъ тонетъ и степь, и черточка дальняго горизонта, и кусты сухого бурьяна. А вверху безмолвно и безотрадно плачетъ угрюмое небо.

По грязной проселочной дорогѣ, скрипя колесами и ныряя въ туманѣ, еле тащится телѣга. Пара лошадей, тяжело дыша и помахивая мокрыми хвостами, едва бредетъ и поминутно останавливается, потому-что на колеса накатывается масса густой, липкой грязи. Идти невыносимо тяжко. Лошади отъ натуги разѣваютъ рты; отъ ихъ тѣлъ валитъ густой бѣлый паръ; изъ ноздрей течетъ кровь. Въ телѣгѣ два сѣдока: одинъ изъ нихъ правитъ и безпрестанно понукаетъ лошадей. «Ну, милыя, ну, малютки!» Малютки на мгновеніе пріободряются, натуживаются, и телѣга снова начинаетъ мѣрно нырять въ грязи и туманѣ. Однообразно тянется дорога! Все тѣ-же сѣрыя пространства, тѣ-же кусты бурьяна, та-же солома, щетиной торчащая по жнивью. Изрѣдка вынырнутъ изъ тумана силуэты стоговъ сѣна или курганъ со стаей растрепанныхъ воронъ и галокъ на вершинѣ или хуторская вѣтрянка— и снова исчезаютъ во мглѣ.

А небо все плачетъ. Сѣдоки тщетно кутаются въ свои халаты — сырость нижетъ до костей. Одинъ изъ нихъ—тотъ, что все понукаетъ лошадей — уже старикъ лѣтъ 50, — низко надвинулъ на лобъ свою шапку и поднялъ воротникъ халата выше ушей, но проклятая мгла и

за воротникъ пробралась. Все лицо старика мокро; съ бороды течетъ и даже по спинѣ ползутъ медленно холодныя струйки. Другой сѣдокъ—молодой парень,—лежитъ въ телѣгѣ. Онъ совсѣмъ накрылся рогожей и не шевелится, даже лица его хорошенько не видать, только глаза широко открыты и, не мигая, глядятъ изъ-подъ рогожи на небо съ выраженіемъ какого-то недоумѣнія. Старикъ изрѣдка оборачивается и смотритъ на своего спутника... но сейчасъ-же снова отвертывается и съ усиленной энергіей начинаетъ понукать лошадей.

Вотъ впереди что-то зачернѣло. Слышится скрипъ колесъ, шлепанье копытъ по грязи, смутные голоса... и изъ тумана выплываютъ какія-то безобразныя тѣни. Это обозъ. Медленно тащатся возы, тщательно увязанные веревками, покрытые холщевыми торпищами, рогожей и войлоками. Волы серьезно и не спѣша волокутъ эти возы, низко склонивъ головы подъ ярмомъ и нисколько не смущаясь комками грязи, налипшей у нихъ на ногахъ, на шеѣ, на вдавленныхъ худыхъ бокахъ. Кое-гдѣ на возахъ шевелятся безобразныя груды овчины и всякаго тряпья, изъ-подъ котораго нѣтъ-нѣтъ, да и выглянетъ либо клочковатая мужицкая борода, либо румяное молодое лицо бѣлобрысаго паренька. Рядомъ съ переднимъ возомъ бѣжитъ-«грѣется» тщедушный мужичонка въ короткой овчинѣ и накинутомъ сверху зипунѣ. Онъ похлопываетъ галицами одна о другую, приплясываетъ лаптями по грязи и безпрестанно покрикиваетъ на воловъ. «Ну, цобъ-цобе, вислоухіе»!—Поравнялись.

— Куда ѣдете?—опросилъ старикъ, зорко и внимательно оглядывая обозъ.

— Въ городъ,—отвѣчалъ пѣшій мужикъ.

— Пшеничка, что-ль?

— Пшеничка.

Старикъ слѣзаетъ съ телѣги, и нѣкоторое время идутъ рядомъ молча.

— А почемъ?—спрашиваетъ наконецъ старикъ.

— Семь съ полтиной...—не вдругъ отвѣчаетъ мужикъ.

— Да что ты?—ужасается старикъ.

— А ты какъ думалъ?—Мужикъ вдругъ мрачно оживляется.—Горевое дѣло! Да это еще что! Анадысь наши Туркину по семи ссыпали! Чистый разоръ! Да погодка-то еще стоитъ,—мга, сиверко,—не приведи Богъ... Животовъ всѣхъ порѣжешь въ отдѣлку по эдакой дорогѣ...

Опять молчанье и шлепанье лаптей по грязи.

— А ты—тоже въ городъ, значитъ?—спрашиваетъ мужикъ.

— Да-а,—уныло протягиваетъ старикъ и оглядывается на лежащаго въ телѣгѣ парня. Мужикъ тоже смотритъ на него и догадывается, въ чемъ дѣло.

— Надо быть,—сдавать?

— Сдавать...

— Сынка, знать?

— Не... племяша...—неохотно отвѣчаетъ старикъ, потомъ торопливо садится на телѣгу, подбираетъ вожжи и снова начинаетъ понукать лошадей: «Ну, малютки, отдохнули! Потрогивай,—недалече осталось...» Лошади прибавляютъ шагу, и обозъ остается позади.

А парень все также неподвижно лежитъ въ телѣгѣ и смотритъ въ небо застывшими глазами. Онъ не чувствуетъ холода и сырости, не чувствуетъ тряски, не видитъ пустынныхъ полей, кургановъ и стоговъ сѣна. Съ того самаго дня, какъ надъ нимъ разразился неожиданный ударъ, онъ перестало думать, соображать, ощущать. Онъ какъ-будто окаменѣлъ; онъ не помнилъ дней, не видѣлъ, что дѣлается кругомъ, не думалъ о будущемъ. Все для него пропало, исчезло, остались только одни воспоминанія... и какія хорошія воспоминанія! Вотъ и теперь, лежа подъ рогожей и глядя въ сѣрое небо, онъ совсѣмъ не видитъ тяжелыхъ тучъ и мглы, нависшей надъ нимъ. Напротивъ, ему кажется, что небо такое синее, безоблачное, все залитое ослѣпительнымъ блескомъ золотого солнышка. А вонъ и рѣчка плещется; у рѣки шумятъ сѣдыя ветлы; зеленая осока глядитъ въ неподвижную глубь. На плоту, подъ ракитами, стоитъ Ольгунька... Она моетъ бѣлье и хохочетъ, — зубы такъ и сверкаютъ, какъ жемчуги. Яшка стоитъ около нея и тоже хохочетъ. Дѣло, по поводу котораго они смѣются, очень хорошее и близкое для нихъ дѣло. Они оба обдумали его еще давно, въ тотъ самый день, когда дядя Авдѣй засталъ ихъ вмѣстѣ за скирдами и отхлесталъ обоихъ свяслами по спинѣ. Но свясла не подѣйствовали, а только еще болѣе сблизили ихъ и подвинули впередъ ихъ завѣтное обоюдное дѣло. Самъ дядя Авдѣй не препятствовалъ этому дѣлу и, смѣясь, часто говаривалъ, что вотъ придется вѣрно, обмолотивъ пшеничку, варить брагу, да и идти къ попу съ поклономъ. Однимъ словомъ, все шло, какъ по маслу... и вдругъ неожиданный ударъ... Съ этого времени все померкло для Яшки.

Дядя Авдѣй — тотъ самый старикъ, который везетъ теперь Яшку въ городъ, — былъ самый зажиточный и кряжистый мужикъ въ Захоперьи. У него своя собственная «вѣчная» земля — 5 сотенниковъ (12 десятинъ), хорошая мельница на Хопрѣ, большая пятистѣнная изба, огородъ и конопляники. Семья у него тоже порядочная: три дочери, два сына, да за хозяйку жила еще бѣдная дальняя родственница съ сыномъ—вотъ этимъ самымъ Яшкой. Старухи у него давно уже не было, — она померла вмѣстѣ съ двумя старшими сыновьями въ холерный годъ, а онъ, хоть и былъ въ то время еще въ силѣ мужикъ, но жениться вдругорядь не захотѣлъ, не желая вносить раздоръ въ семью, гдѣ были уже большія дочери. Вообще, дядя Авдѣй былъ старикъ съ разумомъ, справедливый старикъ, и очень гордился тѣмъ, что всю

жизнь свою жилъ «по правдѣ», не совершивъ ни разу дурного дѣла. Напримѣръ, онъ при своемъ достаткѣ, выдѣлявшемъ его изъ ряда другихъ его односельцевъ, могъ-бы легко сдѣлаться міроѣдомъ, кулакомъ и держать въ рукахъ не только все свое село, но и окрестныя, но онъ этого не дѣлалъ. А между тѣмъ ему ничего не стоило-бы увеличить свое состояніе впятеро и вдесятеро, — стоило только поприжать хорошенько своихъ сосѣдей, которыхъ онъ отлично понималъ и зналъ всю ихъ подноготную. Но ни одна кулацкая продѣлка ни разу не омрачала свѣтлой совѣсти дяди Авдѣя, и откладывая ежегодно въ кубышку нѣсколько десятковъ лишнихъ рублей, онъ по всей справедливости могъ сказать, что деньги эти нажиты имъ «по-Божьему», «по правдѣ», что никого онъ не прижалъ, не ограбилъ, никого не заставилъ пролить лишней слезы на свѣтѣ. Но не будучи кулакомъ и міроѣдомъ, Авдѣй въ то-же время не былъ и милостивцемъ, мірскимъ благодѣтелемъ. Онъ терпѣть не могъ нищенства и нищихъ, и никогда не подавалъ милостыни, за что его многіе не любили и называли скаредомъ. Онъ не терпѣлъ лѣни, распущенности, нужды и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на бѣдныхъ и захудалыхъ мужиковъ. Онъ судилъ по себѣ, и его хотя смѣтливый, но узкій умъ не могъ примириться съ мыслью, что могутъ быть въ жизни человѣка такія обстоятельства, которыя, помимо его воли, разорятъ его и заставятъ выбиться изъ колеи. Дядя Авдѣй разсуждалъ приблизительно такъ: вотъ я мужикъ, я никогда никого не грабилъ, не надувалъ, не нищенствовалъ—и живу хорошо, ни въ чемъ не нуждаюсь. Слѣдовательно и всякій мужикъ, если захочетъ, можетъ также устроиться. А если онъ бѣдствуетъ, если ходитъ побираться, — стало быть, самъ и виноватъ. Этотъ силлогизмъ, выработанный имъ на опытѣ собственной жизни, былъ основаніемъ всѣхъ его нравственныхъ устоевъ, и сбить съ него дядю Авдѣя было невозможно. Въ долгъ онъ тоже никогда никому не давалъ, хоть тутъ разревись передъ нимъ и цѣлый день валяйся въ ногахъ. Зато, нанявши работника, онъ кормилъ его какъ на убой, плату давалъ хорошую, и при разсчетѣ, если работникъ «заслужилъ»,—не пьянствовалъ, не лѣнился, берегъ добро и скотину,— часто давалъ прибавку. Поэтому работники жили у него подолгу, а одинъ изъ нихъ—старикъ Левонъ,—такъ до того прижился, что считался совсѣмъ членомъ семьи, и Авдѣй во всемъ ему довѣрялъ, какъ родному брату. На мельницѣ у дяди Авдѣя тоже были свои порядки. За помолъ онъ лишняго не бралъ, какъ другіе мельники, не прибавлялъ ничего, но и даромъ или въ долгъ никому не мололъ. Изъ-за этого тоже часто выходили непріятности.

— Смели, Авдѣй Семенычъ, въ долгъ!—умоляетъ его мужикъ, привезшій на мельницу послѣдній куль ржи. — Я тебѣ, родимый, осенью все отсыплю, да еще съ походомъ, убей меня Богъ, отсыплю!

10*

Авдѣй Семенычъ молчитъ.

— А, Авдѣй Семенычъ?—ноетъ мужикъ. — Ей Богу, послѣдній куль доѣдаемъ! Вѣдь съѣдимъ, тогда хоть околѣвай! Не убудетъ у тебя отъ гарнца-то... А?

— Сказано, не буду въ долгъ молоть,—говоритъ наконецъ дядя Авдѣй.—Знаешь вѣдь мое положенье-то, чего-же разговаривать.

— А то смели,—уговариваетъ мужикъ.—Лопни мои глаза, отдамъ ужо. И съ походомъ.

— Ну нечего калякать-то! Коли хочешь—засыпай, а не хочешь—проваливай. И походу твоего мнѣ не надоть. А насильно я тебя не заставляю.

Мужикъ, нечего дѣлать, засыпаетъ и, смоловъ рожь, отъѣзжаетъ отъ мельницы, разражаясь бранью.

— Погоди, старый чортъ! погоди!—стоитъ въ воздухѣ его вымученная голодомъ ругань.—Погоди, накажетъ Господь, все хлынью пойдетъ! Не разживешься отъ моихъ сиротскихъ гарнцевъ, убей меня Богъ, не разживешься! Господь-то онъ видитъ!

А Авдѣй Семенычъ стоитъ на крыльцѣ и, нисколько не смущаясь проклятіями мужика, посмѣивается себѣ въ бороду. «Ладно, ругайся! Знаю я тебя, кабашника, все равно пропьешь гарнецъ-то! Эхъ, чудной народецъ!»

И онъ съ спокойной совѣстью садится за столъ, съ спокойной совѣстью спитъ по ночамъ, и никакія тяжелыя видѣнія не безпокоятъ его сна. Да и отчего ему не спать? Конечно, онъ хорошо знаетъ, что для бѣднаго мужика гарнецъ ржи значитъ очень много—гораздо больше, чѣмъ для него, у котораго 5 сотенниковъ «вѣчной» земли и амбары полны хлѣба, но еще лучше ему извѣстно, что мужикъ все равно отъ гарнца не разбогатѣетъ и что, давши одному льготу, надо ужъ и другимъ тоже давать, а это для собственнаго кармана будетъ накладно. И сладко спится Авдѣю Семенычу!

Мужики, впрочемъ, ругая его при случаѣ, все-таки уважали своего суроваго мельника. Они сами хорошо понимали, что не давать въ долгъ—резонъ, потому что всѣ они въ одинъ прекрасный день могутъ оказаться банкротами и не заплатить своихъ долговъ. Притомъ многіе изъ нихъ въ душѣ сознавали, что очутись они на мѣстѣ Авдѣя, точь въ точь стали-бы поступать такъ-же, какъ и онъ. И поэтому, когда первое зло сходило, всѣ снова ѣхали на мельницу къ Авдѣю, зная, что онъ-то уже не обочтетъ, не обмѣритъ, а поведетъ дѣло по Божьему. «Справедливый мужикъ!»

Въ общественныхъ дѣлахъ Авдѣй велъ себя не менѣе своеобразно. Онъ презиралъ, напримѣръ, учрежденіе общественныхъ запасныхъ магазиновъ, потому что они были всегда пусты, и часто на сходкахъ пред-

лагалъ ихъ уничтожить; не вѣрилъ въ благодѣтельность хлѣбныхъ ссудъ крестьянамъ, которыя, по его мнѣнію, только способствуютъ пьянству и распущенности, и совершенно не раздѣлялъ мужицкихъ надеждъ на мифическій «черный передѣлъ», который въ будущемъ долженствовалъ «всѣхъ уровнять» и всѣхъ осчастливить. «Сказки это все!—говорилъ онъ. — Дожидайся! Виданное-ли это дѣло, чтобы землю взяли, да мужикамъ всю и отдали! Гдѣ это такіе мужицкіе радѣтели существуютъ? Нѣтъ, ты на это не надѣйся, а не будь-ка самъ плохъ, да держись за свое и зубами и когтями, вотъ тебѣ хорошо и будетъ!»

И когда на сходкѣ рѣшался какой-нибудь вопросъ относительно ссуды, или сложенія недоимокъ, или чего-нибудь еще въ этомъ родѣ, Авдѣй всегда былъ одинъ противъ цѣлаго общества и шелъ въ разрѣзъ съ мнѣніемъ всего села.

— Обидно, Авдѣй Семенычъ!—говорили ему мужики.—Ты ровно и не нашъ, не общественникъ. Неужто ужъ тебѣ не порадѣть за своихъ-то, за общество? Неужто мы тебѣ чужіе, что ты намъ добра не желаешь?

— А, ну васъ!—осаживалъ ихъ Авдѣй.—Пустое все это вы затѣваете, потому я и не радѣю. Какое вы общество, когда сами себѣ помочь не можете? Тамъ, глядишь, дыра, тутъ прорѣха, а вы хотите на старое новую заплату накладывать. Пуще разорвется, вѣрно говорю!

— А какъ-же, по твоему?

— Да такъ-же! Вы вонъ лучше-бы взяли, да кабаки и закрыли, глядишь, въ каждомъ дому за годъ-то прибавка и объявится. Вѣдь изъ васъ каждый, чай, цѣлковыхъ на полтора, а то и на два, вина выпьетъ. А на эти денежки взять-бы, да у Крутцовскаго барина землю и арендовать, да общественную запашку сдѣлать, вотъ-бы дѣла-то и пошли. Такъ-то! Извѣстно, свой кусочекъ малъ, да дорогъ, а чужой коровай и великъ да проку въ немъ нѣтъ, потому, чужого добра не жалко. Вѣрно-ли я говорю?

Мужики поддакивали, но ссуду все-таки брали, и когда на будущій годъ имъ, кряхтя и почесывая спины, приходилось возвращать ее, Авдѣй посмѣивался. «Что, говорилъ я вамъ давишь? Великъ чужой коровай, а сытости въ немъ нѣту! Припасайте-ка, Господи благослови, свой!»

— Да, хорошо тебѣ, старому чорту, пѣть, когда у тебя куры не клюютъ!—ворчали мужики.

Одинъ только разъ Авдѣй Семенычъ явился благодѣтелемъ, да и то къ своей собственной выгодѣ. У него была дальняя родственница, вдова, которая жила больше по людямъ и нищенствовала. Но однажды она заболѣла ревматизмомъ, и пришлось ей очутиться чуть не на улицѣ. Нечего дѣлать, надо было идти къ сватьюшкѣ, Авдѣю Семенычу, хотя

и не надѣялась она на него, потому что хорошо знала его нравъ и обычаи. Ударилась она ему въ ноги и съ воемъ просила принять ее въ домъ.

— Все тебѣ буду робить, родименькій! Полы мыть, стирать, стряпать, за скотиной ходить по силѣ-мочи, только не оставь меня, безталанную...

«Ну, какая отъ тебя работа?» подумалъ Авдѣй и хотѣлъ было отказать. Но съ бобылкой былъ сынъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти; старикъ взглянулъ на него попристальнѣе, задумался и сказалъ: «ну Богъ съ тобой—оставайся!»

Старуха разсыпалась въ благодарностяхъ, величала его благодѣтелемъ, защитникомъ... но она и не подозрѣвала, что у Авдѣя Семеныча былъ особый разсчетъ, что не даромъ онъ такъ скоро согласился принять ее къ себѣ въ домъ. Дѣло въ томъ, что при большомъ хозяйствѣ у Авдѣя въ дому былъ недостатокъ въ работникахъ. Дочерей считать нечего, дѣвка, извѣстно, отрѣзанный ломоть, а сыновей только двое, да одинъ изъ нихъ еще по улицѣ безъ штановъ бѣгалъ. Конечно, пока самъ онъ въ силѣ, хозяйство будетъ крѣпко стоять, но когда старшій сынъ подростетъ, а онъ захирѣетъ, дѣла должны непремѣнно пошатнуться. Сынъ еще молодъ будетъ, чтобы управляться одному, а на наемныхъ, исключая развѣ одного Левона — плоха надежда. Да и Левонъ уже старъ становится; помретъ — другого такого не скоро найдешь. Пріютивъ-же у себя, какъ родного, посторонняго мальчика, онъ вводилъ въ домъ лишняго работника, который, работая не по найму, а будучи самъ заинтересованъ въ дѣлѣ, конечно, будетъ усердствовать и радѣть о хозяйствѣ, какъ о своемъ собственномъ. А мальчикъ былъ, видно, шустрый, смышленый и очень понравился Авдѣю Семенычу. «Славный работникъ будетъ!» думалъ Авдѣй Семенычъ, глядя въ подвижное личико и бойкіе каріе глазенки пріемыша. И дѣйствительно Яшка былъ парень хоть куда. Онъ такъ и носился по двору, по избѣ, по огороду; тамъ скотину сводитъ на водопой, тутъ хлѣвъ вычиститъ и соломки свѣжей коровамъ подстелетъ, здѣсь грядки вскопаетъ и плетень приладитъ, что твой большой работникъ. Авдѣй былъ доволенъ...

Время шло, дѣла Авдѣевы шли въ гору, дѣти подростали. Яшка и Гаврилка, старшій сынъ Авдѣя, были однолѣтки, и старикъ сталъ подумывать о томъ, чтобы ихъ женить. Оба парня выросли молодцами и хорошими работниками; старшая дочка, Ольга, тоже выровнялась въ красивую, статную дѣвку. И когда для нея наступила 17-я весна — Авдѣй своимъ зоркимъ глазомъ сталъ замѣчать у себя въ дому, что-то неладное... Охъ, вы, весеннія ночки душистыя, соловьиныя!..

Но на Авдѣя Семеныча эта душистая весна подѣйствовала совсѣмъ не такъ, какъ на его дочку, Ольгуньку. Онъ сильно нахмурился...

Потомъ подумалъ, снова поразмыслилъ, и лицо его прояснилось. Въ головѣ старика сложился новый планъ. Онъ пересталъ обрывать Ольгу, пересталъ коситься на Якова и только добродушно ухмылялся въ бороду, когда заставалъ ихъ за какими-нибудь невинными шалостями. Разъ выйдя на огородъ тесать колья, онъ наткнулся на такую сцену. Яшка норовилъ подойти къ Ольгунькѣ, а Ольгунька изо всѣхъ силъ колотила его лопатой по спинѣ. Наконецъ Яшка какъ-то изловчился и схватилъ таки ее въ охапку; Ольгунька при этомъ ужасно визжала и отбивалась, и кончилось все это дѣло тѣмъ, что оба поцѣловались такъ крѣпко, что Авдѣй, наблюдавшій изъ-за плетня всю эту сцену съ начала до конца, только сказалъ: «эхъ»! Но вмѣсто того, чтобы хорошенько припугнуть ихъ и разругать, онъ только цыкнулъ такъ громко, что они разбѣжались въ разныя стороны, а самъ пошелъ домой, ласково улыбаясь и твердя про себя: «Ахъ, шельмецы эдакіе, ну, шельмецы! Ахъ, курицыны дѣти, гляди, что удумали, а? Что ты съ ними подѣлаешь»...

Однако онъ до поры, до времени наказалъ Яшкиной матери строго слѣдить за молодежью, а Яшкѣ объявилъ, что если онъ будетъ держать себя поскромнѣе, то черезъ годикъ-другой можно будетъ и свадьбу сыграть. При этомъ Авдѣй Семенычъ прибавилъ, что какъ только Яковъ женится на Ольгунькѣ, такъ онъ совсѣмъ войдетъ въ ихъ домъ на правахъ сына и дольщика въ общемъ трудѣ и капиталѣ.

Яковъ и Ольгунька были на седьмомъ небѣ и у нихъ только и разговору было, что о будущей свадьбѣ. Они перестали прятаться за плетнями и одоньями, а чаще всего въ сумерки садились гдѣ-нибудь на приступочкѣ, у крыльца, и шушукались. Чего-чего только они не переговорили, какихъ плановъ не строили. Иногда къ нимъ подсаживался и Гаврила, и они втроемъ принимались мечтать, какъ они хорошо и счастливо заживутъ, когда поженятся... А тѣмъ временемъ Авдѣй, прислушиваясь къ разговорамъ молодежи, исподволь пріискивалъ невѣсту и Гаврилѣ.

Прошелъ годъ. Однажды Авдѣю пришлось быть по дѣлу въ волостномъ правленіи и тамъ, между прочими разговорами, волостной писарь сказалъ ему:—а кстати, Авдѣй Семенычъ, Гаврила-то твой въ будущемъ году на призывѣ?

Авдѣя точно обухомъ по головѣ ударили.

— Какъ такъ на призывѣ? вымолвилъ онъ.

— Да такъ. Что это ты, аль позабылъ. Вотъ гляди ка...

И писарь сталъ рыться въ книгахъ. Но Авдѣй его не слушалъ больше и самъ не свой вышелъ изъ волостного. Устраивая судьбу своихъ дѣтей, онъ совершенно позабылъ о солдатчинѣ, да притомъ-же ему всегда почему-то казалось, что Гаврила—льготный. И вдругъ ему объявляютъ, что никакой льготы нѣтъ и что Гаврила,—этотъ золотой

работникъ, отцовъ любимецъ, надежда семьи—долженъ идти подъ красную шапку. Авдѣй былъ ошеломленъ. Придя домой, онъ никому ничего не сказалъ и залегъ на печь. Тоска грызла его; сердце ныло.

«Какъ такъ, думалъ онъ, ворочаясь на печи. Гаврюху въ солдаты... Съ кѣмъ-же я-то тогда останусь? Положимъ, Яшка... и Ѳедька подростаетъ—15-й годокъ пошелъ съ Успенья. Но что Яшка? Яшка—чужакъ, а Ѳедька малъ еще, въ силу не взошелъ, да и далеко ему до Гаврюхи. Гаврюха—золото; онъ въ Ѳедькины-то года вонъ какъ ворочалъ. А Ѳедькѣ только-бы на улицѣ погулять, пѣсни пѣть... Нѣтъ, никакъ невозможно безъ Гаврюхи. Сыночекъ ты мой родненькій, неужто-же тебѣ горе горевать на чужой сторонкѣ»...

И скудная старческая слеза въ первый разъ въ жизни выступила на глазахъ Авдѣя. Всю ночь не спалъ Авдѣй,—все ворочался, а когда всталъ—семейскіе его не узнали. Подался мужикъ,—осунулся и поблѣднѣлъ. Когда сѣли завтракать, и Гаврила сталъ рѣзать хлѣбъ,—Авдѣй взглянулъ на него, и ему сдѣлалось тошно. Онъ вышелъ изъ за стола и снова полѣзъ на печь.

— Ты что это, батюшка, аль неможется?

Авдѣй только рукой махнулъ.

Скоро по всему селу стало извѣстно, что Авдѣева Гаврюху въ будущемъ году забреютъ. Семейскіе горевали; Авдѣй былъ неузнаваемъ. Старый крѣпкій дубъ въ одночасье пошатнулся. Онъ сдѣлался разсѣянъ, часто на мельницѣ перепускалъ муку, забывалъ брать за помолъ, а его самодовольная гордая усмѣшка смѣнилась двумя глубокими морщинами на щекахъ. Въ семьѣ онъ сталъ придирчивъ и на всѣхъ по-старчески брюзжалъ, чего съ нимъ прежде небывало. Засмѣется кто-нибудь—зачѣмъ смѣешься; заплачетъ, задумается кто-нибудь изъ дѣвокъ,—зачѣмъ скулятъ,—«сердце вымаютъ». Въ особенности онъ преслѣдовалъ Яшку, и бѣдный парень, случалось, шагу ступить не могъ безъ того, чтобы не получить окрика. А иной разъ вдругъ уставится на Яшку и смотритъ пристально такъ... и задумается... Что онъ такое думалъ въ эти минуты—Богъ его знаетъ, но видно нехорошія это были думы, потому что у Яшки отъ его взгляда даже морозъ по кожѣ подеретъ.

Впрочемъ, Яшка не очень задумывался и смущался. Сначала они съ Ольгунькой погоревали тоже, заодно съ семьей, объ участи Гаврюхи, но мало-по-малу утѣшились и снова предались мечтамъ о свадьбѣ, которая была уже не за горами. Ихъ счастье было слишкомъ велико, чтобы въ душѣ ихъ оставалось много мѣста для чужого горя. И также свѣтлы были ихъ мечты, также жгучи и ласковы взгляды, также сладки поцѣлуи, которыми они обмѣнивались украдкой, гдѣ-нибудь въ сѣнцахъ или сидя на приступкѣ въ потемкахъ. Вмѣстѣ съ семейнымъ

горемъ надзоръ за ними ослабъ,—не до нихъ было,—и они жадно ловили каждую минутку, чтобы побыть вдвоемъ, досыта нацѣловаться, досыта наглядѣться другъ на друга.

А Авдѣй все думалъ... Цѣлыя ночи напролетъ проводилъ онъ безъ сна, ворочаясь съ боку на бокъ.—«Не дамъ, не дамъ... шепталъ онъ, неподвижно уставя глаза въ ночную тьму.—Не бывать этому,—не таковскій Авдѣй Семенычъ! Что-жъ, я даромъ что-ли деньги-то копилъ? Даромъ горбъ гнулъ 50-то слишкомъ лѣтъ! Нѣтъ, постой,—неладно эдакъ-то будетъ... Постой,—вызволю я тебя, Гаврюха, отъ солдатчины... Не уйдешь ты отъ меня»...

И онъ придумалъ... Авдѣй Семенычъ, «справедливый мужикъ», такъ гордившійся своей честностью и ни разу въ своей жизни не покривившій душой,—задумалъ темное дѣло и рѣшился сдѣлать «не по Божьему».

Какъ это случилось—объ этомъ знаетъ только темная ночь, да завѣтная кубышка съ деньгами,- только передъ самымъ наборомъ вдругъ оказалось, что идти въ солдаты придется не Гаврилѣ, а пріемышу—Яшкѣ. Гаврилѣ будто-бы вышла какая-то льгота, а Яковъ—пріемышъ очутился на очереди. Такъ слѣдовало по закону. Правда, на селѣ смутно толковали, что дѣло тутъ не чисто, что Авдѣй «откупился» и не по правдѣ сдѣлалъ, но слухи эти были черезчуръ туманны и бездоказательны, чтобы имъ можно было придавать какую-нибудь вѣру. Кто говорилъ и почему—никому хорошенько не было извѣстно, да и мало-ли чего зря болтаютъ? Поди, доказывай, когда самъ писарь говоритъ, что по закону надо Якову идти въ солдаты. И бѣднаго Яшку забрили, а Гаврила, къ своему великому удивленію, остался въ дому хозяиномъ.

Ольгунька и Яковъ были какъ громомъ пришиблены. Яшка ходилъ какъ полоумный и совсѣмъ лишился языка; Ольгунька то плакала. колотясь головой объ стѣну, то замирала и по цѣлымъ часамъ лежала неподвижно, безъ звука и дыханія. Авдѣй былъ мрачепъ и молчаливъ. Онъ избѣгалъ смотрѣть на Якова и Ольгу и то уходилъ изъ дому и пропадалъ цѣлыми днями на мельницѣ, то вдругъ начиналъ за ними ухаживать, покупалъ имъ разныхъ гостинцевъ на базарѣ и самъ плакалъ, когда Ольгунька, задыхаясь и охрипши отъ визгу и причитаній, вдругъ падала на полъ какъ мертвая. Хладнокровнѣе всѣхъ къ Яшкину несчастію отнеслась его мать. Она поплакала, повыла себѣ втихомолку, потомъ дѣятельно принялась собирать сыну въ дорогу бѣлье, какіе-то узелки, образочки, и напекла пироговъ и ватрушекъ. Ей, въ ея многострадальной жизни, уже такъ привычны были всякія бѣды и несчастія, что и это послѣднее она принимала какъ должное и неизбѣжное.

Но больше всѣхъ изъ семьи былъ огорченъ и пораженъ Гаврюха. Онъ и всегда былъ парень неговорливый и сосредоточенный, а тутъ и совсѣмъ затихъ и только вздыхалъ, глядя на сестру и «брательника»,— какъ онъ называлъ Якова. Въ его большой кудрявой головѣ бродили какія-то странныя мысли... и однажды, оставшись наединѣ съ отцомъ, онъ вдругъ заговорилъ:

— Батюшка, а что я думаю?

— Ну? спросилъ Авдѣй разсѣянно.

— Что кабы мнѣ за Яшку въ солдаты идти... чай, вѣдь можно это? Я желаю... чего мнѣ? Кабы еще женатый, ну тогда такъ... а то не могу я смотрѣть, какъ они съ Ольгунькой убиваются...

Авдѣй весь поблѣднѣлъ и затрясся,— лицо его исказилось. Гаврюха никогда еще не видалъ его такимъ...

— Поговори еще у меня... проговорилъ онъ удушливо и, погрозивъ сыну кулакомъ, вышелъ изъ избы. Тѣмъ дѣло и кончилось.

...И вотъ, наконецъ, Яковъ съ Авдѣемъ ѣдутъ въ городъ. Холодная сырость осенняго дня и однообразіе пустынной степной дороги смѣнили дико-безобразную сцену прощанья. Въ ушахъ не слышно болѣе криковъ и воплей; передъ глазами нѣтъ искаженныхъ отчаяньемъ лицъ. Тихо въ степи... но на душѣ у Авдѣя еще тяжелѣе, чѣмъ было дома. Передъ нимъ неотступно стоитъ какой-то огромный, безобразный призракъ—и насмѣхается ему въ глаза, и киваетъ, и указываетъ на него пальцемъ. По временамъ Авдѣю дѣлается страшно... Въ его ушахъ до сихъ поръ стономъ отдается пронзительный крикъ Ольгуньки: «Батюшка родимый, воротись»... «Нѣтъ, поздно, дочка, воротиться... Господи, прости меня, грѣшнаго»... шепчетъ Авдѣй и, чтобы отогнать отъ себя страшныя мысли, начинаетъ нажаривать лошадей. Но и лошади плохо идутъ. Мгла дѣлается все гуще и непрогляднѣе...

А Яшкѣ все солнышко видится.—Вотъ они съ Ольгунькой одонья кладутъ. Онъ стоитъ наверху, а Ольгунька снизу подаетъ ему на вилахъ большущіе снопищи. Да все, шельма, норовитъ въ него снопомъ попасть. То какъ слѣдуетъ подаетъ, а то нѣтъ-нѣтъ да какъ размахнется— Яшка такъ кубаремъ и покатится. Хохочетъ Яшка—весело ему. Подымется онъ, отряхнется, да въ свою очередь тоже снопомъ въ Ольгуньку...

— Перестань, меринъ гладкій! слышится снизу веселая брань.—Вонъ батюшка-то идетъ,—онъ-те задастъ...—А онъ ржетъ,—и-ихъ!

Оба на минутку замолкаютъ и серьезно начинаютъ класть снопы. А потомъ—глядь! опять снопъ взлетаетъ кверху, и опять Яшка кувыркается и ржетъ.

— Эхъ Ольгунька! Ольгунька, гдѣ-ты? Ольгунька-а!..

— Яша, а Яша! расталкиваетъ его Авдѣй, услыша болѣзненный стонъ изъ подъ рогожи.—Калачика не хошь? На, закуси калачика...

Яковъ поднимаетъ голову изъ подъ рогожи и безсмысленно смотритъ на Авдѣя.

— Не, не хотца... говоритъ наконецъ онъ, понявъ вопросъ.

— Экой ты какой... Что ты? Ну Христосъ съ тобой, лежи.

Въ глазахъ Якова выражается кромѣшная тоска. На минуту эта ѣдкая сырость осенней мглы и колючія иглы, сыплящіяся съ неба, отрезвляютъ его и приводятъ къ сознанію дѣйствительности. «Господи, да неужто-же конецъ? И не вернемся въ Захоперье, не увижу я Ольгуньки... Да что-же это, Господи! За что? Будьте вы всѣ прокляты... Ольгунечка, прощай, родная»...

Онъ забирается подъ рогожу и начинаетъ беззвучно рыдать. Но мало-по-малу рыданія затихаютъ, глаза его опять становятся стеклянными, и сердце какъ будто деревянѣетъ. Снова сѣрое небо уходитъ куда-то далеко-далеко... а надъ нимъ ярко сіяетъ солнышко, и одна другой ярче встаютъ картины недавняго прошлаго.

Выѣхали на большую дорогу. Замелькали верстовые столбы, обозовъ стало попадаться больше, пронеслась почтовая тройка, звеня колокольчикомъ. Смеркалось. Вдали изъ тумана вырисовались неясныя очертанія пригороднаго женскаго монастыря и замигали огоньки. Городъ.

— Яша, пріѣхали. Ты бы сѣлъ, родимый, а то, чай, тебѣ неловко, пристаетъ къ Якову Авдѣй. Но Яковъ молчитъ; неподвижные глаза его пугаютъ Авдѣя, и онъ отворачивается.—Вотъ и бѣлая монастырская стѣна, столбъ съ образомъ Казанской Божьей Матери и около него низко кланяющаяся монахиня съ кружкой. Вотъ и знакомая базарная площадь, ряды лавокъ, соборъ. Авдѣй поднялъ было по привычкѣ руку, чтобы перекреститься,—и вдругъ почувствовалъ, что не можетъ этого сдѣлать... Сердце его захолонуло... и приподнявшись на облучкѣ, онъ что есть мочи принялся нахлестывать лошадей.

II.

Былъ конецъ ноября. Безпрерывные дожди прекратились и солнце, наконецъ, кое-какъ выбралось сквозь тяжелыя тучи и какъ-то робко, однимъ глазкомъ, поглядываетъ на городъ. Стало повеселѣе. Блестятъ кресты на колокольняхъ, ярко бѣлѣютъ стѣны домовъ, мокрыя крыши такъ и лоснятся. Вездѣ лужи и грязь непроходимыя, но даже и въ нихъ сверкаютъ и разсыпаются веселые солнечные лучи. Базаръ волнуется и шумитъ. Кулаки въ длинныхъ грязныхъ чуйкахъ кучками ходятъ около возовъ съ зерновымъ хлѣбомъ и до одуренія торгуются съ мужиками въ тулупахъ и зипунахъ. Точно стая голоднаго воронья надъ

падалью—вьется ихъ жадная толпа у возовъ, сбивая цѣны, устраивая стачки и за безцѣнокъ скупая пшеницу, просо, рожь. Мужики выхваляютъ свой товаръ; то и дѣло слышатся возгласы: «золото, а не пшеничка! Бисеръ, а не просо»! Но кулакъ повидимому совершенно равнодушно и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ глядитъ на просо, пшеницу, и только внимательный глазъ можетъ замѣтить, какъ трясутся у него руки, когда онъ беретъ зерно въ горсть и начинаетъ пересыпать его съ ладони на ладонь. И въ самомъ дѣлѣ,—словно золото сыплется крупная пшеница—и кулакъ невольно залюбовался, и въ глазахъ его бѣгаютъ огоньки. «Эхъ хороша!» готово сорваться у него съ языка,—но онъ вдругъ овладѣваетъ собою, бросаетъ пшеницу обратно въ возъ и, отходя, сквозь зубы бормочетъ: «6 съ полтиной,—больше никакихъ»... Мужикъ безпомощно оглядывается, но вокругъ него все тѣ-же волчьи, жадныя и холодныя лица, и тоскливо замахавъ руками, онъ кричитъ въ догонку уходящему... «Эй, эй, поштенный! Купецъ! Вернись... Постой-ка»!..

Хлѣбъ—центръ всего базара. Куда ни глянь,—все возы, возы, возы. За полцѣны идетъ и пшеничка—«словно золото», и просо—«что твой бисеръ»,—и все то, изъ-за чего мужикъ цѣлое лѣто бился, потѣлъ и надрывался, какъ каторжный. Впрочемъ не съ однимъ только хлѣбомъ приходится ему сегодня разставаться,—есть у него кое-что и подороже хлѣба...

Миновавъ соборную площадь и пройдя нѣсколько зигзаговъ кривыхъ немощенныхъ улицъ,—выйдемъ за городъ. Среди кучи дряхлыхъ мѣщанскихъ домишекъ возвышается большое кирпичное зданіе. Это казармы. Около нихъ тоже что-то въ родѣ базара.—толпится народъ, въ сторонѣ тянется вереница телѣгъ,—иныя распряжены. Подъ телѣгами, у стѣнъ казармъ и просто на лужайкѣ расположились отдѣльныя группы. Что ни группа, то сцена. Вотъ у телѣги, на землѣ, прислонясь къ поднятымъ оглоблямъ, сидитъ молодая баба въ красномъ платкѣ и кормитъ грудью ребенка; около нея, облокотясь на грядку, стоитъ неуклюжій молодой солдатикъ. Мундиръ на немъ въ обтяжку, и видно, что солдату въ немъ тѣсно и неловко. Новенькое кепи постоянно слѣзаетъ на затылокъ. Поправитъ онъ его и даже съ сердцемъ надвинетъ на лобъ,—глядь, оно опять слѣзло, проклятое. У молодухи глаза припухли; у солдата—носъ красный. Глядятъ они другъ на друга, но молчатъ. Изрѣдка солдатъ протягиваетъ руку къ ребенку и бережно трогаетъ его; при этомъ у бабы навертываются слезы на глаза, и она начинаетъ всхлипывать и сморкаться. И опять молчаніе. Не до разговоровъ... Не вдалекѣ отъ этой парочки расположились трое: старикъ со старухой и такой-же неуклюжій молодой солдатикъ. Старикъ рѣжетъ арбузъ, а старуха—огромные ломти бѣлаго ситника, и оба на перерывъ

суютъ все это солдатику. «Ѣшь родименькій, ѣшь досыта,—солдатская-то ѣда, извѣстно, не скусна»... И солдатъ ѣстъ добросовѣстно, хотя совершенно машинально. На глаза ему то и дѣло набѣгаютъ слезы и капаютъ на арбузъ, но онъ и не замѣчаетъ ихъ какъ-будто и продолжаетъ мужественно жевать ситникъ съ арбузомъ. Вдругъ всѣ эти люди вздрагиваютъ и оборачиваются; окружающую тишину прорѣзалъ чей-то оглушительный свистъ, сопровождающій мотивъ ухарской пѣсни и отчаянные переливы гармоники.

Я-бы рада—перешла
Да переходу не нашла...

. . . .

Эхъ, да солдатикъ молодой,
Да прогуляемся съ тобой ..

И опять разбойничій свистъ... Къ телѣгамъ приближается новая пара. Солдатъ, очевидно, изъ городскихъ мѣщанъ, сильно подъ хмѣлькомъ. Кепи на ухѣ, мундиръ въ разстежку, красная рубаха на выпускъ и въ рукахъ гармоника. Рядомъ съ нимъ, тоже подъ хмѣлькомъ, молодая красивая бабенка въ ярко-зеленомъ шерстяномъ платьѣ, плисовой корсеткѣ и розовомъ шелковомъ платкѣ. Она какъ-то глупо улыбается, безтолково машетъ руками и даже приплясываетъ, что-то визгливо приговаривая;

— Фитьфебель увидитъ... Вотъ тебѣ будетъ отъ фитьфебеля, шальная башка!—проносится между солдатами испуганный говоръ.

— Фитьфебель?—говоритъ молодецъ, пошатываясь и сдвигая кепи еще болѣе на ухо.—А что мнѣ фитьфебель? Плевать—больше никакихъ! Не боюсь я фитьфебеля—сичасъ умереть! Мнѣ теперь все едино трынъ-трава, потому, я солдатъ... Ну, Фроська, небось, жарь, стерва, дюжѣй,—погулямъ на послѣдяхъ!

Ужъ я-жъ тебя не ждала,
Да перевозчика навяла..

Онъ обнимаетъ Фроську, и захлебывающіеся звуки гармоники вмѣстѣ съ свистомъ и пѣсней замираютъ за казарменной стѣной.

Эта сцена произвела на всѣхъ общее удручающее впечатлѣніе. У солдата, ѣвшаго арбузъ, кусокъ остановился въ горлѣ и лицо сдѣлалось тупое и безсмысленное; у старухи ситникъ выпалъ изъ рукъ, а молодуха, сидѣвшая по сосѣдству, такъ и залилась слезами. «Горевое дѣло! проговорилъ старикъ, кормившій сына арбузомъ.—Не красна, видно, солдатчина-то... ишь какъ съ волькой-то разстается»...

Въ этотъ-же день и Авдѣй прощался съ Яшкой. Яшка, какъ и всѣ «гожіе»—уже остриженъ по-солдатски и одѣтъ въ мундиръ и кепи, но лицо его попрежнему деревянно. Только въ глазахъ, когда ему

случается взглядывать на дядю, нѣтъ того тоскливаго недоумѣнія, съ которымъ онъ смотрѣлъ въ сѣрое мглистое небо по дорогѣ въ городъ. Что-то странное мелькаетъ въ нихъ, и губы его сжимаются, брови хмурятся... онъ словно желаетъ разрѣшить какой-то мучительный вопросъ и никакъ не можетъ. Авдѣй избѣгаетъ глядѣть на Яшку; разговоръ между ними не клеится. Перебросятся словомъ-двумя, и замолчатъ. И въ душѣ обоимъ хочется поскорѣе покончить это прощаніе и разстаться.

Первый рѣшается Авдѣй. Онъ вынимаетъ изъ-за пазухи кошель и начинаетъ его развязывать.

— Ну что-же, Яша... На вотъ тебѣ деньжонокъ... Ежели занадобится еще,—отпиши. Да не забудь адрестъ приложить, куда посылать. Чуешь, Яша?

Его рука дрожитъ, когда онъ протягиваетъ Яшкѣ деньги. Яшка нѣкоторое время медлитъ ихъ брать; его лицо еще болѣе хмурится.

— Пошто ихъ—все казенное,—сквозь зубы говоритъ онъ, но Авдѣй настаиваетъ, и Яковъ наконецъ беретъ пачку скомканныхъ бумажекъ и небрежно суетъ ихъ въ боковой карманъ.

Авдѣй видимо страшно волновался. Онъ обнялъ Яшку, перекрестилъ его и троекратно поцѣловалъ... Яковъ почувствовалъ на лицѣ своемъ слезы.

Пошли къ телѣгѣ. Пока Авдѣй усаживался—Яковъ все смотрѣлъ на него и хотѣлъ что-то сказать. Но только-что откроетъ ротъ,—губы затрясутся и слова такъ и застрянутъ въ горлѣ. Но вотъ Авдѣй уже совсѣмъ готовъ; лошади, соскучившіяся стоять на одномъ мѣстѣ, нетерпѣливо перебираютъ ногами.

— Дяденька... Ольгунькѣ-то смотри... того...—вымолвилъ Яковъ и, запнувшись, отошелъ къ лошадямъ и сталъ поправлять на нихъ сбрую, хотя она и безъ того хорошо сидѣла.

Авдѣй завозился на мѣстѣ и тряхнулъ вожжами.

— Ладно... прощай, Яша... Отпиши-же, не забудь... Ну, съ Богомъ!

Телѣга загремѣла по кочкамъ и свернула на дорогу. Видно было, какъ Авдѣй, отъѣхавъ на полсотенника, приподнялся, снялъ шапку и перекрестился нѣсколько разъ. Потомъ усѣлся на мѣстѣ половчѣе, подобралъ вожжи и скоро совсѣмъ исчезъ изъ вида.

Яковъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, и съ каждымъ оборотомъ колеса отъ его сердца что-то отрывалось и отрывалось. Прощай Ольгунька... прощай, матушка... прощай и ты, дядя Авдѣй!.. Конецъ всему... начинается новая, незнакомая жизнь...

На казарменномъ дворѣ загремѣлъ барабанъ; между новобранцами произошла суматоха. Кто-то завылъ... Лицо Якова приняло злое выраженіе и онъ, стиснувъ губы, пошелъ въ казармы.

Прошло 7 лѣтъ, какъ одинъ день. Много перемѣнъ произошло въ эти 7 лѣтъ въ семьѣ Авдѣя Семеныча. Вскорѣ послѣ того, какъ Яшку угнали куда-то далеко, Ольгунька померла. Съ ней приключилась болѣзнь, каждый день раза по два и по три она обмирала. Сидитъ-сидитъ ничего себѣ, и работаетъ, потомъ вдругъ и хлопнется на полъ, точно мертвая. Очнется, выйдетъ, шатаясь, на дворъ и примется кричать въ голосъ, да такъ кричитъ, что тоску на всѣхъ сосѣдей нагонитъ,—даже оторопь возьметъ. Похудѣла, блѣдная стала, какъ воскъ, и таяла она эдакъ понемногу цѣлую зиму. Подъ конецъ до того ослабла, что не могла поднять на плечи коромысла и дойти на рѣчку за водой. Поили ее и водой наговорной, и крѣпкой водкой, и къ фельдшеру возили, и отчитывали—ничего не помогло, а подъ самую страстную субботу она какъ сидѣла за столомъ, такъ и скончалась. Смерть ея ужасно поразила Авдѣя; онъ сразу постарѣлъ на 10 лѣтъ, сгорбился, облысѣлъ, и въ дряхломъ старикашкѣ трудно было найти прежній обликъ бодраго коренастаго мельника. Яшкина мать немногимъ пережила Ольгуньку, и домъ Авдѣя Семеныча опустѣлъ. Пришлось поторопиться съ женитьбой Гаврилы, но и тутъ не обошлось безъ огорченій и непріятностей. Гаврила женился противъ воли отца на красивой, но бѣдной сироткѣ, которая кормилась тѣмъ, что жила въ батрачкахъ у сосѣда. Впрочемъ, Авдѣй скоро примирился съ невѣсткой, потому что Лизавета оказалась золотой работницей и послушной дочерью. Никто никогда не слышалъ отъ нея грубаго слова, а въ домѣ воцарился небывалый порядокъ и чистота. Скотина ходила сытая и веселая; въ избѣ все вымыто, вычищено и блеститъ какъ стеклышко; сундуки ломились отъ холстовъ, столешниковъ и всякаго бабьяго добра. Аленкѣ, которую тоже замужъ выдали, такое приданое дали, какого въ Захоперьи никогда и не видывали, и все это благодаря Лизаветѣ. Но не успѣлъ Авдѣй Семенычъ вдоволь налюбоваться и нарадоваться на Гаврюхино счастье, какъ стряслась новая бѣда. Веселый подростокъ, Ѳедька, повадился ходить въ сосѣдніе выселки на посидѣлки, и тамошніе парни, однажды, такъ его за это исколотили, что Ѳедьку полумертваго притащили домой. Захирѣлъ парень, сталъ харкать печеньями и померъ.

Задумался Авдѣй, даже заговариваться сталъ, и вскорости собрался помирать.

Болѣзнь и смерть его были трудныя. У него открылась грудная водянка, и цѣлые дни и ночи по избѣ раздавался его хриплый клокочущій кашель. Послѣднее время онъ уже не могъ ни сидѣть, ни лежать и, какъ тѣнь, метался изъ избы на дворъ и со двора въ избу.

Было яркое майское утро, когда старикъ почувствовалъ себя особенно худо. Въ избѣ была духота и тишина, только мухи бились въ стекла оконъ, да куры бродили по столамъ и лавкамъ. Всѣ домашніе

разбрелись—кто въ поле, кто по хозяйству. Старикъ, несмотря на свою хворь, никого не хотѣлъ отрывать отъ дѣла, и каждое утро коснѣющимъ языкомъ посылалъ всѣхъ на работу.

— Какъ-же, батюшка, ты-то останешься?—возражали ему семейскіе.—Кое пить подать, кое-что—нешто можно одному?

— Ступайте, ступайте... не надо мнѣ... я самъ...—между припадками удушья говорилъ больной, сердито отмахиваясь.—Неладно это... работа будетъ стоять...

Дальше ничего нельзя было разобрать, потому что начинался удушливый кашель, и все тѣло старика ходенемъ-ходило отъ усилій выкашлять душившую его мокроту.

Семейскіе не возражали, чтобы не сердить его, и упрямый старикъ оставался въ избѣ одинъ-одинешенекъ.

Но въ этотъ сіяющій майскій день имъ вдругъ овладѣла смертная тоска. Тишина давила его; онъ нѣсколько разъ вставалъ, ходилъ и опять ложился, задыхаясь и весь въ поту. Наконецъ онъ не выдержалъ, кое-какъ выползъ за ворота и, остановивъ перваго прохожаго мужика, Христомъ-Богомъ попросилъ его сбѣгать на мельницу и на огородъ за дѣтьми.

«Кончается Авдѣй Семенычъ!» пронеслось по селу, когда священникъ съ причтомъ и со святыми дарами прошелъ въ Авдѣеву избу.

Дѣйствительно, старикъ кончался. Причащенный и особорованный, онъ лежалъ въ переднемъ углу, подъ образами, въ чистой бѣлой рубахѣ, сложивъ крестомъ на груди свои исхудалыя руки, которыя рѣзко выдѣлялись на бѣломъ фонѣ полотна. У дверей толпился народъ; Гаврила, понурившись, сидѣлъ на лавкѣ; Лизавета тихонько всхлипывала за занавѣской, а Аленка и Маврушка выли въ голосъ. Особенно убивалась Мавра, которой шелъ уже 15-й годъ. Кто знаетъ, что ждетъ ее теперь послѣ смерти родителя? Некому будетъ теперь за нее заступиться, если невѣстка вздумаетъ ее обижать; некому будетъ ее приласкать, приголубить, побаловать подарочкомъ на праздникъ.

Умирающій вдругъ приподнялся и, придерживаясь рукою за грудь, въ которой у него уже клокоталъ предсмертный колоколецъ, промолвилъ черезъ силу:

— Выдите всѣ... Гаврюха, ты останься... Поговорить... надоть...

Народъ и всѣ домашніе, исключая Гаврилы, съ глухимъ говоромъ вышли. Отецъ и сынъ остались одни.

— По-дой-ди...—прохрипѣлъ больной, дѣлая легкое движеніе головой.

Гаврила приблизился, не подымая своей кудрявой головы. Авдѣй долго глядѣлъ на сына, и въ его потухающихъ глазахъ выражалась безпредѣльная нѣжность.

— Ну, сынокъ, — помираю... — заговорилъ онъ съ передышками и откашливаньями.—Все тебѣ остается... нажитое мое, кровное. Владай всѣмъ... только не обижай никого. Живи по Божьему, по правдѣ... Плохо, сынокъ, не по правдѣ жить... Тяжко... Мавруху, смотри, не обижай... Замужъ будешь отдавать... корову ей... пеструху... овецъ... деньгами 100 цѣлковыхъ. Пущай не плачется на тебя...

Онъ замолчалъ и судорожно задвигалъ руками,—точно ему нужно было еще что-то сказать, да больно трудно приходилось. Гаврила ждалъ, и его трясла лихорадка.

— Ну... вотъ еще что...—произнесъ наконецъ Авдѣй.—Въ случаѣ, коли Яшка вернется... прими... не обижай... не ссорься... Захочетъ вмѣстѣ жить — пущай... въ отдѣлъ пожелаетъ не препятствуй... 300 цѣлковыхъ деньгами... полъ-избы... лошадь... Безъ обиды чтобы...

Старикъ хотѣлъ еще что-то сказать... можно было даже разобрать слова: «виноватъ я»... но не договорилъ. Лицо его потемнѣло, и опрокинувшись на спину, онъ закашлялся. А въ окно глядѣло синее небо, вѣялъ теплый весенній вѣтерокъ. Откуда-то доносился запахъ цвѣтущей сирени; подъ крышей особенно весело и звонко щебетали ласточки. Гаврила не выдержалъ. Весь блѣдный, въ поту, вышелъ онъ въ сѣни и, повалившись лицомъ на сундукъ, зарыдалъ.

На утро Авдѣй лежалъ уже на столѣ. Въ избѣ было еще душнѣе; восковыя свѣчи коптили и бросали странный отблескъ на неподвижно-строгое, холодное лицо мертвеца. Въ головахъ дьячокъ читалъ псалтырь, а подъ полатями сидѣли Мавруша съ Лизаветой и, перешептываясь, шили саванъ.

III.

Стояла рабочая пора. Чуть свѣтъ, еще до солнышка, все село поднялось и потянулось въ поле. По улицамъ, поскрипывая, ползли возы, нагруженные котлами для каши, мѣшками съ пшеномъ, хлѣбомъ и кизяками. Наконецъ протащился послѣдній запоздавшій возъ, и на селѣ водворилась тишина. Встало солнышко и съ удивленіемъ глядитъ на опустѣвшія улицы, по которымъ только куры бродятъ, да собаки бѣгаютъ, задравъ хвосты. Впрочемъ, не вездѣ пусто; у кабака замѣчается движеніе. На крыльцо вышелъ кабатчикъ, поглядѣлъ на солнце, потянулся и сталъ отворять ставни, мимоходомъ пугнувъ хворостиной чужую собаку, сунувшуюся было въ окно. Потомъ онъ возвратился на крыльцо и, засунувъ руку за поясъ, сталъ глядѣть направо и налѣво.

— Жарынь ноне будетъ!—проговорилъ онъ вслухъ.—Далъ Богъ погодку,—уборка знатная будетъ. Э... да кто это идетъ?

Въ концѣ улицы мелькнула чья-то фигура. Что за дьяволъ,—теперь ни одного лѣшаго въ селѣ не осталось, исключая старухъ, да бабъ-домосѣдокъ. Даже извѣстный на селѣ лѣнтяй и пропойца, Никита Андреевичъ, и тотъ въ поле убрался. Кто-же это можетъ быть?

Кабатчикъ прищурился и, сдѣлавъ надъ глазами зонтикъ изъ руки, сталъ всматриваться въ человѣка, медленно приближавшагося къ кабаку. Очевидно, это не здѣшній,—вѣрно прохожій какой-нибудь. Такъ и есть,—солдатъ, должно быть, на побывку домой пробирается. На немъ запыленныя форменныя брюки, протертый по швамъ мундиръ и кепка набекрень. За плечами бѣлый холщевый мѣшокъ; черезъ плечо кожаная сумка. Бѣлая рубаха, перетянутая ремнемъ, посѣрѣла отъ пота и пыли.

— Это что-ли кабачокъ-то?—спросилъ онъ, поровнявшись съ кабатчикомъ и дѣлая ему подъ козырекъ.

— Эфто,—отвѣчалъ кабатчикъ, разсматривая солдата. Ничего, такой изъ себя бравый малый; усы лихо закручены, каріе глаза смотрятъ самоувѣренно и даже до нахальства бойко. Только жиденекъ маленько,—щеки впали, подъ глазами морщинки, самъ весь тоненькій, худенькій, а видать, что ловкій.

— А коли кабачокъ, такъ налей мнѣ за это стаканчикъ!—проговорилъ снова солдатъ и, подмигнувъ кабатчику, вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ кабакъ.

— Издалече, землячокъ?—спросилъ кабатчикъ, наливая солдату водки.

Солдатъ сначала выпилъ, крякнулъ, обтеръ усы и тогда уже отвѣчалъ.

— Да издалеча, ваше степенство. Отседова пожалуй и не видать.

Каріе глаза его смѣялись и играли. Выжига, должно быть, не послѣдняя!

— Тэкъ-съ!—проговорилъ нѣсколько смущенный словами и взглядами бойкаго солдатика кабатчикъ.—Не здѣшній, знать?

— Какое не здѣшній! Самый что ни на есть коренной здѣшній!

— Вотъ какъ. Чей-же это?

— Авдѣя Семеныча знаете?

Кабатчикъ оживился.

— Мельника-то? Какъ не знать,—оченно даже хорошо знаемъ! Три года какъ схоронили,—именитый былъ мужикъ!

Солдатъ замѣтно вздрогнулъ и ближе придвинулся къ стойкѣ.

— Нешто померъ?—вполголоса спросилъ онъ.

— Померъ, царство ему небесное. Хорошій былъ мужикъ и на селѣ первый богатѣй!

Солдатъ на минуту призадумался, потомъ встрепенулся и тихонько свиснулъ.

— Такъ померъ, говоришь? Ну, налей мнѣ еще баночку за это. Надо за поминъ души выпить. Кто-же у нихъ теперь хозяйствуетъ? Гаврюха?

— Онъ самый. Тоже хозяйственный мужикъ, отличный!

Глаза солдата сверкнули,—на губахъ мелькнула непріятная улыбка.

— А этого не употребляетъ?—спросилъ онъ, щелкая пальцемъ по бутылкѣ.

— Ни-ни. Въ ротъ даже не беретъ. Такой хозяинъ, такой хозяинъ,—поискать!

— Вотъ оно что! Ну, а мнѣ ужъ еще плесни! Нашему брату-солдату безъ этого нельзя,—мы народъ казенный, а казенное добро надо прочищать, чтобы не ржавѣло! Эхъ, мои деньги, твой табачокъ, да почаще заглядывай въ кабачокъ!—ухорски крикнулъ онъ и, залпомъ опорожнивъ стаканъ, со всего размаху стукнулъ имъ о стойку.

Кабатчикъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на веселаго солдата.

— А ты что-же, землякъ, нешто родня будешь Авдѣю Семенычу-то?

— Какже, родня! Его дѣдушка съ моей бабушкой вмѣстѣ на солнышкѣ онучки сушили. Аль не слыхалъ про Яшку?

— Нѣтъ, что-то не слыхалъ. Мы вѣдь не здѣшніе, — всего четвертый годъ здѣсь кабакъ держимъ.

— Ну вотъ этотъ самый Яшка и есть я. Съ Авдѣй Семенычемъ-то душа въ душу жили, — я у нихъ пуще родного былъ, на дочкѣ Оленькѣ меня женить хотѣли. Жива что-ль Оленька-то?

— Это дочка Авдѣй Семеныча? Не слыхалъ что-то. Кубыть у нихъ эдакой нѣту. Одна, Алена, замужемъ здѣсь за Өедькой Босяковымъ,—знаешь, чай? а другая—дѣвица; Маврушечкой звать.

— Ну, ну, есть у нихъ Маврушечка! А Оленьки, говоришь, нѣту?

— Про Оленьку не слыхалъ. Знать, померла, а то, чай, слышно было бы.

— Ну царство ей небесное... Эхъ, налей-ка еще чепорушечку! Всѣ тамъ будемъ!

— А ты, землячокъ, какъ же это,—сказать бы, въ пріемышахъ что-ль у нихъ состоялъ, у Авдѣй Семеныча-то? Аль въ работникахъ?—спросилъ заинтересованный кабатчикъ.

— Я то? Солдатъ засмѣялся.—Я, братъ, говорю тебѣ,—роднѣй родного у нихъ былъ,—зато и въ солдаты попалъ... Облагодѣльствовалъ Авдѣй Семенычъ насъ съ матушкой... У нихъ что-ли еще матушка-то живетъ,—старушка, Акулиной звать?

— Нѣтъ, и эдакой у нихъ нѣту. Да у нихъ въ домѣ, окромѣ работника Левона,—никого стариковъ нѣту. Одна молодятина осталась.

Яковъ вдругъ весь осунулся, глаза его потускнѣли, вся солдатская бойкость исчезла.

— Всѣ, значитъ, померли... глухо проговорилъ онъ и, помолчавъ, добавилъ усталымъ голосомъ.—Ну, пойду что-ль я...

— Да врядъ-ли дома-то теперь кого застанешь, — сказалъ кабатчикъ, которому очевидно не хотѣлось, чтобы солдатъ ушелъ. Его разбирало любопытство.—Теперича они всѣ въ полѣ небось. Время горячее!

— Въ полѣ? Неужто работниковъ-то у нихъ нѣтъ?

— Ну, какъ не быть,—полонъ домъ работниковъ. Да вѣдь Гаврила-то Авдѣичъ нешто станетъ сложа ручки сидѣть? Не таковскій онъ, чтобы на работниковъ надѣяться, — страсть завистной на работу! Безпремѣнно въ полѣ, нешто одна хозяйка дома.

— Хозяйка? Значитъ, женатъ Гаврюха-то?

— А какже? Лизаветой Прокофьевной звать. Дюже красива,—малина, а не баба! Да и живутъ же хорошо другъ съ дружкой! Водой не разольешь.

Яковъ усмѣхнулся и сталъ поправлять свою походную сумку.

— Ну прощай, хозяинъ! Хороша у тебя водочка, — такъ по жилочкамъ и переливается!

— А ты заходи почаще!—приглашалъ его кабатчикъ.—Угощу и денегъ не возьму. Мы хорошему человѣку рады,—особливо, служивому!

— Спасибо! Мимо не пройдемъ, небось! Солдатъ къ кабаку дорогу твердо знаетъ... шутилъ Яковъ, выходя. И поправивъ хорошенько на спинѣ мѣшокъ, онъ медленнымъ шагомъ побрелъ по знакомой улицѣ.

Солнце уже было высоко и сильно припекало ему спину и голову сквозь суконное кепи. Съ устали и съ водки его совсѣмъ разморило; ноги не слушались; все тѣло ныло и болѣло. Эхъ, ты жизнь солдатская, проклятая! Всего ты человѣка измотала, искалѣчила! Ноги такъ и гудутъ — подламываются, рученьки отымаются, животъ подвело. 50 верстъ пѣшкомъ отмахалъ отъ чугунки, а ѣды-то только всего и было, что сухари солдатскіе, да въ одномъ селѣ бабочка крынкой молочка угостила. Зато Гаврюха вонъ, говорятъ, царствуетъ! Въ дому—полная чаша; жена—красавица; отъ людей—почетъ и уваженье. Шапки, чай, ломаютъ, да привѣтствуютъ,—здравствуйте, молъ, Гаврила Авдѣичъ, наше вамъ распочтенье!

... Эхъ, Гаврила Авдѣичъ, Гаврила Авдѣичъ! Не тебѣ бы, братъ, съ бабой на печи лежать, не тебѣ бы богатство, почетъ и уваженье... И не тебѣ бы, Яша, эдакъ вотъ пѣхтурой, да съ голоднымъ брюхомъ, по чужимъ дворамъ шагать, съ солдатской сумкой за плечами! Жилъ бы ты теперь не хуже другихъ, въ своемъ дому хозяиномъ, съ красоткой-женой; тебѣ бы люди кланялись и не гудѣли бы твои косточки. Да нѣтъ,—что было, то прошло,—не воротишь... Померла красотка—Ольгунечка, во сырой землѣ лежитъ; и мать—старушка не дождалась своего солдатика, и самъ старикъ убрался. Покойно-ли тебѣ теперь,

Авдѣй Семенычъ? Не тоскуетъ-ли твоя душенька, не переворачиваются-ли косточки въ гробу? Видишь-ли ты теперь солдата-Яшку, который не по правдѣ за твоего сынка шесть годовъ оттрубилъ въ солдатахъ? Чуешь-ли, каково ему сладко?..

... Ну, да нѣтъ, шалишь теперь! Прошло то времячко, когда Яшку-дурака, словно барана на убой, въ солдаты обманомъ сдали. Теперь Яшка малость поумнѣе сталъ... еще кто кого проведетъ! Берегись, Гаврюша, братецъ названый! Еще поквитаемся съ тобой, другъ любезный...

... А ну какъ еще не приметъ? Прогонитъ? Старое добро-то забывается. Откуда, молъ, тебя принесло? Проваливай... Старикъ — тотъ не прогналъ бы... Тотъ принялъ бы. Яшенька — голубчикъ, Яшенька — кормилецъ, родной... Яшенькѣ и постельку помягче, и кусочекъ послаще, и баньку пожарче. А Гаврюхино дѣло — сторона. Ну что-жъ, гони, Гаврюша, Яшку-дурака по шеѣ. Стерпимъ, — еще не то терпѣли...

Загорѣлое подвижное лицо солдата то хмурилось болѣзненно, то подергивалось злою улыбкой. Иногда онъ пріостанавливался, снималъ тяжелую фуражку и нервно проводилъ рукою по волосамъ и мокрому лбу. А жара пуще одолѣваетъ, — мочи нѣтъ идти, ноги такъ и подкашиваются.

Вотъ, наконецъ, и изба Авдѣева. У Якова совсѣмъ ноги отнялись, а сердце забилось, какъ подстрѣленная ласточка. Онъ въ изнеможеніи присѣлъ на ближайшую завалинку и сталъ глядѣть на домъ, въ которомъ провелъ когда-то столько счастливыхъ и несчастныхъ дней.

... Ишь какъ все измѣнилось, — и не узнать сразу... Березки и ветлы, которыя они съ Ольгунькой сажали подъ окнами, разрослись выше избы... Крыша тесомъ покрыта, ворота тоже новыя, рѣзныя, прочныя; рядомъ амбары пристроены, съ каменнымъ фундаментомъ, съ окованными желѣзомъ дверьми. Должно быть, это все уже молодой хозяинъприладилъ. Калитка плотно притворена, — въ самомъ дѣлѣ вѣрно никого дома нѣту. Ну, съ Богомъ, — надо все-таки попробовать...

Яковъ всталъ и отворилъ калитку, — на дворѣ на него залаяла большая черная кудлашка, гремя тяжелой цѣпью. И собака другая — прежде была желтая, съ бѣлыми подпалинами и пушистымъ хвостомъ. На дворѣ чистота и порядокъ удивительные, — видно, что за всѣмъ слѣдитъ строгое хозяйское око. Крыльцо обнесено рѣзными перилами; дверь въ сѣни настежь отворена. Нѣтъ, кто-то дома...

Яковъ перевелъ духъ отъ охватившаго его волненія и смѣло шагнулъ на крыльцо, грозя кулакомъ расходившейся кудлашкѣ.

Навстрѣчу ему кто-то поспѣшно выбѣжалъ въ сѣни, и на самомъ порогѣ Яковъ лицомъ къ лицу столкнулся съ высокою женщиной.

Отъ неожиданности оба на минуту оторопѣли и молча глядѣли другъ на друга.

Передъ Яковомъ стояла рослая молодая женщина. Она очевидно стряпала, потому что рукава ситцевой рубахи были засучены за локоть, а на бѣлыхъ рукахъ остались слѣды муки и сажи. Красная поношенная юбка была подтыкана, обнаруживая босыя ноги; голова не покрыта, и черные густые волосы, заплетенные кое-какъ на двѣ косы, небрежно заложены вокругъ темени. Но и въ этомъ неказистомъ будничномъ нарядѣ она все-таки была красива. Круглое лицо съ яркимъ румянцемъ, черныя тоненькія брови, тоненькій носикъ, полныя красныя губы и глаза... особенно хороши были у нея глаза... Яркіе, голубые, съ расширенными зрачками и длинными черными рѣсницами они теперь строго и высокомѣрно глядѣли на нежданнаго гостя.

Наконецъ оба опомнились.

— Вамъ кого? недружелюбно спросила красавица, держась за дверь и готовая каждую минуту захлопнуть ее передъ носомъ Якова.

— Вы, знать, хозяюшка будете Гаврилѣ Авдѣичу? спросилъ Яковъ, снимая кепи и съ особенною солдатской любезностью улыбаясь.

— Да кого вамъ? еще сердитѣе оборвала его хозяюшка, порываясь захлопнуть дверь.

— А я провѣдать пришелъ Гаврилу Авдѣича,—потому, когда-то жили вмѣстѣ, хлѣбъ-соль дѣлили, родней даже считались... Ужъ извините!

Хозяйка еще разъ оглядѣла его съ ногъ до головы и немного отняла руку отъ двери. На лицѣ ея выразилось недоумѣніе и любопытство.

— Да васъ какъ звать-то? Не Яковомъ? вымолвила она нерѣшительно.

— Звали Яковомъ, милая хозяюшка! А Гаврила Авдѣичъ-то, названый братецъ, и Яшенькой называлъ... Прикажите войти, отдохнуть съ дороги!

Хозяйка какъ будто съ сердцемъ отпустила дверь и исчезла въ сѣняхъ. Яковъ послѣдовалъ за нею.

— Охъ, уморился! — воскликнулъ онъ, сбрасывая съ плечъ тяжелый мѣшокъ.—А Гаврила Авдѣичъ въ полѣ что-ль!

— Во полѣ, отрывисто сказала хозяйка, торопливо смахивая со стола крошки хлѣба и каши, не убранныя еще со времени ранняго семейнаго завтрака.

— А вы, значитъ, домосѣдничаете?

На этотъ разъ Лизавета ничего не отвѣтила, но, поймавъ устремленный на нее смѣлый взглядъ Якова, вся вспыхнула и, швырнувъ въ уголъ стоявшій у стола ухватъ, скрылась за цвѣтную занавѣску, отдѣлявшую часть избы съ русской печью и полатями.

Яковъ зло усмѣхнулся ей вслѣдъ и, вздохнувъ, тяжело опустился на лавку. «Ну, держись, Яшка!» подумалъ онъ, оглядывая избу. Изба

была просторная, свѣтлая, чистая, лавки широкія, полъ ровный, безъ щелей. Въ переднемъ углу стоялъ огромный дубовый столъ, обыкновенно покрытый клеенчатой скатертью, на которой были нарисованы ложки, тарелки и разные плоды. Теперь, по случаю стряпни, эта клеенка была сдвинута на одинъ край, а на другомъ стояло рѣшето, лежалъ ножикъ и грудой возвышалась накрошенная лапша. Весь передній уголъ жаромъ горѣлъ отъ множества образовъ въ серебряныхъ и фольговыхъ ризахъ; большая хрустальная лампадка сверкала на солнцѣ, какъ брильянтовая. Тутъ-же были наклеены литографированные портреты Государя, Государыни, Наслѣдника и красовался неизбѣжный «бѣлый генералъ» на конѣ и съ обнаженною саблей въ рукахъ. На другой стѣнѣ бойко тикали небольшіе дешевые часы съ нарисованными на циферблатѣ цвѣтами и замкомъ вмѣсто гири. Вообще, Яковъ нашелъ мало перемѣнъ,—только занавѣски прежде не было, да картинъ на стѣнахъ поприбавилось.

Вскорѣ хозяйка снова вышла изъ-за занавѣски, но уже въ другомъ нарядѣ. Теперь на ней было надѣто свѣтлое ситцевое съ оборкой платье, красный фартукъ и красные пышные рукава. Голову она повязала голубой косыночкой, на ноги надѣла высокія ботинки съ каблуками. Но лицо ея попрежнему было сурово, и она, избѣгая глядѣть на Якова, не спѣша, принялась убирать со стола и въ избѣ. Яковъ внимательно слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ. Вотъ она вынесла рѣшето, засыпала лапшу и закрыла печку. Потомъ чисто-начисто вытерла столъ, накрыла его клеенкой и, взявъ вѣникъ, подмахнула соръ въ уголъ. И все это дѣлалось спокойно, плавно и красиво. Раза два глаза ея встрѣтились съ глазами Якова, и при этомъ она сердито хмурилась, краснѣла и отворачивалась. Яковъ изрѣдка обращался къ ней съ вопросами, и изъ ея короткихъ, отрывистыхъ отвѣтовъ узналъ, что Ѳедьку схоронили тоже, что Алена замужемъ несчастлива, что за Мавру много жениховъ сватается, да она привередничаетъ, что Гаврила Авдѣичъ хотѣлъ съ поля къ обѣду домой вернуться и т. д. Убравшись въ избѣ, Лизавета остановилась у занавѣски и спросила:

— Чайку, можетъ, напьетесь? Такъ я самоваръ наставлю.

— А что-же, хозяюшка, нешто попарить солдатское брюхо чайкомъ? Съ устали-то оно хорошо, говорятъ, да и давно я его не пилъ. Съ самой чугунки!

Лизавета вышла въ сѣни и черезъ минуту вернулась съ самоваромъ въ рукахъ. Яковъ живо вскочилъ съ мѣста и подлетѣлъ къ хозяйкѣ.

— Позвольте, хозяюшка, не утруждайтесь! Я самъ его налью и разожгу, а вы отдохните. Я это мигомъ сдѣлаю!

Хозяйка протестовала, но проворный солдатъ выхватилъ самоваръ у нея изъ рукъ, схватилъ ведро, принесъ воды и съ прибаутками при-

нялся колоть лучину. Да такого шуму надѣлалъ, что спавшій за занавѣской въ люлькѣ ребенокъ проснулся и заоралъ во все горло. Лизавета поспѣшила туда; крикъ сейчасъ-же замолкъ, и вмѣсто него послышалось мѣрное чмоканье губами.

— Ишь, кушать захотѣлъ, ваше благородіе!—острилъ Яковъ, изо всѣхъ силъ раздувая самоваръ сапогомъ.—Пріятнаго апетиту! Много-ли дѣтокъ-то у васъ, хозяюшка?

— Трое было. Да одинъ померъ въ позапрошломъ году.

— Ска-жите пожалуйста!—удивлялся Яковъ.—Жалость какая! Ну, а я-бы не сказалъ, что у васъ столько дѣтей было. Ни за что-бы не повѣрилъ!

— Пошто?

— Да нешто съ троими-то дѣтьми эдакія бываютъ? Вѣдь вы, хозяюшка, извините меня, чистый розанъ! Я васъ давеча прямо за дѣвушку принялъ!

Если-бы занавѣска не скрывала Лизавету отъ Якова, онъ-бы увидѣлъ, что она вся загорѣлась, словно макъ, и укладывая ребенка въ люльку, съ невольной улыбкой прошептала: «алырникъ эдакій, право, алырникъ!»

Ребенокъ заснулъ, самоваръ шумѣлъ во всю мочь. Лизавета куда-то вышла.

«Ну, хозяюшка-то не больно вальяжно принимаетъ! разсуждалъ Яковъ самъ съ собою, садясь на лавку и вытирая съ лица потъ. Что отъ хозяина будетъ, а эта и рветъ, и мечетъ. Не понутру, видно, солдатъ пришелся. Ну, хоть чайкомъ попоитъ,—и за это спасибо. А баба—король, правду кабатчикъ сказывалъ. Красавица писаная! На что болгарки хороши, а эта почище будетъ. Удача тебѣ, Гаврила Авдѣичъ,—въ сорочкѣ родился. А ты, Яшка, гляди да казнись за свою глупость... Э-эхъ!»

Мысли его были прерваны приходомъ хозяйки. Она, вѣрно, бѣгала въ лавочку, потому что подъ мышкой у ней оказались крендели и фунта три крупичатаго ситника. Все это она выложила на столъ, и затѣмъ стала собирать посуду. Скоро вскипѣлъ и самоваръ; Яковъ опять не позволилъ Лизаветѣ поставить его на столъ, а все сдѣлалъ самъ,—и чай заварилъ, и стаканы перемылъ, и хлѣба нарѣзалъ. Лизавета сѣла было въ сторонѣ, но Яковъ и ей налилъ чашку и присталъ, чтобы она выпила.

— Да не люблю я его! отнѣкивалась хозяйка сердито.

— Нельзя-съ,—за компанію!—распинался Яковъ.—За компанію жидъ удавился, а чайку-то и вовсе не грѣхъ выпить. Пожалуйте! Неужли солдатъ недостоинъ?

Лизавета взяла-таки чашку и, морщась, медленно начала прихлебывать чай. Яковъ все время разсыпался безъ умолку. Онъ балагурилъ, разсказывалъ анекдоты изъ солдатской жизни и раза два заставилъ улыбнуться суровую хозяюшку. Но выпивъ стакановъ пять чаю и закусивъ кренделями, онъ вдругъ разомлѣлъ и притихъ. Усталость взяла свое; Яковъ почувствовалъ, что и ноги у него отнялись, и глаза стали сами собою слипаться. А хозяйка словно и не видитъ,—знай, сидитъ себѣ, да помалчиваетъ. Яковъ не вытерпѣлъ.

— Вотъ что, хозяюшка!—вымолвилъ онъ черезъ силу, протирая глаза, которые саднѣли отъ пыли и жары. — Нѣтъ-ли гдѣ прилечь у васъ.—уморился я, смерть,—ажно глаза на затылокъ вылѣзаютъ!

Лизавета взглянула на гостя и только тутъ увидѣла, что онъ дѣйствительно «уморился». Она встала.

— Вонъ въ другую избу ступайте,—тамъ прохладнѣй, — сказала она.—А то, можетъ, въ амбарѣ ляжете, на огородѣ,—тамъ наши лѣтомъ спятъ.

— Что-же, въ амбарѣ, такъ въ амбарѣ. Гдѣ положите, тамъ и лягу,—солдату мѣста не много нужно. Самъ на лавочку, а хвостъ подъ лавочку!

Онъ, шатаясь, побрелъ изъ избы; хозяйка, захвативъ подушку, пошла его провожать. Вышли на огородъ. Тамъ, между грядками картошки, лука, моркови, гороху тянулась тропинка къ амбару. Огромные подсолнухи дремали на солнцѣ, качая своими лысыми желтыми макушками; надъ ними лѣниво жужжали пчелы. Весь плетень былъ увитъ хмѣлемъ, повиликой и позднигой, на которой кое-гдѣ уже чернѣли спѣлыя ягоды, а кое-гдѣ еще выглядывали синенькіе, съ желтыми гвоздиками, цвѣточки. Въ травѣ стрекотали кузнецы. Лизавета отомкнула огромный замокъ, висѣвшій на дверяхъ амбара и пропустила Якова впередъ, оставивъ ему подушку. Затѣмъ тяжелая дверь захлопнулась, и Яковъ остался одинъ.

Въ амбарѣ было сумрачно и прохладно. По стѣнамъ шли закромы для хлѣба и муки; у дверей изъ досокъ сдѣлана была широкая постель, покрытая полостью. Яковъ бросилъ на постель подушку и легъ. Передъ нимъ еще мелькали картины недавняго пережитаго: жгучее солнце, пыльная дорога, хлѣбныя поля, кабатчикъ, красавица-Лизаветушка... Потомъ вдругъ гдѣ-то близко словно прозвучалъ знакомый дѣвичій голосокъ... «Ольгунька, я здѣсь!» хотѣлъ крикнуть Яковъ, но его со всѣхъ сторонъ обступила грозная армія желтыхъ сердитыхъ подсолнуховъ,—и онъ заснулъ, какъ убитый.

В. Дмитріева.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Задачи современной критики

Статья **М. Арнольда** *).

Переводъ съ англійскаго редакціи «Посредника».

Критическая способность безспорно принадлежитъ къ болѣе низкому разряду, чѣмъ способность творческая. Нельзя отрицать, что творческая способность, свободная творческая дѣятельность составляетъ высшее проявленіе человѣческаго ума; доказывается это уже тѣмъ истиннымъ наслажденіемъ, которое люди находятъ въ подобной дѣятельности. Но несомнѣнно также, что люди испытываютъ наслажденіе творчества и на иныхъ поприщахъ, кромѣ созиданія великихъ произведеній литературы и искусства. Не будь этого, для большинства людей былъ-бы закрытъ доступъ къ источнику истиннаго человѣческаго счастья. Они могутъ найти это счастье въ добрыхъ дѣлахъ, они могутъ обрѣсти его въ занятіяхъ наукой, его можетъ дать занятіе критикой. Это первое соображеніе. Далѣе нужно замѣтить, что приложеніе творческой способности къ созданію великихъ твореній литературы или искусства возможно не во всѣ времена и не при всякихъ условіяхъ, какъ-бы высоко ни стояла эта деятельность надъ всѣми другими, и что, такимъ образомъ, трудъ можетъ быть потраченъ на тщетныя попытки, между тѣмъ, какъ онъ могъ-бы быть съ большимъ успѣхомъ употребленъ на подготовленіе къ творческой дѣятельности, на созданіе ея возможности. Творческая способность можетъ проявлять себя лишь при наличности извѣстныхъ элементовъ, извѣстнаго матеріала. А если ихъ нѣтъ подъ рукой? Въ такомъ случаѣ, она, конечно, должна ждать, пока они появятся. Для литературы-же тѣми элементами, надъ которыми работаетъ творческая сила, являются идеи,—высшія изъ

---

*) Изъ сочиненія Matthew Arnold: *Essays in criticism* (two volumes, vol I), Leipzig 1887.

«ходячихъ» идей данной эпохи по всѣмъ вопросамъ, затрогиваемымъ литературою. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ утвердительно сказать, что для современной литературы проявленіе творческой дѣятельности безъ помощи такихъ идей не можетъ быть плодотворно. Я именно говорю «ходячихъ» идей, а не просто идей, доступныхъ данной эпохѣ, потому что творческій литературный геній не проявляется преимущественно въ созданіи новыхъ идей,—это составляетъ скорѣе задачу философіи. Главная задача литературнаго генія есть синтезъ и изложеніе, а не анализъ и открытіе; ему дано—вдохновляться извѣстной умственной и духовной атмосферой, извѣстнымъ строемъ идей, окружающихъ его, влагать въ эти идеи свою божественную силу, выражать ихъ въ наиболѣе яркихъ и привлекательныхъ сопоставленіяхъ,—однимъ словомъ, создавать съ ихъ помощью прекрасныя творенія. Но, чтобы свободно творить, ему необходимо находиться среди извѣстнаго строя идей, а это не является по заказу. Этимъ объясняется, почему великія творческія эпохи въ литературѣ столь рѣдки, почему встрѣчается такъ много неудовлетворительнаго въ произведеніяхъ многихъ несомнѣнно геніальныхъ людей: для созданія образцоваго литературнаго произведенія требуется сотрудничество двухъ силъ: силы человѣческаго ума и значительности даннаго момента. А безъ этой «исторической» силы момента личной силы ума—недостаточно. Проявленіе творческой способности обусловливается опредѣленными элементами, а созданіе этихъ элементовъ зависитъ не отъ нея. Они гораздо болѣе подчинены силѣ критической.

Способность къ критической оцѣнкѣ заключается въ томъ, чтобы по всѣмъ отраслямъ знанія, въ богословіи, философіи, исторіи, въ искусствѣ и въ наукѣ разсматривать предметъ въ его истинномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ, конечною цѣлью критики является созданіе духовной среды, которою творческая способность могла-бы воспользоваться. Цѣль ея—установить извѣстный строй идей, хотя-бы и не безусловно истинныхъ, но истинныхъ по сравненію съ тѣми, которыя ими устраняются, и давать перевѣсъ лучшимъ идеямъ. Въ извѣстныя минуты новыя идеи проникаютъ въ общество, истинность этихъ идей провѣряется житейскимъ опытомъ и повсюду начинается умственное движеніе, изъ котораго и получаютъ свое начало творческія эпохи въ литературѣ.

Поэту необходимо ознакомиться съ жизнью и людьми, прежде чѣмъ изображать ихъ въ поэзіи, а такъ какъ современная намъ жизнь и общество отличаются весьма сложнымъ характеромъ, то твореніе современнаго таланта требуетъ громадной критической подготовки, безъ которой оно должно оказаться сравнительно посредственнымъ, безсодержательнымъ и недолговѣчнымъ.

Мнѣ всегда казалось, что тотъ блестящій подъемъ творческой дѣятельности въ нашей, англійской, литературѣ, который ознаменовалъ

первую четверть нынѣшняго столѣтія, въ сущности имѣлъ въ себѣ нѣчто преждевременное, и что поэтому большая часть произведеній этой эпохи, несмотря на горячія упованія, которыя на нихъ возлагались тогда и возлагаются еще нынѣ, обречены на существованіе едва-ли болѣе прочное, чѣмъ произведенія другихъ менѣе яркихъ эпохъ. Эта «преждевременность» произошла оттого, что литература той эпохи не имѣла въ своемъ распоряженіи достаточно данныхъ, достаточно матеріала. Говоря другими словами, англійская поэзія первой четверти нынѣшняго столѣтія, обладая въ полной мѣрѣ энергіей и творческой способностью, не обладала достаточнымъ знаніемъ. Нашимъ поэтамъ той эпохи недоставало не книгъ и не начитанности: Шелли читалъ очень много, Кольриджъ обладалъ громадною начитанностью. Пиндаръ и Софоклъ имѣли не много книгъ въ своемъ распоряженіи. Шекспиръ не отличался большою начитанностью. Но въ Греціи временъ Пиндара и Софокла и въ Англіи временъ Шекспира поэтъ жилъ въ круговоротѣ идей, оказывавшихъ въ высшей степени живительное и плодотворное вліяніе на его творческую способность. Общество было въ полной мѣрѣ проникнуто свѣжими мыслями, въ немъ кипѣла умственная жизнь. А такое положеніе вещей есть истинное условіе для проявленія творческой способности; въ немъ она находитъ необходимыя для нея данныя, необходимый матеріалъ. Всѣ книги въ мірѣ имѣютъ значеніе лишь какъ средство для достиженія этого. Но если въ данную минуту этихъ условій не существуетъ, то книги могутъ помочь человѣку создать для себя нѣчто похожее на эти условія, создать цѣлый міръ знанія и мысли, среди которыхъ онъ могъ бы жить и работать. Это не можетъ замѣнить художнику всенароднаго распространенія жизни и мысли временъ Софокла и Шекспира, но помимо того, что оно можетъ служить средствомъ для подготовленія подобныхъ эпохъ, это настроеніе (если многіе участвуютъ въ немъ) несомнѣнно можетъ создать живительную и подкрѣпляющую атмосферу, цѣнную саму по себѣ. Подобную атмосферу создали для Гете, въ эпоху его жизни и литературной дѣятельности, многосторонняя ученость Германіи и издавна развившаяся въ ней способность къ многосторонней критикѣ. Тамъ не было національнаго блеска жизни и мысли, какъ въ Аѳинахъ временъ Перикла и въ Англіи временъ Елисаветы—и это было извѣстнымъ минусомъ для поэта—но было нѣчто отчасти замѣняющее ту жизнь,—высокая культура и ничѣмъ не скованное мышленіе значительной части нѣмецкаго общества. Въ этомъ была его сила. Въ Англіи первой четверти нынѣшняго столѣтія не было ни блеска національной жизни и мысли, подобнаго тому, какой мы видимъ въ эпоху Елисаветы, ни даже той культуры и научнаго образованія, ни того развитія критической мысли, какія существовали въ Германіи. Поэтому, поэтическому творчеству недоставало для успѣха въ высшемъ смыслѣ этого слова ма-

теріаловъ и твердаго основанія. Не мудрено, если ему не далось всестороннее пониманіе и истолкованіе жизни.

На первый взглядъ кажется страннымъ, что обширное движеніе умовъ, порожденное французской революціей и ея эпохой, не выразилось жатвой геніальныхъ произведеній, равной той, какую принесло умственное движеніе великой плодотворной эпохи Греціи, или эпохи Возрожденія съ ея мощнымъ эпизодомъ—Реформаціей. Но дѣло въ томъ, что французская революція приняла характеръ, рѣзко отличающій ее отъ вышеупомянутыхъ движеній. Эти послѣднія были движенія преимущественно умственныя, духовныя. Въ нихъ человѣческій духъ искалъ удовлетворенія въ самомъ себѣ и въ своей собственной жизнедѣятельности. Французская же революція приняла политическій и практическій характеръ. Движеніе умовъ, возникшее во Франціи при старомъ порядкѣ, между 1700 и 1789 годами, имѣло гораздо больше общаго съ эпохой Возрожденія, чѣмъ сама революція; Франція временъ Вольтера и Руссо имѣла несравненно болѣе сильное вліяніе на умы въ Европѣ, чѣмъ Франція временъ революціи. Гете, необинуясь, упрекалъ революцію въ томъ, что она «отодвинула назадъ мирную культуру». Какъ многое объясняется въ Байронѣ тѣмъ, что его выдвинуло великое движеніе чувства, а не великое движеніе ума. При всемъ томъ, французская революція — предметъ слѣпого обожанія и слѣпой ненависти — несомнѣнно имѣетъ своимъ двигательнымъ мотивомъ разумъ людей, а не ихъ практическія стремленія, чѣмъ она и отличается отъ англійской революціи временъ Карла I-го. Это-же придаетъ ей гораздо болѣе духовнаго, всемірнаго значенія, чѣмъ мы, англичане, можемъ приписать своей революціи, хотя на практикѣ эта послѣдняя оказалась болѣе успѣшною. Французская революція основывалась на строѣ мысли всемірнаго, неизмѣннаго и непреложнаго свойства. Въ 1789 году преобладалъ вопросъ: сообразно-ли это съ разумомъ? Въ 1642 году спрашивали: согласно-ли это съ закономъ? или, при дальнѣйшемъ революціонномъ движеніи,—согласно-ли это съ совѣстью? Такова отличительная черта англійскаго характера,—черта, достойная всякаго уваженія въ своей опредѣленной сферѣ. Но что считается закономъ въ одномъ мѣстѣ, не считается имъ въ другомъ; что считается закономъ сегодня, можетъ перестать считаться имъ завтра. Что касается совѣсти—то, что связываетъ совѣсть одного человѣка, не имѣетъ силы надъ совѣстью другого. Но законы разума имѣютъ безусловное, неизмѣнное, всемірное значеніе.

То, что цѣлая нація прониклась восторженнымъ поклоненіемъ чистому разуму и такъ горячо и ревностно старалась доставить побѣду его предписаніямъ, является фактомъ весьма замѣчательнымъ, если принять во вниманіе, какъ мало вообще идеи входятъ въ побужденія, руко-

водящія людской толпой. Несмотря на безумное направленіе, данное этому восторженному порыву, несмотря на преступленія и сумасбродства, въ которыя она была вовлечена, французская революція черпала свою силу,—живую до сихъ поръ,—изъ могущества, всемірности и непреложности тѣхъ идей, которыя она себѣ поставила закономъ, изъ того страстнаго увлеченія этими идеями, которое она сумѣла внушить толпѣ; она была и, вѣроятно, надолго останется величайшимъ, наиболѣе животворнымъ историческимъ событіемъ. А такъ-какъ никакое искреннее увлеченіе духовными идеями, хотя-бы оно во многихъ отношеніяхъ и превратилось въ заблужденіе, не пропадаетъ даромъ, а приноситъ свою долю добра, то и Франція вынесла изъ своихъ увлеченій плодъ естественный и законный, хотя не совсѣмъ тотъ, котораго она ожидала: она является той страной въ Европѣ, гдѣ всего сильнѣе народная жизнь.

Непреодолимая склонность искать немедленнаго политическаго и практическаго приложенія всѣмъ высокимъ идеямъ разума пагубна. А между тѣмъ именно здѣсь англичанинъ попадаетъ въ свою стихію. Англичанинъ, вообще, похожъ на лорда Оуклэнда, современника Борка, который въ запискѣ о французской революціи толкуетъ о «нѣкіихъ негодяяхъ, присвоившихъ себѣ названіе философовъ, которые вообразили себя способными перестроить общество по новой системѣ». Англичанинъ прозванъ политическимъ животнымъ, и онъ такъ высоко цѣнитъ все, что носитъ политическій и практическій характеръ, что неудивительно, если идеи дѣлаются для него предметомъ антипатіи, а мыслители являются въ его глазахъ «негодяями», такъ какъ идеи и мыслители иногда дерзко вмѣшиваются въ его политику и житейскій обиходъ. Бѣда была бы не велика, если-бы антипатія и пренебреженіе относились только къ идеямъ, необдуманно перенесеннымъ изъ свойственной имъ сферы и преждевременно примѣшаннымъ къ практической жизни. Но дѣло въ томъ, что у англичанъ эти чувства неизбѣжно распространяются на идеи вообще и на всю духовную жизнь. Практика для нихъ—все, свободное движеніе мысли—ничто. Что свободная дѣятельность мысли, направленная на всѣ явленія жизни, можетъ быть желательна, составляетъ сама по себѣ наслажденіе, что изъ нея получается существенный запасъ тѣхъ элементовъ, безъ которыхъ духъ народа чѣмъ-бы онъ ни старался ихъ замѣнить, долженъ съ теченіемъ времени заглохнуть отъ недостатка питанія,—такое понятіе съ трудомъ усвоивается англійскимъ умомъ. Достойно замѣчанія, что слово «curiosity» (любознательность), которое на другихъ языкахъ чаще употребляется въ хорошемъ смыслѣ, подразумѣвая безкорыстное влеченіе къ свободной дѣятельности ума во всѣхъ областяхъ знанія,—на англійскомъ языкѣ вовсе не имѣетъ подобнаго значенія, а скорѣе указываетъ на дурное, непохвальное качество (любопытство). Но критика, настоящая критика,

есть по преимуществу выраженіе этого перваго высокаго свойства человѣческаго ума—любознательности. *Она повинуется инстинкту, побуждающему ее узнавать все лучшее, что появляется на свѣтѣ по части знанія и мысли, и оцѣнивать знаніе и мысль въ той мѣрѣ, насколько они отвѣчаютъ этому лучшему, не допуская вмѣшательства какихъ-бы то ни было другихъ соображеній.* Такое инстинктивное влеченіе, я полагаю, не сродно практической англійской натурѣ, а если оно до нѣкоторой степени и существовало въ ней, то успѣло оцѣпенѣть и покрыться ржавчиной въ теченіе долгаго періода давленія, которому оно подвергалось въ эпоху концентраціи, слѣдовавшую за французской революціей. Но эпохи концентраціи не могутъ длиться вѣчно; по естественному ходу событій, на смѣну имъ являются эпохи расширенія мыслительной дѣятельности. Подобная эпоха, повидимому, возникаетъ въ нашей странѣ. Во-первыхъ, всякая опасность со стороны враждебнаго насильственнаго давленія чужеземныхъ идей на нашъ образъ дѣйствія давно уже миновала; подобно путешественнику въ баснѣ, мы, поэтому, ужъ не такъ плотно закутываемся въ свой плащъ. Затѣмъ, благодаря продолжительному миру, идеи Европы постепенно и дружелюбно прокрадываются къ намъ и примѣшиваются, хотя и въ безконечно малыхъ дозахъ, къ нашимъ собственнымъ понятіямъ.

Робкія проявленія любознательности (не любопытства!) возникаютъ между нами, и въ нихъ-то критическая дѣятельность должна найти удобную почву для своего развитія. Сперва критика. Затѣмъ, когда она сдѣлаетъ свое дѣло, быть можетъ, настанетъ время и для истинной творческой дѣятельности.

Для англійской критики представляется дѣломъ первой важности ясно уразумѣть, какимъ правиломъ она должна руководиться, чтобы воспользоваться открывающимся для нея поприщемъ и чтобы результаты ея дѣятельности оказались въ будущемъ плодотворны. Правило это можетъ быть выражено однимъ словомъ: безкорыстіе. А какимъ образомъ критика можетъ выказать безкорыстіе? Избѣгая того, что называется «практической точкой зрѣнія»; твердо слѣдуя внутреннему присущему ей закону, который состоитъ въ свободномъ проявленіи мыслительной дѣятельности по всѣмъ вопросамъ, ею затрогиваемымъ, твердо и непоколебимо отказываясь служить орудіемъ всякимъ побочнымъ практическимъ и политическимъ соображеніямъ, которыя люди, иногда вполнѣ законно, такъ любятъ приводить въ связь съ идеями. У насъ въ Англіи никогда не будетъ недостатка въ этой связи, но критикѣ собственно до этихъ соображеній нѣтъ никакого дѣла. Ея задача, какъ я уже говорилъ, состоитъ въ томъ, чтобы знакомиться со всѣмъ, что есть лучшаго на свѣтѣ по части знанія и мысли, въ свою очередь дѣлать это лучшее общеизвѣстнымъ, создавать

обмѣнъ истинныхъ и свѣжихъ идей. Ея обязанность исполнять эту задачу съ непоколебимою честностью и надлежащимъ знаніемъ дѣла; она должна ограничить свою дѣятельность вышесказаннымъ и оставить въ сторонѣ всѣ вопросы, имѣющіе практическія приложенія и послѣдствія, вопросы, которымъ большинство всегда будетъ придавать достаточно цѣны. Въ противномъ случаѣ, критика измѣнитъ своему истинному назначенію и будетъ продолжать свой путь по прежней избитой колеѣ, не умѣя воспользоваться новымъ открывающимся для нея поприщемъ. Ибо, что губитъ въ настоящее время англійскую критику? Практическія соображенія, которыя прицѣпляются къ ней и заглушаютъ ее. Она служитъ интересамъ, до которыхъ ей нѣтъ дѣла. Наши органы критики являются органами людей и партій, преслѣдующихъ практическія цѣли, и въ ихъ глазахъ эти практическія цѣли стоятъ на первомъ планѣ, а умственная дѣятельность—на второмъ. Они ее допускаютъ лишь въ той мѣрѣ, насколько она не противорѣчитъ преслѣдованію ихъ ближайшихъ цѣлей. У насъ нѣтъ органа, подобнаго «Revue des Deux Mondes», главная задача котораго состоитъ въ усвоеніи и выраженіи всего лучшаго въ мірѣ по части знанія и мысли, и который, можно сказать, представляетъ изъ себя истинный органъ свободнаго проявленія умственной дѣятельности. Но у насъ есть «Edinburgh Review», который служитъ органомъ для старой партіи вигговъ и для той умственной дѣятельности, которая совмѣстима съ ихъ программой. У насъ есть «Quarterly Review», служащая органомъ для партіи торіевъ и для умственной дѣятельности, совмѣстимой съ ихъ программой. У насъ есть «British Quarterly Review», которая служитъ органомъ для партіи политической оппозиціи и для умственной дѣятельности, совмѣстимой съ программой этой партіи. У насъ есть газета «Таймсъ», которая служитъ органомъ для заурядная, самодовольнаго, зажиточнаго англичанина и для той умственной дѣятельности, которая подходитъ къ его кругозору. И такъ далѣе, для всѣхъ разнообразныхъ фракцій нашего общества, религіозныхъ и политическихъ. Каждая фракція имѣетъ свой органъ критики, но мысль о соединеніи всѣхъ фракцій для общаго наслажденія свободной, безкорыстной мыслительной дѣятельностью не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сочувствія. Лишь только эта умственная дѣятельность ищетъ болѣе широкаго поприща, лишь только она пытается освободиться отъ гнета практическихъ соображеній, ее осаживаютъ и натягиваютъ удила. Почти неизбѣжно, чтобы люди дѣлились на секты и партіи, чтобы у каждой изъ этихъ сектъ и партій былъ свой органъ, преданный ея интересамъ; но хорошо было-бы также, если бы рядомъ съ этимъ существовала критика, не въ качествѣ служительницы этихъ интересовъ, не въ качествѣ ихъ противницы, но вполнѣ отъ нихъ независимая. Никакая другая критика не добьется никогда существеннаго вліянія, никогда вполнѣ не достигнетъ своей цѣли,—созданія обмѣна истинныхъ и свѣжихъ идей.

Критика въ нашей странѣ такъ мало трудилась въ чисто умственной сферѣ, такъ недалеко ушла отъ повседневныхъ интересовъ жизни, отличалась такимъ исключительно полемическимъ характеромъ, что не мудрено, если она такъ плохо исполнила свою главную духовную задачу.

Задача эта состоитъ въ томъ, чтобы удерживать людей отъ опошливающаго и притупляющаго самодовольства, чтобы вести ихъ по пути къ усовершенствованію, обращать ихъ вниманіе на то, что цѣнно само по себѣ,—на безусловную красоту и гармонію.

Полемически-практическая критика заставляетъ людей не замѣчать несообразностей и пробѣловъ ихъ житейскаго строя, заставляетъ ихъ упорно утверждать его идеальное совершенство, чтобы предупредить возможныя на него нападки. Ясно, что такой образъ дѣйствій имѣетъ на людей тлетворное вліяніе.

Избѣгая безплодныя столкновенія, отрекаясь отъ сферы, гдѣ лишь узкія и относительныя понятія имѣютъ цѣну и законную силу, критика можетъ умалить свое минутное значеніе, но только на этомъ пути можетъ она получить доступъ къ тѣмъ болѣе широкимъ и болѣе совершеннымъ понятіямъ, которымъ она въ дѣйствительности должна всецѣло служить.

Мнѣ скажутъ, что путь, предписываемый мною критикѣ, слишкомъ извилистый и окольный, и что отрѣшившись, подобно индійскому факиру, отъ практической жизни, она обрекаетъ себя на медлительный и безвѣстный трудъ. Пускай такъ; но это единственный приличествующій критикѣ трудъ. Большинство человѣчества никогда не будетъ стремиться къ пониманію истинной сути вещей. Оно будетъ довольствоваться весьма неточными, «приблизительными» понятіями. На этихъ «приблизительныхъ» понятіяхъ и зиждется весь практическій строй жизни: иначе и быть не можетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто поставитъ себѣ за правило судить о вещахъ по ихъ истинному смыслу и значенію, долженъ очутиться въ весьма тѣсномъ кружкѣ единомышленниковъ. Но несомнѣнно также, что только черезъ мужественныя усилія такого, хотя-бы малочисленнаго кружка, безусловно истинныя идеи могутъ получить распространеніе. Стремительность и суета практической жизни будетъ всегда имѣть одуряющую привлекательность для самаго хладнокровнаго зрителя, всегда будетъ грозить затянуть его въ свой водоворотъ, особливо тамъ, гдѣ практическая сторона жизни такъ могущественна, какъ въ Англіи. А между тѣмъ, только оставаясь вполнѣ хладнокровнымъ и не подчиняясь практическому взгляду на жизнь, критикъ и будетъ въ состояніи принести пользу этой самой жизни, и только слѣдуя самымъ добросовѣстнымъ образомъ по избранному имъ пути и убѣдивъ, наконецъ, человѣка—практика въ своемъ чистосердечіи, можетъ критикъ избѣжать недоразумѣній, непрерывно ему угрожающихъ.

Практическій человѣкъ не склоненъ вдаваться въ тонкія различія, а этими-то различіями распространяется истинная высшая культура. Однако, не такъ легко заставить практическаго человѣка понять, что предметъ, на который онъ привыкъ смотрѣть всегда лишь съ одной стороны, который онъ высоко цѣнитъ и который съ этой точки зрѣнія, быть можетъ, вполнѣ заслуживаетъ его похвалы и удивленія,—что этотъ предметъ, если посмотрѣть на него съ другой стороны, можетъ показаться далеко не столь благодѣтельнымъ и прекраснымъ и однако все-же сохранить свое значеніе въ практической жизни. Гдѣ намъ найти выраженія достаточно безобидныя, какъ намъ достаточно очевидно доказать чистоту нашихъ намѣреній, чтобы рѣшиться сказать англійскому политику, что сама британская конституція, которая съ точки зрѣнія практической представляется такимъ величественнымъ орудіемъ прогресса и добродѣтели, разсматриваемая съ точки зрѣнія теоретической, со всѣми ея компромиссами, пристрастіемъ къ фактамъ и ненавистью къ теоріямъ, съ ея старательнымъ избѣганіемъ ясно формулированныхъ мыслей,—что разсматриваемая съ этой точки зрѣнія наша державная конституція по временамъ смахиваетъ (да проститъ меня тѣнь лорда Сомерса!) на громадную машину для фабрикаціи «филистеровъ»? Какъ можетъ, напримѣръ, сказать это Коббетъ, не подвергаясь ложнымъ толкованіямъ, когда онъ уже и такъ очерненъ дымомъ тѣхъ стычекъ, которыя онъ въ продолженіе всей жизни имѣлъ на поприщѣ политическомъ? Какъ можетъ это сказать Карлейль, не подвергаясь ложнымъ толкованіямъ послѣ своего яростнаго вторженія въ это поприще со своимъ «Latter-Day Pamphlets?» А. Рескинъ—послѣ своей задорной политической экономіи? Повторяю, критикъ долженъ держаться внѣ области ближайшей практической дѣятельности, политической, соціальной или гуманитарной, если онъ хочетъ положить начало тому болѣе свободному отвлеченному отношенію къ предмету, благотворное дѣйствіе котораго со временемъ можетъ отозваться и на практической жизни, но уже вполнѣ естественнымъ и, слѣдовательно, неотразимымъ образомъ.

Какъ-бы онъ ни дѣйствовалъ, критикъ, однако, все-же будетъ часто подвергаться ложнымъ толкованіямъ, и нигдѣ въ такой мѣрѣ, какъ у насъ. Ибо у насъ публика не расположена понять, что внѣ этого свободнаго, безпристрастнаго отношенія къ предметамъ нѣтъ мѣста истинѣ и высшей культурѣ. Она такъ погружена въ практическую жизнь, такъ привыкла почерпать всѣ свои понятія изъ этой жизни и ея рутины, что способна воображать, что даже истина и культура могутъ быть достигнуты при помощи этой рутины, и что желаніе достигнуть ихъ инымъ путемъ является дерзкой причудой. «Всѣ мы terrae filii—сыны земли», восклицаетъ ихъ краснорѣчивый защитникъ, «всѣ мы филистеры! Мы не хотимъ и знать иного пути, кромѣ пути филистеровъ. Организуемъ у себя

соціальное движеніе; составимъ партію для изысканія истины и новыхъ идей; назовемъ ее *либеральной партіей*; сплотимся тѣсно между собою, будемъ поддерживать другъ друга. Не нужно намъ этихъ пустяковъ — независимой критики, умственныхъ тонкостей, разсужденій «о званыхъ и избранныхъ». Нечего намъ безпокоиться о томъ, что думаютъ въ чужихъ странахъ; мы сами все для себя придумаемъ по мѣрѣ надобности. Если кто изъ насъ говоритъ хорошо, будемъ ему рукоплескать. Если онъ говоритъ плохо, — будемъ ему также рукоплескать; всѣ мы люди одной партіи, всѣ мы либералы, всѣ мы искатели истины». При такихъ условіяхъ исканіе истины является, на самомъ дѣлѣ, общественнымъ, практическимъ, пріятнымъ занятіемъ, гдѣ недостаетъ только предсѣдателя, секретаря и газетныхъ объявленій, съ прибавкою отъ времени до времени, какъ возбуждающаго средства, легкаго скандала и небольшой борьбы ради пріятнаго сознанія преодолѣваемаго затрудненія. Вообще, много суеты и мало мысли. Дѣйствовать—такъ легко, говоритъ Гете, думать такъ трудно. Правда, что для критика представляется не мало искушенія плыть по теченію, записаться въ ряды партій, въ ряды этихъ *сыновъ земли;* какъ-то неловко отдѣляться отъ *сыновъ земли*, когда мы видимъ среди нихъ столько хорошихъ людей. Но критикъ обязанъ давать имъ отпоръ, и если сопротивленіе оказывается тщетнымъ, то, по крайней мѣрѣ, воскликнуть вмѣстѣ съ Оберманомъ: Périssons en résistant.

Подобныя правила составляютъ элементарные законы критики, но они никогда не сдѣлаются популярными; въ нашей странѣ они имѣли весьма мало послѣдователей, да и тѣмъ приходилось бороться съ большими затрудненіями. Поэтому, необходимо неустанно напоминать объ этихъ законахъ. Критика должна отстаивать свою независимость отъ практическаго направленія и его цѣлей. Даже благонамѣренныя усилія должны ею быть встрѣчены съ неодобреніемъ, если они могутъ повести къ съуживанію и опошливанію идеальныхъ стремленій. Критика не должна стремиться къ цѣли ради одного ея практическаго значенія. Она должна быть терпѣлива и умѣть выжидать. Она должна быть гибка и умѣть во время отстраниться. Она должна умѣть изучать и оцѣнивать всѣ элементы, требуемые для полнаго духовнаго совершенства, хотя-бы они служили силѣ, которая въ практической жизни могла-бы оказаться зловредной. Она должна умѣть различать духовные недостатки и ошибки даже тѣхъ направленій, которыя на практикѣ дѣйствуютъ благотворно. И все это безъ всякаго пристрастія, безъ всякаго желанія служить или вредить той или другой сторонѣ практической жизни. Когда посмотримъ, напримѣръ, на англійскій судъ по бракоразводнымъ дѣламъ, — учрежденіе, представляющее, можетъ быть, свои практическія удобства, но которое, съ точки зрѣнія идеала, такъ отвратительно; учрежденіе, которое допускаетъ разводъ, а между тѣмъ не умѣетъ придать ему пристойной

формы; учрежденіе, которое даетъ возможность мужу избавиться отъ жены, а женѣ—отъ мужа, но предварительно заставляетъ ихъ, для назиданія публики, протащить другъ друга черезъ грязную лужу невыразимаго позора!.. Когда посмотришь на это восхитительное учрежденіе, съ его публичными разбирательствами, его газетными отчетами, его денежными вознагражденіями, то по сравненію, католическое ученіе о бракѣ должно показаться чѣмъ-то освѣжающимъ и возвышающимъ душу. Или когда протестантизмъ, въ силу своего яко-бы раціональнаго и интеллектуальнаго происхожденія, слишкомъ уже авторитетно предписываетъ законы критикѣ, для этой послѣдней позволительно, и даже обязательно, напомнить ему, что его притязанія въ этомъ смыслѣ ложны и для него вредны, что реформація была скорѣе нравственнымъ, чѣмъ умственнымъ переворотомъ. Но изъ-за этого критикѣ не слѣдуетъ забывать, какъ много сдѣлано протестантизмомъ въ области практической и нравственной. Не слѣдуетъ забывать и того, что даже въ сферѣ умственной протестантизмъ, хотя и ощупью и спотыкаясь, все-же помогалъ возрожденію въ его движеніи впередъ, между тѣмъ какъ католицизмъ яростно загораживалъ ему путь.

Недавно я слышалъ, какъ человѣкъ умный и дѣятельный, указывая на недостатокъ энергіи и предпріимчивости въ теперешней англійской молодежи, сравнивалъ ее со своими современниками лѣтъ 20 тому-назадъ: «какими мы были тогда преобразователями! какъ мы горячились! какъ мы разбирали каждое учрежденіе въ церкви и государствѣ и готовились все перестроить на идеальныхъ основаніяхъ!» Онъ видѣлъ въ окружающемъ его затишьѣ признаки духовнаго истощенія. Я-же скорѣе расположенъ видѣть въ немъ періодъ отдыха, послѣ котораго долженъ совершиться поворотъ къ новому пути духовнаго прогресса. Въ продолженіе долгихъ лѣтъ, все, что было между нами молодого и пылкаго, разсматривало каждый вопросъ въ неразрывной связи съ исторической и практической жизнью. Мы приблизительно исчерпали выгодныя стороны такого взгляда на вещи, мы извлекли изъ него все, что могли извлечь. Попытаемся-же теперь взглянуть на вещи съ болѣе безкорыстной точки зрѣнія, отдадимся болѣе спокойному теченію умственной и духовной жизни. Эта жизнь также можетъ имѣть свои увлеченія и опасности, но въ данную минуту они намъ не угрожаютъ. Позаботимся о томъ, чтобы пріумножить и освѣжить нашъ запасъ истинныхъ идей, вмѣсто того, чтобы, лишь только намъ попадется идея или полъ-идеи, тотчасъ-же бѣжать на улицу, чтобы ей тамъ доставить торжество. Въ концѣ концовъ, наши идеи тѣмъ болѣе получатъ вліянія на людей, чѣмъ болѣе мы имъ дадимъ созрѣть.

Если я такъ настойчиво указывалъ путь, по которому должна слѣдовать критика при обсужденіи политическихъ и религіозныхъ вопросовъ,

то это потому, что относительно этихъ жгучихъ вопросовъ всего легче сбиться. Я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду правильное отношеніе критики ко всѣмъ вообще явленіямъ: ея общій тонъ и настроеніе. Но затѣмъ является другой вопросъ: что собственно должно служить предметомъ литературной критики? Тутъ ея направленіе опредѣляется основной идеей, обусловливающей само ея существованіе: *безкорыстнымъ стремленіемъ узнавать все, что появляется на свѣтѣ лучшаго по части знанія и мысли, распространять это лучшее и, такимъ образомъ, создавать обмѣнъ свѣжихъ и истинныхъ идей.* По самой природѣ вещей, такъ какъ Англія не составляетъ всей вселенной, многое изъ того лучшаго, что появляется въ ученомъ и мыслящемъ мірѣ, не можетъ быть взрощено на англійской почвѣ, а должно получаться изъ другихъ странъ. Но именно это чужестранное всего труднѣе до насъ доходитъ, пока насъ такъ сильно охватываетъ англійская атмосфера мысли, всецѣло поглощая наше вниманіе. Поэтому англійскій литературный критикъ долженъ преимущественно останавливаться на идеяхъ другихъ народовъ, разсматривая особенно тщательно тѣ изъ нихъ, которыя при всей своей значительности и плодотворности, по тѣмъ или другимъ причинамъ, всего легче могутъ ускользнуть отъ насъ. Затѣмъ, нерѣдко приходится слышать, что единственное дѣло критики—произносить сужденіе. Это и справедливо въ извѣстномъ смыслѣ. Но только то сужденіе имѣетъ цѣну, которое образовалось почти безсознательно въ ясномъ и справедливомъ умѣ, при содѣйствіи постоянно увеличивающагося запаса знанія; поэтому, первой заботой критики должно быть пріобрѣтеніе знанія, все новаго знанія. Вообще, наибольшую пользу своимъ читателямъ критикъ можетъ принести тогда, когда онъ, сообщая имъ новыя знанія, вводитъ свои личное сужденіе лишь незамѣтно, въ качествѣ спутника и толкователя. Бываютъ, конечно, случаи, когда критику приходится отводить какому-нибудь автору мѣсто въ литературѣ и опредѣлять его отношеніе къ извѣстному идеалу (а безъ этого, какъ мы достигнемъ «лучшаго въ мірѣ?»). Тогда, если онъ имѣетъ дѣло съ предметомъ столь общеизвѣстнымъ, что о новыхъ данныхъ по поводу его не можетъ быть и рѣчи, его дѣло сводится къ одному сужденію, къ изложенію и примѣненію въ подробностяхъ основныхъ принциповъ. Тутъ, главнымъ образомъ, нужно остерегаться абстрактности, нужно постоянно имѣть непосредственное живое сознаніе; постоянно ощущать, если можно такъ выразиться, справедливость этихъ сужденій; какъ только померкнетъ это сознаніе, можно быть увѣреннымъ, что мы находимся на ложномъ пути. Но, во всякомъ случаѣ, критикъ не можетъ вполнѣ удовлетвориться такимъ обсужденіемъ и примѣненіемъ готовыхъ началъ. Подобно математическимъ вычисленіямъ, это былъ-бы трудъ чисто аналитическій (въ томъ смыслѣ, какъ это слово употребляетъ Кантъ) и не могъ-

бы, какъ пріобрѣтеніе новаго знанія, дать ощущенія творческой дѣятельности.

Но, погодите, скажутъ мнѣ, всѣ эти ваши разсужденія не могутъ имѣть для насъ какого-бы то ни было практическаго примѣненія. Ваша критика не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что мы привыкли понимать подъ этимъ словомъ. Когда мы говоримъ о критикѣ, мы подразумѣваемъ критику текущей англійской литературы; когда вы беретесь указать критикѣ ея задачи, мы ждемъ отъ васъ указаній, обращенныхъ именно къ этой критикѣ. Мнѣ очень жаль, но я боюсь, что не буду въ состояніи оправдать этихъ ожиданій. Я связанъ моимъ собственнымъ опредѣленіемъ задачъ критики, какъ безкорыстнаго стремленія узнать и распространять все лучшее, что появляется на свѣтѣ по части знанія и мысли. Насколько текущая англійская литература участвуетъ въ этомъ «лучшемъ»? Боюсь, что не особенно много и, конечно, въ меньшей степени, чѣмъ текущая французская и нѣмецкая литература. И что-же, неужели я долженъ измѣнить свое опредѣленіе ради того, чтобы исполнить требованія извѣстнаго числа англійскихъ критиковъ, которые, впрочемъ, совершенно свободны въ выборѣ своихъ задачъ. Это значило-бы—заставить критику подчиниться одному изъ тѣхъ именно побочныхъ практическихъ соображеній, которыя, какъ я уже говорилъ, имѣютъ на нее столь пагубное вліяніе. Можно, конечно, убѣждать тѣхъ, кто занимается текущей англійской литературой (большую часть которой слѣдовало-бы оставить вовсе безъ вниманія), чтобы они, по крайней мѣрѣ, старались примѣнять къ ней мѣрку того лучшаго, что извѣстно человѣчеству; для того, чтобы усвоить себѣ эту мѣрку, каждый критикъ долженъ вполнѣ обладать литературой хотя-бы одного великаго народа, помимо своей собственной; и чѣмъ менѣе эта литература похожа на его собственную народную литературу, тѣмъ лучше для него. Но критика, о которой я собственно хлопочу, могущая намъ оказать помощь въ будущемъ, критика въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ нынѣ вся Европа (гдѣ критикѣ и способности критической оцѣнки придаютъ такое огромное значеніе), есть та, которая видитъ въ Европѣ обширный духовный и умственный союзъ для совмѣстной дѣятельности ради одной общей цѣли, члены котораго имѣютъ въ своемъ распоряженіи и знанія одинъ другого, и знанія древности римской, греческой и восточной. Оставивъ въ сторонѣ спеціальныя, временныя и мѣстныя преимущества, можно сказать, что тотъ современный народъ, который всего точнѣе исполнитъ эту программу, безъ сомнѣнія сдѣлаетъ наибольшіе успѣхи въ умственномъ и духовномъ развитіи. Не слѣдуетъ-ли изъ этого, что и каждый изъ насъ въ отдѣльности, чѣмъ лучше выполнитъ эту-же программу, тѣмъ дальше уйдетъ по пути прогресса?

Такъ многое насъ манитъ! За что намъ приняться? Что насъ можетъ

лучше подвинуть къ совершенству? Вотъ вопросы, на которые критику, имѣющему передъ собою такую обширную житейскую и литературную жатву, предстоитъ отвѣтить. сначала за себя, потомъ за другихъ.

Въ заключеніе, я повторю сказанное мною въ началѣ: испытать въ себѣ проявленія творческой дѣятельности есть величайшее счастье, величайшее доказательство полнаго обладанія жизненными силами, а критика можетъ дать это счастье въ извѣстной мѣрѣ; но она должна быть искренна, проста, гибка и постоянно и ревностно заботиться о расширеніи своего кругозора. Человѣкъ со смысломъ и совѣстью всегда предпочтетъ это счастье тому, которое можетъ дать жалкое, надломленное, отрывочное, хотя и самостоятельное творчество. А въ извѣстныя эпохи другое творчество немыслимо.

Однако вѣдь только это самостоятельное творчество и можетъ дать намъ въ полной мѣрѣ ощущеніе творческой дѣятельности. Въ литературѣ мы не должны забывать этого. Да развѣ возможно это забыть? Даровитой натурѣ не такъ часто удается попасть въ благотворную атмосферу истинныхъ и жизненныхъ идей, вдохновиться ими до творчества, чтобы мы могли это забыть! Мы ясно сознаемъ превосходство такихъ эпохъ, какъ эпохи Эсхила и Шекспира. Такія эпохи несомнѣнно составляютъ для литературы ея природную стихію. Онѣ являются обѣтованной землей, на которую критика можетъ только указывать. Въ эту обѣтованную землю намъ не суждено войти, мы кончимъ свою жизнь въ пустынѣ; но достаточно того, если мы стремились къ ней, если мы хоть издали привѣтствовали ее. Это будетъ нашимъ лучшимъ отличіемъ среди современниковъ. лучшимъ нашимъ правомъ на уваженіе потомства.

ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ.

Смерть Пушкина.

Мицкевичъ прислалъ намъ нѣсколько №№ Глобуса со своей статьей «Другъ Пушкина». Это есть мнѣніе одного поэта о другомъ, но съ нѣкоторыми заблужденіями, съ нѣкоторыми политическими предразсудками. Соболевскій, читая ее, сказалъ: Мицкевичъ покинулъ родину 9 лѣтъ тому назадъ, Лелевель и Товіанскій забрали его въ свои руки; этотъ послѣдній фанатикъ и имѣетъ слишкомъ большое вліяніе на поэта. Соболевскій сказалъ, что даже у г-жи Свѣчиной, гдѣ никто и двухъ строчекъ Пушкина не читалъ, эта смерть произвела сильное впечатлѣніе. Она пришла навѣстить меня, узнавъ, что мы были близки съ нимъ, а такъ какъ она читала нѣкоторыя стихотворенія (она читала преимущественно религіозныя и они понравились ей; она читала даже «Полтаву»), то высказала очень вѣрныя сужденія о Пушкинѣ. «Въ его стихотвореніяхъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, которыя я знаю, чувствуется sursum corda, и это направляло его талантъ даже тогда, когда онъ былъ очень молодъ. *Листъ* также пришелъ; онъ говорилъ со мной о Мицкевичѣ и объ его статьѣ. Шопэнъ не занимается политикой, это *музыкальная тѣнь.* Онъ очень слабаго здоровья. Листъ безпокоится объ немъ. Леве-Веймеръ, который жизнь свою проводитъ у *Голынскихъ*, написалъ статью въ «Débats»: она хороша, за исключеніемъ нѣсколькихъ мелкихъ ошибокъ въ подробностяхъ. Мериме просилъ позволенія быть мнѣ представленнымъ для того, чтобы поговорить о Пушкинѣ, и Соболевскій привелъ его ко мнѣ.

Соболевскій прочиталъ намъ статьи, которыя Чаадаевъ помѣстилъ въ «Телескопѣ» Надеждина и французскій текстъ философскихъ писемъ.

По-русски это выходитъ довольно вяло. Соболевскій замѣтилъ, что философскій языкъ нужно еще создать, прежде чѣмъ писать на немъ. А пока-что величайшимъ философомъ является Мужикъ, который довольствуется тѣмъ, что говоритъ *ничего* и *авось* при всѣхъ жизненныхъ невзгодахъ, не будучи при этомъ «Jean qui rit». *Гуссара-Брута* и *Алкивіада-Чацкаго* арестовали въ ихъ собственномъ домѣ за то, что они вздумали философствовать по русски, даже съ согласія цензуры: но полиція нашла, какъ Фамусовъ-отецъ, что Чаадаевъ «якобинецъ, франкъ-массонъ». Соболевскій говорилъ еще, что ни *Мужикъ*, ни Папа никогда не будутъ читать «Телескопа» Надеждина, и Петербургскіе вечера, которые Чаадаевъ только перефразировалъ въ своихъ письмахъ, но *Мужикъ* объявилъ, что благодать возвратилась на небо послѣ собора Никона, что церковь государственная и есть антихристъ, и что раскольники идутъ нѣсколько дальше Чаадаева. Онъ заключилъ: «Сознаемся, m-me фонъ-Визинъ, что тяжело слыть франкъ-массономъ и якобинцемъ, когда идеи свои заимствуешь у J. de Maistre и печатаешь ихъ у Надеждина. Тѣмъ болѣе, что эти письма читали какіе-нибудь 500 усердныхъ человѣкъ, которые читаютъ всѣ журналы». Я отвѣчала: «Тяжело, да, но я думаю, что это сдѣлаетъ Чаадаева болѣе извѣстнымъ, а Пушкинъ говорилъ мнѣ какъ-то разъ, что онъ счастливъ тщеславіемъ. Онъ очень любилъ Гуссара Брута и Алкивіада, не будучи съ ними близокъ». Соболевскій замѣтилъ: «Это правда, въ Чаадаевѣ есть тщеславіе ума. Онъ былъ въ восторгѣ, когда получилъ письмо отъ Пушкина по поводу его статей и послалъ мнѣ копію съ него». Я спросила: «Что-же Пушкинъ говорилъ ему объ нихъ?» Соболевскій отвѣчалъ: «Пушкинъ сожалѣлъ, что Чаадаевъ напечаталъ ихъ по-русски и не посовѣтовавшись съ нимъ. Онъ опровергалъ его взгляды на русскую исторію, но какъ вы можете себѣ представить, онъ не спорилъ и не вдавался въ теологію, онъ только объявилъ, что мы не взяли у византійскихъ грековъ ихъ ребяческую казуистику. Онъ сказалъ, что русское духовенство было достойно уваженія до Ѳеоѳана Новгородскаго. Вы достаточно хорошо знаете Пушкина, чтобы понять, что то довольно сильное выраженіе, которое онъ употребилъ, говоря о папствѣ («мерзости папства»), относилось къ нравамъ духовенства и къ преслѣдованіямъ, и не касалось Церкви, такъ какъ служители ея часто очень плохо служили ей. А такъ какъ всякій абсолютизмъ одинаково отвратителенъ Пушкину, ясно, что абсолютизмъ жандарма, Кромвеля-пуританина, Робеспьера-якобинца, французскаго короля Солнца или римскаго папы одинаково противенъ ему. Онъ одинаково не одобрялъ костровъ св. инквизиціи, какъ и костровъ Генриха VIII и его милыхъ дочерей, Ивана Грознаго и Ѳеодора Алексѣевича. Онъ одобрилъ то чувство, которое заставило Чаадаева констатировать упадокъ нравственности и отсутствіе собственнаго достоинства въ обще-

ствѣ». Тогда я сказала: «Въ этомъ онъ былъ правъ, и мнѣ кажется несомнѣннымъ, что люди, которые каждый день служатъ обѣдню и *вѣрятъ* въ нее, имѣютъ болѣе нравственнаго достоинства и смысла; а таковые у насъ еще существуютъ. Но отецъ Наумовъ сказалъ мнѣ однажды, что у нашего духовенства являются иногда протестантскія мысли и онъ приписываетъ это Ѳеоѳану Новгородскому. Я разсказала это Пушкину, который записалъ это. Онъ объявилъ мнѣ, что послѣ того, что онъ опишетъ жизнь Петра Великаго, онъ будетъ изучать исторію нашей церкви и попроситъ разрѣшенія разсмотрѣть новгородскіе, троицкіе, кіевскіе, суздальскіе архивы и все, что есть въ монастыряхъ, если всего этого не съѣли крысы, такъ какъ монахи не занимаются ими и объ архивахъ заботятся одни только архіереи». Тогда Соболевскій сказалъ: «Чаадаевъ долженъ былъ-бы сказать болѣе или менѣе. Онъ не констатировалъ, что еще съ Алексѣя Тишайшаго и великаго патріарха — его друга, церковный и государственный вопросъ поднялся повсюду, только мы всегда на цѣлый вѣкъ опоздаемъ. Въ концѣ концовъ, французскіе короли, галликанскіе, были очень непокорными сынами церкви, какъ и нѣкоторые англійскіе короли, и императоры. Иванъ IV деспотъ, отрубавшій головы, не смѣлъ войти въ церковь, когда былъ въ связи съ Василисой Мелентьевой, а царь Алексѣй издавалъ законы въ пользу церкви. Въ своемъ *Уложеніи* онъ запретилъ назначать безграмотныхъ священниковъ; это бросаетъ новый свѣтъ на состояніе образованности бѣлаго духовенства XVII в., того, которое было въ сношеніяхъ съ простымъ народомъ. И вотъ почему Петръ въ своемъ законодательствѣ такъ заботился о попахъ и монахахъ. Никонъ такое-же необыкновенное явленіе въ свою эпоху въ Россіи или, лучше сказать, въ московскомъ государствѣ, какъ и Петръ I послѣ него. Образованныхъ архіереевъ и монаховъ этого времени можно по пальцамъ пересчитать: Симеонъ Полоцкій, Туптало, который былъ святой, Петръ Могила, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ, который былъ совершенная противоположность тому, что называется святымъ, Ѳеофилактъ Лопатинскій— вотъ эти ученые, бывшіе даже своего рода Расинами московскаго государства; они писали религіозныя драмы.

Во всякомъ случаѣ Чаадаевъ не понялъ Петра Великаго и его цѣлей. Необходимо было набросить плащъ на нашу варварскую наготу, и начать дѣло съ матеріальной стороны, или даже съ технической, въ странѣ, которая не имѣетъ ни арміи, ни правильнаго войска, не имѣетъ настоящей администраціи, въ странѣ, гдѣ ревизія вызвала ужасъ, гдѣ подати не собирались и гдѣ петиціи шли въ бездонную кадку Думы. Мы однажды говорили объ этомъ съ Пушкинымъ и онъ сказалъ мнѣ: «Прежде всего надо освободить крѣпостныхъ. Я предвижу, что лѣтъ черезъ 30 на святой Руси произойдетъ замѣчательная эволюція, и даже раньше, если Государь освободитъ крестьянъ. И эта эволюція не будетъ носить политическій

характеръ, какъ на западѣ. Однажды я говорилъ Вел. Кн. Михаилу, что Романовы величайшіе революціонеры; онъ отвѣчалъ мнѣ, что я правъ, такъ какъ важнѣйшія перемѣны въ Россіи были сдѣланы ими, и въ особенности Петромъ I. Но если мы облечемся въ парламентаризмъ англійскихъ лордовъ (sic), или начнемъ пустомелить, какъ французскіе доктринеры (sic), то изъ всего этого у насъ выйдетъ только бухарскій халатъ». Тогда-же онъ, Пушкинъ, сказалъ мнѣ: «Если Вяземскій и Плетневъ написали стихи по поводу отъѣзда M-me Фонъ-Визинъ, повторите ей, что ея вѣрный Сверчокъ думаетъ объ ней еще больше ихъ и не питаетъ никакой надежды увидѣться съ ней на цвѣтущихъ лугахъ Сены, а потому пусть она возвращается какъ можно скорѣе къ сырымъ лугамъ Невы». Увы! мы не увидимся съ нимъ болѣе... По прошествіи мѣсяца Брутъ-Чацкій былъ освобожденъ. Соболевскій прозвалъ его отшельникомъ съ Басманной. Мы только что на берегахъ Невы читали l'Ermite de la Chaussée-d'Antin! Соболевскій передалъ намъ еще одну изъ своихъ бесѣдъ съ Пушкинымъ по поводу писемъ Чаадаева, во время которой онъ повторилъ ему: «Послѣ освобожденія крестьянъ у насъ будутъ гласные процессы, присяжные, бóльшая свобода печати, реформы въ общественномъ воспитаніи и въ народныхъ школахъ также. Все это придетъ свыше и это и будетъ эволюція. Нужно будетъ подумать также и о духовенствѣ, уничтожить сословіе священниковъ, одно это эмансипировало-бы духовенство, такъ какъ священниками дѣлаются не имѣя къ этому дѣйствительнаго призванія. Церковь должна быть активна и воинственна, такъ какъ она должна дѣйствовать, но для того чтобы дѣйствовать, нужно быть свободнымъ и имѣть апостольское и евангельское призваніе. Римская церковь располагаетъ громадной силой въ своихъ религіозныхъ орденахъ, а наши монахи перестали даже заниматься наукою. Нѣкогда они были единственными образованными людьми, а теперь, за небольшимъ исключеніемъ, сдѣлались самыми темными. Наше бѣлое духовенство слишкомъ пассивно, оно воображаетъ, что, отслуживъ обѣдню, оно сдѣлало все. Прежде у насъ были епископы и монахи, очень полезные и дѣятельные въ политической жизни. Вѣдь жандармы ничего не имѣютъ общаго съ символомъ вѣры и не съ ихъ помощью обратятъ раскольниковъ». Соболевскій прибавилъ: «Вы знаете Пушкина, онъ кончаетъ всегда колкостью, въ которой всегда кроется великая истина, глубокая и оригинальная мысль, онъ мнѣ впослѣдствіи сказалъ: «Лютеранинъ графъ Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ, кажется мнѣ не вполнѣ подходящимъ борцомъ за православіе» (sic).

Письма Вяземскаго, Catherine Мещерской, Софи Карамзиной, Андрея Муравьева, Александра Тургенева, M-me Нессельроде, Marie Ельмитъ

Алины Дурново, Софіи Борхъ, всѣ тѣ, которыя я получаю, которыя написаны Николаю, Соболевскому, Киселеву, всѣ тѣ, которыя я получила изъ дворца, отъ Цециліи Фридериксъ, отъ моихъ братьевъ, подтверждаютъ то, что мы думали. Наступило нѣкоторое спокойствіе послѣ свадьбы Екатерины Гончаровой и Дантеса, и это спокойствіе обмануло отчасти ожиданія литературной клики: Греча, Сенковскаго, Булгарина. К. Булгаковъ убѣжденъ что русскія письма были написаны какими-то третьеразрядными писаками, которыхъ Соболевскій называетъ *«гостинодворскими музами»*. Пушкинъ получалъ подобныя и раньше, и когда Соболевскій уѣзжалъ,—онъ показалъ ему одно изъ нихъ, въ которомъ онъ узналъ милые когти Фиглярина. Но французскія письма иного происхожденія: они вѣроятно изъ тѣхъ болотъ, въ которыхъ наслаждался Хромоногій и вдохновлены отчасти его ненавистью за прозвище данное ему Пушкинымъ. Онъ увѣрялъ, что это помѣшало С. Л—ой выйти за него замужъ, что просто смѣшно, такъ какъ она уже сходила съ ума по своемъ мужѣ, я была ея повѣреннымъ и Николай воспользовался своей близостью съ А. Б., чтобы часто приглашать его. Эта чета говорила, что мы ихъ повѣнчали. Б. долго не рѣшался, такъ какъ она очень богата, а онъ совсѣмъ нѣтъ; она некрасива и онъ боялся, чтобы не сказали, что онъ женился изъ-за денегъ. А Хромоногій не имѣлъ никогда ни *малѣйшей надежды* ей понравиться. Онъ съ бо̀льшимъ умомъ поддерживаетъ разговоры, чѣмъ Б., но онъ преимущественно желченъ и золъ. Б. красивый малый, пріятный и добрый, джентльменъ во всемъ. Хромоногій искалъ денегъ и онъ много получилъ отказовъ, съ тѣхъ поръ какъ желаетъ жениться. Онъ весь полонъ ненависти. Впрочемъ, многіе этому способствовали; женщины сплетничали, а мужчины такіе же сплетники, какъ и женщины. И это петербургское глумленіе надъ мужьями, за женами которыхъ ухаживаютъ! Они заимствовали этотъ жанръ, думая, что это сдѣлаетъ ихъ вполнѣ французами, такъ какъ во Франціи смѣются надъ обманутыми мужьями со времени Сганарелля. Но Пушкинъ не одного тѣста со Сганареллемъ, а его хотѣли прославить рогоносцемъ. Екатерина Мещерская очень хорошо опредѣлила весь этотъ міръ и всѣ отвѣтственности. Соболевскій сказалъ намъ: «Государь показалъ себя такимъ, каковъ онъ всегда. Монархъ совершенно русскій, когда умѣстно быть таковымъ, онъ никогда не притворяется москвичемъ (le Moscvitisme), что теперь входитъ въ такую моду и угрожаетъ намъ». Я сказала: «это будетъ такъ называемый поворотъ назадъ, онъ будетъ полезенъ, если его не преувеличатъ. Государь чувствуетъ какъ настоящій русскій, какъ патріотъ, и онъ доказываетъ это всегда, когда это необходимо. Я съ 1826 г. замѣтила, что онъ интересуется русской литературой гораздо больше, чѣмъ наше высшее общество. Въ 1827 г. онъ говорилъ мнѣ о Пушкинѣ съ восторгомъ. Представьте себѣ, что въ первый годъ моего пребыванія при дворѣ онъ го-

ворилъ со мной о Плетневѣ. Марія Феодоровна сказала ему, что я любимая ученица Плетнева. Государь говорилъ со мной объ Ламартинѣ, Державинѣ, Крыловѣ, Карамзинѣ и Батюшковѣ, сожалѣя о его безнадежномъ положеніи; онъ посовѣтовалъ мнѣ въ 1827 г., чтобы я у Жуковскаго спросила совѣта по поводу моего чтенія русскихъ книгъ—о томъ, что можетъ молодая дѣвушка прочесть въ новѣйшей русской поэзіи. Онъ очень жалѣлъ о Грибоѣдовѣ, читалъ Иліаду Гнѣдича, жалѣлъ о Дельвигѣ и говорилъ объ немъ съ Пушкинымъ. Я знаю одну подробность о поэтахъ-декабристахъ; Василій Перовскій разсказалъ ее Жуковскому, который сообщилъ ее по секрету Пушкину и мнѣ. Когда схватили бумаги Рылѣева, Одоевскаго, Кюхельбекера и Бестужевыхъ-Рюминыхъ, полиція отложила отдѣльно литературныя рукописи, Бенкендорфъ сохранилъ ихъ и отдалъ ихъ Государю только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія процесса. Государь прочелъ ихъ. Мнѣ кажется, что Рылѣевъ напечаталъ Войнаровскаго около 1825 г., Думы—раньше, но Государь не былъ знакомъ съ ними. Онъ говорилъ съ Жуковскимъ о поэтахъ-декабристахъ, жалѣя о томъ, что не зналъ, что у Конрада Рылѣева такой талантъ и что даже Бестужевы поэты. Онъ даже сказалъ Жуковскому, что дума о царевичѣ Алексѣѣ очень хороша и Олегъ тоже, что дума объ Аннѣ Іоановнѣ слишкомъ фантастична и что Пушкинъ гораздо лучше понялъ Мазепу и Карла XII и что Войнаровскій былъ только авантюристъ, но что въ этой поэмѣ есть прекрасные стихи. Онъ хвалилъ стихотворенія Рылѣева и Одоевскаго. Тогда Жуковскій далъ ему копію со стихотвореній, написанныхъ ими въ крѣпости, и которыя очень *тронули* Государя. Онъ сказалъ ему тогда: «Я жалѣю, что не зналъ о томъ, что Рылѣевъ талантливый поэтъ; мы еще не достаточно богаты талантами, чтобы терять ихъ».

Позднѣе мы всѣ подумали, что поэтому онъ и послалъ Одоевскаго на Кавказъ, вмѣсто того, чтобы оставить его на все время въ Сибири.— Мой мужъ сказалъ мнѣ: «разскажи же подробности, которыя тебѣ сообщилъ Василій Перовскій о томъ, что происходило между старымъ канцлеромъ Лопухинымъ и Государемъ по поводу приговора. Ты хорошо сдѣлала-бы, если-бы записала это; это историческій фактъ!» Я когда-то подъ секретомъ разсказала объ этомъ Пушкину и Жуку.

Комиссія приговорила 19 къ смерти; это была первая категорія; 2-ю—въ рудники и позднѣе на поселеніе въ Сибирь и т. д. Когда Лопухинъ принесъ приговоръ, старикъ былъ очень смущенъ; онъ былъ противъ смертной казни; это Бенкендорфъ убѣдилъ другихъ, что такъ—необходимо для примѣра. Когда Государь прочелъ приговоръ, онъ нахмурилъ брови и сказалъ: «Офицеровъ не вѣшаютъ, ихъ разстрѣливаютъ» и зачеркнувъ слово *повѣсить*, поставилъ: разстрѣлять. Тогда Лопухинъ сказалъ ему: «Ваше Величество, Вы начинаете царствовать, 19 человѣкъ—это много». Государь

вычеркнулъ слово *разстрѣлять* и поставилъ: въ рудники, какъ и 2-ю категорію и 5 годами больше, чѣмъ для второй.

Тогда канцлеръ сказалъ ему: «Ваше Величество, первые 5 этого списка должны быть подвергнуты смертной казни, они главари, одинъ изъ нихъ даже солдатъ подговаривалъ, комиссія имѣла доказательства и Ваше Величество имѣетъ объ этомъ рапорты». Государь подчеркнулъ пять первыхъ именъ и поставилъ «разстрѣлять» сбоку. Для остальныхъ 14 онъ поставилъ «во 2-ю категорію». Если бы Лопухинъ сказалъ: «Рылѣевъ талантливый писатель Государь вычеркнулъ бы его имя; въ началѣ списка были: Пестель, Муравьевъ-Апостолъ и Каховскій, повѣсили-бы только этихъ трехъ. Лопухинъ былъ человѣкъ стараго времени и не читалъ новыхъ поэтовъ, онъ даже не зналъ ихъ именъ. Старики одного Державина считали поэтомъ. Когда принесли приговоръ, вся комиссія была изумлена и черезъ Бенкендорфа снова былъ посланъ приговоръ въ новой редакціи и еще разъ поставлено слово «повѣсить». Государь долго не рѣшался, ему не хотѣлось вѣшать офицеровъ, поступать съ ними, какъ онъ говорилъ, какъ *съ ворами*. Бенкендорфъ настаивалъ на полезности примѣра позорящаго наказанія, и Государь, наконецъ, уступилъ. Я знаю, что Великій Князь былъ также противъ повѣшенья. Перовскій разсказалъ мнѣ всѣ эти подробности. Бенкендорфъ жаловался даже на то. что Государь такъ долго противился закону, высшей коммиссіи! Въ то же время Бенкендорфъ очень хорошо велъ себя во время допросовъ. онъ былъ очень вѣжливъ и изысканъ съ осужденными, а всѣ члены комиссіи не были вѣжливы, — въ этомъ надо отдать справедливость графу Бенкендорфу. Соболевскій замѣтилъ: «Совершенный европеецъ. Онъ вѣжливъ, но его вѣжливость бываетъ иногда наглой; это выводило Пушкина изъ себя. Но онъ часто отвѣчалъ ему той-же вѣжливостью». Соболевскій прибавилъ: «Кюхельбекеръ былъ всего строже наказанъ, такъ какъ онъ въ Динабургѣ, а Батенковъ, сибирякъ, въ Шлиссельбургѣ. Я спрашиваю, почему его не послали съ другими въ рудники; это менѣе ужасно, чѣмъ казематъ». Мой мужъ отвѣчалъ, что онъ слыхалъ, что его нельзя туда сослать; такъ какъ у Батенкова вся семья въ Сибири, то нашли, что онъ спасся бы тамъ. ему дали бы возможность бѣжать. Что касается Кюхельбекера, то думаютъ, что у него были враги въ комиссіи. Пушкинъ много думалъ о немъ и хотѣлъ въ одинъ прекрасный день испросить у Государя полупомилованіе—ссылку въ Сибирь. Онъ говорилъ мнѣ: «Въ тотъ день. когда одна изъ моихъ поэмъ очень понравится Государю, я поговорю съ нимъ о моемъ бѣдномъ Кюхельбекерѣ». Соболевскій сказалъ мнѣ: «Цѣнитъ ли Государь стихотвореніе Жуковскаго?» Я отвѣчала: «Да, и когда я ему прочитала стихи Пушкина по поводу этого стихотворенія, онъ

сказалъ мнѣ: «Запишите это въ альбомъ Императрицы, это лучшее, что когда мнѣ было сказано объ *ея* поэтѣ».

Софи Борхъ написала мнѣ, что нѣкоторые такъ возмущены, что негодуютъ на Нессельроде за то, что они продолжаютъ принимать *Геккеренъ*, до тѣхъ поръ пока онъ не будетъ отозванъ. Это смѣшно и Вяземскій ошибается, думая что графиня Нессельроде и канцлеръ враждебно относились къ Пушкину. Совершенно напротивъ, такъ какъ она очень независима отъ всѣхъ кликъ и свѣтскихъ партій, а онъ человѣкъ образованный. Какъ жена министра иностранныхъ дѣлъ она должна была принимать Геккерена до конца. Дантесъ никогда не переступилъ порога ихъ дома; онъ не подходилъ къ этому корректному салону, это не Нессельроды распространили сплетни, ничто не можетъ быть такъ мало на нихъ похоже. Вяземскій не любитъ графини Нессельроде и онъ приписываетъ ей то, чего нѣтъ. Я хочу написать ему. Онъ долженъ былъ-бы прочесть письма, которыя я теперь имѣла отъ нея.

Медемъ отправился въ Вѣну и написалъ Николаю, что вѣроятно знаменитый напечатанный циркуляръ былъ сдѣланъ въ Вѣнѣ. Фикельмонтъ послалъ ему экземпляръ и кажется, что печатала ихъ вѣнская типографія. Вѣрная Элиза волнуется, отыскивая автора этой гадости и была поражена тѣмъ, что программа одного вѣнскаго концерта имѣетъ тотъ-же типъ. Тамъ есть даже ошибки, которыхъ въ Парижѣ не сдѣлали-бы и кромѣ того это типъ, уже вышедшій изъ моды во Франціи. Элиза хочетъ, чтобы Медемъ разузналъ, кому въ Петербургъ типографъ отослалъ циркуляры, но это невозможно, такъ какъ это могло сдѣлать посольство, у котораго есть курьеры, и типографъ могъ не знать *для кого это было*. Баронъ Геккеренъ принималъ курьеровъ и могъ быть отправителемъ, безъ посредства почты. Русская полиція ничего не нашла, но почта получала пакеты, другіе были переданы швейцарамъ неизвѣстными личностями. На похоронахъ Пушкина Элиза такъ рыдала, что у нея по возвращеніи сдѣлался нервный припадокъ и принуждены были ее уложить.

Софи Карамзина написала Николаю, что m-me Хитрово хотѣла *обнять* Лерму, при чтеніи стиховъ его. Напрасно смѣются надъ ея привязанностью, такъ какъ она искренна.

Одинъ Бенкендорфъ былъ хорошо освѣдомленъ и такъ какъ Государь сказалъ ему: «Я хочу знать автора этой мерзости», онъ долженъ былъ все ему открыть, но слишкомъ поздно; такъ какъ одного его слова было-бы достаточно для того, чтобы изгнать Дантеса за границу, онъ не былъ такъ полезенъ полку, этотъ танцоръ, этотъ каламбу-

ристъ, и его легко было выселить изъ Петербурга безъ всякой церемоніи.

Вчера вечеромъ мой мужъ сказалъ мнѣ: «Что должна испытывать несчастная Екатерина Дантесъ». А Соболевскій отвѣчалъ ему: «Она до сумасшествія влюблена въ Дантеса и обвинитъ Пушкина, у нея на глазахъ повязка. Единственная ясновидящая это Александрина Гончарова, она все таки цѣнила своего beau frère, такъ какъ она самая умная изъ нихъ трехъ. M-me Nathalie до сихъ поръ пансіонерка, она жила, какъ живутъ дѣти, безъ размышленій, безъ заботъ, для нея жизнь была рядомъ празднествъ, баловъ, туалетовъ, прогулокъ и какъ только ей дѣлали ласковое лицо, она воображала, что ее обожаютъ; она повѣряла эти маленькія тайны г-жѣ X., а эта послѣдняя, сходившая съ ума по Дантесу, передавала ихъ ему, а потомъ разносила повсюду, что Nathalie обожала ея beau-frère. A Nathalie, женщина, неспособная обожать кого-бы-то ни было; у нея спокойная холодная натура и если она кого-нибудь любила, то это все-таки Пушкина, котораго она любила на свой ладъ, совершенно его не понимая. Она ревновала его; онъ никогда не ревновалъ, такъ какъ онъ глубоко понималъ ее, но онъ былъ оскорбленъ той наглостью, съ которой за ней ухаживали, это оскорбляло даже вкусъ его. Онъ никогда не думалъ, что она измѣнила своему долгу. Вѣдь Вяземскій писалъ объ этомъ твоей женѣ, онъ говорилъ объ этомъ своимъ друзьямъ передъ дуэлью и послѣ нея. Онъ ни за что не солгалъ-бы въ такую минуту, онъ смолчалъ-бы, но не говорилъ-бы, если-бы сомнѣвался въ своей женѣ».—Тогда я сказала: «Въ этомъ убѣждены въ Зимнемъ Дворцѣ и я знаю это изъ вѣрныхъ источниковъ: ни одной минуты я не вѣрила, что Nathalie измѣнила своему долгу. Она была *оглушена*, она не умна, у нея нѣтъ свѣтскаго такта, но *она честная* женщина. Она не была создана для Пушкина, но не обманывала его, она даже передавала ему и тѣ рѣчи, которыя ей говорились и надъ которыми она потѣшалась и не представляла себѣ, что это раздражало его; это доказываетъ отсутствіе такта у нея и недостатокъ ума, но это доказываетъ также, что она не считала все это важнымъ. Она даже не кокетка, ея голова слишкомъ пуста и легкомысленна. Она любитъ туалеты, танцы, движенье, она скучаетъ дома, она пуста, у нея нѣтъ серьезнаго вкуса. Мнѣ очень жалко ее, она должна быть въ ужасномъ состояніи—растерявшаяся и дѣлающая себѣ тысячи упрековъ, но нельзя сердиться на людей, лишенныхъ такта или ума, это не ихъ вина. Она была плохо воспитана, воспитаніемъ въ ней ничего не создали. Ея сестры, болѣе одаренныя, сами развились немного.

Жуковскій послалъ мнѣ копію съ записочки государя къ Пушкину, въ которой онъ называлъ его своимъ другомъ. Характерно для Пушкина то.

что онъ отослалъ эту записку Государю обратно; онъ не могъ уже больше писать и это доказательство его деликатности, послѣднее, данное имъ Государю. Онъ вѣроятно сжегъ всѣ разговоры; говорятъ, что онъ сжигалъ бумаги передъ дуэлью и велѣлъ сжечь другія передъ смертью.

Во всякомъ случаѣ, я съ вѣрностью сохранила все то, что онъ сообщалъ мнѣ, и эти замѣтки я показывала только мужу моему, который есть воплощенная скромность. У Пушкина было такое деликатное чувство честности, онъ былъ такъ постояненъ въ дружбѣ, такъ преданъ Государю и Россіи.

Андрей Карамзинъ сказалъ мнѣ, что мать его была безконечно тронута, когда, умирая, Пушкинъ пожелалъ ее увидать, поцѣловалъ ей руку и сказалъ ей: «Благословите меня». Она сохранила спокойствіе, благословила его, а входя въ карету, разрыдалась; она сказала Софи: «Это онъ въ память отца вашего поцѣловалъ мнѣ руку; я поняла, что онъ думалъ о немъ; что мнѣ доставило больше всего удовольствія, это то, что онъ трагедію свою посвятилъ памяти Карамзина; это вниманіе, которое меня очень тронуло».

Когда мы находимся въ кругу друзей, разговоръ возвращается всегда къ Пушкину, каждый пустякъ, каждое слово напоминаютъ его. Его будетъ страшно недоставать намъ въ Петербургѣ. Я говорила Андрею Карамзину, что Геккеренъ больше виноватъ, чѣмъ Дантесъ; одни лѣта его налагали на него обязанность вести себя иначе. Быть сводникомъ своего пріемнаго сына (или кого бы то ни было) и молодой женщины, повторять ей, что Дантесъ умираетъ отъ любви къ ней, боленъ, это подло! Онъ долженъ былъ-бы выдрать за уши своего пріемнаго сына, вмѣсто того, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ его назвалъ Пушкинъ въ своемъ письмѣ, давъ ему понять, что m-r Геккеренъ прикрывается своимъ высокимъ положеніемъ и даже родственнымъ дворомъ. Намъ прислали копію съ письма Пушкина къ Геккерену и оно прекрасно опредѣляетъ вину этого злосчастнаго господина. И позднѣе онъ продолжалъ эту прекрасную роль сводника, безчестную относительно Катеринъ Дантесъ; а пріемный сынъ воспользовался родствомъ, чтобы приходить въ домъ. Пушкинъ долженъ былъ-бы выгнать ихъ всѣхъ изъ своего дома и увести Натали въ деревню, не обращая вниманія на ея жалобы. Но онъ ненавидѣлъ патетическія сцены. Онъ не ревновалъ, но былъ возмущенъ тѣмъ, что творилось. Если бы у Дантеса была хоть тѣнь порядочности, онъ прекратилъ-бы свои преслѣдованія; а самое скверное то, что онъ никогда небылъ влюбленъ въ Натали, онъ находилъ ее глупой и скучной; онъ былъ влюбленъ въ И. и назначалъ ей свиданіе у Натали, которая служила ширмой въ продолженіе двухъ лѣтъ. И. страшно боялась своего beau-père (больше чѣмъ своего мужа) и своей семьи, такъ какъ для нея скандалъ былъ-бы концомъ всего, потому что ея положеніе въ семьѣ было довольно затруднительное. Она очень хорошенькая, привлекательная, умная, и ея дружбу съ Натали, и эту внезапную нѣжность никто

не понималъ, такъ какъ прежде она жестоко потѣшалась надъ ней. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, онѣ неразлучны. Натали, очень простодушная, прекрасно служила ширмой и ея мелкое тщеславіе было польщено тѣмъ, что она была предметомъ чьей-то страсти. П. повторяла ей, что это лестно. Catherine Гончарова была болѣе прозорлива: она ненавидѣла П., потому что сама сходила съ ума по Дантесу. Александрина Гончарова была тоже очарована П., и Геккеренъ, который *зналъ все это*, имѣлъ развратное удовольствіе играть низкую роль. Это старый негодяй, человѣкъ безъ принциповъ, безъ чести, типъ стараго повѣсы XVIII в., который наслаждается всякимъ скандаломъ, насмѣхается надъ всѣмъ и вмѣшивается во всѣ интриги. Если бы я была въ Петербургѣ, я все-бы разсказала Государю до малѣйшихъ подробностей, онъ потребовалъ-бы, чтобы Геккерена отозвали, отправилъ-бы Дантеса на Кавказъ, чтобы успокоить его пылъ, даже послѣ свадьбы Catherine. Дантесъ многаго не стоитъ; онъ дѣйствовалъ какъ проходимецъ—съ нахальствомъ хлыща, съ тщеславіемъ мелкой натуры съ дурнымъ воспитаніемъ; это меньше чѣмъ ничего. Но настоящіе виновники Геккеренъ и Хромоногій, такъ какъ послѣ того, что произошло, Дантесъ долженъ былъ принять вызовъ. Но вотъ какъ онъ долженъ былъ-бы поступить *послѣ свадьбы*: онъ долженъ былъ *сдѣлать дуэль невозможной* и отвѣтственность за это падаетъ *на него одного* передъ Богомъ. Всѣ интересуются, каково будетъ супружество Дантесъ? Соболевскій утверждаетъ, что она будетъ счастлива, такъ какъ она его обожаетъ, онъ позволитъ себя обожать, а она всегда будетъ видѣть только глазами своего мужа, который постарается сохранить ее слѣпой до конца. Соболевскій получилъ письмо отъ Г. Перовскаго, который разсказываетъ ему, что Государь страшно разсердился за то, что Бенкендорфъ старался выхлопотать, чтобы Дантесъ былъ посланъ солдатомъ на Кавказъ: онъ могъ-бы тамъ драться, сдѣлать геройскій поступокъ и заслужить эполеты; Бенкендорфъ говорилъ даже о горѣ Catherine Дантесъ, которая должна будетъ покинуть семью свою. Государь очень сухо отвѣчалъ: «Она вышла за него замужъ по собственному выбору и жалѣть нужно сестру ея». Тогда Бенкендорфъ сказалъ, что Дантесъ хорошій офицеръ и хорошо велъ себя во время дуэли. Государь страшно вспылилъ и закричалъ: «Хорошій офицеръ! Танцоръ! Онъ часто былъ подъ арестомъ, впрочемъ дѣло не въ этомъ, а въ его непорядочномъ поведеніи, недоставало только, чтобы офицеръ, который имѣетъ честь носить русскій мундиръ, былъ-бы дрянью и струсилъ-бы передъ пистолетомъ. Будетъ, я рѣшилъ!» Перовскій, ждавшій очереди, все слышалъ; Государь говорилъ такъ громко и Бенкендорфъ вышелъ совсѣмъ смущенный изъ кабинета. «Онъ былъ посланъ обожательницами Дантеса, сказалъ намъ Соболевскій.—если-бы его послали на Кавказъ, всѣ эти дамы совершили-бы путешествіе въ Пятигорскъ, и эти воды сдѣлались-бы столь-же fashionables, какъ Баденъ-Баденъ».

„QUO VADIS“.

Романъ изъ временъ Нерона **Генриха Сенкевича.**

Переводъ съ польскаго **К. Льдова.**

III.

— Она вѣруетъ въ Бога, единаго, всемогущаго и справедливаго,— повторилъ Петроній, когда снова очутился въ носилкахъ, наединѣ съ Виниціемъ. — Если ея Богъ всемогущъ, въ такомъ случаѣ жизнь и смерть въ Его власти; если-же Онъ справедливъ, слѣдовательно посылаетъ смерть, когда должно. Почему-же Помпонія носитъ трауръ по Юліи? Оплакивая Юлію, она хулитъ своего Бога. Надо повторить это разсужденіе нашей мѣднобородой обезьянѣ,—я полагаю, что въ діалектикѣ сравнился съ Сократомъ. Что касается женщинъ, то я согласенъ что каждая изъ нихъ имѣетъ три или четыре души, но ни одна не обладаетъ душою разумной. Помпоніи слѣдовало-бы углубиться съ Сенекою или Корнутомъ въ размышленія о сущности ихъ великаго Логоса... Пусть они вмѣстѣ вызываютъ тѣни Ксенофана, Парменида, Зенона и Платона, соскучившіяся въ Киммерійскихъ предѣлахъ, какъ чижи въ клѣткѣ. Я хотѣлъ поговорить съ нею и Плавціемъ о совсѣмъ другомъ. Клянусь священнымъ чревомъ египетской Изиды! Если-бы я напрямки сказалъ имъ, зачѣмъ мы пришли, добродѣтель ихъ, навѣрно, загремѣла-бы, какъ мѣдный щитъ отъ удара палкой. И я не рѣшился!.. и я не посмѣлъ. Повѣришь-ли, Виницій, не посмѣлъ! Павлины—очень красивыя птицы, но кричатъ слишкомъ пронзительно. Я испугался крика. Я долженъ, однако, похвалить твой вкусъ. Настоящая «розоперстая Заря»... И знаешь-ли, что она мнѣ напомнила? —весну! И не нашу итальянскую весну, съ кое-гдѣ одѣвшимися цвѣтами яблонями и неизмѣнно сѣрыми оливковыми деревьями,—а ту весну, которую мнѣ нѣкогда привелось

видѣть въ Гельвеціи, — молодую, свѣжую, свѣтло-зеленую... Клянусь этою блѣдной Селеной, я не удивляюсь тебѣ, Маркъ,—но знай-же, что ты влюбился въ Діану и что Авлъ и Помпонія способны растерзать тебя, какъ въ древности собаки растерзали Актеона.

Виницій молчалъ, опустивъ голову; затѣмъ, онъ заговорилъ прерывающимся отъ возбужденія голосомъ:

— Я жаждалъ обладать ею раньше, а теперь жажду еще сильнѣе. Когда я обхватилъ ея руку, во мнѣ забушевало пламя... Я долженъ обладать ею. Если-бы я былъ Зевсомъ, я окружилъ-бы ее облакомъ, какъ онъ окружилъ Іо, или пролился-бы на нее дождемъ, какъ онъ опустился на Данаю. Я сталъ-бы цѣловать ее въ уста, до боли! Я хотѣлъ-бы слышать ея крикъ въ моихъ объятіяхъ! Я готовъ убить Авла и Помпонію, а ее—схватить и унести на рукахъ въ свой домъ. Нынче ночью я не сомкну глазъ. Я прикажу бичевать котораго-нибудь изъ рабовъ и буду слушать его стоны...

— Успокойся,—сказалъ Петроній.—Что за желанія, точно у плотника изъ Субурры.

— Мнѣ все равно. Я долженъ обладать ею! Я обратился къ тебѣ за помощью, но, если ты ничего не придумаешь, я знаю, что мнѣ остается сдѣлать... Авлъ считаетъ Лигію дочерью, — почему-же я долженъ смотрѣть на нее, какъ на рабыню? Если нѣтъ иного способа, пусть-же она опутаетъ нитками двери моего дома, пусть умаститъ ихъ волчьимъ саломъ и сядетъ, какъ жена, у моего очага.

— Успокойся сумасбродный потомокъ консуловъ. Мы не затѣмъ приводимъ варваровъ на веревкѣ за нашими повозками, чтобы жениться на ихъ дочеряхъ. Остерегайся крайности. Исчерпай сначала всѣ простыя, приличныя средства и оставь себѣ и мнѣ время на размышленіе. Хризотемида также казалась мнѣ дочерью Юпитера, а я, однако, не обвѣнчался съ нею, — и Неронъ тоже не женился на Актеѣ, хотя ее выдавали за дочь царя Аттала... Успокойся... Вспомни, что Авлъ и его жена не имѣютъ права удерживать ее, если Лигія захочетъ оставить ихъ домъ для тебя,—и знай, что ты пламенѣешь не одинъ, Эротъ и въ ней зажегъ пламя страсти... Я замѣтилъ это,—а мнѣ можно повѣрить... Запасись терпѣніемъ. Все можно уладить, но сегодня я и такъ слишкомъ много думалъ, а это надоѣдаетъ мнѣ. За то даю тебѣ слово, что завтра подумаю о твоей любви, — и Петроній не былъ бы Петроніемъ, если бы не придумалъ какого-нибудь способа.

Они снова замолчали. Спустя нѣсколько времени, Виницій произнесъ спокойнѣе:

— Благодарю тебя и пусть ниспошлетъ тебѣ свои щедроты Фортуна.

— Будь терпѣливъ.

— Куда приказалъ ты отнести себя?

— Къ Хризотемидѣ.

— Счастливецъ, ты обладаешь женщиной, которую любишь.

— Я? знаешь, чѣмъ еще забавляетъ меня Хризотемида? Только тѣмъ, что измѣняетъ мнѣ съ моимъ собственнымъ вольноотпущенникомъ, лютнистомъ Теокломъ,—и воображаетъ, что я этого не замѣчаю. Было время, когда я любилъ ее, а теперь меня забавляютъ ея лганье и глупость. Пойдемъ къ ней со мною. Если она станетъ завлекать тебя и чертить передъ тобою буквы по столу пальцемъ, омоченнымъ въ винѣ, знай, что я не ревнивъ.

Они приказали отнести себя къ Хризотемидѣ.

Но въ преддверіи Петроній опустилъ руку на плечо Виниція и сказалъ:

— Постой, мнѣ кажется, что я нашелъ способъ.

— Пусть наградятъ тебя всѣ боги...

— Да, да! Я думаю, что это средство подѣйствуетъ безошибочно. Знаешь что, Маркъ?

— Я слушаю тебя, моя Аѳина...

— Черезъ нѣсколько дней, божественная Лигія вкуситъ въ твоемъ домѣ отъ даровъ Деметры.

— Ты болѣе великъ, чѣмъ цезарь!—съ восторгомъ воскликнулъ Виницій.

IV.

Петроній, дѣйствительно, сдержалъ свое обѣщаніе.

На слѣдующій день послѣ посѣщенія Хризотемиды онъ проспалъ до вечера; затѣмъ, однако, онъ приказалъ отнести себя на Палатинскій холмъ и наединѣ побесѣдовалъ съ Нерономъ. Послѣдствія этого разговора не замедлили обнаружиться: на третій день передъ домомъ Плавція появился центуріонъ съ небольшимъ отрядомъ преторіанскихъ солдатъ.

Въ тѣ времена произвола и кровавыхъ злодѣяній подобные послы являлись обыкновенно и вѣстниками смерти. Съ той минуты, когда центуріонъ стукнулъ молоткомъ въ дверь Авла и смотритель атрія сообщилъ, что въ сѣняхъ стоятъ солдаты, во всемъ домѣ воцарился внезапный ужасъ. Семья тотчасъ-же окружила стараго вождя; никто не сомнѣвался, что опасность угрожаетъ, главнымъ образомъ, ему. Помпонія, обвивъ руками его шею, прильнула къ нему изо всѣхъ силъ, а посинѣвшія губы ея быстро двигались, шепча какія-то невнятныя слова. Лигія съ лицомъ, поблѣднѣвшимъ, какъ полотно, цѣловала его руку; маленькій Авлъ ухватился за тогу. Изъ корридоровъ, изъ комнатъ, помѣщающихся въ верхнемъ этажѣ и предназначенныхъ для прислужницъ,

изъ комнаты для челяди, изъ бани и сводчатыхъ подвальныхъ помѣщеній, со всего дома стали высыпать толпы рабовъ и рабынь. Послышались восклицанія: «heu! heu, me miserum!» Женщины разразились громкимъ плачемъ; нѣкоторыя изъ рабынь принялись уже царапать себѣ щеки, другія накрыли голову платками.

Только самъ старый вождь, привыкшій въ теченіе многихъ лѣтъ смотрѣть смерти въ глаза, сохранилъ спокойствіе; его короткое, орлиное лицо словно окаменѣло. Приказавъ слугамъ прекратить вопли и разойтись, Плавцій сказалъ:

— Пусти меня, Помпонія. Если мой часъ пробилъ, мы успѣемъ проститься.

Онъ слегка отстранилъ ее. Помпонія воскликнула:

— Дай Боже, чтобы и мнѣ привелось раздѣлить твою участь, о, Авлъ!

Затѣмъ, упавъ на колѣни, она стала молиться съ тѣмъ рвеніемъ, которое можетъ внушить лишь боязнь за дорогое существо.

Авлъ прошелъ въ атрій, гдѣ ожидалъ его центуріонъ. Это былъ старикъ Кай Гаста, прежній подчиненный Плавція и соратникъ его по британскимъ походамъ.

— Привѣтствую тебя, вождь,—произнесъ онъ. — Я принесъ тебѣ повелѣніе и привѣтствіе отъ цезаря,—вотъ дощечки и знакъ, удостовѣряющія, что я пришелъ отъ его имени.

— Благодарю цезаря за привѣтствіе, а повелѣніе его исполню,— отвѣтилъ Авлъ. — Привѣтствую тебя, Гаста, — сообщи, съ какимъ порученіемъ прислали тебя ко мнѣ.

— Авлъ Плавцій! -- заговорилъ Гаста, — цезарь узналъ, что въ твоемъ домѣ живетъ дочь лигійскаго царя, которую этотъ царь, еще при жизни божественнаго Клавдія, отдалъ въ руки римлянъ, въ залогъ того, что границы имперіи никогда не будутъ нарушены лигійцами. Божественный Неронъ благодаренъ тебѣ, вождь, за то, что ты столько лѣтъ оказывалъ ей гостепріимство,—но, не желая долѣе обременять твой домъ и принимая во вниманіе, что эта дѣвушка, въ качествѣ заложницы, должна пребывать подъ опекой самого цезаря и сената, приказываетъ тебѣ выдать ее мнѣ на руки.

Авлъ былъ слишкомъ закаленнымъ воиномъ и мужественнымъ человѣкомъ, чтобы позволить себѣ отвѣтить на приказъ сѣтованіями, безполезными словами или жалобами. Однако, на лбу его выступила морщина внезапнаго гнѣва и огорченія. Передъ сдвинутыми такимъ образомъ бровями Авла трепетали нѣкогда британскіе легіоны,—и даже въ это мгновеніе на лицѣ Гасты отразился испугъ. Но теперь, передъ повелѣніемъ отъ цезаря, Плавцій почувствовалъ себя безоружнымъ. Онъ нѣсколько времени смотрѣлъ на дощечки и знакъ; затѣмъ, поднявъ глаза на стараго центуріона, онъ сказалъ нѣсколько спокойнѣе:

— Подожди, Гаста, въ атріи, пока тебѣ выдадутъ заложницу.

Произнеся эти слова, онъ удалился въ другой конецъ дома, въ залъ, называемый экомъ, гдѣ Помпонія Грецина, Лигія и маленькій Авлъ ожидали его съ опасеніемъ и тревогой.

— Никому не угрожаетъ ни смерть, ни ссылка на далекіе острова,— сообщилъ онъ,—тѣмъ не менѣе, посолъ цезаря, явился, все-таки, предвѣстникомъ несчастія. Дѣло касается тебя, Лигія.

— Лигіи?—воскликнула съ недоумѣніемъ Помпонія.

— Да! — подтвердилъ Авлъ.

Обратившись къ дѣвушкѣ, онъ сталъ говорить ей:

— Лигія, ты воспитана въ нашемъ домѣ, какъ родное дитя, мы оба съ Помпоніей любимъ тебя, какъ дочь. Ты знаешь, однако, что ты намъ не дочь. Ты — заложница, довѣренная твоимъ народомъ Риму, и опека надъ тобой принадлежитъ цезарю. И вотъ, цезарь беретъ тебя изъ нашего дома.

Плавцій говорилъ спокойно, но какимъ-то страннымъ, измѣнившимся голосомъ. Лигія слушала его слова, моргая рѣсницами и какъ бы не понимая, въ чемъ дѣло. Щеки Помпоніи покрылись блѣдностью. въ дверяхъ, ведущихъ изъ коридора въ экъ, снова стали показываться испуганныя лица рабынь.

— Воля цезаря должна быть исполнена,—сказалъ Авлъ.

— О, Авлъ! — воскликнула Помпонія, обнимая руками молодую дѣвушку, какъ-бы съ намѣреніемъ защитить ее, — лучше было-бы ей умереть.

Лигія, припавъ къ ея груди, повторяла: «мама! мама!»—не находя, среди рыданій, другихъ словъ.

На лицѣ Авла снова отразились гнѣвъ и огорченіе:

— Если бы я былъ одинъ на свѣтѣ,—сумрачно произнесъ онъ,— я не отдалъ-бы ее живою, и родственники мои сегодня-же могли-бы принести за насъ жертвы Юпитеру Освободителю... Но я не имѣю права погубить тебя и нашего сына, который, быть можетъ, доживетъ до болѣе счастливыхъ временъ... Я нынче-же обращусь къ цезарю и буду умолять, чтобы онъ отмѣнилъ свое повелѣніе. Выслушаетъ-ли онъ меня,—не знаю. А теперь, Лигія, прощай,—и знай, что и я, и Помпонія всегда благословляли день, когда ты впервые сѣла у нашего очага.

Сказавъ это, онъ положилъ руку на ея голову; несмотря на усилія сохранить спокойствіе, когда Лигія обратила къ нему полные слезъ глаза и, схвативъ его руку, стала осыпать ее поцѣлуями, въ голосѣ Авла задрожала струна глубокой, отцовской скорби:

— Прощай,—сказалъ онъ,—наша радость и свѣтъ очей нашихъ!

И, поспѣшно повернувшись, пошелъ обратно въ атрій, чтобы не поддаться недостойному римлянина и вождя волненію.

Тѣмъ временемъ, Помпонія, уведя Лигію въ спальню, стала успокаивать, утѣшать и ободрять ее словами, странно звучавшими въ этомъ домѣ, гдѣ тутъ-же рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ, стоялъ «ларарій» и жертвенникъ, на которомъ Авлъ Плавцій, вѣрный древнему обычаю, приносилъ жертвы домашнимъ богамъ.

Наступилъ часъ испытанія. Виргиній нѣкогда пронзилъ грудь своей дочери, чтобы освободить ее изъ рукъ Аппія; передъ тѣмъ еще Лукреція добровольно искупила позоръ своею жизнью. Домъ цезаря—вертепъ разврата, порока, преступленій. «Но мы, Лигія—по извѣстной причинѣ—не имѣемъ права налагать на себя руки!..» Да, обѣ онѣ подчиняются иному, болѣе возвышенному и святому закону,—однако, и этотъ законъ разрѣшаетъ защищаться отъ зла и позора, хотя бы пришлось поплатиться за эту защиту жизнью и мученіями. Тѣмъ большая хвала тому, кто выйдетъ чистымъ изъ вертепа разврата. Нашъ міръ и есть такой именно вертепъ, но, къ счастію, жизнь длится одно мгновеніе, а воскресаютъ только изъ гроба, за которымъ царитъ уже не Неронъ, а Милосердіе, и гдѣ муки смѣняются радостью, слезы—весельемъ.

Затѣмъ она заговорила о себѣ. Да, она спокойна, но и въ ея сердцѣ не мало болящихъ ранъ. Мужъ ея еще не прозрѣлъ, душу Авла не озарилъ еще лучъ вѣчнаго свѣта. И сына Помпонія не можетъ воспитывать въ духѣ истины. И, вотъ, когда она подумаетъ, что такъ можетъ продолжиться до предѣла жизни и что можетъ наступить минута разлуки съ ними, во сто кратъ болѣе тяжкой и ужасной, чѣмъ та, временная, о которой они сокрушаются теперь,—она не въ силахъ представить себѣ, что станетъ счастливой вдали отъ нихъ даже на небѣ. И много ночей она уже провела въ слезахъ и молитвахъ, прося о помилованіи и милосердіи. Но она свои страданія приноситъ въ жертву Богу, ждетъ и надѣется. Теперь-же, когда на нее обрушился новый ударъ, когда повелѣніе насильника отнимаетъ у нея любимое существо,—ту, которую Авлъ назвалъ свѣтомъ очей,—Помпонія все еще надѣется, вѣруя, что есть власть могущественнѣе власти Нерона и Милосердіе—сильнѣе его злобы.

Она еще крѣпче прижала къ своему сердцу голову молодой дѣвушки; Лигія склонилась затѣмъ къ ея колѣнамъ и, опустивъ лицо въ складки ея пеплума, долго не произносила ни слова; когда она, наконецъ, поднялась, видно было, что она уже нѣсколько успокоилась.

— Какъ ни жаль мнѣ покинуть тебя, мама, и отца, и брата, однако, я знаю, что сопротивленіе не поможетъ, а только погубитъ всѣхъ васъ. Клянусь тебѣ: я никогда не забуду твоихъ словъ въ домѣ цезаря.

Обвивъ еще разъ руками шею Помпоніи, Лигія вышла вмѣстѣ съ нею въ экъ и стала прощаться съ маленькимъ Плавціемъ, старикомъ

грекомъ, ихъ учителемъ, своею служанкой, которая вынянчила ее, и со всѣми рабами.

Одинъ изъ нихъ, рослый и широкоплечій лигіецъ, прозванный въ домѣ Авла Урсомъ (медвѣдемъ) и прибывшій въ римскій лагерь вмѣстѣ съ Лигіей, ея матерью и остальными ихъ слугами, бросился теперь къ ногамъ своей молодой госпожи; склонившись затѣмъ къ колѣнамъ Помпоніи, онъ сталъ умолять ее:

— О, домина! позволь мнѣ послѣдовать за моей госпожей, я буду служить ей и охранять ее въ домѣ цезаря.

— Ты слуга Лигіи, а не нашъ,—отвѣтила Помпонія Грецина,— но пропустятъ-ли тебя во врата цезаря? и какъ можешь ты охранять ее?

— Не знаю, домина,—я знаю лишь, что желѣзо ломается въ моихъ рукахъ, какъ дерево...

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ Авлъ Плавцій; узнавъ въ чемъ дѣло, онъ не только не воспротивился желанію Урса, но заявилъ, что они не имѣютъ даже права задержать лигійца. Они отсылаютъ Лигію, въ качествѣ заложницы, потребованной цезаремъ,—поэтому обязаны отослать и ея свиту, вмѣстѣ съ нею поступающую на попеченіе цезаря. Онъ шепнулъ при этомъ Помпоніи, что, подъ видомъ свиты, она можетъ присоединить столько рабынь, сколько сочтетъ необходимымъ, такъ какъ центуріонъ не рѣшится не принять ихъ.

Лигія видѣла въ этомъ нѣкоторое утѣшеніе, а Помпонія обрадовалась, что можетъ окружить ее слугами по своему выбору. Кромѣ Урса, она назначила состоять при Лигіи ея старую служанку, двухъ искусныхъ въ причесываніи гречанокъ съ острова Кипра и двухъ банщицъ-германокъ. Выборъ ея палъ исключительно на послѣдователей новой вѣры, къ числу которыхъ уже нѣсколько лѣтъ принадлежалъ и Урсъ; Помпонія могла поэтому положиться на преданность этихъ слугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшала себя надеждой, что сѣмена истины будутъ посѣяны во дворцѣ цезаря.

Она написала, кромѣ того, нѣсколько словъ, поручая Лигію покровительству вольноотпущенницы Нерона, Актеи. Помпонія, хотя не встрѣчала ее на собраніяхъ послѣдователей новаго ученія, однако, слышала отъ нихъ, что Актея никогда не отказываетъ имъ въ услугахъ и жадно читаетъ посланія Павла Тарсійскаго. Притомъ-же ей было извѣстно, что молодая отпущенница постоянно груститъ, не похожа на остальныхъ сожительницъ Нерона и вообще олицетворяетъ собою добрый геній дворца.

Гаста взялся лично передать письмо Актеѣ. Считая какъ нельзя болѣе естественнымъ, что у царской дочери должна быть своя свита, центуріонъ нисколько не затруднился взять слугъ ея во дворецъ,— онъ подивился скорѣе ихъ малочисленности. Онъ просилъ только уско-

рить сборы, боясь, чтобы его не обвинили въ недостаточно усердномъ исполненіи приказаній. Мигъ разлуки наступилъ. Глаза Помпоніи и Лигіи вновь наполнились слезами; Авлъ еще разъ опустилъ ладонь на ея голову,—и, минуту спустя, солдаты, напутствуемые крикомъ маленькаго Авла, который, заступаясь за сестру, грозилъ своими кулачками центуріону, увели Лигію въ домъ цезаря.

Старый вождь, приказавъ приготовить для себя носилки, заперся съ Помпоніей въ прилегающей къ эку пинакотекѣ и сказалъ:

— Выслушай меня, Помпонія. Я обращусь къ цезарю, хотя думаю, что попытка моя окажется напрасной,—и, хотя мнѣніе Сенеки утратило въ его глазахъ всякое значеніе, я побываю и у Сенеки. Теперь пользуются вліяніемъ Софоній Тигелинъ, Петроній или Ватиній... Цезарь, быть можетъ, даже и не слышалъ никогда о лигійскомъ народѣ, и, если потребовалъ выдачи Лигіи, какъ заложницы, то, очевидно, лишь потому, что кто-нибудь подговорилъ его. Нетрудно угадать, кто могъ сдѣлать это.

Помпонія взволнованно вскинула на него глазами:

— Петроній?

— Да.

Помолчавъ немного, вождь продолжалъ:

— Вотъ что значитъ пустить черезъ порогъ котораго-либо изъ этихъ людей безъ совѣсти и чести. Да будетъ проклято мгновеніе, когда Виницій вступилъ въ нашъ домъ! Это онъ привелъ къ намъ Петронія. Горе Лигіи! не заложница нужна имъ, а наложница.

Отъ гнѣва, безсильнаго возмущенія и жалости къ пріемной дочери, рѣчь его стала еще болѣе свистящею, чѣмъ обыкновенно. Онъ нѣсколько времени старался превозмочь свое волненіе, и только стиснутые кулаки показывали, какъ тяжела эта скрытая борьба.

— Я почиталъ донынѣ боговъ, но въ эту минуту мнѣ думается, что ихъ нѣтъ надъ міромъ, что существуетъ только одно божество, злое, неистовое, чудовищное, имя которому—Неронъ.

— Авлъ!—воскликнула Помпонія,—Неронъ—лишь горсть бреннаго праха предъ лицомъ Бога.

Плавцій принялся ходить размашистыми шагами по мозаикѣ пинакотеки. Ему приходилось совершать доблестные подвиги, но онъ не извѣдалъ въ своей жизни тяжелыхъ несчастій, и поэтому обрушившееся на него испытаніе застало его неподготовленнымъ. Старый воинъ привязался къ Лигіи сильнѣе, чѣмъ думалъ, и теперь не могъ примириться съ мыслью, что лишился ея. Кромѣ того, онъ чувствовалъ себя униженнымъ. Его тѣснитъ рука, внушающая ему презрѣніе, а, между тѣмъ, онъ сознаетъ, что, сравнительно съ могуществомъ этой руки, вся сила его—ничто.

Преодолѣвъ, наконецъ, гнѣвъ, затмѣвавшій его сознаніе, Плавцій произнесъ:

— Я полагаю, что Петроній отнялъ у насъ Лигію не для цезаря: онъ побоялся-бы мщенія Поппеи. Слѣдовательно, онъ взялъ ее или для себя, или для Виниція... Я сегодня-же разузнаю объ этомъ.

Носилки вскорѣ увлекли его по направленію къ Палатинскому дворцу, а Помпонія, оставшись одна, пошла къ маленькому Авлу, не перестававшему плакать о сестрѣ и грозить цезарю.

V.

Догадка Авла, что его не допустятъ къ Нерону, оправдалась. Ему отвѣтили, что цезарь занятъ пѣніемъ съ лютнистомъ Терпносомъ и что вообще не принимаетъ лицъ, не вызванныхъ имъ. Это обозначало, иными словами, что Авлъ не долженъ и впредь добиваться свиданія съ цезаремъ.

Зато Сенека, хотя и страдавшій лихорадкой, принялъ стараго вождя съ подобающимъ ему уваженіемъ; но, выслушавъ его, онъ съ горечью усмѣхнулся и отвѣтилъ:

— Я могу оказать тебѣ лишь одну услугу, благородный Плавцій: обѣщаю тебѣ никогда не обнаружить передъ цезаремъ, что сердце мое сочувствуетъ твоему горю и что я хотѣлъ-бы оказать тебѣ помощь; если цезарь возымѣетъ объ этомъ малѣйшее подозрѣніе, будь увѣренъ, что онъ не отдастъ тебѣ Лигіи, хотя-бы не имѣлъ къ тому никакихъ другихъ поводовъ, кромѣ желанія поступить мнѣ на зло.

Сенека посовѣтовалъ ему не обращаться ни къ Тигеллину, ни къ Ватинію, ни къ Вителію. Быть можетъ, удалось-бы подкупить ихъ,— возможно также, что они захотѣли-бы досадить Петронію, вліяніе котораго стараются подорвать, — но вѣроятнѣе всего, что они выдали-бы цезарю, какъ дорогà Лигія Плавцію и его женѣ, а, въ такомъ случаѣ, цезарь тѣмъ болѣе не отдастъ ее.

Престарѣлый мудрецъ продолжалъ съ язвительною ироніей, направленною противъ самого себя:

— Ты молчалъ, Плавцій, молчалъ въ теченіе столькихъ лѣтъ, а цезарь не любитъ людей, которые хранятъ безмолвіе! Какъ-же ты не восторгался его красотой, добродѣтелью, пѣніемъ, его декламаціей, искусствомъ править колесницей и его стихами? Какъ-же дерзнулъ ты не радоваться смерти Британика, не произнесъ хвалебной рѣчи въ честь матереубійцы, не явился съ поздравленіями по случаю задушенія Октавіи? Тебѣ, Авлъ, недостаетъ предусмотрительности, которою мы, счастливо живущіе при дворѣ, обладаемъ въ надлежащей степени.

Сказавъ это, онъ взялъ кубокъ, который носилъ за поясомъ, за-

черпнулъ воды изъ фонтана имплювія и, освѣживъ запекшіяся уста, добавилъ:

— Ахъ, у Нерона признательное сердце. Онъ любитъ тебя за то, что ты послужилъ Риму и прославилъ имя его на окраинахъ свѣта; меня онъ любитъ за то, что я училъ его въ юности. Поэтому, видишь-ли, я знаю, что эта вода не отравлена и пью ее спокойно. Вино въ моемъ домѣ едва-ли оказалось-бы безвреднымъ, — но если чувствуешь жажду, смѣло напейся этой воды. Водопроводы доставляютъ ее съ Албанскихъ горъ и, чтобы отравить ее, пришлось-бы насытить ядомъ всѣ фонтаны Рима. Какъ видишь, можно и въ этомъ мірѣ пользоваться безопасностью и безмятежною старостью. Впрочемъ, я нездоровъ. но у меня болитъ скорѣе душа, чѣмъ тѣло.

Онъ говорилъ правду. Сенека не обладалъ такимъ душевнымъ мужествомъ, какъ, напримѣръ, Корнутъ или Тразеа, поэтому вся жизнь его превратилась въ цѣпь уступокъ и потворства преступленію. Онъ самъ чувствовалъ это, самъ сознавалъ, что послѣдователь убѣжденій Зенона Цитійскаго долженъ былъ избрать иной путь,—и страдалъ отъ этихъ угрызеній больше, чѣмъ отъ боязни передъ самою смертью.

Но Плавцій прервалъ его самообличительныя разсужденія.

— Благородный Энній,—сказалъ онъ,—я знаю, чѣмъ цезарь отблагодарилъ тебя за попеченія, которыми ты окружилъ его юность. Но дитя наше похищено по наущенію Петронія. Укажи мнѣ, какъ подѣйствовать на него, какимъ вліяніямъ онъ подчиняется, и самъ примѣни къ нему все краснорѣчіе, какое внушитъ тебѣ давнишнее расположеніе ко мнѣ.

— Петроній и я,—отвѣтилъ Сенека,—принадлежимъ къ противоположнымъ лагерямъ. Средствъ смягчить его я не знаю, на него не дѣйствуетъ ничье вліяніе. Быть можетъ, при всей своей испорченности, онъ все-таки лучше всѣхъ бездѣльниковъ, которыми теперь окружаетъ себя Неронъ. Но доказывать ему, что онъ совершилъ дурной поступокъ,—безплодная трата времени: Петроній давно уже утратилъ сознаніе различія между добромъ и зломъ. Докажи ему, что его поступокъ возмущаетъ эстетическое чувство, тогда онъ устыдится. Когда я увижусь съ нимъ, я скажу ему: твои дѣйствія достойны вольноотпущенника. Если это не поможетъ,—не поможетъ ничто.

— Благодарю тебя и за это,—отвѣтилъ вождь.

Затѣмъ онъ приказалъ отнести себя къ Виницію, котораго засталъ упражняющимся съ домашнимъ фехтовальщикомъ. Авлъ, при видѣ молодого человѣка, спокойно занимающагося гимнастикой, когда покушеніе на Лигію уже совершено, ужасно вспылилъ; едва завѣса двери опустилась за удалившимся фехтовальщикомъ, какъ гнѣвъ его излился въ потокѣ горькихъ упрековъ и поношеній. Но Виницій, узнавъ, что Лигію похитили, такъ страшно поблѣднѣлъ, что даже Авлъ не могъ ни на

минуту долѣе заподозрить его въ причастности къ покушенію. Лобъ молодого человѣка оросился каплями пота; кровь, на мгновеніе отхлынувшая къ сердцу, горячей волной вновь прилила къ лицу, глаза заискрились, изъ устъ посыпались безсвязные вопросы. Ревность и бѣшенство обуревали его, охватывая, словно ураганомъ. Ему показалось, что Лигія, переступивъ порогъ дома цезаря, навсегда потеряна для него; когда же Авлъ произнесъ имя Петронія, въ умѣ молодого воина, какъ молнія, промелькнуло подозрѣніе, что Петроній насмѣялся надъ нимъ, разсчитывая или добиться новыхъ милостей отъ цезаря, подаривъ ему Лигію, или же оставить ее для себя. Онъ не могъ допустить и мысли, что кто-нибудь, увидѣвъ Лигію, можетъ не прельститься ею.

Вспыльчивость, наслѣдственная въ его родѣ, увлекала его, точно разъяренный конь, затмила его сознаніе.

— Вождь,—сказалъ онъ прерывающимся голосомъ,—вернись домой и ожидай меня... Знай, что, если бы Петроній былъ даже моимъ отцомъ, и тогда я отомстилъ бы ему за обиду, нанесенную Лигіи. Возвратись къ себѣ и жди меня. Она не достанется ни Петронію, ни цезарю.

Обернувшись къ восковымъ фигурамъ, стоявшимъ одѣтыми въ атріи, онъ воскликнулъ, потрясая кулаками:

— Клянусь этими масками покойниковъ, я раньше убью ее и себя!

Послѣ этого, онъ еще разъ бросилъ Авлу на ходу слова: «жди меня», и, выбѣжавъ изъ атрія, какъ безумный, помчался къ Петронію, расталкивая по дорогѣ прохожихъ.

Авлъ вернулся домой, нѣсколько обнадеженнымъ. Если Петроній уговорилъ цезаря отобрать Лигію для того, чтобы отдать ее Виницію, то Виницій, какъ думалось ему, приведетъ ее обратно въ домъ пріемныхъ родителей. Не мало также утѣшала его мысль, что Лигія, если не удастся ее спасти, будетъ отомщена и ограждена смертью отъ поруганія. Онъ былъ увѣренъ, что Виницій исполнитъ все, что обѣщалъ. Онъ видѣлъ его ярость и зналъ, что весь его родъ отличался врожденною запальчивостью. Онъ самъ, хотя любилъ Лигію не меньше родного отца, предпочелъ бы умертвить ее, чѣмъ отдать цезарю, и, если-бы не опасеніе за участь сына, послѣдняго отпрыска въ родѣ Плавціевъ, непремѣнно сдѣлалъ бы это. Авлъ былъ воиномъ, о стоикахъ зналъ развѣ только по наслышкѣ, но по характеру своему приближался къ нимъ: съ его воззрѣніями, съ его гордостью смерть мирилась лучше и легче, чѣмъ позоръ.

Вернувшись домой, онъ успокоилъ Помпонію, сообщивъ ей свои надежды, и сталъ вмѣстѣ съ нею ожидать извѣстій отъ Виниція. Время отъ времени, когда до атрія доносились шаги кого-либо изъ рабовъ, имъ чудилось, что это Виницій приводитъ къ нимъ любимую дѣвушку,— и въ глубинѣ души они готовы были благословить обоихъ. Но время

шло, не принося никакихъ извѣстій. Только подъ вечеръ раздался стукъ молотка у двери.

Вошедшій вскорѣ рабъ подалъ Авлу письмо. Старый вождь, любившій выказывать свое самообладаніе, на этотъ разъ взялъ письмо нѣсколько дрожавшею рукой и принялся читать его съ такою поспѣшностью, точно дѣло касалось всей его семьи.

Вдругъ лицо его омрачилось, точно затемненное тѣнью отъ надвинувшейся тучи.

— Прочти,—сказалъ онъ, обращаясь къ Помпоніи.

Помпонія взяла письмо и прочла:

«Маркъ Виницій привѣтствуетъ Авла Плавція: то, что совершилось, произошло по волѣ цезаря, передъ которою вы должны преклониться, какъ преклонился я и Петроній».

Оба супруга погрузились въ тяжелое раздумье.

VI.

Петроній былъ дома. Придверникъ не посмѣлъ задержать Виниція, который влетѣлъ въ атрій, какъ вихрь; узнавъ, что хозяина слѣдуетъ искать въ библіотекѣ, онъ столь-же стремительно ворвался въ библіотеку—и, заставъ Петронія за писаніемъ, вырвалъ у него изъ рукъ тростникъ, сломалъ и бросилъ на полъ, затѣмъ впился пальцами въ его плечи и, приблизивъ свое лицо къ его лицу, сталъ спрашивать хриплымъ голосомъ:

— Что ты сдѣлалъ съ нею? Гдѣ она?

Вдругъ произошло нѣчто поразительное. Изящный и, повидимому, изнѣженный Петроній схватилъ впившіяся въ его плечи—сначала одну, затѣмъ другую—руки молодого атлета и, сжавъ обѣ въ одной своей рукѣ, точно желѣзными клещами, произнесъ:

— Я слабъ только утромъ, а къ вечеру ко мнѣ возвращается прежняя бодрость. Попробуй вырваться. Гимнастикѣ тебя должно быть училъ ткачъ, а вѣжливости—кузнецъ.

На лицѣ его не отразилось даже гнѣва, только въ глазахъ мелькнулъ блѣдный отблескъ отваги и энергіи. Спустя нѣсколько мгновеній, онъ отпустилъ руку Виниція, стоявшаго передъ нимъ, испытывая униженіе, стыдъ и неистовую ярость.

— У тебя стальная рука,—сказалъ онъ,—но клянусь всѣми подземными богами, если ты предалъ меня, я всажу тебѣ въ горло ножъ, хотя-бы въ покояхъ цезаря.

— Побесѣдуемъ спокойно,—возразилъ Петроній.—Сталь, какъ видишь, крѣпче желѣза, поэтому, хотя изъ каждой твоей руки можно-бы выкроить двѣ моихъ, однако, бояться тебя мнѣ нечего. Зато меня огор-

чаетъ твоя грубость, и если-бы людская неблагодарность могла еще удивлять меня, я подивился-бы твоей неблагодарности.

— Гдѣ Лигія?

— Въ лупанаріи, то-есть въ вертепѣ цезаря.

— Петроній!

— Успокойся и присядь. Цезарь обѣщалъ исполнить двѣ моихъ просьбы: во-первыхъ, выдобыть Лигію изъ дома Авла, и, во-вторыхъ, отдать ее тебѣ. Не запряталъ-ли ты ножъ гдѣ-нибудь въ складкахъ своей тоги? Быть можетъ, ты пырнешь меня имъ? Совѣтую тебѣ, однако, помедлить нѣсколько дней, не то тебя посадятъ въ темницу, а Лигія соскучится въ твоемъ домѣ.

Наступило молчаніе. Виницій смотрѣлъ нѣсколько времени на Петронія удивленными глазами и, наконецъ, сказалъ:

— Прости меня. Я люблю ее,—любовь ослѣпляетъ мой разсудокъ.

— Подивись мнѣ, Маркъ. Третьяго дня я сказалъ цезарю: мой племянникъ Виницій до того влюбился въ сухопарую дѣвочку, воспитывающуюся у Авла, что домъ его, отъ вздоховъ, превратился въ паровую баню. Ни ты,—сказалъ я цезарю,—ни я, понимающіе, что такое истинная красота, не дали-бы за нее тысячи сестерціевъ, но этотъ мальчикъ всегда былъ глупъ изрядно, а теперь одурѣлъ окончательно.

— Петроній!

— Если ты не понимаешь, что я сказалъ это съ цѣлью оградить Лигію, я готовъ подумать, что сказалъ правду. Я внушилъ цезарю, что такой эстетикъ, какъ онъ, не можетъ признать такую дѣвушку красавицей,—и Неронъ, который все еще не рѣшается смотрѣть иначе, какъ моими глазами, не увидитъ въ ней красоты и, слѣдовательно, не пожелаетъ обладать ею. Надо было принять мѣры противъ обезьяны и посадить ее на веревку. Красоту Лигіи оцѣнитъ теперь не онъ, а Поппея,—и, очевидно, постарается какъ можно скорѣе выпроводить ее изъ дворца. А я продолжалъ небрежно говорить мѣднобородому: «Возьми Лигію и отдай ее Виницію. Ты имѣешь право поступить такимъ образомъ, потому что она заложница; этимъ ты, кстати, досадишь Авлу». И онъ согласился. Онъ не имѣлъ ни малѣйшей причины не согласиться, тѣмъ болѣе, что я далъ ему возможность сдѣлать непріятность порядочнымъ людямъ. Тебя назначатъ правительственнымъ попечителемъ заложницы, довѣрятъ твоей охранѣ это лигійское сокровище, ты-же, какъ союзникъ храбрыхъ лигійцевъ и вѣрный слуга цезаря, не только нисколько не растратишь этого сокровища, но и постараешься объ его пріумноженіи. Цезарь, для сохраненія приличія, задержитъ ее на нѣсколько дней въ своемъ домѣ, а затѣмъ отошлетъ въ твою «инзулу»... Счастливецъ!

— Неужели это правда? Неужели ей ничто не угрожаетъ въ домѣ цезаря?

— Если-бы ей пришлось тамъ поселиться на постоянное жительство, Поппея потолковала-бы о ней съ отравительницей Локустой, но нѣсколько дней она можетъ пробыть тамъ вполнѣ безопасно. Во дворцѣ цезаря живетъ десять тысячъ человѣкъ. Быть можетъ, Неронъ совсѣмъ не увидитъ ее, тѣмъ болѣе, что онъ до такой степени довѣрился мнѣ въ этомъ дѣлѣ, что не далѣе, какъ нѣсколько минутъ тому назадъ, ко мнѣ пришелъ центуріонъ съ увѣдомленіемъ, что дѣвушка препровождена во дворецъ и сдана на руки Актеѣ. У Актеи добрая душа, поэтому я и приказалъ поручить Лигію ея опекѣ. Помпонія Грецина, очевидно, того-же мнѣнія, потому что написала къ ней. На завтра назначенъ пиръ у Нерона. Я запасся для тебя мѣстомъ возлѣ Лигіи.

— Прости мнѣ, Кай, мою вспыльчивость,—сказалъ Виницій.—Я думалъ, что ты приказалъ увести ее для себя или для цезаря.

— Я могу извинить тебѣ твою вспыльчивость, но мнѣ труднѣе забыть твои грубыя манеры, непристойныя восклицанія и голосъ, напоминающій игроковъ въ мору. Я не люблю этого, Маркъ, и впредь будь осторожнѣе. Знай, что поставщикомъ женщинъ состоитъ Тигеллинъ, и помни также, что, если-бы я хотѣлъ отобрать эту дѣвушку для себя, я прямо въ глаза сказалъ-бы тебѣ: Виницій, я отнимаю отъ тебя Лигію, и буду обладать ею до тѣхъ поръ, пока она мнѣ не надоѣстъ.

Говоря это, онъ сталъ пристально смотрѣть своими орѣховыми зрачками въ глаза Виниція, съ выраженіемъ холодной самоувѣренности. Молодой человѣкъ окончательно смутился.

— Я виноватъ передъ тобою,—сказалъ онъ.—Ты добръ и великодушенъ, и я благодаренъ тебѣ отъ души. Позволь мнѣ обратиться къ тебѣ лишь съ однимъ вопросомъ: почему ты не приказалъ препроводить Лигію прямо въ мой домъ?

— Потому что Неронъ хочетъ соблюсти приличіе. Это дѣло возбудитъ толки въ Римѣ, а такъ какъ мы отбираемъ Лигію въ качествѣ заложницы, то, пока не улягутся толки, она останется во дворцѣ цезаря. Потомъ ее втихомолку отошлютъ къ тебѣ, и дѣлу конецъ. Мѣднобородый—трусливый песъ. Онъ знаетъ, что власть его неограниченна, и тѣмъ не менѣе старается придать благовидность каждому своему поступку. Быть можетъ, ты уже настолько поостылъ, чтобы немного пофилософствовать? Мнѣ самому не разъ думалось, почему преступленіе, хотя-бы оно было могущественно, какъ цезарь, и увѣренно, какъ онъ, въ безнаказанности, всегда старается оправдать себя закономъ, справедливостью и добродѣтелью?.. Къ чему оно принимаетъ на себя этотъ лишній трудъ? По моему мнѣнію, умертвить брата, мать и жену приличествуетъ скорѣе какому-нибудь азіатскому царьку, чѣмъ римскому цезарю; но, если бы я сдѣлалъ это, я не сталъ-бы писать оправдательныхъ посланій къ сенату... А Неронъ пишетъ, Неронъ

старается оправдать свои злодѣянія, потому что Неронъ—трусъ; но, вотъ, напримѣръ, Тиверій не былъ трусомъ, а, однако, оправдывался въ каждомъ своемъ поступкѣ. Отчего это такъ? Что это за странная, невольная дань уваженія, приносимая порокомъ добродѣтели? И знаешь-ли, что мнѣ кажется? Я думаю, что это происходитъ, потому что преступленіе уродливо, а добродѣтель прекрасна. Ergo, истинный эстетикъ является тѣмъ самымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ. Ergo, я добродѣтеленъ. Мнѣ придется сегодня совершить возліяніе виномъ въ честь тѣней Протагора, Продика и Горгія. Видно, что и софисты могутъ къ чему-нибудь пригодиться. Слушай-же, я буду разсуждать далѣе. Я отнялъ Лигію у Авла и его жены, чтобы отдать ее тебѣ. Хорошо. Но Лизиппъ изваялъ-бы съ васъ чудеснѣйшія группы. Вы оба прекрасны, слѣдовательно, и мой поступокъ прекрасенъ, а будучи прекраснымъ, онъ не можетъ быть дурнымъ. Взирай, Маркъ, — ты видишь передъ собой добродѣтель, воплощенную въ лицѣ Кая Петронія. Если бы Аристидъ былъ живъ, онъ долженъ-бы придти ко мнѣ и поднести сто минъ за краткое разсужденіе о добродѣтельности.

Но Виницій, какъ человѣкъ, котораго дѣйствительность занимала больше разсужденій о добродѣтели, сказалъ:

— Завтра я увижу Лигію, а потомъ буду обладать ею въ моемъ домѣ ежедневно, непрерывно и до самой смерти.

— Ты будешь обладать Лигіей, а мнѣ придется расплачиваться за тебя съ Авломъ. Онъ призоветъ на меня мщеніе всѣхъ подземныхъ боговъ. И пусть-бы хотя догадался, животное, взять предварительно урокъ хорошей декламаціи... А, вѣдь, онъ станетъ ругаться такъ, какъ бранился съ моими кліентами мой прежній придверникъ, котораго я принужденъ былъ сослать въ деревню.

— Авлъ былъ у меня. Я обѣщалъ ему прислать извѣстіе о Лигіи.

— Напиши ему, что воля «божественнаго» цезаря есть верховный законъ, и что твой первый сынъ будетъ носить имя Авла. Надо-же чѣмъ-нибудь утѣшить старика. Я готовъ попросить мѣднобородаго, чтобы онъ пригласилъ Плавція на пиръ. Пусть полюбуется въ триклиніи на тебя рядомъ съ Лигіей.

— Не дѣлай этого,—возразилъ Виницій,—мнѣ все-таки жаль ихъ, въ особенности Помпонію.

Виницій сѣлъ писать письмо, которое лишило стараго вождя послѣдней надежды.

VII.

Передъ Актеей, бывшею любовницей Нерона, преклонялись когда-то высшіе сановники Рима. Но она даже и въ то время не желала вмѣшиваться въ государственныя дѣла, и если когда-либо пользовалась

своимъ вліяніемъ на молодого императора, то развѣ только для того, чтобы выпросить кому-нибудь помилованіе. Тихая и кроткая, она внушила многимъ чувство благодарности и никого не возстановила противъ себя. Даже Октавія не смогла возненавидѣть ее. Ревнивымъ соперницамъ она казалась слишкомъ ничтожной. Всѣ знали, что Актея все еще питаетъ къ Нерону скорбную, болѣзненную любовь, поддерживаемую уже не надеждой, а лишь воспоминаніями о времени, когда Неронъ былъ не только болѣе молодымъ и любящимъ, но и лучшимъ. Было извѣстно, что она всею душой и помыслами предалась этимъ воспоминаніямъ, но ничего уже не ждетъ отъ будущаго; а такъ какъ, дѣйствительно, нечего было опасаться, чтобы цезарь вернулся къ ней, на Актею смотрѣли, какъ на существо совершенно беззащитное, и поэтому не преслѣдовали ее. Поппея считала ее покорною прислужницей, настолько безвредною, что не настаивала даже на удаленіи ея изъ дворца.

Во вниманіе къ прежней любви Нерона и къ тому, что онъ разстался съ Актеей безъ ссоры, спокойно и даже, нѣкоторымъ образомъ, дружественно, ее не лишили извѣстнаго почета. Цезарь, отпустивъ ее на волю, отвелъ ей во дворцѣ помѣщеніе съ отдѣльною спальней и предоставилъ въ ея распоряженіе нѣсколько человѣкъ изъ придворной прислуги. А такъ какъ, въ свое время, Палласъ и Нарцисъ, хотя и были вольно-отпущенниками Клавдія, не только допускались на пиры къ этому императору, но и занимали, въ качествѣ вліятельныхъ сановниковъ, почетныя мѣста, то и Актею иногда приглашали къ столу цезаря. Быть можетъ, это дѣлалось и потому, что ея плѣнительная наружность являлась истиннымъ украшеніемъ пира. Впрочемъ, въ выборѣ сотрапезниковъ Неронъ давно уже пересталъ соображаться съ какими-либо приличіями. На пиршествахъ у него собиралась самая пестрая смѣсь людей всевозможныхъ состояній и занятій. Бывали въ ихъ числѣ и сенаторы, но преимущественно такіе, которые годились и для роли шута; бывали патриціи, старые и молодые, жаждущіе наслажденій, роскоши и распутства; посѣщали эти оргіи и женщины, носящія знатныя имена, но не стѣсняющіяся надѣвать по вечерамъ парики блеклаго цвѣта и, для развлеченія, искать приключеній на темныхъ улицахъ. Рядомъ съ высшими сановниками возлежали жрецы, за полными чашами сами издѣвавшіеся надъ своими богами; тутъ-же толпился всякій сбродъ,—пѣвцы, мимы, музыканты, плясуны и плясуньи, стихотворцы, декламируя стихи, разсчитывавшіе сколько сестерціевъ перепадетъ имъ за расхваливаніе произведеній цезаря, отощавшіе философы, алчными взорами слѣдившіе за подаваемыми блюдами, прославившіеся наѣздники, фокусники, разсказчики, скоморохи и шуты,—всевозможные плуты и обманщики, произведенные на день модою или глупостью въ знамени-

тости; среди нихъ было не мало и такихъ, которые закрывали длинными волосами свои проколотыя въ знакъ рабства уши.

Знатнѣйшіе гости приступали къ пиршеству одновременно съ цезаремъ, остальные-же развлекали ихъ во время ѣды, выжидая минуты, когда прислужники позволятъ имъ наброситься на остатки яствъ и напитковъ; такихъ гостей поставляли Тигеллинъ, Ватиній и Вителій, при чемъ нерѣдко приходилось давать имъ одежду, подобающую палатамъ цезаря, который любилъ подобное общество, чувствуя себя среди него привольнѣе. Придворная пышность покрывала весь этотъ сбродъ, точно позолотой, озаряя все своимъ блескомъ. Великіе и ничтожные міра сего, потомки прославленныхъ родовъ и подонки уличной голи, истинные артисты и жалкіе оскребки талантовъ стремились во дворецъ, чтобы насытить ослѣпленные глаза роскошью, почти превосходящею всякое представленіе, и приблизиться къ подателю всѣхъ благъ, милостей и богатствъ, прихоть котораго могла, конечно, унизить, но могла и превознести свыше мѣры.

Въ этотъ день и Лигія должна была принять участіе въ подобномъ пиршествѣ. Страхъ, неувѣренность и смущеніе, вполнѣ естественное послѣ постигшей ее внезапной перемѣны, боролись въ ея сердцѣ съ желаніемъ выказать сопротивленіе. Она боялась людей и дворца, сутолока котораго ошеломляла ее, боялась пировъ, о непристойности которыхъ слышала отъ Авла, Помпоніи Грецины и ихъ друзей. Лигія, несмотря на свою молодость, уже понимала порокъ, такъ-какъ въ тѣ времена познаніе зла рано проникало даже въ умы дѣтей. Она знала, что во дворцѣ цезаря ей грозитъ гибель; объ этомъ предостерегла ее, впрочемъ, и Помпонія въ минуту разставанья. Обладая, однако, юною душой, несвыкшеюся съ порокомъ, и исповѣдуя возвышенное ученіе, въ которое посвятила ее пріемная мать, она мысленно поклялась защищаться отъ этой гибели—матери, себѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, божественному Учителю, въ котораго не только вѣрила, но котораго и полюбила своимъ полу-дѣтскимъ сердцемъ за благость Его ученія, муки смерти и славу воскресенія.

Будучи увѣрена, что теперь уже ни Авлъ, ни Помпонія Грецина не будутъ привлечены къ отвѣтственности за ея поступки, Лигія стала обдумывать, не лучше-ли воспротивиться, не пойти на пиръ? Съ одной стороны, боязнь и тревога громко говорили въ ея душѣ, съ другой—ею овладѣвало желаніе выказать отвагу, стойкость, навлечь на себя мученіе и смерть. Вѣдь самъ божественный Учитель повелѣлъ поступать такимъ образомъ, и самъ подалъ примѣръ. Помпонія также разсказывала ей, что самые ревностные изъ вѣрующихъ отъ всей души жаждутъ такого испытанія и молятся о томъ, чтобы сподобиться его. Лигію, еще во время пребыванія въ домѣ Авла, иногда охватывала подобная жажда. Она представляла себя мученицей, съ ранами на ру-

кахъ и ногахъ, бѣлою, какъ снѣгъ, прекрасною неземною красой, возносимою такими-же бѣлыми ангелами въ синеву неба. Воображеніе ея наслаждалось этими мечтами; въ нихъ было много ребяческаго, но сказывалось и нѣкоторое тщеславіе, которое Помпонія осуждала. Теперь-же, когда сопротивленіе волѣ цезаря могло повлечь за собою жестокое наказаніе и воображаемыя мученія могли превратиться въ дѣйствительность, къ обаянію прекрасныхъ грезъ присоединилось какое-то смѣшанное съ боязнью любопытство: какъ именно казнятъ ее и какого рода мученія будутъ изобрѣтены для нея.

Актея, когда Лигія разсказала ей объ этихъ колебаніяхъ своей еще на половину не вышедшей изъ дѣтства души, посмотрѣла на молодую дѣвушку съ такимъ удивленіемъ, точно слушала бредъ. Ослушаться воли цезаря? Съ первой-же минуты навлечь на себя его гнѣвъ? Отважиться на это можетъ развѣ лишь дитя, не понимающее, что оно говоритъ. Лигія, какъ оказывается по собственнымъ ея словамъ, въ сущности, вовсе не заложница, а дѣвушка, забытая своимъ народомъ. Ее не охраняетъ никакое международное право, а если бы даже и охраняло, цезарь достаточно могуществен, чтобы пренебречь имъ въ порывѣ гнѣва. Нерону заблагоразсудилось отобрать ее, и отнынѣ онъ распоряжается ею. Отнынѣ она въ его власти, выше которой нѣтъ иной власти на свѣтѣ.

— Не сомнѣвайся въ этомъ,—уговаривала Актея молодую дѣвушку,—и я читала посланія Павла Тарсійскаго, и я знаю, что надъ землей есть Богъ и есть Сынъ Божій, воскресшій изъ мертвыхъ,—но на землѣ господствуетъ только цезарь. Помни объ этомъ, Лигія. Я знаю также, что твое ученіе не позволяетъ тебѣ стать тѣмъ, чѣмъ была я, и что вамъ, какъ и стоикамъ, о которыхъ разсказывалъ мнѣ Эпиктетъ, разрѣшается избрать лишь смерть, когда предстоитъ сдѣлать выборъ между позоромъ и смертью. Но какъ предугадаешь ты, что тебя ожидаетъ смерть, а не позоръ? Неужели ты не слышала о дочери Сеяна? Она была еще дѣвочкой, однако, по приказанію Тиверія, ее опозорили передъ казнью, чтобы соблюсти законъ, запрещающій карать дѣвушекъ смертью. Лигія, Лигія, не раздражай цезаря! Когда наступитъ рѣшительная минута, когда ты будешь вынуждена сдѣлать выборъ между позоромъ и смертью, тогда ты поступишь такъ, какъ повелѣваетъ тебѣ твоя истина, но добровольно не ищи гибели и не гнѣви земного, безпощаднаго бога.

Актея говорила съ глубокимъ состраданіемъ и даже съ увлеченіемъ; будучи отъ природы нѣсколько близорука, она приблизила свое кроткое лицо къ лицу Лигіи, какъ-бы желая провѣрить, какое впечатлѣніе производятъ ея слова.

Лигія, обвивъ, съ довѣрчивостью ребенка ея шею, воскликнула:

— Какъ ты добра, Актея!

Актея, польщенная похвалой и довѣрчивостью дѣвушки, прижала ее къ своему сердцу; освободившись затѣмъ изъ объятій Лигіи, она отвѣтила:

— Мое счастье миновало и радость моя прошла, но я не сдѣлалась злою.

Она принялась ходить быстрыми шагами по комнатѣ и съ горестью говорить точно сама съ собою:

— Нѣтъ, и онъ не былъ злымъ! Онъ самъ считалъ себя тогда добрымъ, и хотѣлъ быть добрымъ. Я знаю это лучше, чѣмъ кто-бы то ни было. Все это явилось послѣ... когда онъ пересталъ любить... Другіе сдѣлали его такимъ, каковъ онъ теперь,—да, другіе, и Поппея!

На рѣсницахъ ея заблестѣли слезы. Лигія нѣсколько времени слѣдила за нею своими голубыми глазами и, наконецъ, произнесла:

— Ты жалѣешь его, Актея?

— Жалѣю!—глухо отвѣтила гречанка.

И она снова принялась ходить съ омраченнымъ скорбью лицомъ, сжимая, точно отъ боли, свои руки.

Лигія робко продолжала спрашивать ее:

— Ты еще любишь его, Актея?

— Люблю...

Затѣмъ она добавила:

— Его никто не любитъ, кромѣ меня...

Наступило молчаніе, во время котораго Актея старалась подавить навѣянное воспоминаніями волненіе; когда, наконецъ, лицо ея снова приняло обычное выраженіе затаенной грусти, она сказала:

— Поговоримъ о тебѣ, Лигія. Перестань и думать о сопротивленіи волѣ цезаря. Это было-бы безуміемъ. Притомъ-же, успокойся. Я хорошо изучила этотъ домъ, и думаю, что со стороны цезаря ничто не угрожаетъ тебѣ. Если-бы Неронъ приказалъ похитить тебя для себя, ты не была-бы препровождена въ Палатинскій дворецъ. Здѣсь властвуетъ Поппея, а Неронъ, съ того времени, какъ она родила ему дочь, еще болѣе подпалъ подъ ея вліяніе... Хотя Неронъ и повелѣлъ, чтобы ты присутствовала на пиршествѣ, однако, онъ не повидался съ тобой до сихъ поръ, не спросилъ о тебѣ,—слѣдовательно, ты для него не интересна. Быть можетъ, онъ отобралъ тебя отъ Авла и Помпоніи только по злобѣ къ нимъ... Петроній написалъ мнѣ, чтобы я позаботилась о тебѣ; о томъ-же, какъ тебѣ извѣстно, проситъ въ своемъ письмѣ и Помпонія,—вѣроятно, они сговорились между собою. Быть можетъ, онъ сдѣлалъ это по ея просьбѣ. Если это такъ, если и Петроній, по просьбѣ Помпоніи, возьметъ тебя подъ свою опеку,—тогда ничто не угрожаетъ тебѣ. И, какъ знать, не уговоритъ-ли онъ Нерона отослать тебя обратно въ домъ

Авла? Я не знаю, насколько любитъ его Неронъ, но могу тебя увѣрить, что цезарь рѣдко рѣшается не раздѣлять его мнѣнія.

— Ахъ, Актея,—отвѣтила Лигія,—Петроній былъ у насъ передъ тѣмъ, какъ меня увели, и мать моя убѣждена, что Неронъ потребовалъ моей выдачи по его наущенію.

— Если это правда, слѣдуетъ опасаться,—сказала Актея.

Подумавъ немного, она продолжала:

— Быть можетъ, впрочемъ, Петроній только проболтался за какимъ-нибудь ужиномъ въ присутствіи Нерона, что видѣлъ у Авла заложницу лигійцевъ, а Неронъ, ревниво оберегающій свою власть, потребовалъ твоей выдачи лишь потому, что заложницы принадлежатъ цезарю. Притомъ-же онъ не любитъ Авла и Помпоніи... Нѣтъ! я сомнѣваюсь, чтобы Петроній, если-бы захотѣлъ отобрать тебя отъ Авла, прибѣгнулъ къ такому способу... Я не поручусь, что Петроній лучше остальныхъ приближенныхъ цезаря, но онъ не похожъ на нихъ... Наконецъ, можетъ быть, найдется и помимо него кто-нибудь готовый заступиться за тебя. Не познакомилась-ли ты въ домѣ Авла съ кѣмъ-либо изъ лицъ близкихъ къ цезарю?

— Мнѣ случалось видѣть Веспасіана и Тита.

— Цезарь не любитъ ихъ.

— И Сенеку.

— Стоитъ Сенекѣ дать какой-либо совѣтъ, чтобы Неронъ поступилъ наперекоръ.

На ясное лицо Лигіи сталъ набѣгать румянецъ.

— И Виниція...

— Я не знаю его.

— Это родственникъ Петронія, недавно вернувшійся изъ Арменіи...

— Ты полагаешь, что Неронъ благоволитъ къ нему?

— Виниція любятъ всѣ.

— И онъ пожелаетъ вступиться за тебя?

— Да.

Актея нѣжно улыбнулась и сказала:

— Значитъ, ты увидишь его на пирѣ. Быть на немъ ты, во всякомъ случаѣ, принуждена... Только такое дитя, какъ ты, могло подумать иначе. Во-вторыхъ, если хочешь вернуться въ домъ Авла, ты найдешь тамъ возможность попросить Петронія и Виниція, чтобы они исходатайствовали тебѣ, при помощи своего вліянія, право на возвращеніе. Если-бы они присутствовали здѣсь, они оба подтвердили-бы тебѣ, что попытка ослушаться была-бы безуміемъ и погубила-бы тебя. Цезарь могъ-бы, положимъ, не замѣтить твоего отсутствія, — но, если-бы онъ замѣтилъ и подумалъ, что ты дерзнула воспротивиться его волѣ, ничто

уже не спасло-бы тебя. Пойдемъ, Лигія... Слышишь, какимъ шумомъ наполнился дворъ? Солнце заходитъ и вскорѣ начнутъ собираться гости.

— Ты права, Актея, — отвѣтила Лигія, — я послѣдую твоему совѣту.

Лигія, по всей вѣроятности, сама не могла-бы дать себѣ отчета, насколько повліяло на это рѣшеніе желаніе увидѣть Виниція и Петронія и съ другой стороны, любопытство—хоть разъ въ жизни побывать на такомъ пиру, посмотрѣть на цезаря, дворъ, прославленную Поппею и другихъ красавицъ, и, вообще, на всю неслыханную роскошь, о которой въ Римѣ разсказывали чудеса. Несомнѣнно, однако, что Актея права, — молодая дѣвушка сознавала это. Идти на пиръ она должна: необходимость и здравый смыслъ присоединились къ тайному искушенію, и Лигія перестала колебаться.

Актея повела ее въ собственный унктуарій, чтобы умастить благовоніями и одѣть; хотя въ домѣ цезаря не было недостатка въ рабыняхъ и Актея располагала значительнымъ числомъ прислужницъ, однако, изъ сочувствія къ дѣвушкѣ, невинность и красота которой тронули ее, она рѣшила сама нарядить Лигію. При этомъ сейчасъ-же обнаружилось, что въ молодой гречанкѣ, несмотря на ея горе и увлеченіе посланіями Павла Тарсійскаго, въ немалой степени сохранилась древняя эллинская душа, обожающая тѣлесную красоту больше всего въ мірѣ. Обнаживъ Лигію, она не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть отъ восхищенія при видѣ формъ ея тѣла, хрупкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, закругленныхъ, созданныхъ точно изъ розъ и перламутра. Отступивъ на нѣсколько шаговъ, она смотрѣла съ восторгомъ на эту безподобную вешнюю красу.

— Лигія!—воскликнула она, наконецъ,—ты во сто кратъ прекраснѣе Поппеи!

Воспитанная въ строгомъ домѣ Помпоніи, гдѣ стыдливость соблюдалась даже въ то время, когда женщины оставались наединѣ, дѣвушка стояла—прелестная, какъ волшебный сонъ, исполненная гармоніи, какъ твореніе Праксителя или гимнъ,—но смущенная, порозовѣвшая отъ стыда, сдвинувъ колѣни, закрывая руками грудь и опустивъ рѣсницы. Поднявъ, наконецъ, быстрымъ движеніемъ свои руки, она выдернула шпильки, поддерживавшія волоса,—и въ одинъ мигъ, слегка встряхнувъ головою, покрылась ими, какъ плащемъ.

Актея приблизилась и сказала, прикасаясь къ ея темнымъ прядямъ:

— Какіе у тебя чудесные волосы!.. Я не осыплю ихъ золотою пудрой, они сами отливаютъ золотистымъ блескомъ на изломахъ косъ... Быть можетъ, лишь кое-гдѣ я коснусь ихъ позолотой,—чуть-чуть, едва замѣтно, точно по нимъ скользнулъ свѣтлый лучъ... Какъ прекрасенъ, должно быть, вашъ лигійскій край, гдѣ рождаются такія дѣвушки!

— Я не помню его,—отвѣтила Лигія,—только Урсъ разсказывалъ мнѣ, что у насъ все лѣса, лѣса и лѣса.

— А въ лѣсахъ распускаются цвѣты,—сказала Актея, погружая руки въ вазу, наполненную верваеной, и смачивая ими волосы Лигіи.

Затѣмъ она принялась, чуть нажимая ладонями, натирать тѣло аравійскими благовонными елеями; покончивъ съ этимъ дѣломъ, Актея облекла Лигію въ мягкую, золотистой окраски тунику, безъ рукавовъ, на которую оставалось надѣть бѣлоснѣжный пеплумъ. Но, такъ-какъ раньше слѣдовало причесать волосы, гречанка на время закутала ее въ широкое одѣяніе, называвшееся синтезомъ, и, посадивъ на стулъ, сдала на руки рабынямъ, наблюдая со стороны за причесываніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, двѣ рабыни стали надѣвать на ножки Лигіи бѣлую, вышитую пурпуромъ обувь, прикрѣпляя ее на крестъ золотыми тесемками. Когда прическа была готова, на молодую дѣвушку накинули собранный въ изящныя, легкія складки пеплумъ; Актея, застегнувъ на ея шеѣ жемчужное ожерелье и прикоснувшись къ узламъ косъ золотистою пудрой, приказала одѣвать себя, не переставая слѣдить восхищенными взорами за Лигіей.

Она собралась очень скоро, и, когда въ главныхъ воротахъ стали показываться первыя носилки, Лигія и Актея вошли въ боковой криптопортикъ, изъ котораго видны были главный входъ, внутреннія галлереи и дворъ, обнесенный колоннадой изъ нумидійскаго мрамора.

Постепенно все больше людей проходило подъ высокимъ сводомъ воротъ, надъ которыми великолѣпная квадрига (колесница, запряженная четверкою лошадей) Лизія какъ-будто мчала по воздуху Аполлона и Діану. Взоры Лигіи были поражены зрѣлищемъ пышности, о которой скромный домъ Авла не могъ внушить ей никакого представленія. Солнце приблизилось къ закату; послѣдніе лучи его озаряли желтый нумидійскій мраморъ колоннъ, сіявшій золотымъ блескомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отливавшій розовымъ колоритомъ. Подъ колоннами, возлѣ бѣлыхъ изваяній Данаидъ, боговъ и героевъ, проходили толпы мужчинъ и женщинъ, также похожихъ на статуи, задрапированныхъ въ тоги, пеплумы и столы, ниспадающія живописными, ласкающими глазъ складками, на которыхъ догорали отблески заходящаго солнца. Гигантскій Геркулесъ, съ еще освѣщенною головой, погрузившійся по грудь въ тѣнь, отбрасываемую колонной, взиралъ съ высоты на эту сутолоку.

Актея указывала Лигіи на сенаторовъ въ широко окаймленныхъ тогахъ, цвѣтныхъ туникахъ и съ полумѣсяцами на обуви, — на патриціевъ и знаменитыхъ артистовъ, на римскихъ матронъ, одѣтыхъ въ латинскіе, греческіе или фантастическіе восточные уборы, съ волосами, причесанными въ видѣ башенъ, пирамидъ или, на подобіе статуй богинь, низко у головы, и украшенными цвѣтами. Многихъ мужчинъ и

женщинъ Актея называла по именамъ, добавляя краткія и, нерѣдко, ужасныя характеристики, внушавшія Лигіи страхъ, изумленіе и смущеніе. Передъ нею раскрывался странный міръ: красота плѣняла взоры, но внутреннихъ противорѣчій не могъ понять ея юный разсудокъ. Въ этомъ багрянцѣ заката, въ этихъ рядахъ недвижныхъ колоннъ, теряющихся въ дали, и въ этихъ людяхъ, подобныхъ статуямъ, чувствовалось какое-то великое умиротвореніе; казалось, что среди простыхъ очертаній этого мрамора должны обитать чуждые заботъ, невозмутимые и счастливые полубоги,—а, между тѣмъ, тихій голосъ Актеи разоблачалъ все новыя и новыя, ужасныя тайны—и этого дворца, и этихъ людей. Тамъ, вдали, виднѣется криптопортикъ, на колоннахъ и плитахъ котораго до сихъ поръ замѣтны пятна крови, которою оросилъ бѣлый мраморъ Калигула, когда палъ подъ ножомъ Кассія Херея; тутъ-же умерщвлена его жена; въ другомъ мѣстѣ разбили о камни голову младенца; подъ тѣмъ флигелемъ таится подземелье, въ которомъ отъ голоду грызъ руки младшій Друзъ; тамъ отравили старшаго Друза, а вонъ тамъ корчился въ страхѣ Гемеллъ, судорожно бился Клавдій, тамъ — Германикъ, всюду эти стѣны оглашались стонами и хрипѣніемъ умирающихъ, а эти люди спѣшащіе теперь на пиръ въ яркихъ туникахъ, цвѣтахъ и драгоцѣнностяхъ, быть можетъ, завтра-же будутъ обречены на казнь; быть можетъ, на многихъ лицахъ улыбка скрываетъ боязнь, тревогу и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ; быть можетъ, сердца этихъ на видъ безмятежныхъ, увѣнчанныхъ полубоговъ охвачены въ это мгновеніе пламенемъ страстей, алчностью и завистью. Потрясенное сознаніе Лигіи не успѣвало слѣдить за словами Актеи, и хотя этотъ дивный міръ все сильнѣе очаровывалъ ея взоры, сердце молодой дѣвушки сжималось отъ ужаса, а душу ея охватило вдругъ невыразимое, безграничное сожалѣніе о любимой Помпоніи Грецинѣ и мирномъ домѣ Авла, въ которомъ царитъ не преступленіе, а любовь.

Тѣмъ временемъ изъ Vicus Apollinis надвигались все новыя толпы приглашенныхъ. Изъ-за воротъ доносился шумъ и восклицаніе кліентовъ, провожавшихъ своихъ покровителей. Дворъ и колоннады испещрились множествомъ рабовъ цезаря, рабынь, мальчиковъ и преторіанскихъ солдатъ, охраняющихъ дворецъ. Кое-гдѣ, среди бѣлыхъ и смуглыхъ лицъ, чернѣлись лица нумидійцевъ въ оперенныхъ шлемахъ и съ большими позолоченными кольцами въ ушахъ. Проносили лютни, цитры, груды искусственно выращенныхъ, несмотря на позднюю осень, цвѣтовъ, ручные серебряные, золотые и мѣдные свѣтильники. Становившійся все громче людской говоръ сливался съ плескомъ фонтана, порозовѣвшія отъ лучей заката струи котораго, падая съ высоты на мраморъ, разбивались на плитахъ, точно всхлипывая.

Актея перестала разсказывать, но Лигія все еще глядѣла, точно высматривая кого-то въ толпѣ. На лицѣ ея вдругъ выступилъ румянецъ. Между колоннами появились Виницій и Петроній; они шли къ большому триклинію, прекрасные, спокойные, похожіе въ своихъ тогахъ на бѣлыхъ боговъ. Молодой дѣвушкѣ, когда она увидѣла среди чужихъ людей эти два знакомыхъ и дружескихъ лица, а, въ особенности, когда она взглянула на Виниція, показалось, что тяжелое бремя отлегло отъ ея сердца. Она почувствовала себя менѣе одинокой. Невыразимая тоска по семьѣ Авла, охватившая за нѣсколько мгновеній передъ тѣмъ ея душу, сдѣлалась вдругъ не столь невыносимой. Искушеніе повидаться съ Виниціемъ и поговорить съ нимъ заглушило всѣ ея сомнѣнія. Напрасно напоминала она себѣ всѣ зловѣщіе толки, которые приходилось ей слышать о домѣ цезаря,—и слова Актеи, и предостереженія Помпоніи,—несмотря на эти слова и предостереженія, она почувствовала, что пойдетъ на пиръ не только по необходимости, но и по собственному влеченію: при одной мысли, что черезъ мгновеніе она вновь услышитъ дорогой и обаятельный голосъ, говорившій ей о любви и счастіи, достойномъ боговъ, и до сихъ поръ звучащій въ ея ушахъ, какъ музыка, сердце ея затрепетало отъ радости.

Однако, она сейчасъ-же испугалась этой радости. Ей показалось, что въ эту минуту она измѣняетъ и чистому ученію, въ которомъ ее выростили, и Помпоніи Грецинѣ, и себѣ самой. Идти по принужденію – и радоваться подобному насилію, далеко не одно и то-же. Она почувствовала себя виноватой, согрѣшившей и погибшей. Ее охватило отчаяніе, слезы подступили къ ея глазамъ. Если бы она была одна, она опустилась-бы на колѣни и стала-бы ударять себя въ грудь, повторяя: моя вина! моя вина! Но Актея, взявъ ее за руку, повела черезъ внутренніе покои въ большой триклиній, въ которомъ долженъ былъ состояться пиръ; у Лигіи потемнѣло въ глазахъ, шумѣло отъ волненія въ ушахъ, біеніе сердца тѣснило дыханіе. Точно сквозь сонъ, увидѣла она тысячи лампадъ, мерцающихъ на столахъ и на стѣнахъ, точно сквозь сонъ, услышала возгласы, которыми встрѣтили цезаря, и, какъ будто сквозь туманъ, увидѣла его. Крики оглушили ее, яркій свѣтъ ослѣпилъ, благовонія опьянили,—и, почти лишившись чувствъ, она едва различила Актею, которая, помѣстивъ ее за столомъ, сама заняла мѣсто рядомъ.

Спустя мгновеніе, съ другой стороны окликнулъ ее знакомый голосъ:

— Привѣтствую тебя, прекраснѣйшая изъ дѣвъ на землѣ и звѣздъ на небѣ! Привѣтствую тебя, божественная Каллина!

Лигія, нѣсколько придя въ себя, осмотрѣлась: возлѣ нея возлежалъ Виницій.

Онъ былъ безъ тоги, такъ какъ удобство и обычай предписывали снимать тоги передъ пиршествомъ. Тѣло его покрывала только пурпур-

ная туника безъ рукавовъ, вышитая серебряными пальмами. Обнаженныя руки были украшены, по восточному, двумя широкими золотыми запястьями, надѣтыми выше локтя,—ниже онѣ были тщательно очищены отъ волосъ; гладкія, но слишкомъ мускулистыя, это были руки настоящаго воина, созданныя для меча и щита. Голова его была убрана вѣнкомъ изъ розъ. Со своими сросшимися на переносицѣ бровями, великолѣпными глазами и смуглымъ лицомъ, онъ казался воплощеніемъ молодости и силы. Лигія была такъ поражена его красотой, что хотя первое замѣшательство ея уже прошло, однако, едва смогла отвѣтить:

— Привѣтъ тебѣ, Маркъ...

Онъ говорилъ ей:

— Счастливы глаза мои, которые видятъ тебя; счастливы уши, услышавшія твой голосъ, отраднѣйшій для меня напѣва флейтъ и цитры. Если-бы меня заставили избрать, кто возлѣ меня долженъ возлежать на этомъ пиршествѣ, — ты, Лигія, или Венера, я выбралъ-бы тебя, божественная дѣва!

Виницій сталъ смотрѣть на нее, какъ-бы спѣша насытить взоры красотой ея, обжигалъ ее своими очами! Взоръ его скользилъ съ лица дѣвушки на ея шею и обнаженныя руки, ласкалъ прелестныя очертанія, любовался ею, обнималъ ее, пожиралъ, но, на ряду съ вожделѣніемъ, въ немъ свѣтились счастіе, нѣжность и безграничное восхищеніе.

— Я зналъ, что встрѣчу тебя въ домѣ цезаря,—продолжалъ Виницій говорить ей,—тѣмъ не менѣе, когда я увидѣлъ тебя, всю душу мою потрясла такая радость, точно мнѣ выпало совершенно неожиданное счастіе.

Лигія, нѣсколько успокоившись и чувствуя, что въ этой толпѣ и въ этомъ домѣ онъ — единственное близкое ей существо, вступила въ разговоръ съ нимъ и принялась разспрашивать обо всемъ, что оставалось для нея непонятнымъ и внушало ей страхъ. Откуда узналъ онъ, что встрѣтитъ ее въ домѣ цезаря, — и зачѣмъ привѣли ее сюда? Зачѣмъ цезарь отобралъ ее отъ Помпоніи? Ей страшно здѣсь, она хочетъ вернуться домой. Она умерла-бы съ тоски и тревоги, если-бы не надѣялась, что Петроній и онъ будутъ ходатайствовать за нее передъ цезаремъ.

Виницій объяснилъ, что о похищеніи ея узналъ отъ самого Авла. Зачѣмъ ее препроводили сюда, ему неизвѣстно. Цезарь никому не даетъ отчета въ своихъ распоряженіяхъ и приказахъ. Однако, пусть она не боится. Вѣдь онъ, Виницій, возлѣ нея и останется вмѣстѣ съ нею. Онъ предпочелъ-бы лишиться зрѣнія, чѣмъ не видѣть ее, предпочелъ-бы пожертвовать жизнью, чѣмъ покинуть ее. Она стала его душою, поэтому онъ будетъ беречь ее, какъ собственную душу. Онъ воздвигнетъ ей въ своемъ домѣ алтарь, какъ своему божеству, и будетъ приносить

въ жертву мирру и алоэ, а весной—цвѣтъ яблони и ранніе цвѣты... Если она боится жить въ домѣ цезаря, онъ можетъ поручиться ей, что она здѣсь не останется.

Хотя онъ говорилъ уклончиво, съ недомолвками, и по временамъ прибѣгалъ ко лжи, въ голосѣ его звучала правдивость, такъ какъ чувство его къ ней, въ самомъ дѣлѣ, было искреннимъ. Онъ не могъ преодолѣть чистосердечнаго сожалѣнія, слова ея западали ему въ душу; когда Лигія стала благодарить и увѣрять, что Помпонія полюбитъ его за доброту, а сама она на всю жизнь останется признательной ему, Виниций былъ глубоко тронутъ. Ему казалось, что онъ никогда не рѣшится воспротивиться ея просьбѣ. Сердце его дрогнуло. Онъ съ упоеніемъ любовался ея красотой и жаждалъ обладанія ею, но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалъ, что она ему чрезвычайно дорога и что онъ, взаправду, могъ-бы обожать ее, какъ божество; кромѣ того, онъ испытывалъ непреодолимую потребность говорить объ ея красотѣ и о своей любви къ ней. Шумъ въ залѣ пиршества становился громче; онъ придвинулся, поэтому, поближе къ ней и началъ нашептывать нѣжныя, ласковыя, льющіяся изъ глубины души слова, благозвучныя, какъ музыка, и опьяняющія, какъ вино.

И они опьяняли Лигію. Среди окружавшихъ ее чуждыхъ людей, онъ казался ей все болѣе близкимъ, все болѣе дорогимъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія и преданнымъ отъ всей души. Онъ успокоилъ ее, обѣщалъ освободить изъ дома цезаря, обѣщалъ, что не оставитъ ее и будетъ исполнять ея желанія. Кромѣ того, раньше, въ домѣ Авла, онъ говорилъ ей вообще о любви и счастіи, которое она можетъ дать, теперь-же безъ околичностей признавался, что любитъ ее, что она ему милѣе и дороже всѣхъ. Лигія впервые слышала такія слова изъ мужскихъ устъ, и по мѣрѣ того, какъ она вслушивалась въ нихъ, ей казалось, что въ ней пробуждается что-то словно отъ сна, что все существо ея охвачено невѣдомымъ счастьемъ, въ которомъ безпредѣльная радость сливается съ безпредѣльною тревогой. Щеки ея разгорѣлись, сердце билось порывисто, уста раскрылись, точно отъ изумленія. Ей было страшно, что она слушаетъ такія признанія, но ни за что въ мірѣ не согласилась-бы она не дослушать хотя-бы одного слова. Она то опускала глаза, то снова обращала къ Виницію лучистый взоръ, боязливый и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы взывающій къ нему: «говори еще!» Громкій говоръ, музыка, ароматъ цвѣтовъ и благоуханіе аравійскихъ куреній снова стали опьянять ее. Въ Римѣ принято было возлежать за трапезой, но дома Лигія занимала мѣсто между Помпоніей и маленькимъ Авломъ, теперь-же возлѣ нея возлежалъ Виницій, молодой, могучій, влюбленный, распаленный желаніемъ, она-же, чувствуя, что отъ него пышетъ страстью, испытывала одновременно и стыдъ, и наслажденіе.

Она погружалась въ какую-то сладостную истому, замирала и изнемогала, точно впадая въ дремоту.

Близость ея воздѣйствовала и на Виниція. Лицо его поблѣднѣло, ноздри раздувались, точно у арабскаго коня. Повидимому, и его сердце билось подъ пурпурною туникой съ необычной силой, онъ дышалъ часто и тяжело, голосъ его то и дѣло прерывался. И онъ впервые очутился такъ близко къ ней. Мысли его стали путаться, въ жилахъ бушевало пламя, которое онъ тщетно пытался залить виномъ. Но пока еще не вино, а ея прелестное лицо, обнаженныя руки, дѣвственная грудь, колеблющаяся подъ золотистою туникой, и все ея тѣло, покоящееся въ бѣлыхъ складкахъ пеплума, все сильнѣе опьяняли его. Наконецъ, онъ обхватилъ ея руку повыше локтя, какъ сдѣлалъ это уже одинъ разъ въ домѣ Авла, и привлекая ее къ себѣ, сталъ шептать дрожащими устами:

— Я люблю тебя, Каллина... моя божественная...

— Маркъ, пусти меня,—сказала Лигія.

Онъ-же продолжалъ говорить, смотря на нее отуманенными страстью глазами:

— Божественная моя!—полюби меня...

Но въ это мгновеніе послышался голосъ Актеи, возлежавшей по другую сторону Лигіи:

— Цезарь глядитъ на васъ.

Внезапный гнѣвъ и на цезаря, и на Актею овладѣлъ Виниціемъ. Слова ея разсѣяли очарованіе.

Молодому воину въ такую минуту даже голосъ друга показался-бы докучливымъ,—Актея-же, какъ онъ думалъ, умышленно старается прервать его разговоръ съ Лигіей.

Поднявъ голову и посмотрѣвъ на молодую вольноотпущенницу поверхъ рукъ Лигіи, Виницій произнесъ съ озлобленіемъ:

— Миновало время, Актея, когда на пирахъ ты возлежала возлѣ цезаря,—и говорятъ, что тебѣ угрожаетъ слѣпота,—какъ-же ты можешь видѣть его?

Актея отвѣтила ему съ оттѣнкомъ грусти:

— Я, все-таки, вижу... Онъ также близорукъ,—и глядитъ на васъ въ изумрудъ.

Все, что ни дѣлалъ Неронъ, внушало опасеніе даже лицамъ, наиболѣе приближеннымъ къ нему; Виницій встревожился, овладѣлъ собою—и принялся смотрѣть украдкой въ сторону цезаря. Лигія, въ началѣ пира видѣвшая его вслѣдствіе смущенія точно сквозь дымку, вовсе не смотрѣла затѣмъ на цезаря, увлеченная присутствіемъ и словами Виниція; теперь и она обратила къ Нерону свои испуганные и, вмѣстѣ съ тѣмъ, любопытные глаза.

Актея сказала правду. Цезарь, склонившись надъ столомъ и зажмуривъ одинъ глазъ, держалъ передъ другимъ глазомъ круглый полированный изумрудъ, которымъ пользовался обыкновенно, и смотрѣлъ на нихъ. Взоръ его на мгновеніе встрѣтился съ глазами Лигіи, и сердце молодой дѣвушки содрогнулось отъ ужаса. Когда она, еще ребенкомъ, живала въ сицилійскомъ помѣстьѣ Авла, старая рабыня-египтянка разсказывала ей о драконахъ, обитающихъ въ ущельяхъ горъ,—и, вотъ, теперь ей показалось, что на нее вдругъ посмотрѣлъ зеленоватый глазъ такого дракона. Она ухватилась за руку Виниція, какъ испуганное дитя—а мысль ея едва успѣвала разобраться въ безсвязныхъ, быстро смѣнявшихся впечатлѣніяхъ. Такъ вотъ каковъ онъ, этотъ страшный и всемогущій цезарь? Лигія никогда не видала его прежде, но представляла себѣ совсѣмъ инымъ. Воображеніе ея создавало ужасное лицо съ окаменѣвшимъ въ чертахъ выраженіемъ злобы; между тѣмъ, она увидѣла передъ собою большую, прикрѣпленную къ толстой шеѣ, голову, хотя и страшную, но почти смѣшную, похожую издалека на голову ребенка. Туника аметистовой окраски, запрещенной простымъ смертнымъ, отбрасывала синеватую тѣнь на его широкое и короткое лицо. Темные волосы по модѣ, введенной Отономъ, были завиты въ четыре ряда буклей. Бороды онъ не носилъ, такъ какъ недавно посвятилъ ее Юпитеру, за что весь Римъ приносилъ ему благодарность, хотя втихомолку злословили, что онъ пожертвовалъ бородою, потому что, какъ всѣ въ его родѣ, обросталъ рыжими волосами. Въ его высоко выступающемъ надъ бровями лбѣ было, однако, что-то олимпійское. Въ насупленныхъ бровяхъ отражалось сознаніе могущества; но подъ этимъ челомъ полубога пріютилось лицо обезьяны, пьяницы и комедіанта, ничтожное, отражающее непрерывно смѣняющіяся желанія, заплывшее несмотря на молодость жиромъ, болѣзненное и обрюзгшее. Лигіи лицо его показалось зловѣщимъ, и, главнымъ образомъ, отвратительнымъ.

Неронъ вскорѣ положилъ на столъ изумрудъ и пересталъ смотрѣть на нее. Теперь молодая дѣвушка увидѣла его глаза на-выкатъ, жмурящіеся отъ слишкомъ сильнаго освѣщенія, стекляновидные, безсмысленные и похожіе на глаза покойниковъ.

Цезарь, обратившись къ Петронію, сказалъ:

— Это та заложница, въ которую влюбился Виницій?

— Да, это она,—отвѣтилъ Петроній.

— Какъ называется ея народъ?

— Лигійскимъ.

— Виницій считаетъ ее красавицей?

— Одѣнь въ женскій пеплумъ источенный червями оливковый пень, Виницій сочтетъ и его прекраснымъ. Но на твоемъ лицѣ, несравненный цѣнитель красоты, я прочелъ уже твое мнѣніе о ней! Тебѣ не нужно и

оглашать своего приговора! Да, ты правъ! она слишкомъ тоща! сухопара! настоящая маковая головка на тонкомъ стеблѣ, а ты, божественный эстетикъ, цѣнишь въ женщинѣ стволъ, и ты трижды, четырежды правъ! одно лицо ничего не значитъ. Я уже многому научился около тебя, но столь вѣрнаго глазомѣра еще не достигъ... и я готовъ побиться объ закладъ съ Тулліемъ Сенеціемъ на его любовницу, что ты,— хотя на пирѣ, гдѣ всѣ возлежатъ, трудно судить обо всей фигурѣ,—уже сказалъ себѣ: «она слишкомъ худа въ бедрахъ».

— Слишкомъ худа въ бедрахъ, — произнесъ, смыкая глаза, Неронъ.

По губамъ Петронія скользнула чуть замѣтная усмѣшка. Туллій Сенецій, занимавшійся до этой минуты разговоромъ съ Вестиномъ или, говоря точнѣе, вышучиваніемъ сновъ, въ которые вѣрилъ Вестинъ, обернулся къ Петронію и, хотя не имѣлъ никакого представленія, о чемъ идетъ рѣчь, воскликнулъ:

— Ты ошибаешься! я держу пари за цезаря.

— Хорошо,—отвѣтилъ Петроній.—Я, какъ разъ, доказывалъ, что въ тебѣ есть щепотка ума, а цезарь утверждаетъ, что ты—оселъ безъ всякой примѣси.

— Habet! — сказалъ Неронъ, смѣясь, и опуская внизъ большой палецъ руки, какъ дѣлалось въ циркѣ въ знакъ того, что гладіатору нанесенъ ударъ и что его слѣдуетъ добить.

Вестинъ, думая, что разговоръ все еще касается сновъ, воскликнулъ:

— А я вѣрю въ сны, и Сенека также говорилъ мнѣ когда-то, что вѣритъ въ нихъ.

— Прошлою ночью мнѣ приснилось, что я сдѣлалась весталкой,— сказала, перегнувшись черезъ столъ, Кальвія Криспинилла.

Послѣ этого заявленія Неронъ сталъ хлопать въ ладони; всѣ послѣдовали его примѣру, и нѣсколько мгновеній вокругъ раздавался шумъ рукоплесканій: Криспинилла, нѣсколько разъ разводившаяся съ мужьями, прославилась баснословнымъ распутствомъ на весь Римъ.

Но она, нисколько не смутившись, добавила:

— Что-жъ тутъ особеннаго! Всѣ онѣ стары и некрасивы. Одна Рубрія похожа на человѣка,—а такъ насъ было-бы двѣ, хотя лѣтомъ у Рубріи выступаютъ веснушки.

— Позволь, однако, замѣтить тебѣ, высокочтимая Кальвія,—сказалъ Петроній,—что весталкой могла ты сдѣлаться развѣ только во снѣ.

— А если-бы предписалъ цезарь?

— Я повѣрилъ-бы, что исполняются сны, даже самые неправдоподобные.

— Конечно, исполняются,—сказалъ Вестинъ.—Я понимаю людей, не вѣрящихъ въ боговъ, но какъ можно не вѣрить въ сны?

— А гаданія?—спросилъ Неронъ.—Мнѣ предвѣщали нѣкогда, что Римъ перестанетъ существовать, а я буду царствовать надъ всѣмъ Востокомъ.

— Гаданія и сны находятся въ тѣсной связи между собою,—отвѣтилъ Вестинъ.—Разъ одинъ проконсулъ, завзятый отрицатель, послалъ въ храмъ Мопса раба съ запечатаннымъ письмомъ, которое не позволилъ вскрыть,—чтобы провѣрить, сумѣетъ-ли божокъ отвѣтить на вопросъ, изложенный въ письмѣ. Рабъ провелъ ночь въ храмѣ, чтобы получить во снѣ откровеніе; вернувшись изъ поѣздки, онъ сообщилъ: мнѣ приснился юноша, свѣтлый, какъ солнце, и сказалъ всего одно слово: «чернаго». Проконсулъ, услышавъ это, поблѣднѣлъ, и, обращаясь къ своимъ гостямъ, такимъ-же невѣрующимъ, какъ онъ, произнесъ:

«Знаете-ли, что было сказано въ письмѣ!»

Вестинъ прервалъ разсказъ и, поднявъ чашу съ виномъ, сталъ пить.

— Что-же было въ этомъ письмѣ?—спросилъ Сенецій.

— Въ письмѣ заключался вопросъ: «какого быка долженъ я принести въ жертву: бѣлаго или чернаго?»

Вниманіе, возбужденное разсказомъ, отвлекъ Вителій, явившійся на пиръ уже подъ хмѣлькомъ; онъ внезапно разразился, безъ всякаго повода, безсмысленнымъ смѣхомъ.

— Надъ чѣмъ смѣется эта бочка сала?—спросилъ Неронъ.

— Смѣхъ отличаетъ людей отъ животныхъ,—сказалъ Петроній,—у него-же нѣтъ иного доказательства, что онъ не боровъ.

Вителій также внезапно пересталъ смѣяться и, чмокая лоснящимися отъ соусовъ и жирныхъ кушаній губами, сталъ осматривать присутствующихъ съ такимъ изумленіемъ, точно никогда до этого не видѣлъ ихъ.

Поднявъ, наконецъ, похожую на подушку руку, онъ произнесъ сиплымъ голосомъ:

— Я уронилъ съ пальца всадническій перстень, доставшійся мнѣ по смерти отца.

— Который былъ сапожникомъ,—добавилъ Неронъ.

Вителій снова разразился безпричиннымъ смѣхомъ и принялся искать перстень въ пеплумѣ Кальвіи Криспиниллы.

Видя это, Витиній сталъ подражать крикамъ испуганной женщины, а Нигидія, пріятельница Кальвіи, молодая вдова съ лицомъ ребенка и глазами распутницы, заявила во всеуслышаніе:

— Онъ ищетъ, чего не потерялъ.

— И что ему ни на что не пригодится, хотя-бы онъ и нашелъ,—добавилъ поэтъ Луканъ.

Пиръ становился веселѣе. Толпы рабовъ подавали все новыя блюда; изъ большихъ вазъ, наполненныхъ снѣгомъ и обвитыхъ плющемъ, то-и-

дѣло вынимали меньшія кратеры съ многочисленными сортами вина. Всѣ пили усердно. Съ потолка на столъ и сотрапезниковъ падали розы.

Петроній сталъ просить Нерона, чтобы онъ, пока гости не перепились, облагородилъ пиръ своимъ пѣніемъ. Хоръ голосовъ присоединился къ его просьбамъ, но Неронъ сталъ отказываться. Вопросъ касается не смѣлости, хотя ему всегда не достаетъ ея... Боги знаютъ, чего стоитъ ему каждое появленіе передъ публикой... Онъ, однако, не уклоняется отъ этого, потому что надо-же сдѣлать что-нибудь для искусства,—и притомъ-же, если Аполлонъ одарилъ его нѣкоторымъ голосомъ, дары боговъ не подобаетъ оставлять втунѣ. Онъ понимаетъ даже, что это—его обязанность по отношенію къ государству. Но сегодня онъ, въ самомъ дѣлѣ, охрипъ. Ночью онъ наложилъ себѣ на грудь оловянные слитки, но и это средство не помогло... Онъ собирается даже поѣхать въ Анціумъ, чтобы подышать морскимъ воздухомъ.

Тогда Луканъ воззвалъ къ нему во имя искусства и человѣчности. Всѣ знаютъ, что божественный поэтъ и пѣвецъ сложилъ новый гимнъ въ честь Венеры, въ сравненіи съ которымъ сочиненіе Лукреція напоминаетъ вой годовалаго волченка. Пусть-же этотъ пиръ будетъ истиннымъ пиромъ. Властитель, столь добрый, не долженъ подвергать своихъ подданныхъ такимъ мукамъ: «не будь безчеловѣчнымъ, цезарь!»

— Не будь безчеловѣчнымъ!—повторили всѣ сидѣвшіе по близости.

Неронъ развелъ руками, въ знакъ того, что онъ вынужденъ уступить. Всѣ лица немедленно облеклись въ выраженіе благодарности, всѣ глаза обратились къ цезарю. Онъ приказалъ предувѣдомить Поппею, что будетъ пѣть, и сообщилъ присутствующимъ, что она не пришла на пиръ, чувствуя себя нездоровой,—но такъ какъ ни одно лѣкарство не доставляетъ ей такого облегченія, какъ его пѣніе, то ему было-бы жаль лишить ее удобнаго случая.

Поппея явилась немедленно. Она все еще властвовала надъ цезаремъ, какъ надъ подданнымъ, но не забывала, однако, что, когда затронуто самолюбіе Нерона какъ пѣвца, наѣздника или поэта, раздражать его слишкомъ опасно. Прекрасная, какъ богиня, она вошла одѣтая, подобно цезарю, въ аметистовой окраски одѣяніи, съ ожерельемъ изъ огромныхъ жемчужинъ, похищенныхъ нѣкогда у Массинисы; златокудрая, улыбающаяся и, хотя разведенная уже съ двумя мужьями, она сохранила лицо и выраженіе глазъ дѣвушки.

Ее встрѣтили привѣтственными возгласами, именуя «божественной августой». Лигія никогда въ жизни не видѣла столь дивной красоты; ей не хотѣлось вѣрить своимъ глазамъ, такъ какъ она знала, что Поппея Сабина—одна изъ порочнѣйшихъ женщинъ въ мірѣ. Она слышала отъ Помпоніи, что Поппея подучила цезаря убить мать и жену, узнала на что она способна, изъ разсказовъ гостей и слугъ въ домѣ

Авла. Она слышала, что по ночамъ въ городѣ опрокидывали статуи Поппеи, слышала о надписяхъ, за которыя виновныхъ подвергали самымъ жестокимъ наказаніямъ и которыя, тѣмъ не менѣе, появлялись каждое утро на стѣнахъ городскихъ зданій. Несмотря на это, при видѣ прославленной Поппеи, считаемой послѣдователями Христа воплощеніемъ зла и преступленія, молодой дѣвушкѣ казалось, что столь прекрасными могутъ быть лишь ангелы или небесные духи. Лигія не могла оторвать отъ нея взоровъ; съ устъ дѣвушки невольно сорвался вопросъ:

— Ахъ, Маркъ, возможно-ли это?..

Онъ-же, возбужденный виномъ и, повидимому, раздосадованный, что вниманіе ея все отвлекаютъ отъ него и его словъ, отвѣтилъ:

— Да, она прекрасна, но ты во сто кратъ прекраснѣе. Ты не умѣешь цѣнить себя,—не то влюбилась бы въ себя, какъ Нарциссъ... Она купается въ молокѣ ослицъ, а тебя, должно быть, Венера выкупала въ своемъ собственномъ. Ты не знаешь себѣ цѣны,—ocelle mi... Не смотри на нее. Обрати свои очи ко мнѣ, моя радость!.. Прикоснись устами къ этой чашѣ вина, а затѣмъ я прильну къ этому самому мѣсту моими устами...

Виницій придвигался все ближе, а Лигія стала отодвигаться къ Актеѣ. Въ эту минуту потребовали тишины, такъ какъ цезарь всталъ. Пѣвецъ Діодоръ подалъ ему лютню, въ родѣ называемой «дельтою», другой-же музыкантъ, Терпносъ, который долженъ былъ аккомпанировать, приблизился съ инструментомъ, называвшимся «набліемъ». Неронъ, опершись дельтой о столъ, вознесъ глаза,—и, чрезъ мгновеніе, въ триклиніи водворилось безмолвіе, нарушаемое лишь шорохомъ все продолжающихъ падать съ потолка розъ.

Цезарь запѣлъ или, вѣрнѣе, сталъ декламировать нараспѣвъ и ритмически, подъ аккомпаниментъ двухъ лютней, свой гимнъ Венерѣ. Ни голосъ его, хотя нѣсколько глухой, ни стихи—не оказались плохими, такъ что Лигія снова почувствовала угрызенія совѣсти: гимнъ, хотя и прославляющій нечистую, языческую Венеру, слишкомъ понравился ей, да и самъ цезарь, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и вознесенными къ небу глазами, показался ей болѣе величественнымъ, далеко не столь страшнымъ и отталкивающимъ, какъ въ началѣ пира.

Пирующіе разразились громомъ рукоплесканій. Вокругъ раздавались восклицанія: «о, дивный, небесный голосъ!» Нѣкоторые изъ женщинъ, всплеснувъ руками, застыли въ этой позѣ, въ знакъ своего восторга, даже по окончаніи пѣнія; другія осушали заплаканные глаза; весь залъ зашумѣлъ, точно улей. Поппея, склонивъ златокудрую голову, поднесла къ губамъ руку Нерона и долго не выпускала ея, не произнося ни слова, а молодой Пиѳагоръ, грекъ необычайной красоты,—тотъ самый, съ которымъ позднѣе почти обезумѣвшій Неронъ приказалъ жрецамъ

обвѣнчать себя съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ обрядовъ,—опустился на колѣни у ногъ его.

Но Неронъ внимательно смотрѣлъ на Петронія, похвалы котораго больше всего льстили ему; Петроній произнесъ:

— Что касается музыки, то Орфей, должно быть, теперь такъ же пожелтѣлъ отъ зависти, какъ сидящій здѣсь Луканъ; относительно-же стиховъ, я сожалѣю, что они не хуже, потому что тогда я, быть можетъ, нашелъ-бы для нихъ восхваленія подобающія слова.

Луканъ-же не обидѣлся на него за упоминаніе о зависти, — напротивъ, бросивъ на него признательный взоръ, онъ притворился раздосадованнымъ и проворчалъ:

— Да будетъ проклята судьба, обрекшая меня жить одновременно съ такимъ поэтомъ. Человѣку удалось бы занять мѣсто и въ памяти людской и на Парнасѣ, а теперь приходится угаснуть, какъ меркнетъ ночникъ при сіяніи солнца.

Петроній, обладавшій поразительною памятью, сталъ повторять выдержки изъ гимна, цитировать отдѣльные стихи, отмѣчать и разбирать удачнѣйшія выраженія. Луканъ, какъ-бы отрѣшившись отъ зависти подъ обаяніемъ поэзіи, присоединилъ къ его словамъ свои восторженныя похвалы. На лицѣ Нерона отразились упоеніе и безпредѣльное тщеславіе, не только граничащее съ глупостью, но совершенно тожественное съ нею. Онъ самъ подсказывалъ имъ стихи, которые считалъ прекраснѣйшими, и, наконецъ, принялся утѣшать Лукана, уговаривать, чтобы онъ не падалъ духомъ, такъ какъ никто не можетъ пріобрѣсти дарованій, которыхъ не дано ему отъ рожденія,—однако, поклоненіе, воздаваемое людьми Юпитеру, не исключаетъ почитанія остальныхъ боговъ.

Затѣмъ онъ всталъ проводить Поппею, которая, будучи въ самомъ дѣлѣ нездоровой, пожелала удалиться. Неронъ приказалъ гостямъ не покидать своихъ мѣстъ и обѣщалъ вернуться. И дѣйствительно, онъ вскорѣ возвратился — одурять себя ѳиміамомъ куреній и смотрѣть на дальнѣйшія зрѣлища, подготовленныя имъ самимъ, Петроніемъ или Тигеллиномъ для пира.

Присутствующіе снова стали слушать стихи или чтеніе діалоговъ, въ которыхъ вычурность замѣняла остроуміе. Затѣмъ, знаменитый мимъ, Парисъ, изображалъ приключенія Іо, дочери Инаха. Гостямъ, въ особенности Лигіи, не привыкшей къ такимъ зрѣлищамъ, казалось, что они видятъ чудеса и волшебство. Парисъ движеніями рукъ и тѣла умѣлъ выражать то, что, повидимому, выразить въ пляскѣ невозможно. Руки его всколебали воздухъ, создавая свѣтлое, живое облако, трепещущее любострастіемъ, обвивающее упоенный дѣвственный образъ, содрогающійся въ сладостной истомѣ. Это была не пляска, а картина,—картина ясная, разоблачающая тайну любви, чарующая и безстыдная; когда-же,

по окончаніи ея, появились корибанты и сирійскія плясуньи, исполнившія подъ звуки цитръ, флейтъ, кимваловъ и бубенъ вакхическій танецъ, сопровождаемый дикими криками и исполненный еще болѣе необузданной распущенности, Лигія ужаснулась: ей казалось, что ее испепелитъ живой огонь, что громы небесные должны поразить этотъ домъ или потолокъ обрушиться на головы пирующихъ.

Между тѣмъ, изъ золотой сѣтки, подвѣшенной къ потолку, падали только розы, а опьянѣвшій Виницій говорилъ ей:

— Я увидѣлъ тебя въ домѣ Авла у фонтана и полюбилъ тебя. Свѣтало, и ты думала, что никто не смотритъ, — а я видѣлъ... И досихъ поръ вижу тебя такою, хотя тебя скрываетъ отъ моихъ взоровъ этотъ пеплумъ. Скинь пеплумъ, какъ Криспинилла. Видишь, — и боги, и люди жаждутъ любви! Кромѣ нея, нѣтъ ничего на свѣтѣ! преклони голову къ моей груди и закрой глаза.

А у нея кровь, громко стуча, приливала къ вискамъ и рукамъ. Ею овладѣлъ страхъ, точно она падаетъ въ какую-то бездну, а этотъ Виницій, такъ недавно казавшійся ей столь близкимъ и преданнымъ, вмѣсто того, чтобы спасать, самъ влечетъ ее въ пропасть. Ей стало досадно на него. Она снова почувствовала, что боится и этого пира, и Виниція, и себя самой. Чей-то голосъ, похожій на голосъ Помпоніи, взывалъ еще въ ея душѣ: «Лигія, спасайся!» Но что-то говорило ей, вмѣстѣ съ тѣмъ, что уже слишкомъ поздно, что тотъ, кого обвѣяло такимъ пыломъ, кто видѣлъ все, что происходило на этомъ пиршествѣ, въ комъ сердце билось такъ, какъ въ ней, когда она внимала словамъ Виниція, — и кого охватывала такая дрожь, которую она испытывала, когда онъ приближался къ ней, тотъ погибъ безвозвратно. Она чувствовала, что ей становится дурно. Иногда ей казалось, что она лишится чувствъ и что потомъ произойдетъ что-то ужасное. Она знала, что, подъ страхомъ прогнѣвить цезаря, никому не дозволяется встать, пока не встанетъ самъ Неронъ, — однако, если-бы этого запрещенія и не существовало, она уже не имѣла-бы силъ удалиться.

А до окончанія пира было еще далеко. Рабы приносили все новыя яства и безпрестанно наполняли чаши виномъ; передъ столомъ появились, чтобы представить гостямъ зрѣлище борьбы, два атлета.

Состязаніе началось. Могучія, лоснящіяся отъ масла тѣла борцовъ слились въ одну живую глыбу, кости захрустѣли въ желѣзныхъ рукахъ, стиснутыя челюсти издавали зловѣщій скрежетъ. Иногда раздавались быстрые, глухіе удары ногъ о посыпанный шафраномъ полъ; то вновь атлеты становились недвижно, стихали, и зрителямъ казалось, что передъ ними — группа, изваянная изъ камня. Глаза римлянъ съ увлеченіемъ слѣдили за движеніями страшно напряженныхъ спинъ, икръ и рукъ. Борьба окончилась, однако, довольно скоро, такъ какъ Кротонъ,

учитель и начальникъ школы гладіаторовъ, заслуженно прослылъ первымъ силачомъ во всей имперіи. Противникъ его сталъ дышать все чаще, затѣмъ дыханіе его сперлось, лицо посинѣло и, наконецъ, изо рта хлынула кровь и онъ опустился.

Взрывъ рукоплесканій ознаменовалъ конецъ состязанія; Кротонъ, наступивъ ногой на плечи противника, скрестилъ огромныя руки на груди и обвелъ залъ глазами тріумфатора.

Послѣ атлетовъ выступили подражатели звѣрямъ и ихъ крикамъ, фокусники и шуты, но на нихъ почти не обращали вниманія, потому что вино уже затмило глаза зрителямъ. Пиръ постепенно превращался въ пьяную и распутную оргію. Сирійскія дѣвушки, участвовавшія раньше въ вакхической пляскѣ, смѣшались съ гостями. Музыка смѣнилась нестройнымъ, дикимъ шумомъ цитръ, лютней, армянскихъ кимваловъ, египетскихъ систръ, трубъ и роговъ; нѣкоторые изъ пирующихъ, желая разговаривать, стали кричать музыкантамъ, чтобы они ушли. Воздухъ триклинія, насыщенный ароматомъ цвѣтовъ, благоуханіемъ маслъ, которыми прелестные мальчики во время пира кропили ноги сотрапезникамъ, запахомъ шафрана и людскими выдѣленіями, становился душнымъ; свѣтильники горѣли тусклымъ пламенемъ, вѣнки на головахъ съѣхали въ сторону, лица поблѣднѣли и покрылись каплями пота.

Вителій свалился подъ столъ. Нигидія, обнаживъ себя до половины туловища, опустила пьяную дѣтскую головку на грудь Лукана, который, столь-же опьянѣвъ, принялся сдувать золотую пудру съ ея волосъ и съ невыразимымъ наслажденіемъ слѣдить за взлетающими пылинками. Вестинъ съ упорствомъ пьяницы повторялъ въ десятый разъ отвѣтъ Мопса на запечатанное письмо проконсула. Туллій, осмѣивавшій боговъ, говорилъ прерываемымъ икотой, вялымъ голосомъ:

— Если Сферотъ Ксенофана круглъ, тогда,—замѣть,—такого бога можно катить передъ собою ногой, какъ бочку.

Но Домицій Аферъ, старый злодѣй и доносчикъ, возмутился этимъ разговоромъ; отъ возмущенія онъ даже залилъ себѣ фалернскимъ виномъ всю тунику. Онъ всегда вѣрилъ въ боговъ. Люди говорятъ, что Римъ погибнетъ,—есть даже такіе, которые утверждаютъ, что онъ уже гибнетъ. И не удивительно!.. Но если это случится, такъ лишь оттого, что молодежь утратила вѣру, а безъ вѣры не можетъ быть добродѣтели. Кромѣ того, пренебрегаютъ былыми суровыми нравами,—и никому не приходитъ въ голову, что эпикурейцы не дадутъ отпора варварамъ. Что касается его, то онъ сожалѣетъ, что дожилъ до такихъ временъ и что принужденъ въ развлеченіяхъ искать спасенія отъ огорченій, которыя иначе живо доканали-бы его.

Сказавъ это, онъ притянулъ къ себѣ сирійскую танцовщицу и сталъ беззубыми губами цѣловать ея затылокъ и плечи; видя это, консулъ

Меммій Регулъ разсмѣялся и, поднявъ свою плѣшь, убранную съѣхавшимъ въ бокъ вѣнкомъ, произнесъ:

— Кто говоритъ, что Римъ гибнетъ?.. Глупости!.. Я, консулъ,— знаю лучше всѣхъ... Videant consules!.. Тридцать легіоновъ охраняютъ спокойствіе римской имперіи!..

Подперевъ виски кулаками, онъ сталъ кричать на весь залъ:

— Тридцать легіоновъ!—-тридцать легіоновъ!.. отъ Британіи до парфянскихъ границъ!

Но вдругъ онъ задумался и, приложивъ палецъ ко лбу, сказалъ:

— А, пожалуй, наберется ихъ и тридцать два...

И опустился подъ столъ, гдѣ тотчасъ-же сталъ извергать языки фламинговъ, печеные рыжики, мороженные грибы, саранчу на меду, рыбу, мясо и все, что съѣлъ или выпилъ.

Домиція не успокоила, однако, численность легіоновъ, охраняющихъ безопасность Рима: «Нѣтъ, нѣтъ! Римъ долженъ погибнуть, потому что не стало вѣры въ боговъ, не стало прежнихъ суровыхъ нравовъ! Римъ долженъ погибнуть! — а жаль! Жизнь все-таки хороша, цезарь милостивъ, вино прекрасно!—ахъ, какъ жаль!»

Опустивъ голову къ лопаткамъ сирійской вакханки, онъ заплакалъ: «что мнѣ въ какой-то будущей жизни!.. Ахиллъ былъ правъ, говоря, что лучше быть батракомъ въ мірѣ, озаряемомъ солнцемъ, чѣмъ царствовать въ киммерійскихъ предѣлахъ. Да и то еще вопросъ, существуютъ-ли какіе-нибудь боги, хотя безвѣріе губитъ молодежь».

Луканъ сдулъ тѣмъ временемъ всю золотую пудру съ волосъ Нигидіи, которая, окончательно опьянѣвъ, заснула. Затѣмъ онъ снялъ гирлянды плюща со стоявшей передъ нимъ вазы и обвилъ ими уснувшую. Сдѣлавъ это, онъ сталъ смотрѣть на присутствующихъ радостнымъ и вопрошающимъ взоромъ.

Потомъ онъ украсилъ и себя плющемъ, повторяя непоколебимо убѣжденнымъ тономъ:

— Я вовсе не человѣкъ, а фавнъ.

Петроній не былъ пьянъ, Неронъ-же, пившій сначала, щадя свой «небесный» голосъ, умѣренно, подъ конецъ опоражнивалъ чашу за чашей и охмелѣлъ. Онъ вздумалъ даже пѣть другіе свои стихи, — на этотъ разъ греческіе,—но забылъ ихъ и, по ошибкѣ, запѣлъ пѣсенку Анакреона. Ему вторили Пиѳагоръ, Діодоръ и Терпносъ, — но такъ какъ у всѣхъ дѣло не ладилось, отказались отъ этой затѣи. Неронъ, вмѣсто того, сталъ восторгаться, какъ знатокъ и эстетикъ, красотою Пиѳагора, — и, въ увлеченіи, цѣловать его руки. Такія-же прекрасныя руки онъ видалъ когда-то... у кого?

Приложивъ руку къ мокрому лбу, онъ принялся припоминать. Минуту спустя, на лицѣ его отразился ужасъ:

— Ахъ, да! у матери, у Агриппины!

Имъ внезапно овладѣли мрачныя видѣнія.

— Говорятъ,— сказалъ онъ,— что она ходитъ ночью, при свѣтѣ мѣсяца, по морю, около Вейи и Баулы... И ничего, только ходитъ, ходитъ,—какъ-будто ищетъ чего-то. Когда-же приблизится къ лодкѣ, посмотритъ и отойдетъ... но рыбакъ, на котораго она посмотрѣла, умираетъ...

— Недурной сюжетъ,—замѣтилъ Петроній.

Вестинъ-же, вытянувъ шею, какъ журавль, таинственно шепталъ:

— Я не вѣрю въ боговъ, но вѣрю въ привидѣнія. Ой!..

Неронъ, не обращая вниманія на ихъ слова, продолжалъ:

— А, вѣдь, я справилъ богослуженія по душамъ усопшихъ. Я не хочу видѣть ее! Съ тѣхъ поръ пошелъ уже пятый годъ. Я долженъ былъ, долженъ былъ казнить ее, потому что она подослала ко мнѣ убійцу и, если-бы я не опередилъ ее, вы не услышали-бы сегодня моего пѣнія.

— Благодаримъ тебя, цезарь, отъ имени Рима и всего свѣта,— воскликнулъ Домицій Аферъ.

— Вина!—и пусть зазвучатъ тимпаны!

Шумъ возобновился. Луканъ, весь въ плющѣ, желая перекричать его, всталъ и началъ взывать:

— Я не человѣкъ, а фавнъ,—и живу въ лѣсу! E-cho-oooo!!!

Цезарь, наконецъ, напился пьянъ; перепились мужчины и женщины. Виницій опьянѣлъ не меньше, чѣмъ остальные пирующіе; вдобавокъ, помимо страстнаго возбужденія, въ немъ пробуждалось задорное влеченіе къ ссорѣ,—что случалось съ нимъ постоянно, когда онъ пилъ сверхъ мѣры. Его смуглое лицо поблѣднѣло еще больше,— и языкъ сталъ заплетаться, когда онъ говорилъ, теперь уже приподнятымъ и повелительнымъ голосомъ:

— Цѣлуй меня! Сегодня, завтра, не все-ли равно!.. Мнѣ надоѣло ждать!.. Цезарь отобралъ тебя отъ Авла, чтобы подарить мнѣ,—понимаешь! Завтра, подъ вечеръ, я пришлю за тобой,—понимаешь!.. Цезарь обѣщалъ мнѣ отдать тебя раньше, чѣмъ послалъ за тобой... Ты должна быть моей! Цѣлуй меня! — Я не хочу ждать до завтра,— прильни ко мнѣ скорѣе твоими устами!

Онъ обнялъ Лигію, но Актея стала защищать ее, да и сама она оборонялась, напрягая остатокъ силы, такъ какъ чувствовала, что погибаетъ. Тщетно, однако, силилась она обѣими руками оторвать отъ себя его безволосыя руки, напрасно умоляла голосомъ, дрожащимъ отъ огорченія и страха, чтобы онъ не былъ такимъ, какъ теперь, чтобы сжалился надъ нею. Насыщенное виномъ дыханіе обвѣвало ее все ближе, а лицо его очутилось у самаго лица ея. Это былъ уже не прежній, добрый, чуть не милый сердцу Виницій,—а пьяный, злой сатиръ, внушавшій ей лишь глубокій ужасъ и отвращеніе.

Она ослабѣвала, однако, все больше. Напрасно отвращала она, перегнувшись, свое лицо, чтобы избѣжать его поцѣлуевъ. Онъ приподнялся, обхватилъ ее обѣими руками и, прижавъ ея голову къ своей груди, сталъ, тяжело дыша, раздавливать губами ея поблѣднѣвшія уста.

Но въ то-же мгновеніе какая-то могучая сила отстранила его плечи отъ ея шеи съ такою легкостью, точно это были руки ребенка,—самого-же Виниція отбросила въ сторону, какъ сухую вѣтку или увядшій листъ. Что такое произошло? Виницій протеръ изумленные глаза, — и вдругъ увидѣлъ надъ собой гигантскую фигуру лигійца Урса, котораго онъ встрѣчалъ въ домѣ Авла.

Лигіецъ стоялъ спокойно, но смотрѣлъ голубыми глазами на Виниція такъ странно, что у молодого человѣка застыла кровь въ жилахъ; затѣмъ Урсъ взялъ на руки свою царевну и ровною, тихою поступью вышелъ изъ триклинія.

Актея послѣдовала за нимъ.

Виницій просидѣлъ одно мгновеніе, точно окаменѣвъ; потомъ онъ опрометью бросился къ выходу, крича:

— Лигія! Лигія!

Но распаленная страсть, изумленіе, неистовый гнѣвъ и вино подкосили его ноги; пошатнувшись нѣсколько разъ, онъ ухватился за обнаженныя руки одной изъ вакханокъ и сталъ спрашивать, моргая вѣками:

— Что такое случилось?

Вакханка, съ усмѣшкой въ отуманенныхъ глазахъ, взяла чашу съ виномъ, подала ему и сказала:

— Пей.

Виницій выпилъ и свалился съ ногъ.

Большинство гостей лежало уже подъ столомъ; нѣкоторые ходили колеблющимися шагами по триклинію, другіе спали на пиршественныхъ ложахъ, храпя или извергая во снѣ излишекъ вина, — а на пьяныхъ консуловъ и сенаторовъ, на пьяныхъ римскихъ всадниковъ, поэтовъ, философовъ, на пьяныхъ танцовщицъ и патриціанокъ, на весь этотъ міръ, еще всемогущій, но уже лишенный души, увѣнчанный и необузданный, но уже меркнущій, — изъ золотой сѣти, подвѣшенной къ потолку, все падали и падали розы.

На дворѣ стало свѣтать.

VIII.

Урса никто не задержалъ, никто не спросилъ даже, что онъ дѣлаетъ. Гости, не лежавшіе еще подъ столомъ, не соблюдали больше назначенныхъ имъ мѣстъ, поэтому слуги, видя великана, несущаго на рукахъ одну изъ сотрапезницъ, подумали, что это какой-то рабъ выноситъ опьянѣвшую свою

госпожу. Притомъ-же Актея шла съ ними и присутствіе ея устраняло всякое подозрѣніе.

Такимъ образомъ, они вышли изъ триклинія въ прилегающую къ нему комнату, а оттуда—въ галлерею, ведущую въ помѣщеніе Актеи.

Лигія такъ ослабѣла, что лежала, точно мертвая, на рукѣ Урса. Когда на нее пахнуло холоднымъ и свѣжимъ утреннимъ воздухомъ, она открыла, однако, глаза. Становилось все свѣтлѣе. Идя между колоннами, они вскорѣ свернули въ боковой портикъ, выходящій не на дворъ, а въ дворцовые сады, въ которыхъ верхушки сосенъ и кипарисовъ уже зарумянились отъ утренней зари. Въ этой части зданія не было ни души. отголоски музыки и крики пирующихъ доносились къ нимъ все глуше. Лигіи казалось, что ее вырвали изъ ада и вынесли на ясный Божій свѣтъ. Есть, значитъ, нѣчто и внѣ этого отвратительнаго триклинія. Есть небо, заря, свѣтъ и тишина. Дѣвушка разразилась вдругъ рыданіями и, прижимаясь къ рукѣ великана, стала повторять сквозь слезы:

— Домой, Урсъ! Домой къ Авлу!

— Пойдемъ!—отвѣтилъ Урсъ.

Они добрались до небольшого атрія, принадлежащаго къ покоямъ Актеи. Тамъ Урсъ посадилъ Лигію на мраморную скамью, въ сторонѣ отъ фонтана, а Актея принялась успокоивать ее и уговаривать, чтобы она легла отдохнуть, увѣряя, что пока ничто не угрожаетъ ей, такъ какъ перепившіеся гости послѣ пира проспятъ до вечера. Но Лигія долго не могла успокоиться и, сжавши руками виски, повторяла только, какъ ребенокъ:

— Домой, къ Авлу!..

Урсъ былъ готовъ исполнить ея желаніе. Хотя у воротъ стоятъ преторіанцы, однако, это не помѣшаетъ ему пройти. Солдаты не задерживаютъ выходящихъ. Передъ сводомъ въѣзда носилки кишатъ, точно муравейникъ. Люди станутъ выходить цѣлыми толпами. Никто не задержитъ ихъ. Они выйдутъ вмѣстѣ съ народомъ, — и пойдутъ прямо домой. Впрочемъ, ему нечего разсуждать! Какъ царевна прикажетъ, такъ и будетъ. Онъ затѣмъ и находится здѣсь, чтобы исполнять ея желанія.

А Лигія повторяла:

— Да, да, Урсъ, уйдемъ.

Актея понимала, что надо образумить ихъ. Конечно, они могутъ выйти! Никто не задержитъ ихъ. Но изъ дому цезаря скрываться бѣгствомъ запрещено, — и кто дѣлаетъ это, виновенъ въ оскорбленіи величества. Они уйдутъ, но къ вечеру центуріонъ во главѣ отряда солдатъ принесетъ смертный приговоръ Авлу и Помпоніи Грецинѣ, а Лигію водворятъ обратно во дворецъ, —и тогда ничто уже не спасетъ ее. Если Авлъ и его жена примутъ ее въ свой домъ, смерть постигнетъ ихъ неизбѣжно.

У Лигіи опустились руки. Спасенія нѣтъ. Она принуждена выбирать между гибелью Плавціевъ и своею. Идя на пиръ, она надѣялась, что Виницій и Петроній выпросятъ ее у цезаря и отдадутъ Помпоніи,—теперь-же она знаетъ, что они-то именно и подговорили цезаря отобрать ее отъ Авла. Спасенія нѣтъ. Только чудо можетъ извлечь ее изъ этой пропасти,—чудо и власть Господня.

— Актея,—сказала она съ отчаяніемъ,—слышала-ли ты, какъ Виницій говорилъ, что цезарь подарилъ ему меня—и что сегодня-же вечеромъ онъ пришлетъ за мной рабовъ и возьметъ меня къ себѣ въ домъ?

— Я слышала,—отвѣтила Актея.

Она развела руками и замолчала. Отчаяніе, звучавшее въ словахъ Лигіи, не находило въ ней отголоска. Была-же она сама любовницей Нерона. Сердце ея, несмотря на доброту, не было способно чувствовать всю постыдность такой связи. Бывшая невольница, она слишкомъ свыклась съ воззрѣніями рабства и, кромѣ того, до сихъ поръ любила Нерона. Если-бы онъ пожелалъ вернуться къ ней, она простерла-бы къ нему руки, ухватилась-бы за него, какъ за счастіе. Вполнѣ уяснивъ себѣ теперь, что Лигія должна либо стать любовницей молодого и красиваго Виниція, либо погубить себя и воспитавшую ее семью, она просто не могла понять, какъ можетъ дѣвушка колебаться.

— Въ домѣ цезаря,—произнесла она подумавъ, — ты будешь не въ большей безопасности, чѣмъ въ домѣ Виниція.

Ей и не пришло въ голову, что, — хотя она говорила правду, — слова ея значили: «примирись со своею участью и стань наложницей Виниція». Но Лигія чувствовала еще на своихъ устахъ его исполненные животнаго вожделѣнія и жгучіе, какъ раскаленный уголь, поцѣлуи,— и при одномъ напоминаніи о нихъ, краска стыда залила ея лицо.

— Никогда!—воскликнула она съ негодованіемъ. — Я не останусь ни здѣсь, ни у Виниція—никогда!

Актею удивило ея возбужденіе.

— Развѣ Виницій,—спросила она,—такъ ненавистенъ тебѣ?

Лигія не могла отвѣтить, такъ какъ снова разразилась рыданіями. Актея привлекла ее къ груди и стала успокоивать. Урсъ дышалъ тяжело и сжималъ огромные кулаки, — обожая съ преданностью собаки свою царевну, онъ не могъ вынести ея слезъ. Въ его лигійскомъ полудикомъ сердцѣ рождалось искушеніе—вернуться въ триклиній и задушить Виниція, а если понадобится и цезаря,—онъ боялся, однако, обратиться съ этимъ предложеніемъ къ своей госпожѣ, не будучи увѣреннымъ, приличествуетъ-ли такой поступокъ, показавшійся ему какъ нельзя болѣе естественнымъ, послѣдователю распятаго Агнца.

Актея, успокоивъ Лигію, повторила свой вопросъ:

— Развѣ онъ такъ ненавистенъ тебѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтила Лигія,—я не должна ненавидѣть его, потому что я—христіанка.

— Я знаю это, Лигія. Я узнала также изъ посланій Павла Тарсійскаго, что вамъ не дозволено ни опозорить себя, ни бояться смерти больше, чѣмъ грѣха,—но скажи мнѣ, позволяетъ-ли твоя вѣра причинять смерть?

— Нѣтъ.

— Такъ какъ-же ты рѣшаешься навлечь гнѣвъ цезаря на домъ Авла?

Наступило молчаніе. Бездонная пропасть снова раскрылась передъ Лигіей.

Молодая вольноотпущенница добавила:

— Я спрашиваю объ этомъ, потому что мнѣ жаль тебя,—жаль и доброй Помпоніи, и Авла, и ихъ сына. Я давно живу въ этомъ домѣ,— и знаю, чѣмъ угрожаетъ гнѣвъ цезаря. Нѣтъ, вы не должны бѣжать отсюда. Тебѣ остается одно: умолять Виниція, чтобы онъ возвратилъ тебя Помпоніи.

Но Лигія опустилась на колѣни, чтобы обратиться съ мольбой къ кому-то другому. Урсъ послѣдовалъ ея примѣру; они стали молиться—въ домѣ цезаря—при свѣтѣ ранней зари.

Актея въ первый разъ увидѣла такую молитву, и не могла оторвать взоровъ отъ Лигіи, которая, обращенная къ ней профилемъ, съ воздѣтыми головой и руками, смотрѣла въ небо, точно ожидая оттуда спасенія. Утренніе лучи озарили ея темные волосы и бѣлый пеплумъ, отразились въ очахъ,—и, вся въ блескѣ, она, казалось, сама превратилась въ сіяніе. Въ ея поблѣднѣвшемъ лицѣ, въ разомкнутыхъ устахъ, въ обращенныхъ къ небу рукахъ и глазахъ сквозилъ какой-то неземной восторгъ. И Актея постигла въ это мгновеніе, почему Лигія не можетъ стать ничьей наложницей. Передъ бывшею любовницей Нерона какъ-бы распахнулась завѣса, скрывающая міръ совершенно непохожій на тотъ, съ которымъ она свыклась. Ее поражала эта молитва— въ этомъ домѣ злодѣяній и разврата. За минуту передъ тѣмъ она была увѣрена, что для Лигіи нѣтъ спасенія,—теперь-же она стала вѣрить, что можетъ произойти нѣчто сверхъестественное: явится защита столь могущественная, что и самъ цезарь окажется безсильнымъ бороться противъ нея, низойдутъ съ неба невѣдомыя крылатыя воинства спасать дѣвушку, или-же солнце подстелетъ подъ нее свои лучи и привлечетъ къ себѣ. Она слышала раньше о многихъ чудесахъ, совершившихся среди христіанъ,—и молитва Лигіи невольно внушила ей мысль, что, очевидно, все это—правда.

Лигія поднялась съ лицомъ, озареннымъ надеждой. Урсъ также всталъ и, присѣвъ возлѣ скамьи, глядѣлъ на свою госпожу, ожидая, что она скажетъ.

Глаза ея затуманились и двѣ крупныхъ слезы медленно покатились по ея щекамъ.

— Да благословитъ Богъ Помпонію и Авла,—сказала она.—Я не должна подвергать ихъ опасности, слѣдовательно, никогда больше не увижу ихъ.

Потомъ, обратившись къ Урсу, она стала говорить ему, что онъ одинъ остается теперь у нея на свѣтѣ и долженъ отнынѣ замѣнить ей отца и опекуна. Они не могутъ искать пріюта у Авла, такъ какъ обрекли-бы его на гнѣвъ цезаря. Она не должна, однако, остаться ни въ домѣ цезаря, ни у Виниція. Пусть-же Урсъ возьметъ ее, пусть уведетъ изъ Рима и скроетъ гдѣ-нибудь, гдѣ ея не найдетъ ни Виниціи, ни его слуги. Она всюду послѣдуетъ за нимъ, хотя-бы за моря, хотя-бы за горы, къ варварамъ, гдѣ не слышали римскаго имени, куда не проникла еще власть цезаря. Пусть онъ беретъ ее и спасетъ,—такъ какъ, кромѣ него, у нея никого не осталось.

Лигіецъ, въ знакъ готовности и послушанія, склонился и обнялъ ея ноги. На лицѣ Актеи, ожидавшей чуда, отразилось разочарованіе. Неужели ничего больше не вышло изъ этой молитвы? Побѣгъ изъ дома цезаря будетъ сочтенъ за оскорбленіе величества, а подобное преступленіе не можетъ быть оставлено безъ отмщенія. Если молодой дѣвушкѣ даже удастся бѣжать, цезарь выместитъ свой гнѣвъ на Авлѣ и его семьѣ. Если она хочетъ бѣжать, пусть бѣжитъ изъ дома Виниція. Тогда цезарь, не любящій заниматься чужими дѣлами, быть можетъ, вовсе не захочетъ помогать Виницію въ погонѣ, и, во всякомъ случаѣ, они избавятся отъ обвиненія въ оскорбленіи величества.

Лигія такъ и думала поступить. Авлъ даже не узнаетъ, куда она исчезла,—она скроетъ это даже отъ Помпоніи... Она убѣжитъ, однако, не изъ дома Виниція, а на пути туда. Онъ сообщилъ ей, подъ вліяніемъ опьяненія, что вечеромъ пришлетъ за нею своихъ рабовъ. Онъ, вѣроятно, говорилъ правду, которой не высказалъ-бы, если-бы былъ трезвъ. Очевидно, онъ самъ, или вмѣстѣ съ Петроніемъ, говорилъ передъ пиромъ съ цезаремъ и выпросилъ у него обѣщаніе на слѣдующій вечеръ выдать ее. Если-же сегодня забудутъ о ней, пришлютъ взять ее завтра. Но Урсъ спасетъ ее. Онъ явится, возьметъ ее съ носилокъ, какъ вынесъ изъ триклинія,—и они пустятся скитаться по свѣту. Урса не одолѣетъ никто. Его не побѣдилъ-бы даже тотъ страшный силачъ, который боролся вчера въ триклиніи. Виницій, можетъ, однако, послать слишкомъ много рабовъ, поэтому Урсъ долженъ сейчасъ-же пойти къ епископу Линну просить совѣта и помощи. Епископъ сжалится надъ ней, не оставитъ ее въ рукахъ Виниція и прикажетъ христіанамъ идти съ Урсомъ спасать ее. Они отобьютъ ее, уведутъ,—а потомъ Урсъ сумѣетъ вывести ее изъ города и скрыть гдѣ-нибудь отъ власти римлянъ.

Лицо ея порозовѣло и освѣтилось улыбкой. Она ободрилась, какъ будто надежда на спасеніе превратилась уже въ дѣйствительность. Она бросилась вдругъ на шею къ Актеѣ и, прильнувъ прелестными устами къ щекѣ гречанки, прошептала:

— Ты не выдашь насъ, Актея,—не правда-ли?

— Клянусь тѣнью моей матери,—отвѣтила вольноотпущенница,—я не выдамъ васъ,—моли только твоего Бога, чтобы Урсу удалось освободить тебя.

Голубые, простодушные, какъ у ребенка, глаза великана сіяли счастіемъ. Онъ не сумѣлъ ничего придумать, хотя ломалъ свою бѣдную голову,—но съ такою задачей онъ справится. И днемъ-ли, ночью-ли, ему все равно!.. Онъ пойдетъ къ епископу, потому что епископъ читаетъ въ небѣ, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать. Но христіанъ онъ сумѣлъ-бы созвать и безъ его помощи. Мало-ли у него знакомыхъ— и рабовъ, и гладіаторовъ, и вольныхъ людей, — и въ Субуррѣ, и за мостами. Онъ набралъ-бы ихъ тысячу, — и двѣ. Онъ отобьетъ свою госпожу, и вывести ее изъ города также сумѣетъ, сумѣетъ и странствовать съ нею. Они отправятся хоть на конецъ свѣта, хоть на родину, гдѣ никто и не слышалъ о Римѣ.

Взоръ его устремился въ пространство, какъ-бы всматриваясь въ безмѣрно отдаленное время; потомъ онъ произнесъ:

— Въ боръ?.. Гей, что за боръ, что за боръ!..

Онъ тотчасъ-же, однако, отогналъ отъ себя эти образы.

Да, онъ немедленно пойдетъ къ епископу, а къ вечеру съ сотней людей будетъ подстерегать носилки. И не бѣда, если ее станутъ сопровождать не только рабы, но и преторіанцы! И пусть лучше никто не подвертывается подъ его кулаки, хотя-бы въ желѣзныхъ доспѣхахъ... Желѣзо не такъ ужъ крѣпко! Если хорошенько стукнуть по желѣзу,— такъ и голова подъ нимъ не выдержитъ.

Но Лигія съ наставительною и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣтскою важностью подняла кверху палецъ и сказала:

— Урсъ, «не убій».

Лигіецъ приложилъ свою похожую на палицу руку къ затылку и сталъ бормотать, озабоченно потирая шею: вѣдь онъ долженъ-же отнять ее, «свое солнышко»... Она сама сказала, что теперь насталъ его чередъ... Онъ будетъ стараться, — насколько возможно. Но если случится, помимо желанія?.. вѣдь онъ-же долженъ отнять ее! Ужъ если случится такой грѣхъ, онъ будетъ каяться такъ усердно, такъ горячо умолять Невиннаго Агнца о прощеніи, что Распятый Агнецъ смилуется надъ нимъ, бѣднымъ... Онъ, вѣдь, не хотѣлъ-бы обидѣть Агнца, но что-же дѣлать, если у него такія тяжелыя руки...

Глубокое умиленіе отразилось на его лицѣ; желая скрыть свои чувства, Урсъ поклонился и сказалъ:

— Такъ я пойду къ святому епископу.

Актея, обнявъ Лигію, заплакала... Она еще разъ постигла, что есть какой-то міръ, въ которомъ даже страданіе даетъ больше счастія, чѣмъ всѣ излишества и наслажденія въ домѣ цезаря. Еще разъ распахнулись передъ нею какія-то двери, ведущія къ свѣту,—но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, почувствовала, что недостойна переступить черезъ ихъ порогъ.

IX.

Лигіи жаль было Помпоніи Грецины, которую она любила всѣмъ сердцемъ, и всей семьи Авла,—однако отчаяніе ея прошло. Она испытывала даже нѣкоторое наслажденіе при мысли, что жертвуетъ для своей Истины довольствомъ и спокойствіемъ и обрекаетъ себя на жизнь въ скитаніяхъ и безвѣстности. Быть можетъ, ее соблазняло нѣсколько и дѣтское любопытство — извѣдать, какова будетъ эта жизнь гдѣ-то въ далекихъ краяхъ, среди варваровъ и дикихъ звѣрей,—но въ гораздо сильнѣйшей степени вдохновляла ее глубокая и твердая вѣра. Она былау бѣждена, что, поступая такимъ образомъ, она слѣдуетъ завѣту «Божественнаго Учителя» и что отнынѣ Онъ самъ будетъ пещись о ней, какъ о послушномъ и вѣрномъ дитяти. Что-же дурного можетъ произойти съ нею въ такомъ случаѣ? Если ее постигнутъ какія-либо страданія, она перенесетъ ихъ во имя Него. Пробьетъ-ли неожиданно смертный часъ,—Онъ приметъ ее и затѣмъ, когда умретъ Помпонія, онѣ соединятся на всю вѣчность.

Она не разъ, живя еще въ семьѣ Авла, томила свою дѣтскую головку мыслями о томъ, что она—христіанка,—не можетъ пожертвовать ничѣмъ для того Распятаго, о которомъ съ такимъ умиленіемъ вспоминалъ Урсъ. И вотъ, теперь наступило время осуществить эти мечты. Лигія чувствовала себя почти счастливой и стала говорить о своемъ счастіи Актеѣ,—но гречанка не могла понять ее. Покинуть все, покинуть домъ, довольство, городъ, сады, храмы, портики, все, что прекрасно, покинуть излюбленный солнцемъ край и близкихъ людей,—и для чего? для того, чтобы бѣжать отъ любви молодого и прекраснаго патриція?.. Разсудокъ Актеи отказывался понять подобный поступокъ. Были мгновенія, когда она чувствовала, что въ этомъ таится правда, быть можетъ, даже какое-то безпредѣльное, невѣдомое счастье, но не могла уяснить себѣ этого, тѣмъ болѣе, что Лигію ожидало еще опасное приключеніе, угрожающее самой ея жизни. Актея была боязлива и со страхомъ думала о предстоящемъ вечеромъ побѣгѣ. Она не хотѣла,

однако, говорить Лигіи о своихъ опасеніяхъ; видя, что, тѣмъ временемъ, занялся свѣтлый день и солнце заглянуло въ атрій, она стала уговаривать дѣвушку отдохнуть послѣ проведенной безъ сна ночи. Лигія согласилась. Онѣ вошли въ обширную спальню, отдѣланную роскошно— во вниманіе къ прежней связи Актеи съ цезаремъ, и легли вмѣстѣ, но Актея, несмотря на утомленіе, не могла уснуть. Она давно уже стала печальной и несчастной, но теперь ею овладѣваетъ какая-то тревога, которой она не испытывала никогда раньше. До сихъ поръ существованіе казалось ей лишь тяжелымъ и безнадежнымъ, теперь же оно представилось ей вдругъ позорнымъ

Сознаніе ея все больше смущалось. Двери, ведущія къ свѣту, снова стали то отмыкаться, то затворяться. Но и въ тѣ мгновенія, когда онѣ раскрывались, невѣдомый свѣтъ ослѣплялъ ее и она ничего не могла различить съ отчетливостью. Она какъ будто догадывалась лишь, что въ этомъ сіяніи таится какое-то безграничное блаженство, въ сравненіи съ которымъ все остальное такъ ничтожно, что, если бы, напримѣръ, цезарь отдалилъ отъ себя Поппею и снова полюбилъ ее, Актею, то и это было-бы тлѣномъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ей думалось, что цезарь, котораго она любитъ и невольно считаетъ какимъ-то полубогомъ, въ сущности, столь-же жалокъ, какъ и каждый невольникъ, а этотъ дворецъ съ колоннадами изъ нумидійскаго мрамора ничѣмъ не лучше любой груды камней. Подъ конецъ, однако, эти чувства, въ которыхъ она не могла разобраться, стали мучить ее. Ей хотѣлось уснуть, но, терзаемая тревогой, она не могла сомкнуть глазъ.

Полагая, что Лигія, надъ которою тяготѣетъ неизвѣстность и столько опасностей, также не спитъ, Актея повернулась къ ней, чтобы поговорить о назначенномъ на вечеръ побѣгѣ.

Но Лигія спокойно спала. Въ темную спальню, сквозь небрежно задернутую занавѣску, прокралось нѣсколько яркихъ лучей, въ которыхъ крутилась золотистая пыль. При свѣтѣ ихъ, Актея разсмотрѣла нѣжное лицо Лигіи, подпертое обнаженною рукой, сомкнутые глаза и слегка раскрывшіяся уста. Она дышала ровно, но такъ, какъ дышатъ только во снѣ.

— Спитъ, можетъ спать!—подумала Актея, - она еще дитя.

Тѣмъ не менѣе, черезъ мигъ, ей пришло въ голову, что это дитя предпочитаетъ бѣжать, чѣмъ сдѣлаться любовницей Виниція, предпочитаетъ нужду—позору, скитальчество—пышному дому возлѣ Каринъ, нарядамъ, драгоцѣннымъ украшеніямъ, пирамъ, музыкѣ лютней и цитръ.

— Почему?

Актея стала всматриваться въ Лигію, какъ-бы желая прочесть отвѣтъ въ ея сонномъ лицѣ. Полюбовавшись на прекрасный лобъ, нѣжный изгибъ бровей, темныя рѣсницы, разомкнувшіяся уста и вздымаемую спокойнымъ дыханіемъ дѣвственную грудь, она подумала:

— Какъ непохожа она на меня!

Лигія показалась ей чудомъ, какимъ-то божественнымъ видѣніемъ, грезой боговъ, во сто кратъ прекраснѣйшею, чѣмъ всѣ цвѣты въ саду цезаря и всѣ изваянія въ его дворцѣ. Но въ сердцѣ гречанки не было зависти. Напротивъ, при мысли объ опасностяхъ, угрожающихъ дѣвушкѣ, она прониклась глубокою жалостью. Въ ней пробудилось словно материнское чувство; Лигія показалась ей не только прекрасною, какъ дивный сонъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и безконечно дорогою сердцу. Приблизивъ уста къ ея темнымъ волосамъ, она стала цѣловать ихъ.

А Лигія спала спокойно, точно дома, подъ опекою Помпоніи Грецины,—и спала довольно долго. Полдень уже прошелъ, когда она раскрыла свои голубые глаза и принялась осматривать спальню съ немалымъ удивленіемъ.

Ее, видимо, крайне удивило, что она проснулась не въ домѣ Авла.

— Это ты, Актея? – спросила она, наконецъ, разглядѣвъ въ сумракѣ лицо гречанки.

— Да, Лигія.

— Развѣ теперь уже вечеръ?

— Нѣтъ, дитя мое,—но полдень уже прошелъ.

— А Урсъ не вернулся?

— Урсъ не обѣщалъ вернуться,—онъ сказалъ только, что вечеромъ будетъ съ христіанами подстерегать носилки.

— Правда.

Затѣмъ онѣ вышли изъ спальни и отправились въ баню, гдѣ Актея выкупала Лигію; позавтракавъ съ нею, гречанка повела ее въ дворцовые сады, въ которыхъ ей не угрожала никакая опасная встрѣча, такъ какъ цезарь и главнѣйшіе изъ его приближенныхъ еще спали. Лигія впервые въ жизни увидѣла эти великолѣпные сады, заросшіе кипарисами, соснами, дубами, оливковыми и миртовыми деревьями, среди которыхъ бѣлѣло цѣлое населеніе статуй, блестѣли недвижныя зеркала прудовъ, цвѣли рощицы розовыхъ кустовъ, орошаемыхъ пылью фонтановъ; входы живописныхъ гротовъ заросли плющемъ или виноградомъ, на водахъ плавали серебристые лебеди, между изваяніями и деревьями блуждали прирученныя газели изъ пустынь Африки и ярко оперенныя птицы, привезенныя изъ всѣхъ извѣстныхъ въ то время странъ свѣта.

Сады оказались пустыми; кое - гдѣ работали лишь съ лопатами въ рукахъ невольники, напѣвая вполголоса пѣсни. Другіе рабы, которымъ дозволили передохнуть, сидѣли надъ прудами или въ тѣни дубовъ, въ трепещущихъ блесткахъ солнечныхъ лучей, дробящихся сквозь листву; остальные, наконецъ, поливали розы или блѣдно-лиловые цвѣты шафрана.

Актея и Лигія гуляли довольно долго, осматривая всевозможныя чудеса садовъ и, хотя Лигія была подавлена другими мыслями, однако,

сохранила слишкомъ много дѣтской впечатлительности, чтобы побороть внушаемые этимъ зрѣлищемъ интересъ, любопытство и удивленіе. Ей думалось даже, что цезарь, если-бы былъ добрымъ, могъ-бы жить въ такомъ дворцѣ и въ такихъ садахъ очень счастливо.

Нѣсколько утомившись, наконецъ, онѣ сѣли на скамью, почти утопающую въ зелени кипарисовъ, и стали бесѣдовать о томъ, что больше всего удручало ихъ сердца, то-есть о вечернемъ побѣгѣ Лигіи. Актея была далеко менѣе увѣрена въ успѣхѣ побѣга, чѣмъ Лигія. Иногда ей казалось даже, что это безумный планъ, который не можетъ удаться. Она чувствовала все сильнѣйшую жалость къ Лигіи. Приходило ей также въ голову, что во сто кратъ безопаснѣе было-бы попытаться уговорить Виниція. Она принялась разспрашивать, давно-ли Лигія познакомилась съ Виниціемъ и не думаетъ-ли, что, можетъ быть, удастся упросить его, чтобы онъ возвратилъ ее Помпоніи?

Но Лигія печально покачала своею темнокудрою головкой.

— Нѣтъ. Въ домѣ Авла Виницій былъ другимъ, очень добрымъ, но послѣ вчерашняго пира я боюсь его и предпочитаю бѣжать къ лигійцамъ.

Актея продолжала разспрашивать:

— Однако, въ домѣ Авла онъ нравился тебѣ?

— Да,—отвѣтила Лигія, опуская голову.

— Вѣдь ты не рабыня,—чѣмъ была я,—въ раздумьи произнесла Актея.—На тебѣ Виницій могъ-бы жениться. Ты — заложница и дочь лигійскаго царя. Авлъ и Помпонія любятъ тебя, какъ родное дитя, и охотно удочерятъ тебя. Виницій могъ-бы жениться на тебѣ, Лигія.

Но она отвѣтила шопотомъ и еще печальнѣе:

— Я предпочитаю бѣжать къ лигійцамъ.

— Хочешь, Лигія, чтобы я пошла сейчасъ къ Виницію, разбудила его, если онъ спитъ, и повторила ему то, что говорю тебѣ въ эту минуту? Послушай, моя дорогая,—я пойду къ нему и скажу: Виницій, она царская дочь и любимое дитя славнаго Авла; если любишь ее, возврати ее семьѣ Авла, а потомъ возьми, какъ жену, изъ ихъ дома.

Дѣвушка отвѣтила голосомъ до того пониженнымъ, что Актея едва разслышала:

— Я предпочитаю бѣжать къ лигійцамъ.

И двѣ слезы заблестѣли на ея опущенныхъ рѣсницахъ.

Дальнѣйшую бесѣду прервалъ шорохъ приближающихся шаговъ, и раньше, чѣмъ Актея успѣла посмотрѣть, кто приближается, передъ скамьей появилась Сабина Поппея съ небольшою свитой рабынь. Двѣ изъ нихъ держали надъ ея головой пучки страусовыхъ перьевъ, вставленныхъ въ золотыя прутья, слегка обвѣвая ее этими опахалами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, охраняя отъ еще жаркаго осенняго солнца. Передъ

нею черная, какъ черное дерево, эѳіопка, съ высокими, точно распертыми молокомъ грудями, несла на рукѣ ребенка, запеленатаго въ пурпурную ткань съ золотой бахрамой. Актея и Лигія встали, надѣясь, что Поппея пройдетъ мимо скамьи, не обративши на нихъ вниманія, но она остановилась передъ ними и сказала:

— Актея, погремушки, которыя ты пришила къ куклѣ, были прикрѣплены дурно; ребенокъ оторвалъ одну изъ нихъ и потянулъ ко рту; къ счастію, Лилита замѣтила во время.

— Извини, божественная,—отвѣтила Актея, скрещивая руки на груди и опуская голову.

Поппея стала смотрѣть на Лигію и спросила:

— Что это за рабыня?

— Это не рабыня, божественная августа, а воспитанница Помпоніи Грецины и дочь лигійскаго царя, довѣренная имъ, въ качествѣ заложницы, Риму.

— И она пришла навѣстить тебя?

— Нѣтъ, августа. Съ третьяго дня она живетъ во дворцѣ.

— Была она вчера на пирѣ?

— Была, августа.

— По чьему повелѣнію?

— По повелѣнію цезаря...

Поппея стала еще внимательнѣе смотрѣть на Лигію, стоявшую передъ ней, склонивъ голову, то поднимая изъ любопытства свои лучистые глаза, то снова опуская вѣки. Между бровями августы выступила вдругъ морщина. Ревниво оберегая свою красоту и власть, она жила въ постоянной тревогѣ, опасаясь, что когда-нибудь счастливая соперница погубитъ ее такъ же, какъ она сама погубила Октавію. Поэтому, каждое красивое женское лицо при дворѣ возбуждало въ ней подозрительность. Поппея глазомъ знатока окинула однимъ взоромъ всѣ формы Лигіи, оцѣнила каждую черту ея лица,—и испугалась. «Это—просто нимфа,—подумала она,—ее родила Венера». И вдругъ въ умѣ ея мелькнула мысль, никогда не приходившая ей въ голову при видѣ какой-бы то ни было красавицы: она гораздо старше! Въ ней заговорили затронутое самолюбіе и боязнь, всевозможныя опасенія стали роиться въ ея головѣ. «Можетъ быть, Неронъ ее не замѣтилъ, или не оцѣнилъ. Но что можетъ произойти, если онъ встрѣтитъ ее днемъ, столь дивную при свѣтѣ солнца?.. Кромѣ того, она не рабыня! она—царская дочь,—хотя и варварскаго происхожденія,—но, все-таки, царская дочь!.. Безсмертные боги! она столь-же прекрасна, какъ я, но моложе!» И складка между бровями Поппеи обрисовалась еще глубже, а глаза ея изъ подъ золотистыхъ рѣсницъ засвѣтились холоднымъ блескомъ.

Обратившись къ Лигіи, она спросила, повидимому, спокойно:

— Говорила-ли ты съ цезаремъ?

— Нѣтъ, августа.

— Почему ты предпочитаешь жить здѣсь, чѣмъ въ семьѣ Авла?

— Я не предпочитаю, госпожа. Петроній склонилъ цезаря отобрать меня отъ Помпоніи,—но я здѣсь поневолѣ, о, госпожа!..

— И ты хотѣла-бы вернуться къ Помпоніи?

Послѣдній вопросъ Поппея произнесла голосомъ болѣе мягкимъ и благосклоннымъ; въ сердцѣ Лигіи зародилась надежда.

— Госпожа,—сказала она, простирая къ ней руки.—Цезарь обѣщалъ отдать меня, какъ рабыню, Виницію, но ты заступись за меня и возврати меня къ Помпоніи.

— Значитъ, Петроній склонилъ цезаря отобрать тебя отъ Авла и отдать Виницію?

— Да, госпожа. Виницій долженъ сегодня прислать за мною, но ты, милосердная, сжалишься надо мной.

Сказавъ это, она наклонилась и, ухватившись за край одѣянія Поппеи, стала, съ бьющимся сердцемъ, ожидать отвѣта. Поппея смотрѣла на нее нѣсколько мгновеній съ лицомъ, освѣтившимся злостною усмѣшкой, и затѣмъ сказала:

— Такъ обѣщаю тебѣ, что ты еще сегодня—станешь рабыней Виниція.

Съ этими словами она отошла, какъ прекрасное, но злое привидѣніе. До Лигіи и Актеи донесся лишь крикъ ребенка, который, неизвѣстно почему, заплакалъ.

Глаза Лигіи также наполнились слезами, но она тотчасъ-же взяла Актею за руку и сказала:

— Вернемся. Помощи слѣдуетъ ожидать лишь оттуда, откуда она можетъ явиться.

Онѣ возвратились въ атрій, изъ котораго не выходили уже до самаго вечера. Когда стемнѣло и рабы внесли четверныя лампады съ большими огнями, онѣ были очень блѣдны. Разговоръ ихъ прерывался каждую минуту; обѣ все время прислушивались, не приближается-ли кто-нибудь. Лигія все повторяла, что какъ ни жаль ей разстаться съ Актеей, однако она предпочла-бы, чтобы все окончилось сегодня, такъ какъ Урсъ, несомнѣнно, въ темнотѣ уже ожидаетъ ее. Тѣмъ не менѣе, дыханіе ея сдѣлалось отъ волненія болѣе частымъ и громкимъ. Актея лихорадочно собирала какія могла драгоцѣнности и, завязывая ихъ въ край пеплума, заклинала Лигію не отказываться отъ этого дара и средства къ побѣгу. Время отъ времени водворялось глухое безмолвіе, то-и-дѣло обманывавшее слухъ. Обѣимъ казалось, что слышится то какой-то шопотъ за занавѣской, то отдаленный плачъ ребенка, то лай собакъ.

Вдругъ завѣса отъ передней безшумно раздвинулась, и въ атрій вошелъ, какъ духъ, высокій, смуглый человѣкъ съ рябымъ лицомъ. Лигія съ перваго-же взгляда узнала Атацина, Виниціева вольноотпущенника, приходившаго въ домъ Авла.

Актея вскрикнула, но Атацинъ низко поклонился и сказалъ:

— Кай Виниций привѣтствуетъ божественную Лигію и ожидаетъ ее на пиръ въ домѣ, убранномъ зеленью.

Уста дѣвушки совсѣмъ побѣлѣли.

— Я иду,—отвѣтила она.

И Лигія, на прощаніе, крѣпко обняла Актею.

X.

Домъ Виниція, дѣйствительно, былъ убранъ зеленью миртъ и плющемъ, гирлянды изъ которыхъ красовались на стѣнахъ и надъ дверьми. Колонны были обвиты виноградомъ. Въ атріи, отверстіе котораго, для огражденія отъ ночного холода, завѣсили шерстяною пурпурною тканью, было свѣтло, какъ днемъ. Въ комнатѣ горѣли свѣтильники о восьми и двѣнадцати огняхъ, имѣющіе видъ сосудовъ, деревьевъ, звѣрей, птицъ, или статуй, держащихъ лампады, наполненныя благовоннымъ масломъ; изваянные изъ алебастра, мрамора, золоченой коринѳской мѣди, они хотя уступали знаменитому свѣтильнику изъ храма Аполлона, которымъ пользовался Неронъ, однако также были прекрасны и сдѣланы прославленными художниками. Нѣкоторые изъ нихъ были заслонены александрійскими стеклами или завѣшены прозрачными индійскими тканями красной, голубой, желтой, фіолетовой окраски, такъ-что весь атрій отливалъ разноцвѣтными огнями. Воздухъ былъ напоенъ ароматомъ нарда, къ которому Виницій привыкъ, полюбивъ его на востокѣ. Глубь дома, въ которой мелькали очертанія рабовъ и рабынь, также озарялась огнями. Въ триклиніи столъ былъ накрытъ на четыре прибора, такъ какъ въ пиршествѣ, кромѣ Виниція и Лигіи, должны были принять участіе Петроній и Хризотемида.

Виницій послѣдовалъ мнѣнію Петронія, который посовѣтовалъ ему не идти за Лигіей, а послать Атацина съ испрошеннымъ у цезаря разрѣшеніемъ, самому-же встрѣтить ее дома и принять ласково, даже съ оказаніемъ почета.

— Вчера ты напился пьянъ, — сказалъ ему Петроній, — я смотрѣлъ на тебя: ты обращался съ нею, какъ каменотесъ изъ Албанскихъ горъ. Не будь слишкомъ назойливымъ и помни, что хорошее вино слѣдуетъ пить не торопясь. Знай, кромѣ того, что отрадно жаждать обладанія, но еще сладостнѣе возбуждать вожделѣніе.

Хризотемида имѣла объ этомъ собственное, нѣсколько иное мнѣніе но Петроній, называя ее своею весталкой и голубкой, сталъ объяснять различіе, которое неизбѣжно должно быть между опытнымъ цирковымъ наѣздникомъ и мальчикомъ, впервые вступающимъ на колесницу. Обратившись затѣмъ къ Виницію, онъ сказалъ:

— Внуши ей довѣріе, развесели ее, выкажи великодушіе. Я не хотѣлъ-бы присутствовать на печальномъ пирѣ. Поклянись хоть Гадесомъ, что возвратишь ее Помпоніи, а потомъ ужъ отъ тебя будетъ зависѣть, чтобы завтра она предпочла остаться у тебя.

Указавъ на Хризотемиду, онъ добавилъ:

— Я уже пять лѣтъ поступаю приблизительно такимъ образомъ по отношенію къ этой вѣтреной горлицѣ и не могу пожаловаться на ея суровость...

Хризотемида ударила его вѣеромъ изъ павлиньихъ перьевъ и сказала:

— Развѣ я не сопротивлялась, сатиръ?

— Ради моего предшественника...

— Развѣ ты не былъ у моихъ ногъ?

— Чтобы надѣвать на нихъ пальцы перстни.

Хризотемида невольно посмотрѣла на свои ноги, на пальцахъ которыхъ, въ самомъ дѣлѣ, искрились драгоцѣнные камни, и они всѣ разсмѣялись. Но Виницій не слушалъ ихъ спора. Сердце его тревожно билось подъ узорчатымъ одѣяніемъ сирійскаго жреца, въ которое онъ нарядился, чтобы принять Лигію.

— Они, должно быть, уже вышли изъ дворца, — произнесъ онъ, какъ-бы говоря самъ съ собою.

— Вѣроятно, уже вышли, — подтвердилъ Петроній. — Не разсказать-ли тебѣ, въ ожиданіи, о чудесахъ Аполлонія Тіанскаго, или исторію Руффина, которую, не помню почему, я такъ и не окончилъ?

Но Виниція столь-же мало интересовалъ Аполлоній Тіанскій, какъ и исторія Руффина. Мысли его не отрывались отъ Лигіи и хотя онъ чувствовалъ, что приличнѣе было встрѣтить ее дома, чѣмъ идти въ роли принудителя во дворецъ, однако сожалѣлъ, что не пошелъ туда только потому, что могъ-бы раньше увидѣть Лигію и сидѣть въ темнотѣ возлѣ нея въ двумѣстныхъ носилкахъ.

Тѣмъ временемъ рабы принесли бронзовыя чаши на треножникахъ, украшенныя бараньими головами, и стали сыпать на тлѣвшіе въ нихъ угли небольшіе кусочки мирры и нарда.

— Они уже сворачиваютъ къ Каринамъ, — снова сказалъ Виницій.

— Онъ не утерпитъ, выбѣжитъ навстрѣчу и, пожалуй, еще разойдется съ ними, — воскликнула Хризотемида.

Виницій безсмысленно усмѣхнулся и сказалъ:

— Вовсе нѣтъ, я утерплю.

Ноздри его стали, однако, раздуваться и сопѣть; Петроній, видя это, пожалъ плечами.

— Въ немъ нѣтъ философіи и на одинъ сестерцій. Никогда не удастся мнѣ сдѣлать этого сына Марса человѣкомъ.

Виниций даже не разслышалъ его словъ.

—- Они теперь уже на Каринахъ...

Носилки Лигіи, дѣйствительно, свернули къ Каринамъ. Рабы, называвшіеся лампадаріями, шли впереди; педисеквіи слѣдовали по обѣимъ сторонамъ носилокъ. Атицинъ шелъ за ними, наблюдая за порядкомъ.

Они подвигались впередъ очень медленно, такъ какъ улицы не были освѣщены, а фонари тускло озаряли дорогу. Вблизи дворца лишь изрѣдка попадались навстрѣчу прохожіе съ фонарями; дальше, однако, на улицахъ господствовало необычное оживленіе. Изъ каждаго почти перекрестка выходили люди, втроемъ или вчетверомъ, безъ факеловъ и свѣтильниковъ, всѣ въ темныхъ плащахъ. Нѣкоторые изъ нихъ присоединились къ рабамъ, сопровождавшимъ носилки; другіе, въ большемъ числѣ, шли навстрѣчу. Иные шатались, точно пьяные. Повременамъ движеніе настолько затруднялось, что «лампадаріи» принуждены были кричать:

— Дорогу благородному трибуну, Каю Виницію!

Лигія смотрѣла, отодвинувъ занавѣску, на этихъ людей въ темныхъ плащахъ, и стала дрожать отъ волненія. Надежда и безпокойство смѣнялись въ ея сердцѣ. «Это онъ! это Урсъ и христіане! сейчасъ начнется»,—шептала она дрожащими устами. «Помоги, Христосъ! спаси меня, Христосъ!»

Атицинъ, сначала не обратившій вниманія на необычное оживленіе улицъ, наконецъ, встревожился. Происходило нѣчто странное. Лампадаріямъ приходилось все чаще кричать: «Дорогу носилкамъ благороднаго трибуна!» Съ боковъ неизвѣстные люди такъ напирали на носилки, что Атицинъ приказалъ рабамъ отгонять ихъ палками.

Вдругъ впереди раздались крики; сразу погасли всѣ фонари. Возлѣ носилокъ произошло замѣшательство, началась свалка.

Атицинъ понялъ: на носилки произведено нападеніе.

Догадка эта испугала его. Всѣ знали, что цезарь нерѣдко забавляется, во главѣ отряда приспѣшниковъ, разбоями — и въ Субуррѣ, и въ другихъ кварталахъ города. Извѣстно было, что изъ этихъ ночныхъ приключеній Неронъ иногда возвращается съ синяками. Но оборонявшихся неизбѣжно постигала смерть, хотя бы они были сенаторами. Домъ «вигиліевъ», на которыхъ лежала обязанность охранять порядокъ въ городѣ, находился невдалекѣ, но стража въ подобныхъ случаяхъ притворялась глухою и слѣпою. А между тѣмъ около носилокъ завязалось побоище: люди стали бороться, наносить удары, опрокидывать противниковъ и топтать. Атицинъ сообразилъ, что важнѣе всего

обезопасить Лигію и себя, а остальныхъ можно оставить на волю судьбы. Вытащивъ дѣвушку изъ носилокъ, онъ схватилъ ее на руки и бросился бѣжать, надѣясь скрыться въ темнотѣ.

Но Лигія стала кричать:

— Урсъ! Урсъ!

Она вышла изъ дворца въ бѣломъ одѣяніи, и различить ее было не трудно. Атицинъ началъ набрасывать на нее свободною рукой свой собственный плащъ, какъ вдругъ шею его сдавили ужасныя клещи, а на голову, какъ камень, обрушилась огромная дробящая масса.

Онъ упалъ въ тотъ же мигъ, какъ волъ, поверженный обухомъ передъ алтаремъ Зевса.

Большая часть рабовъ была уже распростерта на землѣ, остальные спасались бѣгствомъ, расшибаясь среди густого мрака о выступы стѣнъ. На мѣстѣ побоища остались разбитыя во время свалки носилки.

Урсъ понесъ Лигію къ Субуррѣ, товарищи сопровождали его, постепенно расходясь по окрестнымъ улицамъ.

Рабы вскорѣ стали собираться передъ домомъ Виниція—и совѣщаться. Не осмѣливаясь войти, они рѣшили вернуться на мѣсто нападенія, гдѣ нашли нѣсколько мертвыхъ тѣлъ, въ томъ числѣ и Атицина. Онъ еще бился въ предсмертныхъ судорогахъ; содрогнувшись въ послѣдній разъ, онъ вытянулся и испустилъ духъ.

Тогда рабы подняли его и отнесли къ дому Виниція. Они остановились у воротъ. Необходимо было, все-таки, сообщить о происшедшемъ.

— Пусть говоритъ Гулонъ,—зашептали нѣсколько голосовъ,—у него лицо въ крови, какъ и у насъ, и господинъ любитъ его. Гулону угрожаетъ меньшая опасность, чѣмъ намъ.

Германецъ Гулонъ, старый рабъ, выпѣстовавшій Виниція и доставшійся ему по наслѣдству отъ матери, сестры Петронія, сказалъ:

— Я сообщу ему, но пойдемте всѣ вмѣстѣ. Пусть гнѣвъ его обрушится не на меня одного.

Между тѣмъ терпѣніе Виниція окончательно истощилось. Петроній и Хризотемида посмѣивались надъ нимъ, но онъ ходилъ быстрыми шагами по атрію, повторяя:

— Имъ слѣдовало-бы уже быть здѣсь! имъ слѣдовало-бы уже быть здѣсь!..

Онъ хотѣлъ идти на встрѣчу, но Петроній и Хризотемида удерживали его.

Вдругъ въ сѣняхъ послышались шаги,—и въ атрій хлынула толпа рабовъ; торопливо размѣстившись вдоль стѣны, они подняли руки и стали издавать жалобные вопли:

— Аааа!... аа!

Виницій бросился къ нимъ.

— Гдѣ Лигія?—закричалъ онъ страшнымъ, измѣнившимся голосомъ.

— Аааа!!!...

Гулонъ выступилъ впередъ со своимъ окровавленнымъ лицомъ и жалобно воскликнулъ:

— Вотъ кровь, господинъ! мы защищали! Вотъ кровь, господинъ!—вотъ кровь!..

Но Виницій, не давъ ему окончить, схватилъ бронзовый подсвѣчникъ и однимъ ударомъ раздробилъ ему черепъ. Схватившись затѣмъ за голову обѣими руками, онъ вцѣпился пальцами въ волоса и сталъ повторять хриплымъ голосомъ:

— Me miserum! me miserum!..

Лицо его посинѣло, глаза закатились, изо-рта выступала пѣна.

— Бичей!—зарычалъ онъ нечеловѣческимъ голосомъ.

— Господинъ! Ааа!.. пощади!—стонали невольники.

Петроній всталъ съ выраженіемъ отвращенія на лицѣ.

— Пойдемъ, Хризотемида,—сказалъ онъ,—если хочешь смотрѣть на мясо, я прикажу взломать лавку мясника на Каринахъ.

Онъ вышелъ изъ атрія. По всему дому, убранному зелеными плющами и приготовленному для пира, спустя мгновеніе стали раздаваться стоны и свистъ бичей, не прерывавшійся почти до утра.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СТАРЫЙ И НОВЫЙ ЛАМАРКИЗМЪ.

Наука объ организмахъ—біологія—переживаетъ въ настоящее время сложный, странный и противорѣчивый моментъ въ своемъ развитіи. Усложнившись до крайности, проникнувъ въ такія тонкости организаціи, которыхъ за какія нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ не только не знали, но и не могли подозрѣвать,—она невольно привлекаетъ вниманіе наблюдателя и мыслителя уже самою своею запутанностью, сложностью, интересомъ самихъ фактовъ. даже помимо ихъ объясненія. «Mille hypothèses ne valent pas un fait!» восклицаетъ одинъ изъ даровитѣйшихъ наблюдателей природы (Фабръ),—и онъ въ значительной степени правъ. такъ какъ гипотезы измѣнчивы, а вѣрно наблюденный фактъ остается вѣчнымъ достояніемъ человѣчества. Но не менѣе правы и тѣ, которые не хотятъ довольствоваться однимъ накопленіемъ фактовъ, а стремятся къ обобщенію ихъ, къ установленію принциповъ, общихъ точекъ зрѣнія. къ построенію философскаго зданія науки. Нельзя не сочувствовать. напримѣръ, пламеннымъ словамъ Вейсмана: «насколько ничтожны теоріи, не опирающіяся на твердую почву, настолько-же малоцѣнны и безпорядочно нагроможденные факты. Безъ гипотезы и теоріи—нѣтъ изслѣдованія природы. Гипотеза и теорія,—это лотъ, которымъ мы измѣряемъ глубину океана неизвѣданныхъ явленій, чтобы по этимъ даннымъ направить дальнѣйшій курсъ нашего научнаго корабля. Онѣ не даютъ намъ абсолютнаго знанія, но расширяютъ намъ кругозоръ настолько. насколько это возможно въ данный моментъ».

И дѣйствительно, фактъ самъ по себѣ не такъ важенъ и интересенъ, какъ правильное пониманіе его. Солнце восходитъ съ одной стороны горизонта и заходитъ на другой его сторонѣ,—это фактъ; но не все равно, объяснять-ли этотъ фактъ движеніемъ солнца вокругъ земли, или вращеніемъ земли вокругъ своей оси; и только съ тѣхъ поръ, какъ этому факту дано правильное толкованіе, извлечены изъ него и тѣ

цѣнныя слѣдствія, къ которымъ нельзя было придти при прежнемъ, неправильномъ взглядѣ на движеніе небесныхъ тѣлъ. Понятно, что и въ наше время пытливый умъ человѣческій не можетъ удовлетвориться однимъ изслѣдованіемъ фактовъ, а ищетъ объясненія ихъ,—и при томъ объясненія по возможности не фантастическаго, а доступнаго разумѣнію.

Борьба между ревнителями строгаго фактическаго знанія и сторонниками широкихъ философскихъ обобщеній—въ наукѣ собственно никогда не прекращается, служа выраженіемъ двухъ разныхъ типовъ научнаго мышленія, одинаково законныхъ; но бываютъ періоды, когда она чрезвычайно обостряется. Такъ, въ началѣ нашего истекающаго столѣтія натурфилософія вступила въ ожесточенную борьбу съ строго индуктивными доктринами Кювье и потерпѣла рѣшительное пораженіе; наступилъ долгій періодъ господства чисто-фактическаго знанія, довольствующагося лишь самыми умѣренными обобщеніями. Появленіе въ 1859 г. знаменитой книги Дарвина вновь вызвало къ жизни эволюціонную теорію, доставило прочное торжество идеѣ всеобщаго постепеннаго органическаго развитія и повело къ цѣлому ряду гипотезъ и теорій, болѣе или менѣе остроумныхъ и цѣнныхъ, но и болѣе или менѣе рискованныхъ. Въ настоящій моментъ мы вступаемъ, какъ по всему видно, въ новый періодъ развитія научной мысли, періодъ пока еще загадочный, и находимся посреди цѣлой тучи противорѣчій. Въ то время, какъ съ одной стороны дѣлаются энергичныя попытки проникнуть въ самыя сокровенныя тайны жизни путемъ механическаго воспроизведенія явленій, аналогичныхъ явленіямъ, совершающимся въ живомъ организмѣ,—въ то время какъ Бючли изъ масла и соли дѣлаетъ искусственныхъ амёбъ, ползающихъ и сокращающихся, какъ живыя,—въ это же самое время воскресаетъ проповѣдь витализма, который снова громко заявляетъ объ особой, можетъ быть, навсегда недоступной нашему изслѣдованію жизненной силѣ. Въ то время какъ дарвинизмъ—въ смыслѣ теоріи естественнаго подбора—достигаетъ своего крайняго выраженія въ идеяхъ Вейсмана, считающаго естественный подборъ не только за главнѣйшій, но почти за исключительный факторъ органическаго развитія,—въ то же время все энергичнѣе и энергичнѣе раздаются голоса, сводящіе значеніе естественнаго подбора къ скромнымъ размѣрамъ и поднимающіе выше и выше знамя ламаркизма. При этомъ замѣчается курьезное явленіе, какъ нельзя лучше обрисовывающее слабости вѣчно увлекающагося человѣческаго духа: строгіе фактисты, считающіе и теорію естественнаго подбора, и ламарковъ принципъ за пустыя фантазіи, доходятъ до того, что открыто объявляютъ себя телеологами (Дришъ), а эволюціонисты, стремящіеся объяснять все механически, въ построеніи своихъ теорій позволяютъ себѣ такое обиліе гипотетическихъ допущеній, что теоріи ихъ превращаются въ чисто философскія обобщенія. (Вейсманъ).

Главнымъ центромъ споровъ и всеобщаго вниманія является, во всякомъ случаѣ, теорія зародышевой плазмы Вейсмана, или, вѣрнѣе, нѣкоторые вопросы первостепенной важности, поставленные ею рѣзко и опредѣленно. Теорія Вейсмана столько разъ была уже излагаема (въ томъ числѣ и на страницахъ «Сѣвернаго Вѣстника»), что излишне было бы излагать ее здѣсь еще разъ; достаточно указать лишь вышеупомянутые главные вопросы, возбужденные ею. Это, во-первыхъ, вопросъ о передачѣ по наслѣдству особенностей, пріобрѣтенныхъ организмомъ въ индивидуальной жизни, во-вторыхъ—вопросъ о составѣ и строеніи наслѣдственной матеріи, которыми обусловливается самый механизмъ индивидуальнаго и племенного развитія.

Первый изъ этихъ вопросовъ поставленъ Вейсманомъ съ первыхъ же шаговъ его теоріи, которая развивалась и совершенствовалась постепенно съ начала восьмидесятыхъ годовъ и вылилась въ окончательную свою форму лишь въ 1892 году, въ знаменитой книгѣ Вейсмана «Зародышевая плазма». Смѣло провозгласивъ положеніе, что особенности, пріобрѣтенныя организмомъ въ его индивидуальной жизни, никогда,—развѣ лишь за самыми рѣдкими исключеніями,—не передаются по наслѣдству, Вейсманъ сразу привлекъ общее вниманіе къ своей теоріи. До тѣхъ поръ считалось несомнѣннымъ, что образованіе разновидностей и возникновеніе новыхъ видовъ только и возможно съ унаслѣдованіемъ индивидуальныхъ измѣненій, которыя, безъ особой критики и безъ всякихъ сомнѣній, считались именно пріобрѣтаемыми каждымъ индивидомъ въ теченіе его жизни.

Поэтому идеи Вейсмана многими были встрѣчены съ недовѣріемъ и даже съ раздраженіемъ, какъ посягательство на одинъ изъ догматовъ теоріи измѣняемости видовъ. Посыпался градъ возраженій, наперерывъ приводились въ пользу старыхъ взглядовъ всевозможные факты и доводы. Однако, Вейсманъ и его ученики чрезвычайно умѣло и убѣдительно опровергли всѣ кажущіяся доказательства въ пользу унаслѣдованія пріобрѣтенныхъ особенностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вейсманъ сумѣлъ выяснить, что его теорія ничуть не противорѣчитъ идеѣ измѣняемости видовъ и что она вовсе не отвергаетъ существованія многочисленныхъ, чисто индивидуально проявляющихся особенностей организмовъ: дѣло только въ томъ, что особенности эти лишь кажутся пріобрѣтенными даннымъ индивидомъ, въ дѣйствительности же онѣ прирождены и представляютъ лишь результатъ варіацій самой наслѣдственной матеріи, заключающейся въ ядрѣ яйцевой клѣтки матери и въ головкѣ живчика отцовскаго организма. Когда стали относиться къ доказательствамъ болѣе критически, то оказалось, что чрезвычайно трудно найти хотя-бы одинъ случай, гдѣ индивидуальныя особенности, способныя къ передачѣ по наслѣдству, были бы дѣйствительно и несомнѣнно пріобрѣтенными, а не

прирожденными. Всѣ опыты надъ искусственнымъ произведеніемъ уродствъ, раненій и проч., сдѣланные съ цѣлью выяснить, не передаются ли эти, уже несомнѣнно пріобрѣтенныя, измѣненія по наслѣдству, дали отрицательный результатъ. Недавно вышла брошюра д-ра Роде, спеціально посвященная анализу литературы этого вопроса,—и въ этой брошюрѣ авторъ приходитъ къ выводу, что мыслимо развѣ лишь допускать возможность наслѣдственной передачи напр. пріобрѣтенныхъ психическихъ заболѣваній, но доказать этого нельзя и скорѣе вѣроятенъ противоположный выводъ.

Важность рѣшенія этого вопроса очевидна. Если Вейсманъ правъ, если дѣйствительно индивидуально-пріобрѣтенныя свойства не передаются по наслѣдству,—то наши представленія о механизмѣ измѣненія расъ и видовъ должны потерпѣть существенное измѣненіе. Въ особенности эта перемѣна во взглядахъ біолога должна повліять на репутацію принципа Ламарка, который, хотя неохотно, допускался все-таки, въ извѣстной степени, Дарвиномъ, и который многими новѣйшими эволюціонистами примѣняется весьма широко. Ламаркъ, какъ извѣстно, придавалъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ измѣненія видовъ условіямъ жизни организмовъ и въ особенности упражненію или не упражненію органовъ. Если, соотвѣтственно условіямъ жизни, данный органъ постоянно упражняется въ извѣстномъ направленіи, то онъ усиливается, ростетъ, развивается именно въ этомъ направленіи и, по Ламарку, такое усиленное развитіе органа передается по наслѣдству. Если, напротивъ, органъ мало или вовсе не функціонируетъ, то онъ слабѣетъ, уменьшается,—это ослабленіе также передается по наслѣдству и ведетъ къ вырожденію и исчезновенію органа. Если же, согласно теоріи Вейсмана, индивидуальныя пріобрѣтенія не передаются потомству, то очевидно значеніе принципа Ламарка сводится къ нулю. Понятно теперь, почему новѣйшіе ламаркисты съ особеннымъ ожесточеніемъ нападаютъ на теорію Вейсмана.

Второй изъ выдвинутыхъ Вейсманомъ вопросовъ,—вопросъ о строеніи наслѣдственной субстанціи и о механизмѣ наслѣдственности,—еще сложнѣе и еще глубже затрогиваетъ установившіяся теоретическія воззрѣнія на развитіе организмовъ. Зародышевая плазма, заключающаяся въ ядрѣ яйца и живчика, представляетъ собою, по Вейсману, вещество стойкое и чрезвычайно сложнаго строенія. Она состоитъ изъ невидимо мелкихъ частицъ—біофоръ (носителей жизни), которыя соединяются въ группы, образуя болѣе сложныя частицы—детерминанты (опредѣлители извѣстныхъ свойствъ организаціи). Детерминанты, въ свою очередь, соединяются по нѣскольку, образуя иды, видимые уже въ микроскопъ (зерна хроматина), а иды соединяются въ иданты (отдѣльныя нити хроматиннаго ядернаго вещества). Одна только эта зародышевая плазма, содержащаяся преимущественно или исключительно въ половыхъ клѣт-

кахъ. передаетъ свои свойства (и, въ томъ числѣ, свои измѣненія) по наслѣдству; всѣ остальныя клѣтки тѣла (соматическія клѣтки), какъ лишенныя зародышевой плазмы, могутъ измѣняться сколько угодно подъ вліяніемъ какихъ угодно условій,—измѣненія ихъ по наслѣдству не передадутся, такъ какъ клѣтки эти къ потомству не переходятъ и своихъ измѣненій ему, слѣдовательно, передать не могутъ. Всякое, даже самое мельчайшее свойство готоваго организма (напр. родимое пятно на извѣстномъ мѣстѣ) опирается на извѣстную группировку детерминантъ; все развитіе состоитъ въ томъ, что детерминанты, группа за группой, выдѣляются изъ зародышевой плазмы развивающагося организма и обусловливаютъ появленіе той или другой черты организаціи. Если, напримѣръ, человѣкъ наклоненъ къ раннему облысѣнію, то въ его зародышевой плазмѣ есть особыя «детерминанты плѣшивости» (я нарочно привожу рѣзкій примѣръ, чтобы тѣмъ нагляднѣе показать, до какихъ мелочей доходитъ Вейсманъ въ объясненіи наслѣдственности и какъ смѣлы бываютъ его предположенія). Такимъ образомъ все развитіе заранѣе предопредѣлено устройствомъ зародышевой плазмы даннаго индивида и внѣшнія условія не могутъ оказать на это развитіе никакого вліянія, за исключніемъ развѣ грубыхъ нарушеній нормы, ведущихъ къ уродствамъ. Такое воззрѣніе на механизмъ зародышеваго развитія возвращаетъ насъ къ теоріи предобразованія (преформаціи), которая, казалось, была окончательно уничтожена работами знаменитаго Каспара Фридриха Вольфа, появившимися еще въ концѣ XVIII столѣтія и положившими прочное основаніе теоріи эпигенеза. Теорія предобразованія господствовала нѣкогда почти безраздѣльно и находила себѣ ревностныхъ защитниковъ въ такихъ властителяхъ умовъ, какъ Галлеръ, одинъ изъ величайшихъ физіологовъ. Эта теорія, конечно въ гораздо болѣе грубомъ видѣ, чѣмъ Вейсманова теорія зародышевой плазмы, предполагаетъ въ сущности тоже самое, что и послѣдняя, т. е. что зародышъ съ самаго начала предсуществуетъ совершенно готовый во всѣхъ частяхъ, которыя постепенно вырисовываются въ процессѣ развитія. Какъ слѣдствіе отсюда допускалось, что въ данномъ зародышѣ заложены (или, вѣрнѣе, вложены) и зародыши всѣхъ будущихъ поколѣній; серьезно возбуждался даже вопросъ, сколько именно зародышей было вложено въ яичники праматери рода человѣческаго Евы, причемъ число это опредѣлялось въ 200,000 милліоновъ. По Галлеру, при процессѣ развитія «ничего не появляется вновь (es giebt kein Werden): ни одна часть животнаго тѣла не создается прежде другой и всѣ онѣ даны одновременно». Вейсманъ, конечно, не смотритъ на дѣло такъ грубо-наивно: онъ не утверждаетъ, что всѣ части будущаго организма находятся въ яйцѣ въ томъ же видѣ и взаимномъ положеніи, какъ во взросломъ организмѣ, и не видны лишь потому, что онѣ слишкомъ малы и прозрачны, какъ думали

эволюціонисты школы Галлера. По теоріи зародышевой плазмы, напротивъ, предполагается, что біофоры и детерминанты въ яйцѣ совершенно перетасованы и группы этихъ частицъ отнюдь не имѣютъ форменнаго сходства съ будущими частями организма, а только способны къ воспроизведенію изъ себя этихъ частей; тѣмъ не менѣе, всѣ эти біофоры и детерминанты даны съ самаго начала и, такъ-же какъ вложенные зародыши по старой преформаціонной теоріи, заключаютъ въ себѣ наслѣдіе длиннаго ряда поколѣній. Смѣло признавая сходство своей теоріи съ воззрѣніями преформистовъ, Вейсманъ, не колеблясь, утверждаетъ, что идея эпигенеза ошибочна. Здѣсь противъ него вооружаются уже не только ламаркисты, но и всѣ вообще сторонники теоріи эпигенеза, согласно которой зародышъ не предобразованъ, а представляетъ собою вначалѣ весьма простую и сравнительно однородную по всему его протяженію организацію, которая усложняется и разнообразится въ своихъ частяхъ весьма постепенно. Въ развитіи эта теорія усматриваетъ не только рядъ морфологическихъ явленій, но главнымъ образомъ сложный физіологическій процессъ, разныя фазы котораго ведутъ къ проявленію тѣхъ или другихъ морфологическихъ особенностей въ извѣстномъ порядкѣ. Короче сказать, теорія предобразованія—по существу морфологическая теорія, а теорія эпигенеза—по преимуществу физіологическая.

Изъ всего изложеннаго видно, что теорія Вейсмана, сдѣлавшаяся уже весьма популярною и пріобрѣвшая себѣ много сторонниковъ, въ значительной степени исключаетъ прямое воздѣйствіе окружающихъ условій на строеніе и развитіе организма. Въ этомъ отношеніи она стоитъ въ наиболѣе рѣзкомъ противорѣчіи именно съ воззрѣніями ламаркистовъ и въ настоящее время между обѣими школами идетъ борьба не на жизнь, а на смерть. Борьба эта должна рѣшить, имѣетъ-ли ламаркизмъ право на существованіе, и вотъ почему ламаркисты дѣлаютъ отчаянныя усилія, чтобы отстоять принципъ Ламарка, усовершенствовавъ его теорію и поставивъ ее такъ, чтобы она могла удовлетворять современнымъ требованіямъ. Въ виду этого, выясненіе принциповъ Ламарка и его послѣдователей пріобрѣтаетъ въ настоящее время особенный интересъ и послужитъ темою предлагаемаго очерка, въ которомъ я разсмотрю, въ связи съ общею исторіею развитія эволюціонной теоріи, ученіе главнѣйшихъ сторонниковъ этихъ принциповъ,—Ламарка, Эймера и Гааке, оставивъ въ сторонѣ сочиненія болѣе второстепенныхъ послѣдователей ламаркизма (Копъ и другіе).

Жанъ-Батистъ де-Ламаркъ представляетъ, во всякомъ случаѣ, одну изъ крупнѣйшихъ фигуръ въ исторіи эволюціоннаго ученія. Это былъ человѣкъ необыкновенно богатый знаніями и весьма самостоятельный въ сужденіяхъ, притомъ обладавшій сильною фантазіею. Въ ботаникѣ онъ былъ столь-же свѣдущъ, какъ и въ зоологіи, и его сочиненіе Flore Fran-

çaise до сихъ поръ составляетъ одинъ изъ весьма важныхъ источниковъ для изученія французской флоры. Когда въ Парижѣ, при музеѣ естественной исторіи, оказалась вакантная каѳедра зоологіи, спеціально по низшимъ животнымъ, то Ламаркъ, до того времени мало занимавшійся зоологіею, быстро овладѣлъ этимъ предметомъ и уже черезъ годъ открылъ замѣчательный курсъ лекцій, въ которыхъ онъ впервые подраздѣлилъ животное царство на позвоночныхъ и безпозвоночныхъ и установилъ весьма хорошую для того времени систему животныхъ. Кромѣ ботаники и зоологіи, онъ занимался также, но гораздо менѣе удачно, химіею и физикою. Въ біологіи онъ выказалъ себя не только прекраснымъ наблюдателемъ и систематикомъ, но и весьма глубокимъ мыслителемъ. Такъ, между прочимъ, онъ былъ глубоко проникнутъ мыслью о могущественномъ совокупномъ дѣйствіи малыхъ причинъ въ теченіе большихъ промежутковъ времени,—мыслью, которая впослѣдствіи легла въ основу идей Ляйэлля, переродившихъ геологію, а также и въ основу теоріи естественнаго подбора. «Для природы, говоритъ Ламаркъ, время есть ничто и не представляетъ никакихъ затрудненій; оно находится всегда въ распоряженіи природы и является неограниченнымъ средствомъ къ достиженію какъ мельчайшихъ, такъ и крупнѣйшихъ результатовъ». Въ настоящее время идея эта пользуется всеобщимъ признаніемъ и не кажется ни странною, ни маловѣроятною, но во времена Ламарка, когда царила теорія громадныхъ всемірныхъ катастрофъ, періодически уничтожавшихъ все живое и быстро измѣнявшихъ лицо земли, въ тѣ времена эта идея являлась необыкновенно смѣлою и оригинальною. Эта мысль была приложена Ламаркомъ и къ объясненію развитія органическаго міра. Въ противоположность большинству своихъ современниковъ, онъ допускалъ неограниченную, постепенную измѣняемость видовъ въ взаимодѣйствіи съ измѣняющимися внѣшними условіями и первый построилъ генеалогическія схемы развитія міра животныхъ не въ видѣ лѣстницы, какъ нѣмецкіе натурфилософы, а въ видѣ родословнаго дерева. Свои взгляды на развитіе органическаго міра онъ изложилъ въ замѣчательной книгѣ «Зоологическая философія» (Philosophie Zoologique), которая вышла въ свѣтъ въ 1809 году и которая является краеугольнымъ камнемъ такъ называемаго ламаркизма.

«Зоологическая философія» Ламарка состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой изъ нихъ онъ разсматриваетъ общую естественную исторію животныхъ, понятіе о видѣ, значеніе систематическихъ подраздѣленій животнаго царства, постепенное усовершенствованіе организмовъ отъ низшихъ формъ къ высшимъ, вліяніе условій существованія на дѣятельность и привычки животныхъ и, въ результатѣ этого, измѣненіе организаціи и ея частей,—наконецъ устанавливаетъ естественную классификацію животнаго царства. Вторая часть книги посвящена общимъ разсужденіямъ

о причинахъ жизни, о ея происхожденіи, о сущности организаціи (о такъ называемомъ оргазмѣ, который поддерживаетъ жизнь въ организмѣ), о произвольномъ зарожденіи низшихъ организмовъ и о силахъ, дѣйствующихъ въ организмѣ; также о волѣ, разумѣ и его происхожденіи и проч.

Эта вторая часть мѣстами туманна, фантастична и въ настоящее время совершенно устарѣла; для насъ она представляетъ очень мало интереса. Первая часть, напротивъ, и до сихъ поръ сохраняетъ свое значеніе и всего интереснѣе въ ней седьмая глава, гдѣ Ламаркъ собственно и излагаетъ тѣ взгляды, которые легли, главнымъ образомъ, въ основу «ламаркизма».

«Мы будемъ здѣсь говорить не о какомъ-либо выводѣ разума, но о твердо установленномъ фактѣ, который имѣетъ болѣе всеобщее значеніе, чѣмъ обыкновенно думаютъ и на который до сихъ поръ не обращали достаточнаго вниманія, безъ сомнѣнія потому, что этотъ фактъ трудно уловить. Онъ заключается въ томъ вліяніи, которое оказываютъ условія среды на организмъ, подвергающійся имъ. Правда, довольно давно уже было замѣчено вліяніе разныхъ состояній нашей организаціи на нашъ характеръ, наши наклонности, дѣйствія и даже на наши понятія, но, кажется, до сихъ поръ никто еще не усмотрѣлъ вліянія нашихъ дѣйствій и привычекъ на самую нашу организацію. Но такъ какъ эти дѣйствія и привычки совершенно зависятъ отъ условій, въ которыхъ мы ежедневно находимся, то я постараюсь показать, какъ велико то вліяніе, которое эти условія оказываютъ на общій видъ, состояніе частей и даже строеніе организмовъ. Слѣдовательно, въ этой главѣ будетъ рѣчь именно объ этомъ въ высшей степени положительномъ фактѣ».

Такими словами начинаетъ Ламаркъ вышеупомянутую седьмую главу. Далѣе онъ развиваетъ эту мысль подробнѣе. Онъ указываетъ, прежде всего, на тотъ общеизвѣстный фактъ, что, съ одной стороны, въ животномъ царствѣ ясно можно усмотрѣть развитіе отъ простого къ сложному, а съ другой стороны—въ этомъ развитіи нѣтъ полной постепенности и замѣчается много неправильностей. Это объясняется, по мнѣнію Ламарка, именно тѣмъ, что «состояніе, въ которомъ мы встрѣчаемъ животныхъ, представляетъ собою съ одной стороны результатъ наростающей выработки организаціи, стремящейся къ установленію правильной постепенности, а съ другой стороны это состояніе есть слѣдствіе вліяній множества разнородныхъ отношеній, которыя постоянно стремились нарушить правильность въ постепенности этой выработки». Уже одна эта мысль, по своей глубинѣ и геніальности, могла-бы сдѣлать теорію Ламарка безсмертною; мы увидимъ ниже, что мысль эта вошла во всѣ послѣдующія теоріи развитія и въ основѣ своей безусловно вѣрна.

Но Ламаркъ предостерегаетъ отъ слишкомъ буквальнаго пониманія догмата, что внѣшнія условія дѣйствуютъ измѣняющимъ образомъ на ор-

ганизацію животныхъ: по его мнѣнію, условія эти вызываютъ лишь новыя потребности и привычки, а эти привычки и потребности вызываютъ уже измѣненіе старыхъ органовъ и появленіе новыхъ. Такимъ образомъ, внѣшнія условія вліяютъ не прямо, а косвенно. «Не органы, т. е. природа и форма частей тѣла животнаго, вызываютъ его привычки и присущія ему способности, а наоборотъ — его привычки, его образъ жизни и условія, въ которыхъ находились его предки, въ теченіе времени опредѣляютъ число и состояніе его органовъ и его способности». У растеній, которыя не проявляютъ активной дѣятельности и потому не имѣютъ настоящихъ привычекъ, дѣло происходитъ проще и прямѣе черезъ измѣненія въ питаніи, дыханіи и вообще въ физіологическихъ процессахъ.

Идею свою Ламаркъ формулируетъ въ двухъ слѣдующихъ законахъ:

Законъ первый. «Въ каждомъ животномъ, которое еще не переступило цѣли своего развитія, частое и постоянное упражненіе даннаго органа постепенно усиливаетъ его, развиваетъ, увеличиваетъ и даетъ ему силу, соотвѣтствующую продолжительности упражненія; напротивъ, постоянное неупотребленіе органа ослабляетъ и ухудшаетъ его, постепенно уменьшаетъ его способности и въ концѣ-концовъ приводитъ его къ исчезновенію».

Законъ второй. «Все, что животныя пріобрѣтаютъ или утрачиваютъ вслѣдствіе вліянія условій, которымъ они подвергаются долгое время, а потому и вслѣдствіе усиленнаго упражненія или постояннаго неупотребленія органа, — передается при размноженіи по наслѣдству потомкамъ, предполагая, что пріобрѣтенныя измѣненія были свойственны обоимъ поламъ, т. е. тѣмъ, которые произвели это потомство».

Для подтвержденія этихъ законовъ Ламаркъ приводитъ многочисленные примѣры. Такъ, для доказательства уничтожающаго вліянія неупотребленія органовъ онъ указываетъ на кита и муравьеѣда, у которыхъ, какъ у млекопитающихъ животныхъ, зубы принадлежатъ къ общему плану организаціи и у кита даже существуютъ въ зародышѣ, но не прорѣзываются; очевидно, говоритъ Ламаркъ, что зубы здѣсь были, но исчезли «вслѣдствіе привычки не жевать пищу». Точно также у разныхъ животныхъ, живущихъ въ темнотѣ, уменьшились или почти уничтожились глаза, напримѣръ, у протея (амфибія, живущая въ озерахъ подземныхъ пещеръ), у крота и проч. Блестящимъ подтвержденіемъ правильности этого вывода Ламаркъ считаетъ то обстоятельство, что органъ слуха не представляетъ нигдѣ подобнаго обратнаго развитія: онъ сохраняется всюду, гдѣ присутствіе этого органа входитъ въ планъ организаціи, сохраняется потому, что звукъ проникаетъ во всякую среду и, слѣдовательно, о неупотребленіи органа слуха не можетъ быть рѣчи. Какъ дальнѣйшіе примѣры неупотребленія органовъ, Ламаркъ приводитъ отсутствіе ногъ у змѣй. По его мнѣнію, эти животныя утратили свои ноги (принадлежащія

къ основному плану организаціи ихъ, какъ позвоночныхъ животныхъ), потому что они приняли обыкновеніе ползать по землѣ, скрываться между травами и постоянно стремились удлинять свое тѣло, пролѣзая сквозь тѣсныя пространства, при чемъ ноги были ненужны и безполезны. Подобныя-же условія повели и къ исчезновенію крыльевъ у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ и т. д. Что касается развивающаго вліянія постояннаго упражненія органовъ въ извѣстномъ направленіи, то Ламаркъ указываетъ на водяныхъ птицъ, которыя получили плавательную перепонку вслѣдствіе постоянныхъ усилій растопыривать пальцы при плаваніи, при чемъ сильно растягивалась соединяющая пальцы кожа. Точно также и голенастыя птицы получили длинныя ноги вслѣдствіе постоянныхъ усилій вытягивать ихъ, чтобы тѣло не погружалось въ воду, когда птица бродитъ по мелководнымъ мѣстамъ, а длинношейныя водяныя птицы (гуси, лебеди) пріобрѣли длинную шею благодаря стараніямъ удлинять ее, чтобы тѣмъ успѣшнѣе ловить свою добычу, состоящую главнымъ образомъ изъ водныхъ животныхъ. Въ силу аналогичныхъ причинъ, у скатовъ и нѣкоторыхъ другихъ рыбъ, часто лежащихъ на днѣ. глаза сдвинуты на верхнюю сторону головы. Упражненіемъ въ перевариваніи большихъ количествъ грубой пищи развился объемистый и сложный желудокъ жвачныхъ животныхъ и т. д.

Приведенные примѣры Ламаркъ считаетъ настолько доказательными, что, по его мнѣнію, оспаривать истинность установленныхъ имъ законовъ могутъ только тѣ, которые никогда сами не наблюдали природы въ ея проявленіяхъ или люди, имѣющіе совершенно ложную точку зрѣнія на природу. Однако взгляды его имѣли у современниковъ весьма мало успѣха и были даже предметомъ насмѣшекъ, и не безъ основанія, такъ-какъ примѣры, процитированные нами, собственно служатъ только для иллюстраціи его идеи, но не доказываютъ еще ея истинности; къ тому-же нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ весьма грубы и не совсѣмъ удачны (напримѣръ объясненіе происхожденія змѣй). Одинъ изъ новѣйшихъ излагателей ученія Ламарка справедливо говоритъ: «на нѣкоторыхъ изъ критиковъ этого ученія приведенные примѣры производили такое впечатлѣніе, какъ будто-бы авторъ хотѣлъ сказать, что животныя пріобрѣтали тѣ или другіе органы просто по своему желанію. Его здравая философія зоологіи страдала также отъ его прежнихъ, совершенно неудачныхъ химическихъ и иныхъ умозрѣній. Другой важный недостатокъ Ламарка состоитъ въ томъ, что онъ совершенно увлекся мыслью, что его теорія о передачѣ пріобрѣтенныхъ особенностей можетъ объяснить всѣ явленія органической природы. Онъ не видѣлъ, какъ его современники Эразмъ Дарвинъ и Гете, что извѣстныя проблемы о происхожденіи приспособленій остались совершенно не затронутыми и не разрѣшенными. Будучи увѣренъ, что онъ открылъ великій факторъ развитія и

прилагая этотъ факторъ къ органической природѣ. онъ былъ слѣпъ къ его недостаткамъ и ко всякому другому фактору, считая свой принципъ достаточнымъ для объясненія всѣхъ измѣненій въ животномъ мірѣ. Его доказательства большею частію не индуктивны, а дедуктивны и часто онъ изыскиваетъ ихъ не для того, чтобы подкрѣпить свой законъ, а чтобы выставить его обязательнымъ (Осборнъ)».

Несмотря на неудачную и мѣстами поверхностную мотивировку, на грубую произвольность нѣкоторыхъ примѣровъ, избранныхъ для доказательствъ, нельзя все таки не признать, что основная идея Ламарка—измѣняемость организма путемъ приспособленія къ измѣняющимся условіямъ жизни—была вѣрна. Поставивъ этотъ принципъ, онъ проложилъ дорогу къ другимъ, болѣе совершеннымъ теоріямъ измѣняемости видовъ.

Не менѣе важна и другая идея, заключающаяся въ его теоріи,—идея двойственности органическаго развитія: съ одной стороны организмъ развивается правильно, подъ вліяніемъ присущихъ ему внутреннихъ силъ,—а съ другой стороны онъ постоянно взаимодѣйствуетъ съ внѣшними условіями, нарушающими правильную постепенность развитія. Эта сторона Ламаркова ученія обыкновенно мало оцѣнивается или совершенно упускается изъ виду, а между тѣмъ она-то и есть наиболѣе жизненная часть его теоріи, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, удержится надолго, въ то время, какъ догматъ о значеніи упражненія или неупражненія органовъ дискредитируется все болѣе и болѣе.

Когда появилась теорія естественнаго подбора Дарвина и Уоллеса, воззрѣнія Ламарка отошли совершенно на задній планъ. Дарвинъ въ первыхъ изданіяхъ своей книги «О происхожденіи видовъ» хотя и признавалъ за принципомъ употребленія и неупотребленія органовъ нѣкоторое значеніе, но небольшое и какъ-бы неохотно, съ извѣстнымъ скептицизмомъ. Принципъ естественнаго подбора такъ хорошо и просто объяснялъ почти всѣ особенности организмовъ и соотвѣтствіе ихъ съ окружающею средою, что другія объясненія являлись побочными и почти излишними. Быстрый успѣхъ теоріи естественнаго подбора представляетъ собою явленіе тѣмъ болѣе яркое, что въ промежуткѣ между временемъ Ламарка и временемъ Дарвина теорія измѣняемости видовъ далеко не пользовалась популярностью и высказываться въ смыслѣ трансформизма значило до извѣстной степени рисковать своимъ научнымъ кредитомъ. Ляйэлль, который своими реформами въ геологіи положилъ конецъ господству Кювьеровской теоріи катастрофъ, — теоріи, болѣе всего мѣшавшей признанію непрерывности и постепенности органическаго развитія,—былъ, однако, вовсе не сторонникомъ десцендентной теоріи. Признавая для міра неорганическаго великую важность продолжительнаго дѣйствія малыхъ причинъ и суммированія мелкихъ измѣненій въ крупные эффекты (принципы, провозглашенные, какъ мы видѣли, уже Ламаркомъ), онъ не хотѣлъ при-

лагать этихъ принциповъ къ объясненію органическаго развитія, допуская для этого послѣдняго какіе-то особые, таинственные законы. Онъ полагалъ, что «въ то время, какъ извѣстныя формы животныхъ и растеній исчезали по причинамъ, для насъ совершенно непонятнымъ, на мѣсто ихъ являлись другія подъ вліяніемъ причинъ, стоящихъ совершенно внѣ границъ нашего постиженія». Самъ Дарвинъ долгое время не рѣшался открыто выступить съ своими эволюціонными идеями и частнымъ образомъ собиралъ мнѣнія выдающихся ученыхъ объ измѣняемости видовъ. Только тогда, когда Гексли, наконецъ, высказался въ благопріятномъ смыслѣ для десцендентной теоріи, Дарвинъ счелъ себя въ нѣкоторой безопасности и писалъ: «теперь, какъ добрый католикъ, принявшій соборованіе, я могу воскликнуть: нынѣ отпущаеши!» Такая непопулярность эволюціонныхъ идей была, безъ сомнѣнія, слѣдствіемъ блистательной побѣды, одержанной Кювье надъ натурфилософами, а также и надъ тѣми крайними, абсурдными увлеченіями, до которыхъ доходила натурфилософія начала девятнадцатаго вѣка. И вотъ, съ появленіемъ книги Дарвина, все быстро и радикально измѣнилось: преемственность видовъ сдѣлалась такимъ-же догматомъ, какимъ прежде была полная обособленность видовъ. Господствующимъ факторомъ развитія признанъ былъ естественный подборъ, который, какъ сказано выше, оттѣснилъ на задній планъ другіе факторы эволюціи. Однако, разъ десцендентная теорія вновь была возстановлена въ своихъ правахъ и пробита была широкая брешь въ несокрушимой, казалось, стѣнѣ противоположныхъ воззрѣній,—получили нѣкоторое право гражданства и взгляды Жоффруа Сентъ-Илера и Ламарка, которые считались было окончательно сданными въ архивъ. Многіе изъ послѣдователей Дарвина и рьяныхъ поклонниковъ теоріи естественнаго подбора были, въ то-же время, и ламаркистами въ гораздо большей степени, чѣмъ Дарвинъ. Такъ, знаменитый Геккель, — геніальный популяризаторъ дарвинизма, способствовавшій его распространенію чуть-ли не болѣе, чѣмъ самъ Дарвинъ,—въ своей «Естественной исторіи творенія» широко допускаетъ наслѣдственное вліяніе упражненія или неупражненія органовъ. Такъ, Граберъ, — одинъ изъ талантливѣйшихъ популяризаторовъ энтомологіи,—прямо выражается, что насѣкомыя «наползали себѣ ноги, накусали себѣ челюсти», — т.-е., происходя отъ червеобразныхъ предковъ, пріобрѣли новые органы путемъ усилій и упражненій въ извѣстномъ направленіи,—и конечно, самъ Ламаркъ не могъ-бы высказать этого съ большею опредѣленностью, даже, такъ сказать, грубостью. Да и Дарвинъ съ теченіемъ времени сталъ все болѣе и болѣе признавать значеніе другихъ факторовъ развитія. Такимъ образомъ принципъ Ламарка ожилъ и снова сталъ заявлять о себѣ.

Въ то-же время, несмотря на безпримѣрный успѣхъ теоріи естественнаго подбора, теорія эта нашла себѣ и рѣшительныхъ противниковъ.

Здѣсь мы имѣемъ въ виду не тѣхъ немногихъ натуралистовъ, которые заявили себя противниками трансформизма вообще (ихъ возраженія не имѣли и не могли имѣть никакого успѣха),—но тѣхъ естествоиспытателей, которые, признавая десцендентную теорію вообще, отказываются лишь признать за естественнымъ подборомъ то значеніе, на которомъ настаиваютъ дарвинисты. Наиболѣе видными изъ такихъ оппонентовъ Дарвиновой теоріи явились знаменитый гистологъ и эмбріологъ Кёлликеръ и геніальный ботаникъ и физіологъ Негели. Первый изъ нихъ далъ свою теорію развитія, которую мы здѣсь излагать не станемъ: скажемъ только, что, по мнѣнію Кёлликера, организмы развиваются, главнымъ образомъ, въ силу внутреннихъ причинъ, подъ вліяніемъ «общаго закона развитія». Въ чемъ состоитъ этотъ общій законъ, Кёлликеръ не говоритъ, и вообще вся его теорія крайне неопредѣленна и потому не имѣла никакого успѣха. Значеніе естественнаго подбора онъ отрицаетъ совершенно, утверждая, что принципъ полезности не долженъ быть прилагаемъ къ объясненію біологическихъ явленій. Цѣнно въ теоріи Кёлликера одно: признаніе непрерывности органическаго развитія въ силу какихъ-то законовъ, управляющихъ живою матеріею, — идея, которую высказывалъ, какъ мы видѣли, уже и Ламаркъ, и даже проще, яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ Кёлликеръ. Несравненно совершеннѣе теорія идіоплазмы Негели, которая такъ же, какъ и теорія Кёлликера, принимаетъ за главный факторъ развитія внутреннія причины измѣненій организма, но (подобно теоріи Жоффруа Сентъ-Илера) допускаетъ и значительное вліяніе прямого воздѣйствія внѣшнихъ условій, чего всячески избѣгалъ Кёлликеръ, признававшій за внѣшними условіями лишь самое второстепенное значеніе. Вполнѣ признавая измѣняемость видовъ, Негели, однако, возстаетъ противъ неопредѣленной, по всѣмъ направленіямъ проявляющейся измѣнчивости организмовъ, каковая должна существовать по теоріи естественнаго подбора. «Если-бы измѣненія индивидовъ обусловливались внѣшними причинами, говоритъ Негели, то они могли-бы быть произвольны или безъ опредѣленнаго направленія. Ибо, такъ какъ эти причины не имѣютъ никакой связи съ большею или меньшею сложностью организаціи, то онѣ и должны производить поступательное дѣйствіе то въ положительномъ, то въ отрицательномъ смыслѣ. Если причины измѣненія не внѣшнія, а внутреннія, лежащія въ самыхъ свойствахъ вещества, то дѣло получаетъ другой видъ. Опредѣленная организація вещества должна имѣть опредѣляющее вліяніе на измѣненія его, и это вліяніе можетъ выразиться лишь въ томъ, что развитіе идетъ все выше и выше, такъ какъ начинается оно съ самыхъ низшихъ ступеней. Это я называлъ прежде принципомъ совершенствованія, понимая подъ совершенствованіемъ усложненіе организаціи. Этотъ принципъ механическаго свойства и есть ничто иное, какъ законъ инерціи въ области

органическаго развитія. Разъ эволюціонное движеніе началось, оно уже не можетъ остановиться и должно сохранять свое направленіе. Дарвинъ, имѣя въ виду лишь приспособленія организмовъ, считалъ болѣе совершеннымъ то, что оказывается болѣе пригоднымъ въ борьбѣ за существованіе. Но это, очевидно, не единственный критерій, примѣнимый при сравненіи организмовъ: въ дарвиновой односторонности не содержится вся сущность вещей, а скорѣе оставлена безъ вниманія лучшая половина. Есть двѣ категоріи совершенства, которыя слѣдуетъ строго различать: во-первыхъ, совершенство организаціи, состоящее въ сложности строенія и раздѣленія физіологическаго труда, а во-вторыхъ—совершенство приспособленія, повторяющееся на всѣхъ ступеняхъ организаціи и состоящее въ наиболѣе выгодномъ, по внѣшнимъ условіямъ, устройствѣ организма, соотвѣтственно его строенію и раздѣленію функцій».

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, какъ явственно повторяется въ этихъ, полныхъ глубокаго значенія, словахъ Негели та самая идея двойственности органическаго развитія, которую мы отмѣтили въ ученіи Ламарка. Но у Ламарка идея эта, хотя и вполнѣ ясно и опредѣленно высказана, не развита съ достаточною подробностью. Негели же, какъ мы увидимъ, развилъ ее до тончайшихъ деталей и тѣмъ придалъ этой, по существу не новой, идеѣ—силу и жизненность.

Придавая такое важное значеніе въ развитіи организмовъ внутреннимъ ихъ силамъ, Негели отводитъ естественному подбору второстепенную роль, хотя вовсе не отрицаетъ существованія этого процесса. Естественный подборъ, по мнѣнію Негели, собственно не есть настоящій факторъ развитія, если понимать послѣднее въ положительномъ смыслѣ; онъ не производитъ новыхъ формъ, а только устраняетъ тѣ изъ старыхъ, которыя оказываются неприспособленными къ даннымъ условіямъ. Такимъ образомъ значеніе естественнаго подбора, по Негели, только отрицательное: это контрольный процессъ, устраняющій негодное, но самъ по себѣ не ведущій къ болѣе совершенному.

Что касается причины, обусловливающей прогрессивность органическаго развитія, то для объясненія этой причины Негели строитъ теорію идіоплазмы. Идіоплазма — это чрезвычайно сложное по своему молекулярному строенію вещество, содержащееся во всѣхъ клѣткахъ организма и главнымъ образомъ въ клѣточныхъ ядрахъ. Всякій организмъ, даже всякій индивидъ имѣетъ свою оригинальную идіоплазму, которая особенностями своего строенія опредѣляетъ всѣ особенности даннаго организма. Такъ, хотя бы напр. яйцо, изъ котораго развивается организмъ извѣстнаго вида (напр. собака) было совершенно сходно по внѣшнимъ признакамъ съ яйцомъ другого вида (напр. кошки), но въ сущности эти оба яйца настолько же различны одно отъ другого (вслѣдствіе строенія

идіоплазмы), насколько оба данные вида различаются другъ отъ друга во взросломъ состояніи. Идіоплазма состоитъ изъ мельчайшихъ частицъ, мицеллъ (родъ органическихъ кристалловъ), которыя въ свою очередь состоятъ изъ группъ молекулъ. Вслѣдствіе питанія и другихъ внѣшнихъ условій, идіоплазма можетъ болѣе или менѣе измѣняться, но не можетъ упрощаться въ своемъ строеніи, а лишь усложняется вдвиганіемъ новыхъ мицеллъ (образовавшихся черезъ ассимиляцію) между старыми или перемѣною взаимнаго расположенія мицеллъ. Измѣненія идіоплазмы, въ какомъ бы мѣстѣ тѣла они ни произошли, отражаются на всемъ организмѣ (на идіоплазмѣ всѣхъ его клѣтокъ) и передаются (черезъ идіоплазму половыхъ клѣтокъ) по наслѣдству.

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, теорія развитія Негели, являющаяся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его теоріею наслѣдственности.

Въ ней, конечно, много гипотетичнаго и въ подробностяхъ ея не мало натянутыхъ допущеній, порою даже противорѣчащихъ дѣйствительности, но основная идея этой теоріи, идея основного наслѣдственнаго вещества—идіоплазмы—настолько глубока и вѣрна, что ученіе Негели представляетъ собою необходимый и весьма важный этапъ въ развитіи эволюціонной теоріи.

Подробное изложеніе своихъ эволюціонныхъ идей Негели далъ въ книгѣ «Mechanisch-physiologische Theorie der Abstammungslehre», вышедшей въ свѣтъ въ 1884 году, т. е. какъ разъ въ то время, когда создавалась и теорія Вейсмана. Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что между ученіями Вейсмана и Негели существуетъ сходство въ томъ отношеніи, что обѣ теоріи допускаютъ особое сложное наслѣдственное вещество, которое Негели называетъ идіоплазмою, а Вейсманъ—зародышевою плазмою. Вейсманъ, собственно, заимствовалъ у Негели мысль объ идіоплазмѣ, но нѣсколько измѣнилъ это понятіе, ограничивъ его.

Именно, идіоплазма Негели свойственна всѣмъ клѣткамъ организма, а зародышевая плазма Вейсмана — только половымъ клѣткамъ, черезъ что Вейсманъ создаетъ рѣзкую противоположность между потенціально безсмертными половыми клѣтками и смертными (т. е. живущими только въ предѣлахъ индивида) соматическими клѣтками. Ограниченіе это ставитъ теорію Вейсмана въ не малое затрудненіе при объясненіи явленій безполаго размноженія и регенераціи, когда изъ соматическихъ клѣтокъ, безъ всякаго участія половыхъ, возрождаются новые организмы или воспроизводятся утраченныя части тѣла. Для объясненія этихъ явленій Вейсманъ долженъ былъ изобрѣсти цѣлый рядъ вспомогательныхъ гипотезъ, правда, чрезвычайно искусно связанныхъ съ его основною теоріею, но, тѣмъ не менѣе, нагромождающихъ массу произвольныхъ допущеній. Другое важное слѣдствіе введеннаго Вейсманомъ ограниченія понятія объ идіоплазмѣ, — это поведшій къ стольким спорамъ

догматъ о непередаваемости индивидуально пріобрѣтенныхъ особенностей и, въ силу этого, отрицаніе всей той части ученія Ламарка, которая выдвигаетъ важность упражненія или неупражненія органовъ въ процессѣ развитія органическихъ формъ. Кромѣ того, теорія Вейсмана рѣзко отличается отъ ученія Негели тѣмъ, что первая считаетъ естественный подборъ за главнѣйшій факторъ развитія, тогда какъ Негели, какъ мы видѣли, придаетъ ему лишь второстепенное значеніе. Ученіе Вейсмана представляетъ собою именно теорію естественнаго подбора, доведенную до крайнихъ предѣловъ, и вотъ почему Уоллесъ, одинъ изъ двухъ основателей теоріи подбора, оставшійся въ живыхъ, поступилъ вполнѣ послѣдовательно, ставъ всецѣло на сторону Вейсмана. Уоллесъ и Вейсманъ—болѣе дарвинисты, чѣмъ самъ Дарвинъ.

Одна изъ отличительныхъ чертъ теоріи естественнаго подбора состоитъ въ томъ, что эта теорія не признаетъ никакой правильности въ возникновеніи варіацій, которымъ подвержены организмы и которыя ведутъ къ возникновенію новыхъ видовъ. Откуда берутся самыя варіаціи, этого вопроса Дарвинъ не затрогивалъ; онъ имѣлъ въ виду лишь работу подбора съ готовыми варіаціями, какъ-бы онѣ ни возникли. Вейсманъ объясняетъ возникновеніе варіацій измѣненіями зародышевой плазмы, главнымъ образомъ черезъ смѣшиваніе плазмъ при половомъ размноженіи. Но откуда-бы ни взялись варіаціи, онѣ, по теоріи естественнаго подбора, возникаютъ неправильно, по всѣмъ направленіямъ и только далѣе можетъ быть внесена нѣкоторая правильность дѣйствіемъ подбора, накопляющаго измѣненія въ полезномъ для даннаго вида направленіи. Это-то допущеніе полной неправильности возникновенія варіацій и было главнымъ образомъ источникомъ обвиненій теоріи подбора въ томъ, что она смотритъ на всю исторію развитія организмовъ, какъ на рядъ случайностей. Случайности-ли это или нѣтъ, — мы здѣсь разбирать не станемъ, такъ-какъ самое понятіе о случаѣ и случайности весьма неопредѣленно, но, какъ-бы то ни было, упрекъ оппонентовъ дарвинизма здѣсь до извѣстной степени справедливъ. Не нужно быть противникомъ эволюціоннаго ученія и даже, въ частности, дарвинизма, чтобы признать, что теорія подбора не объясняетъ правильности и общей (не частной, не утилитарной) прогрессивности, наблюдаемой въ развитіи органическаго міра. Если допустить (а иначе мы и сдѣлать не можемъ), что первоначально существовали только организмы весьма простые и однообразные, то трудно себѣ представить, чтобы, безъ особыхъ внутреннихъ причинъ, усложнившихъ строеніе органической субстанціи, изъ небольшого числа почти однородныхъ формъ возникло, только черезъ борьбу за существованіе, все обиліе растительныхъ и животныхъ организмовъ, какое мы наблюдаемъ въ настоящее время. Еще труднѣе представить себѣ, чтобы при этомъ развитіе формъ происходило, несмотря

на полное отсутствіе правильности въ направленіи варіацій, въ такомъ стройномъ порядкѣ, что формы эти образовали правильные ряды, выраженіемъ которыхъ являются наши системы животныхъ и растеній. Поэтому, какъ высоко мы ни цѣнили-бы значеніе естественнаго подбора, этого единственнаго принципа, при свѣтѣ котораго намъ дѣлается понятна цѣлесообразность въ устройствѣ животныхъ и растеній,—мы не можемъ не признать, что теорія подбора недостаточна въ смыслѣ единственнаго, исключительнаго принципа для объясненія органическаго развитія: она объясняетъ многое, но не все и далеко не все. Это признается въ настоящее время всѣми, кромѣ Вейсмана и его исключительныхъ сторонниковъ; и, конечно, самъ Дарвинъ въ большей степени, чѣмъ вейсманисты, видѣлъ недостаточность своей теоріи для полнаго объясненія органическаго развитія. Въ виду всего этого, какъ нельзя болѣе законна оппозиція, которую встрѣтила теорія Вейсмана со стороны новѣйшихъ ламаркистовъ, настойчиво указывающихъ именно на ту правильность въ филогеніи организмовъ, которой не хотятъ знать продолжатели Дарвинова ученія. Ламаркисты съ полнымъ правомъ настаиваютъ на вѣроятности предположенія, что варіаціи организмовъ совершаются не безразлично во всѣхъ размѣрахъ и направленіяхъ, а лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ и по опредѣленнымъ направленіямъ: организмъ или группа организмовъ (отрядъ, классъ) обнаруживаютъ какъ-бы тенденцію измѣняться именно въ ту или другую сторону, и такое направленіе варіацій удерживается болѣе или менѣе долгое время (напр., въ теченіе извѣстной геологической эпохи), служа выраженіемъ какого-то внутренняго закона, вліяющаго на филогенетическое развитіе. Эта сторона ламаркизма наиболѣе солидна и наиболѣе имѣетъ шансовъ удержаться въ наукѣ, такъ-какъ она отдаетъ должное давно уже подмѣченному и все болѣе и болѣе выступающему на первый планъ принципу, который вошелъ, между прочимъ, въ видѣ ученія объ идіоплазмѣ въ эволюціонную теорію Негели. Но въ ламаркизмѣ есть, какъ мы уже знаемъ, и другая сторона, а именно ученіе объ унаслѣдованіи пріобрѣтенныхъ особенностей, главнымъ образомъ путемъ упражненія или неупражненія органовъ. Съ этой стороны ламаркизмъ еще болѣе задѣвается теоріею Вейсмана, на этой почвѣ главнымъ образомъ и ведется борьба между вейсманизмомъ и ламаркизмомъ, и надо сознаться, что съ этой стороны ламаркизмъ гораздо слабѣе, чѣмъ съ первой.

Наиболѣе выдающимися изъ современныхъ ламаркистовъ являются, какъ уже сказано выше, нѣмецкіе ученые Эймеръ и Гааке. Первый обнародовалъ свои взгляды на развитіе міра животныхъ въ 1888 году въ своей книгѣ «О происхожденіи видовъ путемъ унаслѣдованія пріобрѣтенныхъ свойствъ по законамъ органическаго роста», а второй недавно (въ 1893 г.) выпустилъ въ свѣтъ два сочиненія,—одно, предназначенное

для спеціалистовъ, «Развитіе формъ и наслѣдственность», а другое популярное—«Созданіе міра животныхъ»,—устанавливающія, между прочимъ, новую теорію наслѣдственности въ духѣ Ламарка.

Докторъ Эймеръ (профессоръ зоологіи въ Тюбингенѣ) пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность цѣлымъ рядомъ интересныхъ работъ въ разныхъ областяхъ зоологіи. Между прочимъ, онъ посвятилъ много времени и труда изученію окраски животныхъ въ ея филогенетическомъ развитіи. Первымъ объектомъ его изслѣдованія въ этомъ направленіи была стѣнная ящерица (Lacerta muralis), встрѣчающаяся на скалахъ по прибрежью Средиземнаго моря. Ящерица эта образуетъ множество видоизмѣненій: есть особи одноцвѣтныя, пятнистыя, полосатыя и т. д., и разныя варіаціи считались за отдѣльные виды (Lacerta striata, maculata, coerulea и проч.). Эймеру удалось выяснить, что всѣ эти формы окраски могутъ быть сведены къ общей исходной формѣ, а именно къ продольной полосатости. Если полосы распадаются на части, то является пятнистая окраска; если пятна сливаются въ поперечные ряды, то окраска превращается въ поперечную полосатость; если, наконецъ, пятна или полосы исчезаютъ, сливаясь съ общимъ фономъ, то получается одноцвѣтная окраска—самая новая изъ всѣхъ, тогда какъ продольная полосатость—самый древній видъ окраски. Замѣчательно, что эта законность въ смѣнѣ одной окраски другою наблюдается и въ теченіе индивидуальнаго развитія: дѣтеныши часто бываютъ полосаты или пятнисты, тогда какъ взрослыя формы соотвѣтственныхъ видовъ одноцвѣтны. Если окраска различна у обоихъ половъ, то самецъ оказывается прогрессивнѣе самки: онъ дальше идетъ въ измѣненіяхъ своего цвѣта, тогда какъ самка остается ближе къ древнему типу; это явленіе Эймеръ обобщаетъ подъ именемъ закона мужского перевѣса (männliche Präponderanz). Другой общій законъ, отмѣченный Эймеромъ, названный имъ закономъ волнообразнаго распространенія—Ondulationsgesetz—и состоитъ въ томъ, что измѣненія въ окраскѣ наступаютъ прежде всего на заднемъ концѣ тѣла и постепенно передвигаются къ переднему, такъ что на головѣ, напр., дольше всего удерживаются остатки первоначальной окраски. Что относится къ стѣнной ящерицѣ, то же самое примѣнимо и къ другимъ животнымъ, какъ позвоночнымъ, такъ и къ безпозвоночнымъ. Хорошій примѣръ разныхъ типовъ окраски представляютъ хищныя млекопитающія: у виверръ (самыхъ древнихъ изъ нихъ) болѣе всего сохраняется продольная полосатость, ягуары и леопарды пятнисты, тигръ поперечнополосатъ, а левъ одноцвѣтенъ,—дѣтеныши-же льва имѣютъ поперечныя полоски и пятна. Наша домашняя кошка часто имѣетъ слѣды поперечной полосатости на бокахъ, а на лбу у нея бываютъ черныя продольныя полоски. Другой интересный примѣръ типовъ окраски представляютъ дикія лошади: зебра вся поперечнополосата, у дау (Бурчелліева лошадь) ноги не

имѣютъ полосъ, а у квагги полосы находятся только на головѣ и шеѣ. Законность въ перемѣнѣ типовъ окраски при образованіи варіацій очевидна; и эта-то законность, повидимому, и навела Эймера на мысль о новой теоріи измѣненія видовъ, такъ-какъ найденные имъ законы оказывались несовмѣстимыми съ дарвинистическимъ допущеніемъ безграничной измѣнчивости по всѣмъ направленіямъ. Теорію эту онъ называлъ теоріею органическаго роста. «По моему мнѣнію, говоритъ Эймеръ, физико-химическія измѣненія, которымъ организмъ подвергается въ своей жизни подъ вліяніемъ окружающей среды (вліяніе свѣта или темноты, тепла или холода, воздуха, воды, влажности, пищи и проч.),—эти измѣненія, передаваемыя по наслѣдству, представляютъ собою первѣйшія средства для созданія разнообразія въ органическомъ мірѣ и для возникновенія видовъ. Изъ этого матеріала борьба за существованіе дѣлаетъ свой выборъ. Всѣ эти измѣненія можно охарактеризовать просто какъ ростъ: подобно тому, какъ растутъ индивиды, выросъ изъ простыхъ зачатковъ и весь міръ органическихъ формъ... Какъ въ неорганической природѣ изъ разныхъ растворовъ осаждаются разные кристаллы, какъ даже простой толчокъ можетъ повести къ диморфной кристаллизаціи,—такъ же точно въ теченіе вѣковъ какъ-бы выкристаллизовались различныя органическія формы изъ первоначально однородной массы... И именно потому, что органическое развитіе основывается на физико-химическихъ измѣненіяхъ, оно имѣетъ ту же опредѣленность, какъ и формы неорганическихъ кристалловъ, и при всякомъ новообразованіи оно можетъ пойти только по опредѣленнымъ направленіямъ. Если новыя свойства, которыя могутъ быть сведены къ простому измѣненію роста, прочно остаются въ какой-нибудь группѣ организмовъ, передаваясь все далѣе и далѣе по наслѣдству, и если эта группа такъ или иначе утратила связь съ родственными формами, при чемъ переходныя формы исчезли, то мы имѣемъ дѣло съ видами». Такимъ образомъ, Эймеръ разсматриваетъ весь органическій міръ какъ одно огромное цѣлое, постоянно растущее и измѣняющееся во всѣхъ своихъ частяхъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Вслѣдствіе этого и на индивидуальный ростъ онъ смотритъ, какъ на «короткое и быстрое повтореніе всей суммы вліяній, испытанныхъ плазмою предковъ въ теченіе вѣковъ». Особенности видовъ Эймеръ объясняетъ частью внезапными измѣненіями направленій развитія (скачки развитія), частью-же задержаніемъ органическаго роста нѣкоторыхъ формъ на извѣстной стадіи, въ то время, когда родственныя формы продолжаютъ прогрессировать (законъ генэпистаза).

Развивая въ своей теоріи органическаго роста первую половину ученія Ламарка (ученіе о правильности въ направленіяхъ органическаго развитія), Эймеръ всецѣло принимаетъ и вторую его половину—гипотезу о значеніи употребленія и неупотребленія органовъ. Пріобрѣтенныя въ

индивидуальной жизни особенности, по мнѣнію Эймера, совершенно способны передаваться по наслѣдству.

Ламаркъ, какъ мы видѣли, былъ твердо убѣжденъ въ вѣрности своей теоріи и выражался о ней весьма самоувѣренно. Онъ прямо говоритъ, что считаетъ свои выводы не за гипотезу, а за «твердо установленный фактъ, на который потому только не обращали вниманія, что его трудно уловить». Съ такою-же самоувѣренностью выражается и Эймеръ о своей теоріи «органическаго роста». Въ сочиненіи своемъ «объ образованіи видовъ и о сродствѣ у бабочекъ», составляющемъ продолженіе «Происхожденія видовъ» и служащемъ для детальной иллюстраціи теоріи органическаго роста на удобныхъ примѣрахъ, Эймеръ говоритъ: «Кто только узнаетъ эти факты, тотъ не будетъ въ состояніи усомниться, что моя теорія происхожденія видовъ покоится на совершенно прочныхъ основаніяхъ. Факты эти такого рода, что даже тѣ ученые, которые до сихъ поръ держались совсѣмъ иныхъ воззрѣній и сжились съ ними,—не могутъ отрицать ихъ значенія, хотя именно эти люди часто всего ожесточеннѣе противятся всему новому».

Къ сожалѣнію, самоувѣренность эта не только не встрѣтила оправданія себѣ на дѣлѣ (теорія Эймера не имѣла успѣха и вообще мало была замѣчена),—но не оправдывается и самымъ содержаніемъ теоріи органическаго роста. Никто не отрицаетъ интереса и важности спеціальныхъ изслѣдованій Эймера, подавшихъ ему поводъ къ созданію новой теоріи происхожденія видовъ; много найдется также сторонниковъ идеи о существованіи опредѣленныхъ направленій въ органическомъ развитіи вообще. Но, при всемъ томъ, самая теорія Эймера такъ мало разработана, мало выяснена и вслѣдствіе этого такъ слаба, что ее едва-ли кто-либо, кромѣ развѣ небольшого кружка учениковъ и поклонниковъ, можетъ счесть за серьезную теорію. Изъ приведенныхъ выписокъ читатель самъ могъ убѣдиться, насколько туманна и неопредѣленна «теорія органическаго роста»: это, собственно, даже вовсе не теорія, а простое описаніе факта въ общихъ и неясныхъ выраженіяхъ. Что міръ растеній и животныхъ развивается и растетъ, такъ или иначе взаимодѣйствуя съ внѣшними условіями,—въ этомъ никто не сомнѣвается; но сказать это—не значитъ еще дать теорію органическаго развитія. Теорія должна объяснить, въ чемъ состоитъ этотъ ростъ и почему онъ имѣетъ опредѣленныя направленія; а у Эймера мы не находимъ даже и попытки такого объясненія. Въ особенности слабою и наивною кажется теорія Эймера, если сравнить ее съ ученіемъ Негели или Вейсмана. Теорія идіоплазмы, такъ-же какъ и теорія зародышевой плазмы, правда, весьма сложны, гипотетичны и дѣлаютъ много произвольныхъ допущеній; однако, въ нихъ весь ходъ мысли такъ ясенъ, все такъ глубоко и многосторонне продумано, всѣ части такъ искусно связаны между собою, — что умъ

читателя невольно подкупается въ пользу этихъ стройныхъ логическихъ системъ. У Эймера гипотезъ гораздо меньше, но зато и объясненія никакого нѣтъ. Вообще можно сказать, что Эймеръ только повторилъ старое ученіе Ламарка, теоретически не прибавивъ къ нему почти ничего, ибо законность измѣненій окраски, подмѣченная Эймеромъ, представляетъ собою только эмпирическій выводъ, оставляющій причины разсматриваемаго явленія совершенно необъясненными. Что касается спеціально вопроса о передачѣ по наслѣдству пріобрѣтенныхъ особенностей, то Эймеръ приводитъ въ доказательство этой передачи рядъ примѣровъ, но примѣры эти частью не новы, частью не доказательны и вполнѣ объяснимы съ точки зрѣнія теоріи Вейсмана, несогласимой съ ламаркизмомъ.

Не мудрено, послѣ того, что книга Эймера не оказала ламаркизму сколько-нибудь существенной поддержки. Въ защиту Ламаркова ученія выступилъ, однако, Гааке, — извѣстный нѣмецкій ученый, долго жившій въ Австраліи и открывшій, одновременно съ Кальдвеллемъ, фактъ откладки яицъ однопроходными млекопитающими (утконосъ, ехидна). Признавая, какъ и Эймеръ, существованіе опредѣленныхъ направленій въ развитіи и передачу по наслѣдству пріобрѣтенныхъ особенностей, Гааке строитъ, для объясненія этихъ явленій, особую гипотезу,—гипотезу геммарій, которая въ значительной степени напоминаетъ теорію идіоплазмы Негели. Сверхъ того, онъ вноситъ въ теорію развитія новый элементъ, факты зоогеографіи, на которые до тѣхъ поръ обращалось мало вниманія, а также пользуется въ интересахъ своей теоріи новѣйшими завоеваніями ученія о клѣткѣ, чего не дѣлали предшествующіе ламаркисты.

Чтобы наглядно пояснить развитіе организмовъ, Гааке въ своей популярной книгѣ «Созданіе міра животныхъ» разсматриваетъ филогенетическое развитіе млекопитающихъ. Онъ указываетъ на постоянное стремленіе животныхъ этого класса къ достиженію болѣе крупнаго роста: во всѣхъ отрядахъ наиболѣе развитыя формы обыкновенно и наиболѣе рослы. Такъ, человѣкообразныя обезьяны—самыя крупныя изъ отряда приматовъ; ниже ихъ стоящія собакоголовыя обезьяны (павіаны) уже не достигаютъ такихъ крупныхъ размѣровъ, какъ напримѣръ горилла или орангутангъ, а еще ниже стоящія обезьяны новаго свѣта—еще меньше ростомъ; наконецъ, игрунки, самыя низшія изъ обезьянъ, въ то-же время и самыя мелкія. Мельчайшія изъ млекопитающихъ вообще принадлежатъ къ низшимъ отрядамъ: насѣкомояднымъ, грызунамъ, полуобезьянамъ, сумчатымъ и птицезвѣрямъ. Параллельно съ стремленіемъ къ увеличенію роста выражается тенденція къ укороченію хвоста: самыя длиннохвостыя формы принадлежатъ къ низшимъ членамъ отрядовъ, самыя короткохвостыя или безхвостыя—къ высшимъ. Число пальцевъ вообще обнаруживаетъ стремленіе къ сокращенію, при чемъ большой палецъ уменьшается или исчезаетъ прежде другихъ. Также стремится къ сокращенію и число

зубовъ, и т. д. Вообще въ развитіи органовъ въ предѣлахъ даннаго класса или отряда можно замѣтить правильность и единство основного направленія. Для объясненія этой правильности, а также и другихъ явленій развитія, Гааке предлагаетъ свою гипотезу строенія органической матеріи. Важнѣйшею частью животной клѣтки онъ считаетъ не ядро (какъ Вейсманъ и Негели), а протоплазму и ея центральный органъ — центрозому (особое тѣльце, лежащее обыкновенно вблизи ядра); ядро-же, по мнѣнію Гааке, есть лишь органъ обмѣна веществъ въ клѣткѣ. Протоплазма состоитъ изъ гипотетическихъ сложныхъ частицъ—геммарій, а каждая геммарія слагается изъ геммъ, геммы-же состоятъ изъ группъ молекулъ. Геммамъ Гааке приписываетъ форму ромбическихъ призмъ, которыя, слагаясь основными или боковыми плоскостями, могутъ образовать ромбическіе столбы. Каждая геммарія слагается изъ такихъ именно ромбическихъ столбовъ, при чемъ число и расположеніе этихъ столбовъ обусловливаетъ различный видъ геммарій—разную форму ихъ поперечнаго разрѣза. Эта-же разница въ строеніи геммарій обусловливаетъ и различную крѣпость ихъ строенія: у однихъ существъ геммы плотно связаны между собою, у другихъ—болѣе или менѣе рыхло. Во всякомъ случаѣ, всѣ геммы и геммаріи одного организма имѣютъ одинъ типъ строенія и этотъ типъ обусловливаетъ собою всѣ черты данной организаціи. Однако, вліяніе внѣшнихъ условій (въ томъ числѣ и упражненія или неупражненія органовъ) можетъ измѣнять строеніе геммарій (черезъ передвиженіе геммъ внутри ихъ) и всякое такое измѣненіе, въ какомъ-бы мѣстѣ тѣла оно ни произошло, передается геммаріямъ всего тѣла, всѣхъ клѣтокъ, въ томъ числѣ и половыхъ. Вслѣдствіе этого пріобрѣтенныя особенности не только могутъ, но обязательно должны передаваться по наслѣдству. Чѣмъ рыхлѣе связь геммъ въ геммаріяхъ, тѣмъ легче измѣняется ихъ строеніе, и наоборотъ. Слишкомъ рыхлое строеніе геммарій ведетъ къ неустойчивости всей организаціи, къ излишней уступчивости ея по отношенію къ внѣшнимъ вліяніямъ; поэтому плотность строенія геммарій составляетъ выгодное условіе въ борьбѣ за существованіе и между организмами, живущими въ извѣстной области, происходитъ подборъ этой плотности. Такимъ образомъ, въ противоположность теоріи Вейсмана, допускающей мозаичное разнообразіе зачатковъ, дающихъ начало разнымъ частямъ сложнаго организма, теорія геммарій допускаетъ монотонное строеніе основной органической матеріи по всему протяженію организма. Въ этомъ отношеніи она сходна съ теоріею идіоплазмы Негели и отличается отъ нея лишь тѣмъ, что Гааке принимаетъ для геммъ однообразную правильную геометрическую форму, тогда какъ Негели не требуетъ этого для своихъ мицеллъ. Въ толкованіи самыхъ процессовъ развитія, однако, Гааке сильно расходится съ Негели, придавая гораздо большее, чѣмъ послѣдній, значеніе дѣйствію внѣшнихъ условій.

Всѣ измѣненія въ направленіи развитія происходятъ, по Гааке, именно вслѣдствіе сдвиганія геммъ въ силу внѣшнихъ вліяній, тогда какъ Негели за главную причину этихъ измѣненій принимаетъ внутреннія преобразованія идіоплазмы вслѣдствіе ея питанія и роста, а внѣшнимъ вліяніямъ отводитъ лишь второстепенную роль. Въ то-же время Гааке въ несравненно большей степени, чѣмъ Негели, признаетъ значеніе естественнаго подбора, хотя и отрекается отъ «правовѣрнаго дарвинизма». Онъ различаетъ двѣ главныхъ категоріи подбора: конституціонный и дотаціонный подборъ. Первый состоитъ въ переживаніи тѣхъ особей, которыя имѣютъ болѣе сильную, болѣе прочную конституцію организма, чѣмъ прочія особи даннаго вида, напримѣръ, легче переносятъ измѣненія климата, болѣзни, голодъ и проч. Этотъ подборъ дѣйствуетъ какъ между индивидами одного вида, такъ и между разными видами; подборъ-же дотаціонный состоитъ въ переживаніи особей, одаренныхъ лучшимъ развитіемъ какого-либо одного органа или группы органовъ, напр. крыльевъ, зубовъ и т. д.; этотъ подборъ между индивидами одного вида не можетъ, по мнѣнію Гааке, имѣть никакого дѣйствія вслѣдствіе незначительности индивидуальныхъ различій, но между расами и видами онъ ведетъ къ возникновенію новыхъ видовъ. «Для того-же, чтобы возникъ расовый подборъ, нужно, чтобы расы возникли инымъ путемъ, чѣмъ путемъ дотаціоннаго подбора», т.-е. путемъ закрѣпленія наслѣдственныхъ варіацій помимо подбора. Эти варіаціи возникаютъ именно вслѣдствіе измѣненій въ строеніи геммарій подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій, — вслѣдствіе подбора плотности геммарій (Gefügezuchtwahl). Положеніе это Гааке старается подтвердить фактами зоогеографіи. Онъ указываетъ, напримѣръ, на то, что главнымъ центромъ происхожденія разныхъ видовъ животныхъ были большія скопленія суши въ сѣверномъ полушаріи: отсюда животныя распространились мало-по-малу къ югу. Возникающія на сѣверѣ расы могли широко распространяться во всѣ стороны, встрѣчая все новыя и новыя условія, при чемъ происходитъ оживленный расовый подборъ. Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ этотъ подборъ былъ слабѣе и тѣмъ рыхлѣе было строеніе геммарій. «Громадныя массы суши на сѣверѣ представляли гораздо большую возможность частныхъ перемѣнъ, чѣмъ меньшія пространства южной суши. Измѣненія въ строеніи земли каждый разъ оказывали свое дѣйствіе и на животныхъ: послѣднія получали на сѣверѣ все новые и новые толчки извнѣ, измѣнявшіе строеніе геммарій, дѣлая его то болѣе плотнымъ, то, пожалуй, иногда и болѣе рыхлымъ, чѣмъ у сѣверныхъ. Поэтому преобразованіе органовъ путемъ односторонней дѣятельности на югѣ могло произойти гораздо легче, чѣмъ на сѣверѣ. Могли возникнуть всѣ тѣ одностороннія черты устройства, тѣ точныя приспособленія къ опредѣленному образу жизни, которыя мы

такъ часто встрѣчаемъ у южныхъ животныхъ. Хватательный хвостъ плосконосыхъ обезьянъ, недоразвитой указательный палецъ лорисовъ, клювъ и длинный языкъ ехидны,—обязаны своимъ происхожденіемъ одностороннему приспособленію вслѣдствіе упражненія или неупражненія тѣхъ или другихъ органовъ и унаслѣдованія получившихся въ нихъ измѣненій, которое должно было наступить тѣмъ легче, что подборъ плотности геммарій на югѣ противодѣйствовалъ одностороннему приспособленію гораздо слабѣе, чѣмъ на сѣверѣ».

Чтобы закончить характеристику воззрѣній Гааке, остается еще упомянуть, что онъ въ значительной мѣрѣ принимаетъ ученіе Морица Вагнера о важности изолированія разновидностей для образованія новыхъ видовъ, а также является ожесточеннымъ противникомъ преформизма, воскрешеннаго Вейсманомъ. Nulla est praeformatio! таковъ девизъ, стоящій на заглавной страницѣ книги Гааке «Gestaltung und Vererbung». Отрицаніе прообразованія и принятіе принципа эпигенеза, разумѣется, обязательны для теоріи, которая, какъ теорія геммарій, принимаетъ однообразное строеніе основной органической матеріи по всему тѣлу.

Переходя къ оцѣнкѣ теоріи Гааке, слѣдуетъ сказать, что она впервые является детально разработанною, законченною теоріею въ духѣ Ламарка, и гораздо совершеннѣе, чѣмъ, напр., теорія Эймера. Гааке утверждаетъ, что его теорія геммарій объясняетъ рѣшительно все: и возникновеніе варіацій, и передачу пріобрѣтенныхъ особенностей, и зависимость образованія видовъ отъ географическаго распространенія животныхъ, и т. д. Такъ-ли это, однако?

Прежде всего, невольно бросается въ глаза произвольность предположенія опредѣленной ромбической формы геммъ. Почему именно геммы должны быть ромбическими призмами, а не трехгранными, не шестиугольными и проч.? Почему онѣ вообще должны имѣть опредѣленную геометрическую форму? А между тѣмъ, Гааке въ допущеніи этой геометрической формы видитъ важное преимущество своей теоріи передъ теоріею идіоплазмы Негели и говоритъ, что Негели, не дѣлая такого допущенія, «тѣмъ самымъ отказался отъ болѣе глубокаго познанія органическаго развитія». Повидимому, геометрическая форма геммъ и геммарій нужна ему для объясненія варіацій черезъ сдвиганіе геммъ при дѣйствіи внѣшнихъ вліяній. Но вѣдь и Негели, безъ допущенія этой геометрической правильности, считалъ все-таки возможною перестановку мицеллъ въ силу внѣшнихъ воздѣйствій, только считалъ это явленіемъ болѣе второстепеннымъ; принципіально-же въ этомъ отношеніи теорія геммарій и теорія идіоплазмы между собою не разнятся, а слѣдовательно, и нѣтъ необходимости придавать геммамъ опредѣленное геометрическое строеніе. Итакъ, гипотеза ромбической формы геммъ является вполнѣ фантастическою и не необходимою.

Что касается до того, будто-бы теорія геммарій легко и свободно объясняетъ всѣ черты органическаго развитія, то доказательства, приводимыя Гааке въ пользу этого положенія, оставляютъ желать весьма многаго. Допустимъ, что органическая матерія имѣетъ геммарное строеніе и что строеніе это можетъ измѣняться вслѣдствіе внѣшнихъ условій, вслѣдствіе упражненія органовъ и т. д.; но почему-же организмы, получившіе въ наслѣдство измѣненныя геммаріи, разовьютъ именно на соотвѣтственныхъ мѣстахъ какъ разъ тѣ индивидуальныя измѣненія, которыя у родичей ихъ повели къ перемѣнѣ строенія геммарій? Почему, если напр., отъ тренія образуется мозоль на пальцѣ, то у потомковъ даннаго организма должна развиться мозоль на томъ-же пальцѣ? Логической связи тутъ никакой не видно, хотя-бы мозоль и натиралась на пальцѣ втеченіе длинныхъ рядовъ поколѣній. Что внѣшнія условія могутъ иногда наслѣдственно измѣнять характеръ зародышевой плазмы, это признаетъ и Вейсманъ, напр. въ томъ случаѣ, если эти условія дѣйствуютъ не только на соматическія, но и на половыя клѣтки; но Вейсманъ утверждаетъ, что эти наслѣдственныя измѣненія по характеру своему могутъ вовсе не отвѣчать характеру внѣшняго. раздраженія: плазма измѣнится, а какими особенностями выразятся эти измѣненія въ строеніи унаслѣдовавшаго ихъ организма,—напередъ сказать нельзя. И теорія геммарій ничего въ этомъ отношеніи не прибавляетъ и не разъясняетъ.

Равнымъ образомъ не приводитъ Гааке и вообще достаточныхъ фактическихъ доказательствъ въ пользу наслѣдственной передачи пріобрѣтенныхъ особенностей. Въ его книгѣ «Gestaltung und Vererbung» есть особый параграфъ, посвященный доказательствамъ этой передачи. Что-же мы находимъ въ этомъ параграфѣ?.. «Эти факты многочисленны, какъ песокъ морской, говоритъ Гааке: вездѣ, гдѣ мы находимъ хоть маленькій самодѣятельный органъ, имѣющій черезъ свои активныя отправленія значеніе для организма,—мы имѣемъ дѣло съ пріобрѣтеніемъ, которое укрѣпилось наслѣдственностію въ родѣ генерацій, сохранилось и усовершенствовалось вслѣдствіе постояннаго упражненія... Только обладаніе пріобрѣтенными свойствами дѣлаетъ организмъ организмомъ... И такъ тѣ, которые думаютъ, что надо искать доказательствъ наслѣдственности пріобрѣтенныхъ свойствъ, навѣрное находятся въ заблужденіи... Я отлично знаю, что многіе естествоиспытатели спросятъ, гдѣ-же у меня «экспериментальное» доказательство этого «утвержденія». Я отвѣчу имъ, что весь органическій міръ есть результатъ громаднаго опыта съ наслѣдственностью, поставленнаго природою. Требовать отъ природы, чтобы она свои опыты подбора устраивала такъ, чтобы ихъ легко было снова продѣлать вѣчно сомнѣвающимся кабинетнымъ ученымъ,—это, по моему, выходитъ за границы разумныхъ требованій». Далѣе, обсуждая опыты Вейсмана надъ искусственнымъ произведеніемъ

уродствъ у мышей, произведенные съ цѣлью выяснить, не передадутся-ли эти уродства, постоянно возобновляемыя въ рядѣ поколѣній, по наслѣдству и давшіе отрицательный результатъ, Гааке отвергаетъ всякое значеніе этихъ опытовъ и говоритъ: «На что природа потратила, вѣроятно, милліоны лѣтъ, то самое надѣются въ Зоологическомъ Институтѣ Фрейбурга сдѣлать втеченіе директорства одного профессора - преформиста, и когда это не удаётся, то попросту отрицаютъ передачи по наслѣдству пріобрѣтенныхъ свойствъ!» Все это прекрасно и очень можетъ быть, что указанные опыты Вейсмана не имѣютъ большого значенія,—однако Гааке все таки довольствуется общими разсужденіями и не приводитъ фактовъ наслѣдственной передачи уродствъ или другихъ индивидуально пріобрѣтенныхъ особенностей, исключая развѣ одинъ фактъ, на которомъ онъ и останавливается съ особеннымъ торжествомъ. Этотъ фактъ относится къ одной изъ наиболѣе обыкновенныхъ нашихъ птицъ—къ грачу. Какъ извѣстно, у грача основаніе клюва и прилегающая часть лица—голыя, тогда какъ у другихъ птицъ они покрыты перьями или щетинками. Это объясняется тѣмъ, что грачъ роется, добывая пищу, клювомъ глубоко въ землѣ, причемъ стираетъ себѣ перья вокругъ основанія клюва. И вотъ оказывается, что у молодыхъ грачей, пока они въ гнѣздѣ, есть у основанія клюва обычный покровъ изъ перьевъ и щетинокъ, и исчезаетъ только тогда, когда грачи начинаютъ вылетать и рыться въ землѣ. Вейсманъ приводитъ этотъ фактъ въ пользу своей теоріи о ненаслѣдованіи механическихъ поврежденій: каждый разъ перья выростаютъ у птенца, не смотря на то, что они стирались и выпадали въ длинномъ рядѣ поколѣній. Гааке же указываетъ на то, что перья не стираются, а сами выпадаютъ въ извѣстномъ возрастѣ, т. е. слѣдовательно, что способность ихъ къ легкому выпаденію прирождена, а именно передана по наслѣдству. «Если воспитывать молодыхъ грачей въ клѣткѣ, не давая имъ случая рыть землю или оббивать перья у основанія клюва, то перья все-таки въ извѣстномъ возрастѣ выпадутъ сами и не выростутъ вновь». Гааке считаетъ этотъ фактъ разительнымъ, неопровержимымъ доказательствомъ унаслѣдованія повторныхъ механическихъ поврежденій. Однако-же сторонники Вейсмана съ полнымъ основаніемъ могли-бы возразить: этотъ фактъ доказываетъ только то, что у прародителей грача перья стали выпадать въ извѣстномъ возрастѣ у основанія клюва не отъ механическаго вытиранія, а отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ, причемъ вслѣдствіе образа жизни птицъ, особенность эта культивировалась и закрѣпилась естественнымъ подборомъ. Рѣшающаго значенія, слѣдовательно, и этотъ фактъ не имѣетъ, если-бы и можно было придавать рѣшающее значеніе одному единственному факту, такъ какъ другихъ аналогичныхъ Гааке не приводитъ.

Одну изъ важныхъ заслугъ своего ученія о геммаріяхъ Гааке видитъ въ объясненіи этою теоріею фактовъ географическаго распространенія животныхъ. Правда, въ книгѣ его «Die Schöpfung der Thierwelt» факты эти изложены превосходно и популярная зоогеографія составляетъ лучшую часть этой книги,—но лишь вообще, а не по отношенію къ теоріи геммарій. Изъ приведенныхъ выше выписокъ читатель самъ можетъ видѣть, какъ туманно и произвольно вообще приложеніе теоріи геммарій къ зоогеографическимъ вопросамъ; въ частностяхъ-же изложеніе Гааке производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто строеніе геммарій то уплотняется, то разрыхляется по желанію автора.

Произвольнаго въ теоріи геммарій, конечно, не меньше, чѣмъ въ теоріяхъ Негели и Вейсмана. Кромѣ того, надо замѣтить, что въ ученіи Гааке собственно оригинальнаго весьма немного: это теорія по преимуществу эклектическая. Часть въ ней заимствована изъ теоріи Негели (ученіе о геммахъ), другая часть—изъ теоріи Дарвина (широкое примѣненіе принципа подбора), третья—изъ Ламарка (защита принципа упражненія или неупражненія органовъ), четвертая—изъ Морица Вагнера (принципъ значенія изоляціи для образованія новыхъ видовъ),—и только геометрическая форма геммарій составляетъ собственное изобрѣтеніе Гааке,—изобрѣтеніе, какъ мы видѣли, едва-ли удачное. Что-же касается до логической связи между разными тезисами и выводами теоріи геммарій, то послѣдняя далеко уступаетъ въ этомъ отношеніи геніально разработаннымъ теоріямъ идіоплазмы и зародышевой плазмы и является въ сравненіи съ ними чѣмъ-то тяжелымъ и нескладнымъ. Не удивительно, поэтому, что теорія Гааке имѣла мало успѣха и едва-ли будетъ его имѣть. Между тѣмъ, въ предисловіи къ своей книгѣ «Gestaltung und Vererbung» Гааке выражается очень самоувѣренно и побѣдоносно и даже какъ-бы оправдывается передъ читателемъ, что черезчуръ «безжалостно» обошелся съ Вейсманомъ. Съ другой стороны, теорія Вейсмана обязана своимъ громаднымъ успѣхомъ, безъ сомнѣнія, именно тому, что она является усовершенствованною теоріею естественнаго подбора. Введеніемъ въ науку этого простого, всѣмъ понятнаго и въ высшей степени плодотворнаго принципа Дарвинъ сдѣлалъ великое дѣло и прежде всего обезпечилъ прочное торжество идеи эволюціи, идеи измѣняемости видовъ. Въ настоящее время всѣ мыслящіе натуралисты, будутъ-ли они сторонниками Дарвина, Негели, Вейсмана или Ламарка, будутъ-ли воздерживаться отъ присоединенія къ опредѣленной партіи,—являются эволюціонистами и почти никто не защищаетъ ученія о постоянствѣ видовъ. До Дарвина-же,—какъ мы видѣли, теорія эволюціи находилась въ самомъ загнанномъ, казалось, безнадежномъ положеніи. Простота и ясность идеи естественнаго подбора является лучшимъ оружіемъ и для Вейсмана, продолжателя теоріи Дарвина. Но и у ламаркистовъ, противниковъ «право-

вѣрнаго дарвинизма», есть доля истины въ ихъ теоріяхъ; эта доля истины сближаетъ ихъ ученіе съ ученіемъ геніальнаго Негели и состоитъ въ признаніи правильности и общей прогрессивности органическаго развитія, въ признаніи опредѣленныхъ направленій, по которымъ происходятъ варіаціи, ведущія къ образованію новыхъ видовъ. Объяснить эту правильность, эти опредѣленныя направленія до сихъ поръ, къ сожалѣнію, рѣшительно не удается; попытки Эймера и Гааке—дѣтскій лепетъ въ сравненіи съ сложностью и грандіозностью предстоящей здѣсь задачи. Остается надѣяться, что задача эта приблизится къ своему разрѣшенію, когда зоологи откажутся отъ исключительно морфологической точки зрѣнія, какая преобладаетъ, напр., и у Вейсмана и станутъ посвящать болѣе вниманія экспериментально-физіологическому изученію органическаго развитія, какъ индивидуальнаго, такъ и племенного. Первые шаги въ этомъ направленіи уже сдѣланы и труды Ру, Дрейера, Дриша, Леба, Гербста обогатили уже науку цѣнными данными. Дришъ даже опубликовалъ свою «аналитическую» теорію органическаго развитія, но обсужденіе этой теоріи не входитъ уже въ рамки настоящаго очерка, гдѣ имѣлось въ виду только дать общую характеристику стараго и новаго ламаркизма и выяснить, что́ въ этомъ ученіи законно и жизненно и чѣмъ оправдывается его усиленное возобновленіе въ новѣйшее время.

Н. Холодковскій.

Забвенье и Молчанье.

(Надпись къ барельефу).

I.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ущеліе ведетъ
Въ страну тѣней, вблизи отъ черной Леты.
Открытый съ двухъ сторонъ есть дальный гротъ.

Лучемъ дневнымъ ни разу не согрѣтый,
Онъ также чуждъ отрадной темноты.
Сѣдыя стѣны травами одѣты,

Повисшими, какъ мертвые персты.
На гладь озеръ зеленыхъ дождь усталый
За каплей капля льется съ высоты,

Лѣнивѣе чѣмъ съ вѣтки листъ завялый
Въ осенній вечеръ падаетъ, крутясь.
Въ нихъ мутное стекло глядятся скалы.

И дождь, со сводовъ голыхъ опустясь,
Не пробуждаетъ звука, ни движенья,
Ни круговъ на водѣ. Не возмутясь,

Въ водѣ уснувшей дремлютъ отраженья.
Такъ мозгъ, отъ праздной утомясь игры,
Всю ночь лелѣетъ смутныя видѣнья.

Отъ входа близко, гдѣ навѣсъ горы
Похожъ на кровъ, живутъ царицы грота,
Забвенье и Молчанье, двѣ сестры.

Одна, въ морщинахъ старческихъ безъ счета,
Сидитъ на грудѣ блеклыхъ травъ и мховъ,
Раскрывъ глаза, гдѣ вѣчная дремота

Сковала взоры выцвѣтшихъ зрачковъ,
Шепча слова невнятныя, какъ сага
Въ устахъ дѣтей про жизнь былыхъ вѣковъ.

Другая, дерзновеннѣй, чѣмъ отвага,
Грустнѣй, чѣмъ вздохъ, безмолвная лежитъ,
Какъ статуя на стражѣ саркофага.

Съ угрюмымъ кормчимъ переплывъ Коцитъ,
Пройти должны чрезъ этотъ гротъ всѣ тѣни.
И каждая, входя, назадъ глядитъ

На берегъ жизни, видный въ отдаленьи,
Ловя послѣдній лучъ на высяхъ горъ,
Твердя слова послѣднихъ сожалѣній.

Но, въ гротъ вступивъ и увидавъ сестеръ,
Стихаютъ всѣ. И, отъ забвенья пьяны,
Плывутъ колеблясь, дальше, на просторъ,

Въ безбрежный міръ, на тихія поляны,
Гдѣ вѣчное движенье и покой,
Гдѣ тьмы тѣней кочуютъ, какъ туманы

Въ безвѣтріи надъ блѣдною рѣкой,
Предъ тѣмъ какъ брызнулъ первый лучъ денницы.
Туда онѣ плывутъ за роемъ рой,

Минуя дальній гротъ, гдѣ спятъ царицы.

II.

Но вотъ въ обитель призраковъ нѣмыхъ
Доходитъ стонъ: забвенья! о, забвенья!—
Призывъ далекій съ берега живыхъ.

То люди вопіютъ. То возмущенья,
Усталости и боли слитный крикъ,
То вопль рабовъ, стряхнувшихъ гнетъ смиренья.

—Приди, забвенье!—И, привставъ на мигъ,
Царица сна чуть внятно произноситъ:
—Сестра, ты слышишь? Голосъ къ намъ достигъ.

Меня зовутъ. Тотъ міръ забвенья проситъ.
Но не могу покинуть міръ тѣней.
Мой взоръ погасшій имъ покой приноситъ.

Уйди лишь я, и ужасъ прежнихъ дней
На нихъ дохнетъ грозой воспоминаній.
Узнаетъ врагъ врага и мать дѣтей,

И берегъ смерти дрогнетъ отъ стенаній.
Но ты ступай къ живымъ, уйми ихъ стонъ,
Хотя унять не сможешь ихъ страданій.—

И блѣдное Молчанье, кинувъ тронъ,
Летитъ на берегъ, солнцемъ освѣщенный,
Гдѣ сѣетъ чары, легкія какъ сонъ,

И, опуская перстъ завороженный
Въ болящія сердца, рождаетъ въ нихъ
Спокойствія и силы ключъ бездонный.

О, гордое Молчанье! Душъ больныхъ
Убѣжище послѣднее! Твердыня,
Гдѣ, неприступный для клеветъ людскихъ,

Скорбитъ пророкъ осмѣянный! Пустыня,
Куда любовь, измѣной сражена,
Бѣжитъ на встрѣчу смерти! Дай, богиня,

Пріютъ моей печали! Пусть она,
Спокойно, безъ молитвъ и безъ проклятій,
Глядитъ въ глаза судьбѣ, тобой сильна,

И, съ тайны міра не сорвавъ печати,
Безстрастно ждетъ великаго конца,
Среди исчезновеній и зачатій,

Съ улыбкой глядя на игру творца.

Н. Минскій.

На Западѣ.

Культурное значенiе европейской дипломатiи всякому извѣстно. Испытали его на себѣ и тѣ народы, которые не имѣютъ чести принадлежать къ категорiи «великихъ». Однимъ изъ нихъ гарантированы опредѣленныя границы и установлены извѣстныя условiя для мирнаго и самостоятельнаго развитiя. Другiе и къ такому мирному самостоятельному развитiю признаны неспособными, но все-таки не брошены на произволъ судьбы, а заботливо распредѣлены или приписаны, гдѣ кому быть надлежитъ. Дѣла облекались въ форму трактатовъ и оформливались для нуждъ исторiи и на утѣшенiе «малыхъ сихъ» въ болѣе или менѣе хитроумныя выраженiя, съ непремѣнной ссылкой на волю Европы.

Дипломатiя и теперь иногда посматриваетъ на «малыхъ сихъ» съ надеждой и упованiемъ. Съ такимъ именно упованiемъ и надеждой посматриваютъ теперь на Скандинавскiй полуостровъ. Тамъ тоже есть народъ «приписанный» и теперь онъ больше таковымъ быть не желаетъ, хотя нѣкогда Европа того пожелала. Шведско-норвежскiй конфликтъ въ текущемъ году обострился до крайности. Король шведскiй лично ѣздилъ въ Христiанiю съ цѣлью потолковать и сговориться съ приписанными норвежцами, но эта поѣздка привела къ обратнымъ результатамъ. Въ виду скуки, вызываемой отсутствiемъ «карьерныхъ дѣлъ», съ особымъ нетерпѣнiемъ въ разныхъ европейскихъ канцелярiяхъ поджидали «17-е мая». Ожидали, что въ этотъ день нацiональнаго праздника Норвегiя открыто броситъ вызовъ Европѣ, заявивъ, что она не желаетъ быть «приписанной». Въ самой Швецiи, по сообщенiю «Frankfurter Zeitung», генеральный штабъ сталъ подготовлять планъ окупацiи приписанной Норвегiи. Однако, надежды не оправдались и ускользнуло «карьерное дѣло». «17-ое мая» было отпраздновано спокойно, хотя и съ особой торжественностью какъ въ Христiанiи, такъ и въ другихъ городахъ Норвегiи. Почти всюду партiи, оставивъ свои споры и распри,

сообща устраивали собранія и процессіи. Дѣти и взрослые двигались по улицамъ въ праздничныхъ костюмахъ съ музыкой и флагами, распѣвая національную пѣснь Бьернсона. Явно демонстративный характеръ носило лишь торжественное возложеніе вѣнка на памятникъ полковника Кребса. Кребсъ отличился въ той краткосрочной войнѣ 1814 г., которую вела Швеція противъ Норвегіи, желая ее приписать къ себѣ, какъ того желала и вся Европа. На лентахъ вѣнка красовались заключительныя слова національной пѣсни Бьернсона, въ которыхъ говорится, что Норвегія, въ случаѣ крайности, готова съ оружіемъ въ рукахъ постоять за свои права.

Норвежцы все-таки разсчитываютъ на благоразуміе шведовъ. Они думаютъ, что движеніе противъ уніи съ Швеціей, руководимое Стеномъ. Лундомъ, Ульманомъ. Ибсеномъ и Бьернсономъ, утратитъ въ глазахъ шведовъ характеръ какого-то бунта и возстанія. «Народы—братья» должны жить дружно и не должны жить одинъ на счетъ другого и во вредъ другому, что мыслимо лишь тогда, когда менѣе сильный братъ будетъ вполнѣ самостоятельно жить рядомъ съ болѣе сильнымъ. Правда, за Швеціей стоитъ еще Европа, которая того пожелала, но если «народы — братья» по-братски урегулируютъ свои отношенія, то норвежцы полагаютъ. что Европа не вмѣшается въ ихъ семейныя дѣла. И если европейская печать ничего тутъ преступнаго не находитъ и не вызываетъ Европу къ репрессивнымъ планамъ противъ «Норвегіи», то въ отечественной литературѣ сказался свой духъ. Проф. Берендтсъ (по крайней мѣрѣ, говорятъ. что онъ профессоръ) категорически требуетъ, чтобы Норвегія была вызвана на судъ Европы, права и желанія которой она нарушаетъ *). Г. Берендтсъ вполнѣ подходящимъ для профессора способомъ описываетъ преступленіе Норвегіи. Это преступленіе заключается въ слѣдующемъ: «обѣ партіи въ норвежскомъ стортингѣ, какъ лѣвая (радикальная), такъ и правая (умѣренная) полагаютъ, что вопросъ о томъ, какъ толковать актъ объ уніи 1814—1815 гг., слѣдуетъ-ли измѣнить и какъ измѣнить политическій строй Скандинавскаго полуострова, можетъ и долженъ быть рѣшенъ *исключительно норвежцами*, даже согласіе Швеціи не безусловно необходимо, а что касается другихъ державъ, съ согласія которыхъ Швеція заставила Данію отказаться отъ своихъ норвежскихъ владѣній, то онѣ должны остаться совершенно въ сторонѣ при упорядоченіи этихъ чисто домашнихъ дѣлъ Норвегіи... Стортингъ признаетъ за собою право рѣшеніемъ большинства голосовъ въ своей средѣ заставить Европу признать отдѣльное норвежское правительство, министерство, посланниковъ, консуловъ, да, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, по усмотрѣнію норвежцевъ—самостоятельную норвежскую республику съ Ибсеномъ или Бьернсономъ во главѣ, въ качествѣ президента!»

*) Э. Берендтсъ. О шведско-норвежской уніи. Ярославль, 1895 г.

Вотъ до чего доходятъ поползновенія и дерзкія мечты норвежцевъ. Пора Европѣ успокоить норвежцевъ и поставить имъ на видъ, что ихъ воззрѣнія на унію съ Швеціей не имѣютъ «сторонниковъ внѣ границъ Норвегіи». Европа должна внушить Норвегіи, что «вопросъ о политической организаціи Скандинавскаго полуострова тѣсно соприкасается не только съ интересами Швеціи; это вопросъ обще-европейскій... Одинъ взглядъ на карту Европы доказываетъ это яснѣе всѣхъ историческихъ и политическихъ доводовъ и едва-ли норвежцы могутъ считать вмѣшательствомъ въ ихъ домашнія дѣла, если не норвежцы поставятъ вопросъ: какое основаніе и какое право имѣетъ Норвегія измѣнять произвольно характеръ уніи или по своему усмотрѣнію расторгнуть унію, установленную въ 1814 г. съ согласія Европы?»

Норвежцы, конечно, на этотъ вопросъ имѣютъ готовый отвѣтъ, но, какъ мы видѣли, ихъ воззрѣнія вызываютъ у г. Берендтса одну презрительную насмѣшку. Однако Европа не должна относиться съ такимъ-же пренебреженіемъ къ проискамъ норвежцевъ, вызывающихъ смуту и замѣшательство. «Предупредить политическія замѣшательства на сѣверѣ возможно только въ томъ случаѣ, если всѣ державы, гарантировавшія Швеціи въ 1814 г. пріобрѣтеніе Норвегіи, заявятъ, что кильскій трактатъ 1814 г. (установившій пріобрѣтеніе) остается основой политическаго устройства Скандинавіи». Допустимъ, что такой приговоръ Европы вполнѣ удовлетворялъ-бы интересамъ справедливости, но г. Берендтсъ заботливо насъ предупреждаетъ, заявляя, что Европѣ вообще мало доступны интересы справедливости. «Если антагонизмъ шведско-норвежскій, говоритъ онъ, доведетъ до открытой войны, то Швеціи не трудно будетъ побѣдить плохо обученную, плохо вооруженную, немногочисленную армію Норвегіи,—если Норвегія не найдетъ защитниковъ и союзниковъ. Но именно въ этомъ и заключается европейское значеніе вопроса объ уніи! Будетъ-ли локализирована борьба шведовъ съ норвежцами? Уже въ 1814 году Норвегія обращалась съ просьбой о помощи къ Англіи, да и не разъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ радикалы въ Норвегіи заявляли во всеуслышаніе, что они предпочтутъ протекторатъ Англіи—гегемоніи Швеціи. Что въ случаѣ вмѣшательства Англіи въ споръ шведско-норвежскій, Россія не можетъ оставаться безучастной зрительницей—это ясно!» *).

Вотъ какъ могутъ разыграться чувства Европы, если она вмѣшается въ шведско-норвежскій конфликтъ, желая усмирить Норвегію. О справедливости не можетъ быть и рѣчи, такъ-какъ, по мнѣнію г-на Берендтса, любое государство будетъ отстаивать свои пріобрѣтательные планы, не думая объ интересахъ Норвегіи. Представимъ себѣ, однако, что г. Берендтсъ клевещетъ на Европу, и что она, вмѣшавшись въ

*) Ibid. 2, 3 и 80 с.

шведско-норвежскія дѣла, будетъ стоять только за ненарушимость приписки Норвегіи къ Швеціи, согласно кильскому трактату 1814 г. Въ такомъ случаѣ все-таки пришлось-бы доказывать, что кильскій трактатъ есть нормальный актъ, удовлетворяющій тѣмъ требованіямъ, которыя можно и должно предъявить къ культурной Европѣ. На самомъ-же дѣлѣ съ этой точки зрѣнія кильскій трактатъ и его исторія вызываютъ не мало возраженій.

Въ теченіе своей длинной исторіи датчане, шведы и норвежцы перепробовали самыя разнообразныя комбинаціи для своихъ политическихъ отношеній другъ къ другу. Данія, Швеція и Норвегія выступали въ роли отдѣльныхъ самостоятельныхъ государствъ съ своими особыми королями, сливались всѣ трое въ унію съ однимъ королемъ, но чаще всего Швеція и Данія являлись обособленными государствами, а Норвегія примыкала къ кому-нибудь на началахъ уніи. Съ 1523 г. до начала текущаго столѣтія Норвегія состояла въ уніи съ Даніей на правахъ королевства, и не дожила до чести стать датской провинціей. Этотъ фактъ имѣетъ свое значеніе для того или иного взгляда на кильскій трактатъ 1814 г. Сторонники того положенія дѣлъ, которое было создано этимъ трактатомъ, сами обнаруживаютъ чрезвычайную бѣдность имѣющихся въ ихъ распоряженіи доказательствъ въ пользу той, будто бы, безспорной истины, что Норвегія состояла датской провинціей. Что Норвегія называлась королевствомъ, что датскій король носилъ титулъ короля Даніи и Норвегіи—все это пустыя названія, а «въ качествѣ доказательства того, что Норвегія вовсе не считалась самостоятельнымъ государствомъ, можно привести слѣдующее: королевское распоряженіе 3 августа 1763 года упразднило самостоятельность корпуса норвежской артиллеріи и слило норвежскую артиллерію съ датскою. Та-же самая участь нѣсколько лѣтъ спустя постигла норвежскій инженерный корпусъ и наконецъ норвежскій флотъ». Намъ, конечно, нѣтъ надобности указывать, что такіе «научные» доводы имѣютъ громадное значеніе въ глазахъ профессора (?) Берендтса. Такими доводами онъ могъ бы съ равнымъ успѣхомъ доказать, что Венгрія есть провинція Австріи. Но допустимъ, что и на самомъ дѣлѣ если не юридически, то фактически Норвегія въ своихъ отношеніяхъ къ Даніи вначалѣ текущаго столѣтія сохранила одно голое названіе королевства. Это, однако, нисколько не измѣняетъ характера тѣхъ трактатовъ, въ которыхъ Европа распоряжаласъ судьбою Норвегіи. Была-ли Норвегія королевствомъ фактически и юридически или только юридически, но Европа въ началѣ текущаго столѣтія рѣшила оторгнуть ее отъ Даніи и подарить Швеціи въ уплату за ея услуги въ войнахъ противъ Наполеона.

Россія предложила Швеціи примкнуть къ коалиціи державъ противъ Наполеона и обѣщала ей за это Норвегію. О такой оплатѣ услугъ Швеціи

Россія заключила съ нею въ короткій срокъ цѣлыхъ четыре трактата. Въ послѣднемъ изъ этихъ трактатовъ 30—18 августа 1812 г. Россія обязывалась побудить Англію къ выраженію своего формальнаго согласія на такую оплату услугъ Швеціи и въ то же самое время обѣщала съ оружіемъ въ рукахъ содѣйствовать пріобрѣтенію Норвегіи Швеціей. Когда Наполеонъ снова появился въ предѣлахъ Европы, то Англія и Пруссія также дали торжественное обѣщаніе въ особыхъ трактатахъ не противодѣйствовать и даже содѣйствовать тому, чтобы участіе Швеціи въ коалиціи противъ Наполеона было оплачено присоединеніемъ къ ней Норвегіи. Фактъ этотъ не требуетъ никакихъ поясненій. Но достойно вниманія и то обстоятельство, что во всѣхъ трактатахъ было рѣшено, отторгнувъ Норвегію отъ Даніи, присоединить ее къ Швеціи вовсе не на правахъ королевства. Въ этихъ трактатахъ на разныя манеры повторяется одно и то-же положеніе, что «ce royaume (Норвегія) soit annexé et réuni à perpetuité comme partie intégrante au royaume de Suède».

Съ Наполеономъ дѣла были покончены. Настало моментъ оплаты услугъ Швеціи. Данія, конечно, не соглашалась съ планами Европы. Шведскія, русскія и германскія войска вступили въ Данію. Кратковременная война закончилась кильскимъ трактатомъ 14 января 1814 г., по которому Данія вынуждена была согласиться на передачу Норвегіи въ собственность Швеціи. Норвежцы не согласились съ тѣмъ, будто бы король Даніи имѣлъ право ихъ передать кому-либо въ собственность. Они выбрали себѣ въ короли бывшаго датскаго намѣстника въ Норвегіи, принца Христіана-Фредрика и 16 мая 1814 года окончательно выработали въ Эйдсвольдѣ конституцію. Такимъ образомъ, норвежцы приготовились, было, жить особо со своимъ особымъ королемъ, но 21 іюля въ предѣлахъ Норвегіи появились шведскія войска. Война Норвегіи со Швеціей за независимость не могла быть продолжительной, такъ какъ силы противниковъ, конечно, были далеко не равны. Норвегія принуждена была подчиниться волѣ державъ, во имя которыхъ Швеція наводнила ее своими войсками. 14 августа была заключена извѣстная мосская конвенція, по которой Норвегія обязалась состоять въ уніи со Швеціей.

Такимъ образомъ, въ историческомъ развитіи шведско-норвежскихъ отношеній мосская конвенція есть послѣдній результатъ всѣхъ тѣхъ трактатовъ, въ которыхъ Европа признавала за собою право уплатить Норвегіей свои долги Швеціи. Во всѣ детальныя подробности этой конвенціи Европа не считала нужнымъ вмѣшиваться. Швеція и Норвегія, по взаимному соглашенію, существенно измѣнили платежные планы Европы. По мосской конвенціи Норвегія вступила въ унію съ Швеціей, какъ самостоятельное и равноправное государство, а не присоединялась къ ней, какъ partie integrante au royaume de Suède въ полную собственность послѣдней.

Эйдсвольдская конституція сохраняла свою силу, за исключеніемъ тѣхъ пунктовъ, которые являлись отрицаніемъ уже состоявшагося факта, т. е. установленія уніи между Швеціей и Норвегіей. Къ числу такихъ пунктовъ относились, напр., тѣ, въ которыхъ говорилось о самостоятельномъ особомъ норвежскомъ королѣ, о престолонаслѣдованіи и т. д., такъ какъ уже въ силу самой уніи король шведскій являлся и королемъ норвежскимъ и условія наслѣдованія на шведскомъ престолѣ являлись одновременно и условіями наслѣдованія на норвежскомъ престолѣ. Во всѣхъ же существенныхъ частяхъ, въ опредѣленіи правъ короля и народа, эйдсвольдская конституція оставалась нетронутой и послѣ всѣхъ исправленій и дополненій, вызванныхъ уніей, была переименована въ *основной законъ Норвегіи* 4 ноября 1814 г., подъ какимъ названіемъ и извѣстна въ данное время.

Простой эгоистическій разсчетъ заставилъ Швецію согласиться на такія условія. Уже въ тронной рѣчи 12 апрѣля 1815 г. было довольно ясно сказано, что Швеція согласилась на признаніе Норвегіи равноправнымъ съ нею королевствомъ, управляемымъ на началахъ эйдсвольдской конституціи, въ виду того, что она не имѣла никакой надежды на инкорпорированіе Норвегіи въ роли простой провинціи, какъ того желала Европа. Попытка къ инкорпорированію закончилась-бы тѣмъ, что вмѣсто новой провинціи («partie intégrante») Швеція имѣла-бы по всей западной границѣ безпокойнаго и вѣчно бунтующаго сосѣда, который-бы ей самой жизнь отравилъ. Не признай Швеція равноправности Норвегіи, война на скандинавскомъ полуостровѣ не прекращалась-бы до тѣхъ поръ, пока оставался-бы живъ хотя одинъ норвежецъ. Очевидно, для Швеціи не оставалось никакого другого исхода, какъ признать, что унія будетъ установлена на началахъ равноправности и что всѣ основныя начала эйдсвольдской конституціи сохраняютъ свою силу. Иныхъ условій не могли-бы навязать Норвегіи и всѣ войска Европы до тѣхъ поръ, пока оставалась-бы на скандинавскомъ полуостровѣ страна, населенная норвежцами. Словомъ, условія мосской конвенціи, какъ-бы далеко Европа ни заходила въ своихъ пожеланіяхъ и въ своемъ вмѣшательствѣ въ жизнь ни въ чемъ неповинной Норвегіи, являлись единственными, на основаніи которыхъ Европа могла фактически вознаградить Швецію присоединеніемъ къ ней Норвегіи. И равноправность Норвегіи и сохраненіе основныхъ началъ эйдсвольдской конституціи не являлись ни уступкой, ни снисхожденіемъ Норвегіи, а именно физически необходимымъ минимумомъ тѣхъ условій, при которыхъ фактически могла Европа уплатить свои долги Швеціи передачей ей *Норвегіи*, а не пустынной территоріи, населеніе которой погибло въ борьбѣ за свои человѣческія права. Однако, и Швеція и Европа должны были знать, что присоединеніе одного народа къ другому насильно, съ соблюденіемъ

минимума тѣхъ физически необходимыхъ условій, при которыхъ имѣло-бы мѣсто присоединеніе, а не истребленіе присоединяемыхъ, не могло служить основаніемъ для мирнаго и самостоятельнаго развитія Норвегіи. Но если-бы по мосской конвенціи были установлены даже самыя широкія привилегіи въ пользу присоединяемой Норвегіи, то кто можетъ изгладить изъ памяти норвежцевъ то позорное униженіе, которому повергла ее Европа безъ всякой вины съ ихъ стороны? Норвегія не вмѣшивалась во взаимные счеты и споры Европы, жила себѣ смирно и тихо, и вдругъ ей въ одинъ прекрасный день объявляютъ, что Европа рѣшила ею уплатить свои долги Швеціи! Европа и дѣйствительно настояла на своемъ рѣшеніи, но все-таки то былъ 1814 годъ, а теперь 1895 годъ. Европа 1895 года, вспомнивъ о своемъ поступкѣ въ 1814 г., не можетъ согласиться съ тѣмъ, чтобы Швеція со своими войсками шла противъ освободительнаго движенія въ Норвегіи. Она можетъ и должна исправить свою ошибку однимъ простымъ признаніемъ того факта, что 80-тилѣтній опытъ показалъ, что Швеція и Норвегія въ уніи жить не могутъ дружно и мирно и что для блага той и другой стороны необходимо расторженіе этой уніи, требуемое Норвегіей.

Самъ г. Берендтсъ, призывающій Европу вмѣшаться въ дѣла Скандинавскаго полуострова и требующій, чтобы она усмиряла Норвегію, вопреки собственному желанію, долженъ былъ признать тотъ фактъ, что это «усмиреніе» было-бы несправедливо. «Различіе въ естественныхъ условіяхъ жизни обусловливаетъ собою и различіе въ развитіи національнаго характера. Кромѣ того, существуетъ еще одинъ факторъ разъединенія: неравномѣрное распредѣленіе силы матеріальной, а вслѣдствіе этого и силы политической. Швеція съ 4.800,000 жителей въ $2^3/_4$ раза сильнѣе Норвегіи съ ея 2.000,000 жителей. Такое соединеніе сильнаго съ слабымъ возбуждаетъ въ послѣднемъ опасеніе за свою самостоятельность, приводящее къ раздражительности даже въ мелочахъ и разрушающее довѣріе, нравственную основу всякаго союза. Что же касается дисгармоніи въ соціально-политическихъ и экономическихъ интересахъ, то въ 1814 г. она едва чувствовалась и сознавалась. Она развивалась въ 19 столѣтіи, когда въ Норвегіи пала окончательно родовая аристократія, сохранившая свое вліяніе отчасти въ Швеціи, въ теченіе первой половины столѣтія, когда въ Норвегіи развивалась и торговля и промышленность и появилась вліятельная денежная аристократія, а въ Швеціи началось быстрое развитіе сельскаго хозяйства и добывающей промышленности, приведшее къ образованію и господству партіи аграріевъ. Но всѣ эти факторы не сознавались политиками начала нашего столѣтія. Они видѣли только тѣ условія, которыя благопріятствовали ихъ планамъ» *).

---

*) Ibid., 30—33 с.

Но что же побуждаетъ самого г. Берендтса записаться въ ряды этихъ близорукихъ политиковъ начала нашего столѣтія, которыхъ онъ такъ критикуетъ? Тѣ настаивали на присоединеніи Норвегіи къ Швеціи потому, что видѣли только условія, которыя благопріятствовали ихъ планамъ, а «всѣ эти факторы разъединенія не сознавались ими». Г. Берендтсъ прекрасно сознаетъ эти факторы разъединенія и нисколько не сомнѣвается въ ихъ полнѣйшемъ преобладаніи надъ факторами объединенія. Мало того, онъ прямо заявляетъ, что при наличности указанныхъ имъ факторовъ разъединенія «*прочное соединеніе двухъ народовъ въ одно политическое цѣлое невозможно насильственнымъ механическимъ путемъ*». Безспорно, сама политическая мудрость говоритъ устами г. Берендтса, но г. Берендтсъ, выяснившіи причины вражды и указавшіи на непреодолимые факторы разъединенія, самъ себѣ не вѣритъ и снова спрашиваетъ: «Откуда эта вражда? какъ она развилась и достигла такихъ размѣровъ, что теперь, въ 1894 г., надежда на побѣду умѣренной партіи въ борьбѣ около избирательной урны не оправдалась? Чѣмъ оправдываетъ лѣвая и ея литературные борцы свои претензіи на полное обособленіе норвержской политики и превращеніе реальной уніи въ унію личную или даже разрывъ уніи?» И опять онъ на эти вопросы даетъ (на 62—63 ст.) тѣ же отвѣты, которые были приведены выше и которые именно формулированы «лѣвой». Такимъ образомъ, г. Берендтсъ своей солидарностью съ «лѣвой» далъ свою высокую санкцію требованіямъ «лѣвой». Онъ даже соглашается съ лѣвой и въ томъ отношеніи, что, помимо всѣхъ указанныхъ факторовъ разъединенія, «унія соединила подъ главенствомъ одного короля два народа, государственное устройство которыхъ основано на враждебныхъ другъ другу началахъ».

Имѣя свои особыя отдаленныя историческія причины, шведско-норвежскій конфликтъ въ своихъ ближайшихъ причинахъ и даже въ своихъ проявленіяхъ не представляетъ собою особенность одной скандинавской уніи. И на материкѣ Европы принудительно образовавшіяся уніи также обнаруживаютъ свои слабыя стороны. Конфликты въ австро-венгерской уніи близко подходятъ къ скандинавскимъ. Венгрія не по своей доброй волѣ состоитъ въ уніи съ Австріей и Россія уже не разъ имѣла основаніе сожалѣть о той поспѣшной помощи, которую она оказала Австріи во время венгерскаго возстанія. Австрія и Венгрія послѣ соглашенія 1867 г. и до нашихъ дней не давали никакихъ поводовъ къ подозрѣнію въ томъ, что двѣ страны пребываютъ въ братскомъ союзѣ. Одинъ и тотъ-же король, при всей его лояльности, не можетъ быть двухстороннимъ человѣкомъ. Будучи австрійскимъ императоромъ, онъ можетъ дорожить короной св. Стефана, но не можетъ отказаться отъ того, что онъ австрійскій императоръ. Какъ австрійскій императоръ, онъ не можетъ объективно относиться къ анти-клерикальнымъ и вообще прогрес-

сивно-демократическимъ стремленіямъ, преобладающимъ теперь въ Венгріи. Въ достаточной мѣрѣ этотъ фактъ иллюстрированъ на судьбѣ министерства Векерле, которое съ особой энергіей повело демократически-прогрессивную и антиклерикальную политику. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, ту-же политику долженъ былъ продолжать и настоящій кабинетъ Банфи. Австрійскій императоръ, какъ факторъ не особенно благопріятный для такой политики, стушевался на тронѣ св. Стефана, но за то выступило другое условіе, также неблагопріятное для той-же политики и также вытекающее изъ уніи съ Австріей. Австро-венгерскими внѣшними сношеніями завѣдуетъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, какъ и шведско-норвежскими—шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Венгрія, какъ и Норвегія, уже не разъ выражала желаніе имѣть свое собственное министерство иностранныхъ дѣлъ, что равносильно тому-же полному уничтоженію уніи, къ которому стремится и Норвегія. Однако, не говоря уже о большихъ потеряхъ въ торговлѣ и другихъ внѣшнихъ дѣлахъ, «единое» министерство иностранныхъ дѣлъ можетъ сильно вредить и самостоятельности внутренней политики того государства, интересы котораго оно представляетъ не прямо, а косвенно—черезъ унію. Нагляднымъ примѣромъ можетъ служить инцидентъ Кальноки-Аліарди. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ не можетъ сочувствовать демократической и анти-клерикальной политикѣ. Онъ не могъ спокойно относиться къ тому рвенію, съ которымъ министерство Банфи относилось къ проведенію чрезъ палаты такъ называемыхъ церковно-политическихъ законовъ. При австро-венгерскомъ дворѣ состоитъ папскій нунцій, который, конечно, не разъ выражалъ свои сѣтованія на венгерское министерство австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ. Два законопроекта съ большими усиліями уже были проведены, а именно объ обязательномъ для всѣхъ гражданскомъ бракѣ и о веденіи метрическихъ книгъ чиновниками государства. Оставалось провести еще два важныхъ законопроекта: о полнѣйшей религіозной свободѣ и переходѣ въ іудейскую вѣру. Эти законопроекты уже не разъ отклонялись клерикальнымъ дворянствомъ и министерство предполагало въ ближайшемъ времени снова внести ихъ въ палату магнатовъ. Агитація въ пользу законопроектовъ приняла самые широкіе размѣры. Силы и вліяніе клерикальнаго дворянства, видимо, ослабѣли. И вотъ папскій нунцій Аліарди, воспользовавшись какими-то приглашеніями, конечно, не безъ вѣдома австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, отправляется изъ Вѣны въ Венгрію. Въ Вѣнѣ ему ничего не было сказано насчетъ того, что въ данный моментъ его поѣздка въ Венгрію является не тактичной и вызывающей по отношенію къ венгерскому министерству. Наоборотъ, нунцій, видимо, уѣхалъ съ увѣренностью, что онъ можетъ предаться въ Венгріи явно демонстративнымъ выходкамъ. Явившись въ Венгрію, онъ

сталъ оффиціально посѣщать духовныя и свѣтскія учрежденія и вездѣ держать рѣчи далеко не религіознаго, а явно агитаціонно-политическаго характера. Въ Гросварденѣ, къ профессорамъ юридической академіи, Аліарди обратился съ слѣдующимъ воззваніемъ: «вы, милостивые государи, призваны въ области права оказывать вліяніе нетолько на своихъ слушателей, но и на общественное мнѣніе. Стремитесь къ достиженію этой цѣли! Вы исполните священную обязанность, если будете указывать на темныя стороны современнаго законодательства и будете демонстрировать нарушеніе правъ, имѣющихъ за собою тысячелѣтнюю давность, и на эту дѣятельность я охотно передаю вамъ папское благословеніе». Въ самомъ Буда-Пештѣ къ дворянамъ онъ обратился съ еще болѣе вызывающей рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: «какъ нѣкогда, въ средніе вѣка, дворянство стояло во главѣ крестовыхъ походовъ, такъ и теперь венгерское дворянство должно предпринять крестовый походъ противъ современнаго направленія». Венгерское министерство не могло допустить такой агитаціонной дѣятельности папскаго посла противъ указанныхъ законопроектовъ. Но что оно могло сдѣлать? Оно не имѣетъ права вступать въ какія-бы то ни было сношенія съ папскимъ нунціемъ иначе, какъ чрезъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Въ палатѣ его ожидалъ запросъ по поводу поведенія Аліарди. Банфи, ссылаясь на этотъ запросъ, попросилъ письменно указаній и разъясненій отъ Кальноки и въ то-же время обращалъ его вниманіе на то, что посланникъ любой державы, а въ томъ числѣ и папскаго престола, не можетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла той страны, при которой онъ аккредитованъ, и что на поведеніе Аліарди въ Венгріи слѣдуетъ отвѣтить энергическимъ протестомъ папѣ. Такъ писалъ Банфи 21 апрѣля н. с., а 25 апрѣля н. с. Кальноки послалъ ему весьма характерный отвѣтъ, характерный именно для тѣхъ отношеній, которыя складываются въ уніи при «единомъ» министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ письмѣ Кальноки, относительно *уже состоявшейся* поѣздки Аліарди, говоритъ, что нунцію «слѣдовало-бы либо отложить свою поѣздку, какъ несвоевременную, либо удостовѣриться, что его пребываніе не поведетъ ни къ какимъ политическимъ непріятностямъ и не будетъ эксплоатировано для партійныхъ цѣлей». Почему-же Кальноки обо всемъ этомъ забылъ оффиціально увѣдомить нунція въ то время, когда онъ собирался уѣхать въ Венгрію? Вѣдь нунцій такая персона, о которой каждый день все до мелочей извѣстно не только вѣнской полиціи, но и министру иностранныхъ дѣлъ. Тайно уѣхать изъ Вѣны нунцій не могъ. Разъясненіе этихъ недоразумѣній и «наивныхъ» промаховъ Кальноки мы находимъ въ томъ-же письмѣ къ Банфи отъ 25 апрѣля. «Помимо уваженія къ престарѣлому папѣ, поучалъ Кальноки барона Банфи, не въ интересахъ Венгріи серьезно нарушать отношенія къ св. престолу, съ которымъ не

смотря на щекотливость затянувшагося церковно-политическаго вопроса, удалось сохранить дружественныя отношенія. *Такъ-какъ мнѣ, по моему положенію, приходится стоять на стражѣ отношеній и австрійской половины монархіи къ св. престолу, то считаю долгомъ въ особенности обратить вниманіе на эту сторону вопроса*». Такимъ образомъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ обращаетъ особое вниманіе венгерскаго министра на то, чтобы онъ на венгерскія дѣла смотрѣлъ съ точки зрѣнія австрійскихъ интересовъ... Продолжая свое поученіе, австрійскій министръ говоритъ: «апостолическому нунцію, какъ представителю не свѣтской власти, а католической церкви въ католическомъ государствѣ, всюду предоставляется особое отъ другихъ посланниковъ положеніе. Это объясняется признаннымъ главенствомъ папы надъ католическою церковью и надъ всѣми католиками, правда, только въ религіозныхъ вопросахъ, *но было бы весьма не легко провести границу, въ предѣлахъ которой католической церкви принадлежитъ право обороны и гдѣ она прекращается*». Это уже явная защита агитаціонной дѣятельности папскаго нунція. Послѣ этого было-бы любопытно узнать, кто кого благословлялъ защищать интересы католическаго духовенства въ Венгріи: Кальноки Аліарди или наоборотъ, Аліарди Кальноки?.. Въ концѣ письма австрійскій министръ прямо заявилъ, что относительно интересовъ Венгріи онъ даже не можетъ «претендовать на полное освѣдомленіе». Какова скромность!.. И благодаря этой скромности Кальноки согласился предъявить протестъ папѣ, «если *австрійское* правительство признаетъ это нужнымъ»...

Какъ извѣстно читателямъ изъ газетъ, инцидентъ Кальноки-Аліарди закончился отставкой Кальноки послѣ 14-ти-лѣтняго пребыванія во главѣ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Корона св. Стефана оказалась болѣе драгоцѣнной, чѣмъ личная дружба съ Кальноки. Его выходки произвели самое тягостное впечатлѣніе на венгерскихъ патріотовъ, а черезъ годъ предстоитъ пересмотръ того «соглашенія», которое было заключено между Австріей и Венгріей въ 1867 г. Венгрія прекрасно понимаетъ, что Кальноки, независимо отъ тѣхъ или иныхъ его личныхъ особенностей, иначе и не могъ дѣйствовать, какъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ. Унія дала себя познать венгерцамъ. Сепаратистскія стремленія Венгріи Австрія вынуждена не замѣчать. Похороны Кошута и всѣ связанныя съ ними манифестаціи Австрія принуждена была «игнорировать», но Венгрія ничего не забудетъ при предстоящемъ пересмотрѣ «соглашенія» 1867 г. Венгрія—не Норвегія и ей австрійскія пушки не внушаютъ никакого страха. Она сильнѣе Австріи и культурная Европа не можетъ не привѣтствовать новое самостоятельное государство, мирно, безъ выстрѣла, вышедшее изъ уніи съ Австріей, которая не рискнетъ подавлять венгерское «возстаніе».

Сепаратизмъ крѣпнетъ и въ Германской имперіи. О результатахъ его теперь гадать трудно, но коренной причиной его является все-таки то-же самое вынужденное присоединеніе. Было-бы трудно доказать, что всѣ отдѣльныя германскія государства забыли вынужденное образованіе союза съ Пруссіей во главѣ и что Пруссія, съ своей стороны, рѣдко напоминаетъ имъ исторію образованія Германской имперіи и не поощряетъ сепаратистскихъ наклонностей. Такой союзъ, какъ Германская имперія, съ однимъ сильнымъ государствомъ во главѣ, безапеляціонно диктующимъ свою волю, обнаруживаетъ еще болѣе печальныя стороны, чѣмъ австро-венгерская и шведско-норвежская уніи. Тутъ уже давленіе на самостоятельную внутреннюю политику отдѣльныхъ государствъ со стороны Пруссіи можетъ принимать самыя деспотическія формы. Общее имперское законодательство сплошь и рядомъ является чисто прусскимъ, хотя и назначается для всѣхъ государствъ германскаго союза. Диктаторское положеніе Пруссіи, баловство властью дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на самую Пруссію. Молодой монархъ, при вступленіи на престолъ, безъ преувеличеній, былъ опьяненъ властью и могущественнымъ положеніемъ. Изреченія sic volo, sic jubeo, regis voluntas-suprema lex и т. п. стали тѣми любимыми его афоризмами, которые собственноручно писались въ торжественныхъ случаяхъ на память исторіи и въ поученіе современниковъ. Отъ такихъ облюбованныхъ изреченій до явной ненависти къ прусскому парламенту и германскому рейхстагу оставался одинъ шагъ.

Министерство-же не могло играть никакой ни сдерживающей, ни руководящей роли. Имперское министерство вовсе не существуетъ. Имѣется канцлеръ, при выборѣ котораго императоръ ничѣмъ не ограниченъ, и при этомъ канцлерѣ состоятъ директора имперскихъ департаментовъ юстиціи, финансовъ и т. д. подъ названіемъ статсъ-секретарей. При императорѣ, какъ королѣ прусскомъ, состоитъ прусское министерство, организація котораго не имѣетъ никакихъ признаковъ настоящаго конституціоннаго министерства. Въ парламентскихъ дебатахъ ораторы оппозиціи прямо заявляютъ, что въ Пруссіи нѣтъ министерства. Оно можетъ быть составлено императоромъ изъ лицъ самыхъ противоположныхъ направленій. Парламентское большинство не имѣетъ никакого значенія для состава прусскаго министерства. Министерство составляется по усмотрѣнію короля, имъ держится, а не парламентскимъ большинствомъ, которое можетъ провалить всѣ проекты министровъ и они останутся у власти. При такихъ порядкахъ Бисмарку не трудно было стать деспотомъ, хотя-бы онъ и не имѣлъ диктаторскихъ наклонностей. Бисмаркъ былъ удаленъ или самъ ушелъ и Вильгельмъ II сталъ играть роль Бисмарка на тронѣ, не будучи Бисмаркомъ по таланту. При отсутствіи руководящаго настоящаго конституціоннаго министерства, Вильгельмъ II

сталъ мѣнять свои стремленія и взгляды въ дѣлахъ внутренней политики быстрѣе, чѣмъ перчатки. По связи съ этимъ, онъ сталъ мѣнять прусскихъ министровъ и высшихъ имперскихъ чиновниковъ безъ церемоніи, какъ капризный директоръ департамента мѣняетъ своихъ столоначальниковъ. Статьи германской печати по вопросамъ внутренней политики въ теченіе послѣдняго года начинаются и кончаются обычной фразой: неизвѣстно, что будетъ завтра. Министры и имперскіе статсъ-секретари спятъ лихорадочнымъ сномъ и каждую ночь видятъ во снѣ тѣнь Лукануса, управляющаго гражданскимъ кабинетомъ императора и являющагося съ приказаніями о подачѣ въ отставку. Вся эта быстрая и непонятная смѣна лицъ и направленій привела къ полному безпорядку въ дѣлахъ внутренней политики и на мѣстахъ министровъ оказались люди, которыхъ въ такой роли никто не ожидалъ наканунѣ 20 столѣтія.

Рихтеръ слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ политику «новѣйшаго» курса въ прусскомъ ландтагѣ.

«Я хотѣлъ бы обратить вниманіе на вопросъ, который не имѣетъ ничего партійнаго, такъ какъ всѣ мы одинаково заинтересованы въ сохраненіи устойчивости государственнаго управленія. Я имѣю въ виду солидарность министерства, коллективность его учрежденія. Предъ нами теперь выступила цѣлая группа новыхъ министровъ: г. фонъ-Келлеръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, фигура котораго достаточно выяснилась въ его прошлой дѣятельности въ парламентѣ; министръ сельскаго хозяйства, назначеніе котораго заставило радостно биться сердца всѣхъ аграріевъ, такъ какъ г. Гаммерштейнъ отличился въ роли противника торговыхъ договоровъ; министръ юстиціи, г. Шенштедтъ, пока еще бѣлый листъ бумаги, до сихъ поръ не извѣстный за предѣлами своей бывшей, весьма узкой судебной дѣятельности. Наконецъ, вотъ и самъ министръ-президентъ, онъ же и имперскій канцлеръ, но вѣдь всѣ его отношенія къ внутреннему управленію Пруссіи ограничиваются тѣмъ, что онъ 50 лѣтъ тому назадъ въ Потсдамѣ состоялъ референдаріемъ (кандидатъ на административныя должности). Какъ эти новые министры стоятъ другъ къ другу и въ какихъ отношеніяхъ они находятся къ прежнимъ министрамъ, удержавшимся на своихъ мѣстахъ? Вѣдь для того, чтобы дѣятельность министерства представляла единство, необходимо, чтобы министры сговорились по крайней мѣрѣ въ основныхъ пунктахъ. Если честолюбіе кн. Гогенлоэ идетъ дальше чисто орнаментальной роли, если онъ хочетъ быть министромъ-президентомъ, а не вывѣской, его усилія, прежде всего, должны быть направлены къ тому, чтобы министерство представляло нѣчто связное, цѣльное, а не случайное соединеніе чиновниковъ, изъ которыхъ одному нѣтъ дѣла до другого, каждый изъ нихъ остается въ своей скорлупѣ и, когда бушуетъ гроза, сидитъ въ своемъ углу и съ трепетомъ ждетъ появленія Луканна» (смѣхъ). Если бы какое-

либо названіе оказалось наиболѣе подходящимъ для «новѣйшаго» курса, то это именно «Zickzackkurs», послѣдствія котораго не могутъ вызывать сомнѣній. «Безъ опредѣленной системы, сказалъ въ заключеніе Рихтеръ, нельзя сохранять государственный порядокъ, и никакими исключительными законами вы не заставите населеніе повиноваться власти, которая сама не знаетъ, чего хочетъ. Если это продлится еще немного, мы переживемъ совершенно такую-же критическую эпоху, какъ во время Фридриха-Вильгельма IV».

Уже въ началѣ осени прошлаго года въ нѣмецкой печати шли оживленные дебаты о какихъ-то законодательныхъ проектахъ прусскаго правительства, которые, въ виду особаго ихъ благодѣтельнаго значенія, будутъ предложены имперскому рейхстагу для распространенія на всю германскую имперію. Вскорѣ этимъ законопроектамъ было присвоено названіе «Umsturzvorlage», которое за ними и сохранилось вопреки полному офиціальному титулу. 6 декабря прошлаго 1894 г. Umsturzvorlage была внесена въ рейхстагъ подъ такимъ названіемъ: *проектъ закона относительно измѣненій и дополненій уголовнаго уложенія, военно-уголовнаго устава и закона о печати*. Одно это названіе показываетъ, что рѣчь шла не объ исключительныхъ законахъ, въ родѣ дѣйствовавшаго когда-то закона противъ соціалъ-демократовъ, а о дополненіи и исправленіи общихъ законовъ. Намѣренія весьма скромныя. Исправленіе и дополненіе законовъ вообще похвально, но цѣли его могутъ быть разныя.

Къ «проекту относительно измѣненій и дополненій уголовнаго уложенія, военно-уголовнаго устава и закона о печати» была приложена большая записка, въ которой выяснялись необходимость этого проекта и его мотивы. Поясняя мотивы какого-нибудь законопроекта, авторы этого законопроекта нерѣдко сами себя выдаютъ. Если они съ особыми усиліями что-либо отрицаютъ, то, значитъ, это и есть настоящая цѣль законопроекта. Нѣчто подобное случилось и съ Umsturzvorlage. Въ объяснительной запискѣ правительство, защищая предлагаемыя имъ измѣненія и дополненія уголовнаго законодательства, въ то же самое время убѣдительнѣйше доказывало, что въ нихъ нѣтъ серьезной надобности. Въ этомъ отношеніи типичнымъ является слѣдующее мѣсто записки: «нельзя, конечно, думать, чтобы охраненіе общественнаго порядка возможно было только путемъ уголовныхъ наказаній. Въ существующихъ условіяхъ очень много слабыхъ пунктовъ, указывающихъ на необходимость соціальныхъ и экономическихъ реформъ. Германія уже очень много сдѣлала въ области рабочаго законодательства и не остановится и въ будущемъ на этомъ пути. Реформы, однако, не могутъ вести къ успокоенію народныхъ массъ до тѣхъ поръ, пока правительство не имѣетъ средствъ для борьбы съ смутьянами, проповѣдующими разрушеніе всего существующаго. Анархизмъ, правда, до сихъ поръ мало обнаруживался, но есть основаніе думать, что

онъ ростетъ». Такимъ образомъ, правительство прямо заявило, что въ существующемъ общественномъ строѣ есть много темныхъ сторонъ, и что поэтому нужны соціально-экономическія реформы, безъ которыхъ охраненіе общественнаго порядка уголовными мѣрами ни къ чему хорошему привести не можетъ. Рядомъ съ такими «доводами» въ пользу Umsturzvorlage, объяснительная записка почему-то на всѣ лады и манеры твердитъ, что данный законопроектъ, въ случаѣ его принятія, не будетъ полицейскимъ закономъ, такъ какъ «примѣненіе предлагаемыхъ уголовныхъ наказаній исключительно предоставлено независимому суду». Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, въ запискѣ доказывается, что «научная критика также мало будетъ стѣснена, какъ и до сихъ поръ. Точно также новыя постановленія не могутъ оказаться стѣснительными для тѣхъ политическихъ стремленій, которыя поставили себѣ цѣлью дальнѣйшее развитіе на почвѣ нынѣшняго общественнаго порядка. Общая гражданская свобода остается неприкосновенной».

Въ рейхстагѣ 8 мая н. с. второе чтеніе Umsturzvorlage было начато съ доклада коммиссіи о добавленіяхъ къ § 111 уг. улож. Это прибавленіе къ 111 параграфу говоритъ о наказуемости оправданія, возбужденія и прославленія цѣлаго ряда дѣйствій, признанныхъ уголовными преступленіями. Коммиссія его исправила и придала ему чисто клерикальную окраску. Она исключила наказуемость прославленія, возбужденія и оправданія преступленій, носящихъ характеръ возстанія противъ власти, и поставила на ихъ мѣсто преступленія противъ церкви, религіи и нравовъ. Первымъ говорилъ Гогенлоэ. Онъ констатировалъ тотъ, по его мнѣнію, грустный фактъ, что Umsturzvorlage вызвала общее недовольство. Это недовольство, въ значительной мѣрѣ, вызвано коммиссіей, съ поправками которой къ § 111 правительство никогда не согласится и проситъ возстановить редакцію его добавленій къ § 111 на счетъ сопротивленія и угрозъ чиновникамъ. На эту рѣчь, по существу, почти никто не обратилъ вниманія. За то Келлеръ не по разуму вызывалъ озлобленіе рейхстага и своимъ бравирующимъ тономъ и своимъ крайнимъ невѣжествомъ. Онъ прямо заявилъ, что рейхстагъ — это какая-то машина, къ содѣйствію которой приходится обращаться для вотированія законопроектовъ. Послѣ рѣчи Келлера стало ясно, что рейхстагъ можетъ только провалить § 111. Дебаты сосредоточились на вопросѣ о томъ, на сколько правительство ошибается (вольно или невольно), утверждая, что Umsturzvorlage не есть полицейскій законъ и что его примѣненіе всецѣло отдается въ руки «независимаго суда». Еще при первомъ чтеніи депутатъ Мункель обратилъ вниманіе рейхстага на то, что безъ обвиненія нѣтъ и суда. Обвиненіе возбуждаетъ прокуроръ, который является и зависимымъ и поощряемымъ чиновникомъ. Вотъ тутъ и лежитъ основаніе для всякаго полицейскаго произвола. Прокуроръ долженъ молчать,

когда Umsturz производится сверху и энергично дѣйствовать, когда тотъ же Umsturz идетъ снизу. Примѣромъ тому можетъ служить оправданіе преступленій. Не такъ давно военный министръ оправдывалъ въ рейхстагѣ генерала, который стрѣлялъ въ редактора «Berliner Tageblatt» за распространеніе ложныхъ слуховъ о генеральской дочери. Спрашивается, какъ отнесется прокуроръ къ такому оправданію преступленія?.. Законопроектъ отличается крайней эластичностью. Тутъ немыслимо установленіе какихъ-бы то ни было объективныхъ признаковъ для преслѣдованія тѣхъ или иныхъ преступленій. Все представляется, говорилъ депутатъ Бартъ, субъективному усмотрѣнію судьи и прокурора. Они должны будутъ руководствоваться своими политическими и соціальными взглядами при разрѣшеніи вопроса о томъ, должно-ли или не должно преслѣдовать и наказывать данное возбужденіе къ данному преступленію, данное прославленіе или оправданіе даннаго преступленія. Бебель указалъ на то, что самъ канцлеръ призналъ Umsturzvorlage тенденціознымъ закономъ. Вся драматическая литература есть демонстративное прославленіе или оправданіе извѣстныхъ уголовныхъ дѣяній. «Я убѣжденъ, говорилъ депутатъ Бартъ, что классическихъ произведеній, какъ Вильгельмъ Тель Шиллера, на практикѣ не будутъ преслѣдовать, но вѣдь нужно защитить и литературу, не попавшую въ разрядъ классической. Вполнѣ возможно, что прокуроръ будетъ разсуждать такъ: «если Вильгельмъ Тель ставится въ королевскомъ театрѣ, то это вовсе не для возбужденія къ преступленіямъ; если же отдѣльныя, особенно демонстративныя сцены изъ того-же Вильгельма Теля будутъ представлены въ соціально-демократическомъ балаганѣ, то тутъ есть несомнѣнно преступный умыселъ возбудить къ преступленіямъ». Другіе ораторы съ неменьшимъ успѣхомъ указали, что никакія историческія, соціальныя и экономическія изслѣдованія немыслимы послѣ принятія добавленій къ § 111 уг. улож. Всѣ эти изслѣдованія непремѣнно что-нибудь оправдываютъ историческимъ ходомъ событій, соціальными или бытовыми условіями, и въ этихъ оправданіяхъ всегда можно усмотрѣть возбужденіе къ уголовнымъ преступленіямъ. Жаль, что на этомъ засѣданіи 8 мая н. ст. никто не вспомнилъ рѣчи прусскаго министра народнаго просвѣщенія Боссе, сказанной имъ двумя мѣсяцами раньше въ прусскомъ ландтагѣ. Либеральный депутатъ изъ фабрикантовъ категорически настаивалъ, чтобы при назначеніи на освободившуюся каѳедру политической экономіи въ шарлотенбургской высшей технической школѣ, не отдавалось предпочтенія какому-нибудь «катедеръ-соціалисту». Возражая этому депутату, Боссе сказалъ: «Я былъ-бы очень благодаренъ національ-либеральному депутату, если-бы онъ мнѣ отвѣтилъ прямо на вопросъ: считаетъ-ли онъ возможнымъ воздѣйствіе министерства на направленіе занятій профессоровъ, допускаетъ-ли онъ, чтобы министерство предписывало ученому, къ какимъ

результатамъ ему не слѣдуетъ приходить? Въ нѣмецкихъ университетахъ и высшихъ политехническихъ школахъ можно найти представителей всѣхъ направленій; это, какъ мнѣ кажется, единственно возможный порядокъ, котораго долженъ держаться министръ. Что сталось-бы съ міромъ, если-бы мы отказались отъ свободы научнаго изслѣдованія?»

Рейхстагъ пощадилъ и міръ, и Германію, отклонивъ всѣ добавленія къ § 111. Послѣ отклоненія этого 111 параграфа нечего было и думать объ иной судьбѣ для § 112, касающагося «возбужденій» среди солдатъ. Всѣ добавленія къ этому параграфу исключаютъ всякую критику милитаризма и военнаго ремесла. Депутатъ Гаувсманъ напомнилъ рейхстагу, что вѣдь не Бебель, а Кантъ написалъ «Ueber den ewigen Frieden». Что скажетъ правительство о приведенныхъ тамъ сужденіяхъ по вопросу о постоянныхъ арміяхъ? Несомнѣнно, они, по принятіи Umsturzvorlage, будутъ признаны преступными и изъяты изъ обращенія. Рихтеръ прямо предложилъ окончить пренія, такъ какъ дѣло уже выяснилось, что Umsturzvorlage не будетъ принята и не нуждается въ третьемъ чтеніи. Предложеніе Рихтера было принята и при голосованіи Umsturzvorlage была окончательно отклонена 11 мая нов. ст. Воспользуется-ли этимъ урокомъ прусское правительство или будетъ содѣйствовать дальнѣйшему сепаратизму навязываніемъ Германіи реакціонныхъ законовъ?

***.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Десятилѣтіе дня смерти К. Д. Кавелина, по поводу статьи «Волжскаго Вѣстника». — Случай съ статьей Кавелина въ «Современникѣ».—«Отцы и дѣти» разныхъ эпохъ.— Наша скука и неговорливость.—Газеты о пожарахъ въ Дубнѣ и въ Брестѣ.—«Приазовскій край» о сельскихъ пожарныхъ обозахъ.—Авторъ устава херсонскихъ земледѣльческихъ артелей.—Отставка саратовскаго городского головы.—Избраніе городского головы въ Одессѣ —Казанскій голова о визитахъ.—Тобольская жизнь.—«Сибирскій Вѣстникъ» объ общественной баллотировкѣ вопросовъ.—«Кіевское Слово» о провинціализмахъ.

Въ нумерѣ «Волжскаго Вѣстника» 3 мая, въ 10-ти-лѣтнюю годовщину смерти К. Д. Кавелина. была помѣщена посвященная его памяти статья г. Корсакова. если не ошибаюсь, родственника покойнаго писателя. Авторъ сообщаетъ о своемъ намѣреніи, съ согласія наслѣдниковъ Кавелина, приступить въ нынѣшнемъ году къ изданію его работъ, напечатанныхъ послѣ 1859 года, когда вышло собраніе его сочиненій. Съ тѣхъ поръ Кавелинымъ были помѣщены въ разныхъ журналахъ и газетахъ болѣе ста монографій, изслѣдованій и очерковъ, и лишь немногіе изъ нихъ изданы отдѣльно. Можно только привѣтствовать это предпріятіе и желать ему успѣха. Въ числѣ работъ Кавелина за послѣднее 25-тилѣтіе его жизни есть весьма замѣчательныя, какъ напримѣръ его послѣднія статьи по вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи и его воспоминанія о Бѣлинскомъ. Грановскомъ, Н. Милютинѣ, Самаринѣ и первыхъ славянофилахъ.

Въ новое собраніе войдетъ и изданный отдѣльно трудъ «Задачи психологіи и этики».

Кавелинъ былъ не только ученымъ и писателемъ, но и виднымъ общественнымъ дѣятелемъ, въ лучшемъ смыслѣ этого названія. Напомню, что въ концѣ 50-хъ годовъ, еще до приступа къ вопросу объ освобожденіи крестьянъ, Кавелинымъ была составлена записка о немъ, которая

ходила по рукамъ. «О достоинствахъ ея — говоритъ г. Иванюковъ *)— можно уже судить по тому, что всѣ тѣ начала, которыя въ ней указаны, были впослѣдствіи защищаемы и проводимы просвѣщенною частью нашего общества, всѣми вліятельными литературными органами *и окончательно легли въ основаніе трудовъ редакціонныхъ комиссій*». Эти слова, поставленныя мною курсивомъ, составляютъ главнѣйшую эпитафію, какую могъ заслужить общественный дѣятель.

Любопытно, что тотъ-же авторъ приводитъ изъ «Матеріаловъ для исторіи упразд. крѣп. сост.» фактъ, что та записка, основныя мысли которой осуществились впослѣдствіи въ великомъ законодательномъ актѣ, была при появленіи своемъ въ видѣ статьи въ «Современникѣ» 1858 г. осуждена въ циркулярѣ министерства народнаго просвѣщенія за то, что въ ней доказывалась необходимость освобожденія крестьянъ, съ предоставленіемъ имъ въ собственность земли. Эта мысль была въ то время признана противорѣчившею главнымъ началамъ, которыя были *сперва* установлены «для устройства быта крестьянъ».

«Кавелинъ—пишетъ г. Корсаковъ—былъ поистинѣ учитель *права* и *правды*, какъ его мѣтко охарактеризовали послѣдніе его слушатели въ надписи на вѣнкѣ, положенномъ на гробъ». Можно сказать, что съ конца 60-хъ годовъ, по самую смерть, Кавелинъ былъ какъ-бы признаннымъ главнымъ представителемъ того круга людей, которымъ были дороги начала произведенныхъ реформъ и мысль о дальнѣйшемъ ихъ развитіи, хотя самъ онъ принадлежалъ еще собственно къ людямъ «сороковыхъ годовъ», которыхъ г. Корсаковъ справедливо называетъ «русскими гуманистами XIX вѣка». Авторъ ожидаетъ, что собраніе новѣйшихъ трудовъ покойнаго дастъ поводъ критикѣ и людямъ, лично его знавшимъ, высказаться о немъ, и тогда «свѣтлый и симпатичный образъ К. Д. Кавелина вполнѣ возстанетъ передъ позднѣйшими русскими поколѣніями, не имѣющими уже той непосредственной, живой преемственности съ людьми сороковыхъ годовъ, которую имѣемъ еще мы, люди шестидесятыхъ годовъ». Приведу еще слѣдующія слова: «Кавелинъ почти въ теченіе полустолѣтія былъ другомъ учащейся молодежи, столь чуткой ко всему доброму и честному, и всегда откровенно и искренно относился къ ней, открыто указывая ей и на ея достоинства, и на недостатки; онъ никогда не льстилъ ей, какъ не льстилъ вообще никому».

Замѣчательно, что разныя эпохи нашихъ умственныхъ настроеній или, что то-же, наши умственныя поколѣнія всѣ считаются по двадцатилѣтіямъ четнаго именованія. Мы говоримъ о людяхъ двадцатыхъ, сороковыхъ, шестидесятыхъ годовъ и связываемъ съ этими поколѣніями опредѣленные, характерные и притомъ симпатичные типы. Будетъ-ли то-же съ людьми восьмидесятыхъ годовъ? Покойный Шелгуновъ говорилъ о «восьмидесятникахъ» и, конечно, современные молодые дѣятели должны

*) „Паденіе крѣпостного права“, стр. 91—92.

также имѣть свою характеристику. Но возможно-ли будетъ указать въ нихъ ту «живую преемственность съ «людьми шестидесятыхъ годовъ», какую послѣдніе, по словамъ г. Корсакова, имѣли или имѣютъ съ людьми годовъ сороковыхъ? Едва-ли духовная преемственность между поколѣніями 20-хъ, 40-хъ и 60-хъ годовъ заключалась въ томъ, что они наслѣдовали одно отъ другого и усвоивали себѣ идею преобразованій и сближенія съ Европой, ту идею, которой первымъ представителемъ былъ Петръ. Это была идея движенія, которое до нѣкоторой степени и собирало, соединяло людей. Поколѣніе-же восьмидесятыхъ годовъ воспиталось среди разброда мыслей въ разныя стороны.

Впрочемъ, говоря, что европейское начало развитія собирало умы предшествующихъ поколѣній и установляло извѣстную между ними преемственность, я нисколько не оспариваю тѣхъ различій, какія проявлялись въ ихъ настроеніи. Умы стремились въ одну сторону, но каждое поколѣніе, естественно, составляло новую стадію развитія, имѣло свои особенности и даже прямо отрицало многое какъ во взглядахъ, такъ и нравахъ своихъ предшественниковъ. Тургеневъ съ замѣчательной рельефностью выставилъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ» такой контрастъ между двумя поколѣніями. Его Кирсановъ—не невѣжда и не крѣпостникъ, онъ даже, въ извѣстной мѣрѣ, человѣкъ либеральный и мнящій себя вполнѣ европейцемъ. Базаровъ—является отрицаніемъ Кирсанова, но отрицаніемъ—въ силу того-же начала—движенія впередъ. И сынъ Кирсанова могъ быть Базаровымъ, и видѣлъ-бы въ себѣ человѣка передового, а въ отцѣ — отсталаго, но только отсталаго. Желаніе сдѣлать контрастъ болѣе яркимъ, а также и освѣтить перемѣну, происходившую именно съ того времени въ самомъ составѣ образованнаго общества, побудило художника сопоставить людей не только разныхъ поколѣній, а стало быть, и разнаго образа мыслей, но и—разныхъ сословій, вслѣдствіе чего Базаровъ и Кирсановъ и видятъ одинъ въ другомъ людей прямо противоположныхъ лагерей.

Картина всегда конкретна, она представляетъ одинъ моментъ. Но тотъ контрастъ, какой представленъ въ произведеніи Тургенева, повторяется при каждой смѣнѣ одного поколѣнія другимъ. Тема «Отцовъ и дѣтей» вѣчная.

Понятно, что каждый типъ новый (хотя-бы даже онъ былъ только возрожденіемъ одного изъ совсѣмъ нѣкогда устарѣвшихъ и что называется «отпѣтыхъ») обращается къ непосредственно предшествующему ему типу съ сознаніемъ своего превосходства, основаннымъ на силѣ событій, съ пренебрежительной критикой «новымъ» «стараго». Такимъ образомъ, весьма серьезный, имѣющій большое значеніе и въ общественной и въ частной, даже въ семейной жизни конфликтъ между «отцами» и «дѣтьми» представляетъ явленіе не одного только момента, такъ рельефно схваченнаго Тургеневымъ, но—постоянное.

Въ этомъ вѣчномъ спорѣ, «котораго не разрѣшите вы», отражается не только борьба идейная, смѣна общественныхъ направленій, но еще и

просто стихійная сила «новаго», каково-бы оно ни было, но критикующаго «старое», расчищающаго себѣ мѣсто, расправляющаго свои крылья, приглядѣвшагося къ ошибкамъ и слабостямъ стариковъ, дѣятелей отживающаго времени. Въ этомъ спорѣ или столкновеніи двухъ поколѣній, смѣняющихъ одно другое, вколачивающихъ одно другое въ гробъ, есть доля глубокаго трагизма. Въ этой борьбѣ проигрывающею стороной является всегда сходящая со сцены, не только по той увѣренности выжить и пережить стариковъ (to outlive them), какую имѣетъ новое поколѣніе, но еще—и это вполнѣ справедливо—вслѣдствіе всѣхъ ошибокъ, непремѣнно совершенныхъ дѣятелями проходящаго періода, котораго критиками и судьями являются люди молодые, еще не исполнившіе отвѣтственной задачи каждаго поколѣнія. Они ясно видятъ слабости и ошибки отцовъ, противорѣчія ихъ дѣйствій—ихъ-же принципамъ и правиламъ. Гораздо яснѣе, чѣмъ то, что они сами должны и могутъ сдѣлать. Для отцовъ нѣтъ болѣе строгихъ судей, чѣмъ ихъ дѣти, которые наблюдали ихъ вблизи и иногда впадаютъ въ ошибку, относя къ ущербу самой «идеи» отцовъ—ихъ неуспѣхъ, отъ нихъ не зависѣвшій и вдобавокъ—ихъ человѣческія слабости, присущее людямъ каждаго періода несоотвѣтствіе между «Ideal und Leben». Въ эту очевидную ошибку поочередно впадаетъ каждое новое поколѣніе въ своемъ судѣ надъ предшествующимъ.

Но въ еще худшую ошибку впадаетъ каждое поколѣніе отживающее. У молодыхъ своихъ замѣстителей оно еще не находитъ ничего ясно обозначившагося, съ чѣмъ можно бы считаться, а видитъ только одно—отрицаніе говорившагося и дѣлавшагося до сихъ поръ, отрицаніе идей и даже заслугъ людей сходящихъ со сцены; покушеніе на какой-то переворотъ, во имя идей еще недостаточно опредѣлившихся и едва-ли не «пагубныхъ». Каждое сходящее со сцены поколѣніе виновно передъ молодежью, виновно своимъ несогласіемъ понять, что на мѣсто людей прежнихъ должны стать люди новые, то есть *иные*.

Кавелинъ сошелъ со сцены. Кавелинъ былъ всегда другомъ молодежи, смѣнявшейся при немъ въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія. Пусть же предшествующее разсужденіе будетъ откликомъ на чествованіе памяти одного изъ наиболѣе убѣжденныхъ и честныхъ публицистовъ «старой» эпохи. Новой пожелаемъ такихъ же, по уму, сердечной отзывчивости и силѣ убѣжденія.

Говорятъ, самый несловоохотливый народъ—англичане; довольно распространено и такое мнѣніе, будто всѣ англичане, болѣе или менѣе, страдаютъ сплиномъ. Я знавалъ англичанъ и «на континентѣ» (по ихъ выраженію), и въ ихъ странѣ. Да, они народъ не особенно разговорчивый, но у себя они говорятъ больше, чѣмъ въ чужихъ краяхъ. Дома у нихъ, какъ извѣстно, даже особыя говорильни есть. А вотъ нашъ братъ совсѣмъ наоборотъ. За границей, онъ разсуждаетъ «о матеріяхъ важныхъ» съ жаромъ южанина, проявляетъ увлеченіе искусствомъ, не

умалчиваетъ о своихъ домашнихъ дѣлахъ, какъ англичанинъ «на континентѣ», но описываетъ ихъ со всей откровенностью. А дома? Дома мы не говоримъ о наиболѣе важномъ, никакъ не идемъ далѣе газетъ и обыкновенно отдѣлываемся, относительно такъ называемыхъ «текущихъ вопросовъ», нѣсколькими фразами изъ газеты. Такъ, разговоры петербургскихъ чиновниковъ состоятъ изъ повторенія другъ другу извѣстій и мнѣній, заимствованныхъ изъ «Новаго Времени» того дня. Своего—ничего. А такъ какъ «Новое Время» было прочитано всѣми собесѣдниками, то бесѣда скоро и прерывается, уступая мѣсто картамъ. Думаю, что если-бы сосчитать слова, которыми мѣняются въ теченіе вечера собравшіеся десятки «сыновъ мрачнаго Альбіона», то число это все-таки превзошло бы количество вокабулъ, какими обмѣниваются наши винтеры, до, во время и послѣ любимаго ими занятія.

И скука же стоитъ какая—столбомъ, гуще, чѣмъ лондонскіе туманы. На нее всѣ жалуются и жалобы эти особенно часто заявляются въ газетахъ провинціальныхъ, которыя прямодушнѣе столичныхъ. Что же при такой повальной скукѣ и говорить объ англійскомъ сплинѣ? Впрочемъ, не въ обществѣ, а въ своей семьѣ, русскіе говорливѣе англичанъ, при чемъ добрая половина говора заключается въ ссорахъ изъ-за пустяковъ и попрекахъ. Допускаю и то, что наединѣ съ пріятелемъ, особенно за бутылкой, русскій человѣкъ «изнѣдряется» больше, чѣмъ сдержанный бритъ, выкладываетъ не только всѣ свои мнѣнія и чувства, но даже и нѣсколько больше чувствъ и мнѣній, чѣмъ у него есть дѣйствительно. Но въ предшествующемъ нѣтъ взаимнаго противорѣчія. Все это можно согласить такимъ предположительнымъ опредѣленіемъ, что въ одиночку мы словоохотливѣе англичанъ, а англичане гораздо говорливѣе насъ въ жизни общественной; затѣмъ, что сплинъ у нихъ—родъ личной болѣзни, а наша скука—недугъ общественный.

Что занимало нашъ общественный говоръ съ начала года, каковы были тѣ «злобы дня», которыхъ онъ коснулся? Писали о процессѣ Палемъ, о книгѣ Ціона, о столкновеніи пароходовъ, о девальваціи, кипятились изъ-за Японіи... Будто въ этомъ и заключалось именно все главное, о чемъ мы думали и будто тѣмъ въ самомъ дѣлѣ исчерпывалась наша злоба дня. Да, нельзя не согласиться, что въ извѣстномъ смыслѣ мы менѣе говорливы, чѣмъ англичане. При такомъ уровнѣ общественныхъ бесѣдъ нельзя ставить въ вину газетамъ провинціальнымъ, что онѣ слишкомъ много занимаются мелочами, несправедливо было бы винить и обозрѣніе провинціальной печати, если оно не паритъ надъ уровнемъ подлежащей и доступной ему дѣйствительности.

Въ тѣ дни, когда на нашемъ сѣверѣ еще не зазеленѣли деревья и прилетѣли только первыя ласточки, на юго-западѣ уже открылся лѣтній сезонъ, открылся по обыкновенію большимъ пожаромъ. Выгорѣла почти половина города Дубна—до 400 домовъ, много лавокъ, два казенныхъ дома, сообщали и о гибели нѣсколькихъ человѣкъ. Все происходило въ

обычномъ порядкѣ. Начался пожаръ съ колбасной лавки, по слухамъ оттого, что колбасникъ на чердакѣ обжигалъ кабана. Никакихъ средствъ для борьбы съ огнемъ на мѣстѣ не было. Въ Дубнѣ не мало солдатъ, и они тотчасъ были выведены на пожаръ и, какъ писалъ корреспондентъ газеты «Жизнь и Искусство», они работали съ полнымъ самопожертвованіемъ. «Но такъ какъ не было ни топоровъ, ни багровъ и никакихъ орудій, то хотя они и рвали крыши руками, но что же можно было сдѣлать при подобныхъ условіяхъ». Былъ сильный вѣтеръ и нельзя было остановить огня. Начался пожаръ въ полночь и бушевалъ до четвертаго часа ночи, когда вѣтеръ стихъ и пожаръ началъ уменьшаться. Только въ исходѣ пятаго часа—какъ сообщаетъ корреспондентъ «Русскаго Слова»—прибыли пожарныя команды изъ Ровна и Здолбунова, «когда уже не представлялось ничего опаснаго».

Затѣмъ, въ маѣ, выгорѣлъ Брестъ-Литовскъ. Тамъ была своя пожарная команда, но былъ и недостатокъ воды. Впрочемъ, при сильномъ вѣтрѣ трудно что-нибудь сдѣлать въ городѣ, гдѣ большинство построекъ—деревянныя. По описанію «Варш. Дневника», если бы въ Брестъ «можно было собрать всѣ пожарныя части Варшавы, то и ихъ соединенныя усилія оказались-бы безполезными. Всѣ улицы буквально не существуютъ; сгорѣлъ чуть не весь городъ; уцѣлѣлъ только каменный соборъ, рынокъ и небольшая часть домовъ около собора; отъ города осталась едва четвертая часть». Людей погибло нѣсколько десятковъ.

Болѣе или менѣе то же самое роковымъ образомъ случится и во многихъ другихъ мѣстностяхъ. Вѣдь это было лишь открытіе обычнаго лѣтняго сезона. Пишутъ о пожарахъ городовъ; а сколько въ годъ выгоритъ деревень... «Приазовскій Край» посвятилъ особую статью «беззащитности деревни въ лѣтнее время». Лѣтомъ взрослое населеніе проводитъ дни и ночи въ полѣ, а въ деревнѣ остаются неспособные уже къ работѣ старики и старухи, да дѣти. Тогда и воры бродятъ по деревнямъ подъ видомъ нищихъ, и «начинается въ деревнѣ сезонъ пожарный». Въ селеніяхъ Ростовскаго округа, каждое сельское общество обзавелось пожарной трубой, которыя высылались земствомъ, съ уплатой въ разсрочку, и нѣсколькими боченками, купленными за полцѣны у лавочниковъ, а стало быть ненадежными. Въ статьѣ доказывается необходимость имѣть въ каждой деревнѣ исправный пожарный обозъ, который находился-бы во дворѣ сельскаго правленія. По этому проекту, трубы должны еженедѣльно, по праздникамъ, испытываться, а бочки наливаться свѣжей водой, лошади подъ обозъ должны доставляться съ земской и обывательской почтъ, да еще должны постоянно быть при самомъ обозѣ нѣсколько лошадей крестьянскихъ, по очереди, и люди, а именно пожарный староста и сотскіе съ десятскими. Не вижу, однако, осуществимо-ли такое постоянное состояніе людей и лошадей при обозѣ. Авторъ говоритъ, что «по инструкціямъ, сотскимъ и десятскимъ воспрещается всякая отлучка изъ деревни». Но кто-же не знаетъ, что на ихъ

обязанности—препровожденіе арестантовъ, разноска пакетовъ, безпрестанныя явки къ земскимъ начальникамъ, и что эта сельская «полиція» днемъ, по большей части, въ разгонѣ. Сомнительно также, чтобы, при очередной поставкѣ лошадей на день, приходилось каждому двору, имѣющему болѣе одной лошади, давать всего два—три раза въ годъ по одной лошади на день. Въ селеніяхъ дѣло организаціи противопожарной помощи—одно изъ тѣхъ, которыя, прямо зависятъ отъ успѣховъ культуры, а поучиться, какъ устроить такую помощь можно у нѣмецкихъ колонистовъ.

Что касается городовъ, то общественныя управленія должны поощрять небольшія кирпичныя постройки освобожденіемъ ихъ на время отъ городскихъ сборовъ, и постепенно регулировать улицы, съ цѣлью устранить по крайней мѣрѣ скученность построекъ деревянныхъ. Итальянецъ, французъ и нѣмецъ еще со среднихъ вѣковъ старались обстраиваться камнемъ и кирпичемъ. А славянинъ цѣлые города, даже крѣпости предпочиталъ строить изъ дерева. Оттого такая бѣдность въ памятникахъ старины. Строилъ славянинъ кое-какъ безобразные бревенчатые городища, потомъ, когда дерева стало мало, началъ лѣпить дома изъ глины съ мусоромъ и навозомъ. Объ улучшеніи нашего зодчества и заботились именно только пожары, которые «способствовали къ украшенью» нашихъ городовъ.

Говорятъ, въ Россіи сгораетъ ежегодно строеній и иного имущества на 100 милл. рублей. А между тѣмъ, страхованіе обложено высокой пошлиной. Вотъ-бы эту девалюацію прежде всего сдѣлать — отмѣнить налогъ на страхованіе отъ огня, и по меньшей мѣрѣ освободить отъ этого налога страхующихъ имущества въ обществахъ взаимнаго страхованія. Затѣмъ, отъ каждаго города можно требовать, чтобы въ немъ была пожарная команда. Въ малыхъ городахъ могутъ быть добровольныя команды, или-же обязательная очередь для обывателей являться къ пожарному обозу по первому знаку. А ужъ этого, кажется, не слишкомъ много требовать отъ каждаго города, хотя-бы и заштатнаго — чтобы въ немъ содержались хоть двѣ трубы и нѣсколько бочекъ, подъ отвѣтственностью городского управленія. А то у насъ все устроено въ такомъ несоотвѣтствіи, что въ столицахъ электрическій свѣтъ и старательнѣйшая поливка улицъ лѣтомъ, по три раза въ день, въ то время какъ въ иныхъ губернскихъ городахъ есть части почти совсѣмъ безъ фонарей, а ужъ въ малыхъ городахъ и пожаровъ-то поливать некому и нечѣмъ.

Въ апрѣльскомъ обзорѣ, говоря о крестьянскихъ земледѣльческихъ артеляхъ въ Херсонской губерніи, я прибавилъ, что «хотѣлъ-бы знать, кто тѣ достойные уваженія образованные люди, которыми былъ составленъ договоръ артелей». Съ большимъ удовольствіемъ получилъ я отдѣльно напечатанный въ Одессѣ текстъ «артельнаго договора» съ эпиграфомъ «что посѣешь то пожнешь»—и съ припиской сочувственныхъ словъ, отъ автора—присяжнаго повѣреннаго Николая Васильевича Левитскаго, живущаго въ Елисаветградѣ. Это тотъ самый текстъ, извлеченія изъ

котораго я нашелъ въ газетахъ и наиболѣе существенныя черты котораго мною были приведены. Могу только повторить, что договоръ написанъ образцово, просто, ясно, безъ одного лишняго слова, но съ вполнѣ полезными нѣкоторыми поясненіями и предостереженіями. Надо высоко цѣнить людей инициативы на пользу народа, которые хотятъ, а въ силу своихъ знаній и энергіи и умѣютъ твердо поставить задуманное дѣло. Это и есть добрые сѣятели, «человѣцы благоволенія».

Одно дѣло имѣть призваніе къ служенію народу, обществу, а другое — «быть призваннымъ» къ общественной службѣ. Тотъ, кто имѣетъ внутреннее призваніе, думаетъ только о дѣлѣ, которому служитъ, а кто только «призванъ», тотъ любитъ и повеличаться и повластвовать, и покапризничать, хотя рядомъ со всѣмъ этимъ, или немножко позади, но все-таки и у «призванныхъ» общественныхъ дѣятелей можетъ проявляться стремленіе оправдать оказанное имъ довѣріе и оставить по себѣ память въ какомъ-нибудь общеполезномъ дѣлѣ. Типичнымъ представителемъ общественныхъ дѣятелей этого рода былъ покойный московскій городской голова Алексѣевъ. Онъ, можно даже сказать, завелъ моду нѣсколько диктаторскихъ пріемовъ городскихъ головъ и отчасти ввелъ во искушеніе саратовскаго голову г. Епифанова и казанскаго голову г. Дьяченко (сына писателя).

Мнѣ приходится на этотъ разъ упомянуть о трехъ губернскихъ городскихъ головахъ. Г. Епифановъ вторично сложилъ съ себя свое званіе. Въ первый разъ это былъ «предлогъ одинъ». Саратовскій голова удалялся на авентинскій холмъ, вслѣдствіе избранія неугоднаго ему товарища. Но въ апрѣлѣ рѣшеніе было уже серьезно. Г. Епифановымъ были внесены въ думу предложенія о займахъ на замощеніе Саратова, на перестройку базара и для возврата городскому банку долга по капиталу основаннаго ломбарда. Въ сложности, займовъ онъ предложилъ на 600 тыс. рублей. Въ думѣ большинство голосовъ было подано за предложеніе головы, но не оказалось необходимаго большинства двухъ третей. «Саратовская Газета» говоритъ по этому поводу: «по обыкновенію, весь этотъ инцидентъ разыгрался на почвѣ личныхъ отношеній; внеси предложеніе о займахъ не г. Епифановъ, а кто-нибудь другой, и можно сказать съ увѣренностью, что оппозиція ничего-бы не нашла противъ». Въ доказательство газета указывала на фактъ, что одинъ изъ вождей оппозиціи въ слѣдующемъ засѣданіи предложилъ сдѣлать заемъ въ 75 т. руб. на устройство электрическаго освѣщенія театра, при чемъ «отстаивалъ какъ разъ тѣ-же условія займа, которыя считалъ для города крайне невыгодными, когда предлагалъ ихъ г. Епифановъ».

Положимъ, подобные «инциденты» случаются и въ парламентской дѣятельности на западѣ. Но вѣдь тамъ вопросъ о побѣдѣ той или другой партіи есть вмѣстѣ вопросъ о торжествѣ одного принципа надъ другимъ, о перемѣнѣ политическаго направленія. Пусть какимъ-либо пристрастнымъ рѣшеніемъ въ палатѣ общинъ одержатъ верхъ консерваторы

или либералы; это можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, какъ занимать далѣе или не занимать Египетъ, уменьшить подоходный налогъ или его возвысить, сохранить англиканское Establishment или отмѣнить его. А въ саратовской думѣ едва-ли было столь рѣзкое противорѣчіе принциповъ между «епифановцами» и «не-епифановцами».

Побѣда одной партіи надъ другой такъ и останется побѣдой одного кружка надъ другимъ, а не торжествомъ такого-то принципа надъ такимъ-то. Что состоявшаяся побѣда оппозиціи не поведетъ къ уменьшенію какого-либо изъ городскихъ налоговъ столь-же вѣрно, какъ и то, что она останется безъ послѣдствій для Египта. Курьезна, однако, самая мысль—дѣлать городской заемъ на устройство въ театрѣ электрическаго освѣщенія. Очевидно, это дѣло неотложное; Саратовъ не можетъ подождать, пока доходы самого театра дадутъ ему возможность освѣтиться электричествомъ. Нѣтъ, ни одного года Саратовъ не можетъ остаться безъ электрическаго театральнаго освѣщенія, такъ какъ оно заведено тамъ-то и тамъ-то. Провинціальное самолюбіе. И этотъ заемъ на электричество въ театрѣ предлагала оппозиція, которая «провалила» заемъ на устройство мостовыхъ... Недаромъ я говорилъ выше о несоотвѣтствіи въ разныхъ нашихъ устройствахъ. Городъ, который еще не весь вымощенъ, какъ Саратовъ, непремѣнно хочетъ имѣть электрическій свѣтъ въ театрѣ, а городъ, имѣющій плохую мостовую,—Петербургъ—освѣщаетъ электричествомъ двѣ улицы, на которыхъ есть хорошая мостовая. Поневолѣ припоминается африканскій вождь, у котораго треуголка на головѣ и эполеты двухъ разныхъ чиновъ на плечахъ составляютъ—весь костюмъ.

Въ апрѣлѣ-же, въ Одессѣ, вмѣсто г. Маразли, избранъ былъ городскимъ головой профессоръ математики г. Лигинъ. Въ кандидаты на избраніе онъ былъ предложенъ меньшимъ числомъ записокъ, чѣмъ одинъ изъ его конкурентовъ, самъ онъ заявлялъ о своемъ отказѣ отъ избранія, но въ виду отказовъ двухъ конкурентовъ, согласился баллотироваться и былъ избранъ. Передъ избраніемъ головы обсуждался вопросъ о размѣрѣ жалованья ему и назначили 12 тыс. руб., какъ было съ самаго введенія въ Одессѣ городского положенія 1870 года. Различіе заключалось лишь въ томъ, что при г. Маразли окладъ былъ назначенъ въ 6 тыс. руб., а экстренныя средства «на представительство» ассигновались въ распоряженіе управы. Теперь-же 12 тыс. руб. назначены прямо какъ содержаніе головѣ, притомъ большинствомъ 32 голосовъ противъ 16, которое объясняется тѣмъ соображеніемъ, что «такъ всегда было». Но 25 лѣтъ назадъ торговыя дѣла въ Одессѣ были въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ теперь. Да и къ чему такіе высокіе оклады? Развѣ только изъ того-же самолюбія, чтобы не отстать отъ Петербурга. Богатые люди въ такихъ окладахъ не нуждаются, а небогатые привыкли обходиться гораздо болѣе скромными средствами. Военный министръ Д. А. Милютинъ въ теченіе почти 20-ти-лѣтняго своего управленія довольствовался окладомъ

въ 12 тыс. руб., а городской голова не только въ Одессѣ, но и въ столицахъ могъ-бы ограничиться и меньшимъ.

Теперь перехожу къ городскому головѣ казанскому, который. впрочемъ, не вышелъ въ отставку, а только выступилъ реформаторомъ—въ дѣлѣ визитовъ. Передъ Пасхой онъ прислалъ въ «Волжскій Вѣстникъ» письмо, въ которомъ недурно охарактеризовалъ «нелѣпый обычай дѣлать праздничные визиты». «Взамѣнъ праздничнаго отдыха и спокойствія,—писалъ г. Дьяченко,—мы сами, ради пустого обычая и предразсудка, создаемъ себѣ несносное безпокойство и легкую возможность простудиться, посвящая всѣ праздничныя утра на объѣзды разныхъ концовъ города съ карточками въ рукахъ, безпрестанно снимая и надѣвая на себя шубу и быстро переходя изъ одной температуры въ другую. Неужели въ самомъ дѣлѣ кому-нибудь нужны минутныя посѣщенія. визитныя карточки и натянутое знакомство, поддерживаемое только обмѣномъ дважды въ году праздничными поздравленіями?» На это, конечно, не можетъ быть иного отвѣта, какъ тотъ, что визиты нужны только швейцарамъ. Въ Петербургѣ швейцару у очень вліятельнаго лица даютъ не менѣе рубля и такой привратникъ собираетъ въ одинъ день 200—300 рублей.

Г. Дьяченко предложилъ всѣмъ дѣлавшимъ доселѣ визиты—безусловно отказаться отъ нихъ и замѣнить ихъ внесеніемъ по два раза въ годъ по 5 р. въ редакцію «В. В.» на уплату за лекціи недостаточными студентами, съ тѣмъ, что такой взносъ дастъ каждому право выставлять на дверяхъ квартиры надпись: «визитовъ не принимаю и не дѣлаю». Но г. Дьяченко пошелъ еще далѣе и дополнилъ свой законъ еще—постановленіемъ свойства карательнаго: «всякое лицо, *нанесшее*, несмотря на подобную надпись, визитъ жертвователю въ кассѣ—да будетъ нравственно обязано уплатить штрафъ въ ту-же кассу не менѣе 2 рублей». Вмѣстѣ съ тѣмъ, голова предупреждалъ своихъ знакомыхъ, что если несмотря на такое его заявленіе, ему принесены будутъ въ праздникъ карточки, то онъ ихъ препроводитъ въ кассу вспомоществованія студентамъ, въ ожиданіи, «что любители дѣлать визиты не пожалѣютъ уплатить 2 рубля» и т. д.

Все это резонно. Но очень можетъ быть, что нашлись лица. имѣвшія нужду въ городскомъ головѣ, которыя оставили ему свои карточки даже съ приложеніемъ квитанцій отъ казначея въ уплатѣ въ кассу студентовъ двухъ или болѣе рублей. Я даже не увѣренъ, что самъ г. Дьяченко не сдѣлалъ безусловно ни одного визита въ Пасху. Положимъ. онъ человѣкъ независимый, но «безусловно» никто этого не можетъ сказать о себѣ. А люди вполнѣ зависимые? Пожалуй, они будутъ все-таки визиты дѣлать, только съ приплатою по 2 рубля за каждый. Мысль г. Дьяченко вполнѣ похвальная, но у насъ изъ всего сумѣютъ сдѣлать средство, чтобы прижать или прислужиться, смотря по положенію, особенно въ провинціи.

Что начальникъ можетъ лишь безпричинно «распечь» своего подчиненнаго на службѣ, несправедливо лишить его награды или навалить на него слишкомъ много работы, это извѣстно всѣмъ и подобные примѣры мыслимы вездѣ, въ Петербургѣ настолько-же, какъ и въ провинціи. Но въ Петербургѣ подчиненный, по крайней мѣрѣ внѣ службы уже не зависитъ отъ начальника, или если зависитъ, то лишь настолько, насколько лишеніе награды или обремененіе работой можетъ отразиться на его житьѣ-бытьѣ. А въ губернскомъ городѣ все это осложняется и кругъ «прижиманія» расширяется невѣроятно, по той причинѣ, что вся жизнь проникнута служебными отношеніями. Такъ одинъ пріѣзжій изъ Тобольска разсказывалъ мнѣ, что тамъ существуетъ болѣе 20 «обществъ». Общества эти, какъ учрежденія частныя, повидимому, должны-бы быть самостоятельны, составъ ихъ членовъ и постановленія должны-бы зависѣть отъ свободнаго избранія, преній и голосованія. Но могутъ-ли быть вполнѣ самостоятельны «общества», когда все-то *общество* губернскаго города состоитъ изъ лицъ, числящихся по разнымъ вѣдомствамъ или имѣющимъ то или другое отношеніе къ этимъ вѣдомствамъ И вотъ, какъ разсказывалъ мой собесѣдникъ, каждое тобольское «общество» всегда наполнено по преимуществу лицами одного вѣдомства, мѣстный начальникъ котораго состоитъ и предсѣдателемъ того общества. Такъ общество трезвости недавно было сплошь заполнено судейскими, въ музыкальномъ обществѣ чуть-ли не вся казенная палата и т. п. Отсюда въ обществахъ, что предсѣдатель рѣшитъ—то члены и похвалятъ. Мало того, начальникъ иногда требуетъ отъ подчиненнаго, чтобы онъ вышелъ изъ другого общества, почему-либо не нравящагося начальнику, и подчиненный долженъ это сдѣлать, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ можетъ быть переведенъ куда-нибудь въ глушь.—Неужели-же всѣ начальники у васъ такіе?—спросилъ я.—Есть и почтенные люди (собесѣдникъ назвалъ ихъ). Но представьте себѣ три-четыре адаманта, въ такомъ родѣ, какъ я сказалъ, да еще двухъ-трехъ «дамъ», находящихся въ ссорѣ между собой изъ-за первенства и вымещающихъ черезъ мужей, на службѣ, свое неудовольствіе на тѣхъ подчиненныхъ, которые осмѣливаются оказывать «аттенцію» соперницѣ, тогда получите картину».—Я возразилъ, что это—мелочи, и что это мало интересно съ общей точки зрѣнія.—Да вѣдь изъ такихъ мелочей—говорилъ мой гость—слагается жизнь по всей матушкѣ-Россіи, этими мелочами оплетается по всей Руси жизнь маленькихъ людей! Сколько ненужныхъ, вздорныхъ огорченій, волненій, борьбы съ пустяками, которыя отравляютъ жизнь, мѣшаютъ направить на небольшое, но общеполезное дѣло ту маленькую энергію, какая есть у средняго человѣка... У насъ, въ Сибири, все это принимаетъ наивно-откровенныя формы»...

Въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», въ мартѣ, было напечатано интересное въ двухъ отношеніяхъ письмо редактора-издателя этой газеты г. Прейсмана. Въ концѣ прошлаго года въ этой газетѣ была помѣщена коррес-

понденція изъ Тюмени, а въ опроверженіе ея были присланы лицами, которыхъ она затрогивала, письма. Они, конечно, были напечатаны въ той-же газетѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, г. Прейсманъ убѣдился въ недобросовѣстности своего корреспондента и—огласилъ его имя. По этому поводу между сибирскими газетами возникла полемика. Въ письмѣ изъ Тюмени въ «Сибирскомъ Листкѣ» г. П. Головачевъ осудилъ этотъ поступокъ, какъ «нарушеніе твердо установившагося, прекраснаго литературнаго обычая не открывать именъ сотрудниковъ (даже) въ случаѣ судебнаго преслѣдованія». Г. Прейсманъ оправдывался, говоря, что можетъ быть раскрываемъ анонимъ или псевдонимъ того, «кто сознательно, съ умысломъ, въ личныхъ своихъ цѣляхъ злоупотребилъ печатнымъ словомъ, введя въ заблужденіе общественное мнѣніе относительно его дѣлъ, представителей или частныхъ лицъ, того, кто поистинѣ—разбойникъ пера, мошенникъ печати». Но на это тотъ-же г. Головачевъ возразилъ въ «Листкѣ», что у г. Прейсмана были съ одной стороны фактическія опроверженія заинтересованныхъ лицъ, но онъ не долженъ былъ упускать изъ вида, что это именно—лица заинтересованныя, а во-вторыхъ, у него-же было и письмо корреспондента, въ которомъ утверждалось, что все разсказанное имъ—правда, и можетъ быть имъ доказано на судѣ. Самое-то дѣло, по отзыву критика, столь сложно, что оно можетъ быть выяснено только на судѣ, и «редакторъ только послѣ формальнаго разслѣдованія судомъ могъ прійти къ убѣжденію о недобросовѣстности своего сотрудника». Заключеніе критика таково, что убѣжденіе редакторъ пока могъ имѣть «только шаткое и поверхностное» и что его поспѣшность въ оглашеніи имени корреспондента остается странною. Авторъ фельетона въ «Спб. Вѣстникѣ» В. К. замѣтилъ, что «раскрытіе редакціей псевдонима можетъ быть сочтено правонарушеніемъ лишь въ томъ случаѣ, если псевдонимъ былъ условіемъ сотрудничества и лишь въ такомъ случаѣ прямого нарушенія довѣрія оно и можетъ быть неблаговиднымъ; во всѣхъ другихъ случаяхъ это вещь довольно-таки условная».

Но ни съ однимъ изъ этихъ трехъ мнѣній (редактора «Спб. В.», г. В. К. и г. Головачева) я не могу согласиться безусловно. Отъ самыхъ обстоятельствъ дѣла зависитъ рѣшеніе вопроса: можетъ-ли редакторъ имѣть достаточную увѣренность, что правда на сторонѣ его корреспондента, а не лицъ жалующихся на него, или же, наоборотъ, въ томъ, что правы послѣднія, а корреспондентъ достаточно уличается обстоятельствами. Если у редактора еще и до суда создалось убѣжденіе въ неправотѣ и недобросовѣстности корреспондента, то невозможно требовать, чтобы редакторъ принялъ на себя даже передъ судомъ отвѣтственность за взведенную на другихъ лицъ напраслину. Если же обстоятельства дѣла таковы, что обвиненія, высказанныя корреспондентомъ, опровергнуты недостаточно, а корреспондентъ извѣстенъ редакціи за человѣка правдиваго, то она хорошо сдѣлаетъ, если приметъ на себя даже

и передъ судомъ всю отвѣтственность за обличеніе, въ которомъ участвовала сама, давъ ему мѣсто въ своемъ органѣ.

Въ томъ видѣ, въ какомъ вопросъ былъ формулированъ редакторомъ «Спб. В.», а именно: «можетъ-ли быть раскрываемъ анонимъ или псевдонимъ того, кто сознательно, съ умысломъ, въ личныхъ своихъ цѣляхъ и интересахъ, злоупотребилъ печатнымъ словомъ» — трудно оспаривать право редактора на отказъ отъ всякой солидарности съ такимъ лицомъ. Спрашивается только, вполнѣ-ли оправдывалось такое убѣжденіе редактора обстоятельствами даннаго дѣла. Что касается приведеннаго мною замѣчанія г. В. К., то съ нимъ нельзя согласиться по тому соображенію, что коль скоро сотрудникъ пишетъ подъ псевдонимомъ, то самый этотъ фактъ является условіемъ его сотрудничества, и самовольное раскрытіе псевдонима сотрудника редакціею составляетъ во всякомъ случаѣ нарушеніе довѣрія. Такое нарушеніе и можетъ быть извинено только тогда, когда редакторъ прибѣгаетъ къ нему лишь вслѣдствіе явнаго нарушенія самимъ сотрудникомъ того довѣрія, какое ему было оказано.

Иной читатель найдетъ, пожалуй, что я слишкомъ занялся даннымъ вопросомъ. Но въ бытѣ печати онъ имѣетъ значеніе, а случай заслуживалъ вниманія еще потому, что онъ подалъ редакціи «Сибирскаго Вѣстника» поводъ поставить вопросъ о раскрытіи анонимовъ и псевдонимовъ — «на общественную баллотировку». Редакція просила «всѣхъ, кого это интересуетъ, выразить свое «да» или «нѣтъ», хотя бы посылкою открытыхъ писемъ въ редакцію «Сибирск. Вѣстника», обѣщая напечатать результатъ такой баллотировки. Я шутилъ надъ общественнымъ турниромъ, какой былъ устроенъ въ одной одесской газетѣ по пустому вопросу: кто лучше, мужчина или женщина? Постановка подобнаго вопроса, очевидно, была разсчитана на забаву и къ ней нельзя было отнестись серьезно. Я впрочемъ долженъ былъ отмѣтить, что письма женщинъ по этому «вопросу» были дѣльнѣе писемъ мужчинъ. Нельзя было одобрить постановки въ «Новостяхъ» также на общественное обсужденіе вопроса о виновности Палемъ или Довнара — непосредственно за самымъ событіемъ, когда судить можно было только на основаніи двухъ—трехъ репортерскихъ разсказовъ. Но иначе представлялось обращеніе редакціи «Сибирск. Вѣстн.» къ «общественной баллотировкѣ» — по вопросу объ обнаруженіи именъ сотрудниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ ихъ согласія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, редакція предложила для рѣшенія тѣмъ же путемъ еще слѣдующій вопросъ: «нельзя-ли тѣмъ органамъ печати, которые по существу дѣла, по основѣ своего направленія, *порядочны*, соединиться, подать другъ другу руку помощи и если душатъ одного, то—освобождать его всѣмъ другимъ вмѣстѣ». Это, конечно, можно понимать только въ такомъ смыслѣ, чтобы органы «порядочные» давали дружный отпоръ органамъ непорядочнымъ, когда тѣ набросятся на одинъ изъ первыхъ. Только что приведенный вопросъ дополненъ былъ еще

слѣдующей оговоркой: избѣгать полемики (между порядочными органами) въ случаяхъ неважныхъ, а когда полемика необходима, то вести ее безъ запальчивости «и не давая лишняго оружія враждебнымъ къ печати силамъ». И на этотъ вопросъ читатели «Сибирск. Вѣстн.» приглашались «сказать свое да или нѣтъ, хотя бы присылкою открытыхъ писемъ въ редакцію».

Единеніе—вещь полезная и, мнѣ кажется, упомянутый «вопросъ» едва-ли даже требуетъ рѣшенія общественной баллотировкой. Но независимо отъ него, самый этотъ пріемъ могъ бы оказаться нелишеннымъ нѣкотораго значенія, при условіи, конечно, чтобы вопросы ставились сколько-нибудь серьезные. Во всякомъ случаѣ, стоило бы сдѣлать нѣсколько опытовъ подобнаго опроса общества. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыми публицистами часто взводятся на общество небылицы, приписываются ему взгляды, которые, при повѣркѣ, оказались бы отвергнутыми огромнымъ большинствомъ. Вѣдь и «Моск. Вѣд.» и «Гражданинъ» говорятъ отъ лица общества, хотя впрочемъ дѣлая иногда оговорку, что они высказываютъ убѣжденіе только «здравомыслящей части общества». И вотъ, представимъ себѣ, что та или другая особаго рода «полемическая» выходка была бы отдана нѣсколькими другими газетами на судъ ихъ читателей, скажемъ, въ качествѣ присяжныхъ и въ такомъ напр. видѣ: виновны-ли авторы той выходки въ намѣренномъ совершеніи недостойнаго поступка? Если бы численный результатъ отвѣтовъ былъ таковъ, что тысячами читателей сказано было «да, виновны», а «не виновны» произнесено было лишь какимъ-нибудь десяткомъ голосовъ, то такой результатъ, дѣйствительно, и имѣлъ бы значеніе. Никто не повѣрилъ бы, что на тысячи голосовъ всего десятокъ именно и представлялъ собой здравомыслящую часть общества. Нѣсколько подобныхъ опытовъ вели бы къ уясненію дѣйствительнаго настроенія большинства и тогда фокусническое подсовываніе ему симпатій, напримѣръ, къ розгѣ или къ строгому обузданію всѣхъ несогласныхъ съ «Моск. Вѣдомостями» встрѣтило бы нѣкоторый отпоръ.

Мнѣ нравится то, что редакція «Спб. Вѣстника» не приглашаетъ своихъ читателей присылать цѣлыя разсужденія, изъ которыхъ можно-бы выбирать курьезы и, во всякомъ случаѣ, набирать даровой матеріалъ, а проситъ только объ отвѣтахъ «да» или «нѣтъ», не отвергая мотивировку, но и не требуя ея. Опасеніе, что подобные опыты могли-бы оказаться неуспѣшны, что отвѣтовъ присылалось-бы слишкомъ мало и что нашлись-бы «шутники», которые писали-бы глупости, не должно удерживать отъ попытки—ободрить самое общество посредствомъ подсчета среди него людей согласнаго направленія. Какъ-бы то ни было, я считаю себя обязаннымъ отнестись къ мысли тобольской газеты сочувственно, какъ къ каждому свидѣтельству о томъ, что и въ центрѣ, и въ далекихъ концахъ Россіи—что-бы ни говорили нѣкоторые газетные гасители—живетъ мысль прежняя, здравая, стремленіе къ развитію.

Я говорилъ въ прошлый разъ объ искаженіяхъ, постепенно входящихъ въ литературный языкъ, чрезъ газеты. Въ «Кіевскомъ Словѣ» нахожу фельетонъ подъ заглавіемъ: «Особенность мѣстнаго говора». Авторъ статьи г. Севастіановичъ выписалъ цѣлый рядъ неправильныхъ выраженій и формъ словъ, свидѣтельствуя, что приведенныя имъ неправильности «широко распространены въ Кіевѣ и усвоены рѣчью». Объясняетъ онъ ихъ тѣмъ обстоятельствомъ, что «юго-западный край—смѣсь языковъ, племенъ, нарѣчій». Замѣчу, однако, что въ самомъ этомъ предложеніи заключаются неправильности, которыя больше значатъ, чѣмъ провинціализмы, а тѣмъ болѣе, чѣмъ искаженіе словъ людьми неграмотными, хотя-бы и москвичами или ярославцами. Важно, чтобы чистота и правильность сохранялись въ языкѣ литературномъ, тогда эти свойства останутся обязательными и для разговорнаго языка людей образованныхъ.

А за провинціализмами, вообще, не угоняешься. Ихъ встрѣчается не мало и въ великорусскихъ губерніяхъ. Мудрено-ли, что ихъ много тамъ, гдѣ является смѣсь языковъ. Большая часть приведенныхъ въ фельетонѣ несвойственныхъ русскому языку формъ взяты съ польскаго, непосредственно, или чрезъ языкъ малорусскій, который составляетъ среднее между двумя первыми. Для примѣра отмѣчу нѣсколько такихъ провинціализмовъ, которые образовались именно подъ вліяніемъ польскаго языка. Выраженія «кудаю», «тудаю», «сюдаю», представляютъ не замѣну словъ «куда», «туда», «сюда» ошибочными словами, но внесеніе въ русскую рѣчь несвойственной ей формы. «Кудаю» и «тудаю» значатъ не «куда» и «туда», но «какою дорогой», «тою дорогой». Выраженіе «дождь падалъ» едва ли вытѣснило у насъ (т. е. въ Кіевѣ) характерное русское «дождь идетъ», а скорѣе—послѣднее еще не успѣло установиться. «Воруютъ лошади» также форма польская, хотя слова русскія, а не польскія. Также «она дала рубли». «наставить самоваръ». «послизнулась». «поженились», «ажъ», «чи», «подписъ».

Распространенность подобныхъ неправильныхъ формъ означаетъ недостаточное усвоеніе духа русскаго языка, но вовсе не порчу этого языка. Другія указываемыя ошибки, какъ напр. «колидоръ», «паликмахеръ», «въ пальтѣ» не составляютъ особенности косвенной рѣчи, а зависятъ отъ необразованности. Да въ самой Франціи можно иногда услышать «colidor». Что касается провинціализмовъ, то иные изъ нихъ кажутся наново сочиненными для мѣстнаго обихода, а не заимствованными отъ инородцевъ, хотя очень можетъ быть, что только утраченъ слѣдъ инородческаго вліянія, которое ихъ произвело. Такъ, въ Одессѣ и даже на Дону, гдѣ казачье населеніе говоритъ чистымъ русскимъ языкомъ, въ «обществѣ» можно услышать слова, которыя великоруссамъ совсѣмъ непонятны, а между тѣмъ, происхожденіе которыхъ не всегда угадаешь. Таковы «пасха» вмѣсто «куличъ», «подборы», вмѣсто «каблуки» и т. п. Въ одесскихъ газетахъ нерѣдко встрѣчается выраженіе «Ванька-Рутютю» и онѣ нисколько не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, что оно не рус-

ское и для насъ совсѣмъ непонятно. Читатель поинтересуется узнать, кто это такой «Ванька-Рутю-тю». Это—нашъ «петрушка», который показывается на ширмахъ. Фельетонисты одесскихъ газетъ преспокойно говорятъ, описывая народное гулянье и «народную аудиторію»: «всюду показываютъ акробатовъ, фокусниковъ, Ванекъ-Рутю-тю, карликовъ» и т. п. «Не стану входить въ критическій разборъ даваемыхъ пьесъ. Что-бы ни было, все-же лучше кривляній Ваньки-Рутю-тю».

Мимоходомъ замѣчу, что я съ этимъ не совсѣмъ согласенъ. Конечно, кривлянія Ваньки-Рутю-тю весьма примитивны. Но при находчивости того «заширменнаго» режиссера, котораго у насъ зовутъ «шарманщикомъ», а самъ петрушка величаетъ музыкантомъ, кривлянья эти могутъ вызывать здоровый смѣхъ, какъ и шутки клоуновъ въ циркѣ. Во всякомъ случаѣ кривлянье тѣхъ и другихъ наивны и невинны, чего далеко нельзя сказать о многихъ «злободневныхъ» комедіяхъ (вотъ также выраженіе усвоенное провинціальными фельетонистами), объ иныхъ притязательныхъ пьесахъ, въ которыхъ, по выраженію того-же петрушки: «на рубль амбиціи, а на грошъ амуниціи». Кстати, наши «петрушки», это народное увеселеніе, составляютъ отраженіе, хотя и искаженное, классической «commedia dell'arte», съ ея Пульчинелла, Арлекино, Панталоне и Скарамучча. Она водилась по всей Европѣ, въ разныхъ видахъ. конечно, однако и съ нѣкоторыми общими чертами. Такъ «квартальный», который приходитъ взять петрушку, но терпитъ пораженіе — столь-же несомнѣнный Скарамучча, какъ и самъ петрушка—несомнѣнный Пульчинелла. Я разъ видѣлъ въ Вѣнѣ, въ Пратерѣ такихъ-же маріонетокъ, но нѣсколько высшаго «пошиба», конечно, и помню, какое забавное смятеніе произвело среди всѣхъ этихъ Ванекъ-Рутю-тю внезапное появленіе живого кролика. Юморъ былъ въ томъ, что такое мелкое животное между ними казалось огромнымъ и страшнымъ звѣремъ. О, если бы и въ печати не встрѣчалось ничего хуже наивныхъ «петрушекъ»... Къ сожалѣнію, въ ней завелся типъ гораздо болѣе вредныхъ, хотя и имѣющихъ притязаніе на серьезность, убѣжденность и даже торжественность, типъ грозныхъ Скарамуччіевъ.

Л. Прозоровъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.

Положеніе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Путевыя замѣтки *).

Все сказанное мною о Бостонѣ было-бы не достаточно полно, еслибы я не прибавила къ этому своихъ впечатлѣній о женской тюрьмѣ въ Шерборнѣ, находящейся подъ исключительнымъ управленіемъ и наблюденіемъ женщинъ.

M-rs Ellen Johnson своимъ десятилѣтнимъ опытомъ показала, что можно сдѣлать терпѣливой настойчивостью даже съ самыми испорченными людьми. На ней лежитъ какъ финансовая администрація тюрьмы, такъ и духовное и матеріальное управленіе ею. Образцовая исправительная тюрьма (reformatory) расположена въ деревнѣ, хотя не болѣе часу ѣзды отъ Бостона; окружающія поля вполнѣ ее изолируютъ.

Намъ приходится ѣхать по лугамъ, еще покрытымъ снѣгомъ, по холмистой мѣстности, защищенной лѣсистыми пригорками. Наконецъ, передъ нами встаетъ внушительное зданіе изъ краснаго кирпича съ обширными хозяйственными постройками, напоминающее большую ферму. Это и есть тюрьма, но тюрьма, не обнесенная ни стѣнами, ни рѣшетками. Въ меньшемъ изъ двухъ жилыхъ корпусовъ, хотя отдѣльныхъ, но расположенныхъ очень близко одинъ отъ другого, живетъ директриса; въ другомъ, большемъ, помѣщаются заключенныя, число которыхъ колеблется между тремя и четырьмя стами. Ни одна изъ нихъ не приговорена пожизненно; время заключенія большинства не превышаетъ 5-ти лѣтъ, хотя есть и исключенія, такъ какъ въ Шерборнѣ встрѣчаешь и дѣтоубійцъ, и поджигательницъ на ряду съ простыми бродягами и неисправимыми пьяницами, число которыхъ, къ сожалѣнію, преобладаетъ.

---

*) См. «Сѣверный Вѣстникъ», май.

М-съ Ellen Johnson высокая и полная женщина лѣтъ 55-ти; ея открытое и добродушное лицо выражаетъ спокойную энергію. Она поражаетъ своимъ физическимъ и нравственнымъ здоровьемъ, каждая черта ея круглаго и полнаго лица дышитъ добротой, но съ перваго взгляда видишь, что доброта эта чужда сентиментальности и слабости. М-съ Johnson не опирается ни на какой внѣшній авторитетъ, и хотя есть, конечно, инспектора, наблюдающіе за тюрьмой, но они предоставляютъ ей полную свободу дѣйствій, высоко цѣня ея умѣнье. Она знаетъ каждую изъ своихъ пансіонерокъ и наблюдательность надъ человѣческой природой доведена ею до высшаго предѣла.

Она идетъ впереди насъ со связкой тонкихъ ключей у пояса, сопровождаемая своей маленькой собачкой, скачки и прыжки которой кажутся здѣсь неумѣстными, такъ какъ наводятъ на мысль о свободѣ. Черезъ комнату, полную цвѣтовъ, мы входимъ въ широкіе и свѣтлые коридоры тюрьмы, и директриса, отвѣчая на наши вопросы, показываетъ намъ свое царство. Да, она живетъ во флигелѣ одна, совсѣмъ одна; прислуживаютъ ей заключенныя. Мы уже видѣли одну изъ нихъ, молодую дѣвушку, открывшую намъ дверь. На ней было форменное платье, но красная розетка на лифѣ указываетъ на безукоризненное поведеніе. Этотъ маленькій кусотъ ленты, придуманный м-съ Johnson, оказываетъ ей большія услуги. Всѣ получаемыя отличія помогаютъ нравственно поднять этихъ бѣдныхъ женщинъ; она-же никогда не оставляетъ безъ награды ни малѣйшаго усилія, не только строгаго повиновенія правиламъ, но даже едва замѣтнаго индивидуальнаго усовершенствованія, болѣе цѣннаго въ ея глазахъ, чѣмъ все остальное. Она не удовлетворилась-бы только пассивнымъ подчиненіемъ; она думаетъ, что можно пробудить совѣсть невѣжественныхъ и падшихъ созданій, только предоставляя имъ извѣстную свободу дѣйствій. На этомъ основана вся система тюрьмы. Одежда всѣхъ заключенныхъ на первый взглядъ одинакова: холстинка съ бѣлыми и голубыми клѣтками, но вглядитесь хорошенько: величина этихъ клѣтокъ, число полосъ—одна, двѣ, три или четыре—указываютъ на принадлежность къ одному изъ четырехъ отдѣленій. Дѣйствительно, послѣ первыхъ недѣль испытаній въ одиночномъ заключеніи, «новенькую» присоединяютъ къ остальнымъ ея товаркамъ, и здѣсь ей представляется случай непрестанными усиліями добиться лучшей пищи, немного бо́льшей свободы, нѣкоторыхъ преимуществъ; для этого надо подняться съ предпослѣдней ступени на слѣдующія высшія; случается, что опять попадаешь на послѣднюю. Слѣдя за м-съ Johnson, мы увидимъ, что означаютъ эти дѣленія.

Трудно вообразить себѣ что-нибудь болѣе аккуратное, вылощенное, блестящее чистотой, чѣмъ Шерборнская тюрьма; масса воздуха, свѣта; нигдѣ ни малѣйшаго, не только тяжелаго, но даже какого-бы то ни было запаха; нигдѣ ни пылинки; металлическія вещи блестятъ; стѣны чисто вымыты, выбѣлены; лѣстницы какъ новыя; передъ вами точно картина,

изображающая внутренность голландскаго дома. Эта чистота становится какъ-будто чрезмѣрной и внушающей опасенія, когда мы доходимъ до кухни. Возможно-ли, чтобы эти выскобленные столы, эта такъ старательно вычищенная посуда когда-либо употреблялись, и почему нѣтъ никакихъ испареній отъ этихъ трехъ громадныхъ котловъ, которые, однако, уже закипаютъ? М-съ Johnson поднимаетъ крышки: въ одномъ находится кожа отъ зеренъ какао, въ другомъ — каша, въ третьемъ — обманчивое подобіе кофе, что-то во всѣхъ трехъ случаяхъ мало отличающееся отъ теплой воды; это обычное меню. Полагается очень ничтожное количество мяса въ чемъ-то въ родѣ бульона одинъ разъ въ день; но бѣлаго хлѣба, нарѣзаннаго согласно американскому обычаю очень тонкими ломтиками, даютъ почти сколько кто хочетъ. «И этого достаточно», заявляетъ м-съ Johnson, «будь онѣ болѣе сыты, съ ними труднѣе было-бы справляться; санитарное-же состояніе у насъ не оставляетъ желать лучшаго».

Достаточная или нѣтъ, эта скудная пища подается очень чисто, и при этомъ мы видимъ подтвержденіе того значенія, какое придается порядочности и приличіямъ всякимъ, у кого въ жилахъ течетъ англо-саксонская кровь. Ѣда съ потрескавшейся и обломанной посуды считается однимъ изъ наиболѣе тяжелыхъ наказаній, она входитъ въ замысловатую систему четырехъ разрядовъ, съ которой насъ знакомитъ посѣщеніе четырехъ столовыхъ. Въ столовой послѣдняго разряда все болѣе грубо, на всякомъ предметѣ, составляющемъ часть прибора, замѣтенъ какой-нибудь изъянъ; кушанья представляютъ изъ себя тоже оборыши; соотвѣтственныя камеры наименѣе удобныя во всей тюрьмѣ: прикрытыя занавѣсями, онѣ выходятъ въ строго охраняемый, узкій коридоръ. М-съ Johnson съ удовольствіемъ обращаетъ наше вниманіе на то, что такихъ обездоленныхъ заключенныхъ только девять. Прежде ихъ было несравненно больше, но своимъ хорошимъ поведеніемъ нѣкоторыя достигли перваго разряда, допускающаго извѣстныя смягченія, лучшіе стаканы и тарелки, чай разъ въ недѣлю, даже немного масла. Во всѣхъ четырехъ отдѣленіяхъ манера накрывать на столъ представляется верхомъ искусства, ни одна вилка не выдается изъ-за другой, вы видите двѣ прямыя линіи, какъ-бы начерченныя по линейкѣ; манера держать себя за столомъ должна быть также безупречной, положеніе рукъ и ногъ согласно съ правиломъ.

Успѣшность попытокъ, сдѣланныхъ въ знаменитомъ reformatory Elmir'ы (въ штатѣ Нью-Іоркъ), гдѣ нѣкоторыхъ заключенныхъ довели понемногу до нравственнаго исправленія путемъ исправленія физическаго, заставляя ихъ правильно держаться, прямо смотрѣть, отказаться отъ дурныхъ внѣшнихъ привычекъ, служащихъ отраженіемъ скрытыхъ недостатковъ, этотъ случайный успѣхъ очевидно сильно повліялъ на м-съ Johnson. Она смотритъ на приличную манеру себя держать, какъ на хорошій симптомъ, указывающій на нѣкоторую долю самообладанія

и потому наказываетъ малѣйшія нарушенія декорума. Но наказанія эти не отличаются большой строгостью.

Провинившаяся переводится въ специальную камеру, болѣе пустую, чѣмъ остальныя, съ рѣшетчатой дверью; за крупные проступки полагается карцеръ, темная камера въ подвальномъ этажѣ, гдѣ постелью служитъ полъ, а пищей — хлѣбъ и вода. Прежде существовало нѣсколько такихъ карцеровъ, м-съ Johnson удалось упразднить ихъ всѣ, кромѣ одного, но имъ почти не приходилось пользоваться послѣдніе года два. Часто она сама ходила туда раздѣлить заключеніе съ какой-нибудь несчастной, впадавшей отъ страха въ истерику, дружески ее уговаривала, убѣждая попросить прощенія, или, если она упрямилась, приносила ей одѣяло, чтобы спасти отъ ночного холода.

Кромѣ этихъ исключительныхъ случаевъ, награды и наказанія всегда одни и тѣ же, переводъ изъ одного разряда въ другой и обратно. Первый разрядъ слѣдовательно содержитъ въ себѣ избранныхъ. Въ коридорѣ мы встрѣтились съ молодой женщиной въ красной ленточкѣ, съ книгой въ рукахъ; директриса ласково потрепала ее по плечу: «Вотъ очень хорошая дѣвушка; она ни за что на свѣтѣ не согласилась бы лишиться этой ленточки. Не правда-ли?» сказала она, называя ее по имени. «Потому что, разъ лишившись, нельзя вернуть ее, какъ ни старайся», добавила м-съ Johnson, обращаясь къ намъ.

Мы входимъ въ мастерскія глаженія, шитья, починки. Всякая заключенная выходитъ изъ тюрьмы, научившись ремеслу, дающему ей возможность при желаніи честно зарабатывать себѣ пропитаніе. Сверхъ того, неграмотныя обязательно посѣщаютъ каждый вечеръ уроки чтенія и письма; остальныя по желанію присутствуютъ на урокахъ географіи и исторіи. Къ ихъ услугамъ библіотека и наиболѣе популярнымъ сочиненіемъ является повидимому «Хижина дяди Тома», эта книга милосердія. Онѣ могутъ пользоваться книгами въ очень короткіе часы рекреаціи, когда за ними тщательно наблюдаютъ. На все, что мѣшаетъ ихъ разговорамъ между собой, смотрятъ какъ на предохранительное средство. Въ теченіе получасовой бесѣды предаются воспоминаніямъ прошлаго, обмѣниваются слишкомъ откровенными признаніями, возбуждаются, и улучшеніе, добытое недѣлями, мѣсяцами, можетъ быть сразу потеряно. М-съ Johnson стремится упразднить даже эти роковые полчаса, единственную уступку, сдѣланную женской потребности поболтать; она старается ихъ наполнить какимъ-нибудь развлеченіемъ, обусловливающимъ молчаніе, музыкой или посѣщеніями постороннихъ добрыхъ людей. Но выборъ посѣтительницъ— тоже трудная задача; не слѣдуетъ допускать ни людей впечатлительныхъ, способныхъ растрогаться, ни любопытныхъ, любящихъ слушать разсказы изъ прошлаго.

М-съ Johnson не хочетъ знать исторіи ни одной своей пансіонерки, она не допускаетъ себя до этого слишкомъ легкаго участія, она беретъ ихъ такими, какія онѣ есть въ моментъ ея знакомства съ ними. Пре-

даваясь чувствительности, не приносишь пользы этимъ неуравновѣшеннымъ натурамъ; лица, которыя я вижу въ мастерскихъ, напоминаютъ физіономіи больныхъ въ Salpetrière. Онѣ сидятъ спиной къ двери, чтобы не развлекаться, и не оборачиваются при нашемъ входѣ; я замѣчаю однако измученныя лица, угрюмые взгляды, звѣрскія и тупыя физіономіи. Всѣ аккуратно причесаны, съ закрученными косами; единственное хорошенькое сердитое личико принадлежитъ очень молодой мулаткѣ. Въ этихъ мастерскихъ, прекрасно вентилируемыхъ, съ такимъ же паровымъ отопленіемъ, какъ во всемъ остальномъ домѣ, не чувствуется затхлаго и непріятнаго запаха, какъ бы присущаго всѣмъ, даже не тюремнымъ, мастерскимъ. Для заключенныхъ обязательна самая строгая чистоплотность. Во всякой камерѣ есть необходимыя приспособленія для мытья, узкая кровать, стулъ, Библія, а на стѣнѣ прибиты тюремныя правила; очень часто видишь четки. Дѣйствительно четыре пятыхъ обитательницъ Шерборна католички, ирландки, и только онѣ и религіозны; нѣкоторыя, крайне набожныя, причащаются каждое воскресенье въ часовнѣ, гдѣ оба богослуженія совершаются одно за другимъ; напротивъ протестантки, павшія такъ низко, ни во что не вѣрятъ.

Убранство часовни, гдѣ произнесеніе проповѣди слѣдуетъ за мессой, очевидно имѣетъ въ виду католичекъ. Надъ эстрадой, передъ которой стоятъ молящіяся, видно лицо Божьей Матери между двумя картинами: съ одной стороны Христосъ, говорящій грѣшницѣ: «Иди и впредь не грѣши», съ другой—младенецъ Іисусъ въ ясляхъ, окруженный несчастными, наполняющими нѣчто въ родѣ пещеры, въ глубинѣ которой свѣтится огонь.

Одна барыня, живущая по-сосѣдству, часто пріѣзжаетъ играть на органѣ и доставляетъ наслажденіе этимъ впечатлительнымъ созданіямъ, какъ бы говоря съ ними наиболѣе понятнымъ для нихъ языкомъ; эта богатая молодая женщина-артистка является во многихъ отношеніяхъ дѣятельной сотрудницей м-съ Johnson. Другіе щедрые люди помогли украсить рекреаціонную залу, открываемую только въ нѣкоторые праздничные дни, убранную, какъ теплица, растеніями, цвѣтами и зеленью, среди которой летаютъ ручныя птицы. Здѣсь находятся всевозможныя игры, картины; здѣсь же иногда имѣютъ мѣсто театральныя представленія, даваемыя заключенными, которыя подъ руководствомъ дамъ-попечительницъ сами шьютъ себѣ костюмы. Нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ при этомъ много ума и увлеченія, но имъ доставляютъ наибольшее удовольствіе полевыя работы, право на которыя дается продолжительнымъ хорошимъ поведеніемъ. Небольшими отрядами, въ молчаніи идутъ онѣ косить траву, копать картофель. Нѣтъ ничего болѣе здороваго, болѣе укрѣпляющаго, какъ связь съ землей; оттого-то м-съ Johnson старается пристраивать на фермы не только освобожденныхъ, но и такихъ, срокъ заключенія которыхъ еще не окончился, но за которыхъ она можетъ ручаться. Такъ трудно найти help'овъ (помощницъ), что просьбъ о таковыхъ въ Шерборнъ поступаетъ гораздо больше, чѣмъ ихъ можно удовлетворить.

Въ далекихъ деревняхъ, живя постоянно въ обществѣ людей честныхъ, простыхъ и строгихъ, не имѣющихъ иной прислуги, грѣшницы понемногу втягиваются въ семейную жизнь, пріобрѣтаютъ хорошія привычки; нѣкоторыя исправляются настолько, что забываютъ даже свое постыдное прошлое.

«Надо только сумѣть внушить имъ вкусъ къ чему-нибудь, какую-нибудь страсть, направляющую ихъ въ желательную сторону,—замѣтила м-съ Johnson.—Вы не повѣрите, какъ полезенъ въ этомъ отношеніи уходъ за животными. Я научила сидящихъ въ тюрьмѣ ходить за шелковичными червями; я даю имъ работу на скотномъ дворѣ. Однажды мнѣ пришло на умъ подарить каждой, въ видѣ награды, по цыпленку. Трудно повѣрить, сколько любви изливалось всякою на этого цыпленка, который росъ при ней, составлялъ ея собственность. Но мои маленькіе телята совершили самое трудное обращеніе. У насъ была здѣсь закоренѣлая грѣшница, которая, отбывъ свой срокъ, вернулась снова въ прежній притонъ, какъ единственное мѣсто, гдѣ она чувствовала себя счастливой. Послѣ новаго преступленія она вернулась къ намъ съ твердымъ намѣреніемъ при первой возможности приняться въ третій разъ за свое грязное ремесло. Въ это именно время я попыталась заинтересовать ее двумя, только - что родившимися, телятами; я посылала ее ухаживать за ними; она ихъ полюбила, увлеклась только-что устроенной молочной и нашла, такимъ образомъ, свое призваніе. Теперь она служитъ на одной фермѣ и довольна своей судьбой».

М-съ Johnson гордится своей молочной, превосходнымъ масломъ, приготовляемымъ тамъ. Часть молока отдѣляется для дѣтей, живущихъ въ тюрьмѣ. Нечего говорить, что такая внимательная руководительница, прекрасно знающая чего можно достичь, давши человѣку какой-нибудь предметъ для привязанности, воспользовалась чувствомъ материнской любви, какъ средствомъ воздѣйствія; можно было-бы ожидать, что оно окажется сильнѣе всѣхъ прочихъ, если-бы иной разъ женщины не падали ниже простой самки.

Мы проходимъ черезъ небольшую камеру, гдѣ двѣ молодыя дѣвушки приготовляютъ дѣтскіе рожки и кашицу. «Это», поясняетъ намъ м-съ Johnson, «кухня для дѣтей. У насъ ихъ человѣкъ пятнадцать, всѣ родившіеся въ тюрьмѣ. По правиламъ, ихъ можно здѣсь оставлять не долѣе восемнадцати мѣсяцевъ, но я устраиваюсь такъ, чтобы не помнить ихъ возраста».

Несмотря на многократныя разочарованія, она все еще разсчитываетъ, что общеніе съ этими бѣдными малютками поможетъ ихъ матерямъ вернуться на путь долга, но увы! для большинства ребенокъ служитъ непріятнымъ напоминаніемъ объ ихъ паденіи и онѣ его не любятъ. Пришлось отмѣнить прежде дававшееся имъ разрѣшеніе оставлять дѣтей у себя въ теченіе ночи; съ ними дурно обращались, ихъ били, они становились жертвами звѣрскихъ и грубыхъ побужденій.

Nursery (дѣтская) — это прекрасная, большая комната въ первомъ этажѣ, выходящая всѣми окнами въ поле. Мы находимъ здѣсь четырнадцать малютокъ разнаго возраста, одни изъ нихъ еще на рукахъ, но не у своихъ матерей, а у постороннихъ заключенныхъ, другіе—подъ наблюденіемъ надзирательницы. Мнѣ никогда не приходилось видѣть чего-нибудь болѣе грустнаго: они такъ молчаливы, какъ будто уже находятся подъ гнетомъ тюремныхъ правилъ, и на ихъ блѣдныхъ, страдальческихъ лицахъ какъ-бы застыло смутное выраженіе стыда. Никакія игрушки не допускаются изъ боязни, что дѣти будутъ ихъ передавать другъ другу, между тѣмъ многія изъ нихъ, плоды пьянства и порока, унаслѣдовали заразительныя болѣзни. М-съ Johnson въ полголоса разсказываетъ намъ о маленькомъ чудовищѣ, котораго нельзя было держать вслѣдствіе его неисправимой преждевременной испорченности. «Что-же съ нимъ сталось»? Отвернувшись, м-съ Johnson отвѣтила мнѣ: «Я не хотѣла объ этомъ и знать. Его отнесли въ пріютъ для бѣдныхъ».

Насъ ведутъ въ магазины, полные обуви, матерій. Директриса сама принимаетъ требованія заключенныхъ, собственноручно ихъ удовлетворяетъ. «Если которой-нибудь нужны башмаки, я тутъ, чтобы ихъ выдать; мы при этомъ болтаемъ, я ей предлагаю стаканъ молока, разспрашиваю ее; не надо пропускать ни одного повода сближенія».

Ни одинъ мужчина не живетъ въ Шерборнѣ; надзирательницы скромны и благовоспитанны; врачъ, котораго мы посѣтили въ аптекѣ, образованная женщина, показавшаяся мнѣ искренно преданною своему дѣлу; мѣсто домоваго священника занимаетъ миссъ Ettie Lee.

Но у насъ на пути двери продолжаютъ неслышно открываться и запираться, — двери, сдѣланныя изъ желѣза. Мы кончили нашъ обходъ. М-съ Johnson обращаетъ наше вниманіе на то, что вездѣ избѣгали системы узкихъ и замкнутыхъ дворовъ, высокихъ стѣнъ, видимыхъ предосторожностей противъ возможности побѣга или сношеній извнѣ. Изо всѣхъ оконъ видны поля, скотный дворъ, но ни одинъ прохожій не можетъ перейти черезъ землю, принадлежащую тюрьмѣ. Тишина, уединеніе, отрѣшенность отъ внѣшняго міра, здоровое вліяніе природы — вотъ сотрудники м-съ Johnson. Когда она взяла въ свои руки управленіе шерборнскимъ исправительнымъ домомъ, ей часто приходилось прибѣгать къ строгимъ наказаніямъ, происходили бунты, слышались угрозы, пускались въ дѣло ножи. Теперь нѣтъ ничего подобнаго. Недавній случай дастъ понятіе о вліяніи, какимъ она пользуется: въ то время, какъ она, сопровождаемая заключенными, вечеромъ отправлялась въ церковь по длинной галлереѣ, внезапно потухло электричество. Это былъ мучительный моментъ для м-съ Johnson, очутившейся одна, въ темнотѣ, съ тремя стами женщинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя могли имѣть дурныя побужденія. Не потерявъ, однако, присутствія духа, она приказала имъ молча остановиться, сохраняя предписываемый правилами порядокъ. «Сейчасъ будетъ опять свѣтло» сказала она. Но нѣтъ! проходитъ двѣ, три, четыре минуты, цѣлая

вѣчность, а свѣта нѣтъ... Когда, наконецъ, галлерею освѣтили, оказалось, что всѣ женщины, не шевельнувшись, смирно стояли по мѣстамъ. М-съ Johnson со спокойной гордостью генерала, отдающаго должное дисциплинѣ своего войска, разсказала намъ этотъ случай, сидя въ уютной маленькой гостиной, полной цвѣтовъ, куда мы вернулись послѣ обхода тюрьмы. Молодая заключенная въ платьѣ съ четверными клѣтками, въ бѣломъ передникѣ, подавала намъ чай. М-съ Johnson весело разговаривала, а я думала о суровости этой жизни, добровольно проводимой въ подобной обстановкѣ; я чувствовала уваженіе къ этой женщинѣ, которая, оставшись бездѣтной вдовой, создала себѣ новую многочисленную семью изъ преступныхъ, раскаявшихся и обездоленныхъ.

Семья миссъ Grace Dodge, если понимать слово семья въ широкомъ и трогательномъ значеніи, состоитъ изъ работницъ. Ея «Ассоціація» насчитываетъ болѣе 1000 членовъ-женщинъ, которыхъ сотни приглашенныхъ, интересующихся этимъ дѣломъ, видятъ во время ежегодныхъ митинговъ. Миссъ Dodge живетъ въ Нью-Іоркѣ, она тамъ занимаетъ значительную должность въ учебномъ вѣдомствѣ (commissioner of education); она основала свою «Association of working-girls Societies» въ 1884 г., въ бѣдномъ помѣщеніи въ Десятой улицѣ. Сначала она безъ всякаго взноса собрала человѣкъ 12 дѣвушекъ, работающихъ въ магазинахъ или на фабрикахъ. Черезъ мѣсяцъ ихъ было ужъ 60 и онѣ обязались еженедѣльно вносить по 25 су. Теперь у этого общества обширный домъ, за который оно платитъ по 125 долл. въ мѣсяцъ, передавая отъ себя часть помѣщенія за 85 долл., благодаря чему квартира имъ обходится въ 40 долл., съ избыткомъ покрываемыхъ членскими взносами. Здѣсь преподаются уроки поварского искусства, шитья, вышивки, какъ и въ другихъ организаціяхъ, о которыхъ я буду говорить дальше. Каждую недѣлю бываютъ также собесѣдованія, служащія для миссъ Dodge однимъ изъ главныхъ способовъ воздѣйствія. Темы этихъ бесѣдъ иногда очень характерны для американскихъ нравовъ, напримѣръ: «Друзья-мужчины; какъ найти себѣ мужа; какъ зарабатывать деньги и какъ ихъ сохранять, и т. п.». Не могу не указать на въ высшей степени отрадную подробность: среди членовъ этой ассоціаціи, какъ только она стала процвѣтать, возникло братство для помощи еще болѣе нуждающимся, чѣмъ онѣ сами.

Меня увѣряютъ, что духъ подражанія очень скоро смягчаетъ въ членахъ клубовъ ту чрезвычайную грубость, которая, къ сожалѣнію, слишкомъ часто встрѣчается среди американокъ рабочаго класса, даже посѣщавшихъ общественныя школы, — еще новое доказательство того, что обучать и воспитывать—вещи совершенно различныя. Очень жаль, что не всѣ дѣвушки, служащія въ магазинахъ Нью-Іорка, состоятъ членами этихъ клубовъ. Въ самомъ словѣ «служить» онѣ несомнѣнно чувствуютъ

нѣчто унизительное для себя. Чѣмъ ниже магазинъ, тѣмъ повидимому задорнѣе выражаются требованія соціальнаго равенства среди служащихъ въ немъ. Клубы представляютъ ту выгоду, что въ нихъ сталкиваются лица, пользующіяся наилучшимъ положеніемъ въ первоклассныхъ домахъ съ бѣдными дебютантками; работницы съ джутовыхъ, шелковыхъ, бумажныхъ, табачныхъ и т. п. фабрикъ приходятъ въ соприкосновеніе съ портнихами и служащими въ наилучшихъ торговыхъ домахъ; примѣръ оказываетъ свое заразительное дѣйствіе въ самый короткій промежутокъ времени.

Ассоціація, организованная миссъ Dodge, имѣетъ цѣлью защищать и поддерживать интересы различныхъ обществъ работницъ, устроенныхъ по образцу перваго изъ нихъ и объединенныхъ всѣ въ одно цѣлое. Съ этой группой тѣсно связанъ «Holiday House», домъ, находящійся на сѣверномъ берегу Long-Island'а. Одна великодушная жертвовательница предоставила это обширное помѣщеніе, вмѣстѣ съ окружающими его лугами и лѣсами, въ распоряженіе работницъ, нуждающихся въ отдыхѣ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья. За 15 франковъ въ недѣлю въ Holiday House'ѣ пользуешься всѣми благами и удовольствіями деревенской жизни. Расходы на дорогу клубы берутъ на себя; у нихъ у всѣхъ есть «фонды для пользованія свѣжимъ воздухомъ» (fresh air funds); кромѣ того они входятъ съ этой цѣлью въ сношенія съ «обществомъ работницъ, находящихся въ отпуску», состоящимъ изъ нѣсколькихъ богатыхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя, объѣзжая весь свѣтъ для своего собственнаго удовольствія, не забываютъ, что другія молодыя дѣвушки, занятыя своей работой, не имѣютъ ни средствъ, ни случая путешествовать. Онѣ разыскиваютъ въ деревняхъ фермы, гдѣ покровительствуемыя ими лица могли-бы за низкую плату пользоваться достаточными удобствами; онѣ выхлопатываютъ удешевленные билеты по желѣзнымъ дорогамъ для живущихъ далеко отъ своихъ семей; онѣ достаютъ даровые билеты для экскурсій тѣмъ, кто можетъ пользоваться только кратковременнымъ отпускомъ. Безумная роскошь, царствующая въ Нью-Іоркѣ, если не оправдывается, то хоть отчасти искупается подобными тратами на разумную филантропію. Это своего рода страховая премія, которую уплачиваетъ роскошь, чтобы хоть нѣсколько обезопасить себя отъ гнѣва и негодованія рабочихъ классовъ. И дѣйствительно, такіе билліонеры, какъ Вандербильты, не мало дѣлаютъ для матеріальнаго облегченія и соціальнаго прогресса массы: у христіанскихъ ассоціацій, мужскихъ и женскихъ, не было болѣе щедрыхъ жертвователей.

Въ юго-западной части 23-ей улицы находятся постройки, принадлежащія «Христіанской ассоціаціи молодыхъ людей» (Young men's christian Association), окруженныя пространствомъ, отведеннымъ для атлетическихъ упражненій. Здѣсь 7000 молодыхъ людей, которые безъ этого прибѣжища вѣроятно проводили-бы свои вечера менѣе здоровымъ образомъ, находятъ книги, лекціи, уроки, игры, всѣ способы чему-нибудь на-

учиться или развлечься. Безчисленные посѣтители присоединяются къ постояннымъ членамъ, но ихъ взносы покрываютъ только 1/3 расходовъ, доходящихъ ежегодно до ста тысячъ долларовъ; сочувствующіе дѣлу добавляютъ остальное. На 15-ой улицѣ взгляды проходящихъ привлекаетъ изящное зданіе изъ темнаго камня съ надписью «Young women's christian Association». Я взошла туда однажды вечеромъ; слуга-негръ провелъ меня изъ передней въ очень хорошенькую часовню, потомъ въ обширную sitting room, гостиную, которой ея удобныя кресла, диваны, ковры придаютъ видъ гостиной семейнаго дома. Я поднялась по подъемной машинѣ въ 1-ый этажъ: здѣсь помѣщается библіотека, читальни, гдѣ можно найти всѣ газеты, всѣ журналы; молодая библіотекарша провела меня въ комнату въ родѣ мастерской; сюда ученицы сосѣдней рисовальной школы приходятъ за моделями, здѣсь-же можно пользоваться безплатно партитурами и музыкальными сочиненіями, можно брать уроки стенографіи, писанія на машинѣ и веденія торговыхъ книгъ. При домѣ находится ресторанъ съ отдѣльнымъ входомъ. Въ хорошо освѣщенныхъ и вентилируемыхъ залахъ, на отдѣльныхъ столикахъ, накрытыхъ съ изысканной чистотой, женщины, цѣлый день занятыя въ конторахъ, школахъ или мастерскихъ, находятъ хорошій столъ по самой дешевой цѣнѣ. Посѣтительницы, которыхъ я тамъ застала, имѣли видъ дамъ; наплывъ ихъ такъ великъ, что приходится дожидаться очереди. Я видѣла, какъ онѣ платили 30 су за обѣдъ изъ 5-ти блюдъ съ кофеемъ; порціи маленькія, подаютъ ихъ сразу, не заботясь о томъ, что онѣ простынутъ, какъ и во всѣхъ американскихъ ресторанахъ, устроенныхъ не на европейскій ладъ; онѣ напоминаютъ собой японское меню или обѣдъ для куколъ. Есть и entremets, вѣчно тѣ-же замороженныя сливки, ice-cream.

Къ зданію христіанской ассоціаціи примыкаетъ «Exchange for women's work». Это не что иное, какъ магазинъ, устроенный на благотворительныхъ началахъ; во всякомъ городѣ Америки мы находимъ подобные магазины болѣе или менѣе процвѣтающими. Женщины различнаго общественнаго положенія приносятъ сюда свои работы, которыя продаются безъ имени автора, шитье, начиная отъ самаго грубаго и кончая самымъ тонкимъ, вязаніе, экраны, вышивки по канвѣ, бѣлье, вѣера, художественныя и изящныя работы. Мнѣ пришлось видѣть одинъ изъ лучшихъ базаровъ въ этомъ родѣ въ Филадельфіи; на немъ значительную роль играли лакомства, пирожное, варенье и консервы. Принимаются всякаго рода заказы: на приготовленіе обѣдовъ и приданаго, бѣлья, приданаго для новорожденныхъ, штопка; всякій считаетъ своимъ долгомъ какъ можно больше здѣсь покупать. Взымаютъ по 10 су съ доллара со стоимости проданнаго, остальное передается анонимной работницѣ; если она не очень искусна, то она должна совершенствоваться въ существующей при этомъ учрежденіи школѣ, такъ какъ только безупречныя работы допускаются къ продажѣ. Средства на наемъ квартиры, отопленіе, освѣщеніе и другія траты собираются по подпискѣ.

Но особеннаго вниманія заслуживаютъ «homes» для работницъ, которые, не прибѣгая къ благотворительности, являются просто кооперативными предпріятіями. При невѣроятно высокихъ цѣнахъ на квартиры и прислугу, даже люди болѣе или менѣе состоятельные находятъ невозможнымъ держать свой домъ, а предпочитаютъ жить въ одномъ изъ пансіоновъ различныхъ категорій, начиная отъ самыхъ изысканныхъ и кончая въ высшей степени скромными, гдѣ за опредѣленную помѣсячную или понедѣльную плату вы находите помѣщеніе, столъ, освѣщеніе, отопленіе и прислугу. Это драгоцѣнный рессурсъ для женщинъ, которыя не хотятъ, чтобы мелкія хозяйственныя заботы отрывали ихъ отъ службы, а такихъ женщинъ въ Америкѣ—легіонъ: во-первыхъ, учительницы въ общественныхъ школахъ, ихъ 245,098 на 123,287 учителей; потомъ состоящія на государственной службѣ; въ одномъ Вашингтонѣ ихъ 6.105, въ другихъ мѣстахъ 2,104, не считая 6,285 женщинъ, завѣдующихъ почтовыми конторами.

Какъ-же этимъ женщинамъ заниматься исключительно своимъ домомъ? Я знаю, что выдающаяся женщина-математикъ изъ Балтиморы m-rs Christine Ladd Franklin возстала въ своей біографіи Софіи Жермэнъ *) противъ предразсудка, будто ученая женщина должна быть исключительно ученой. Можетъ быть, она имѣла право на это. Будучи замужемъ за математикомъ, она являлась живымъ опроверженіемъ всѣхъ нашихъ устарѣлыхъ представленій о соперничествѣ половъ, и въ то-же время она доказала, что самыя отвлеченныя работы совмѣстимы съ обязанностями матери и жены.

Но какъ общее правило должно принять, что жизнь слишкомъ коротка для того, чтобы можно было въ нее ввести столько интересовъ, столько занятій, и не желая признать этой истины, рискуешь ничему серьезно не отдаться. Такъ одна невѣста американка, сообщая мнѣ о своей скорой свадьбѣ, прибавила: «Мы заведемъ свою квартиру, когда наши занятія намъ позволятъ это сдѣлать». Сама она писала, ея мужъ ходилъ въ какое-то правленіе; у каждаго былъ свой клубъ.

Если клубъ и пансіонъ полезны для занятыхъ людей, не успѣвшихъ еще составить себѣ состоянія, на сколько-же они еще болѣе необходимы для рабочаго класса! Съ вами охотно будутъ говорить въ Нью-Іоркѣ о главныхъ служащихъ въ торговыхъ домахъ, зарабатывающихъ по 50 долларовъ въ недѣлю, объ искусныхъ портнихахъ и модисткахъ, легко получающихъ по 10 или 15 франковъ въ день въ большихъ магазинахъ, соперничающихъ съ парижскими. Положимъ, что артисты хорошо оплачиваются въ Америкѣ, артистки портнихи и шляпницы, какъ и всѣ другія; но вѣдь не всѣ артисты, остается еще цѣлая армія чернорабочихъ. Извѣстно-ли, что простая working-girl (дѣвушка работница) получаетъ въ среднемъ отъ 25 до 26 франковъ въ недѣлю? А между тѣмъ цѣны даже самыхъ маленькихъ квартиръ—громадны, съ другой

*) The Century Magazine. Oct. 1894.

стороны tenement-house'ы многолюдныхъ кварталовъ представляютъ изъ себя неподдающіеся описанію вертепы порока и грязи. Окруженные игорными домиками, кабаками, именующими себя saloons помѣщеніями, гдѣ даются балы самаго низкаго разбора, они доставляютъ своимъ жиличкамъ самое жалкое пристанище. Поистинѣ заслуживаетъ сожалѣнія бѣдная работница, не имѣющая семьи или отдѣленная отъ своей семьи потребностью въ независимости, являющейся какъ-бы національнымъ свойствомъ. Ея судьба была-бы еще хуже, если-бы не было помощи извнѣ, помощи безыменной и скрытой, чтобы не имѣть никакого сходства съ милостыней.

Быть можетъ, чувство солидарности, соединяющее богатаго съ бѣднымъ, болѣе естественно здѣсь, въ обществѣ, гдѣ большія состоянія наживаются съ поразительной быстротой и гдѣ многіе, ставшіе богатыми, сохраняютъ еще свѣжее воспоминаніе о годахъ собственныхъ испытаній. Несомнѣнно одно: достаточно иниціативы одного великодушнаго человѣка, чтобы послѣдовалъ наплывъ пожертвованій. Благодаря имъ, въ приличной части города внезапно возникаетъ «home», большой, теплый домъ, съ прекрасной лѣстницей, ведущей въ хорошія комнаты, служащія быть можетъ иногда спальней для троихъ-четверыхъ, но зато такія чистыя, такія просторныя! Сытный обѣдъ подается въ подходящее время: все это въ распоряженіи работницъ и все это стоитъ не дороже, чѣмъ ужасный притонъ. Онѣ могутъ сверхъ того пользоваться книгами; въ случаѣ болѣзни за ними есть уходъ. Полная свобода: ни что не мѣшаетъ имъ принимать гостей, мужчинъ и женщинъ, въ настоящей залѣ, гдѣ есть все, даже фортепіано, гдѣ въ опредѣленные сроки устраиваются вечеринки; единственное требованіе—возвращаться не позже 10 часовъ. Не удивителенъ послѣ этого успѣхъ home'овъ для работницъ, ставшихъ столь многочисленными въ Нью-Іоркѣ, хотя до сихъ поръ въ нихъ еще чувствуется недостатокъ. Я посѣтила два или три изъ нихъ, и единственный упрекъ, какой я могу имъ сдѣлать, это то, что они развиваютъ у бѣдной молодой дѣвушки привычки, которыя трудно будетъ удовлетворить ея будущему мужу. Условіемъ для поступленія въ эти прекрасные пансіоны, кромѣ безупречной нравственности, является еще заработокъ, не превышающій опредѣленной нормы. Есть «home'ы» всякихъ категорій, даже для дамъ, занимающихся умственнымъ трудомъ; «the ladies' Christian Union», первоначально основанный въ прекрасной части города, можетъ вмѣстить 85 пансіонерокъ и онъ всегда полонъ; плата за содержаніе идетъ на столъ и квартиру, остальные расходы пополняются основательницами учрежденія; часть помѣщенія спеціально предоставлена служащимъ въ магазинахъ. Есть даже home'ы для молодыхъ дѣвушекъ исполняющихъ домашнія работы. Ихъ учатъ шить на швейной машинѣ, гладить и штопать. Работницы, не имѣющія заработка, могутъ въ ожиданіи мѣста пользоваться временными, очень дешевыми, home'ами. Primrose House служитъ пріютомъ для выздоравливающихъ, для одинокихъ,

не имѣющихъ достаточнаго заработка. Если онѣ получаютъ только одинъ долларъ въ недѣлю, то онѣ платятъ за себя только 25 су; 50—если онѣ зарабатываютъ два доллара, и т. д.; если ихъ заработокъ доходитъ до 5 дол. въ недѣлю, то имъ предлагаютъ поселиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Всякій клубъ служитъ также бюро для приисканія мѣстъ.

Другіе американскіе города послѣдовали примѣру, данному миссъ Dodge. Прекрасныя ассоціаціи Бостона заботятся о прислугѣ. онѣ имѣютъ попеченіе о покинутыхъ и безпріютныхъ путешественницахъ, посылая своихъ агентовъ-женщинъ на пароходныя пристани, чтобы давать совѣты и указанія нуждающимся въ нихъ. Балтимора является городомъ, гдѣ различныя исповѣданія приходятъ къ наилучшему соглашенію въ этихъ полезныхъ дѣлахъ; послѣ того, какъ протестантскія общества допустили безъ возраженій католичекъ въ свой кругъ, общество St. Vincent съ равной терпимостью открыло доступъ протестанткамъ. Филадельфія, этотъ городъ квакеровъ, напротивъ того, довольно нетерпимъ, но зато онъ никому не даетъ себя превзойти въ щедрости. Большою извѣстностью пользуется «Гильдія» работницъ New Century. Сотни молодыхъ дѣвушекъ находятъ здѣсь всякаго рода уроки для усовершенствованія себя въ ручномъ трудѣ; близко то время, когда она будетъ преобразована въ школу искуствъ и ремеселъ. И вездѣ на первомъ планѣ заботы о духовномъ развитіи; примѣромъ этого является клубъ, носящій любопытное названіе «Клубъ по разу въ день». Члены его подписываютъ обязательство стараться ежедневно оказать услугу, какъ-бы она ни была незначительна, какому нибудь лицу, которому они нисколько не обязаны помогать.

Ночные пріюты въ широкихъ размѣрахъ составляютъ принадлежность этихъ home'овъ. При ресторанахъ для работницъ существуютъ обширныя уборныя, постоянно посѣщаемыя дѣвушками, служащими въ магазинахъ и часто пользующимися очень тѣсными помѣщеніями.

На западѣ для фабричныхъ работницъ устроены такіе комфортабельные пансіоны, что многія, принадлежащія къ совершенно другому классу, поселялись въ нихъ ради экономіи: пришлось противодѣйствовать этому изданіемъ опредѣленныхъ правилъ. Въ St. Paul одна католическая дѣвушка, миссъ Shley, открыла «home» для молодыхъ дѣвушекъ, отличительной чертой котораго является — доставлять удовольствія. Всякій вечеръ его обитательницы танцуютъ подъ звуки рояля; нѣсколько разъ въ теченіе зимы онѣ приглашаютъ своихъ друзей на балы; эти-же молодые люди входятъ въ составъ ихъ литературнаго клуба, гдѣ каждыя двѣ недѣли устраиваются литературно-музыкальные вечера. Никто не можетъ стать членомъ этого общества, если не признанъ способнымъ такъ или иначе содѣйствовать увеселенію другихъ; такимъ образомъ оказываются исключенными люди глупые, что такъ рѣдко случается въ свѣтскихъ кружкахъ; не принимаются также лица старше 30 л., вдовы и разведенныя. Эти благопріятныя условія

способствуютъ многочисленнымъ свадьбамъ; онѣ празднуются въ самомъ учрежденіи свадебнымъ обѣдомъ, устраиваемымъ для новобрачныхъ.

Но я, право, боюсь, что создамъ представленіе, будто жизнь американской работницы, благодаря соціальному прогрессу, обратилась въ безпечальное и изобильное существованіе; между тѣмъ это всецѣло противорѣчило-бы истинѣ: имъ приходится упорно бороться за свое существованіе, несмотря на помощь церквей и частныхъ лицъ. Ихъ положеніе однако съ каждымъ днемъ улучшается, вслѣдствіе тѣхъ самыхъ причинъ, которыя такъ многихъ мужчинъ ставятъ въ положеніе недовольныхъ и незанятыхъ (unemployed). Когда все возрастающее распространеніе усовершенствованныхъ машинъ дѣлаетъ излишней затрату человѣческихъ силъ, работникъ уступаетъ работницѣ часть дѣла, требующую только вниманія и ловкости, при чемъ она конечно довольствуется меньшимъ вознагражденіемъ за трудъ. Женщины зарабатываютъ меньше мужчинъ почти во всѣхъ отрасляхъ; кричатъ о несправедливости, но до сихъ поръ не могутъ этому помочь. Но развѣ можно ни во что считать ужъ одно то, что теперь женщинамъ открыто столько новыхъ дорогъ? Теперь насчитываютъ до 343 производствъ, доступныхъ американкамъ.

Ярымъ соперникомъ слабаго пола даже въ тѣхъ областяхъ, которыя, казалось-бы, по праву должны ему принадлежать, является китаецъ. Онъ прекрасно исполняетъ обязанности прислуги и завладѣлъ всѣми мѣстами въ San Francisco. Онъ проникаетъ во многія фабрики, гдѣ работаютъ женщины. Въ Нью-Іоркѣ онъ завладѣлъ стиркой бѣлья. Да по правдѣ сказать, развѣ можно назвать мужчиной, это выродившееся таинственное существо, въ одеждѣ столь-же загадочной, какъ и его блѣдное лицо, на которомъ едва открываются два глаза въ видѣ запятыхъ? Маленькая, круглая шляпа, широкіе шаровары, похожіе на юбку, раздѣленную пополамъ, нѣчто въ родѣ казакина, все это изъ темно синяго сукна, подъ мышкой зонтикъ,—вотъ типъ, на который всѣ китайцы до того похожи, что въ вагонѣ, на пароходахъ, ихъ трудно отличить одинъ отъ другого. Въ его неподвижности есть что-то сверхъестественное; спрятавшись за свои широкіе рукава, онъ какъ будто ничего не видитъ. На улицахъ, обыкновенно очень плохо содержимыхъ, превращающихся во время дождя въ цѣлое море грязи, онъ быстро крадется какъ кошка, обутый въ высокія, бѣлыя туфли, на которыхъ не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ грязи. Я встрѣчала много китайцевъ, но не видала китаянокъ. Негры имѣютъ цѣлыя дюжины дѣтей, а китайцы, несмотря на свою репутацію страшно быстро размножаться, всѣ въ Нью Іоркѣ, повидимому, холосты. Таковы они и на самомъ дѣлѣ. Иногда янки въ видѣ контрабанды доставляютъ нѣсколько женскихъ экземпляровъ желтой расы въ вертепы Chinatown, части города, пользующейся очень плохой репутаціей и прилегающей къ Bowery, т. е. нѣмецкимъ, итальянскимъ и еврейскимъ кварталамъ. По ночамъ разноцвѣтные фонари покачиваются надъ лавками продавцевъ опіума.— Но эти люди сомнительной нравственности удивительно ловки, очень

изобрѣтательны и очевидно умѣютъ, гдѣ-бы они ни очутились, довольствоваться малымъ.

Вернемся къ вопросу о работницахъ. Судьба лучшихъ изъ нихъ по возможности облегчается заботами, предметомъ которыхъ онѣ служатъ. Не допускается, чтобы женщины занимались трудомъ слишкомъ утомительнымъ или тяжелымъ; существующее у европейцевъ обыкновеніе, что женщины работаютъ въ полѣ, какъ рабочій скотъ, кажется американцамъ варварскимъ; ихъ возмущаетъ мысль, что женщины могутъ работать въ копяхъ. Но занятія на табачныхъ и бумагопрядильныхъ фабрикахъ имѣютъ тоже свои непріятныя стороны. Многія молодыя дѣвушки работницы начинаютъ работать въ 12 или 13 лѣтъ; обычный возрастъ— 14 лѣтъ. Послѣ 25 лѣтъ число ихъ уменьшается, вѣроятно браки тому причиной. Терминъ «working-girls» (молодыя дѣвушки-работницы) является вполнѣ вѣрнымъ: работницами и бываютъ въ большинствѣ случаевъ молодыя дѣвушки.

Прежде чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, я должна выразить благодарность за чрезвычайную любезность, которую я встрѣтила въ Вашингтонѣ: Департаментъ Труда (department of Labour) предоставилъ въ мое распоряженіе въ высшей степени цѣнные официальные отчеты, составленные по изслѣдованіямъ, произведеннымъ во всѣхъ городахъ женщинами-агентами. Предполагается, что женщины могутъ лучше мужчинъ оцѣнить все, касающееся ихъ пола. Здѣсь находишь старательно собранныя статистическія данныя и массу свѣдѣній, касающихся различныхъ ремеселъ, заработка, привычекъ работницъ, общихъ условій ихъ жизни. Есть данныя даже по вопросу о нравахъ, только въ общихъ чертахъ, съ точки зрѣнія профессіональнаго разврата, такъ какъ иная постановка вопроса была-бы невозможна. Но эта часть отчета, да еще нѣкоторыя подробности о Калифорніи доставлены мужчинами, служащими въ министерствѣ. Если вѣрить ихъ свѣдѣніямъ, ряды собственно проститутокъ пополняются не изъ числа работницъ; большинство ихъ не имѣло и предварительно опредѣленнаго ремесла и служило въ качествѣ прислуги, чаще всего отельной, понемногу спускаясь все ниже и ниже. Среди нихъ много иностранокъ. Иммиграція, служившая когда-то источникомъ богатства для Америки, представляетъ теперь одну изъ ея язвъ. Подонки европейскаго міра накопляются въ бѣдныхъ кварталахъ большихъ городовъ и остаются тамъ.

Обладаетъ-ли замужняя работница тѣми-же качествами хозяйки, которыя существуютъ у насъ въ соотвѣтствующемъ классѣ? Я этого не думаю; во всякомъ случаѣ, эти качества у нея не прирожденныя, какъ у француженки. Когда дамскій комитетъ, интересующійся судьбой молодыхъ дѣвушекъ, переполняющихъ табачныя и шляпныя фабрики Балтиморы, открылъ, 4 года тому назадъ, школу домашняго хозяйства для

обученія ихъ тому, что одна изъ учительницъ, миссъ Elizabeth King, всей душой преданная дѣлу женскаго прогресса, храбро называетъ знаніемъ первостепенной важности — то пришлось начать съ азбуки. Эти несчастныя не умѣли ни подмести полъ, ни вытереть пыли, ни накрыть на столъ, ни очистить картофель. И почти всѣ были воспитанницами общественныхъ школъ, достаточно свѣдущими по гораздо менѣе важнымъ вопросамъ. М-ссъ King разсказываетъ, что довольно быстро достигнутые успѣхи, отразившіеся во многихъ семьяхъ ремесленниковъ улучшеніемъ домашняго стола, доставили положительно славу кулинарнымъ курсамъ; ежедневно молодыя дѣвушки, выходя изъ своей grammar school (среднее между первоначальной и высшей школой—high school), хотя усталыя отъ дневного труда, приходили просить съ ними заняться. Результатомъ этого было весьма удачное соглашеніе между школами грамматическими и кулинарными.

Теперь въ Америкѣ стараются поднять во мнѣніи женщинъ домашнее хозяйство,—эту заброшенную область,—украшая его наименованіемъ «домовѣдѣнія». Домовѣдѣніе, какъ я ужъ упоминала, преподается въ общественныхъ школахъ и въ христіанскихъ ассоціаціяхъ. Такимъ образомъ здѣсь систематически учатъ тому, чему въ другихъ мѣстахъ научаются само собой и случайно. Объясняются причины всякихъ явленій, питательныя свойства всякаго кушанья, изучается анатомія животныхъ, мясо которыхъ употребляется въ пищу, дѣйствіе воды и жара на приготовленіе кушаній.

Удобства, предоставляемыя клубами, пансіонами и ресторанами, привели къ исчезновенію у американокъ качествъ, которыя мы привыкли считать присущими ихъ полу. Слѣдствіемъ этого являются нѣкоторые недочеты почти во всѣхъ хозяйствахъ, гдѣ нѣтъ изобилія долларовъ. Конечно, встрѣчаются образцовыя хозяйки и въ Соединенныхъ Штатахъ, и не только среди тѣхъ, кто имѣетъ француза повара, кучера—англичанина и платитъ горничной по 30 долларовъ въ мѣсяцъ, или тѣхъ, хотя и менѣе богатыхъ женщинъ, которыя на прислугу и домашнюю обстановку, по нашему средней руки, тратятъ такое количество денегъ, какое во Франціи съ избыткомъ хватило-бы на жизнь въ роскоши; въ маленькихъ городахъ, въ далекихъ деревняхъ Востока не выродившіяся наслѣдницы старыхъ пуританскихъ традицій помнятъ, что ихъ бабушки, происходившія изъ лучшихъ семей англійскаго средняго класса, заботливо занимались своимъ домашнимъ хозяйствомъ, не пренебрегая бережливостью, «thriftiness», презираемою теперь, какъ скаредность. Но нигдѣ вы не встрѣтите той ловкости и умѣнья, дающаго возможность француженкѣ, повидимому, прекрасно жить на небольшія средства. Этому противодѣйствуетъ безумная дороговизна всего, что не составляетъ предмета первой необходимости, а также отвращеніе отъ обязанностей, которыя приходится назвать ихъ настоящимъ именемъ — отъ обязанностей служанки мужа. Будь она ремесленницей или работницей, современная аме-

риканка будетъ рѣшительно отрицать, что это должно составлять ея удѣлъ въ этомъ мірѣ; она находитъ, что мужчина совершенно столько-же, какъ и она, обязанъ возиться съ ребенкомъ, покупать провизію и т. д. Черная работа ея не касается. Мужчины продаютъ на рынкахъ за прилавкомъ; вы никогда не увидите женщины въ кассѣ мясной или бакалейной лавки ея мужа, являющейся его подручнымъ, готовымъ, съ полнымъ пониманіемъ, приняться за дѣло, если бы главы дома не оказалось на лицо. Нѣтъ, отецъ семьи, будь онъ милліонеръ или бѣднякъ, долженъ удовлетворять нуждамъ своей жены. Если она хочетъ со своей стороны работать, то въ большинствѣ случаевъ выберетъ себѣ совершенно иную область, чѣмъ онъ; она не будетъ его помощницей, его скромнымъ спутникомъ; она полетитъ, куда ей вздумается на своихъ собственныхъ крыльяхъ.

Какъ-же народу много зарабатывающему, чтобы столько-же тратить, не презирать мелочныхъ уловокъ той экономіи, которая поощряется у насъ? Эпитетъ «mean» (низкая), самый обидный изо всѣхъ, былъ-бы скоро къ ней примѣненъ. Расточительность «waste», напротивъ того, въ Америкѣ является синонимомъ роскоши. Въ отеляхъ лакеи, бѣлые и негры, прислуживающіе у стола, какъ-бы повинуются приказу все тратить и портить; въ частныхъ домахъ прислуга часто проникнута тѣми-же правилами. А какъ трудно къ тому-же найти и удержать слугъ, даже плохихъ! Ожидать отъ нихъ привязанности было-бы самонадѣянно. Общераспространенная любовь къ путешествіямъ противодѣйствуетъ этому. Хозяева такъ-же легко отказываютъ прислугѣ, какъ эта послѣдняя охотно покидаетъ ихъ. Съ одинаковой безпечностью многіе люди, довольно богатые, на время своего отсутствія, болѣе или менѣе продолжительнаго, сдаютъ незнакомымъ людямъ свои городскіе или деревенскіе дома. Они удивляются, что не могутъ и во Франціи также найти какой-нибудь домъ съ полной обстановкой или какой-нибудь наслѣдственный замокъ, который можно-бы было нанять на одинъ или два сезона. И мы не въ силахъ заставить ихъ понять наше чувство отвращенія, котораго, впрочемъ, и у англичанъ не больше, чѣмъ у американцевъ, хотя они и гордятся тѣмъ, что у нихъ у однихъ существуетъ понятіе «home'а», для котораго у насъ нѣтъ даже подходящаго слова.

Возможность домашней жизни,— задача, вездѣ въ Америкѣ стоящая на очереди и разрѣшимая только для людей съ большими средствами,— становится на Западѣ еще болѣе сложной. Крайне удивило меня въ Чикаго любопытное сообщеніе, сдѣланное одной дамой изъ Денвора, м-съ Coleman Stuckert, относительно проекта ея изобрѣтенія, поразительно упрощающаго всякіе вопросы. Она развернула сначала, чтобы иллюстрировать свой разсказъ, цѣлую серію плановъ, архитектурныхъ рисунковъ, изображающихъ дома различныхъ размѣровъ и стоимости, въ крайне смѣшанныхъ стиляхъ, которые она называла венеціанскимъ, романскимъ, испанскимъ и т. д. Эти зданія, предоставленныя къ услугамъ какъ людей съ самыми большими, такъ и съ

самыми скромными средствами, должны были образовывать родъ города, снабженнаго всѣми современными удобствами, доставляемыми паромъ и электричествомъ, при чемъ вагоны, несущіеся съ быстротою молніи, должны развозить кушанья, заказанныя въ бюро ассоціаціи, кушанья на выборъ, роскошныя или скромныя, при чемъ весь трудъ жителей сводился-бы только на собираніе этой манны, какъ-бы падающей съ неба. Посрединѣ площади, окруженной этими жилищами, независимыми одно отъ другого, находились-бы роскошныя зданія общія для всѣхъ, гдѣ можно было-бы, въ случаѣ надобности, получить бальную залу, устроить банкетъ или организовать какое-нибудь празднество. Комфортъ, экономія, удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, начиная съ библіотеки и кончая мѣстомъ для гимнастическихъ упражненій, — все предоставлялось-бы семействамъ, соединившимся такимъ образомъ въ одно кооперативное общество, безъ всякаго нежелательнаго общенія, даже безъ необходимости знакомиться между собой. Осуществленіе подобнаго проекта было-бы рѣшительнымъ шагомъ впередъ къ мечтамъ о 2,000 годахъ, какъ ихъ изобразилъ Bellamy, книга котораго, къ слову сказать, кажется гораздо менѣе фантастической, когда ее перечитываешь въ Америкѣ, чѣмъ когда ее впервые открываешь во Франціи.

М-съ Coleman Stuckert заинтересовала меня своей горячей убѣжденностью, своимъ удивительнымъ краснорѣчіемъ, всѣмъ, что она сама разсказывала о своемъ личномъ опытѣ какъ хозяйки дома и матери семейства, испытанномъ ею въ городѣ «Царица степей», гдѣ, судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Hepworth Dixon'омъ, въ 1866 г. не было ни одной женщины, а теперь 150 тыс. жителей. Она собирается ѣхать въ Европу, пропагандировать тамъ свои экономическіе планы, надѣясь на всемірный успѣхъ. Было-бы напрасно ей доказывать, что ассоціаціи вовсе не въ нашихъ нравахъ, что хотя мы и республиканцы, у насъ все-таки есть прислуга, и что, наконецъ, будучи людьми съ предразсудками, мы бы недовѣрчиво относились къ соусу, приготовляемому сразу для такой массы народа.

Всѣ эти проекты, хотя-бы въ теоріи благосклонно принимаемые, свидѣтельствуютъ, вопреки успѣху уроковъ поварского искусства, о возростающемъ стремленіи къ жизни въ отеляхъ и пансіонахъ. Француженка этимъ не удовлетворилась-бы, такъ какъ она, будучи даже бѣдной, стремится имѣть свой собственный уголъ (son chez elle), но надо помнить, что американка, даже будучи богатой, любитъ всякаго рода передвиженія. Ей нравится проводить лѣто въ какомъ-нибудь отелѣ въ Саратогѣ, гдѣ приготовлено помѣщеніе для 2000 лицъ, пользующихся мѣстными водами, гдѣ все громадно и пышно; въ городѣ, зимой, она охотно приглашаетъ своихъ друзей въ ресторанъ. Мнѣ случалось видѣть молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ здѣсь зовутъ bachelor-girls (дѣвушки-холостяки), такъ-же спокойно спрашивающихъ себѣ карточку кушаній, какъ если-бы

онѣ дѣйствительно были молодыми мужчинами. Одна очень милая обитательница Филадельфіи, пригласивъ меня въ свой клубъ и любезно снабдивъ меня билетомъ для посѣщенія его въ качествѣ его временнаго члена, объясняла мнѣ всѣ преимущества, какія онъ представляетъ. «Для меня, напримѣръ, это большое удобство; во время отсутствія моего мужа, я завтракаю здѣсь, назначаю свиданія своимъ пріятельницамъ, пользуюсь журналами. При клубѣ есть даже нѣсколько комнатъ для тѣхъ изъ насъ, кто на время пріѣзжаетъ изъ деревни». Это все говорила женщина, которую я считаю одной изъ лучшихъ хозяекъ дома, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать въ Америкѣ, прекрасно пользующаяся неграми въ качествѣ прислуги, что все чаще и чаще приходится видѣть по мѣрѣ приближенія къ югу.

Какъ-бы ни былъ либераленъ Сѣверъ, въ немъ существуетъ отвращеніе къ близкому соприкосновенію съ неграми. Ихъ временными услугами на желѣзныхъ дорогахъ, на пароходахъ, въ нѣкоторыхъ отеляхъ, пользуются тѣмъ болѣе, что они очень исполнительны, услужливы; но терпимость на этомъ и останавливается. Только начиная съ Балтиморы, это чувство повидимому исчезаетъ. Въ Балтиморѣ, въ Вашингтонѣ еще не доходятъ до того, чтобы молиться въ одной церкви съ потомками Хама, но ими пользуются въ кухнѣ, въ конюшнѣ, въ домѣ, и повидимому въ этомъ не приходится каяться. На негра всецѣло вліяютъ окружающіе: предоставленный самому себѣ онъ можетъ быть пренепріятнымъ животнымъ, у людей вульгарныхъ онъ дѣлается дерзкимъ и фамильярнымъ; но у хорошихъ хозяевъ онъ часто бываетъ образцовымъ слугой. Мнѣ не случалось никогда встрѣчать столъ болѣе тонкій, чѣмъ у хорошей кухарки негритянки на югѣ. Она не нуждается для развитія своего таланта въ спеціальныхъ классахъ, гдѣ молодыя дѣвушки сѣвера въ видѣ снисхожденія изучаютъ нѣкоторыя второстепенныя отрасли химіи, пользуясь всякими изобрѣтеніями, облегчающими ихъ работу. Негритянка доказываетъ, что вдохновеніе важнѣе методы, когда дѣло касается кухни. Нигдѣ въ мірѣ не ѣдятъ лучше, чѣмъ въ Луизіанѣ; Югъ въ этомъ отношеніи не подпалъ подъ вліяніе своихъ побѣдителей, онъ очевидно хранитъ былыя французскія традиціи, еще усовершенствованныя, благодаря вліянію креолокъ. Изъ самой скромной негритянской хижины всегда распространяется ароматъ вкусныхъ яствъ; совершенно противоположное видишь въ деревенской обстановкѣ на сѣверѣ. Одинъ художникъ пейзажистъ, вернувшись въ Нью Іоркъ послѣ долгаго пребыванія во Франціи, сообщалъ мнѣ о своемъ намѣреніи опять возвратиться къ намъ не только вслѣдствіе трудности подчинить требованіямъ искусства этотъ американскій деревенскій пейзажъ, въ которомъ чувствуется недостатокъ въ деталяхъ и который, даже въ лучшія минуты, носитъ печать чего-то крикливаго (gaudy), но главнымъ образомъ потому, что не можетъ переносить кухни деревенскихъ гостиницъ.

Мнѣ пришлось видѣть на состязаніи въ игрѣ въ мячъ (foot-ball),

имѣвшемъ мѣсто между обитателями двухъ деревень штата Мэнъ, толпу деревенскихъ жителей, во всѣхъ отношеніяхъ подобную буржуазной толпѣ, и собравшуюся для такого именно спорта, который является любимымъ удовольствіемъ всѣхъ классовъ безъ различія. «Foot-ball между университетами Yale и Harvard'а наполняетъ собой газеты въ теченіе цѣлой недѣли. Состязаніе здѣсь происходило конечно съ меньшей торжественностью, но съ одинаковымъ увлеченіемъ какъ со стороны участниковъ, такъ и со стороны зрителей и зрительницъ. Первые изъ нихъ, красивые молодцы въ воинственномъ костюмѣ, надѣвали потомъ безобразныя пальто, придававшія имъ въ высшей степени вульгарный видъ. Хорошенькія деревенскія дѣвушки были нарядны не менѣе, чѣмъ городскія работницы, одѣвающіяся по послѣдней модѣ, носящія иногда довольно дорогія матеріи, мѣха, золотыя вещи; почему-бы имъ такъ и не одѣваться, если имъ нравится тратить на туалеты весь ихъ заработокъ? Одна дама изъ Филадельфіи разсказывала мнѣ, что она сочла нужнымъ попросить свою горничную не служить у стола съ брилліантами въ ушахъ. «Мнѣ нравится надѣвать на себя все мое богатство», спокойно отвѣтила молодая дѣвушка. «А мнѣ нравится вамъ за это отказать отъ мѣста», возразила ея хозяйка.

Надо принять во вниманіе, что болѣе двухсотъ лѣтъ класса прислуги въ Соединенныхъ Штатахъ не существовало. Нѣкогда американки гордились своими занятіями хозяйствомъ, но это время давно миновало; оно совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ, когда женщины не имѣли права учительствовать, а могли показывать свои способности въ этомъ направленіи только въ воскресныхъ школахъ. Америка тогда была бѣдна, вмѣстѣ съ богатствомъ явились и потребности, и прихоти. Понадобились помощницы, «helps», сначала считавшіяся равными своимъ хозяйкамъ, или лучше сказать покровительницамъ, съ ними обращались какъ съ членами семьи. Слѣдствіемъ этого были нравы простые, патріархальные, достойные республики. Впослѣдствіи потокъ ирландской иммиграціи все сразу измѣнилъ: «helps», бывшія зачастую, благодаря прекраснымъ общественнымъ школамъ, очень образованными дѣвушками, соединявшими умственную работу съ занятіями домашнимъ хозяйствомъ, исчезли передъ этимъ нашествіемъ. Теперь въ роли прислуги итальянцы понемногу замѣняютъ собой ирландцевъ, которые занялись политикой; они довольствуются меньшимъ жалованьемъ и ведутъ болѣе трезвую жизнь.

Но что сталось съ прежними help'ами? Онѣ служатъ въ торговыхъ домахъ, въ правленіяхъ, онѣ сдѣлались стенографистками, писцами на машинахъ, журналистками, можетъ-быть интервьюерами. Погоня за «человѣческимъ документомъ» (document humain) дошла въ Америкѣ до маніи: сотни женщинъ, не говоря о мужчинахъ, выслѣживаютъ проходящихъ, берутъ ихъ, выражаясь метафорически, за горло, чтобы узнать отъ нихъ свѣжія новости, сенсаціонныя извѣстія, подчасъ выдумыва-

ютъ даже то, чего они и не говорятъ, или во всякомъ случаѣ по своему пополняютъ и придаютъ real conversation (подлинной бесѣдѣ) надлежащую окраску. Сколько мнѣ пришлось видѣть интервьюеровъ-женщинъ. стоящихъ значительно выше ихъ ремесла и имѣющихъ, быть можетъ, дипломъ въ карманѣ!

Многія женщины пишутъ, нѣкоторыя съ талантомъ; но прибѣжищемъ большинства является преподавательская дѣятельность. Въ нормальныхъ школахъ 38 штатовъ насчитываютъ 23,000 воспитанниковъ и изъ этого числа 71% женщины.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Всякому, навѣрно, приходилось подмѣтить въ исторіи «отечественной» науки одно, повидимому, весьма простое обстоятельство. Въ извѣстные моменты въ рядахъ нашихъ отечественныхъ ученыхъ объявляется обиліе «трезвыхъ» головъ, не опьяненныхъ наукой, при чемъ многіе изъ тѣхъ, кто раньше афишировалъ невоздержанное отношеніе къ наукѣ, стараются манифестировать свое отрезвленіе. Такой modus vivendi самъ по себѣ, не говоря уже о подысканіи смягчающихъ обстоятельствъ для своей собственной совѣсти, долженъ былъ-бы вызвать особое вниманіе къ вопросу о томъ, насколько преступленія являются продуктомъ среды, опредѣленныхъ условій времени и мѣста и т. п. Извѣстно, что возникшая на этой почвѣ теорія преступленія давала-бы и имъ нѣкоторое право на амнистію передъ судомъ исторіи, такъ какъ она преступленію, какъ продукту злонамѣренной воли, отводитъ тѣсныя границы, опредѣляя тѣмъ самымъ и право наказанія. Но тутъ ортодоксальная quasi-наука уголовнаго права выступаетъ во всей своей неприглядной наготѣ. Въ лицѣ нѣкоторыхъ «отечественныхъ» ученыхъ она съ какимъ-то бравирующимъ цинизмомъ оголяетъ свои подгнившія основы. «Уголовное правосудіе, говоритъ проф. Сергѣевскій, не нуждается для своего обоснованія ни въ абсолютныхъ принципахъ, ни въ особыхъ спеціальныхъ цѣляхъ; оно вытекаетъ изъ сущности правопорядка и заключаетъ цѣль въ самомъ себѣ,—оно самоцѣльно, selbstzweck». Не правда-ли, бойко сказано и съ настоящей русской откровенностью? А знаете, что отсюда вытекаетъ? «Отсюда мы должны сдѣлать заключеніе, говоритъ г-нъ Сергѣевскій, что государство имѣетъ право наказанія на томъ основаніи, что оно не можетъ существовать безъ уголовнаго правосудія; уголовное правосудіе входитъ въ самое понятіе правопорядка, и безъ него послѣдній не мыслимъ. Всякое дальнѣйшее обоснованіе этого права государства надъ своими подданными выходитъ изъ области науки уголовнаго правовѣдѣнія, такъ какъ оно сливается *съ общими соціальными законами*»... А отсюда знаете, что вытекаетъ? Отсюда вытекаетъ весьма трезвое рѣ-

шеніе вопроса «о значеніи цѣлесообразности въ наказаніи». Разъ уголовное правосудіе самоцѣльно и наказаніе существуетъ для наказанія, то вопросъ о значеніи цѣлесообразности въ наказаніи является совершенно празднымъ. «Достиженіе тѣхъ или другихъ полезныхъ цѣлей, говоритъ г. Сергѣевскій, желательно и въ высшей степени потребно для общества; но тѣмъ не менѣе всѣ эти цѣли не суть что-либо существенное для уголовнаго правосудія. Хотя-бы ни одна изъ спеціальныхъ цѣлей наказанія не достигалась, хотя-бы даже конкретные виды наказаній давали обратные результаты, уголовное правосудіе въ цѣломъ сохранитъ все свое значеніе и останется столь-же безусловно необходимымъ, какъ и при наилучшемъ достиженіи спеціальныхъ цѣлей; уголовное правосудіе самоцѣльно и успѣхъ или неуспѣхъ въ организаціи отдѣльныхъ формъ наказанія не имѣетъ для него ровно никакого значенія. Въ каждомъ изъ дѣйствующихъ уложеній найдется множество такихъ наказаній, которыя по самому содержанію своему не могутъ имѣть никакихъ цѣлей; таковы краткосрочныя лишенія свободы и денежные штрафы; однако, они служатъ общему дѣлу уголовнаго правосудія нисколько не хуже всякихъ исправительныхъ и устрашительныхъ заведеній» *). Однимъ словомъ, да здравствуетъ наказаніе quand même! Мы предлагаемъ г. Сергѣевскому облачиться въ традиціонную рубаху «старѣйшаго русскаго криминалиста». Въ такомъ одѣяніи вся его фигура оказалась-бы болѣе цѣльной, болѣе гармоничной и болѣе подходящей для проповѣди такихъ «трезвыхъ» началъ уголовнаго правосудія. Уголовное правосудіе существуетъ для уголовнаго правосудія, а достиженіе тѣхъ или другихъ полезныхъ цѣлей для него не есть что-либо существенное, не есть raison d'être его существованія. Хотя-бы ни одна изъ спеціальныхъ цѣлей наказанія не достигалась, хотя-бы конкретные виды наказаній давали обратные результаты, уголовное правосудіе въ цѣломъ сохраняетъ все свое значеніе! Такая циничная проповѣдь варварства является весьма характерной и для той самой науки, отъ имени которой она провозглашается. Ортодоксальная наука «уголовнаго правовѣдѣнія» въ «своихъ предѣлахъ» отдаетъ средневѣковымъ застѣнкомъ и явно претендуетъ на мѣсто въ тѣхъ музеяхъ, въ которыхъ теперь хранятся принадлежности этого застѣнка. И если г. Сергѣевскій имѣетъ полное право на мѣсто въ рядахъ криминалистовъ, не выходящихъ изъ предѣловъ своей компетенціи, то мы въ правѣ утверждать, что въ предѣлахъ науки уголовнаго правовѣдѣнія вопросъ о значеніи цѣлесообразности въ наказаніи можетъ быть разрѣшенъ не съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ и въ предѣлахъ застѣночной логики. Впрочемъ, и самая наука уголовнаго правовѣдѣнія признаетъ себя безсильной дать надлежащее разъясненіе вопроса о значеніи цѣлесообразности въ наказаніи. По крайней мѣрѣ, такую старческую дряблость этой науки признаетъ г. Сергѣевскій, самъ, быть можетъ, того не замѣчая.

*) Сергѣевскій. О правѣ наказанія. «Юридич. Вѣстн.» 1881 г., т. VI, стр. 414 456—57.

То или иное рѣшеніе вопроса о значеніи цѣлесообразности въ наказаніи должно быть логическимъ выводомъ изъ того или иного рѣшенія вопроса о правѣ наказанія. Въ такой неразрывной логической связи стоятъ эти вопросы и у г. Сергѣевскаго. Разъ онъ вопросъ о правѣ наказанія рѣшилъ въ томъ смыслѣ, что уголовное правосудіе существуетъ для уголовнаго правосудія, то отсюда логически вытекало и рѣшеніе вопроса о цѣлесообразности наказанія въ томъ смыслѣ, что наказаніе существуетъ для наказанія. Однако, прочность посылки опредѣляетъ судьбу сдѣланнаго изъ нея вывода. Если бы г. Сергѣевскому удалось обставить свое рѣшеніе вопроса о правѣ наказанія неуязвимыми аргументами, то въ такомъ случаѣ и его рѣшеніе вопроса о цѣлесообразности наказанія являлось-бы совершенно правильнымъ съ точки зрѣнія логики. На самомъ-же дѣлѣ г. Сергѣевскому не удалось доказать, что уголовное правосудіе самоцѣльно. Прежде всего, онъ слишкомъ усердно копируетъ того становаго пристава, который на вопросъ разгнѣваннаго губернатора, для чего существуетъ начальство, храбро отвѣчалъ: для начальства-съ! Сказать, что уголовное правосудіе не нуждается для своего обоснованія ни въ абсолютныхъ принципахъ, ни въ особыхъ спеціальныхъ цѣляхъ, а существуетъ для уголовнаго правосудія, это значитъ сказать по духу времени—очень много, а по существу дѣла—ровно ничего. По такой формулѣ можетъ быть разрѣшенъ любой вопросъ. Право собственности самоцѣльно и существуетъ для собственности, чернило для чернила, перо для пера и т. д. Но г. Сергѣевскій и на почвѣ такой первобытной логики не могъ удержаться на разстояніи 3—4 печатныхъ строкъ. Заявивъ, что уголовное правосудіе самоцѣльно, онъ черезъ 3½ строчки добавляетъ: «уголовное правосудіе входитъ въ самое понятіе правопорядка и безъ него послѣдній немыслимъ». Отсюда уже само собою вытекаетъ, что уголовное правосудіе не есть что-либо первичное, а вытекаетъ изъ понятія о правопорядкѣ, и не есть что-либо самоцѣльное, а служитъ интересамъ этого самаго правопорядка. Однако, и такое рѣшеніе вопроса о правѣ наказанія самъ г. Сергѣевскій не могъ признать окончательнымъ. «Всякое дальнѣйшее обоснованіе этого права государства, надъ своими подданными, добавляетъ г. Сергѣевскій, выходитъ изъ области науки уголовнаго правовѣдѣнія, такъ-какъ оно сливается съ общими соціальными законами». Но если существуетъ дальнѣйшее обоснованіе права наказанія, то какой научный смыслъ можетъ имѣть ближайшее его обоснованіе вообще и въ частности то ближайшее обоснованіе, которое далъ ему г. Сергѣевскій въ предѣлахъ науки уголовнаго правовѣдѣнія? Вѣдь погоня за ближайшими обоснованіями въ обходъ окончательныхъ обоснованій не относится къ числу задачъ науки. Что это за странная наука, которая по *основному вопросу* ея программы можетъ дать въ своихъ предѣлахъ лишь ближайшее, а не дальнѣйшее окончательное обоснованіе? Признавая, что существуетъ дальнѣйшее обоснованіе права наказанія, дальнѣйшее, очевидно, въ порядкѣ принциповъ и

идей, г. Сергѣевскій этимъ самымъ призналъ данное имъ объясненіе въ предѣлахъ науки уголовнаго правовѣдѣнія ближайшимъ въ смыслѣ его непосредственной примитивности, т. е. не научнымъ. Наука уголовнаго правовѣдѣнія, будучи несостоятельной и безсильной дать научное обоснованіе праву наказанія, устами г. Сергѣевскаго заявляетъ, что корень для этого обоснованія скрывается тамъ гдѣ-то, въ недоступной для нея глубинѣ. «Оно сливается, говоритъ г. Сергѣевскій, съ общими соціальными законами», до которыхъ ортодоксальной наукѣ уголовнаго правовѣдѣнія нѣтъ никакого дѣла. Очевидно, это есть передача всего дѣла той отрасли знанія, которая при рѣшеніи вопросовъ преступленія и наказанія вѣдается съ общими соціальными законами, т. е. криминальной соціологіи (sociologie criminelle). И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что юная криминальная соціологія въ настоящее время, оттѣсняя quasi-науку уголовнаго правовѣдѣнія, пріобрѣтаетъ доминирующее значеніе для уголовной политики.

Криминальная соціологія, конечно, не будетъ отрицать того, что уголовное правосудіе существуетъ для поддержанія правопорядка, но она не можетъ помириться съ тѣмъ, чтобы самъ правопорядокъ доставлялъ наибольшее число жертвъ для уголовнаго правосудія. Изъ той же «научной» истины, что уголовное правосудіе существуетъ для уголовнаго правосудія и наказаніе для наказанія, само собою вытекаетъ одобрительное или, по меньшей мѣрѣ, индиферентное отношеніе къ такому правопорядку, который плодилъ бы наибольшую часть преступленій. Какіе результаты даетъ система наказаній и отдѣльные ихъ виды, что порождаетъ преступную дѣятельность вообще и отдѣльные виды преступленій въ частности—все это не есть что либо существенное для той науки уголовнаго правовѣдѣнія, въ рядахъ представителей которой красуется г. Сергѣевскій. Для криминальной соціологіи, наоборотъ, все это вопросы первостепенной важности. Она въ своихъ предѣлахъ ни на минуту не можетъ забыть, что преступленіе есть, прежде всего, соціальное явленіе, возникающее и развивающееся въ опредѣленной средѣ, подъ давленіемъ самыхъ разнообразныхъ соціальныхъ факторовъ отрицательнаго характера, въ числѣ которыхъ неблагопріятныя бытовыя условія занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто. Многія изъ преступленій могутъ оказаться такъ глубоко коренящимися въ условіяхъ быта, что ихъ, пожалуй, прямо можно было бы назвать бытовыми преступленіями, если бы тому не мѣшало одно важное обстоятельство. Дѣло въ томъ, что условія быта, въ свою очередь, не являются продуктомъ одного свободнаго творчества, и во всякомъ государствѣ слагаются подъ сильнымъ воздѣйствіемъ законодательства, регламентирующаго всѣ разнообразныя отношенія въ разныхъ областяхъ общественной и частной жизни. Жизнь же въ своихъ проявленіяхъ настолько разнообразна, что законодательство не можетъ и не успѣваетъ идти вслѣдъ за нею и приспособляться къ ея запросамъ. Въ виду этого, между жизнью и законодательствомъ всегда можетъ воз-

никать рядъ конфликтовъ, рѣзко выражающихся въ томъ, что на почвѣ законодательной регламентаціи слагаются бытовыя условія, самыя благопріятныя для возникновенія и развитія преступленій. Примѣромъ могутъ служить преступленія противъ паспортной системы. Для разрѣшенія указанныхъ конфликтовъ, если они выражаются въ преступленіяхъ, можно избрать три пути. По правилу «уголовное правосудіе существуетъ для уголовнаго правосудія» остается радоваться жертвамъ наказанія, памятуя, что наказаніе существуетъ для наказанія. Затѣмъ можно избрать болѣе мягко устланную дорогу, но ведущую къ той же цѣли: fiat justicia, pereat mundus! Можно, при помощи извѣстныхъ формъ судоотправленія, выступить на защиту несовершенныхъ и устарѣвшихъ отдѣльныхъ законодательныхъ предписаній или даже цѣлой системы такихъ же устарѣвшихъ и несовершенныхъ законодательныхъ правилъ. Для достиженія этой цѣли является наиболѣе подходящей модная у насъ теорія о «несмущеніи» совѣсти присяжныхъ. При помощи этой теоріи все дѣло будетъ сведено, повидимому, только къ заботамъ о томъ, чтобы совѣсть присяжныхъ не подвергалась мучительнымъ испытаніямъ. Присяжные—люди жизни и какъ бы они ни колебались, всегда выступятъ на защиту жизни, а не тѣхъ законодательныхъ предписаній, которыя являются причиной возникновенія преступленій. Въ преступленіяхъ противъ паспортной системы правилъ присяжные всегда выступятъ на защиту живого человѣка, а не паспортныхъ правилъ. Поэтому, остается освободить совѣсть присяжныхъ отъ смущеній, т. е. освободить ихъ отъ рѣшенія дѣлъ о преступленіяхъ, возникающихъ на почвѣ бытовыхъ условій, порожденныхъ несовершенной или отсталой законодательной регламентаціей. Наконецъ, третій путь будетъ уже прямо обратнымъ. Защита законовъ отъ жизненной правды не сдѣлаетъ ихъ болѣе близкими къ этой правдѣ и болѣе отвѣчающими условіямъ жизни и требованіямъ справедливости. Коренное желаніе законодателя сводится къ тому, чтобы жизненная правда всегда брала верхъ надъ правдой формальной. Установить полное совпаденіе между обѣими правдами во всей массѣ разнообразныхъ случаевъ, выдвигаемыхъ жизнью, путемъ реформы законодательства—нѣтъ никакой возможности. Въ виду этого, законодателю остается прибѣгнуть къ помощи присяжныхъ. Люди жизни всегда отдадутъ преимущество жизненной правдѣ предъ правдой формальной.

Слѣдованіе по этому третьему пути у насъ выразилось въ самомъ введеніи суда присяжныхъ, а характернымъ примѣромъ обращенія на второй путь является изъятіе изъ вѣдѣнія присяжныхъ всѣхъ преступленій, указанныхъ въ ст. 201[1] и 1105 уст. уг. суд. По своему особому специфическому характеру преступленія, указанныя въ ст. 201[1] и 1105 уст. уг. суд., были признаны «смущающими» совѣсть присяжныхъ, а потому, въ предупрежденіе такихъ смущеній, и было признано логичнымъ вовсе освободить отъ нихъ совѣсть присяжныхъ.

Въ чемъ же однако выражается особый специфическій характеръ

преступленій, изъятыхъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ согласно ст. 201[1] и 1105 уст. уг. суд.? Насколько оправдались надежды на то, что эти самыя преступленія не будутъ «смущать» совѣсть того высокаго короннаго суда, которому они переданы? *)

Напомнимъ, что по 1105 ст. уст. уг. суд. изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ изъяты «дѣла о преступленіяхъ по должности, за которыя положены въ законѣ наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ». Преступленія по должности, конечно, могутъ быть самыя разнообразныя, но еще болѣе разнообразныя преступленія перечислены въ ст. 201[1]. Согласно этой статьѣ, изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ изъяты связанныя съ указанными лишеніями правъ и преимуществъ «дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 263—272, 274, 276, 282, 286[1] (по прод. 1890 г.), 304, 315, 618, 633, 755, 756, 803, 823, 824, 830[1], 1083, 1085, 1143, 1144, 1154—156, 1225, 1236, 1241, 1254, 1262, 1554 ул. о нак., а также объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ и всякаго рода насильственныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ, совершенныхъ при исполненіи или по поводу исполненія должностными лицами служебныхъ обязанностей».

Бытовая сторона всѣхъ этихъ преступленій, изъятыхъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, согласно ст. 1105 и 201[1] уст. уг. суд., прекрасно описана г. Громницкимъ **) и Н. В. Муравьевымъ ***). Мы начнемъ съ 1554 статьи, стоящей послѣдней въ длинномъ перечнѣ статей, подававшихъ поводъ къ «смущенію» совѣсти присяжныхъ.

Ст. 1554 гласитъ: «кто изъ лицъ христіанской вѣры, состоящихъ въ брачномъ союзѣ, вступитъ въ новый бракъ, при существованіи прежняго, тотъ подвергается за сіе лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по третьей или четвертой степени ст. 31 сего Уложенія. Если, однакожъ, доказано, что лицо, обязанное прежнимъ супружествомъ, скрыло сіе для вступленія въ новый противозаконный бракъ и объявляло себя свободнымъ, то виновный въ семъ обманѣ подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Когда-жъ для учиненія такого обмана виновнымъ представлены какіе-либо ложные акты или сдѣланъ иной подлогъ, то онъ подвергается наказанію и за подлогъ и за многобрачіе, по правиламъ о совокупности преступленій (ст. 152). Онъ, сверхъ того, во всякомъ случаѣ, предается церковному покаянію по усмо-

---

*) Въ предшествовавшей статьѣ («Сѣверн. Вѣстн.», май), было доказано, что присутствія судебныхъ палатъ съ участіемъ сословныхъ представителей, которыя теперь вѣдаютъ преступленія, указанныя въ ст. 201[1] и 1105, представляютъ собою коронный судъ, безъ всякаго участія общественнаго элемента.

**) «Журн. мин. юстиціи», мартъ, 1895 г.

***) «Журн. гражд. и уг. права», № 2, 1881 г.

трѣнію и распоряженію своего духовнаго начальства». Статья, безспорно, не мягкая. Нѣтъ ничего удивительнаго, что эта статья по своей суровости, при существующемъ бракоразводномъ законодательствѣ, въ состояніи «смутить» совѣсть даже коронныхъ судей и при томъ судей, поставленныхъ довольно высоко въ судебной іерархіи. Дѣла, относящіяся къ этой статьѣ, г. Громницкій дѣлитъ на двѣ группы. «Содержаніе дѣлъ второй группы,—говоритъ онъ,—таково: двое молодыхъ, здоровыхъ людей, оба женившись на своей родинѣ, вскорѣ послѣ свадьбы попадаютъ—одинъ въ военную службу, другой въ сосѣднюю губернію на заработки. Первый, отслуживши срокъ военной службы, не возвращается на родину, а влюбившись въ дѣвицу и по невозможности обладать ею безъ брака, рискуетъ на ней жениться. Онъ выдаетъ себя за холостого и дѣлаетъ нужныя измѣненія въ паспортѣ. Другой не влюбляется, а находитъ выгоднымъ для себя въ матеріальномъ отношеніи вступить въ новый бракъ и, дѣйствительно, вступаетъ. Но какъ первый, такъ и второй (*безразлично*) вскорѣ принуждены стать передъ судомъ, а первый изъ нихъ даже самъ заявляетъ власти о своемъ двоеженствѣ»... Что-же касается дѣлъ второй группы, то по словамъ г. Громницкаго, «большая ихъ половина заключается въ томъ, что обвиняемый въ двоеженствѣ—обыкновенно дряхлый старикъ, родомъ изъ какой-нибудь дальней губерніи, въ ранней молодости оженившійся противно своему желанію (и даже прямо по принужденію во времена крѣпостного права)—въ силу различныхъ обстоятельствъ покидаетъ родину, порываетъ съ нею на нѣсколько десятковъ лѣтъ всякія сношенія и подъ старость, на чужбинѣ, встрѣчаетъ какую-нибудь вдову, съ которою сходится; живутъ вмѣстѣ, приживаютъ дѣтей, а тамъ и женятся. О первой женѣ ни слуху, ни духу; является естественное предположеніе, что она, по всей вѣроятности, умерла, а иногда имѣются по этому предмету кое-какія неясныя свѣдѣнія: невѣрный слухъ или извѣстіе отъ случайно встрѣтившагося на дорогѣ, на минуту, земляка и т. п. Къ первой женѣ само-собою нѣтъ ни любви, ни привязанности, ни даже привычки; бывали даже случаи, что эта первая жена ранѣе бросила своего мужа. Какъ-же не считать ее погибшею, а себя свободнымъ отъ брачныхъ узъ? Нашъ законъ неумолимъ къ подобнымъ преступленіямъ: несмотря ни на что, разъ существуетъ первый бракъ, не расторгнутый подлежащею властью, второй бракъ влечетъ за собою наказаніе по 1554 ст. улож. о наказ. Гнѣздо, свитое тяжелымъ трудомъ, подъ старость разрушается, вторая жена признается чужою, а иногда и она привлекается къ отвѣту, если знала, что выходитъ замужъ за женатаго; чужими ему признаются и прижитыя дѣти; въ заключеніе — лишеніе или ограниченіе правъ и ссылка или арестантскія отдѣленія. Я долженъ оговориться: мнѣ извѣстны случаи полнаго помилованія Высшей властью по ходатайству суда». Г. Громницкій приводитъ, для примѣра, случай, когда судебная палата прямо оправдала двоеженца и спрашиваетъ: «какъ-же могъ коронный судъ оправдать несомнѣннаго двоеженца? вѣдь первый

бракъ не расторгнутъ, не признанъ установленною властью незаконнымъ?» На эти вопросы и онъ склоненъ дать одинъ отвѣтъ, что тутъ даже стойкая совѣсть коронныхъ судей смутилась и отступила отъ формальной правды въ пользу жизненной правды.

Не безъ смущенія приходится короннымъ судьямъ разбирать и тѣ дѣла, которыя предусмотрѣны въ ст. 823, 824 и 830¹. Эти статьи относятся всецѣло къ лѣснымъ порубкамъ, сопровождающимся разными столкновеніями съ лѣсною стражей. Подкладка возникающихъ тутъ преступленій всѣмъ хорошо извѣстна. «Огромныя лѣсныя богатства, сосредоточенныя въ рукахъ либо казны, либо немногихъ частныхъ лицъ, и трудность, опасность и дороговизна бдительнаго охраненія этихъ богатствъ, говоритъ г. Громницкій, породили массу порубщиковъ изъ окрестныхъ крестьянъ, занимающихся этимъ дѣломъ, какъ исконнымъ и небезвыгоднымъ промысломъ. Отсюда непрестанная борьба, буквально на жизнь и смерть, между порубщиками и лѣсной стражей». Напрасно, однако, г. Громницкій выдвигаетъ на первый планъ исконный и притомъ чисто промысловый характеръ лѣсныхъ порубокъ. Офиціально признано, что лѣсныя порубки приняли чисто эпидемическій характеръ послѣ крестьянской реформы, когда крестьяне были посажены на надѣлы, за небольшими исключеніями, безъ лѣсныхъ угодій. При разныхъ пересмотрахъ, исправленіяхъ и добавленіяхъ лѣсного законодательства всегда возбуждался вопросъ о борьбѣ съ лѣсными порубками и всегда онъ разрѣшался въ томъ смыслѣ, что борьба съ этими порубками однѣми строгими уголовными карами не дастъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Было-бы странно думать, чтобы какой-бы то ни было судъ вовсе не раздѣлялъ такихъ офиціально выраженныхъ взглядовъ по вопросу о лѣсныхъ порубкахъ, какъ было-бы трудно думать, чтобы какой-бы то ни было судъ не принималъ во вниманіе всѣхъ извѣстныхъ обстоятельствъ, при которыхъ происходятъ желѣзнодорожныя катастрофы и пароходныя крушенія.

Дѣла объ этихъ катастрофахъ и крушеніяхъ, предусмотрѣнныя ст. 1225, 1083 и 1085 улож. о наказ., также попали въ перечень ст. 201¹ уст. уг. суд. Эти статьи слишкомъ усердно мѣтятъ въ поѣздную прислугу и командировъ парохода. Въ настоящее время у всѣхъ еще сохранились самыя свѣжія представленія о пароходныхъ крушеніяхъ. Положеніе капитановъ далеко не изъ блестящихъ. Ѣсть хочется, семья на рукахъ, а потому пренебрегать предложенія не приходится. Хозяинъ предлагаетъ команду надъ такимъ неблагонадежнымъ пароходомъ, который самъ изъ себя представляетъ явную опасность. Заикнуться о плохомъ состояніи парохода, о ремонтѣ и т. д. нельзя. Хозяинъ скажетъ: для тебя этотъ пароходъ опасенъ, ищи другого. Приходится брать команду надъ пароходомъ и принимать на себя всю отвѣтственность. Объ этихъ бытовыхъ отношеніяхъ, установившихся на почвѣ безотвѣтственности пароходовладѣльца и полной отвѣтственности жалкаго люда, такъ

громко называемаго командирами пароходовъ, сложились цѣлыя легенды на Волгѣ и другихъ большихъ судоходныхъ рѣкахъ.

Для всякаго понятно, что присяжные, не видя на скамьѣ подсудимыхъ настоящихъ виновниковъ предъ судомъ той общественной совѣсти, представителями которой они являются, не обнаруживали особой охоты мѣтить въ голову формальныхъ или подставныхъ виновниковъ катастрофъ. Точно также, какъ всякому извѣстно, присяжные не обнаруживали никакого желанія сильно карать выставлявшуюся предъ ними на скамьѣ подсудимыхъ разную поѣздную прислугу. Часто оправдывая всю эту поѣздную и пароходную прислугу, присяжные, за рѣдкими исключеніями. которыя вездѣ возможны, не нарушали требованій общественной совѣсти. Наоборотъ, согласно требованіямъ общественной совѣсти, они желали видѣть на скамьѣ подсудимыхъ настоящихъ преступниковъ, указываемыхъ этой совѣстью. Слѣдовало хотя-бы для опыта сажать почаще на скамью подсудимыхъ именно этихъ настоящихъ виновниковъ, и присяжные показали-бы, въ какой мѣрѣ они заражены безпричинной «оправдательной» наклонностью.

Виновными въ такой предосудительной наклонности присяжные были признаны даже въ дѣлахъ о банковскихъ злоупотребленіяхъ. обычно сопровождавшихся банковскими крахами. По ст. 201[1] уст. уг. суд. и банковскія преступленія попали въ число эманципированныхъ отъ суда присяжныхъ (ст. 1154—1156 улож. о наказ.). Процессы о банковскихъ кражахъ всѣ близко подходятъ другъ къ другу и являются какъ-бы копіями съ одного оригинала. Стали всюду легко открываться банки съ выгодными мѣстами директоровъ, членовъ правленія и т. п. Два—три властныхъ обывателя изъ коммерсантовъ съ примѣсью мѣстнаго юриста или канцелярскаго крючка рѣшаютъ, что и обыватели какой-нибудь Чухломы тоже банка желаютъ. Сказано—сдѣлано. Ходатайство послано, съ удовольствіемъ уважено и вотъ въ одинъ прекрасный день обыватели Чухломы узнавали, что у нихъ открытъ банкъ въ виду развивающейся торговли и промышленности или для развитія торговли и промышленности. На самомъ же дѣлѣ въ Чухломѣ и ея окраинахъ никакой развивающейся торговли и промышленности не было и никакихъ подобныхъ видовъ не предстояло. Ссылки на торговлю и промышленность и на предстоящіе виды дѣлались по шаблону, такъ какъ было извѣстно, что въ офиціальныхъ сферахъ охотно поощрялось открытіе банковъ въ разсчетахъ именно на развитіе и возбужденіе торгово-промышленныхъ оборотовъ. Число ежегодно открывающихся банковъ въ разныхъ Чухломахъ въ 70-хъ годахъ въ офиціальныхъ отчетахъ красовалось на самомъ видномъ мѣстѣ, какъ наиболѣе краснорѣчивое доказательство быстраго экономическаго роста страны. Само собою понятно, что эти искусственно насаждавшіеся банки не имѣли для себя никакой нормальной работы. При самомъ своемъ открытіи банкъ являлся уже дѣломъ нечистымъ. Однако, изъ центра на него смотрѣли благосклонно и съ упованіемъ, а

на инициаторовъ и учредителей, какъ на самыхъ достойнѣйшихъ пионеровъ въ дѣлѣ отечественнаго прогресса. Люди, не знавшие другого банка кромѣ чулка и кубышки, поколебались въ виду общаго уваженія и поощренія плодотворной дѣятельности банковскихъ заправилъ. Потекли деньги въ банки. Дѣйствуя на основаніи уставовъ, банки вели какія-то операціи прямо грабительскаго характера по отношенію къ кредиторамъ, вели какую-то бухгалтерію по массѣ разныхъ книгъ, а въ концѣ-концовъ банкъ офиціально объявлялся лопнувшимъ. На скамьѣ подсудимыхъ весь персоналъ банка, завѣдовавшій дѣлами въ моментъ краха. По книгамъ трудно даже самому искусному эксперту распутать дѣло и установить, кто и когда пошалилъ. Всѣ шалили безъ стѣсненій, кто въ дѣлѣ толкъ понималъ. Бухгалтеръ— магъ и волшебникъ велъ безукоризненно книги, хотя банкъ по существу дѣла лопнулъ 10 лѣтъ тому назадъ. Но вѣдь онъ велъ отчетность по указаніямъ директора, а директоръ дѣйствовалъ сообща съ членами правленія, по указаніямъ и заключеніямъ ревизіонной коммиссіи. Да, наконецъ, и всѣ книги и дѣла утверждались и очищались ревизіонной коммиссіей. Всѣ эти лица оказываются не только причастными къ дѣлу, но и скрывавшими злоупотребленія. На самомъ же дѣлѣ всѣ эти виновные члены ревизіонной коммиссіи, какъ всѣмъ было извѣстно, ничего не понимали, а подписывали. Нерѣдко и члены правленія ничего не знали, а служили и подписывали. Директоръ банка, нѣкоторые члены правленія и бухгалтеръ, хотя и понимали дѣло, но они дѣйствовали по одобренію и указанію ничего не понимавшихъ членовъ правленія и членовъ ревизіонной коммиссіи... Никакого правительственнаго контроля не было или онъ былъ назначенъ только тогда, когда оставалось констатировать, что банкъ лопнулъ.

При такой обстановкѣ банковскихъ краховъ трудно себѣ представить, чтобы какой-бы то ни былъ судъ относился безъ всякаго снисхожденія къ лицамъ, попадающимъ въ число главныхъ виновниковъ по непониманію дѣла или по довѣрію къ банковскимъ воротиламъ. Присяжные, знающіе всю житейскую обстановку банковскихъ краховъ, обходятъ жалкихъ членовъ ревизіонной коммиссіи и такихъ же жалкихъ членовъ правленія, а прямо мѣтятъ въ настоящихъ маговъ и волшебниковъ, которыми почти всегда являются директоръ и бухгалтеръ. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что присяжные изъ массы посаженныхъ на скамью подсудимыхъ оправдывали большинство и обвиняли 2—3 человѣкъ. Объясняютъ такіе приговоры присяжныхъ ихъ полной неспособностью разобраться въ сложныхъ и запутанныхъ банковскихъ процессахъ. Такъ, между прочимъ, смотритъ на приговоры присяжныхъ по банковскимъ дѣламъ и г. Дейтрихъ. Въ ихъ неспособности разобраться въ обширномъ слѣдственномъ матеріалѣ онъ находитъ «объясненіе того замѣчаемаго всѣми факта, что присяжные по сложнымъ дѣламъ, при полной доказанности обвиненія, нерѣдко выносятъ, совершенно неожиданно для коронныхъ судей, оправдательные приговоры. Вѣдь нельзя

же предполагать, чтобы присяжные, осудившіе вора, укравшаго старые сапоги, наканунѣ, на другой день по дѣламъ какихъ-либо кронштадтскаго или саратовско-симбирскаго банковъ, по коимъ было вполнѣ доказано расхищеніе десятковъ милліоновъ рублей, вынесли оправдательный вердиктъ лишь потому, что считали заправилъ этихъ банковъ неотвѣтственными за совершенныя ими хищенія. Не правдоподобнѣе ли заключить, что такія оправданія произошли только отъ того, что присяжные засѣдатели не могли разобраться въ массѣ слѣдственнаго матеріала и отличить дѣйствительно виновныхъ отъ попавшихъ на скамью подсудимыхъ лишь вслѣдствіе довѣрія своего къ главнымъ заправиламъ банка»?*). Въ такой формулировкѣ вопроса г. Дейтрихъ, очевидно, признаетъ тотъ фактъ, что присяжные изъ массы выставленныхъ виновниковъ банковскаго крушенія всегда старались выдѣлить дѣйствительныхъ виновниковъ отъ попавшихъ на скамью подсудимыхъ вслѣдствіе довѣрія къ банковскимъ дѣльцамъ. Въ этомъ и состоитъ вся суть вопроса. Разъ доказанъ и признанъ тотъ фактъ, что присяжные всячески старались по банковскимъ дѣламъ дать перевѣсъ жизненной правдѣ надъ правдой формальной, то этимъ самымъ доказано, что въ банковскихъ процессахъ присяжные стояли на высотѣ ихъ призванія. Если же въ своемъ стараніи отдѣлить правыхъ отъ виновныхъ присяжные иногда ошибались и оправдывали виновныхъ, то вѣдь отъ ошибокъ никакой судъ не застрахованъ и лучше оправдать десятки виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго по существу и виновнаго формально. Вполнѣ возможно, что оправдательные приговоры присяжные выносили именно потому, что они не вполнѣ разобрались въ слѣдственномъ матеріалѣ. Но почему такой фактъ долженъ свидѣтельствовать именно о недостаткѣ у присяжныхъ способности разобраться въ слѣдственномъ матеріалѣ, а не о качествахъ самого слѣдственнаго матеріала? Предварительное и судебное слѣдствіе ведутся и по сложнымъ дѣламъ не всегда съ должнымъ умѣніемъ. Позволительно думать, что и коронный персоналъ не всегда обнаруживаетъ способность разобраться въ сложномъ матеріалѣ при производствѣ предварительнаго слѣдствія, составленіи обвинительнаго акта и руководствѣ судебнымъ слѣдствіемъ. Когда же тутъ все обстоитъ въ порядкѣ, то присяжные разберутся въ дѣлѣ не хуже коронныхъ судей. На совѣщаніи прокуроровъ и старшихъ предсѣдателей судебныхъ палатъ былъ приведенъ интересный примѣръ непреднамѣренно устроеннаго конкурса между коронными судьями и присяжными. «По послѣднему дѣлу мценскаго банка судьи, сомнѣваясь въ томъ, совладаютъ ли присяжные со своею задачею, сами, во время ихъ долгаго совѣщанія, проектировали отвѣты на многочисленные вопросы и таковые вполнѣ совпали затѣмъ съ провозглашенными присяжными **)». Присяжные, такимъ образомъ, опровергли сомнѣнія корон-

---

*) Ж. м-ва юстиціи, апрѣль 1895 г., 6—7 с.

**) Ж. м-ва юстиціи, февраль 1895 г., 48 с.

ныхъ судей, видимо признававшихъ, что имъ дѣло болѣе ясно, чѣмъ присяжнымъ. Г. Громницкій, являясь сторонникомъ того коронного суда. которому теперь подвѣдомственны банковскія дѣла, приводитъ одинъ банковскій процессъ въ доказательство того, что присяжные оправдали бы большее число подсудимыхъ и ближе стояли бы къ правдѣ, чѣмъ коронный судъ съ участіемъ такихъ же коронныхъ представителей сословій. Это показаніе г. Громницкаго, не менѣе опытнаго прокурора, чѣмъ г. Дейтрихъ, свидѣтельствуетъ, что присяжные въ банковскихъ процессахъ лучше коронныхъ судей могли бы разобраться въ слѣдственномъ матеріалѣ для выясненія жизненной, а не формальной правды.

Близко къ банковскимъ крахамъ, по причинамъ ихъ возникновенія. подходятъ дѣла о растратахъ общественныхъ капиталовъ земскихъ, городскихъ и дворянскихъ (354 статья улож. о наказ.). Выясняя бытовую сторону этихъ преступленій, г. Громницкій приводитъ два самыхъ обычныхъ случая. По одному дѣлу растрата простиралась до 200,000 рублей и была произведена предсѣдателемъ губернской земской управы, по другому — на 80,000 рублей и была произведена уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ качествѣ предсѣдателя дворянской опеки и уѣздной земской управы. Оба они до суда, по обнаруженіи растратъ, покончили жизнь самоубійствомъ, но дѣла на судѣ все-таки были выяснены съ достаточной подробностью, при чемъ на скамьѣ подсудимыхъ фигурировали побочные и скорѣе всего невольные соучастники. Всѣ эти подробности типично рисуютъ дѣла о растратахъ общественныхъ капиталовъ. «Бывшій предсѣдатель губернской земской управы, человѣкъ лѣтъ 60-ти, отставной военный съ значительнымъ чиномъ, одинокій, съ хорошимъ состояніемъ, одинъ изъ лучшихъ людей въ губерніи по своимъ нравственнымъ качествамъ (добрый, умный, честный), кандидатъ въ губернскіе предводители дворянства, много лѣтъ и старательно занимавшійся земскимъ дѣломъ. Въ своемъ предсмертномъ письмѣ на имя дворянъ (вызвавшемъ слезы у сотни людей, когда читалось это письмо) онъ самъ разсказываетъ причину и растраты, и самоубійства: запутался по недосмотру въ своихъ частныхъ дѣлахъ, для поправленія ихъ взялъ общественныя деньги, разсчитывая вскорѣ ихъ пополнить, но не пополнилъ и взялъ въ другой разъ и т. д. Другой— дворянскій предводитель выдающагося ума и разносторонняго образованія, съ необыкновенною энергіею и твердымъ характеромъ, честолюбивъ и дѣятеленъ; самовластно распоряжался дѣлами уѣзда, игралъ первенствующую роль въ губернскихъ собраніяхъ земскихъ и дворянскихъ; въ ранней молодости былъ изъ красныхъ, за что въ свое время и пострадалъ. Но и это не помѣшало ему на пути общественной дѣятельности. И такой человѣкъ растрачиваетъ 80,000 рублей!» *). Не ясно-ли, что всѣ эти растраты коренятся въ общихъ порядкахъ нашего самоуправленія,

*) Ж. м—ва юстиціи, февраль 1895 г., 48 с.

установившихся на почвѣ дѣйствующаго законодательства. Человѣкъ самовластно распоряжается цѣлымъ уѣздомъ. Все было въ его рукахъ и онъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Такая общественная служба не можетъ воспитывать людей, а можетъ ихъ только портить. Распоряжаясь всѣмъ безъ всякаго контроля на правахъ диктатора, онъ утратилъ представленіе о рѣзкомъ различіи между его личными и общественными дѣлами. Общественные капиталы находятся въ такомъ-же безконтрольномъ его распоряженіи, какъ и собственныя его деньги. Онъ преспокойно можетъ ихъ брать для веденія своихъ личныхъ дѣлъ. И только крупная неудача ставитъ его лицомъ къ лицу съ тѣмъ оголеннымъ фактомъ, что онъ растратилъ не свои, а общественныя деньги. Пуля въ лобъ кончаетъ его диктаторскую власть въ общественномъ самоуправленіи, которое не замедлитъ породить такого-же кандидата для пули въ лобъ. Конечно, если бы наше самоуправленіе не представляло благопріятныхъ условій для развитія диктатуры людей энергичныхъ, то и они не гибли-бы для общественнаго дѣла и общественные капиталы не страдали-бы отъ растратъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что присяжные, принимая во вниманіе такіе ненормальные порядки въ нашемъ самоуправленіи, *иногда* оказывались снисходительными, если только виновные попадали на скамью подсудимыхъ, не успѣвъ пустить пулю въ лобъ. Если бы наше самоуправленіе было сильно, а не разслаблено, если бы, при иной системѣ выборовъ, общественныя дѣла не попадали въ семейное и безконтрольное распоряженіе одного—двухъ человѣкъ, то въ такомъ случаѣ растраты встрѣчались-бы крайне рѣдко и являлись-бы продуктомъ явно преступной злонамѣренной воли.

По другимъ совершенно причинамъ чины почтово-телеграфнаго вѣдомства обнаруживаютъ неравнодушіе къ денежнымъ пакетамъ, посылкамъ и т. п. Для нихъ судъ присяжныхъ также признанъ слишкомъ мягкимъ и замѣненъ коронным судомъ особаго присутствія судебной палаты съ участіемъ коронныхъ представителей сословій. Какіе-же закоренѣлые злодѣи являются передъ этимъ судомъ въ лицѣ чиновъ почтово-телеграфнаго вѣдомства? Преступленія этихъ чиновъ, гдѣ-бы они ни были произведены,—какъ говоритъ г. Громницкій,—«всѣ они точно случились въ одномъ мѣстѣ и при участіи одних и тѣхъ-же лицъ. Печать однообразія и тожества не лежитъ такъ ярко ни на одномъ вѣдомствѣ, какъ на почтово-телеграфномъ. Всѣ чины этого вѣдомства точно изъ одной родственной семьи... Всѣ эти почтовые чины и почталіоны, которые прошли передъ судебною палатою въ качествѣ обвиняемыхъ, до того мизерны и жалки и при этомъ получаютъ такое крошечное жалованье, что эта ихъ матеріальная и духовная безпомощность неизбѣжно представляется главнѣйшей причиной совершаемыхъ ими нерѣдко безсмысленныхъ и ничтожныхъ по результатамъ преступленій». Всѣ эти преступленія могутъ принимать самые разнообразные формы и виды, но условія и причины возникновенія и повторенія остаются одни и тѣ-же. Причины эти, по

меньшей мѣрѣ, не измѣнятъ своей силы и вліянія отъ того, что судъ присяжныхъ замѣненъ судомъ короннымъ. Точно также отъ такой замѣны одной формы суда другою нисколько не ослабѣли условія, вызывающія массу растратъ въ сельскомъ управленіи. Правда, въ нѣкоторыхъ округахъ коронные судьи, призванные въ замѣну суда присяжныхъ разбирать дѣла о сельскихъ растратахъ, открыто высказывали, что они если не окончательно искоренятъ эти растраты, то сведутъ ихъ къ единичнымъ случаямъ *). Нечего и говорить о томъ, что коронные судьи въ данномъ случаѣ имѣли въ виду строгость уголовной репрессіи и своими строгими приговорами надѣялись исправить порядки въ сельскомъ управленіи. Конечно, эта наивная надежда на силу уголовной репрессіи исчезла у коронныхъ судей послѣ разбора дѣлъ о растратахъ въ сельскомъ управленіи.

Виновниками этихъ растратъ являются волостные старшины, сельскіе старосты и сборщики податей. «Это своего рода крестьянскіе казначеи и бухгалтеры въ одно и то-же время, не только малограмотные, но нерѣдко совсѣмъ неграмотные. Собираютъ они подати государственныя, земскія и мірскія. Подъ вліяніемъ уѣздной администраціи, деньги, собранныя на земскія и мірскія нужды, вносятся ими безпрекословно въ счетъ государственныхъ повинностей. При малограмотности сборщиковъ понятенъ тотъ сумбуръ, который отсюда вытекаетъ. Становые пристава не чета сельскимъ чинамъ; но и одинъ становой приставъ, преданный суду за растрату, какъ передаетъ г. Громницкій, оправдался только благодаря тому, что документально доказалъ, что непосредственный его начальникъ заставлялъ его вносить всѣ имѣющіяся на рукахъ деньги въ счетъ государственныхъ повинностей. Этому становому приставу оставалось служить нѣсколько мѣсяцевъ до полной пенсіи; почти 35-лѣтняя безпорочная служба имѣла, конечно, вліяніе на оправдательный приговоръ судебной палаты... Изучивши изрядное количество этихъ дѣлъ, поражающихъ, прежде всего, своимъ однообразіемъ и сходствомъ между собою, я, говоритъ г. Громницкій, пришелъ къ такому выводу: такихъ дѣлъ не было-бы, если-бы крестьянское самоуправленіе было поставлено болѣе нормально. Конечно, растраты сельскими властями случались-бы при всякой обстановкѣ, но это были-бы растраты единичныя, такія, какія бываютъ во всѣхъ сословіяхъ, а не тѣ повальныя и прямо даже *неизбѣжныя* при данной обстановкѣ, какія мы видимъ въ настоящее время въ крестьянской средѣ» **).

Обыкновенно дѣла о растратахъ сельскихъ властей осложняются служебными подлогами (ст. 362 улож. о наказ.) самаго примитивнаго характера. Деревенскій полуграмотный казначей такъ подскоблитъ, что никакой экспертизы не требуется. Онъ такъ безхитростно и аляповато къ

*) Ibid. 66—68 стр.

**) Журн. м-ва юстиціи, мартъ, 1895 г., 56 с.

одной цифрѣ приставитъ другую, что и ребенокъ подмѣтитъ, что она дѣйствительно приставлена. Большей художественностью отличаются подлоги, совершаемые волостными и сельскими писарями. Они фабрикуютъ мірскіе приговоры такъ искусно, что только особыя обстоятельства обнаруживаютъ подлогъ и при томъ спустя не мало времени послѣ фабрикаціи приговора. Всѣ разнообразныя вольныя похожденія въ книгахъ волостного правленія и поэтическія измышленія въ исходящихъ бумагахъ составляютъ необходимую принадлежность писарскаго творчества. Но вѣдь писарь рѣдко по всѣмъ формальнымъ уликамъ выступаетъ главнымъ и единственнымъ виновникомъ. Онъ часто вовсе ускользаетъ отъ суда и на скамьѣ подсудимыхъ появляются соучастники, за спиною которыхъ скрылся главный виновникъ. Онъ составляетъ настоящую язву деревни. «Волостной писарь, какимъ знаетъ его деревня, на ряду съ пришлымъ кулакомъ, мѣстнымъ міроѣдомъ и кабакомъ,—крупное народное бѣдствіе: деревня давно ждетъ избавленія отъ этого бѣдствія. При нормальномъ устройствѣ волостного правленія съ настоящимъ писаремъ во главѣ не только немыслимы будутъ всѣ виды подлоговъ, но сколько здравыхъ юридическихъ понятій прольется въ массу чрезъ волостного писаря! Въ лицѣ его встрѣтятъ самаго сильнаго врага и кулакъ, и міроѣдъ, и кабакъ. Этотъ вопросъ о волостныхъ писаряхъ стоитъ того, чтобы о немъ подумали всѣ тѣ, кому не чужды интересы многомилліонной крестьянской массы» *).

Такія пожеланія выражаетъ «Журналъ министерства юстиціи» и дай Богъ, чтобы они поскорѣе оправдались, хотя, быть можетъ, самый настоящій писарь не много сдѣлаетъ до тѣхъ поръ, пока міръ будетъ пребывать въ нищетѣ и во тьмѣ невѣжества. Нищета и невѣжество никогда не породятъ добрыхъ нравовъ и настоящихъ правовыхъ воззрѣній. При данныхъ-же условіяхъ было-бы даже скучно выяснять причины всѣхъ тѣхъ преступленій должностныхъ лицъ сельскаго управленія, на борьбу съ которыми, въ замѣну суда присяжныхъ, призванъ болѣе строгій формальный коронный судъ. Вотъ предъ вами проходятъ громкія дѣла о превышеніи власти или о злоупотребленіи властью. Въ чемъ-же, главнымъ образомъ, они выражаются? Волостной старшина и сельскій староста, безъ всякаго суда, подвергаетъ тѣлесному наказанію безъ различія мужчину или женщину. «Законъ закономъ,—говоритъ г. Громницкій,—а жизнь сама по себѣ: то, что практикуется столѣтія, то не легко уничтожить однимъ почеркомъ пера. Конечно, это возмутительно, но не по отношенію-же къ сельскому старостѣ, который, можетъ быть, и самъ не разъ испыталъ прелесть тѣлеснаго наказанія. Пока розга будетъ процвѣтать на законномъ основаніи въ нашихъ весяхъ и даже городахъ, до тѣхъ поръ не исчезнутъ, конечно, и дѣла о злоупотребленіяхъ ею». Г. Громницкій и деревенское взяточничество, дающее не мало дѣлъ для суда ко-

*) Ibid., 73 с.

роннаго, замѣнившаго судъ присяжныхъ, объясняетъ въ такомъ-же порядкѣ. «Это крайне печальное явленіе,—говоритъ онъ въ «Журн. м-ва юстиціи»,—и вполнѣ безспорно, что взяточничество изъ сферъ чиновничьихъ перешло и крѣпко засѣло въ крестьянской средѣ. Едва-ли не каждый крестьянинъ, разъ онъ попалъ хотя-бы въ самомалѣйшіе начальники, дѣлается взяточникомъ по принципу. Замѣтьте, что взятки крестьянскими властями берутся съ своихъ-же, съ крестьянъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и въ то-же время кражи собственно крестьянами у крестьянъ-же считаются дѣломъ нехорошимъ и совершаются только по крайней нуждѣ, въ исключительныхъ случаяхъ и преимущественно пришлыми людьми. Изъ этого, думается мнѣ, можно смѣло сдѣлать выводъ, что деревенское взяточничество насажено нашимъ изстари опытнымъ въ этомъ вопросѣ чиновничествомъ. Столѣтія брали съ живого и мертваго, съ праваго и виноватаго, и брали, опять-таки, преимущественно съ крестьянства, что-же мудренаго, что и послѣднее, возмужавши и попавъ въ роль могущихъ также брать, стало выдѣлять изъ себя взяточниковъ?»

Всю теорію г. Громницкаго можно оспаривать, но суть дѣла заключается не въ этой теоріи. Какую-бы теорію ни выставилъ г. Громницкій въ объясненіе деревенскаго взяточничества, она, быть можетъ, оказалась-бы не вполнѣ охватывающей вопросъ. Однако, важно то обстоятельство, что, будучи представителемъ прокурорской власти, онъ въ своей теоріи высказываетъ недоумѣніе на счетъ того, что можетъ здѣсь подѣлать самый строгій судъ, самая строгая уголовная репрессія.

Пожалуй, можно извѣстныя преступленія названіемъ возвести на высокую степень важности и передать ихъ на разсмотрѣніе высокаго и строгаго суда, но шаблонный и заурядный характеръ такихъ преступленій отъ того нисколько не измѣнится. Къ числу такихъ дѣлъ относятся изъятыя изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ дѣла объ оскорбленіи должностныхъ лицъ и насильственныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ во время исполненія ими служебныхъ обязанностей или по поводу исполненія этихъ обязанностей. Статьи уложенія, предусматривающія эти преступленія, помѣщены въ раздѣлѣ 4-мъ, внушительно озаглавленномъ «о преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядка управленія». Во всѣхъ этихъ преступленіяхъ, какъ справедливо замѣчаетъ Н. В. Муравьевъ, преступное дѣйствіе направляется одновременно и совмѣстно на два объекта: одинъ идеальный и отвлеченный—есть тотъ самый порядокъ управленія въ обширномъ смыслѣ, о которомъ говоритъ заглавіе раздѣла; другой объектъ—реальный и конкретный, личность и дѣйствія даннаго физическаго представителя этого порядка, носителя власти, въ которомъ человѣкъ никогда не уничтожается отвлеченнымъ понятіемъ о чиновникѣ. Этотъ двойственный составъ объекта составляетъ не только фактическую, а именно юридическую особенность относящихся сюда уголовныхъ дѣлъ. «Сопротивленіе, говоритъ Н. В. Муравьевъ, оказано чиновнику НН.,

оскорбленіе, произнесенное или совершенное въ присутственномъ мѣстѣ, относилось къ такому-то его члену, оскорбленіе дѣйствіемъ также нанесено чиновнику НН—вездѣ и всегда судъ имѣетъ дѣло, прежде всего, и больше всего съ личностью того должностнаго лица, непосредственно противъ котораго было направлено преступленіе. Значеніе этой личности можно, правда, устранить разсужденіемъ объ отвлеченномъ, истинномъ, законно потерпѣвшемъ порядкѣ управленія, какъ это и было сдѣлано сенатомъ въ рѣшеніи угол. кас. деп. 1873 г., за № 736, но такое разсужденіе всегда останется только казуистическою фикціей, которая не должна вліять на опредѣленіе дѣйствительнаго внутренняго характера и внѣшней опасности преступленія, въ свою очередь, опредѣляющихъ и тѣ или другія формы его наказуемости» *).

Слѣдовательно, по своему характеру, и эти преступленія «противъ порядка управленія» вовсе не заслуживали поднятія на высокую степень исключительной подсудности особому высокому коронному судилищу. Въ такомъ напряженіи силъ уголовнаго правосудія не представлялось надобности, хотя-бы уже просто потому, что всякая уголовная репрессія, а въ особенности суровая уголовная репрессія имѣютъ свое опредѣленное и весьма узкое предназначеніе. Можно усиливать ея строгость до самыхъ крайнихъ предѣловъ, но достиженіе намѣченныхъ цѣлей скорѣе будетъ удаляться, чѣмъ приближаться. Чѣмъ глубже коренятся извѣстныя уголовныя дѣла въ цѣлой массѣ переплетающихся между собою бытовыхъ условій, тѣмъ ярче обнаруживается безсиліе одной уголовной репрессіи, какими-бы суровыми формами судоотправленія она ни сопровождалась. Сколько надеждъ возлагалось извѣстными органами печати на замѣну суда присяжныхъ судомъ короннымъ по дѣламъ о сопротивленіяхъ разнымъ властямъ. Однако, эти грустныя событія далеко не отошли въ область преданій и проходятъ длинной серіей предъ судомъ короннымъ все въ той-же старой бытовой обстановкѣ. Тутъ мы считаемъ необходимымъ привести дословно обстоятельныя разъясненія Н. В. Муравьева и г. Громницкаго, хотя они почти буквально повторяютъ другъ друга.

Подводя итоги своимъ наблюденіямъ надъ дѣлами о сопротивленіи властямъ, г. Громницкій говоритъ, что «они столь органически связаны съ существующими невзгодами, ненормальными сторонами деревенской жизни, такъ что хорошо зная послѣднія, ясно понимаешь *печальную неизбѣжность* первыхъ. Фактическая сторона, событіе такихъ преступленій (по 271 с.) представляется въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ слѣдующемъ видѣ: волостной старшина, рѣдко становой приставъ, во исполненіе рѣшенія волостного суда или по предписанію земскаго начальника пріѣзжаетъ въ данную деревню для взысканія съ крестьянина N. 25 рублей; у него уже описано все движимое имущество и старшина

*) Журн. угол. и гражд. права, № 2, 1881 г.

собственно пріѣхалъ продавать это имущество. Вмѣстѣ съ волостнымъ старшиной на дворъ крестьянина N стремятся сельскіе старосты, десятскій, нѣсколько человѣкъ понятыхъ, покупщики (изъ мѣстныхъ кулаковъ, постоянно и вездѣ скупающихъ все, что дешево продается) и нерѣдко взыскатель. Нежеланные гости давно ожидаются должникомъ и его семьей, ибо о днѣ продажи извѣщеніе посылается заранѣе. По принятому судебной администраціей обычаю, взысканіе всегда падаетъ прежде всего на лошадь или корову. Волостной старшина входитъ во дворъ должника съ цѣлью предъявить покупателямъ лошадь или корову. Съ этого момента начинается неисполненіе требованія волостного старшины, быстро переходящее въ сопротивленіе: лошадь или корова не показываются, а у входа въ конюшню или хлѣвъ стоитъ хозяинъ, нерѣдко хозяйка и даже вся семья; если-же лошадь или корова захвачена на дворѣ и она, послѣ осмотра ея покупателями, уводится, то неисполненіе требованія волостного старшины состоитъ въ томъ, что ее не даютъ увести для передачи покупщику. Неисполненіе требованія начальства естественно влечетъ за собою попытку насильственно его осуществить, а со стороны должника насилію противопоставить таковое-же и часто несравненно большее. Отсюда сопротивленіе вмѣстѣ съ насиліемъ (271 с.)... Итакъ, первый и самый главный признакъ преступленій о сопротивленіи власти съ насиліемъ есть имущественная ихъ подкладка: волостной старшина требуетъ уплаты извѣстнаго долга, по случаю отказа въ платежѣ приступаетъ къ продажѣ движимаго имущества должника—коровы или лошади. Какое значеніе имѣетъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ корова или лошадь—извѣстно всякому... Картина нисколько не измѣняется, если вмѣсто коровы или лошади на сцену является опредѣленіе волостного суда объ изъятіи полосы земли отъ одного крестьянина въ пользу другого. Цѣнны для крестьянина корова и лошадь, но неизмѣримо цѣннѣе полоса, хотя и небольшая земли; только земля эта даетъ цѣну и лошади, и коровѣ. И вдругъ эту драгоцѣнную полосу отнимаютъ въ пользу нерѣдко врага-сосѣда и отнимаютъ, по его мнѣнію, неправо нерѣдко изъ-за денегъ, за взятку» *). Въ такомъ положеніи находятся дѣла по взысканію казенныхъ и иныхъ сборовъ. Можно себѣ представить, насколько обостряются отношенія, когда принудительнымъ образомъ взыскиваются платежи въ удовлетвореніе безбожныхъ требованій кулаковъ и міроѣдовъ. Для примѣра г. Громницкій приводитъ самое простое и, такъ сказать, заурядное дѣло, гдѣ «замѣшанъ былъ интересъ сосѣдняго кулака, притѣснявшаго всевозможными способами крестьянъ; нужно было взыскать, между прочимъ, за потраву, будто-бы совершенную крестьянами. Послѣдніе, не считая себя виновными въ потравѣ и жаждавшіе въ то-же время потравить самого кулака, не только его луга, никакъ не могли помириться съ мыслью о платежѣ ему штрафа. Отно-

---

*) Ж. м-ва юстиціи, мартъ, 1895 г. 82—86 с.

шенія крестьянъ къ кулаку администраціи было хорошо извѣстно, а потому внезапнымъ и грознымъ наѣздомъ полиціи возможно было достигнуть только одного: возбужденія дѣла о сопротивленіи власти. Само собою разумѣется, что становые пристава, въ большинствѣ случаевъ, простые исполнители предписаній свыше, но высшая уѣздная администрація, равно какъ и губернская, могла-бы принять мѣры къ тому, чтобы взысканія, подобныя вышеприведеннымъ, производились иначе и тогда изъ нихъ никакихъ уголовныхъ дѣлъ не возникало-бы. Я утверждаю, заявляетъ г. Громницкій, что при болѣе внимательномъ, умномъ и деликатномъ отношеніи со стороны представителей власти къ обывателямъ, дѣлъ о сопротивленіяхъ не было-бы совсѣмъ. Да, совсѣмъ, исключая, дѣлъ о тѣхъ лицахъ, которыхъ мѣсто не знаешь гдѣ—на скамьѣ-ли подсудимыхъ или въ психіатрическомъ заведеніи».

Гораздо раньше г. Громницкаго, въ скоромъ времени послѣ передачи дѣлъ о сопротивленіи властямъ по закону 6 мая 1878 г. особымъ присутствіямъ судебной палаты, Н. В. Муравьевъ характеризовалъ эти дѣла слѣдующимъ образомъ: «Всего чаще выпадаютъ на долю особаго присутствія дѣла о столкновеніи частныхъ лицъ, *почти всегда крестьянъ*, съ властью, при производствѣ послѣднею съ первыхъ частныхъ гражданскихъ взысканій принудительнымъ порядкомъ, т. е. посредствомъ отобранія и насильственнаго отчужденія имущества. Изъ-за этого-то имущества, тяжкимъ трудомъ добытаго и ревниво оберегаемаго, и бьется и сопротивляется производитель-собственникъ, крестьянинъ, нерѣдко видящій въ продаваемомъ у него зернѣ или скотѣ послѣднюю надежду на хлѣбъ насущный, послѣднее средство прокормить семью. Юридическая необходимость принудительнаго акта для него темна и непонятна, а если даже и шевельнется у него смутное сознаніе своей неправоты, то послѣдствія взысканія представляются ему въ такомъ безвыходномъ и тяжкомъ видѣ, что страстное желаніе во что-бы то ни стало отстоять имущество беретъ верхъ надъ всѣмъ остальнымъ и какъ-то физически невольно побуждаетъ къ противодѣйствію... Вотъ почему крестьянинъ легко забываетъ въ самый моментъ сопротивленія, что предъ нимъ стоитъ представитель законной власти, требующій съ его стороны уваженія и повиновенія, и помнитъ только одно, что сейчасъ уведутъ у него послѣднюю корову и запечатаютъ или тутъ-же продадутъ скудное содержимое амбара; вотъ почему при сопротивленіяхъ такимъ частнымъ взысканіямъ такъ часто произносятся слова: «грабители, грабить пріѣхали»... Замѣчательно, что во многихъ такихъ случаяхъ противодѣйствующее настроеніе обострялось или даже самое сопротивленіе начиналось лишь при видѣ почти всегда сопровождающихъ взыскателей мѣстныхъ торговцевъ, скупщиковъ, которые заранѣе чуютъ поживу и являются на мѣсто единственно для того, чтобы за безцѣнокъ купить описанное крестьянское имущество. Ихъ присутствіе, видимыя намѣренія и кажущаяся крестьянамъ солидарность съ чиновниками-взыскателями всегда несказанно раз-

дражаютъ крестьянъ и возбуждаютъ ихъ къ огульному противодѣйствію... Не указываетъ-ли все это на полное отсутствіе въ разсмотрѣнныхъ дѣлахъ всякихъ признаковъ принудительнаго, дѣйствительно вреднаго и важнаго, противодѣйствія законной власти, предъ общимъ понятіемъ которой крестьянинъ инстинктивно всегда отступаетъ и преклоняется?..» Кромѣ того, по мнѣнію Н. В. Муравьева, въ значительномъ большинствѣ случаевъ, субъективное настроеніе «свойства воли совершившаго преступленія бываетъ таково, что вполнѣ сознательная преступность отсутствуетъ, а воля, хотя и неправильная, уклонившаяся отъ правильной нормы, не представляетъ признаковъ злостности» *).

Пересмотрите съ этихъ послѣднихъ двухъ точекъ зрѣнія всѣ перечисленныя выше преступленія. Что могла съ ними подѣлать самая строгая уголовная репрессія въ формѣ особыхъ судовъ, замѣнившихъ судъ присяжныхъ? Эти особые суды отступили предъ ними и не оправдали той роли, которая для нихъ предназначалась. Особый коронный судъ, въ видѣ особаго присутствія судебной палаты, съ участіемъ коронныхъ представителей отъ сословій, оказался неспособнымъ относиться къ преступленіямъ, перечисленнымъ въ ст. 201[1] уст. уг. суд., совершенно иначе, чѣмъ относился къ нимъ судъ присяжныхъ. Въ этомъ открыто сознаются даже представители прокурорской власти, участвовавшіе въ разбирательствѣ дѣлъ особыми присутствіями судебной палаты. Охарактеризовавъ бытовую обстановку дѣлъ о сопротивленіи властямъ, г. Громницкій заявляетъ: «только теперь, послѣ пятилѣтняго изученія этихъ дѣлъ на мѣстахъ ихъ возникновенія и при этомъ по живымъ источникамъ, я понялъ, почему присяжные засѣдатели постановляли въ большинствѣ случаевъ оправдательные приговоры по такимъ обвиненіямъ. А что присяжные засѣдатели были не неправы, доказывается это всего лучше тѣмъ, что судебная палата съ участіемъ сословныхъ представителей, не говоря уже объ оправдательныхъ приговорахъ, очень часто присуждаетъ по 271 ст. только къ кратковременному аресту даже на 7 дней».

Заявленіе весьма поучительное. Дѣла о сопротивленіи властямъ занимаютъ весьма важное мѣсто въ ряду другихъ дѣлъ, изъятыхъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и переданныхъ особому коронному суду въ надеждѣ именно на большую строгость этого суда. На самомъ-же дѣлѣ, по этимъ дѣламъ коронный судъ палаты съ участіемъ коронныхъ представителей отъ сословій проявляетъ «оправдательную» наклонность и прямо, и косвенно. Прямо «оправдательная» наклонность проявляется въ оправдательныхъ приговорахъ, косвенно—въ переходахъ къ возможно меньшей мѣрѣ наказанія. Спрашивается, не проявляется-ли «оправдательная» наклонность короннаго суда съ участіемъ сословныхъ представителей и по другимъ дѣламъ, перешедшимъ къ нему отъ суда присяжныхъ? Если она

*) Ж. гражд. и уголовн. права. 1881 г., № 2.

проявляется, то въ какихъ предѣлахъ: въ большихъ или меньшихъ по сравненію съ судомъ присяжныхъ?

Этотъ вопросъ былъ выдвинутъ на первый планъ Н. В. Муравьевымъ въ скоромъ времени послѣ изданія извѣстнаго читателямъ закона 9 мая 1878 г., лежащаго въ основаніи всѣхъ изъятій, установленныхъ ст. 201[1] и 1105 уст. уг. суд. Статистическія данныя о дѣятельности суда съ участіемъ сословныхъ представителей въ округахъ Харьковской и С.-Петербургской судебныхъ палатъ послужили Н. В. Муравьеву исходнымъ пунктомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ его выводовъ о репрессивной дѣятельности по однимъ и тѣмъ-же дѣламъ устраненнаго суда присяжныхъ и замѣнившаго его короннаго суда съ участіемъ сословныхъ представителей. Прежде всего, въ судебной практикѣ обнаружилось внимательное и осмотрительное отношеніе къ внесенію дѣлъ на разрѣшеніе суда съ участіемъ сословныхъ представителей. Въ судебной практикѣ сталъ преобладать такой взглядъ, что, въ виду особыхъ надеждъ, возлагавшихся на коронный судъ палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, особому довольно высокому положенію этого суда должно отвѣчать и внутреннее содержаніе дѣлъ, вносимыхъ на его разрѣшеніе. Изъ массы возбуждавшихся дѣлъ одни прямо назначались къ прекращенію, другія признавались не подлежащими суду палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, причемъ не безъ помощи тонкихъ толкованій дѣло отстранялось въ пользу низшей судебной инстанціи. Быть можетъ, въ этомъ отстраненіи отъ дѣлъ ничтожныхъ и слабо обоснованныхъ сказалось стремленіе обезопасить коронный судъ съ участіемъ сословныхъ представителей отъ обвиненій въ излишней слабости, тѣмъ не менѣе этому суду не удалось отличиться предъ присяжными. Статистика показываетъ, что въ первые 2½ года дѣятельности судовъ съ участіемъ сословныхъ представителей ими вынесено оправдательныхъ приговоровъ въ харьковскомъ и петербургскомъ округахъ почти столько-же, сколько раньше по тѣмъ-же самымъ дѣламъ такихъ-же оправдательныхъ приговоровъ выносили присяжные. Не удалось исправиться и въ послѣдующіе годы коронному суду. Судебная статистика за послѣдніе годы, обнимающая всѣ округа, показываетъ, что оправдательные приговоры суда присяжныхъ во всѣхъ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ онъ дѣйствуетъ, изъ всего числа разсмотрѣнныхъ имъ дѣлъ равнялись въ 1889 г. 37 проц., въ 1890—34 проц., и въ 1891 г. тоже 36 проц. Число оправдательныхъ приговоровъ, вынесенныхъ судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей, равнялось въ 1889 г. 34 проц., въ 1890 г.—30 проц., и въ 1891 г.—32 проц. Такимъ образомъ, по числу оправдательныхъ приговоровъ судъ съ участіемъ сословныхъ представителей почти не отстаетъ отъ суда присяжныхъ.

Но если-бы число оправдательныхъ приговоровъ по дѣламъ, рѣшаемымъ теперь судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей, понизилось до крайности, то это еще ничего не говорило-бы о большей репрессіи этого суда по сравненіи съ судомъ присяжныхъ. Нужно обратить

вниманіе на выборъ наказаній. Между назначеніемъ самыхъ ничтожныхъ наказаній и прямымъ оправданіемъ нѣтъ той особой разницы, которая характеризовала-бы большую или меньшую суровость уголовной репрессіи. И вотъ практика показываетъ, что судъ съ участіемъ сословныхъ представителей не только по дѣламъ о сопротивленіи властямъ, но и по другимъ дѣламъ, ему подвѣдомственнымъ, всѣми, имѣющимися въ его распоряженіи способами понижаетъ наказаніе до послѣднихъ предѣловъ. Въ тѣхъ грозныхъ преступленіяхъ, въ которыхъ обвиняются подсудимые по дѣламъ, переданнымъ коронному суду съ участіемъ сословныхъ представителей, онъ отвергаетъ, по словамъ Н. В. Муравьева, признакъ за признакомъ и смягчаетъ тяжесть обвинительнаго акта посредствомъ легчайшей квалификаціи преступленія. Въ то-же самое время, пользуясь законнымъ правомъ, онъ смягчаетъ наказаніе путемъ перехода отъ одной статьи болѣе суровой къ другой—болѣе мягкой, вплоть до самаго ничтожнаго наказанія.

Такимъ образомъ, коронный судъ съ участіемъ сословныхъ представителей въ своихъ приговорахъ по тѣмъ дѣламъ, которыя къ нему перешли отъ суда присяжныхъ, оказался съ нимъ вполнѣ солидарнымъ. Можно было даже напередъ предсказать, что такая солидарность обязательно обнаружится. На приговоры вліяетъ не только форма суда, но и характеръ разбираемыхъ дѣлъ. При всей діаметральной противоположности между судомъ присяжныхъ и короннымъ судомъ, тотъ и другой судъ не могли выносить существенно различныхъ впечатлѣній по дѣламъ, указаннымъ въ ст. 201[1] и 1105 уст. уг. суд. «Законъ, говоритъ Н. В. Муравьевъ, открытъ передъ судьями со всѣми его оттѣнками, переходами и выходами, отъ суда-же зависитъ и безотчетное, на внутреннемъ убѣжденіи основанное установленіе фактической стороны, для подведенія ея подъ юридическія нормы. Одинаковые почти мотивы, но лишь разными путями, приводятъ къ одной и той-же конечной цѣли всякаго справедливаго суда—къ отысканію матеріальной истины. Сопоставляя между собою особое присутствіе судебной палаты съ судомъ присяжныхъ, какъ съ тѣмъ институтомъ, который оно замѣнило, не нужно упускать изъ виду, что тождественный характеръ ихъ дѣятельности слѣдуетъ приписывать *единственно* особеннымъ, столь исключительнымъ и могучимъ условіямъ, что они вынуждаютъ два разныхъ органа къ одинаковому образу дѣйствій». Такими исключительными могучими условіями и являются обстановка и характеръ разбираемыхъ дѣлъ о преступленіяхъ, указанныхъ въ ст. 201[1] и 1105 уст. уг. суд. Всѣ относящіяся сюда данныя говорятъ «о безсиліи особаго присутствія судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей ощутительно и круто поднять и усилить уголовную репрессію этихъ преступленій. Слабость ея не зависитъ отъ организаціи суда и весьма мало отъ догмы или практики процесса; она едва-ли есть даже слабость, а лишь обязательное для всякаго суда посильное соглашеніе формальныхъ требованій закона и отвлеченныхъ публичныхъ интересовъ

съ матеріальными требованіями жизненной правды и интересами личной легальной свободы» *).

Однако, если такими мотивами можно оправдывать дѣятельность короннаго суда, то этими самыми мотивами, очевидно, оправдывается и та дѣятельность присяжныхъ, за которую онъ былъ отставленъ отъ дѣлъ, указанныхъ въ ст. 201¹ и 1105 уст. уг. суд. Уже одинъ фактъ полной солидарности по однимъ и тѣмъ-же дѣламъ между судомъ присяжныхъ и судомъ коронныхъ достаточно свидѣтельствуетъ, что оправдательные приговоры суда присяжныхъ по дѣламъ, изъятымъ изъ его вѣдѣнія, являлись вполнѣ основательными и нормальными, а не безпричинными и тенденціозными. Скорѣе всего передачей дѣлъ суду коронному можно было сообщить приговорамъ тенденціозный характеръ. Такая тенденціозность, несомнѣнно, сказалась-бы, если-бы осуществились надежды на большую суровость репрессіи присутствій судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей. Судъ уголовный съ участіемъ присяжныхъ или безъ присяжныхъ имѣетъ свое опредѣленное назначеніе. Онъ будетъ стоять на высотѣ своего назначенія, если, не обращая вниманія ни на какія условія, будетъ помнить, что онъ призванъ законодателемъ только судить, т. е. выражать въ приговорахъ жизненную, а не формальную правду. Судъ и политика не могутъ имѣть ничего общаго. Стремленіе повысить процентъ обвинительныхъ приговоровъ искусственными формами судоотправленія по извѣстнымъ преступленіямъ можетъ быть объяснено лишь смѣшеніемъ задачъ юстиціи и внутренней политики. Не говоря уже о томъ, что привлеченіе суда на службу задачамъ политики есть явная его коррупція, не мѣшаетъ помнить, что судъ не можетъ въ своихъ приговорахъ оказать какое-бы то ни было вліяніе на тѣ основныя причины и условія, которыя порождаютъ извѣстныя преступленія. Если-бы судъ съ участіемъ сословныхъ представителей оказался самымъ строгимъ, то суровые его приговоры нисколько не измѣнили-бы той бытовой обстановки, среди которой возникаютъ и развиваются преступленія, перешедшія къ нему отъ суда присяжныхъ, согласно ст. 201¹ и 1105 уст. уг. суд. Судъ, положимъ, судилъ-бы безъ должнаго вниманія къ интересамъ правды, вслѣдствіе чего, однако, нисколько не ослабѣла-бы потребность въ тѣхъ коренныхъ реформахъ, которыя могли-бы совсѣмъ или отчасти устранить бытовыя условія, порождающія преступленія, указанныя въ ст. 201¹ и 1105 уст. уг. суд. Мимоходомъ, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ преступленій, уже были указаны нѣкоторыя изъ этихъ реформъ. Перечислить ихъ всѣ нѣтъ возможности. Одно описаніе обстановки, среди которой возникаютъ тѣ преступленія, отъ которыхъ отставленъ судъ присяжныхъ, достаточно ясно указываетъ и на характеръ и на размѣры предстоящихъ, хотя и давно необходимыхъ реформъ. Провѣрка приговоровъ суда присяжныхъ приговорами суда съ участіемъ сословныхъ представителей дала такіе

*) Ibid., 79 с.

краснорѣчивые результаты, что дальнѣйшее промедленіе въ осуществленіи этихъ реформъ едва-ли можно признать цѣлесообразнымъ.

Въ то-же самое время эта провѣрка однихъ приговоровъ другими по однимъ и тѣмъ-же дѣламъ показала, что въ замѣнѣ суда присяжныхъ судомъ коронными не было и не ощущается никакой надобности. Если-бы значительное или даже громадное количество оправдательныхъ приговоровъ какого-нибудь суда по извѣстной категоріи дѣлъ и можно было признать основательнымъ указаніемъ на непригодность этого суда для этихъ самыхъ дѣлъ, то въ такомъ случаѣ и коронный судъ съ участіемъ сословныхъ представителей слѣдовало-бы признать для преступленій, указанныхъ въ ст. 201[1] и 1105 уст. уг. суд., такъ же непригоднымъ, какъ признанъ непригоднымъ и судъ присяжныхъ. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, если-бы коронный судъ не былъ признанъ для указанныхъ преступленій болѣе пригоднымъ, чѣмъ судъ присяжныхъ, и этотъ самый судъ присяжныхъ продолжалъ-бы рѣшать всѣ дѣла, изъятыя изъ его вѣдѣнія, согласно ст. 201[1] и 1105 уст. уг. суд., то количество оправдательныхъ приговоровъ на страницахъ судебной статистики не увеличилось-бы. Все это, однако, еще не предупреждаетъ возможности вывода, весьма неблагопріятнаго для желательнаго возстановленія компетенціи суда присяжныхъ по всѣмъ тѣмъ дѣламъ, которыя переданы коронному суду съ участіемъ сословныхъ представителей. Вѣдь если въ замѣнѣ суда присяжныхъ судомъ коронными не ощущалось надобности и отсутствіе такой надобности подтвердилось, то теперь,—скажутъ,—нѣтъ особой надобности въ обратной замѣнѣ суда короннаго судомъ присяжныхъ. Судъ съ участіемъ сословныхъ представителей по дѣламъ, предусмотрѣннымъ ст. 201[1] и 1105 уст. уг. судопроизводства, въ своихъ приговорахъ оказался вполнѣ солидарнымъ съ судомъ присяжныхъ. Такая солидарность можетъ успокоить и нравственное чувство тѣхъ, кто въ большомъ числѣ оправдательныхъ приговоровъ по указаннымъ преступленіямъ видитъ торжество интересовъ справедливости.

Однако, уже съ чисто внѣшней стороны одно существованіе суда съ участіемъ сословныхъ представителей на ряду съ судомъ присяжныхъ подрываетъ авторитетъ послѣдняго, какъ наилучшей и наиболѣе справедливой формы суда. Обширная компетенція суда съ участіемъ сословныхъ представителей и самое его существованіе, хотя бы онъ всегда въ своихъ приговорахъ оставался однимъ и тѣмъ же, будутъ наводить тѣнь на дѣятельность суда присяжныхъ. Государство, разъ оно вообще находитъ судъ присяжныхъ необходимымъ, не можетъ ставить его компетенцію въ такіе предѣлы, которые могутъ лишь дискредитировать авторитетъ этого суда. Теперь существованіе суда съ участіемъ сословныхъ представителей, при его обширной компетенціи, всякій въ правѣ разсматривать, какъ оффиціально выраженное подозрѣніе и неодобреніе суда присяжныхъ. Государство, сознавая неосновательность такого неодобренія, подтверждаемую цифрами оффиціальной судебной статистики, упорно под-

держивало бы явную несправедливость, сохраняя судъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Какимъ другимъ порядкомъ, какъ ни уничтоженіемъ короннаго суда съ участіемъ сословныхъ представителей, государство можетъ возвратить суду присяжныхъ тотъ авторитетъ, ту заслуженную репутацію, которымъ по ошибкѣ нанесенъ существенный ущербъ законами 9 мая 1878 г. и 7 іюля 1889 г.? Простымъ заявленіемъ о томъ, что хотя оно и ошиблось, подозрѣвая судъ присяжныхъ въ тенденціозности приговоровъ по цѣлому ряду дѣйствій. отнесенныхъ къ категоріи преступленій, но тѣмъ не менѣе не считаетъ возможнымъ снова возстановить судъ присяжныхъ и считаетъ необходимымъ сохранить созданный для нихъ коронный судъ съ участіемъ сословныхъ представителей? Конечно, серьезно о такомъ заявленіи говорить нельзя, но все возможно, и если бы но было сдѣлано, то положеніе суда присяжныхъ стало бы еще болѣе двусмысленнымъ. Въ то-же самое время и къ государству попрежнему предъявлялись бы требованія, прямо-таки оскорбительныя для его авторитета. Принимая во вниманіе, что въ дѣлахъ изъятыхъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ сильно замѣшаны административные и казенные интересы, попрежнему будутъ указывать, что государство только свои интересы защищаетъ отъ суда присяжныхъ, не думая объ обывателѣ. «Моск. Вѣд.», привѣтствуя законъ 7 іюля 1889 г., сдѣлали слѣдующія замѣчанія: «какъ ни отраденъ тотъ фактъ, что министерство юстиціи, наконецъ, вступило нынѣ на правильный путь къ огражденію нашего уголовнаго правосудія отъ произвола суда присяжныхъ, тѣмъ не менѣе интересы этого правосудія тогда только будутъ въ безопасности, когда за настоящимъ шагомъ послѣдуютъ другіе, не менѣе важные и не менѣе необходимые. Присяжные попрежнему будутъ произносить свои приговоры по тѣмъ именно преступленіямъ, которыя чаще всего фигурируютъ въ нашей уголовно-судебной практикѣ и по которымъ, слѣдовательно, чаще всего и нарушается присяжными правосудіе. Въ самомъ дѣлѣ, неужели можно допустить, что правительству дороги только государственные и казенные интересы и что оно ихъ только и оберегаетъ отъ признаннаго имъ непригоднымъ суда присяжныхъ, тогда какъ всѣ интересы частныхъ лицъ (за исключеніемъ интересовъ, нарушаемыхъ двоеженствомъ) для него никакой цѣны не имѣютъ, и что поэтому оно ихъ попрежнему отдаетъ на произволъ этого самаго непригоднаго суда *)»

«Моск. Вѣд.» и теперь весьма часто повторяютъ тѣ же самые упреки и замѣчанія. Государство, конечно, не можетъ на нихъ отвѣтить полнымъ уничтоженіемъ суда присяжныхъ, потому что оно равнялось-бы уничтоженію правосудія въ странѣ. У государства есть другой путь, болѣе къ нему подходящій. Оно собственнымъ примѣромъ должно укрѣплять авторитетъ судебной власти и не должно дискредитировать эту власть въ глазахъ обывателей. Подчинивъ и ввѣривъ свои интересы охранѣ

*) «Моск. Вѣд.», № 207, 1889 г.

суда присяжныхъ, оно устранитъ существующее теперь весьма шаткое положеніе наилучшей формы суда. Двойственный характеръ органовъ суда, вѣдающихъ одни и тѣ же дѣла, затрогивающія разные интересы (государства и частныхъ лицъ), вызываетъ, по меньшей мѣрѣ, недоразумѣніе. Государство свои дѣла и интересы защищаетъ отъ того самаго суда, которому ввѣряетъ охрану интересовъ частныхъ лицъ...

Тотъ фактъ... что судъ съ участіемъ сословныхъ представителей. къ счастію, въ своихъ приговорахъ не разошелся съ судомъ присяжныхъ, говоритъ прежде всего о фактѣ, а не о принципіальныхъ гарантіяхъ. Такъ пока дѣло обстоитъ фактически, и кто поручится, что завтра. въ силу разныхъ мѣропріятій, оно не будетъ обстоять иначе. Кромѣ того. статистическія данныя о дѣятельности суда съ участіемъ сословныхъ представителей говорятъ о томъ, что онъ вообще не проявилъ большей суровости по сравненію съ судомъ присяжныхъ, но для этого онъ долженъ былъ прибѣгать къ довольно искусственному способу, практикуя въ широкихъ размѣрахъ замѣну однихъ наказаній другими. Судъ присяжныхъ дѣйствовалъ-бы вполнѣ нормально. такъ какъ онъ вовсе не прикрывался-бы назначеніемъ ничтожныхъ наказаній. Назначеніе-же ничтожныхъ наказаній, при сравненіи его съ полнымъ оправданіемъ. не будетъ свидѣтельствовать объ излишнемъ напряженіи уголовной репрессіи, но для интересовъ личности подсудимаго, для его добраго имени, между первымъ и вторымъ есть крупная разница. Приговоренный къ штрафу въ размѣрѣ 1 рубля или къ аресту на 7 дней есть все-таки обвиненный и опороченный по суду. Въ то-же самое время такое маскируемое служеніе тѣмъ цѣлямъ, для осуществленія которыхъ призванъ судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, устанавливаетъ ту политику компромиссовъ, которая особенно вредна для нравственнаго уровня и для нравственнаго авторитета коронныхъ судей.

Помимо всѣхъ этихъ принципіальныхъ соображеній, въ предшествующей статьѣ были подробно указаны такіе формальные недостатки, присущіе самой природѣ суда съ участіемъ сословныхъ представителей, которые дѣлаютъ его совершенно нежелательнымъ элементомъ въ общей системѣ судебныхъ учрежденій. Принимая во вниманіе только нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ. самые главные участники этого суда. старшіе предсѣдатели и прокуроры судебныхъ палатъ: на извѣстномъ уже читателямъ совѣщаніи категорически высказались въ пользу полнаго его уничтоженія. Случай весьма рѣдкій. Коронные судьи вообще рѣдко отказываются отъ расширенія ихъ компетенціи и тѣмъ не менѣе они отказались въ особыхъ присутствіяхъ палаты вѣдать дѣла, указанныя въ ст. 201[1] и 1105 ус. уг. суд. Такимъ образомъ, если эти дѣла не будутъ снова возвращены суду присяжныхъ, то это равнялось-бы принужденію коронныхъ судей вѣдать тѣ дѣла. отъ которыхъ они торжественно отказались. Что выиграютъ отъ такого принужденія интересы правосудія?

М. Стиваль.

ТЕАТРЪ.

Вторую весну вмѣстѣ съ грачами въ Петербургъ прилетаютъ московскіе гости съ Богословскаго переулка, и вновь петербургскіе театралы твердятъ дружнымъ хоромъ, что труппа г. Корша не блещетъ выдающимися дарованіями, но поражаетъ ансамблемъ исполненія. Намъ кажется, однако, что сужденіе это есть плодъ невѣрнаго пониманія сценическаго ансамбля. Пріѣзжіе актеры играютъ лучше, чѣмъ актеры петербургскихъ частныхъ сценъ, но настоящаго ансамбля у нихъ нѣтъ. Въ коршевской труппѣ забота о выдержанности тона и стиля пьесы, характеровъ, отдѣльныхъ сценъ — занимаетъ самое второстепенное мѣсто, и вся особенность ея исполненія заключается въ чрезмѣрной торопливости говора и жестовъ, какъ-будто актеры боятся дать зрителю время подумать о недостаткахъ ихъ игры. Вспомните удивительное, проникнутое жизнью движеніе на сценѣ у мейнингенцевъ—какъ не похожа на это движеніе суетня, трескотня и пальба въ пресловутой «Madame sans Gêne»! Какъ литературное произведеніе, комедія Сарду стоитъ очень малаго, это—даже не комедія, а просто рядъ сценъ, написанныхъ съ большимъ знаніемъ внѣшнихъ эффектовъ, болѣе тонкихъ и красивыхъ, чѣмъ тѣ, которыми наполняютъ свои пьесы гг. Крыловъ, Мясницкій и др.,—и въ этихъ сценахъ, требующихъ именно ловкаго внѣшняго исполненія, актеры г. Корша не блеснули, однако, стройностью ансамбля. Весь секретъ *ансамбля* коршевской труппы объясняется тѣмъ, что пьесы ея текущаго репертуара вовсе не требуютъ настоящаго ансамбля: тамъ, гдѣ нѣтъ пьесы, а есть только рядъ курьезныхъ положеній, лишенныхъ всякаго реальнаго смысла, даже истинно вдумчивое, соотвѣтствующее жизненной правдѣ исполненіе и истинный ансамбль поневолѣ замѣняются развязностью *шибкой* игры; тамъ-же, гдѣ нужно проявить дѣйствительное режиссерское искусство и умѣнье сыграться, театръ г. Корша выдѣляется изъ среды себѣ подобныхъ только матеріальными средствами, позволяющими ему имѣть хорошіе костюмы, декораціи и болѣе даровитыхъ солистовъ. Какъ не трудно добиться успѣха въ коршевскомъ духѣ.

видно на примѣрѣ театра г. Неметти: въ прошедшемъ году ею была составлена посредственная труппа, взявшаяся сначала за пьесы со смысломъ; дѣло не наладилось—театръ пустовалъ; тогда та-же труппа, лишенная даже своей главной силы въ лицѣ г. Скуратова, принялась разыгрывать фарсы, и—мало того, что билетами въ театръ начали запасаться за недѣлю, что нелѣпыя «Меблированныя комнаты Королева» выдержали неслыханное количество представленій, но самая публика перемѣнила свою физіономію: фарсъ былъ пересмотрѣнъ цѣлымъ Петербургомъ, и всѣ кричали, что онъ идетъ съ поразительнымъ *ансамблемъ*, что у насъ появился второй *Коршъ*.

Неожиданный пріѣздъ московскихъ мейнингенцевъ отнялъ у насъ мѣсто отъ вопроса, которому предположено было посвятить все нынѣшнее обозрѣніе,—отъ вопроса о петербургскихъ народныхъ театрахъ. Объ нихъ вообще слѣдовало-бы вспоминать чаще, чѣмъ это дѣлается нашими журналами, а въ настоящій моментъ къ этому имѣются спеціальные поводы: во-первыхъ, съ двухъ сторонъ идутъ слухи объ основаніи въ Петербургѣ постояннаго большого театра для народа, два общества заняты изысканіемъ средствъ для приведенія въ исполненіе этой идеи—«Общество дешевыхъ столовыхъ» и «Невское общество устройства народныхъ развлеченій»; во-вторыхъ, самый крупный изъ существующихъ въ Петербургѣ народныхъ театровъ—Василеостровскій, перешедшій въ вѣдѣніе перваго изъ названныхъ обществъ, начинаетъ проявлять дѣятельность, заслуживающую вниманія.

За послѣднія пять-шесть лѣтъ не только столицы, но и провинція обращаетъ серьезное вниманіе на народный театръ, какъ на вѣрный противовѣсъ кабаку и разгулу: всякій годъ ознаменовывается открытіемъ новыхъ фабричныхъ театровъ, устройствомъ періодическихъ общедоступныхъ спектаклей, и развитіе дѣла получило-бы еще болѣе внушительные размѣры, если-бы осуществлялись всѣ проекты, умирающіе часто лишь за недостаткомъ средствъ для ихъ выполненія.

Въ средѣ крестьянской народный театръ покуда еще рѣдкое явленіе и носитъ обыкновенно случайный характеръ любительскихъ развлеченій, но попадаются и счастливыя исключенія изъ этого правила: такъ въ селѣ Рыбкахъ — Смоленской губ., Дорогобужскаго уѣзда — любительскіе спектакли для народа, начавшіеся еще лѣтомъ 1890 года, аккуратно и съ большимъ успѣхомъ продолжались до самаго послѣдняго времени, несмотря на свой неэффектный бытовой репертуаръ и незатѣйливую обстановку. Спектакли возбуждали до сей поры живѣйшій интересъ среди обывателей, нѣсколько сотъ мѣстъ не удовлетворяли спросу, и изъ мужицкихъ грошей каждый разъ сколачивалось рублей до 40 сбора; теперь театръ имѣетъ уже постоянное лѣтнее помѣщеніе. Театры для бѣднаго городского населенія тоже составляютъ въ провинціи большую рѣдкость, зато фабричный театръ сдѣлался распространеннымъ и характернымъ явленіемъ переживаемой нами эпохи. Цѣлый рядъ крупныхъ ма-

нуфактуръ обзавелся и многія готовятся обзавестись собственнымъ театромъ для рабочихъ. Дѣло быстро шагаетъ впередъ не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи: временныя помѣщенія замѣняются постоянными благоустроенными театрами и залами, любители уступаютъ мѣсто труппамъ профессіональныхъ актеровъ, справляющихся съ болѣе отвѣтственнымъ репертуаромъ.

На прохоровской трехгорной мануфактурѣ, въ Москвѣ, дѣло началось съ того, что въ 1890 году, на святкахъ, родственники и знакомые владѣльцевъ мануфактуры устроили любительскій спектакль въ помѣщеніи фабричныхъ спаленъ; представленіе понравилось, и спектакли стали повторяться періодически уже при помощи и участіи самихъ рабочихъ и фабричныхъ школьниковъ, изъ рабочихъ сформировался оркестръ, и доброе начинаніе мало-по-малу такъ глубоко пустило корни, что съ конца 93 г. при мануфактурѣ завелся уже спеціальный залъ, вмѣщающій 2000 человѣкъ, съ декораціями и сценой, на которой каждый праздникъ, попеременно съ туманными картинами, даются безплатныя представленія съ исполнителями изъ настоящихъ актеровъ, и даже такія своего рода театральныя звѣзды, какъ г. Лентовскій, не пренебрегали подмостками прохоровскаго дарового театра.

Совершенно аналогично образовался и созрѣлъ народный театръ на большой ярославской мануфактурѣ въ г. Ярославлѣ: сперва по инициативѣ правленія товарищества ставились отдѣльные спектакли любителей изъ служащихъ на фабрикѣ только въ большіе праздники и за недостаткомъ спеціальнаго помѣщенія временно ютились въ зданіи школы, а затѣмъ товарищество отстраиваетъ заправскій театръ на полторы тысячи человѣкъ, изящной отдѣлки, въ три яруса, съ ложами, балкономъ... Играютъ тѣ же любители и входъ на спектакли платный (отъ 80 к. до 4 к.), билеты всегда раскупаются на расхватъ, такъ что всякій спектакль приходится повторять нѣсколько разъ съ цѣлью дать возможность всѣмъ рабочимъ, которыхъ фабрика насчитываетъ 10,000 чел., видѣть каждую пьесу. Въ истекшемъ году правленіе мануфактуры Морозовой въ Твери тоже устроило постоянный театръ для фабричныхъ, гдѣ лѣтомъ и зимой давались представленія труппою провинціальныхъ артистовъ, привлекая множество посѣтителей. По Нижегородской дорогѣ, близъ станціи Салтыково, Балашинская мануфактура открыла театръ на 2000 чел.; Ивановская суконная фабрика подъ Звенигородомъ, фабрика Эмилія Цинделя въ Москвѣ и мн. др.—все это строитъ театры, организуетъ народныя зрѣлища, создавая цѣлое движеніе, которому положительно суждено составить занимательнѣйшую страницу въ исторіи русскаго національнаго театра.

Въ Петербургѣ самый ранній и самый крупный изъ существующихъ народныхъ театровъ—это «Василеостровскій народный театръ для рабочихъ», хотя надо сказать правду, въ его прозвищѣ гораздо больше демократическаго духа, чѣмъ въ его зрительной залѣ, и онъ съ большимъ

правомъ могъ бы именоваться театромъ для чиновниковъ, студентовъ, офицеровъ. Виною этому—сами устроители, которые не усвоили себѣ съ самаго начала мысли, что дешевый народный театръ можетъ содержать себя, а тѣмъ болѣе погашать свои долги,—только при условіи очень широкаго развитія дѣла, т. е. огромнаго количества мѣстъ и такихъ художественныхъ достоинствъ, которыя заставляли бы публику наполнять эти мѣста. въ противномъ же случаѣ онъ обреченъ быть учрежденіемъ чисто благотворительнымъ.

Василеостровскій театръ возникъ въ 1885 году на средства, пожертвованныя фабрикантами и при помощи городского управленія; постройка его обошлась въ тридцать девять съ чѣмъ-то тысячъ рублей; пожертвованныхъ денегъ не хватило и еще въ 1890 г. на театрѣ лежалъ долгъ въ девять тысячъ рублей. При подобныхъ условіяхъ представлялось совершенно немыслимымъ имѣть хорошую труппу, приличную обстановку, а на плохое избалованная петербургская публика, даже гаванская, не очень податлива, такъ что въ результатѣ театръ нищенствовалъ, получая круглымъ счетомъ рублей 70 вечероваго сбора. Большимъ подспорьемъ служили лѣтнія народныя гулянья въ разбитомъ для этой цѣли при театрѣ саду, на которыя стекались тысячи народу; вѣроятно и закрытый театръ въ эти дни посѣщался охотнѣе.

Въ такомъ положеніи театръ находился почти десять лѣтъ; отъ г. Макарова-Юнева онъ перешелъ къ г. Мерянскому, но дѣла не поправлялись, а иногда случались форменные кризисы. Главная забота директора и артистовъ была направлена на то, чтобы не умереть съ голоду, просвѣтительныя же идеи, весьма натурально, отодвинулись далѣе, чѣмъ на второстепенный планъ. Надо еще удивляться, что при этой плачевной обстановкѣ театръ держался почти всегда литературнаго репертуара, не прибѣгая ни къ какимъ балаганнымъ уловкамъ въ видахъ повышенія доходности и находилъ, все-таки, приличныхъ исполнителей для своей сцены. Расшатываясь съ каждымъ годомъ все больше и больше, онъ не падалъ окончательно и, въ противоположность московскому «Скомороху», до послѣднихъ дней представлялъ въ области драматическаго искусства величину положительную, а не отрицательную.

Тѣмъ не менѣе полное разстройство дѣлъ и уклоненіе театра отъ своей коренной задачи вынудили постоянную комиссію по его управленію рѣшиться на капитальную реформу: въ началѣ прошлаго года г-жѣ фонъ-Валь было предложено званіе его попечительницы, а вскорѣ и самъ театръ перешелъ въ вѣдѣніе находящагося подъ предсѣдательствомъ новой попечительницы общества деш. стол.: непосредственное завѣдываніе всей его хозяйственною и въ значительной степени художественной частью было ввѣрено единоличной власти директора, чиновника особыхъ порученій при Градоначальникѣ и дѣятельнаго члена общества, г. Ковалевскаго. При новыхъ обстоятельствахъ дѣло поднялось—по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны: весь театръ освѣщается

теперь электричествомъ, проведеніе котораго стоило 5000 р., сцена обставлена хорошими декораціями, которыя пишутся по мѣрѣ надобности нерѣдко лучшими декораторами и вмѣстѣ съ костюмами, также изготовляющимися спеціально для сцены Василеостровскаго театра, образуютъ исподволь его постоянный капиталъ. Пьесы ставятся съ выборомъ, да и самая труппа подъ управленіемъ г. Васильева играетъ относительно недурно. Для удобства публики и расширенія круга посѣтителей, администрація театра вошла въ соглашеніе съ товариществомъ конно-желѣзн. дорогъ, чтобы послѣ спектаклей изъ гавани отправлялись особые поѣзда прямого сообщенія до разныхъ пунктовъ и, между прочимъ, на Петербургскую сторону.

Новые порядки, видимо, возымѣли свое дѣйствіе: театръ посѣщается больше, чѣмъ прежде, сборы почти не падаютъ ниже 70 р., что́ въ былые годы, при частной антрепризѣ, едва-едва составляло среднюю цыфру, а по воскреснымъ днямъ близко подходятъ къ суммѣ полнаго сбора—359 р.; мѣсячный оборотъ театра достигаетъ четырехъ — пяти тысячъ, и театръ не только окупаетъ свое содержаніе, но приноситъ прибыль, которая, впрочемъ, снова затрачивается въ дѣло. Однако основная цѣль его—быть народнымъ—и теперь достигается въ слабой степени: сама администрація сознаетъ, что дешевыхъ мѣстъ — мало, что спросъ чуть-ли не въ три раза превышаетъ ихъ наличное число, но понизить цѣны или расширить самое зданіе для устройства новыхъ доступныхъ мѣстъ — было бы для общества еще непосильной денежной жертвой. Театръ, между тѣмъ, посѣщается рабочими очень охотно: по праздникамъ уже заранѣе извѣстно, сколько на какой заводъ будетъ взято билетовъ, но 65 коп. являются магической цыфрой, за которую народъ почти не переступаетъ, а какая масса людей не можетъ заплатить и этихъ 65 или 42 коп.!

Въ одинъ годъ съ Василеостровскимъ зародился народный театръ въ совершенно противоположномъ районѣ, насчитывающемъ нѣсколько десятковъ тысячъ рабочаго населенія, за Невской заставой, по Шлиссельбургскому тракту: въ 1885 г. кружокъ фабрикантовъ организовалъ въ селѣ Александровскомъ народныя гулянья, которыя уже въ слѣдующее лѣто стали сопровождаться драматическими представленіями на открытой сценѣ. Благодаря энергичной дѣятельности учредителей и, преимущественно, братьевъ Варгуниныхъ, нововведеніе окрѣпло и развилось. Въ сентябрѣ 91 г. самый кружокъ переименовывается въ «Невское общ. устройства нар. развлеч.» и получаетъ утвержденный правительствомъ уставъ; первою его заботой было учрежденіе постояннаго зимняго театра; мечты его простирались высоко: оно понимало, что для 25—30 тысячъ народонаселенія нуженъ настоящій большой театръ, и въ первый-же годъ полное собраніе вновь образованнаго общества постановило отчислять въ фондъ на постройку такого театра всѣ поступающіе въ кассу членскіе взносы, но еще въ прошломъ году собранная сумма едва перевалила за

4,000 руб., и если общество не подыщетъ какого-нибудь болѣе богатаго источника, его завѣтная мечта еще не скоро перестанетъ быть мечтой. Въ одномъ изъ принадлежащихъ благотворителямъ домовъ, близъ Императорскаго фарфор. завода, тотчасъ-же былъ устроенъ маленькій театръ на 250 или 300 человѣкъ, съ мѣстами отъ 1 р. до 20 к., и текущей весной заканчивается его четвертый благополучный сезонъ. Театръ дѣйствуетъ по праздникамъ и всегда наполненъ публикою. Нельзя, однако, не признаться, что въ настоящемъ своемъ видѣ онъ, какъ народный, имѣетъ еще меньше значенія, чѣмъ Василеостровскій: въ самомъ дѣлѣ, какое серьезное вліяніе можетъ оказывать на цѣлое море фабричнаго люда театрикъ, вмѣщающій какихъ-нибудь 300 мѣстъ, изъ коихъ больше половины занято семействами заводской администраціи и пріѣзжими изъ города гостями, знакомыми актеровъ-любителей? Ясно, что и десятая доля желающихъ видѣть спектакль не можетъ быть удовлетворена, такъ что лѣтнія гулянья, устраиваемыя обществомъ, и своими танцами, музыкой, наконецъ — тѣми-же драматическими представленіями отвлекающія отъ разгула многія тысячи молодого рабочаго населенія, приносятъ гораздо болѣе ощутительную пользу. О провѣркѣ коммерческой выгодности предпріятія на примѣрѣ театра за Невской заставой нѣтъ и рѣчи: это учрежденіе всецѣло благотворительное—общество даетъ зданіе, освѣщеніе, отопленіе, любители—свой трудъ, а сборы идутъ на покрытіе спектакльныхъ расходовъ. Въ заключеніе отмѣтимъ небезынтересный фактъ, что въ одной изъ трехъ любительскихъ труппъ, чередующихся въ постановкѣ спектаклей, участвуютъ сами рабочіе,—фактъ, постоянно встрѣчающійся на провинціальныхъ заводскихъ театрахъ и представляющій благодарную почву для сближенія простонародной публики съ театромъ вообще.

Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго десятилѣтія идея полезности театральныхъ зрѣлищъ для рабочихъ массъ возникла и въ средѣ фабрикантовъ Выборгской стороны, но, проявившись устройствомъ нѣсколькихъ гуляній и представленій, не успѣла вылиться въ организованную форму.

Разсмотрѣнные нами факты приводятъ насъ къ нѣкоторымъ утѣшительнымъ заключеніямъ. Воздѣйствію театра доступенъ именно контингентъ рабочихъ, наиболѣе падкій до кабака и понедѣльничныхъ опохмѣленій, т. е. по преимуществу требующій смягчающаго и оживляющаго вліянія искусства. Да это и естественно, такъ какъ не мало народу идетъ въ кабакъ вслѣдствіе отсутствія какого-либо другого развлеченія. Войдемъ въ положеніе молодого здороваго человѣка, для котораго вся недѣля прошла въ неустанномъ физическомъ трудѣ, и для котораго, наконецъ, наступаетъ желанный день отдыха, когда онъ мечтаетъ вознаградить себя за долгіе часы скучной работы; онъ встаетъ поздно, чисто моется, гладко причесываетъ гребешкомъ свои лохмы, надѣваетъ чистую красную рубаху, новый пиджакъ, выходитъ на улицу, покупаетъ на 3 к.

подсолнечниковъ и, поплевывая, начинаетъ глядѣть по сторонамъ... Но что-же дальше, неужели это и есть столь страстно ожидавшееся душевное удовлетвореніе? Въ человѣкѣ бродятъ какія-то неясныя потребности, жизненныя силы просятъ исхода, веселья, новыхъ впечатлѣній, чего-нибудь, что-бы волновало, наполняло душу, давало чувствовать жизнь; хочется куда-то идти, но куда? на чемъ можетъ при обычныхъ современныхъ условіяхъ остановиться ищущій взоръ этого отдыхающаго простолюдина?..

Увеселительные вечера при домахъ трезвости нашли болѣе нормальный исходъ этимъ *праздничнымъ* запросамъ рабочаго народа, и поспѣшность, съ которою разбираются на эти вечера входные билеты, показываетъ, что они попали въ самый центръ цѣли. Мы коснемся только драматическихъ вечеровъ и, прежде всего, мы обязаны отдать справедливость въ высшей степени счастливой идеѣ распорядителей—соединить театральныя зрѣлища съ болѣе простой формой развлеченій, какъ музыка и танцы. Эти импровизированные балы процвѣтаютъ особенно въ Путиловскомъ театрѣ и въ III чайной, обладающихъ отличными помѣщеніями; въ первомъ танцы идутъ въ продолженіе антрактовъ въ особомъ залѣ, во второй, за неимѣніемъ отдѣльной комнаты, они начинаются послѣ спектакля, затягиваясь тамъ и тутъ до часу ночи, когда закрываются всѣ кабаки. Театръ теряетъ, такимъ путемъ, свой спеціальный строгій характеръ, но отнюдь не въ ущербъ для своего значенія: насколько намъ приходилось наблюдать, чайныя въ этихъ случаяхъ превращаются какъ-бы въ народный клубъ, гдѣ простой человѣкъ, подъ вліяніемъ шумныхъ веселыхъ танцевъ, дирижируемыхъ подчасъ своими-же товарищами, начинаетъ чувствовать себя свободно и просто и гораздо непосредственнѣе воспринимаетъ впечатлѣнія отъ изображаемаго на сценѣ. Благодаря остроумной постановкѣ дѣла, на вечерахъ Общества не чувствуется совсѣмъ предвзятаго педантизма, навязанности, которыя всегда сильно вредятъ сближенію съ народомъ и нерѣдко служатъ единственной помѣхой взаимнаго пониманія.

Насколько театръ способенъ возбудить симпатіи народа, отчетливо усматривается изъ исторіи VI чайной на Выборгской сторонѣ: она начала свою артистическую дѣятельность еще лѣтомъ 1893 года и, за неимѣніемъ лучшаго помѣщенія, любительская труппа давала свои спектакли въ большой парусинной палаткѣ, взимая за входъ отъ 75 до 7 коп.; за три лѣтніе мѣсяца было дано 10 спектаклей, на которыхъ перебывало 2,500 челов., т. е. по 250 чел. въ разъ: очевидно, это максимумъ, что вмѣщала въ себѣ парусинная палатка! Но интересъ не въ этомъ — подобное происходило во всѣхъ чайныхъ, — а въ томъ, что по окончаніи лѣтняго сезона изъ среды рабочихъ образуются два духовыхъ оркестра и формируется цѣлая драматическая труппа, которые зимой усиленно помогаютъ развитію дѣла. Кстати сказать, исполненіе этой труппы производитъ болѣе симпатичное впечатлѣніе, чѣмъ игра интел-

лигентныхъ любителей: въ немъ нисколько не меньше талантливости, но меньше претензіи, и есть подкупающая искренность. Мы видѣли эту труппу, когда она гастролировала на 7-ой линіи въ помѣщеніи 8-й чайной и, минутами, любовались самороднымъ юморомъ. съ какимъ изображались народными комиками типъ пройдохи-лавочника и пьянчуги-мужика. Этотъ спектакль, однако, былъ исключеніемъ для 8-ой чайной: въ прочіе дни тамъ, чередуясь, играли труппа любителей и актеровъ на жалованьи, и, надо сказать, съ большимъ успѣхомъ. Въ теченіе прошлой осени и зимы чайная дала 20 спектаклей, имѣвшихъ 4,000 посѣтителей, въ среднемъ по 200 человѣкъ на спектакль,—опять, значитъ, самое большее, что можетъ вмѣстить ея узкая длинная зала съ низкими каменными сводами и ходомъ прямо на улицу; цѣны здѣсь нѣсколько выше — отъ 1 р. до 22 коп. Особенность этой чайной—это ея чисто народная аудиторія; въ то время, какъ въ Путиловскомъ театрѣ или на Серпуховской улицѣ половина публики состоитъ все-таки изъ болѣе зажиточныхъ людей низшихъ слоевъ буржуазіи, здѣшній залъ наполненъ исключительно четвертымъ сословіемъ, настоящимъ чернымъ народомъ безъ всякой примѣси.

Въ настоящемъ году въ Обществѣ трезвости произошелъ расколъ: одна половина возстала противъ прошлогодней програмы *чайныхъ* вечеровъ, другая, напротивъ, считала необходимымъ ее расширить; эта партія даже чуть-чуть не открыла народной оперы въ Конногвардейскомъ манежѣ, остановившись передъ чисто внѣшнимъ препятствіемъ. Во всякомъ случаѣ, обострившееся междуусобіе на текущій сезонъ совсѣмъ дезорганизовало дѣло, такъ что въ 1894 — 95 году спектакли изрѣдка происходили только при третьей чайной.

Съ весной, однако, туча миновала: теперь выработанъ новый уставъ, поставившій распорядителей народныхъ увеселеній въ менѣе стѣснительныя условія, и лѣтомъ, надо полагать, народные вечера и театры возродятся на болѣе устойчивыхъ основаніяхъ, съ надлежащимъ запасомъ опыта.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Упраздненіе выкупного учрежденія.—Взглядъ на положеніе крестьянъ послѣ ихъ освобожденія.—Направленія нашей экономической политики.—Преобразованіе крестьянскаго банка.—Проектъ организаціи меліоративнаго кредита.—Кризисъ землевладѣнія и новыя ему льготы.—«Гражданинъ» о дворянскомъ землевладѣніи. — Законъ о сдѣлкахъ на золото.—«Положеніе» объ особой комиссіи при академіи наукъ. — Русскій художественный, этнографическій и историческій музей.—Проектъ женскаго медицинскаго института.

Съ 1 іюля упраздняется, на основаніи изданнаго въ минувшемъ мѣсяцѣ закона, главное выкупное учрежденіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственный банкъ освобождается отъ распоряженія капиталами выкупной операціи. Завѣдываніе ею на будущее время возложено теперь на департаментъ окладныхъ сборовъ. Такимъ образомъ, выкупные платежи, по порядку завѣдыванія ими, отнесены къ окладнымъ сборамъ, отъ которыхъ они ничѣмъ, въ дѣйствительности, и не отличаются. Упраздняемое выкупное учрежденіе занималось только исполненіемъ выкупной операціи по однажды установленнымъ для нея правиламъ, но оно все-таки представляло собой въ составѣ администраціи тотъ органъ, котораго содѣйствіе было-бы необходимо для выработки какихъ-либо измѣненій въ дальнѣйшемъ ходѣ выкупной операціи. Операція эта, по смыслу «положеній» 1861 г., поставлена была, какъ выкупъ крестьянами земли въ личную собственность, съ правомъ полнаго ею распоряженія. Нынѣ выкупленная и имѣющая впредь быть выкупленною крестьянская земля объявлена неотчуждаемою, а вопросъ о сохраненіи общиннаго владѣнія ею, по окончаніи выкупа, будетъ рѣшаемъ самими крестьянами.

Въ странѣ, гдѣ свыше 80 процентовъ населенія занимаются земледѣліемъ—на первомъ мѣстѣ государственно-экономической дѣятельности, естественно, должно стоять попеченіе о бытѣ земледѣльцевъ, объ увеличеніи производительности ихъ труда, объ охраненіи ихъ пользованія землею и о надѣленіи вновь землею или переселеніи на новыя земли тѣхъ земледѣльцевъ, которымъ стало тѣсно на прежнихъ мѣстахъ, или которые, вслѣдствіе какого-либо обстоятельства, сдѣлались совсѣмъ без-

земельными. Положеніе это столь просто и очевидно, что его можно признать аксіомой. Оно дѣйствительно и легло въ основаніе величайшаго изъ дѣлъ нашего законодательства — освобожденія крестьянъ съ утвержденіемъ за ними земель, бывшихъ въ ихъ пользованіи, по разнымъ, мѣстнымъ нормамъ надѣла. Надо помнить, что земли тѣ не были подарены крестьянамъ, на которыхъ наложена была обязанность выкупить надѣлы, при чемъ самая оцѣнка послѣднихъ была принята слишкомъ высокая, какъ то удостовѣряется позднѣйшимъ спеціальнымъ пониженіемъ выкупныхъ платежей, смотря по мѣстностямъ и душевой величинѣ участковъ, и сверхъ того, всеобщимъ пониженіемъ выкупныхъ платежей на рубль.

Затѣмъ, государственное попеченіе «объ устройствѣ быта крестьянъ»— какъ называлось преобразованіе 1861 года, на долгое время остановилось на этомъ дѣлѣ, мудромъ и благотворномъ, но требовавшемъ продолженія — въ какихъ-либо мѣрахъ покровительства для укрѣпленія крестьянскаго землевладѣнія и для поднятія земледѣльческой культуры. Необходимо было подумать объ охраненіи крестьянской земли отъ хищничества ростовщиковъ-скупщиковъ, о поддержаніи и улучшеніи лошадей и скота, о созданіи для крестьянъ кредита на пріобрѣтеніе добавочной земли, кредита на улучшенія и въ случаяхъ особой нужды, объ организаціи ссудъ крестьянамъ лучшихъ сѣмянъ для посѣва и улучшенныхъ, хотя-бы простыхъ орудій; наконецъ, объ урегулированіи и обезпеченіи государственной помощью переселеній.

Но такой задачи не было возложено на который-либо изъ органовъ центральныхъ, а органамъ мѣстнымъ, мировымъ посредникамъ было поручено собственно исполненіе надѣла посредствомъ составленія уставныхъ грамотъ. Притомъ, число мировыхъ посредниковъ скоро было уменьшено даже прямо по той причинѣ, что они (посредники перваго призыва) разумѣли свою роль нѣсколько шире, а именно въ смыслѣ общаго попечительства надъ крестьянами. Посредниками второго призыва были уже люди иного подбора и иного направленія. Взглядъ законодателя въ то время былъ таковъ, что крестьянамъ, совершенно лишеннымъ до той поры права распоряжаться собою, важнѣе всего было предоставить именно полную самодѣятельность, безъ всякаго попечительства. Взглядъ этотъ, конечно, соотвѣтствовалъ самой идеѣ освобожденія, но онъ какъ-бы не обнималъ другой стороны дѣла 19 февраля—надѣла крестьянъ землею. Получая земельный надѣлъ въ извѣстныхъ законодательныхъ условіяхъ, крестьянинъ тѣмъ самымъ былъ связанъ съ землею. Онъ не могъ выходить изъ общества безъ согласія послѣдняго ранѣе полнаго выкупа своего надѣла. Съ прекращеніемъ временно-обязанныхъ отношеній къ бывшему владѣльцу, крестьянинъ получалъ вдвое больше времени для работы на своей землѣ. Но зато онъ становился лицомъ къ лицу съ условіемъ совершенно для него новымъ: съ обязанностью добывать, посредствомъ-ли работы для того-же прежняго владѣльца и на сторонѣ,

или-же путемъ продажи части своего хлѣба—деньги на уплату вносившихся прежде помѣщиками подушныхъ сборовъ и присоединившихся къ нимъ выкупныхъ платежей.

Такимъ образомъ, необходимость перехода отъ натуральной системы хозяйства къ денежной представилась въ ту пору не для однихъ землевладѣльцевъ, о чемъ они доселѣ весьма часто напоминаютъ, но отчасти и для крестьянъ. Крестьянинъ долженъ былъ не малую часть своего труда или своего хлѣба отвлечь отъ своего хозяйства, обмѣнивъ эту часть на деньги для платежей. Крестьянинъ еще менѣе, чѣмъ помѣщикъ, былъ приготовленъ къ обязательному добыванію денегъ и уплатѣ ихъ въ опредѣленный срокъ. Срокъ этотъ вскорѣ привелъ большинство крестьянъ къ необходимости продавать хлѣбъ дешево, даже за безцѣнокъ, когда взыскивались платежи, а затѣмъ покупать хлѣбъ дорого для собственной нужды и занимать на это и на обсѣвъ поля у своихъ-же болѣе состоятельныхъ общинниковъ, прозванныхъ «міроѣдами». «Поѣданіе міра» такими ростовщиками и началось уже съ близкаго къ самому освобожденію времени. Крестьянина поставили передъ совершенно новымъ для земледѣльца условіемъ добыванія опредѣленной суммы денегъ въ назначенный срокъ и не озаботились созданіемъ для него необременительнаго, некабальнаго кредита. Не озаботились и доставленіемъ ему какихъ-либо указаній и средствъ для улучшенія инвентаря, положеніемъ начала чему-либо изъ того, что нынѣ пробуютъ создать начинанія земствъ въ области народно-хозяйственной, начинанія, по необходимости, слабыя.

Для насъ теперь очевидна ошибка, въ какую впали тридцать лѣтъ назадъ, полагая, что крестьянину достаточно было обезпечить самодѣятельность закономъ, когда тотъ-же законъ, съ другой стороны, ставилъ его въ непривычныя для него условія и связывалъ его выкупомъ. Впослѣдствіи, однимъ изъ главныхъ мотивовъ къ учрежденію земскихъ начальниковъ указывалось именно распространеніе ростовщичества и закабаленія крестьянъ, а неурожаи вызвали государственную помощь размѣромъ свыше 150 милл. рублей; наконецъ признана была необходимость установить особымъ закономъ неотчуждаемость надѣльныхъ земель, чтобы отвратить дальнѣйшее ихъ расхищеніе. Но обѣ другія мѣры, кромѣ помощи въ опасное время голодовки, представляли собой лишь усиленіе надзора и установленіе новаго ограниченія.

Какъ-бы все въ томъ-же убѣжденіи о ненужности дальнѣйшаго дѣятельнаго попечительства о крестьянахъ, поставленныхъ въ новыя условія, въ убѣжденіи, что для нихъ вполнѣ достаточно юридическаго признанія ихъ самодѣятельности, государство устранилось и отъ всякаго дѣятельнаго почина въ учрежденіи народныхъ училищъ. Оно учреждало, правда, цѣлую сѣть ихъ, но только на окраинахъ, съ политической цѣлью, а во внутреннихъ губерніяхъ создало лишь малое число министерскихъ школъ и затѣмъ, очень большой составъ административнаго надзора за школами. Такое самоустраненіе государства, вслѣдъ за великимъ дѣломъ

освобожденія и земельнаго надѣла, отъ непосредственной дѣятельности въ смыслѣ дальнѣйшаго улучшенія быта крестьянъ было тѣмъ болѣе примѣчательно, что до того оно имѣло—въ дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ—примѣръ успѣшнаго прямого воздѣйствія на хозяйственный бытъ крестьянъ и на распространеніе народнаго образованія. Либеральныя основы, внесенныя графомъ Киселевымъ въ положеніе о государственныхъ крестьянахъ, повели къ тому, что эти крестьяне находились въ положеніи безъ всякаго сравненія и во всѣхъ отношеніяхъ лучшемъ, чѣмъ крестьяне помѣщичьи. Положимъ, устройство то грѣшило чрезмѣрною регламентаціей. Но надо помнить, что это было во время крѣпостного права и что государственные крестьяне были крѣпостными казны.

Послѣ надѣленія крестьянъ землею, наша экономическая политика все свое вниманіе обратила на интересы капиталистическаго производства и торговаго кредита. Періодъ 1864—1875 гг. былъ временемъ усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ и созданія множества частныхъ банковъ для торговли, промышленности и частнаго землевладѣнія. Быстрая постройка большой желѣзнодорожной сѣти объяснялась прямо—необходимостью «поднять производительныя силы страны» и цѣль эта была, въ извѣстномъ смыслѣ, достигнута. Создались большія промышленныя предпріятія, возникли вновь крупные акціонерные и частные капиталы, въ огромныхъ размѣрахъ возросли вывозъ хлѣба за границу, распашка частно-владѣльческихъ земель и самая цѣнность земли. Послѣдующій періодъ—отъ 1877 г., т. е. отъ переложенія таможенныхъ пошлинъ на золото и до послѣднихъ лѣтъ, имѣлъ по преимуществу протекціонистскій характеръ. Главное вниманіе экономической политики обратилось на искусственное созданіе и расширеніе фабрично-заводской промышленности. Таможенныя пошлины съ 1877 по 1894 г., т. е. до заключенія новыхъ торговыхъ трактатовъ съ Германіей и Австріей удвоились. И крупная промышленность, дѣйствительно, возросла, но устраненіе конкуренціи иностранной, которая понижала цѣны товаровъ, не вызвало конкуренціи внутренней съ тѣмъ же результатомъ. Фабрики умножались и росли, но издѣлія ихъ не только не дешевѣли, а отчасти даже дорожали. Не оправдались и тѣ предсказанія протекціонистовъ, что съ развитіемъ горнозаводскаго дѣла русскаго угля будетъ добываться достаточно для потребностей всей Россіи, а съ укрѣпленіемъ механическихъ заводовъ улучшатся и подешевѣютъ сельскохозяйственныя орудія внутренняго приготовленія. Обложеніе иностраннаго угля только поддерживало высокую цѣну угля русскаго и поощряло лѣсоистребленіе, но внутреннее производство угля не развилось до тѣхъ размѣровъ, чтобы имъ снабжалась вся Россія и, попрежнему, покупались значительныя количества угля привознаго, только по возвышенной цѣнѣ. Развитіе горнозаводства не сдѣлало желѣзо болѣе доступнымъ для крестьянъ, а механическіе заводы, поддерживаемые высокими пошлинами и казенными

заказами, продолжали производить сельскохозяйственныя машины и дорогія, и малонадежныя.

Нельзя, конечно, сказать, что въ теченіе этихъ двухъ періодовъ усиленнаго роста капитализма, крестьяне не воспользовались ни однимъ изъ вновь создававшихся условій. Но если нѣкоторыя изъ нихъ и были выгодны для крестьянъ, то не какъ для земледѣльцевъ, а какъ для рабочихъ, принужденныхъ поддерживать отхожими промыслами малоземельное и постепенно приходившее въ упадокъ хозяйство. Желѣзныя дороги сами доставили заработки и облегчили пріисканіе ихъ на сторонѣ даже въ отдаленныхъ губерніяхъ. Но усиленіемъ хлѣбнаго вывоза онѣ не принесли крестьянамъ пользы, а скорѣе наоборотъ, такъ какъ большая часть крестьянства производитъ хлѣба не свыше собственной потребности и хотя продаетъ часть его для уплаты податей, но затѣмъ принуждена опять пріобрѣтать этотъ хлѣбъ покупкой. Такимъ образомъ, прежній подъемъ хлѣбныхъ цѣнъ не былъ воспособленіемъ крестьянскому хозяйству, для котораго скорѣе выгодно послѣдовавшее затѣмъ паденіе цѣнъ на хлѣбъ. А что цѣна земли въ то время возвысилась это было выгодно только для желавшихъ продавать землю, но никакъ не для крестьянъ, которые, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, всегда являются покупателями земли и съемщиками ея, для которыхъ прямо невыгодно возвышеніе арендной платы. Только въ послѣдніе годы, какъ извѣстно, и цѣны на хлѣбъ, и цѣна земли, и арендная плата понизились. И если цѣна на земли далеко не упала въ такой степени, какъ цѣна на хлѣбъ, то это зависѣло именно отъ постоянно возрастающаго на землю спроса со стороны крестьянъ. Другую невыгоду для земледѣльцевъ представило усиленіе таможенныхъ пошлинъ, насколько оно поддерживало или возвышало цѣны внутреннихъ фабрично-заводскихъ производствъ. Зато, нѣкоторымъ облегченіемъ для крестьянъ, среди тѣхъ элементовъ хозяйственнаго разложенія, какіе являлись въ увеличивавшемся малоземельи, задолженности ростовщикамъ, убыли скота, словомъ, изъ всѣхъ факторовъ сопровождавшихъ ростъ у насъ капитализма, явилось паденіе цѣнности кредитнаго рубля, вслѣдствіе прекращенія размѣна и усиленныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ на двѣ войны. Кредитный рубль не мѣнялся ни на золото, ни на серебро, цѣнность его упала, заработать его становилось легче, при взносѣ выкупныхъ платежей и иныхъ сборовъ, онъ принимался по номинальной цѣнѣ.

Итакъ, если ту экономическую эволюцію, которая сопровождала нашъ періодъ преобразованій и продолжалась до послѣдняго времени, сравнить съ работами по перестройкѣ неудобнаго и обветшавшаго зданія, то можно сказать, что надѣленіемъ крестьянъ землею было положено для новой экономической жизни правильное и широкое основаніе, но оно осталось какъ бы недодѣланнымъ. Не была отведена вода, угрожающая фундаментамъ, пожалѣли цементу и сразу все вниманіе обратилось на отстройку этажей съ блестящими, но дорогими магазинами и биржевыми конторами

на обезпеченіе удобствъ для живущихъ въ бель-этажѣ и вообще въ дорогихъ помѣщеніяхъ. «Россія—страна сѣренькая», говорилъ одинъ изъ руководителей нашихъ финансовъ, «и всякій крупный разсчетъ у насъ долженъ имѣть въ виду потребность и силу сѣраго человѣка». Это совершенно вѣрно.

Переходимъ къ началу 80-хъ годовъ, когда истина. что все крупное въ Россіи должно быть разсчитано на крестьянство, была наконецъ сознана. Послѣдовало учрежденіе крестьянскаго банка для помощи крестьянамъ въ малоземельи, отмѣнены были подушная подать и оброчный сборъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, пересмотрѣны выкупные платежи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и всѣмъ хозяевамъ сбавлено было по рублю въ суммѣ платежа. Но вскорѣ затѣмъ вниманіе обратилось преимущественно къ заботамъ о поддержаніи дворянскаго землевладѣнія. То, что было сдѣлано для крестьянъ, далеко не пополняло пробѣловъ, допущенныхъ въ самомъ началѣ. Даже и крестьянскій банкъ, который долженъ былъ помогать крестьянамъ при малоземельи и противъ обезземеленія, оказался, по самой своей постановкѣ, совершенно неспособнымъ къ исполненію такого назначенія.

Въ прошломъ мѣсяцѣ долженъ былъ разсматриваться въ государственномъ совѣтѣ новый уставъ крестьянскаго банка. По этому поводу надо остановиться на той роли, какую игралъ банкъ доселѣ и на той, какая могла бы ему принадлежать. если-бы цѣль его дѣятельности была опредѣлена точнѣе. Крестьянскій банкъ выдавалъ обществамъ, товарище-ствамъ изъ нѣсколькихъ хозяевъ, а иногда и отдѣльнымъ крестьянамъ ссуды на покупку земли, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы часть покупной суммы была уплачена при сдѣлкѣ съ продавцомъ самими крестьянами. Главными недостатками банка были высокій процентъ, взимавшійся имъ по ссудамъ и крайне медлительное дѣлопроизводство. Достоинствомъ же банка представлялось то, что управленіе его весьма старательно разбирало, покупалась-ли земля дѣйствительно хозяевами, или же помощью банка предпринимали воспользоваться кулаки. Въ этомъ отношеніи банкъ позволялъ себѣ даже нѣкоторый произволъ: при наличности всѣхъ формальныхъ условій: званія, принадлежности къ обществу, согласія на значительную доплату, дешевизны покупки, банкъ иногда отказывалъ въ просимой ссудѣ, такъ какъ подозрѣвалъ въ покупкѣ спекуляцію кулаковъ, скрывавшихся за другими общинниками или подставными товарищами.

Въ теченіе десятилѣтія 1883—93 банкомъ выдано было ссудъ на 65 милл. рублей, а собственныя доплаты крестьянъ составили $16^1/_2$ м. р. и на эти средства были пріобрѣтены 1 милл. 890 тыс. десятинъ земли. Но въ смыслѣ помощи отъ малоземелья дѣятельность банка далеко не принесла пользы въ размѣрѣ всей площади купленной при его помощи

земли. Роль банка была не активная, но, такъ сказать, страдательная. Онъ не выбиралъ самъ тѣхъ, кому оказывалъ помощь, и могъ ее оказывать только крестьянамъ, у которыхъ или были собственныя средства на доплаты, то-есть хозяевамъ болѣе состоятельнымъ, или же такимъ покупщикамъ, которые не имѣя вовсе сбереженій, занимали средства на доплату у ростовщиковъ, то есть на такихъ условіяхъ, которыя впередъ дѣлали ихъ несостоятельными въ платежахъ банку. Дѣятельность банка оставалась случайною: въ одномъ мѣстѣ онъ дѣйствительно помогалъ обществу прирѣзать нужный ему участокъ изъ земель сосѣдняго или близкаго владѣльца, но въ другомъ случаѣ онъ содѣйствовалъ покупкѣ лѣса на срубъ, въ третьемъ—округленію личной собственности нѣсколькихъ зажиточныхъ крестьянъ, на счетъ сосѣдняго общества, которое прежде арендовало эту землю и крайне въ ней нуждалось и т. д. Такимъ образомъ, дѣятельность банка слишкомъ разбрасывалась и въ общемъ результатѣ помощь его собственно отъ малоземелья оказалась незначительной. Въ общихъ цифрахъ, товарищества изъ нѣсколькихъ крестьянъ, изъ числа которыхъ банку все-таки не всегда удавалось устранить и настоящихъ скупщиковъ, пріобрѣли слишкомъ 1 милліонъ десятинъ и отдѣльные крестьяне до 26 тыс. дес., а сельскія общества нѣсколько болѣе 800 т. десятинъ.

Неизбѣжная несостоятельность въ платежахъ банку тѣхъ обществъ, которыя собственныя доплаты при покупкѣ производили изъ средствъ занятыхъ за высокіе проценты, ставили банкъ въ затруднительное положеніе, и количество земли оставшейся на его рукахъ возрастало. Такіе результаты обнаружились уже въ первое 4-хъ-лѣтіе дѣятельности банка, такъ что съ 1887 года, онъ уменьшилъ почти на половину противъ 1885 года размѣръ годовой ссуды. Сверхъ того, онъ сталъ требовать все большихъ собственныхъ доплатъ крестьянъ при покупкѣ. Такъ напр. въ 1885 году банкомъ было выдано ссудъ на 13 м. 762 т. р., а крестьянами доплачено было всего 2 м. 774 т. р., то есть немного болѣе *шестой* части покупной цѣны. А въ 1892 году банкъ выдалъ въ ссуду уже только 4 м. 554 т. р., но съ крестьянъ потребовалъ собственныхъ доплатъ на 2 м. 76 т. р., то есть уже почти *треть* всей покупной суммы. Вообще же, банкъ крайне сократилъ размѣръ годовыхъ выдачъ ссудъ, ограничивая ихъ, за послѣдніе три года десятилѣтія, приблизительно $4^1/_2$ милліонами рублей.

Все это указывало на неудачную постановку дѣла и на полное несоотвѣтствіе крестьянскаго банка тѣмъ надеждамъ, какія первоначально на него возлагались. Но спрашивается, возможно ли для банка, хотя бы и государственнаго, отвратить малоземелье и надѣлять вновь землею безземельныхъ, такъ чтобы крестьянскій банкъ являлся-бы охранителемъ надѣла крестьянъ землею въ томъ размѣрѣ, какъ этотъ надѣлъ первоначально состоялся? Такой задачи, во всей ея полнотѣ, банкъ, по крайней

мѣрѣ при нынѣшнемъ распредѣленіи бюджетныхъ средствъ, исполнить, очевидно, не въ состояніи. Невозможно, хотя-бы на 10-милліонную ссуду въ годъ, поддерживать въ полномъ составѣ надѣлъ, по которому выкупная операція составляетъ до милліарда рублей. Тѣмъ болѣе, никакой банкъ, при существующихъ условіяхъ, не могъ-бы поручиться въ томъ, что найдетъ средства для надѣла землею въ томъ-же размѣрѣ всего постепеннаго прироста населенія.

И однако, крестьянскій банкъ могъ-бы все-таки сдѣлать что-нибудь именно въ этомъ направленіи, если-бы дѣятельность его была болѣе спеціализирована и вмѣстѣ получила болѣе иниціативы. Такъ, крестьянскій банкъ могъ-бы имѣть задачей непосредственный выборъ и пріобрѣтеніе земель для поселенія на нихъ крестьянъ безземельныхъ. съ обязанностью постепеннаго выкупа обществами отведенныхъ имъ участковъ. Въ такомъ случаѣ онъ являлся-бы банкомъ, такъ сказать, «парцеллятивнымъ», такъ какъ занимался-бы парцелляціею (раздѣломъ) большихъ количествъ земли между пріобрѣтающими участки обществами. Крестьянскій банкъ могъ-бы также быть банкомъ переселенческимъ, то-есть, давать ссуды на обзаведеніе переселенцамъ на казенныя земли, какъ въ Сибири, на Кавказѣ и въ Средней Азіи, такъ и въ европейской Россіи. Наконецъ, крестьянскій банкъ, могъ-бы помогать крестьянскимъ обществамъ въ пріобрѣтеніи необходимыхъ имъ участковъ земель съ собственной-ли доплатой крестьянъ, или и безъ доплаты, но не иначе, какъ по соглашеніямъ съ земствами и подъ ихъ поручительствомъ. Въ этомъ случаѣ назначеніе банка оставалось-бы тѣмъ-же, каково оно было до сихъ поръ, но дѣятельность его перестала-бы быть случайной и какъ-бы страдательной. Мѣстный общественный контроль, которому всегда было-бы извѣстно, кѣмъ и для чего пріобрѣтается земля, позволилъ-бы банку ограничить свою дѣятельность — помощью только дѣйствительно малоземельнымъ обществамъ, не разбрасывая ея по требованію всякихъ товариществъ, и во многихъ случаяхъ отказаться отъ такъ называемыхъ собственныхъ доплатъ крестьянъ при покупкѣ, такъ какъ круговая порука членовъ сельскихъ обществъ, хотя-бы даже и при подворномъ владѣніи, а сверхъ того, поручительство земствъ могли-бы представлять достаточное обезпеченіе.

При такой новой постановкѣ операцій крестьянскаго банка, съ сохраненіемъ нынѣшнихъ рамокъ его дѣятельности. пріобрѣтеніе крестьянами земли на его ссуды было-бы поставлено въ условія, сходныя съ тѣми, какими, по новому проекту министерства земледѣлія, предполагается обставить полученіе ссудъ изъ государственнаго банка на земельныя улучшенія (меліоративныя) и это сходство оказалось-бы вполнѣ естественнымъ.

Проектъ закона о меліоративномъ кредитѣ также уже находится на разсмотрѣніи государственнаго совѣта. Оба названныхъ проекта—о новомъ уставѣ крестьянскаго банка и объ устройствѣ кредита на сельско-хозяйственныя улучшенія—въ первоначальномъ видѣ не прошли и нынѣ

являются переработанными. Завѣдываніе меліоративнымъ кредитомъ предположено теперь поручить отдѣлу сельской экономіи въ министерствѣ, но самая выдача ссудъ на хозяйственныя улучшенія и наблюденіе за дѣйствительнымъ исполненіемъ этихъ улучшеній предоставляются земствамъ и сельскохозяйственнымъ обществамъ, подъ отвѣтственностью этихъ учрежденій. Это примѣръ, которымъ можно-бы воспользоваться и для преобразованія порядка выдачи ссудъ изъ крестьянскаго банка. Вмѣсто центральнаго банка въ Петербургѣ и 45-ти отдѣленій его въ губерніяхъ, практичнѣе было-бы учредить десятокъ самостоятельныхъ, хотя подвѣдомственныхъ или министерству финансовъ или министерству земледѣлія мѣстныхъ банковъ, которые выдавали-бы ссуды при посредствѣ земскихъ учрежденій и подъ ихъ отвѣтственностью. При такомъ устройствѣ, устранилась-бы нынѣшняя, крайне медлительная процедура по утвержденію сдѣлокъ и получилось-бы обезпеченіе для выдачи ссудъ собственно сельскимъ обществамъ на пріобрѣтеніе земли, въ случаѣ уважительныхъ причинъ—безъ собственныхъ доплатъ. Возвращаясь къ кредиту меліоративному, отмѣтимъ, что, какъ сообщаютъ газеты, изъ новаго проекта исключены ссуды на цѣли строительныя, но оставлены ссуды на работы по обводненію и осушенію; затѣмъ, будутъ выдаваться ссуды на заведеніе плодосмѣннаго хозяйства, на разведеніе фруктовыхъ садовъ, пріобрѣтеніе скота и т. д.

Ссуды, выданныя на улучшенія въ хозяйствѣ, оплачиваются возвышеніемъ доходности земли. Такъ и ссуды на пріобрѣтеніе земли для расширенія хозяйства опираются на доходѣ съ вновь пріобрѣтенной земли. Но совсѣмъ иной характеръ имѣютъ въ большинствѣ тѣ ссуды, которыя выдаются частнымъ землевладѣльцамъ земельными банками и банкомъ дворянскимъ. Это ссуды—на общія потребности, ссуды необусловленныя прямо назначеніемъ. И вотъ почему эти ссуды скорѣе расшатываютъ частное землевладѣніе, чѣмъ укрѣпляютъ его. Здѣсь мы упомянемъ еще разъ о великомъ преобразованіи 1861 года, съ котораго начинается современная исторія какъ крестьянскаго, такъ и частнаго владѣльческаго хозяйства. При освобожденіи крестьянъ, частные землевладѣльцы освободились отъ лежавшаго на нихъ почти милліарднаго долга казеннымъ кредитнымъ учрежденіямъ. Сумма эта была удержана съ помѣщиковъ при вознагражденіи ихъ за земли, отошедшія во владѣніе крестьянъ. Но съ тѣхъ поръ частное землевладѣніе успѣло уже обременить себя новыми займами въ банкахъ на такую-же, примѣрно, сумму. Общая задолженность его составляла къ 1894 году 991½ милл. рублей. Большая часть этой суммы долга образовалась еще до паденія хлѣбныхъ цѣнъ въ послѣдніе годы и это паденіе цѣнъ поставило владѣльцевъ заложенныхъ имѣній въ трудное положеніе.

Большая часть сдѣланныхъ въ банкахъ займовъ возникла изъ раздѣловъ между сонаслѣдниками, при чемъ ссуды выдавались не для увеличенія землевладѣнія или улучшенія хозяйства, но совершенно непро-

изводительно—на тотъ предметъ, чтобы доходъ съ имѣнія шелъ не къ нѣсколькимъ лицамъ, но къ одному и чтобы весь рискъ отъ каждой неудачи не раздѣлялся нѣсколькими владѣльцами, но падалъ только на одно лицо, выдѣлившее сонаслѣдниковъ и принявшее на свою отвѣтственность долгъ банку. Такіе займы прямо подкапывали состоятельность сельскихъ хозяевъ и не дозволяли имъ и помышлять о затратахъ на улучшеніе. Для этихъ владѣльцевъ весь вопросъ о хозяйствѣ сводится на искусство такъ изворачиваться съ поступленіями, чтобы протянуть владѣніе отъ одного полугодія до другого полугодія, т. е. отъ одного платежнаго срока до другого.

Громко раздающіяся нынѣ жалобы на кризисъ землевладѣнія и исходятъ главнымъ образомъ отъ того, что, задолжавъ банкамъ, съ разсчетомъ на полученіе извѣстнаго дохода съ имѣній, владѣльцы эти съ трудомъ переносятъ послѣдовавшее уменьшеніе этого дохода. Впрочемъ, жалобы нашего дворянства до нѣкоторой степени преувеличены. Во-первыхъ, заложенная въ банкахъ земля не составляетъ и половины всей поверхности частнаго землевладѣнія, а стало быть затруднительное положеніе задолжавшихъ еще не составляетъ безвыходности положенія всего частновладѣльческаго хозяйства въ Россіи, какъ то обыкновенно подразумѣвается. Во-вторыхъ, и сами задолжавшіе, которые жалуются на разорительность платимыхъ ими банкамъ процентовъ, въ дѣйствительности получили ссуду на немного болѣе половины всей дѣйствительной стоимости ихъ имѣній въ моментъ оцѣнки. А стало быть, дворянскому банку они и прежде платили не 5, а не болѣе 3 процентовъ въ годъ со всего имущества, приносящаго имъ доходъ, и это уже нельзя признать разорительнымъ. Что-же касается паденія цѣнъ на хлѣбъ и еще трудности доставать рабочихъ—на которую жалуются преимущественно южные сельскіе хозяева, то это уже вопросъ общій всей Европѣ, вопросъ о томъ, надолго-ли окажется возможнымъ, при конкуренціи заокеанскаго хлѣбнаго производства—продолжать зерновое хозяйство въ Европѣ, работая не самому лично на пашнѣ, но нанимая для этого рабочихъ.

Но практическая сторона обсужденія заключается въ томъ, можетъ-ли государство быть обязано во что-бы то ни стало отвращать переходъ частнаго землевладѣнія изъ рукъ нынѣшнихъ сельскихъ хозяевъ въ руки новыхъ сельскихъ хозяевъ? Очевидно, государство не можетъ быть заинтересовано въ томъ, чтобы имѣнія оставались непремѣнно въ рукахъ такихъ владѣльцевъ, которыхъ оно само должно было-бы постепенно поддерживать разными уступками, дѣлаемыми отъ времени до времени и ложащимися, такъ или иначе, на податныя средства. Ясно, что такіе собственники, которымъ даже не удается сводить концовъ съ концами въ обязательныхъ платежахъ, не способны улучшить хозяйство и чѣмъ дольше имѣнія останутся въ ихъ рукахъ, тѣмъ вѣрнѣе придутъ въ полное разстройство. Недавно одинъ изъ публицистовъ «Гражданина» г. Лиліенфельдъ, утверждая, что земля болѣе 3-хъ проц. съ погашеніемъ те-

перь выносить не можетъ, на вопросъ, какъ этого достигнуть, давалъ слѣдующее рѣшеніе: «наиболѣе простое рѣшеніе заключается въ немедленной продажѣ съ торговъ всѣхъ заложенныхъ имѣній, безъ всякой пощады, безъ всякаго сердечнаго отношенія къ участи сотни тысячъ бѣдняковъ (?) земельныхъ дворянъ». Авторъ объяснялъ, что на торгахъ иныя имѣнія могутъ быть куплены за сумму долга и недоимки съ приплатою рубля, то-есть за полцѣны.

Но затѣмъ г. Лиліенфельдъ спрашивалъ: «но чѣмъ-же этотъ новый владѣлецъ будетъ лучше стараго; что-же онъ такое сдѣлаетъ для сельскаго хозяйства, а слѣдовательно для общаго государственнаго благосостоянія, если первый владѣлецъ, имѣя за собой громадный опытъ, выбившись изъ всѣхъ силъ, не сумѣлъ удержаться на землѣ?» Выводъ ясенъ: необходимы огромныя государственныя пожертвованія для поддержанія владѣльцевъ «выбившихся изъ силъ»—на нѣкоторое время; а затѣмъ, когда они снова выбьются изъ силъ, потребовались-бы новыя пожертвованія. Но вѣдь это представляло-бы для казны перспективу еще болѣе убыточную, чѣмъ если-бы она разъ простила дворянамъ-землевладѣльцамъ весь банковскій долгъ и даже заплатила-бы ихъ частные долги, но съ твердымъ намѣреніемъ предоставить уже затѣмъ владѣльцевъ окончательно ихъ собственнымъ силамъ, такъ чтобы, если-бы они опять съ теченіемъ времени выбились изъ силъ, то уже не снабжать ихъ новыми силами на казенный счетъ. Перспектива періодически возвращающихся новыхъ пожертвованій для поддержанія дворянскаго землевладѣнія уподоблялась-бы установленію класса землевладѣльцевъ, обезпеченныхъ казенными окладами по числу владѣемыхъ десятинъ земли. А такого примѣра нигдѣ еще не бывало, да и что-же-бы выиграло положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи, если-бы крупные землевладѣльцы могли имѣть увѣренность, что, какъ они ни веди хозяйство, ихъ все-таки періодически будетъ выручать казна? Извѣстно, что еще въ минувшее царствованіе, въ виду предстоявшей продажи большого числа дворянскихъ имѣній, сдѣлана была разсрочка долговъ дворянскому банку и взимаемый имъ процентъ пониженъ былъ до $4^1/_2$. Въ концѣ прошлаго года процентъ дворянскаго банка былъ еще пониженъ—до 4-хъ.

Затѣмъ, въ апрѣлѣ текущаго года дарованы были частному землевладѣнію особыя льготы по взиманію пошлинъ крѣпостныхъ и съ безмезднаго перехода имуществъ и намъ слѣдуетъ остановиться здѣсь на этой новой мѣрѣ. Названныя льготы предоставлены только частнымъ землевладѣльцамъ и не распространяются даже на дворянскія недвижимыя имущества въ городахъ. Основаніемъ для этихъ льготъ, какъ то прямо выражено въ мотивахъ новаго закона (мнѣніе госуд. сов. утв. 10 апрѣля), послужило именно «стѣсненное положеніе землевладѣльцевъ, выражавшееся въ быстромъ ростѣ задолженности земельныхъ имѣній» и «неблагопріятныя условія, наступившія для сельскаго хозяйства въ послѣднее время съ паденіемъ цѣнъ на зерновые продукты». По общему

закону, имущества, переходящія по наслѣдству и другими безмездными способами, облагаются пошлиной въ 1 до 8 процентовъ стоимости. Низшій размѣръ (1%) уплачивается имуществами, переходящими отъ супруги къ супругу или въ прямой линіи. Новый законъ предоставляетъ собственно частному землевладѣнію льготу, освобождая имѣнія послѣдняго рода вовсе отъ пошлины— по такому соображенію, что переходъ имѣнія, вслѣдствіе смерти главы семейства, къ другимъ его членамъ, обыкновенно связанъ съ нѣкоторымъ разстройствомъ въ дѣлахъ. «Новое Время» высказало, что собственно эта льгота «являлась скорѣе актомъ простой справедливости, чѣмъ мѣрой политическаго характера». Но если вслѣдствіе смерти главы семьи къ другимъ членамъ переходитъ городское недвижимое имущество, заложенное въ кредитномъ обществѣ, или участокъ земли, пріобрѣтенный крестьяниномъ при помощи крестьянскаго банка и находящійся въ залогѣ въ томъ банкѣ, то вѣроятность нѣкотораго разстройства въ дѣлахъ въ этихъ случаяхъ нисколько не меньше, чѣмъ въ первомъ. Стало быть, главнымъ побужденіемъ къ такой льготѣ владѣльцамъ имѣній послужило все-таки соображеніе о неблагопріятныхъ условіяхъ, наступившихъ для частныхъ землевладѣльцевъ при паденіи цѣнъ на хлѣбъ.

Вторая льгота заключается въ изъятіи для частнаго землевладѣнія изъ общаго закона, въ силу котораго при продажѣ недвижимыхъ имуществъ крѣпостныя пошлины въ 4% взимаются съ общей цѣны имущества, независимо отъ лежащихъ на немъ долговъ. Когда имущество находится въ залогѣ или вообще обременено долгомъ, напр. въ половину его цѣнности, то пошлина въ 4% съ продажной, т.-е. номинальной цѣны оказывается уже 6-ю процентами съ цѣны дѣйствительной. И вотъ, въ силу новаго закона, пошлина съ продаваемыхъ землевладѣльцами имѣній будетъ взиматься уже только съ продажной цѣны—за исключеніемъ изъ нея переводимаго на покупщика долга кредитнымъ учрежденіямъ. Что касается закладныхъ частныхъ (такъ называемыхъ «вторыхъ» и «третьихъ»), то, по общему закону, лежащія на недвижимыхъ имуществахъ дополнительныя запрещенія по частнымъ долгамъ препятствуютъ продажѣ имуществъ. Иными словами, имущества, могущія быть продаваемы только по уплатѣ долговъ этого рода, а потому новый законъ ихъ и не касается. Надо прибавить, что новый порядокъ исчисленія крѣпостныхъ пошлинъ не будетъ примѣняемъ къ имѣніямъ, которыя продаются ранѣе истеченія 3 лѣтъ со времени пріобрѣтенія ихъ владѣльцами посредствомъ купли или мѣны или за долгъ, при чемъ имѣется въ виду не распространять льготу въ крѣпостныхъ пошлинахъ на спекуляторовъ, занимающихся скупкою земель для распродажи. Та же льгота не распространяется и на земли, продаваемыя съ торговъ или остающіяся за банками, для того, чтобы банки не воспользовались пожертвованіемъ, которое казна дѣлаетъ собственно только для поддержанія частнаго землевладѣнія.

Но какъ-бы ни были велики пожертвованія, дѣлаемыя государ-

ствомъ съ этой цѣлью, они все-таки никогда не удовлетворятъ тѣхъ публицистовъ, которые исходятъ изъ принципа, что государство обязано поддерживать дворянское землевладѣніе во что-бы то ни стало, и какъ-бы дворяне ни вели свое хозяйство. Такъ, разсужденія г. Лиліенфельда появились въ «Гражданинѣ» черезъ мѣсяцъ по утвержденіи и недѣли черезъ двѣ по опубликованіи закона о новыхъ льготахъ землевладѣнію. И вотъ что пишетъ названный публицистъ: «позволяю себѣ съ совершеннымъ убѣжденіемъ заявить, что по вопросу земельно-дворянскому *если кое-что и сдѣлано, то въ сущности — ничего или почти ничего радикальнаго*» (курсивъ оригинала). «Радикальный» публицистъ находитъ, что и дворянскій банкъ, взимающій всего 4%, не многимъ отличается отъ другихъ земельныхъ банковъ, а именно только размѣромъ роста. Но— «тѣ-же чудовищныя деньги за публикаціи, тѣ-же неустойки, то-же коммерческое отношеніе къ кліентамъ» и т. д. Объяснивъ, какъ уже упомянуто было выше, что теперь земля не можетъ вынести болѣе 3 проц. съ погашеніемъ, авторъ находитъ, что и 4 проц., взимаемые дворянскимъ банкомъ, для частнаго землевладѣнія непосильны. Но вѣдь эти 4 проц. сводятся къ 2 процентамъ цѣнности имѣнія. Самъ авторъ, съ цѣлью показать, какъ дешево продаются иногда имѣнія съ торговъ, говоритъ слѣдующее: «можно допускать, что, не считая стоимости лѣса, инвентаря, рогатаго скота и т. д., кругло всѣ поступающія на торги имѣнія задолжены около 67—68 процентовъ ихъ оцѣнки, въ свое время сдѣланной весьма осторожно и гораздо ниже дѣйствительной стоимости имѣнія». Но если это такъ, если оцѣнка была гораздо ниже стоимости, а задолженность составляетъ только 68 проц. оцѣнки, то эта задолженность, очевидно, не превышаетъ половины дѣйствительной стоимости имѣній. А стало быть, должники дворянскаго банка, тѣ самые, которыхъ имѣнія идутъ на торги, въ дѣйствительности платятъ банку всего 2 процента, то-есть меньше, чѣмъ сколько, по отзыву самого автора, земля *можетъ* перенести и въ настоящее время. Значитъ, не банкъ разоряетъ дворянскія имѣнія, а почему-же въ декабрѣ прошлаго года по *третьей* публикаціи банка назначено было въ продажу до 1 500 имѣній, какъ говоритъ авторъ, прибавляя, что «нельзя безъ содроганія вспомнить объ этомъ?» Почему въ теченіе года назначаются въ продажу въ одномъ только дворянскомъ банкѣ болѣе 3 000 имѣній? И какихъ-же «радикальныхъ» мѣръ требовалось-бы, чтобы отвратить это, какихъ новыхъ пожертвованій казны?

Вотъ тѣ главныя мѣры, которыя рекомендуются г. Лиліенфельдомъ: 1) «Немедленно снять съ торговъ» эти тысячи имѣній и поручить особой «безпристрастной (?)» комиссіи «изучить причину этого ужаснаго явленія». На изученіе причины и на выработку средствъ къ ея отвращенію авторъ даетъ комиссіи срокъ до марта будущаго года. Что-жъ, одна выгода будетъ несомнѣнной: два полугодія обойдутся безъ продажъ. и вѣроятно и безъ текущихъ взносовъ. такъ какъ все продолженіе опе-

рацій дворянскаго банка сдѣлалось-бы вопросомъ! 2) Поручить комиссіи разсмотрѣніе вопроса о добровольномъ отчужденіи въ пользу крестьянъ, «на условіяхъ безусловно льготныхъ», земель изъ заложенныхъ дворянскихъ имѣній, съ цѣлью окончательнаго уничтоженія всякаго долга на этихъ имѣніяхъ, а съ другой стороны—для увеличенія крестьянскаго надѣла. 3) Процентъ съ остающихся въ дворянскомъ и въ крестьянскомъ банкахъ земель понизить до возможнаго минимума, а всѣ недоимки, накопившіяся *въ обоихъ* банкахъ и разсроченныя на 3—4 года, пріобщить къ капитальной ссудѣ, на возможно дальній срокъ. 4) «Подобно тому, какъ крестьянскій надѣлъ и ихъ жилища не отвѣчаютъ за частные долги ихъ собственниковъ—послѣ окончательнаго погашенія всѣхъ долговъ на данномъ имѣніи, *признать его неприкосновенность и заповѣдность на вѣчныя времена въ данномъ дворянскомъ родѣ*». 5) «Всѣ существующіе теперь россійскіе аграрные банки, шкуру дерущіе съ бѣдныхъ заемщиковъ, безусловно уничтожить, выкупивъ ихъ акціи, закладные листы и проч., а заложенныя въ нихъ имѣнія перенесть въ банкъ дворянскій». Авторъ этого проекта замѣчаетъ: «прочитавъ изложенное, вы, надѣюсь, согласитесь, что еще есть о чемъ подумать и что до сихъ поръ дѣйствительнаго, радикальнаго, ничего сдѣлано не было!..»

На это приходится возразить, что одна изъ радикальныхъ мѣръ, а именно приписаніе къ капиталу долга — всей суммы недоимокъ по дворянскимъ имѣніямъ, подлежавшимъ продажѣ, уже была однажды принята и если послѣ того снова назначаются къ продажѣ 3,000 такихъ имѣній въ годъ, то кто-же поручится, что повтореніе такой приписки явится впередъ средствомъ радикальнаго излѣченія задолженнаго дворянскаго владѣнія? Развѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобы операція эта повторялась ежегодно; но это означало-бы отмѣну платежей, то-есть просто прощеніе долга дворянамъ. Далѣе. Авторъ въ своемъ проектѣ «радикальныхъ» мѣръ въ пользу задолжавшаго дворянства пристегнулъ къ его интересамъ — интересы крестьянъ. Но кто-же мѣшаетъ дворянамъ и безъ всякаго разсмотрѣнія въ безпристрастной комиссіи, ходатайствовать въ самомъ банкѣ о дозволеніи отчужденія въ пользу крестьянъ частей имѣній, съ переводомъ на крестьянъ-же и соотвѣтствующей части долга? Другое дѣло—забота автора о томъ, чтобы процентъ былъ пониженъ до возможнаго минимума и въ крестьянскомъ банкѣ, лишь-бы процентъ былъ доведенъ до минимума въ банкѣ дворянскомъ. Нельзя не согласиться, что второе было-бы несправедливо безъ перваго. Мы указали выше, что долгъ крестьянъ крестьянскому банку, опредѣлившійся той суммой, какую выдалъ на покупку земель банкъ, составлялъ въ первые годы $^5/_6$ покупной цѣны, но и въ послѣдніе годы не менѣе $^1/_3$ ея. Итакъ, если бы дворяне платили по 3 проц. за ссуду, составляющую половину цѣнности земли, съ которой они получаютъ доходъ, то-есть въ сущности платили-бы $1^1/_2\%$ съ этой цѣнности, а крестьяне продолжали-бы уплачивать 5% съ $^5/_6$-хъ или хотя-бы 5% съ $^2/_3$ цѣнности земель, то-есть, въ дѣйстви-

тельности, $4^1/_6$% или $3^1/_3$%, то это было-бы въ высшей степени несправедливо.

Зато авторъ проекта совершенно напрасно сравнилъ учрежденіе неприкосновенныхъ дворянскихъ майоратовъ съ установленной закономъ свободой усадебной земли и минимума хозяйственнаго инвентаря у крестьянъ отъ продажи за недоимки и другіе долги. Крестьянскій дворъ съ одной лошадью и одной коровой вовсе не есть неприкосновенное и заповѣдное имѣніе, остающееся на вѣчныя времена въ одномъ родѣ. У крестьянина, при неисправности въ платежахъ, можно продать все имущество, кромѣ названнаго минимума, безъ котораго земледѣлецъ не могъ-бы продолжать работъ. Но нисколько не «подобно этому», когда у майоратиста, владѣющаго нѣсколькими тысячами десятинъ, нельзя описать за частный долгъ хотя-бы часть хозяйственнаго инвентаря. Отмѣтимъ, что въ нѣсколькихъ словахъ по поводу письма г. Лиліенфельда, редакторъ «Гражданина», высказывая, что «тяжело жить въ такое время, когда иные изъ нашихъ тайныхъ совѣтниковъ ставятъ (?) вопросъ: нельзя-ли безъ дворянства обходиться русскому государству...»—продолжаетъ такъ: «но еще болѣе тяжело болѣзненное сознаніе души, глядя на квіетизмъ нашего земельнаго дворянства—отъ убѣжденія, что главная губящая его сила исходитъ изъ него и въ этомъ неподвижномъ, разрозненномъ состояніи его и заключается».

Въ предшествующей книжкѣ мы говорили о значеніи проекта о разрѣшеніи сдѣлокъ на золото. Поэтому въ нынѣшнемъ обозрѣніи достаточно упомянуть, какъ о состоявшемся въ минувшемъ мѣсяцѣ фактѣ, о мнѣніи государственнаго совѣта, котораго два главныхъ пункта мы приведемъ дословно. 1) «Всякія дозволенныя закономъ письменныя сдѣлки могутъ быть заключаемы на россійскую золотую монету» и 2) «По сдѣлкамъ, писаннымъ на россійскую золотую монету, уплата производится либо золотою монетою, либо государственными кредитными билетами, по курсу на золото въ день дѣйствительнаго платежа, а въ случаѣ спора о курсѣ—по послѣднему, полученному на мѣстѣ, среднему курсу сдѣлокъ с.-петербургской биржи». По поводу закона въ той редакціи, какъ онъ состоялся, замѣтимъ, что такъ какъ размѣръ гербового сбора съ актовъ, писанныхъ на золотую монету, установлено разсчитывать по нарицательной цѣнѣ сдѣлки, то это условіе является поощреніемъ къ писанію сдѣлокъ именно на золотую валюту. А такъ какъ министру финансовъ предоставляется разрѣшать пріемъ золота въ уплату акцизныхъ сборовъ по курсу, то это является уже законодательнымъ признаніемъ обезцѣненія кредитнаго рубля. Послѣднее замѣчаніе наше касается только внѣшней формы перваго пункта о томъ, что всякія дозволенныя сдѣлки могутъ быть заключаемы на россійскую золотую монету. Съ одной стороны, само собою разумѣется, что сдѣлки могутъ быть закономъ допускаемы только дозволенныя; а съ другой — россійская золотая монета и доселѣ была дозволенною, а недозволенными были лишь сдѣлки на нее; стало

быть, въ пунктѣ первомъ достаточно было сказать, что впредь разрѣшаются сдѣлки на золото съ платежомъ кредитными билетами по курсу.

Въ прошломъ-же мѣсяцѣ были опубликованы «временное положеніе» объ учрежденной при академіи наукъ по указу 13 января «постоянной коммиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ», а также «временныя правила» для руководства этой коммиссіи. Задача коммиссіи чисто-благотворительная. По объявленнымъ нынѣ правиламъ, пенсіи изъ ежегодной суммы 50 т. р. могутъ быть назначаемы «лишь такимъ лицамъ, которыя выдающимися дарованіями и долговременнымъ трудомъ заслужили почетную извѣстность». Относительно временныхъ пособій, этого условія не поставлено, а упомянуто вообще о людяхъ, посвятившихъ себя труду въ наукахъ, литературѣ и въ повременныхъ изданіяхъ. Но какъ пенсіи, такъ и пособія могутъ быть назначаемы только больнымъ, лишившимся возможности работать и находящимся въ бѣдности, и ихъ вдовамъ и сиротамъ, также только подъ условіемъ если и они находятся въ бѣдности. Отсюда явно, въ какую ошибку впали тѣ «публицисты» столичные и провинціальные, которые какъ-бы возгордились, что «отнынѣ публицистъ сравненъ съ чиновникомъ» (первая это сказала, кажется «Петерб. Газета»). Лицо, находящееся на государственной службѣ, имѣетъ *право* на пенсію по выслуженіи опредѣленнаго срока, при полномъ здоровьи и назначеніе ему пенсіи не есть актъ благотворительности. Правда, рабочимъ въ другихъ областяхъ труда не оказывается доселѣ и благотворительности изъ опредѣленныхъ средствъ. Но именно по данному поводу со стороны печати было-бы вполнѣ умѣстно возбудить вопросъ объ устройствѣ, при помощи особыхъ сборовъ и пожертвованія государствомъ части изъ ежегодныхъ прибылей отъ операцій государственнаго банка—кассъ вспоможенія для увѣчныхъ и престарѣлыхъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ.

Изъ подробностей «положенія» и «правилъ» приведемъ, что пенсіи могутъ быть назначаемы въ размѣрѣ не свыше 1,200 руб. въ годъ для семейныхъ и 720 р. для холостыхъ, и притомъ только въ такомъ случаѣ, если ходатайствующіе не пользуются пенсіями изъ какихъ-либо другихъ источниковъ. Временныя-же пособія не обусловлены такимъ ограниченіемъ. Въ остальномъ, правила о порядкѣ назначенія пенсій и пособій названною коммиссіей довольно сходны съ тѣми, какія существуютъ въ обществѣ литературнаго фонда. Но комитетъ фонда весь составляется изъ лицъ выборныхъ, при чемъ нѣкоторая преемственная связь между слѣдующими одинъ за другимъ составами обусловливается тѣмъ, что кандидатовъ къ избранію въ общемъ собраніи предлагаетъ комитетъ. Въ коммиссіи-же при академіи наукъ, предсѣдательствующій (вице-президентъ академіи) и товарищъ его (непремѣнный секретарь академіи) будутъ членами постоянными; другихъ двоихъ членовъ избираетъ академія изъ академиковъ-же — на два года, а еще двухъ приглашаетъ президентъ академіи «изъ числа извѣстныхъ русскихъ писателей»—на одинъ годъ. По-

становленія комиссіи приводятся въ исполненіе только по утвержденіи ихъ президентомъ академіи, которому они докладываются вице-президентомъ.

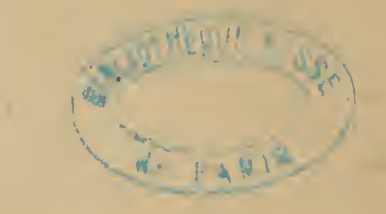
Рядомъ съ благотворительнымъ учрежденіемъ для нуждающихся ученыхъ и литераторовъ, мы должны упомянуть объ основаніи въ Петербургѣ художественнаго музея съ отдѣлами этнографическимъ и историческимъ. Основаніе художественнаго національнаго музея—дѣло полезное, но требующее не малаго времени. Музей обыкновенно возникаетъ какъ небольшая коллекція картинъ и статуй, не требующая сперва обширнаго помѣщенія. Къ ней присоединяются другія, готовыя коллекціи, пріобрѣтаемыя постепенно и тогда помѣщеніе расширяется. Въ данномъ случаѣ было иначе. Имѣлось готовое, великолѣпное зданіе, пріобрѣтенное въ казну за 4 милл. рублей, и для котораго сперва предполагалось иное назначеніе. Но затѣмъ рѣшено было воспользоваться имъ для основанія русскаго музея. Поэтому потребуется нѣкотораго времени, чтобы наполнить это зданіе согласно съ той цѣлью, для которой оно предназначено теперь. Наибольшая существующая коллекція русскихъ картинъ это — Третьяковская галлерея; эта коллекція принесена владѣльцами въ даръ Москвѣ и воля жертвователей, несомнѣнно, должна быть уважена. Но если-бы даже присоединить къ Третьяковской коллекціи тѣ нѣсколько десятковъ картинъ русскихъ художниковъ, которыя были пріобрѣтены за послѣдніе годы для дворцовъ, и тѣ изъ остающихся въ академіи художествъ русскихъ картинъ и изваяній, которыя заслуживали-бы помѣщенія въ національномъ музеѣ, то и все это можетъ занять лишь малую часть Михайловскаго дворца. Что касается отдѣловъ этнографическаго и историческаго, то для перваго мы въ Петербургѣ видимъ пока развѣ только незначительную коллекцію предметовъ одежды въ географическомъ обществѣ, а главными коллекціями предметовъ историческихъ всегда останутся палаты Кремлевскаго дворца и историческій музей въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ, на приспособленіе зданій дворца для музея потребуется еще не мало расходовъ. Къ дворцу этому принадлежатъ обширные флигеля, которые, покамѣстъ, могутъ быть отведены только подъ квартиры для служащихъ, богато устроенныя конюшни, наконецъ, обширный старый садъ, а эти дополненія не нужны для музея. Итакъ остается только ожидать такого развитія нашего художественнаго творчества, чтобы столь великолѣпный снаружи музей скорѣе наполнился замѣчательными произведеніями живописи и скульптуры.

Въ концѣ прошлаго-же мѣсяца былъ разсмотрѣнъ въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта проектъ организаціи другого образовательнаго учрежденія, а именно петербургскаго женскаго медицинскаго института. По отзыву газетъ, «собраніе отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ къ необходимости учрежденія института». А между тѣмъ, со сколькими затрудненіями встрѣчалось его основаніе... Женскіе врачебные курсы, изъ которыхъ вышли врачи, отличившіеся самопожертвованіемъ и полезной дѣятельностью во время войны, голод-

наго тифа и холеры—закрылись и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ не было даже надежды на ихъ возстановленіе. Благодаря усиленнымъ стараніямъ кружка частныхъ лицъ, городское управленіе изъявило согласіе предоставить одну изъ своихъ больницъ для клиническихъ занятій слушательницъ и назначить денежное пособіе врачебнымъ курсамъ, которые должны были возобновиться въ видѣ медицинскаго института. Долгое время вырабатывался въ министерствѣ просвѣщенія, съ особыми вниманіемъ и осторожностью, проектъ устава для этого заведенія. Наконецъ, собраны были для него и значительныя частныя пожертвованія, такъ что отъ казны требовалась уже небольшая приплата. Но когда, три года тому назадъ, проектъ этотъ получилъ, наконецъ, движеніе, то именно необходимость нѣкоторыхъ затратъ со стороны казны и оказалась рѣшительнымъ препятствіемъ къ осуществленію этого дѣла. Потребовалось новаго обращенія къ частной благотворительности для того, чтобы создать одно изъ несомнѣнно нужнѣйшихъ Россіи и полезнѣйшихъ учрежденій. Наконецъ, теперь весь расходъ по его осуществленію, то-есть какъ на устройство института, такъ и на его содержаніе и даже развитіе, обезпеченъ частными пожертвованіями. И вотъ, проектъ кажется уже близкимъ къ осуществленію.

Какъ о томъ уже упомянуто, разсматривавшее нынѣ проектъ высшее присутствіе признало учрежденіе женскаго медицинскаго института необходимымъ. Но при разсмотрѣніи частностей проекта, собраніе постановило увеличить на годъ предположенный 4-хъ-лѣтній курсъ въ институтѣ, такъ, чтобы онъ равнялся курсу медицинскихъ факультетовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на разногласія, возникшія при обсужденіи вопроса о необходимости для слушательницъ знанія обоихъ древнихъ языковъ, рѣшено было, согласно проекту, что будетъ обязательно знаніе ихъ обоихъ. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ, не былъ принятъ въ уваженіе тотъ фактъ, что въ Германіи на медицинскіе факультеты университетовъ еще лѣтъ 25 тому назадъ допущены абитуріенты высшихъ реальныхъ училищъ. Къ этому можно прибавить, что именно благодаря отсутствію древнихъ языковъ въ курсахъ нашихъ женскихъ гимназій (за немногими исключеніями) большинство оканчивающихъ этотъ курсъ воспитанницъ обладаютъ болѣе многостороннимъ развитіемъ и правильнѣе пишутъ на родномъ своемъ языкѣ, чѣмъ большая часть нашихъ классиковъ-гимназистовъ. Между тѣмъ, въ виду поставленнаго теперь условія для пріема въ женскій медицинскій институтъ, окончанія курса въ женскихъ гимназіяхъ будетъ недостаточно для вступленія въ институтъ и воспитанницамъ гимназій придется еще посвящать значительное время на изученіе древнихъ литературъ, съ той практической цѣлью, чтобы сознательнѣе относиться къ научной терминологіи. Какъ будто-бы необходимо прочесть Цицерона и Виргилія, чтобы научиться писать безошибочно рецепты на такъ называемой «кухонной» латыни. Но, какія-бы затрудненія учрежденіе женскаго медицинскаго института ни встрѣтило доселѣ, можно только радоваться, если оно, наконецъ, состоится.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Критика.

Словарь русскаго языка, составленный II отдѣленіемъ Императорской академіи наукъ. Выпускъ 3-й. I. *Да—дя*. II. *Поправки и опечатки*. Спб. 1895 г. Ц. 65 к.

Наконецъ-то академія наукъ выпустила въ свѣтъ давно жданный 3-й выпускъ своего «Словаря», для нашей публики положительно необходимаго, такъ-какъ у насъ *нѣтъ* словаря своего родного языка, и такой трудъ является настоятельно нужнымъ въ нашей ученой литературѣ. Не можемъ понять, почему академія такъ медлительна. Въ распоряженіи ея находятся такія ученыя силы, которыя въ состояніи оказывать ей содѣйствіе каждая по своей спеціальности и, можно думать, каждый ученый не только охотно принялъ-бы приглашеніе участвовать въ «Словарѣ», но и счелъ-бы такое приглашеніе за большую для себя честь. Если только подумать, что въ пять лѣтъ выпущено всего лишь 3 выпуска, заключающіе въ себѣ 4 первыя буквы алфавита, то можно придти къ мысли, что когда наши кунтаторы-лингвисты закончатъ свой трудъ, то начальные выпуски словаря успѣютъ уже устарѣть, такъ-какъ русскій языкъ въ своемъ развитіи и ростѣ сдѣлаетъ уже нѣкоторый шагъ впередъ. Можно было-бы, впрочемъ, до нѣкоторой степени примириться съ этою медлительностью, если бы она приводила къ какимъ-нибудь солиднымъ результатамъ. Но академическая работа обнаруживаетъ, совѣстно сказать, столько ошибокъ, недосмотровъ, а подчасъ и прямо незнанія живого языка, что уже къ 3-му выпуску потребовалось припечатать цѣлыхъ 20 страницъ однѣхъ поправокъ. Не многовато-ли? Объясненіе словъ, дѣйствительно часто страдаетъ недосказанностью, необдуманностью, иногда даже наивностью. Приведемъ для доказательства нѣсколько примѣровъ, чтобы не быть голословными:

Декламаторъ—произносящій рѣчи (?) съ особенною выразительностью и съ тѣлодвиженіями (?).

Декадентъ—недавно вошедшее въ употребленіе слово для означенія писателей новѣйшей французской литературной школы и ихъ русскихъ подражателей.

Чтобы не слишкомъ увлекаться подробностями, достаточно разобрать хоть эти два, попавшіеся на удачу. Развѣ только тотъ, кто произноситъ *рѣчи*, называется декламаторомъ? И такъ, адвокаты и священники—декламаторы, а актеры—не декламаторы... Съ другой стороны, дворникъ, сопровождающій тѣлодвиженіями свои рѣчи къ обывателю, будетъ-ли тоже декламаторъ? Затѣмъ, что это за «новѣйшая» французская литературная школа, и въ чемъ ея суть? и неужели декадентство, появясь во Франціи, пробралось только въ Россію и пріобрѣло себѣ только русскихъ подражателей?.. Интересны еще или, вѣрнѣе, курьезны литературные примѣры, которыми обильно уснащены слова въ академическомъ словарѣ и которые имѣютъ цѣлью показать, какъ то или иное слово санкціонировано нашими образцовыми писателями. Тутъ добросовѣстность нашихъ академиковъ превосходитъ всякіе предѣлы наивности. Чтобы показать, напримѣръ, что слово *дитя* вполнѣ литературное слово, они снабдили его 9-ю примѣрами. Конечно, такіе примѣры хороши лишь тогда, когда они содержатъ въ себѣ что-либо поучительное, и мы ничего не имѣемъ противъ того, что указаны нѣкоторые случаи неправильностей или даже капризности употребленія этого слова нашими писателями, напримѣръ:

«Ты ди*тей* съ нимъ часто танцовала...» *(Грибоѣдовъ).*

Или:

«Прости, счастливый сынъ пировъ,
«Балова*нный* дитя свободы»... *(Пушкинъ).*

Но когда тутъ-же ставятся такіе примѣры, какъ:

«Переженилъ дѣтей, внучатъ»... *(Грибоѣдовъ).*
«Изба его дѣтьми богата». *(Вяземскій),*

то такіе примѣры являются только балластами, напрасно загромождающими словарь и жестоко берущими отъ его составителей время, нужное имъ для болѣе производительной и поучительной работы. Если такъ подбирать примѣры, какъ они подобраны теперь, то для мѣстоименія придется взять изъ «Онѣгина»:

«Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой».

и обязательно подписать подъ этимъ *Пушкинъ*, а для имени *Петръ* выписать изъ «Полтавы»:

«Выходитъ Петръ»...

и также подписать *Пушкинъ*, какъ-бы для того, чтобы показать, что ужъ и при Пушкинѣ существовали въ русскомъ языкѣ личныя мѣстоименія 3-го лица женскаго рода, и что, говоря о Петрѣ, онъ умѣлъ назвать его именно Петромъ, а не Иваномъ или Ѳомой.

И такъ, въ 5 лѣтъ совершенъ трудъ довольно-таки скромнаго свойства. Не лучше-ли было-бы, если бы наши академики сплотились, не предоставляя этого огромнаго и отвѣтственнаго труда составленію однимъ только вторымъ отдѣленіемъ академіи и придали-бы ему болѣе солидный, полный и точный характеръ? Публика наша ждетъ такого изданія, потому что старый академическій словарь, изданный вторично Тибленомъ въ 1867 г., уже давно распроданъ, да и устарѣлъ,—и дать новый словарь въ скорѣйшемъ времени и въ самой тщательной обработкѣ входитъ въ непремѣннѣйшую обязанность нашего высшаго ученаго сословія.

Б. Библіографія.

I. БЕЛЛЕТРИСТИКА И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

К. М. Станюковичъ. **Откровенные.** Романъ въ двухъ частяхъ. Изданіе О. Н. Поповой. Цѣна 1 р. 50 к. Спб. 1895 г.

Романъ г. Станюковича — посильная сатира на современные общественные нравы. Онъ вводитъ читателя въ міръ крупныхъ дѣльцовъ, удачливыхъ коммерсантовъ, канцелярскихъ геніевъ, дѣловитыхъ кокотокъ и пр. и даетъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе правдивыхъ характеристикъ нѣкоторыхъ «героевъ» нашего времени. Во главѣ ихъ выступаютъ два типичныхъ карьериста— Павлищевъ и Борщовъ, достигающіе успѣха благодаря полной безпринципности и изворотливой угодливости всѣмъ господствующимъ теченіямъ и вѣяніямъ. При одинаковой эластичности воззрѣній и покладистости принциповъ, они рѣзко отличаются другъ отъ друга по темпераменту: Павлищевъ—карьеристъ-эпикуреецъ, срывающій «цвѣты удовольствія» на всемъ пути жизни, тогда какъ Борщовъ—карьеристъ-стоикъ, сосредоточившій всю силу своего характера на одной задачѣ: добиться власти и положенія. Борщовъ – интересный типъ Къ сожалѣнію, авторъ пока еще только намѣтилъ его, но не обрисовалъ сколько-нибудь полно и законченно. Въ высшей степени знаменательно, что самою живою и отзывчивою человѣческою чертою въ очерствѣлыхъ сердцахъ обоихъ карьеристовъ оказывается ихъ любовь къ дѣтямъ: болѣе мягкотѣлый и болѣе человѣчный Павлищевъ беретъ отпускъ и уѣзжаетъ за границу съ умирающимъ сыномъ въ тотъ моментъ, когда рѣшается вопросъ о назначеніи его на высокій постъ и даже закаленный честолюбецъ Борщовъ велитъ никого не принимать и бросаетъ всѣ свои дѣла въ тотъ день, когда къ нему пріѣзжаютъ дѣти.

Ядъ. Фортуна. Два романа *А. Килланда.* Переводъ Э. А. Русаковой. Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. Москва. 1895 г. Цѣна 1 р.

Эти два романа принадлежатъ къ числу наилучшихъ произведеній талантливаго норвежскаго писателя и редакція «Посредника» хорошо сдѣлала, включивъ ихъ въ число своихъ изданій. Въ своихъ романахъ авторъ знакомитъ насъ съ бытомъ норвежской буржуазіи и внимательный читатель легко найдетъ знакомые типы, знакомыя черты, несмотря на различіе національностей. Буржуазіи различныхъ странъ отравлены почти однимъ и тѣмъ-же ядомъ. Авторъ показываетъ какъ общество систематически отравляетъ этимъ ядомъ своихъ младшихъ членовъ. Еще на школьной скамьѣ дѣти впитываютъ въ себя то лицемѣріе, которымъ заражено все общество: исповѣдывать правила добродѣтели и руководиться правилами личной выгоды,—вотъ основа, на которой держится буржуазное общество. Быть или казаться такимъ, «какъ всѣ»—цѣль буржуазнаго воспитанія. Зараженное этимъ ядомъ, буржуазное общество съ своей стороны больше всего боится и ненавидитъ все оригинальное, смѣлое и считаетъ самымъ опаснымъ ядомъ свободную мысль, искреннее честное слово.

Второй романъ составляетъ продолженіе перваго и въ немъ передъ читателемъ развертывается еще болѣе широкая и яркая картина того общественнаго недуга, начало котораго намѣчено въ первомъ романѣ. Мы позволимъ себѣ привести одну особенно характерную выписку изъ второго романа, гдѣ авторъ рисуетъ, какъ зарвавшійся и обанкротившійся спекулянтъ спѣшитъ надѣть личину благочестія, чтобы этимъ сортомъ лицемѣрія избавиться отъ враговъ. Спекулянтъ продѣлываетъ опытъ съ пасторомъ, который не хочетъ вѣрить, чтобы его, пастора деньги, деньги такъ-сказать, служителя алтаря, пропали.

— Милый пасторъ Крузе, — говоритъ спекулянтъ-профессоръ,—вы сами знаете,

что я въ настоящую минуту не въ состояніи отдать вамъ вашихъ денегъ. Но я хочу сдѣлать для васъ нѣчто другое... нѣчто такое, что, можетъ быть, будетъ для васъ также хорошо и полезно.

Пасторъ начинаетъ надѣяться, онъ готовъ вѣрить, что только для него одного профессоръ оставилъ какую-нибудь лазейку и его пастора деньги не пропадутъ.

— Что такое,— говоритъ пасторъ задыхаясь отъ волненія, — говорите скорѣе... Вы знаете выходъ?.. О, слава тебѣ Господи!

Профессоръ отечески положилъ руку на плечо Крузе и сказалъ:

— Я буду молить Бога, чтобы онъ помогъ вамъ.

Пасторъ съ ужасомъ отшатнулся; указаніе на Бога подѣйствовало на него какъ пощечина, оба они стояли неподвижно и нѣкоторое время смотрѣли въ глаза другъ другу. Общая тайна сковывала ихъ уста; ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ ничего сказать другому.

И пасторъ и профессоръ оба ни во что не вѣрятъ, у обоихъ единственная цѣль жизни — фортуна, но оба выросли и живутъ въ лицемѣрномъ обществѣ и всемогущее лицемѣріе не позволяетъ имъ сказать ни слова.

Нѣсколько положительныхъ типовъ еще ярче оттѣняютъ правдивую картину, нарисованную талантливымъ авторомъ.

Мечты. Вторая книга стихотвореній *М. Б. Полиновскаго*. Изданіе Е. П. Распопова. Одесса. 1895 г.

Въ предисловіи къ этой книгѣ издатель выражаетъ надежду на благосклонное отношеніе читателей въ виду того, что первая книга стихотвореній г. Полиновскаго разошлась въ нѣсколько мѣсяцевъ. Странно. Г. Полиновскій, человѣкъ болѣе или менѣе опытный въ стихосложеніи, и шаблоны, по которымъ онъ выкраиваетъ свои стихи, довольно-таки разнообразны. «То флейта слышится, то будто фортепьяно». Но все это разнообразіе — не въ честь автору, такъ-какъ оно показываетъ въ немъ только внимательнаго читателя и неудачнаго подражателя. Самое непріятное впечатлѣніе производятъ стихи г. Полиновскаго съ оттѣнкомъ гражданской скорби. Зачѣмъ г. Полиновскій трогаетъ эти струны? Къ нимъ надо прикасаться умѣючи...

Разсказы 12-ти-лѣтнему человѣку. *В. В. Михайлова*. Рисунки Т. Н. Никитина, 2-ое изданіе М. И. Ледерле и К°. Спб. 1894. Ц. 75 коп. Стр. 107.

Издательская фирма Ледерле и К° отлично сдѣлала, что возобновила эту, уже распроданную, книжку г. Михайлова, которая лѣтъ 12 тому назадъ вызвала много похвальныхъ отзывовъ. Это простые разсказы о дѣтяхъ, держащіе дѣтей-читателей школьнаго возраста во все время чтенія книги въ своемъ кругу, въ кругу милыхъ шалостей, игръ и забавъ, происходящихъ у персонажей книжки, гимназистовъ, на праздникахъ—на святкахъ, на масляницѣ, Пасхѣ. Живыя картинки дѣтской жизни, вѣрное изображеніе дѣтскихъ интересовъ, нѣсколько правдиво-очерченныхъ характеровъ— все это придаетъ книгѣ живой интересъ и пріобрѣтаетъ ей у маленькихъ читателей значительный успѣхъ, который можно предсказать ей и для новаго ея изданія, тѣмъ болѣе, что издатели приложили все, чтобы придать ей и внѣшность достойную ея привлекательнаго содержанія.

Малымъ ребятамъ. Разсказы и стихи. (Книжки 6-я и 7-я). М. 1895. Цѣна по $1^1/_2$ к. По 36 стр.

Это – одинъ изъ весьма почтенныхъ опытовъ дать хорошую дѣтскую книгу за самую дешевую, какая только можетъ быть, цѣну. Очевидно, имѣются въ виду дѣти самыхъ бѣдныхъ классовъ, тогда какъ до настоящаго времени наше книгоиздательство существовало только для дѣтей достаточныхъ классовъ,—имѣется въ виду народъ и его ребятишки, которымъ, благодаря такой дешевизнѣ, книжки могутъ быть доступны еще до поступленія ихъ въ школу. Кромѣ этой доступности, важно еще и то, что серія книжекъ «Малымъ ребятамъ», дошедшая теперь уже до 7-го нумера, составляется вполнѣ литературно, изъ отрывковъ, взятыхъ у лучшихъ писателей, и отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ воспитательнаго чтенія. Горячо, съ самыми искренними пожеланіями, привѣтствуемъ эти книжки.

Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Съ 42 рисунками въ текстѣ и 11 картинками. Подъ редакціей А. К. Владиміровой (А. Европеусъ). 2-е изданіе книгопродавца У. И. Губинскаго. Спб. 1894. Цѣна 1 руб. 75 коп. Стр. 323.

Беремъ книгу и, заглянувъ въ нее попристальнѣе, видимъ, что сказки и преданія въ ней, дѣйствительно, есть, но нѣтъ зато ни *всѣхъ* временъ, ни всѣхъ народовъ. Впрочемъ, если не считать такого надувательства читателей за особенный грѣхъ издателя и составительницы книги, то послѣдняя, т. е. книга г-жи Европеусъ, можетъ быть дана въ руки дѣтямъ, но только отнюдь не младшаго возраста, для котораго въ ней слишкомъ много чертовщины, ужасовъ, фантастическихъ образовъ, могущихъ во всей своей совокупности нагнать на маленькое сердечко такія чувства и такое смѣшеніе понятій, которыя въ концѣ-концовъ обратятся въ какой-то духовный сумбуръ. Да и старшимъ слѣдуетъ читать эту книгу, въ виду указаннаго свойства ея содержанія, осторожно и, во всякомъ случаѣ, не сразу, ибо гдѣ-же сразу одолѣть безъ ущерба для своего воображенія и чувства 21 длинную сказку! Это и взрослому не подъ силу. Въ общемъ книга составлена хорошо, хотя сказокъ *всѣхъ* временъ и

всѣхъ народовъ въ ней все-же нѣтъ, ибо она заключаетъ въ себѣ лишь сказки 7 народностей.

Библіотека нашего юношества. Вып. VI. **Путешествіе Чарльза Дарвина кругомъ свѣта и по Южной Америкѣ.** Въ передѣлкѣ (?!) *М. А. Ляминой.* Съ 50 рисунками въ текстѣ. Изданіе Ледерле и К°. Спб. 1895. Ц. 80 к. Стр. 421.

Г-нъ Іонинъ въ своемъ сочиненіи «По южной Америкѣ» такъ отзывается о значеніи для Дарвина его путешествія по странамъ этого материка: для мыслителя очень интересно путешествіе по Южной Америкѣ, онъ здѣсь воочію видитъ, такъ-сказать, осязаетъ вліяніе, которое имѣетъ на жизнь человѣка географія, насколько его культура, привычки въ извѣстной степени зависятъ отъ условій теченія рѣкъ, направленія горъ, формы растительности, количества влаги и жары. Сколько фатальныхъ бѣдъ, сколько болѣзней и смутъ приноситъ намъ эта все уравнивающая цивилизація, не желающая принимать во вниманіе естественныхъ условій, въ которыхъ живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ. Дарвинъ только послѣ своего путешествія по Южной Америкѣ понялъ значеніе этихъ началъ и подъ ихъ сильнымъ впечатлѣніемъ создалъ свою систему, въ которой естественныя условія играютъ такую видную роль. Поэтому описаніе его путешествія, появляющееся въ нашей литературѣ, если не ошибаемся, впервые, должно быть особенно интересно и полезно для юношества. Мы крѣпко стоимъ за послѣднее. Содержательность книгѣ придается не только описаніями разныхъ трудовъ и лишеній, составляющихъ неизбѣжную принадлежность каждаго путешествія, но кромѣ того, она полна *научнаго* интереса, въ чемъ *главнымъ* образомъ и заключается ея польза для юношества. Такія книги являются для него не только забавой и пріятнымъ времяпрепровожденіемъ: онѣ расширяютъ его кругозоръ, будятъ въ немъ интересъ къ предметамъ, лежащимъ внѣ узкаго круга его собственной жизни, и развиваютъ въ молодомъ читателѣ вкусъ, уваженіе и любовь къ книгѣ вообще и къ серьезному чтенію въ частности. Изложена къ тому-же книга г-жею Ляминой довольно прилично (страннымъ только кажется намъ этотъ терминъ «передѣлка»), издана отлично, съ множествомъ рисунковъ, и стоитъ, сравнительно со своимъ объемомъ и видомъ, чрезвычайно дешево.

Эдмондъ Демоленсъ. **Какъ воспитывать и устраивать нашихъ дѣтей.** Перевелъ съ французскаго графъ Н. С. Ланской. Спб. 1895. Ц. 25.

Зажиточные французы стараются приготовить своихъ дѣтей къ поступленію въ административныя учрежденія и въ армію или къ либеральнымъ профессіямъ. Поэтому съ каждымъ годомъ возрастаетъ число людей, не пристроившихся ни къ какому дѣлу и состоящихъ въ числѣ кандидатовъ на ту или другую должность. Такое воспитаніе не приготовляетъ людей, способныхъ бороться съ трудностями жизни, постоянно возрастающими. Искусству воспитанія, пригоднаго въ наше время, надо поучиться у англо-саксонскихъ родителей. Авторъ приводитъ къ девяти пріемамъ преимущества англо-саксонскаго воспитанія. Вотъ существенное содержаніе книжки; въ ней въ маломъ объемѣ совмѣщено многое, что слѣдуетъ рекомендовать вниманію и русскихъ родителей. Жаль только, что переводчикъ слишкомъ храбро обращается съ русскимъ языкомъ: мозги у него бредятъ (стр. 6), слово «различно» нѣсколько разъ ставится вмѣсто «иначе», и т. п.

Ч. Диккенсъ. **Рождественскій сочельникъ.** Переводъ *А. П. Валуевой (Мунтъ).* Рисунки барона М. П. Клодта. Изданіе М. П. Ледерле и К°. Спб. 1894. Цѣна 50 коп., въ переплетѣ 1 руб. Стр. 95.

Старый-престарый, но вѣчно юный и свѣжій разсказъ знаменитаго писателя, не разъ уже переведенный и пересказанный у насъ въ литературѣ какъ для юношества, такъ для народа, и тѣмъ не менѣе въ каждомъ изданіи являющійся нелишнимъ. Особенно не лишенъ онъ въ такомъ изящномъ и даже, сравнительно съ достоинствомъ своего внѣшняго вида, недорогомъ изданіи, въ какомъ выпущенъ недавно г. Ледерле и К°, да еще и въ такой талантливой передачѣ, какъ у г-жи Мунтъ-Валуевой. Скряга Скруджъ, покаявшійся и возвысившійся сердцемъ подъ вліяніемъ проснувшейся въ немъ, наконецъ, совѣсти, всегда будетъ назидателенъ для молодого сердца, всегда будетъ импонировать въ юномъ читателѣ лучшему, высокому чувству любви къ ближнему.

II. МЕДИЦИНА И ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

D-r. E. Monin. **Испытанныя врачебныя средства** (какъ вѣрные способы лѣченія болѣзней). Переводъ съ франц. д-ра В. К. Панченко. Спб. 1895. Изд. Н. П. Петрова.

Мы уже имѣли случаи неоднократно высказываться въ томъ смыслѣ, что посвящать *публику* во всѣ спорные вопросы медицинской практики, лѣченія болѣзней, въ высшей степени опасно и нежелательно. Что-же касается до врачей, то пожалуй имъ было-бы болѣе пріятно читать руководство Monin'а, если-бы въ немъ не было замѣтно мѣстами той легкости и поверхностности сужденій, которою авторъ очевидно разсчитывалъ пріобрѣсти симпатіи публики, мало свѣдущей въ медицинскихъ вопросахъ. Несмотря на этотъ недостатокъ, разбираемое сочиненіе можетъ принести врачамъ несомнѣнную пользу, какъ содержащее оригинальные взгляды и интересныя указанія изъ практики самого автора.

Не входя въ оцѣнку этихъ послѣднихъ, мы считаемъ нужнымъ отмѣтить одно заявленіе автора, тѣмъ болѣе поражающее своей неумѣстностью, что книга его разсчитана на читателей-*не врачей*. Говоря о модномъ нѣкогда лѣченіи рвотнымъ камнемъ, д-ръ Monin заявляетъ, что препаратъ этотъ «дважды спасъ Францію: 1) излѣчивъ Людовика XIV, опасно заболѣвшаго въ Калэ, и 2) *отправивъ на тотъ свѣтъ* кардинала Мазарини» (стр. 16). Врачъ, рѣшающійся высказывать такія невѣроятныя похвалы лѣкарству, очевидно роняетъ въ глазахъ публики достоинство медицины, о которой и безъ того думаютъ слишкомъ нехорошо Нельзя не пожалѣть, что переводчикъ не исключилъ изъ книги этой неподходящей тирады.

Теофрастъ Ренодо. **Историко-біографическій очеркъ.** Врача Ф. Л. Германа. Харьковъ. 1894.

Очеркъ д-ра Германа посвященъ біографіи одной изъ самыхъ интересныхъ личностей, какія когда-либо появлялись на свѣтѣ. Дѣятельность Ренодо обнимаетъ три первыхъ четверти XVII столѣтія. Будучи человѣкомъ въ высшей степени живымъ, отзывчивымъ на всѣ общественныя нужды, онъ не ограничился скромной ролью врача, а занялся предпріятіями, которыми навлекъ на себя гнѣвъ и неудовольствіе современниковъ. Онъ открылъ справочную контору для ищущихъ работы, затѣмъ убѣдилъ Ришелье разрѣшить ему изданіе первой въ мірѣ газеты, открылъ кассу ссудъ для бѣдняковъ съ платой по $3^0/_0$ въ годъ и т. п. Во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ не было никакого желанія наживы, что прекрасно доказывается бѣдностью самого Ренодо, въ которой онъ и окончилъ свои дни; но всѣ эти нововведенія, столь чуждыя и непонятныя его современникамъ, которыхъ онъ опередилъ по крайней мѣрѣ на столѣтіе, повлекли за собой жестокія нападки, обвиненія въ ростовщичествѣ и т. п. Въ дѣло вмѣшался парижскій медицинскій факультетъ, недовольный на Ренодо за то, что тотъ старался сойти съ обыденной колеи тогдашняго лѣченія и найти для него новые пути. Послѣ цѣлаго ряда интригъ и судебныхъ процессовъ, Ренодо былъ лишенъ права практики, и его безплатные пріемы для бѣдныхъ больныхъ (прототипъ современной поликлиники) были закрыты на радость его соперникамъ. Хотя эта борьба и кончилась побѣдой факультета, но д-ръ Германъ основательно видитъ въ ней послѣдній ударъ, нанесенный мертвящей рутинѣ въ дѣлѣ лѣченія. Дѣятельность Ренодо, которому въ прошломъ году воздвигнутъ въ Парижѣ памятникъ, должна служить для каждаго врача образцомъ независимости, стремленія къ прогрессу и отзывчивости къ общественнымъ вопросамъ.

Совѣты беременнымъ и бабкамъ повитухамъ. Составилъ земскій врачъ *А. Короваевъ.* Москва. 1895.

Книжка д-ра Короваева содержитъ всѣ необходимые совѣты по уходу за беременной, роженицей и новорожденнымъ. Распространеніе этой книжки въ глухихъ уголкахъ нашего отечества могло-бы оказать деревенскому люду значительную пользу. Мы считаемъ однако нужнымъ отмѣтить нѣсколько несовсѣмъ удачныхъ совѣтовъ. На стр. 89 авторъ совѣтуетъ обильно промывать носъ ребенка, страдающаго насморкомъ, груднымъ молокомъ: такого рода пріемы, будучи исполняемы простой деревенской женщиной, могутъ, при лежачемъ положеніи ребенка у груди, вызвать весьма серьезныя и печальныя послѣдствія. На стр. 99 говорится о лѣченіи разстройствъ желудка у дѣтей и предлагается дѣлать имъ горчичныя ванны и растирать ихъ перцовкой или водкой съ хрѣновымъ сокомъ. Врядъ-ли надо прибавлять, что, зная условія деревенской жизни, зная любовь крестьянъ къ сильнымъ средствамъ, авторъ долженъ былъ-бы отнестись къ данному вопросу осторожнѣе и упомянуть лишній разъ о нѣжности кожи ребенка, которую надо щадить, а не раздражать столь рѣзко дѣйствующими веществами.

Санитарная служба. Первая помощь раненому на полѣ сраженія. Составилъ врачъ *Николай Жданъ-Пушкинъ.* Спб. 1894. Изд. Риккера.

Сочиненіе д-ра Жданъ-Пушкина предназначено для лицъ, «посвящающихъ себя служенію страждущему воину». Изложено оно общедоступнымъ языкомъ, а многочисленные рисунки изображаютъ пріемы первой помощи такъ наглядно, что разбираемая книга должна быть признана весьма полезнымъ руководствомъ для лицъ, исполняющихъ обязанности низшаго санитарнаго персонала.

Въ книгѣ содержатся главы объ остановкѣ кровотеченій, о повязкахъ, о несчастныхъ случаяхъ и внезапныхъ заболѣваніяхъ, о перевязочныхъ пунктахъ, о переноскѣ и перевозкѣ раненыхъ и т. п. Изложеніе д-ра Жданъ-Пушкина отличается простотой, и сочиненіе его можетъ быть рекомендовано, какъ лучшее пособіе для обученія и самообученія санитаровъ.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Наше предварительное слѣдствіе, его недостатки и реформа. Проф. *Всеволода Даневскаго.* Москва. 1895.

Проф. В. Даневскій говоритъ (гл. I), что, «занимаясь въ (80-хъ годахъ) веденіемъ уголовныхъ защитъ въ харьковскомъ окружномъ судѣ, принимая нерѣдко участіе въ отправленіи уголовнаго правосудія въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, изучая, наконецъ, уголовныя дѣла изъ числа рѣшенныхъ, хранящихся въ архивѣ харьков-

скаго окружнаго суда», онъ пришелъ къ заключенію, весьма невыгодному для нашей процедуры предварительнаго слѣдствія. Но на самомъ дѣлѣ проф. Даневскій почему-то не счелъ нужнымъ ознакомить читателей съ своими разносторонними наблюденіями, а вмѣсто того ограничился лишь, правда, очень добросовѣстнымъ воспроизведеніемъ выдержекъ изъ тѣхъ или иныхъ монографій и, въ особенности, отзывовъ чиновъ судебнаго вѣдомства, собранныхъ въ «Матеріалахъ». Наблюденія, вынесенныя проф. Даневскимъ въ качествѣ защитника по уголовнымъ дѣламъ, остались совершенно не использованными, а самый трудъ профессора, можетъ быть, подъ вліяніемъ обширныхъ и одностороннихъ «Матеріаловъ», всего болѣе говоритъ объ обремененности судебныхъ слѣдователей, о ихъ недостаточной независимости, о необходимости создать спеціальную судебную полицію и т. п. и всего менѣе объ интересахъ личности привлекаемаго къ слѣдствію. Какъ бывшій уголовный защитникъ, проф. Даневскій могъ-бы подѣлиться, несомнѣнно, очень интересными наблюденіями по этому послѣднему вопросу; но почтенный профессоръ, даже высказываясь за допущеніе защиты къ участію въ предварительномъ слѣдствіи, находитъ, однако, возможнымъ предоставить слѣдователю безапелляціонное право отказать въ допущеніи къ защитѣ лица, избраннаго обвиняемымъ (стр. 47).

Въ общемъ, проф. Даневскій сводитъ недостатки нашего предварительнаго слѣдствія къ причинамъ двоякаго рода: къ первымъ относятся причины принципіальнаго характера, выражающагося въ инквизиціонной окраскѣ предварительнаго слѣдствія. Для устраненія этого принципіальнаго недостатка, проф. Даневскій предлагаетъ отдѣлить предварительный розыскъ отъ слѣдствія и поставить слѣдователя въ положеніе независимаго судьи. Въ этихъ видахъ, съ одной стороны, рекомендуется организовать спеціальную судебную полицію и, съ другой стороны, допустить къ участію въ слѣдствіи защиту. Нынѣшняя полиція, исполняющая функціи предварительнаго дознанія, слишкомъ обременена своими прямыми обязанностями и вообще мало приспособлена для служенія цѣлямъ правосудія. Какъ удостовѣряетъ проф. Даневскій, въ нынѣшнюю полицію идутъ, большею частью, люди, которымъ «ѣсть нечего и дѣваться некуда» (стр. 71); урядники „иногда пускаютъ въ ходъ угрозы, бывало и битье заподозрѣнныхъ и даже свидѣтелей; были констатированы и случаи мздоимства и лихоимства“ (стр. 72). Судебная полиція-же будетъ стоять на высотѣ положенія, подчиняясь только прокуратурѣ и суду и получая приличное содержаніе, въ значительной части отъ земства и городовъ, которымъ и у проф. Даневскаго сильно везетъ по части отягощенія новыми обязанностями безъ соотвѣтствующаго расширенія правъ... Въ какую форму должна вылиться защита на предварительномъ слѣдствіи, мы уже видѣли.

Къ причинамъ второй категоріи проф. Даневскій относитъ ограниченную самостоятельность слѣдователей, неудовлетворительность ихъ персонала, медленность ихъ производства, обусловливаемую, какъ вѣрно замѣчаетъ авторъ, обремененіемъ слѣдователей массой такихъ обязанностей и дѣлъ, отъ которыхъ они съ успѣхомъ могли-бы быть освобождены.

Въ заключеніе проф. Даневскій излагаетъ обстоятельный проектъ реформы нашего предварительнаго слѣдствія, сопровождая его еще особыми «минимальными требованіями», своего рода компромиссомъ.

Общая тенденція изслѣдованія проф. Даневскаго сводится къ тому, чтобы реформой предварительнаго слѣдствія на указанныхъ началахъ усилить репрессію суда присяжныхъ (стр. 49), необходимую для государственной пользы (стр. 40).

Задачи уголовной политики. *Франца фонъ-Листа.* Въ изложеніи Бориса Гурвича. Спб. 1895.

Имя Франца Листа принадлежитъ къ числу самыхъ почетныхъ въ ряду европейскихъ криминалистовъ. Поборникъ гуманитарнаго направленія, онъ много поработалъ надъ проведеніемъ въ области уголовнаго права и уголовной политики дорогихъ ему принциповъ. Не соглашаясь съ крайними выводами антропологической школы, но и не сочувствуя теоріи самоцѣльности наказанія, Листъ убѣждаетъ построить уголовную политику на раціональныхъ началахъ, считаясь съ физическими, общественными и индивидуальными факторами преступности. Спеціальную сферу наказанія онъ ограничиваетъ борьбой съ индивидуальными факторами, предоставляя борьбу съ общественными условіями соціальной политикѣ и признавая безпомощность общества въ отношеніи борьбы съ космическими (физическими) факторами. Находя, что съ біологическимъ изслѣдованіемъ должно идти рука объ руку и соціологическое изслѣдованіе преступника, Листъ придаетъ громадное значеніе уголовной статистикѣ. Онъ же является горячимъ сторонникомъ такъ-называемаго условнаго осужденія, убѣжденный въ томъ, что «отсрочка исполненія наказанія есть первый уголовно-политическій вопросъ, который будетъ въ недалекомъ будущемъ научно разрѣшенъ» (стр. 88).

Таковы основныя начала уголовной политики Листа, которыя заставляютъ только привѣтствовать появленіе у насъ въ дешевомъ изданіи этого труда, столь противоположнаго трудамъ нѣкоторыхъ нашихъ отечественныхъ криминалистовъ, воспѣвающихъ ту русскую систему наказаній, ко-